

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Сочинения
Сергея Михайловича
Соловьева

1960

10P
10/10

Род. 5 Мая 1820 г. — † 4 Окт. 1879 г.

1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000

1900

Printed in London by R. Clarendon Press, 1877

У(с)
— 605

Соловьев, С.М.

СОЧИНЕНИЯ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

1. Начала русской земли.—2. Древняя Россія.—
3. Взглядъ на исторію установленія Государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго.—
4. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ.—5. Историческія письма.—6. Прогрессъ и религія.—7. Восточный вопросъ (3 статьи).—8. Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ.

100650

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ Каванская ул., д. № 33.

1882.

DK5
S6

НАЧАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

I.

Три условія имѣютъ особенное вліяніе на жизнь народа: природа страны, гдѣ онъ живетъ; природа племени, къ которому онъ принадлежитъ; ходъ внѣшнихъ событій, вліянія, идущія отъ народовъ, которыя его окружаютъ.

Россія есть обширѣйшее государство въ мірѣ, заучиваемъ мы съ малолѣтства; въ лѣтахъ зрѣлыхъ стараемся уразумѣть смыслъ этихъ словъ. Чрезвычайная величина органическаго тѣла заставляетъ предполагать особенныя условія для поддержанія его строя, равновѣсія частей, заставляетъ опасаться за существованіе этихъ условій въ достаточной степени, за прочность тѣла, заставляетъ опасаться возможности ранняго его распада. Если обширное государство произошло путемъ завоеванія разныхъ народовъ однимъ какимъ либо, то непрочность его очевидна; если произошло путемъ распространенія одного народа по обширной странѣ, народа постепенно крѣпнущаго въ своемъ государственномъ строѣ, то это явленіе предполагаетъ чрезвычайную медленность движенія, отсталость сравнительно съ другими государствами, занимающими меньшую область, ибо всѣ государственныя отправленія въ обширной области должны совершаться медленно, особенно когда государство представляетъ обширную страну съ относительно небольшимъ, разбросаннымъ по ней народонаселеніемъ; при такомъ отношеніи, въ несплоченные ряды народонаселенія удобно проникаютъ чуждые, неудобоваримые въ народномъ организмѣ элементы; кромѣ того, несплоченныя части народонаселенія должны приводиться въ связь и общее движеніе внѣшнею силою, отчего правительственная дѣятельность должна достигать крайняго напряженія, не встрѣчая помощи въ крѣпко сплоченной массѣ народонаселенія. Внутренній процессъ развитія совершается здѣсь чрезвычайно медленно, равновѣсіе между частями устанавливается очень не скоро, жизненныя силы народа, по разнымъ обстоятельствамъ приливаютъ то къ тому, то къ другому

концу, вслѣдствіе чего происходитъ перенесеніе правительственныхъ центровъ, столицъ изъ одного угла въ другой, что именно необходимо въ обширной странѣ: въ небольшой комнатѣ владѣлецъ ея, сидя съ серединѣ или въ одномъ углу, легко видитъ все, что дѣлается вокругъ него и все у него подъ руками, далеко ходить не нужно; въ помѣщеніи обширномъ съ середины, а тѣмъ менѣе изъ угла не видно, что происходитъ въ другихъ частяхъ зданія; имѣя надобность въ чемъ нибудь находящемся въ одномъ углу, должно совершать туда долгіе переходы и остановки. Хорошо защищена обширная государственная область природными границами, внутренній процессъ развитія совершается правильнѣе и спокойнѣе, причеиъ народъ, занятый этимъ внутреннимъ процессомъ, долго живетъ особою жизнью, можетъ навсегда остаться при ней, затвердѣвъ въ извѣстныхъ выработанныхъ имъ формахъ цивилизаціи, потерявши способность къ дальнѣйшему движенію. Дурно защищена государственная область природою, имѣетъ открытыя границы—народъ долженъ съ постояннымъ, напряженнымъ усиліемъ отстаивать главное свое благо, независимость; долженъ вести постоянную, тяжелую борьбу съ сосѣдями, которая мѣшаетъ внутреннему процессу развитія совершаться правильно, постепенно, вынуждаетъ народъ, для уравненія себя въ средствахъ борьбы съ другими народами, слѣзшить пріобрѣтеніями этихъ средствъ, быстрѣе должнаго вытягиваться въ ростѣ своемъ, что не можетъ не имѣть также вредныхъ послѣдствій для организма государственнаго.

Если Россія есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, то въ ея исторіи мы необходимо должны встрѣтиться съ извѣстнымъ рядомъ указанныхъ неудобствъ, — неудобствъ, являющихся въ высшей степени именно по отношенію къ чрезвычайной обширности страны. Но если народъ вынесетъ всѣ эти неудобства, преодолѣетъ препятствія, встрѣчавшіяся ему на долгомъ пути развитія, если успѣетъ образовать государство крѣпкое единствомъ своего народонаселенія, крѣпкое соотвѣтствіемъ числа этого народонаселенія пространству, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ частяхъ своихъ, наконецъ крѣпкое цивилизаціею, которая все болѣе и болѣе уничтожаетъ природныя препятствія и главное изъ нихъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, уничтожающихъ пространства,—если народъ успѣетъ образовать такое государство, то обширность его станетъ обратно условіемъ въ высшей степени благоприятнымъ, условіемъ внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія, ибо при равно благоприятныхъ условіяхъ, тѣло большее необходимо сильнѣе меньшаго.

Страна, которую мы называемъ Россіею, природою назначена быть обширнѣйшею областію единаго государства, представляя въ европейской части своей равнину. Долина, какъ бы мала ни была, условливаетъ особость народную и политическую, ибо горы раздѣляютъ народы; равнина, какъ бы обширна ни была, условливаетъ единое государство, равная однообразія и народонаселенія соотвѣтственно собственной равности и однообразію. Безводныя степи, подобно высокимъ

горамъ, разбиваютъ народы на отдѣльныя государства; но въ собственной Россіи такихъ степей нѣтъ; напротивъ обширности равнины соотвѣтствуютъ многочисленныя и большія рѣки, почти переплетающіяся своими притоками, составляющія водную сѣть, которая опутывала народонаселеніе и не давала частямъ его возможности обособляться; Сѣверная Азія, отрѣзанная отъ остальной Азіи пустынею, и отдѣляясь отъ Европейской Россіи горами невысокими, переходъ черезъ которыя незамѣтенъ, естественно примкнула къ послѣдней.

Природа условила обширнѣйшую государственную область и тѣмъ условила медленность развитія страны, образованіе въ ней особаго міра, которому слѣдовало долго жить внѣ общей жизни народовъ, именно вслѣдствіе медленности, трудности процесса внутренняго развитія. Теперь надобно обратить вниманіе на то, другія природныя условія во сколько были благоприятны или неблагоприятны, во сколько могли противодѣйствовать вліянію обширности страны, или усиливать это вліяніе.

Извѣстны благоприятныя условія, которыя сдѣлали изъ Европы страну свѣта, самую любимую исторіею. Эти условія состоятъ въ умѣренности климата, въ гармоническомъ сочетаніи формъ, въ разчлененіи ея и наибольшей длинѣ береговой линіи, что даетъ сильное вліяніе морю, общителю народовъ. Но, говоря объ этихъ условіяхъ, столь благоприятныхъ развитію народной жизни, надобно разумѣть Европу западную, ибо восточная этихъ условій лишена, представляя обширнѣйшую равнину съ малымъ относительно прикосновеніемъ къ морю, съ суровымъ континентальнымъ климатомъ. Лучшія по природнымъ условіямъ страны скорѣе приходятъ къ исторической дѣятельности, чѣмъ худшія, ибо первыя привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе, а вторыя населяются медленно, и этимъ вполнѣ объясняется, почему въ Европѣ сначала на историческую сцену являются полуострова Средиземнаго моря, потомъ приходятъ на нее среднія части, далѣе сѣверо-западные и послѣ всѣхъ восточная окраина, наша Россія.

Это явленіе, что Россія, хотя и позднѣе другихъ частей Европы, выступила однако на широкую историческую сцену, вошла въ общую жизнь европейскихъ народовъ, и главное, вошла въ нее съ могущественнымъ вліяніемъ,—это явленіе есть слѣдствіе характера господствующаго народонаселенія ея, славянскаго, принадлежащаго любимому исторіею арійскому племени. Въ сильной природѣ этого племени лежала возможность преодоленія всѣхъ препятствій, представляемыхъ природою-мачихою, возможность цивилизаціи страны и важное значеніе ея историческое.

Когда и по какимъ обстоятельствамъ Аріицы-Славяне явились на восточной европейской украинѣ, этотъ темный доисторическій вопросъ, ведущій къ однимъ шаткимъ догадкамъ, не имѣетъ для насъ важности. Для насъ важны условія, въ которыхъ изначала нашлось это племя здѣсь, и всѣ извѣстія о странѣ, идущія изъ глубокой древности, имѣютъ для насъ значеніе въ той мѣрѣ, въ какой они уясняютъ намъ эти условія.

Въ каждомъ отдѣльномъ, значительно обширномъ государствѣ отдѣльныя его части или области имѣютъ, по своему положенію, особое значеніе, особую исторію; особое значеніе имѣютъ области срединныя, особое области, расположенныя по границамъ, и эти послѣднія области разнятся въ своемъ значеніи смотря по тому, сопривасаются ли они съ моремъ, или съ пустынею, или ограждены высокими горами, или безъ всякихъ естественныхъ преградъ сообщаются съ народонаселеніемъ странъ чуждыхъ, причемъ свойство этого народонаселенія оказываетъ важное вліяніе. Точно также и въ цѣлой группѣ или системѣ государствъ, каковую представляютъ государства европейско-христіанскія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ вѣры, общаго происхожденія и результатами цивилизаціи, выработанной общею историческою жизнію, и въ этой группѣ отдѣльныя государства разнятся другъ отъ друга, смотря по положенію своему, морскія ли онѣ или континентальныя, и послѣднія разнятся смотря по тому, западныя ли онѣ или восточныя, пограничныя съ Азіею. Россія есть государство пограничное, есть европейская окраина или украина со стороны Азіи. Это украинское положеніе Россіи, разумѣется, должно имѣть рѣшительное вліяніе на ея исторію.

Въ самой глубокой древности, мы видимъ столкновенія между народами, стоящими на разныхъ ступеняхъ развитія и происходившія именно отъ этого различія. Таковы были издавна противоположность и враждебность двухъ формъ быта, кочевой и осѣдлой. Западная Европа и южные ея полуострова, бывшіе главною сценою древней исторіи, по свойствамъ своей природы не представляли никакихъ удобствъ для кочеваго быта, и потому мы не находимъ въ преданіяхъ этихъ странъ извѣстій о немъ и о столкновеніяхъ между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ. Азія и Африка, въ своихъ степяхъ и пустыняхъ, давали и до сихъ поръ даютъ возможность народамъ вести кочевой образъ жизни, до сихъ поръ Средняя Азія, области, на днѣхъ вошедшія въ составъ русскаго государства, представляютъ любопытную картину отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, наглядно возстановляющую отношенія, которыя нѣкогда существовали и въ другихъ мѣстахъ, именно въ Восточной Европѣ, на той обширной, прилежащей къ Азіи равнинѣ, на которой образовалась русская государственная область. Эта великая восточная равнина во все продолженіе такъ называемой Древней Исторіи носила названіе то Скиѣи, то Сарматіи. Для нашей цѣли вовсе не пужно входить въ безконечные споры о томъ, въ какому племени принадлежатъ Скиѣи и Сарматы; для насъ важно то, что они бесспорно были кочевники, слѣдовательно по условіямъ страны кочевой элементъ долго господствовалъ въ восточной Европѣ. Извѣстны разрушительныя нашествія этихъ кочевниковъ на осѣдлыя, образованные народы Европы и Азіи. Въ эпоху паденія Римской имперіи ихъ смѣнили кочевники съ другими именами, но съ тѣмъ же значеніемъ для осѣдлаго и образованнаго міра. Въ это печальное для послѣдняго время кочевники обнаружили притязаніе привести и

западную Европу въ такое же отношеніе къ себѣ, въ какомъ была восточная; но послѣднія средства древняго міра въ соединеніи со средствами новаго, Азій съ Германцами остановили Гунновъ съ ихъ Аттилою; на Шалонскихъ поляхъ можно поставить мѣтку, что до сихъ поръ доходило самое сильное наводненіе кочеваго элемента въ Европѣ. За Гуннами слѣдовало наводненіе аварское, за аварскимъ мадыарское, наконецъ, монгольское, но мѣтка этихъ наводненій отодвигается все далѣе и далѣе на востокъ, и вся тяжесть ихъ падаетъ на восточную европейскую равнину, на эту Украину европейскаго міра, и когда исторія начала освѣщать ее, то здѣсь представилась любопытная картина отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, ихъ постоянной борьбы.

Въ первыхъ извѣстіяхъ о восточной Россіи, записанныхъ у Геродота, мы уже встрѣчаемся съ отношеніями между кочевымъ и осѣдлымъ ея народонаселеніемъ. Геродотъ отличаетъ скивовъ кочевыхъ и скивовъ земледѣльцевъ и говоритъ, что первые господствовали надъ вторыми. Мы не станемъ рѣшать нерѣшимаго вопроса, принадлежали ли эти два вида геродотовыхъ скивовъ къ одному племени или разнымъ: для насъ важно отношеніе — кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми; для насъ важно то, что въ извѣстіяхъ лѣтописца о началѣ русской исторіи мы находимъ тоже отношеніе: кочевники или полукочевники Хозары, живя на востокѣ, у Дона и Волги, господствуютъ надъ осѣдлыми племенами славянскими, живущими на западѣ по Днѣпру и его притокамъ. Разница для насъ здѣсь въ томъ, что послѣ геродотовскаго извѣстія слѣдуетъ многолѣтній перерывъ, туманъ застилаетъ страну, и благодаря ему только смѣлая фантазія можетъ рисовать какіе-то образы и отношенія между ними, тогда какъ съ начальнаго извѣстія лѣтописца, извѣстія прямаго и яснаго, идетъ безъ перерыва цѣлый рядъ извѣстій, объясняющихъ дѣло. Въ странѣ посредствующей между Европою и Азіею, на украинѣ живутъ осѣдлыя племена славянъ, и по своему мѣсту жительства входятъ въ постоянныя столкновенія съ кочевыми жителями степей; эти отношенія должны положить рѣзкую печать на исторію народа, государства, которое образуется изъ этихъ осѣдлыхъ племенъ. Мы видимъ, что кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми, изъ чего заключаемъ, что кочевые сильнѣе осѣдлыхъ. Но мы очень хорошо знаемъ, что сила кочевниковъ всегда внѣшняя и скоропреходящая; столпившись въ большую массу они могутъ произвести опустошительный набѣгъ, но потрясти крѣпкое государственное тѣло не могутъ и скоро подчиняются его вліянію, его господству; потрясти, разрушить, овладѣть они могутъ государствами только дряхлыми, отжившими, или на оборотъ, могутъ подчинить себѣ народы, находящіеся въ младенческомъ состояніи, не успѣвшіе привести въ связь свои части, сложиться въ крѣпкій организмъ. Слѣдовательно, если кочевники господствовали въ концѣ первой половины IX вѣка надъ осѣдлымъ народонаселеніемъ восточной равнины, то мы прямо заключаемъ, что послѣднее было слабо, или отъ дряхлости, или отъ мла-

денчества. Лѣтописецъ указываетъ намъ вторую причину: осѣдлое народонаселеніе жило еще въ первичныхъ формахъ быта, жило разрозненно, не успѣвъ выработать порядка и государственной связи. Такимъ образомъ одно извѣстіе лѣтописца о господствѣ Хозарь надъ Славянами повѣряется, объясняется и дополняется другими о разрозненномъ бытѣ восточныхъ Славянъ.

Ясно и точно лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенія восточной равнины: „жилъ каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ“. Человѣкъ, существо общественное, не можетъ жить безъ общества, безъ связи съ другими людьми, и первымъ союзомъ является кровный или родовой. Семья крѣпка братствомъ младшихъ членовъ ея и естественнымъ, необходимымъ подчиненіемъ ихъ отцу. Отецъ умираетъ; дѣти не хотятъ признать не только совершеннаго исчезновенія его, не хотятъ признать и отчужденія, удаленія его отъ интересовъ потомства при новыхъ безгѣлесныхъ условіяхъ быта. Покойный является божествомъ, покровителемъ своего потомства, ему предлагаются покормы или жертвы, онъ продолжаетъ считаться хозяиномъ жилища: избавился человѣкъ отъ бѣды, получилъ удачу—все это съ нимъ случилось благодаря заступничеству, помощи покойнаго отца, предковъ вообще. Стремленіе возстановить связь съ покойнымъ отцомъ и вообще съ предками, дѣдами, возстановить возможность пользоваться ихъ совѣтами, указаніями въ важныхъ случаяхъ жизни вело къ обычаю, столь распространенному въ древности, къ обычаю вызыванія умершихъ, некромантіи. Но всѣ эти стремленія поддержать связь съ умершимъ главою семьи не могли достигать цѣли — видимаго, дѣйствительнаго поддержанія кровнаго союза, и общественный инстинктъ внушаетъ средство: старшій братъ получаетъ значеніе отца для младшихъ, союзъ удерживается, ибо старшій братъ, „въ отца мѣсто“¹⁾, какъ отецъ, все остается по старому. Родъ умножается, но союзъ держится, многочисленный родъ все представляетъ одну семью, въ которой старшій въ родѣ, старшій братъ, какой бы то ни было степени, дядя занимаетъ мѣсто отца, сохраняетъ сожитіе членовъ въ одномъ мѣстѣ, общія занятія, общее владѣніе.

Говорятъ, что родовой бытъ можетъ сохраняться только у народовъ кочевыхъ. Но это мнѣніе основано на одностороннемъ взглядѣ. Какъ вообще въ исторіи надобно наблюдать крайнюю осторожность относительно рѣшительныхъ утвержденій, такъ прежде всего относительно разныхъ разграниченій по времени. Въ исторіи, какъ въ естественныхъ наукахъ только самыя внимательныя и точныя, микроскопическія наблюденія всей обстановки явленія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ освободить отъ невѣрныхъ выво-

¹⁾ Думаемъ, что первоначально это выраженіе: «въ отца мѣсто» означало что старшій только намѣстникъ покойнаго, который по прежнему остается владыкою рода.

довъ относительно общихъ законовъ наблюдаемой жизни. Для того, чтобъ осѣдлость могла разлагающимъ образомъ дѣйствовать на родовой бытъ, необходимо, чтобъ были условия, вызывающія представление объ отдѣльной земельной собственности, ибо родовой бытъ необходимо связанъ съ общимъ землевладѣніемъ. Но когда можетъ возникнуть такое представление, обнаружиться стремление къ отдѣльной земельной собственности, къ отдѣльной хозяйственной дѣятельности? Этому необходимо должны предшествовать особыя явленія, содѣйствующія развитію личности, личныхъ способностей, раздѣленію занятій, однимъ словомъ развитію. Таково появленіе дружины, общества, основаннаго на иномъ началѣ, чѣмъ кровный или родовой союзъ, на началѣ соглашенія, появленіе городовъ, промысловъ, торговли, умноженіе движимаго имущества, денегъ, возвышеніе цѣнности земли, черезъ умноженіе денегъ увеличеніе числа рабовъ, посредствомъ которыхъ можно обрабатывать большіе участки земли, приобретаемой въ собственность. Но если народъ, при переходѣ отъ кочеваго быта къ осѣдлости, поселится въ обширной странѣ, на которой свободно разбрасывается, то родовой бытъ не только получаетъ всѣ условия для своей поддержки, но долженъ необходимо возникнуть и укрѣпиться, если бы даже прежде этотъ бытъ и разлагался при какихъ либо менѣе благоприятныхъ для себя условіяхъ. Большое разстояніе, въ какомъ отдѣльные семьи поселились другъ отъ друга, условливаетъ ихъ отдѣльность и самостоятельность, при чемъ каждая должна удовлетворять одна своимъ потребностямъ, изъ которыхъ главныя—пропитаніе и защита. Удовлетвореніе обѣимъ этимъ потребностямъ требуетъ, чтобъ по смерти отца братья поддерживали союзъ, не раздѣлялись, для чего и служить родою форма, единство рода, при управленіи старшаго, при общемъ землевладѣніи и при общей защитѣ и родовой мести. Чѣмъ многочисленнѣе родъ, тѣмъ потребность защиты легче удовлетворяется; всякій побойтся напасть на человѣка, за котораго будетъ много мстителей. Понятно, что чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ малочисленнѣе разбросанное по ней народонаселеніе, тѣмъ развитіе, разлагающее родовую форму быта, медленнѣе, тѣмъ родовой бытъ держится упорнѣе, тѣмъ онъ вѣковѣчнѣе, ибо дѣйствительно надо пройти многимъ и многимъ вѣкамъ, чтобъ условия, разлагающія родовой бытъ, появились и усилились. Появится дружина, появятся кое-гдѣ города въ смыслѣ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ центровъ, образуется государство, а родовой бытъ, при благоприятныхъ для себя условіяхъ, именно при обширности страны, при разбросанности малочисленнаго народонаселенія, при земледѣльческомъ характерѣ государства, остается долго и долго въ силѣ, историкъ долго приходится встрѣчаться съ нимъ, постоянно считаться съ родовыми явленіями, если не хочетъ упорно замуривать глаза, если хочетъ по гибельной въ наукѣ привычкѣ, не основываться на наблюденіяхъ сравнительной жизни народовъ, а все разсмѣрять и разлиневывать по заранѣ принятой теоріи, полагать для формъ народной жизни рѣзкія границы, какъ напри-

мѣръ: кочевой народъ живетъ въ родовыхъ формахъ быта; когда усаживается на одномъ мѣстѣ, живетъ въ общинныхъ формахъ, или: родовой бытъ долженъ быть отнесенъ въ доисторическимъ временамъ, на памяти исторіи является уже общинный бытъ, тогда какъ, чтобъ не далеко ходить, у насъ въ Россіи теперь, послѣ тысячелѣтняго государственнаго существованія, встрѣчаются еще явленія, напоминающія девятый и десятый вѣка. Правильными могутъ быть здѣсь выраженія: при переходѣ народа изъ кочеваго быта въ осѣдлый, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ начаться ослабленіе родоваго быта; при появленіи дружины, образованіи городовъ въ полномъ смыслѣ слова, при основаніи государства можетъ и должно начаться ослабленіе родоваго быта и замѣна его общиннымъ; но пойдетъ ли упомянутое ослабленіе скоро или медленно, это будетъ зависѣть отъ особыхъ обстоятельствъ народной жизни. Родовой бытъ есть бытъ сельскій; въ городахъ, принимаемыхъ въ нашемъ смыслѣ, онъ невозможенъ, ибо здѣсь постоянный приливъ и отливъ народонаселенія, постоянныя столкновенія чужихъ людей, вступающихъ другъ съ другомъ въ соглашенія, въ искусственныя связи, здѣсь постоянное выдѣленіе личности по способностямъ, которымъ дается просторъ. Большое количество городовъ на сравнительно маломъ пространствѣ даетъ странѣ, государству особый характеръ, который не остается безъ быстрого вліянія и на сельскій бытъ: этотъ бытъ необходимо приравнивается къ быту городскому, и такимъ образомъ въ странѣ гражданской, цивилизованной, съ сильнымъ развитіемъ промышленнымъ и торговымъ, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, при удобныхъ путяхъ сообщенія, при быстротѣ движенія, родовой бытъ исчезаетъ и развѣ только гдѣ-нибудь въ захолустьѣ отыщутся его остатки—общее землевладѣніе съ сохранившеюся памятью, что эти люди, владѣющіе сообща землею, происходятъ отъ одного родоначальника. Такъ въ западной Европѣ, городской Европѣ; но на востокъ ея въ странахъ славянскихъ, въ государствахъ до сихъ поръ земледѣльческихъ по преимуществу, тамъ мы до сихъ поръ встрѣчаемся съ родовымъ бытомъ, съ цѣлыми селами, состоящими изъ одного рода, встрѣчаемся съ необходимыми условіями родоваго быта, съ общимъ землевладѣніемъ. Родовой бытъ съ своимъ необходимымъ спутникомъ—общимъ землевладѣніемъ предполагаетъ необходимо экономическую и общую неразвитость, постоянное пребываніе на одной ступени, разобщеніе, отсутствіе столкновенія съ другими формами жизни, возбуждающаго движеніе, желаніе переменъ, предполагаетъ равенство, равенство бѣдности. Какъ скоро это равенство нарушается въ слѣдствіе появленія людей, выдающихся по своимъ способностямъ и средствамъ, болѣе чуткихъ къ явленіямъ, происходящимъ внѣ ихъ узкой сферы,—людей, болѣе потому доступныхъ желанію переменъ, такъ является выходъ изъ родоваго быта и общаго землевладѣнія; развивающаяся личность въ своей болѣе широкой и свободной дѣятельности не хочетъ стѣсняться ни тѣмъ, ни другимъ. Такимъ

образомъ въ результатѣ историческаго наблюденія надъ ходомъ европейской цивилизаціи выходитъ, что родовой бытъ и общее землевладѣніе не совмѣстимы съ развитіемъ, съ цивилизаціею. Но теперь, когда результаты экономическаго развитія ужаснули мыслящихъ людей чудовищемъ пролетаріата, вниманіе естественно обратилось къ явленію добраго стараго, престараго времени, обѣщающему противодіе настоящему злу; съ особеннымъ вниманіемъ и на западѣ обратились къ изученію родоваго быта и, главное, остатка его—общаго землевладѣнія. Къ какимъ практическимъ результатамъ придетъ экономическая наука въ слѣдствіе этого изученія, мы не знаемъ. Ученый, потрудившійся надъ собраніемъ извѣстій о родовомъ бытѣ, говоритъ: „По мѣрѣ того, какъ движется то, что мы привыкли называть цивилизаціей, чувства и связи семейныя ослабѣваютъ и меньше имѣютъ вліянія на дѣйствія людей. Этотъ фактъ такъ общъ, что можно въ немъ видѣть законъ общественнаго развитія. Теперь личность затеряна среди народа. Религія, эта могущественная связь душъ, потеряла большую часть своего братскаго дѣйствія, и семья сильно потрясенная, представляетъ только организацію наслѣдства. Человѣкъ, существо общественное, и какъ нарочно уничтожили или ослабили учрежденія, гдѣ общественность воплощалась и давала твердое основаніе государству“¹⁾. Но возможно ли возстановить эти учрежденія безъ возстановленія „могущественной связи душъ“? Мы думаемъ, что при сохраненіи этого зиждительнаго духовнаго начала всѣ формы были бы хороши, ибо „духъ есть иже живить, плоть ничтоже пользуетъ“. Какъ бы то ни было, для историка важно то, что потрясена вѣра въ безусловный прогрессъ, что поникло знамя, съ которымъ носились такъ долго и съ такимъ торжествомъ, знамя, на которомъ было написано, что золотой вѣкъ впереди, а не назади, ибо теперь провозглашаютъ, что золотой вѣкъ былъ именно назади, когда господствовалъ родовой бытъ съ его условіями. Вслѣдствіе потрясенія вѣры въ безусловный прогрессъ естественно должно произойти обращеніе къ болѣе серьезному и трезвому изученію законовъ развитія общественныхъ организмовъ. Что же касается нашей ближайшей цѣли, то поднятіе вопроса о родовомъ бытѣ западными учеными, внимательное изученіе его и его остатковъ повсюду, внимательное изученіе извѣстій о немъ въ историческихъ и юридическихъ памятникахъ, разумѣется не можетъ не подать помощи намъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ столь важномъ въ нашей исторіи явленіи, расширяя средства сравненія, а слѣдовательно и уясненія.

Мы не знаемъ славянъ въ кочевомъ быту, ибо предположенія, что извѣстные кочевники, обитавшіе въ восточной Европѣ, были славяне, остаются предположеніями только. Мы знаемъ славянъ осѣдлыми

1) Laveleye—De la propriété p. 195, 268, 269.—См. объ этомъ подробнѣе въ моихъ: „Наблюденія надъ историч. жизнью народовъ“ въ главѣ о разложеніи древняго міра, стр. 745 и слѣд.

и живущими въ формѣ родового союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь. Когда въ послѣднее время заданъ былъ во многихъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ вопросъ: всѣ ли *задругары* (живущіе въ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ *задруги*) свои по крови или нѣтъ? то отовсюду былъ полученъ одинъ отвѣтъ: всѣ задругары свои между собою по крови; принимаютъ чужаго въ томъ случаѣ, когда онъ женится въ задругѣ; всѣ родня и находятся въ тѣсномъ и любовномъ союзѣ; а когда это любовное отношеніе исчезаетъ, то дѣлается. Задругары свои между собою по крови, во второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ колѣнѣ. Употребительно усыновленіе. Случается, что сестра-вдова возвратится къ своимъ и живетъ съ дѣтьми въ задругѣ, дѣти и выросши, остаются въ той же задругѣ. Если случится, что часть членовъ задруги, отдѣлившись отъ своихъ родныхъ, применеть къ совершенно чужой задругѣ, то согласіе между ними не бываетъ продолжительно: начинаются ссоры и они раздѣляются. Наконецъ, если въ какой-нибудь *кучѣ* или задругѣ перемрутъ почти всѣ, то принимаютъ чужихъ людей; обыкновенно же всѣ задругары родня между собою кромѣ прислуги ¹⁾.

Когда внимательно всмотрѣлись въ общины Индіи, то нашли, что это союзы родственниковъ естественно и усыновленно нисходящихъ отъ извѣстнаго праотца и владѣющихъ землею обща; нашли, что индѣйское народонаселеніе есть совокупность естественныхъ родовыхъ группъ, а не смѣшанная толпа, какъ, напримѣръ, въ Англіи ²⁾, и такимъ образомъ проведена связь между извѣстіями о настоящемъ бытѣ сельскаго народонаселенія въ Индіи и между древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ этомъ бытѣ, свидѣтельствомъ Неарха, сохранившемся у Страбона, что индѣйцы живутъ отдѣльными родами, которые обща обрабатываютъ землю ³⁾. Но возвратимся къ Европѣ. Здѣсь мы не будемъ толковать о греческихъ и римскихъ родахъ (*γενος* и *gens*): это слишкомъ отдаленно; мы ограничимся указаніемъ на горныхъ шотландцевъ, у которыхъ кланъ считаетъ себя большимъ семействомъ, гдѣ всѣ члены соединены кровною связью. Въ Валлисѣ считаютъ 18 степеней родства; широкая родственность (*cousinerie*) бретонцевъ вошла въ пословицу; она простирается до безвѣчности въ Нижней Бретани; 15 августа, день, когда всѣ жители прихода собираются вмѣстѣ, называется братчиною, праздникомъ родни (*la fête des cousins*). Въ другихъ мѣстахъ Франціи путешественники конца XVIII вѣка указываютъ роды или большія семьи, живущія вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ хозяйствомъ относительно недвижимости подъ властью общаго родоначальника, и много свидѣтельствъ, что прежде такая форма сельскаго быта была повсемѣстна во Франціи ⁴⁾. Въ швейцарскомъ кан-

¹⁾ Bogišić—Zbornik sadasnjih pravnih običaja u južnih Slovena, 18.

²⁾ Maine—Lectures on the early history of institutions, 30, 78.

³⁾ Κατὰ δογγένειαν κοινῆ τῆς καρπῆς ἐργαζαμένους...

⁴⁾ Laveleye—De la propriété, p. 226 et qu.

тонъ Аппенцеллѣ существуетъ дѣленіе народонаселенія на группы, въ которыхъ изслѣдователи основательно видятъ родовое происхожденіе, сравнивая ихъ съ кельтическимъ кланомъ и съ римскою *gens*; но что всего любопытнѣе, эти группы сохранили названіе *родовъ* (*Rhoden*) ¹⁾.

И такъ родовой бытъ есть явленіе общее многимъ временамъ, странамъ и народамъ и, какъ явленіе первоначальное, естественное, простое, представляетъ всюду черты поразительнаго сходства. Это явленіе во все не доисторическое. Мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII вѣкѣ. И вотъ въ послѣднее время западные ученые, начавшіе свои работы совершенно самостоятельно, съ другаго конца, приходятъ къ намъ на помощь, повторяя тѣ же выводы. „Съ той минуты, говоритъ Мэнъ, какъ родовой союзъ окончательно утверждается въ опредѣленной странѣ, земля становится базисомъ общества на мѣсто кровной связи. Но измѣненіе происходитъ чрезвычайно медленно и идетъ чрезъ всю исторію народа“ ²⁾. Мы употребляемъ названіе родового быта, на основаніи извѣстій лѣтописца: „Жилъ каждый съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ“. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ о родоначальникѣ, представителѣ рода, какъ въ послѣдующихъ актахъ перечисляются люди „съ братьями и племянниками“, т. е. опять берутся только одни представители родовъ. Понятно, что когда родовой бытъ господствовалъ, то, какъ для явленія общаго, для него не выработались ни особое названіе, ни извѣстныя опредѣленія отношеній между его членами; явленіе получаетъ особое имя и опредѣленія, когда перестаетъ быть господствующимъ, сталкивается съ другими и должно отличиться отъ нихъ, опредѣлиться. Такъ древнѣйшее опредѣленіе, описаніе родового быта у славянъ мы встрѣчаемъ въ старой чешской пѣснѣ по поводу столкновенія этого быта съ другимъ новымъ, который являлся чужимъ. Такъ и теперь у южныхъ славянъ во многихъ мѣстностяхъ форма быта пѣлымъ родомъ, какъ форма общая, не имѣетъ особаго названія, а есть оно для явленія исключительнаго, для отдѣльнаго, одинокаго хозяйства (*inokostina*). Но въ другихъ мѣстностяхъ являются уже различныя названія для родовой формы быта, и здѣсь любопытно слѣдить за постепенною смѣною представленій; простѣйшее представленіе выражается словами: *большая куча* (жилище) для рода и *малая куча* для отдѣльной семьи; далѣе является уже болѣе точное опредѣленіе двухъ формъ быта: *нераздѣльная куча* для рода и *отдѣльная куча* для семьи; здѣсь опредѣляется, описывается внѣшнее отношеніе между ними и вмѣстѣ происхожденіе второй формы. Наконецъ въ родовой

¹⁾ Тамъ же, стр. 271. Разумѣется, мы поостережемся сказать, что населеніе Аппенцелла было славянское; оно можетъ происходить изъ той древней эпохи, когда кельты, славяне и германцы имѣли много одинакихъ словъ.

²⁾ Означенное соч. стр. 72 и 88.

формѣ обращается вниманіе на внутреннюю, существенную сторону дѣла, на союзъ, и это выражается въ названіяхъ: *братство, дружество, задрупа, скутчина, кучна, дружина*. Названіе братство для родовой формы быта, какъ видно, употреблялось и у насъ, что показываютъ слова: братство, братовщина, братчина для обозначенія общихъ складчинныхъ пировъ или столовъ, которые всегда и вездѣ были остатками и напоминаніями о прежнемъ дѣйствительномъ братствѣ, родовой связи населенія. Обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ, хотя бы семья была такъ велика, что члены ея должны были жить въ разныхъ избахъ ¹⁾. Изъ XIV и XV вѣка имѣемъ свидѣтельство, что братья, владѣвшіе нераздѣльно земельною собственностію, назывались *братениками* или *сябрами*. Последнее слово любопытно: въ немъ нельзя не узнать слова „Сербы“, которое Шафарикъ основательно видитъ въ греческомъ словѣ *Споры*, какъ Прокопій называетъ славянъ ²⁾.

На вопросъ, по скольку бываетъ въ родовомъ союзѣ членовъ изъ разныхъ югославянскихъ мѣстностей, былъ данъ отвѣтъ, что ихъ бываетъ отъ 10 до 60, среднемъ же числомъ можно положить отъ 25 до 30 душъ. Возможность такого большого количества членовъ при настоящихъ обстоятельствахъ, вообще неблагоприятныхъ для родоваго быта, заставляетъ насъ предполагать, что въ старину, при сильнѣйшихъ побужденіяхъ, при отсутствіи безопасности внѣ большихъ родовыхъ союзовъ, число членовъ этихъ союзовъ должно было быть гораздо больше; родовая связь должна была сохраняться между множествомъ семей. Связь эта сохранялась единымъ родоначальникомъ, который былъ для всѣхъ „въ отца мѣсто“. На вопросъ о назначеніи главы родового союза въ настоящее время у южныхъ славянъ были получены отвѣты, что такимъ главою обыкновенно бываетъ старшій человѣкъ, но можетъ быть и младшій, если имѣетъ больше способностей къ управленію; обыкновенно онъ бываетъ женатый, но если между женатыми нѣтъ способнаго, то можетъ быть холостой или вдовецъ. Холостой молодой рѣдко бываетъ старшиною: „Младшій долженъ слушаться, старшій приказывать; гдѣ старшаго не слушаютъ, тамъ Богъ не помогаетъ, у стараго голова, у молодого тѣлесная сила“. Изъ нѣкоторыхъ мѣстностей были даны отвѣты: члены задруги не избираютъ старѣйшины, но старшій изъ нихъ лѣтами становится кучнымъ старшиною. Изъ одной мѣстности доставлено было свѣдѣніе о томъ, какъ именно бываетъ при назначеніи новаго старшины по

¹⁾ Записки Геогр. Общ. по отд. этнографіи, VIII 35.

²⁾ Ср. литиское *zobrinis* — родственникъ, двоюродный братъ; ср. также пасербъ—пасынокъ. Около Матхуры (въ Индіи) общее владѣніе землею сохранялось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминемъ *bhougasari*, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ «братскій обычай» или «братчина». Совладѣтели, живущіе въ одной деревнѣ, обыкновенно производятъ себя отъ одного предка и принадлежать одной кастѣ. Землею надѣляется каждый членъ общины. Ежегодно передѣляютъ они съ извѣсною своею землею. (Манаева путешеств. по Индіи, Ж. М. Н. Пр. декабрь 1876 г.).

смерти старшаго. Въ присутствіи всей „кучной челяди“ самый старшій въ родѣ начинаетъ говорить: „Братья и дѣти! остались мы безъ главы; давайте по братски договоримся, кого назначить на его мѣсто“. Слѣдующій за нимъ по старшинству, отвѣчаетъ ему: „Не надобно никакого договора, нечего новый законъ на старой землѣ навязывать, старшинство твое, владѣй и управляй!“ Имѣемъ право предположить, что такъ водилось съ незапамятныхъ поръ въ родовыхъ союзахъ; старшинство физическое давало неоспоримое право владѣть и управлять родомъ, исключеніе дѣлалось въ случаѣ крайности, когда старшій являлся очевидно неспособнымъ; тогда должны были производиться выборы, выбирали младшаго, но способнаго; но къ подобнымъ выборамъ должны были, разумѣется, приступать неохотно, ибо нарушали священный обычай, старой землѣ навязывали новый законъ; потомъ придти къ соглашенію было не всегда легко и это вело къ смутамъ какъ мы хорошо знаемъ изъ исторіи родовыхъ отношеній русскихъ князей. Такъ было не у однихъ славянъ. Мнѣ приводить свидѣтельство Спенсера, что у всѣхъ ирландцевъ, по смерти вождя, всѣ собираются въ назначенное мѣсто для выбора новаго, и большею частію выбираютъ не старшаго сына и ни кого либо изъ сыновей умершаго вождя, но старшаго въ родѣ и достойнѣйшаго, обыкновенно роднаго или двоюроднаго брата умершаго. Въ недалекомъ родѣ старшинство переходитъ къ старшему сыну умершаго главы рода; но его назначеніе зависитъ отъ выборовъ братства, онъ можетъ быть отстраненъ, и въ такомъ случаѣ выборъ обыкновенно падаетъ на брата умершаго старшины предпочтительно предъ племянникомъ ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ борьбу двухъ представленій о правѣ племянниковъ отъ старшаго брата и правѣ дядей, и родъ даетъ преимущество послѣднему представленію, именно какъ болѣе способному охранять единство рода, ибо первое представленіе необходимо приводитъ къ выдѣлу изъ рода привилегированной семьи, которой родъ долженъ постоянно подчиняться.

Борьба этихъ представленій, подробное описаніе которой мы имѣемъ въ нашихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома, борьба этихъ представленій происходитъ мирно, когда родовые союзы существуютъ въ государствѣ, обязанномъ блюсти за мирнымъ разрѣшеніемъ всякихъ столкновеній; но, разумѣется, эти столкновенія не могли всегда и даже часто разрѣшаться мирно въ тѣ отдаленныя времена, когда роды жили отдѣльно, самостоятельно. Та же исторія родовыхъ отношеній между нашими князьями Рюриковичами показываетъ намъ что происходитъ, когда главы рода въ своихъ спорахъ не имѣютъ надъ собою никакой сдерживающей власти и расправляются сами собою. Такое же явленіе, т. е. усобицу мы должны предположить и между отдѣльно живущими родами. Самый

¹⁾ Early history of institutions, p. 200, 201.

100650

легкій исходъ усобицы—это удаленіе недовольнаго меньшинства на другія жилища, выдѣлъ изъ рода. Такой выдѣлъ въ государствѣ не можетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій; но при несуществованіи государства, при независимости родовъ онъ можетъ вести къ продолженію усобицы и къ ея ожесточенію. Этимъ объясняется извѣстіе лѣтописца о войнѣ между родами, хотя эти войны, разумѣется, могли вестись между родами, имѣющими самую отдаленную связь общаго происхожденія, по сосѣдскимъ столкновеніямъ.

Эти войны, не говоря уже о нашествіяхъ хищныхъ ордъ и опасности отъ дикихъ звѣрей, должны были заставить родовые союзы ограждать, укрѣплять свои жилища, жить въ *юродахъ*. Отсюда у насъ до сихъ поръ сохранилось такое значительное количество остатковъ старинныхъ укрѣпленій или такъ называемыхъ *юродищъ*. Жили ли всѣ члены рода въ такомъ городѣ, или нѣкоторыя семьи выселялись поодаль, сохраняя между собою родовую связь, городъ,—или огороженное, укрѣпленное жилище рода, не могъ имѣть никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе, на появленіе дружины, какъ постояннаго отряда, назначеннаго для охраненія города и живущаго всегда въ городѣ около главы или вождя рода. Городъ рубили для безопасности рода и всѣ родичи, въ случаѣ опасности, должны были защищать свое жилище, свой городъ. Если мы и предположимъ, что нѣкоторыя семьи, для хозяйственныхъ или для какихъ бы то ни было удобствъ, жили и внѣ города, то, при вѣсти объ опасности, онѣ сбѣгались въ городъ и всѣ принимали участіе въ его защитѣ; такъ было и въ государственное время, въ XVII вѣкѣ, когда при вѣсти о приближеніи непріятеля, народонаселеніе уѣзда сбѣгалось въ городъ. Предположеніе образованія дружины изъ постоянныхъ гарнизоновъ или заставъ въ городахъ, слишкомъ отзывается новымъ временемъ, не соответствуетъ первоначальной простотѣ отношеній, поднимаетъ дѣло на ходули. При изслѣдованіяхъ подобнаго рода необходима чрезвычайная осторожность и точность. Если мы смотримъ на первоначальный городъ, какъ на огороженное, укрѣпленное жилище отдѣльнаго рода, то должны отрѣшиться отъ представленія позднѣйшаго города, какъ жилища дружины; ремесленныхъ и торговыхъ людей и проч. Незначительная обширность нашихъ городищъ должна помогать ученой осторожности, сдерживать фантазію изслѣдователя. Измѣненія въ бытѣ могли происходить отъ другихъ причинъ, которыхъ отвергать нельзя: при войнахъ между родами если одинъ родъ осиливалъ другой и тотъ почему-либо не могъ уйти далеко для избавленія себя отъ насилій торжествующаго рода и подчинялся ему, то это подчиненіе естественно вело къ осложненію отношеній; между воинственными Шотландцами цѣлыя кланы были поработены другими. Въ началѣ ирландской исторіи мы видимъ различіе между свободными и подчиненными родами.

Съ другой стороны изслѣдователь не можетъ пропустить явленія, встрѣчающагося чрезвычайно рано въ человѣческихъ обществахъ, это

именно закладничества или захребетничества. Одинъ человекъ или даже съ семейю, по причинамъ физическимъ, или по другимъ какимъ-нибудь, волею или неволею лишился рода, оставилъ его, лишился его покровительства, сталъ беззащитнымъ, сталъ *сиротою*, положеніе страшное въ первоначальныя времена человѣческихъ обществъ; у него нѣтъ средствъ къ поддержанію своей жизни трудомъ одиночнымъ, всякій можетъ его обидѣть, убить безнаказанно, ибо некому за него отомстить. Онъ долженъ примкнуть къ чужому роду, отъ него получить средство къ жизни и безопасности; но какъ чужой, онъ не можетъ быть принятъ на правахъ родича, онъ долженъ стать въ зависимое положеніе; степень зависимости опредѣляется разными обстоятельствами и условіями: онъ можетъ быть принятъ какъ простой работникъ, холопъ, рабъ или какъ сосѣдъ, подсосѣдникъ, съ большею или меньшею степенью зависимости. Участіе главы рода въ приѣмѣ этихъ чужихъ людей и его отношенія къ нимъ имѣютъ важное значеніе. Для всѣхъ остальныхъ родичей онъ старшій, въ отца мѣсто, а для чужихъ онъ начальникъ, не отецъ-господинъ, а хозяинъ, господарь, государь. Родоначальники въ Ирландіи располагали незанятою землею: здѣсь они имѣли своихъ закладчиковъ или захребетниковъ (*fuidhirs*), изгнанниковъ изъ другихъ племенъ, прибѣгшихъ подъ ихъ покровительство и связанныхъ съ новымъ родомъ только зависимою отъ вождя. Ирландскій владыка рода окруженъ зависящими отъ него людьми. Такъ какъ въ прежнія времена важность заключалась не въ землѣ, которой много, а въ средствахъ къ ея обработкѣ, то *сирота* обращался къ главѣ рода съ просьбою дать ему извѣстное количество скота; принимая скотъ, свободный ирландецъ становился захребетникомъ, вассаломъ съ извѣстными обязанностями ¹⁾.

Вотъ явленія, которыя по ихъ естественности и необходимости, мы не можемъ отрицать нигдѣ при господствѣ родового быта, объясняя, какъ могли составиться большіе роды и племена подъ властію одной фамиліи, утвердившей эту власть мало по малу посредствомъ людей подчиненныхъ или зависимыхъ. Съ теченіемъ времени такимъ способомъ образуются цѣлыя народы. Но нашъ древнѣйшій источникъ указываетъ не такое происхожденіе русскаго народа. Въ слѣдующей главѣ рассмотримъ его извѣстія.

¹⁾ Maine, 93, 133, 145, 151, 157, 158.

II.

Въ предыдущей главѣ, на основаніи сравнительнаго изученія первоначальнаго быта племенъ, мы старались уяснить краткія извѣстія нашего лѣтописца о бытѣ восточныхъ славянъ до основанія русскаго государства. Теперь, когда мы приступаемъ къ извѣстіямъ лѣтописца объ этомъ основаніи, могутъ насъ спросить: заручились ли мы убѣжденіемъ въ вѣрности его извѣстій; первыя извѣстія лѣтописца о призваніи варяго-русскихъ князей изъ-за моря въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ называются „баснею“. Слѣдовательно необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ объ этой баснѣ.

Разумѣется здѣсь представляется первый вопросъ: откуда эта басня взялась? Конечно, люди, считающіе рассказъ лѣтописца о началѣ русской земли баснею, глубоко сожальютъ о самихъ себѣ: исторію какого бѣднаго, жалкаго народа должны они заниматься, народа, который потерялъ совершенно память о своемъ происхожденіи и допустилъ толпу составителей, переписчиковъ хроникъ навязать себѣ басню о своемъ происхожденіи! Былъ сильный народъ, который образовалъ большое государство; но въ одно прекрасное утро у народа, у его грамотныхъ людей, у его вельможъ и князей какимъ-то чудомъ отшибло память, вдругъ позабыли о предкахъ князей, о тѣхъ знаменитыхъ вождяхъ народныхъ, которые первые положили основаніе единству и силѣ народа, позабыли ихъ имена, преемство, дѣла, позабыли все, и вотъ, вслѣдствіе такого забвенія, какой-то грамотѣй сочинилъ басню, что кіевскіе князья происходятъ отъ новгородскаго владѣльца, не славянина родомъ, а вызваннаго изъ-за моря, изъ чужаго народа. Любопытно было бы изслѣдовать, когда, въ какомъ мѣстѣ происходилъ тотъ знаменитый съездъ лѣтописцевъ и переписчиковъ, на которомъ было постановлено начинать каждый списокъ лѣтописи этою баснею. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдаленной древности, когда событія и лица представляются въ миѳическомъ туманѣ: басня представляетъ времена относительно недавнія, представляетъ простыхъ смертныхъ, о которыхъ коротко, сухо рассказываетъ самыя простыя дѣла: строить городки, плынуть внизъ по большой рѣкѣ, облагаютъ данью разбросанныя племена и т. п. Лѣтописецъ рассказываетъ, что знавалъ старика, который помнилъ крещеніе Руси; старикъ былъ молодъ при Владимірѣ Св., а Владиміръ былъ правнукъ перваго князя басни, Рюрика, призваннаго изъ-за границы. Правнукъ и его современники должны были знать о прадѣдѣ, откуда онъ пришелъ, гдѣ княжилъ; зналъ объ этомъ старикъ, зналъ отъ старика лѣтописецъ, который вначалѣ своего рассказа помѣстилъ извѣстіе о призваніи Рюрика изъ-за моря въ Новгородъ. Нѣтъ, говорятъ, это басня: предки русскихъ князей никогда не были призваны съ сѣвера, изъ за моря, они жили на югѣ, въ Кіевѣ, были князьями славянскаго племени роксоланъ. Какъ же ихъ звали, какъ

они усилились, гдѣ объ этомъ говорится, въ какой лѣтописи, въ какомъ памятникѣ? Нигдѣ объ этомъ ни слова; впрочемъ все это было въ первоначальныхъ спискахъ лѣтописи, но потомъ уничтожено, и вставлена басня о призваніи варяго-русовъ. Чародѣйство! Но послушаемъ, откуда взялась басня.

„Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе и при томъ льстящее народному самолюбію. Напримѣръ, франки выводили себя отъ энеевыхъ троянъ, бургунды отъ римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ приемомъ было выводить *народы* изъ Скандинавіи. Такъ Юрнандъ производилъ готовъ изъ Скандинавіи и называлъ эту страну *vagina gentium*. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же лонгобардовъ. Видукинъ сообщаетъ мнѣніе, которое оттуда же выводитъ и саксовъ. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полумифическаго острова Скандіи прибрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства. Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи, по всей вѣроятности, отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда варяжской Руси“. Но выходъ извѣстныхъ народовъ изъ Скандинавіи основывается на народномъ преданіи, и во сколько вѣрно или не вѣрно это преданіе—это еще вопросъ, а главное, ни откуда не видно, чтобъ этотъ выходъ изъ Скандинавіи считался почетнымъ; самъ авторъ, рѣшившійся выступить съ такимъ объясненіемъ, не былъ смѣлъ до конца, сталъ выражаться очень неопредѣленно, слѣдовательно ни для кого не убѣдительно: „какою-то благородства, по всей вѣроятности“. Вѣроятность превращается въ полную невѣроятность, когда обратимъ вниманіе, что изъ Скандинавіи производятъ себя только германскіе народы; а съ какой стати славянскому народу считать почетнымъ происхожденіе изъ Скандинавіи? Если бы нашъ авторъ доказалъ, что въ IX вѣкѣ Скандинавія пользовалась такимъ почетомъ у славянъ, то мы бы попросили его признать вѣрнымъ извѣстіе о призваніи, ибо представленію всего естественнѣе было перейти въ фактъ. Но доказательствъ этому для IX вѣка нѣтъ; въ XI Скандинавія, по своему состоянію, не могла имѣть никакого почта на Руси, а позднѣе сочиненіе басни невозможно именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе начавшейся сильной борьбы съ Швеціею: не современникъ ли Александра Невскаго проникался такимъ уваженіемъ къ Скандинавіи? Другое дѣло производить себя отъ римлянъ, владыкъ вселенной, или отъ троянъ, въ которыхъ, благодаря Виргилію, видѣли предковъ тѣхъ же римлянъ; и у насъ производили московскихъ царей отъ Августа Кесаря.

Разсуждаютъ: „Свой настоящій видъ она (басня) получила не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, т. е. не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзою, т. е. съ германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси,

и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была раззорена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ половцевъ русскіе постепенно были отгѣсняемы отъ побережьевъ Чернаго моря и торговли сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстіе арабовъ. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Шекѣ и Хоривѣ есть ничто иное, какъ та же попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло русское государство? Эта попытка конечно южно-русскаго кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ болгарами дунайскими. Это преданіе отгѣснили на задній планъ и не дали ему ходу писатели, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей“.

Относительно этого разсужденія замѣтимъ сначала, что живыя сношенія Новгорода съ Ганзою дѣло извѣстное; но какимъ образомъ ганзейская торговля могла повести къ тому, что въ списки русской лѣтописи внесено сказаніе о призваніи первыхъ князей изъ Варяговъ, для объясненія этого подождемъ новаго обширнаго разсужденія, а до тѣхъ поръ подобнымъ выводамъ нельзя дать мѣста въ серьезныхъ ученыхъ сочиненіяхъ; пусть намъ укажутъ, какъ нѣмецкій купецъ отыскалъ преданіе о Рюрикѣ или сочинилъ его и силою своего нѣмецкаго авторитета, а можетъ быть обѣщаніемъ выгодной торговой сдѣлки, заставилъ новгородскихъ купцовъ принять это преданіе, а купцы заставили писателей внести его въ списки лѣтописей, зачеркнувши находившіяся тамъ прежде извѣстія. Но любопытнѣе всего выраженіе, что „съ XIII вѣка на германское и скандинавское побережье преимущественно устремлено было вниманіе *Сѣверной Руси*“. Гдѣ на это доказательства? Какъ будто неизвѣстно, на что съ XIII вѣка обращено было вниманіе сѣверной Руси? Какъ будто неизвѣстно, какъ сѣверные лѣтописцы не благоволятъ къ новгородцамъ, а этихъ лѣтописцевъ заставляютъ рабски заимствовать изъ новгородскихъ лѣтописей извѣстіе о призваніи князя изъ-за моря! Далѣе говорится, что вслѣдствіе нашествій кочевыхъ народовъ нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась и это содѣйствовало замѣненію въ лѣтописяхъ южно-русскихъ преданій новгородскою баснею позднѣйшей ганзейской работы. Но это можно было бы допустить только тогда, когда бы мы имѣли дѣло съ сочинителями исторій, а не съ писателями, которые считали религіознымъ подвигомъ переписать лѣтопись со всевозможною точностью, вставляли, какъ умѣли, лишнія извѣстія изъ другихъ списковъ, хотя и противорѣчивыя, но не вычеркивали однихъ, и не замѣняли ихъ другими. И какъ будто какой нибудь Лаврентій Мнихъ могъ имѣть яснѣйшее представленіе о Балтійскомъ, чѣмъ о Черномъ

винговъ, котораго можно было произвести и изъ Трои; нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ франкскому Кловису, котораго непосредственно изъ Трои произвести было нельзя.

Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій, филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы (какъ наприм., кто-то въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ выдумалъ басню о призваніи Рюрика изъ-за моря, и басня эта чудеснымъ образомъ очутилась въ началѣ нашихъ лѣтописей), тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей, не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда, что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла русская земля, не сохранилось объ этомъ ни одного преданія, и на чистой доскѣ (*tabula rasa*) можно было въ послѣдствіи помѣстить какую угодно басню или, что еще страннѣе, уничтожить древнее освященное преданіе и вмѣсто него вставить новый вымыселъ, не могшій ни почему быть доступнѣе для разумнія или чувства народнаго. Кто не согласится на это, тотъ спокойно будетъ относиться къ натяжкамъ въ объясненіяхъ названій днѣпровскихъ пороговъ или именъ первыхъ князей. И потому, сколько бы ни писали многотомныхъ изслѣдованій, но если относительно главнаго вопроса, лѣтописнаго, будутъ ограничиваться предположеніями, основанными на словахъ: „вѣроятно, можетъ быть“ и т. п., то всѣ эти толки не поведутъ ни къ чему, вопросъ не получитъ серьезнаго научнаго значенія.

Люди, отвергающіе лѣтописное извѣстіе о началѣ русской земли, признаются, что въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно не одной легендѣ (?) такъ не почастливилось, какъ этому свидѣтельству: въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Но, признавши такое явленіе, надобно было бы прежде всего заняться его объясненіемъ: значить въ этомъ свидѣтельствѣ существуютъ внутреннія условія силы, обязательности. Проверка извѣстій и разныхъ взглядовъ бываетъ очень затруднительна, когда исторія какаго-нибудь народа не изучена всецѣло, не является въ сознаніи какъ нѣчто связанное, органическое; но когда историческая наука уже достаточно оскрѣпла, ходъ народной жизни представляется въ связи, преемственность ступеней развитія ясна, то проверка извѣстій и взглядовъ становится легкою. Такъ лѣтописныя извѣстія о IX вѣкѣ повѣряются извѣстіями объ XI и XII вѣкахъ, извѣстіями, которыхъ никто не отвергаетъ. Каждого, внимательно изучающаго русскую лѣтопись, поражаетъ тѣсная, необходимая связь явленій, въ ней встрѣчаемыхъ, *историчность*, послѣдовательность, вѣрность общимъ законамъ развитія при извѣстныхъ условіяхъ; явленія XI и XII вѣка понятны намъ только тогда, когда мы знаемъ первыя строки лѣтописи, идемъ съ лѣтописцемъ шагъ за шагомъ. Если мы внесемъ свой произвольный взглядъ, то сейчасъ же спутаемъ ходъ событій и въ результатѣ

получить ошибку. Предположите, например, что русский народ и государство получили начало гораздо прежде того времени, на которое указывает летописец и при других условиях изнутри славянских племен, и ошибка на лицо, ибо явления, указанные летописцем, мы должны предположить совершившимися дважды, да еще поднять дело на ходули, иначе что же бы стало делать сильный русский народ, уже давно образовавшийся? События последующих веков немедленно уличают нас в ошибке, ибо наша фактическая постройка никак не придется к ним, тогда как летописный рассказ приходится по ним совершенно.

Этот-то драгоценный характер нашего летописца, эта историчность его известий при всей первобытной простоте и сухости, и принудили нас сделать приведенные замечания на счет мнения, по которому надобно оторвать начало летописи, как совершенно баснословное, и замкнуть догадкой Стрыйковского о робосланах. На западе стали громить древнюю римскую историю, разгромили, не оставили камня на камне, и, усталые от такого научного вандализма, с отчаянием зачеркнули древнюю историю Рима и начинают — с середины, тогда как в этих зачеркнутых известиях гораздо больше жизни и правды, чем в книгах, написанных для их опровержения. У нас относительно русской истории захотелось подражать этому подвигу хотя в малом виде: зачеркнули Рюрика с Олегом, и начинают русскую историю с Игоря, хотя Игорь есть сын Рюрика, и последний есть простой смертный, не ведет своего происхождения от Марса, не сын весталки, известен очень скромною деятельностью, постройкою городков, деятельностью знаменательною в глазах историка, но не имевшею ни малейшей миеической окраски. Кажется эта попытка рабского подражания известным критическим приемам не сколько запоздала: крайности этих приемов достигли последней степени, и должно ожидать поворота на новый путь, если исторической науке суждено еще преуспевать.

Понятно, что для нашей цели, для охранения исторической цельности и последовательности хода событий, было бы не нужно останавливаться на мнении, которое принимает начальныя известия летописца, известия о призвании и первой деятельности князей, только утверждает, что эти князья были призваны от славян, и именно от славян поморских или рюгенских. Мы бы не остановились на известной натяжке того места, где летописец, говоря о варягах, причисляет к ним только одни неславянскія племена, хотя очень хорошо знает послѣднія, их жилища; мы бы не остановились на натяжках для объяснения некоторых явно не славянских имен: без малаго тридцать лет тому назад мы высказали свое мнение о значении народности первых князей и их первой дружины, высказали мнение, что эта народность не имеет сколько-нибудь важнаго значения. Но мы не можем не остановиться, когда приверженцы мнения, выводящаго первых князей из Рюгена, позволяют

себѣ увлекаться своимъ Рюеномъ точно также, какъ такъ называемые норманисты увлекались своими скандинавами, всюду видѣли ихъ однихъ. Вотъ любопытный приемъ: на балтійскомъ поморьѣ найдено нѣсколько названій, напоминающихъ *Русь*, *Рось*, и вотъ, начиная отъ устья Вислы идутъ по странамъ, населеннымъ Литвою и восточными славянами, отыскиваютъ и, разумѣется, находятъ въ большомъ количествѣ подобныя названія, равно какъ названія, напоминающія слова: *витъ* и *радъ*, и заключаютъ, что это слѣды руссовъ-рюгенцевъ. Бѣдные восточные славяне! бѣдная Литва! это были нѣмцы буквально, нѣмцы, у нихъ не было языка! Они не смѣли употреблять слова, означавшія свѣтъ, блескъ, яркій цвѣтъ, казистость, видность и потому чрезвычайно плодovitыя въ своихъ производныхъ; привилегія употребленія этихъ словъ принадлежала только рюгенцамъ! Люди, рѣшившіеся употребить такой приемъ, сами испугались и спѣшатъ оговориться: „Мы впередъ согласимся, говорятъ они, что инныя изъ этихъ именъ принадлежать общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ“. Но въ такомъ случаѣ какъ же они отдѣляютъ *инныя* изъ этихъ названій, принадлежащихъ восточнымъ славянамъ, отъ названій, принесенныхъ рюгенцами? чѣмъ докажутъ, что всѣ эти названія, какъ общія славянамъ и родственнымъ съ ними племенамъ, не явились *естественно и необходимо* вслѣдствіе занятія извѣстныхъ мѣстностей славянами, Литвою, не нуждаясь вовсе для своего объясненія въ предположеніи прихода какихъ-то рюгенцевъ? и если бы кто-нибудь отправился обратно съ востока на западъ, то развѣ не имѣлъ бы точно такого же права утверждать, что извѣстныя названія принесены на балтійское поморье какимъ-нибудь восточнымъ славянскимъ племенемъ, хотя бы съ береговъ рѣки Роси? Эти защитники славянскаго происхожденія варяжскихъ князей и дружинъ ихъ не хотятъ принять естественнаго для дружинъ быстро ихъ ославленія, приравненія къ той средѣ, въ которой утвердились, и заключаютъ, что дружина, утвердившаяся въ финскихъ областяхъ, должна была офинниться. Отвѣчаемъ: можетъ быть тѣ дружины, которыя Рюрикъ послалъ въ Ростовъ и на Бѣлоозеро, и офиннились, но какое намъ до нихъ дѣло? вѣдь о нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Извѣстно одно, что уже при Владимірѣ Святомъ, послѣ принятія крещенія, отправился въ Финскій Ростовъ князь Борисъ съ дружиною, совершенно славянскою или ославянненною; въ это время славянскій языкъ, сдѣлавшійся церковнымъ, богослужебнымъ, уже одинъ давалъ славянскому элементу такое значеніе, при которомъ неславяне могли принимать финскую народность, а финны славянскую, не говоря уже о неразрывной связи князей и дружинъ ихъ съ Кіевомъ, что уничтожало для нихъ всякую возможность потерять славянскую народность.

Среди подобныхъ приемовъ и бездоказательныхъ возгласовъ о баснѣ, извѣстія лѣтописца о началѣ русской земли стоятъ непоколебимо въ *силу своей* внутренней исторической правды. Въ половинѣ IX вѣка

онъ приводитъ насъ на европейскую Украину ¹⁾, въ тѣ мѣстности, гдѣ проходила граница между двумя формами, имѣющими такое важное значеніе въ нашей исторіи, между полемъ (степью) и лѣсомъ. Степь—море сухое, но обитатели этого моря представляютъ жидкій, подвижной, безформенный элементъ народонаселенія; вѣчное движеніе осуждаетъ ихъ на вѣчный застой относительно развитія общественныхъ формъ, относительно цивилизаціи; они не чувствуютъ подъ собою твердой почвы, они не любятъ непосредственно соприкасаться съ нею, проводя время на спинѣ верблюда или лошади; остановка ихъ на одномъ мѣстѣ коротка; они не обращаютъ вниманія на землю, не работаютъ надъ нею, ихъ животное ищетъ для себя корма и даетъ отъ себя кормъ хозяину; ихъ дѣло догнать живую добычу на бѣгу, поймать, убить, ихъ дѣло напасть на другихъ кочевниковъ или на осѣдлаго человѣка, ограбить, взять его въ плѣнъ; они охотники нападать, но не умѣютъ защищаться, при первомъ сопротивленіи мчатся назадъ: да и что имъ защищать? Но убѣжавши въ степь, гдѣ никто не догонитъ, кочевникъ скоро возвращается назадъ и печальными разбойничьими нападеніями не оставитъ въ покоѣ осѣдлаго человѣка, живущаго на окраинѣ степи. И города не всегда спасутъ послѣдняго: толпы кочевниковъ окружаютъ городъ и голодомъ заставляютъ его сдаться. Но вѣрное спасеніе осѣдлому человѣку отъ кочевника — это лѣсъ дремучій съ его влагою, его болотами. Крѣпкій и выдержливый вообще кочевникъ какъ ребенокъ боится влаги, сырости и страдаетъ отъ нихъ; поэтому онъ не пойдетъ далеко въ лѣсную сторону, скоро воротится назадъ.

Въ степи видѣются круглыя вежи кочевниковъ, какъ громадныя постройки животныхъ, громадныя муравьиныя кучи; быстро воздвигаются онѣ, быстро исчезаютъ, складываются, ибо въ нихъ почти нѣтъ ничего твердаго. Этой круглой вежѣ кочевника осѣдлый славянинъ противопоставилъ свой крѣпкій, долго стоящій домъ, который построилъ изъ твердаго матеріала въ лѣсу или въ его близости, и любопытныя названія остались въ его языкѣ для обозначенія этого главнаго отличія его жизни въ противоположность съ жизнію кочевника. Прежде всего надобно было для построенія дома выжечь въ лѣсу мѣсто—это *омище*, названіе перенесенное и на самый домъ; до сихъ поръ такъ называются еще пятна, остающіяся отъ выжиги лѣса или травы въ полѣ; это названіе для дома можетъ указывать на различіе жилища, утвержденного непосредственно на землѣ, освобожденной отъ лѣса силою огня, отъ первоначальнаго жилища, устроеннаго на деревьяхъ. Послѣ выжиги мѣста слѣдовало приготовленіе и прилаживаніе лѣснаго матеріала, рубка, рѣзаніе, кроеніе дерева. Отсюда выраженіе: *рубить* для построекъ; не только дома, срубы, города *рубими*, какъ выразится лѣтописецъ. Но и тутъ отъ дѣйствія происходитъ названіе

¹⁾ Любопытно, что славяне у писателей носятъ названіе Автовъ; санскритское слово *anta* значить рубежъ, край; у южныхъ славянъ *anta*—межевая насыпь—

и для сдѣланнаго: отъ корня *кар*, *кра* (ударять, рубить, кроить, варать), произошли названія построекъ: кремъ или кремль, кромъ (кромный городъ), храмъ, хоромъ, хоромы. Но когда постройка совершена, когда оказалось слѣдствіе рубки, кроенія, каранія, явилось зданіе, оно получаетъ имя отъ сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ на человѣка: оно стоитъ твердо, непоколебимо, его нельзя разобрать, сложить какъ вежу кочевническую, отсюда названіе: истоба, истобка, истьба, изба, то что твердо, есть, существуетъ, какъ *истое*, недвижимое ¹⁾. Но жилище осѣдлаго человѣка, производя сильное впечатлѣніе этимъ своимъ качествомъ, производило такое же сильное впечатлѣніе формою постройки: въ противоположность круглой вежѣ кочевника, оно было угловатое, четырехугольное, „безъ четырехъ угловъ не становилось“, уголь до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ дома, отдѣльнаго, независимаго хозяйства, такъ говорится: лучше всего имѣть свой уголь. Это выраженіе можетъ вести начало изъ глубокой древности, когда въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ роду, по угламъ жили члены рода. Рядъ однозвучныхъ названій для постоянного жилища и его главнаго отличія, угла (кутъ, контъ, кошъ, коштъ, кутя, куча, кушта, куца, хата) вызывалъ представленія о мѣстѣ укрытомъ запертомъ, крѣпкомъ, нетронутомъ, цѣломъ ²⁾; о хозяйствѣ, казнѣ (кошъ, копинца). Наконецъ постоянное жилище славянина носитъ названіе *соба*, откуда: *собина* (собственность); это названіе относится уже къ тому времени, когда члены рода жили въ особыхъ жилищахъ, хотя обѣдать и ужинать собирались вмѣстѣ, что существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи ³⁾. Общій столъ служитъ самымъ рѣзкимъ признакомъ братчины, родоваго быта, тогда какъ отдѣльное жилище, свой уголь, *собина* служитъ первою ступенью къ независимости, самостоятельности. Домъ есть первая недвижимая собственность человѣка; потому онъ беретъ себѣ къ дому, въ собственность землю около дома, тогда какъ остальная земля, поля, луга, лѣса составляютъ общее владѣніе рода.

Составляя не только символъ, но и суть осѣдлой жизни, домъ, постоянное жилище требовало особенныхъ предосторожностей, чтобы было безопаснымъ, удобнымъ, ибо домъ строился на долго, навсегда. Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служила неприступная мѣстность на крутомъ берегу рѣки, въ чащѣ лѣса, не говоря уже о свайныхъ постройкахъ, обѣ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, на высокихъ столбахъ или деревьяхъ, обѣ избушкахъ, входъ въ которыя былъ такъ запрятанъ, что сказка заставляетъ путника употреблять заклинаніе: избушка, обернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служилъ *городъ*, ограда, тынъ, острогъ, ровъ, валъ. Но были враги невидимые, противъ которыхъ прежде

¹⁾ Тоже въ германск. *stuba*, въ латышск. *istaba*, *ustuba*.

²⁾ *Castus*—крѣпкій, цѣлый, нетронутый, *castrum*, *chateau*, *chateau*.

³⁾ Записки географич. Общ. по отд. этнографіи. VIII, 35.

всего надобно было принять мѣры предосторожности. При вѣрованіи въ загробную жизнь и въ сильное участіе душъ умершихъ людей въ дѣлахъ живыхъ, при господствѣ родового быта, прежде всего необходимо являлось представленіе о своихъ покойникахъ, о своихъ *родителейъ* (родныхъ вообще), благопріятствующимъ своимъ, оставшимся на землѣ, и чужихъ, враждебныхъ, и потому готовыхъ дѣлать всевозможныя непріятности и бѣды. Первыхъ надобно было привлечь въ новое постоянное жилище, чтобы они были въ немъ по прежнему хозяева, покровители; послѣднихъ отогнать отъ новаго дома; въ томъ и другомъ случаѣ нужны были особенныя дѣйствія, *чародѣйства*, буквально: духодѣйства, ибо до сихъ поръ въ областныхъ нарѣчіяхъ *чаръ* значить *духъ* ¹⁾.

Мы должны были остановиться на отношеніяхъ славянина къ своему дому, ибо послѣдній составлялъ самое рѣзкое различіе его быта отъ быта кочевниковъ, съ которыми судьба заставила его вести постоянную борьбу. Какъ осѣдлый человѣкъ откупилъ свой домъ отъ злаго духа извѣстною жертвою ²⁾, такъ откупалъ онъ его отъ кочевника данью, ибо первымъ дѣломъ жителя юрты или вежи было истребить, сжечь постоянное жилище осѣдлаго человѣка, и восточные славяне, ближайшіе къ степи, платятъ дань кочевникамъ. Было замѣчено, что это означало слабость осѣдлаго человѣка предъ кочевникомъ. Благодаря лѣтописцу, мы имѣемъ возможность стоять здѣсь на твердой почвѣ, слѣдить за постояннымъ развитіемъ народа шагъ за шагомъ, заставъ его въ колыбели слабымъ, беспомощнымъ младенцемъ. Но, разумѣется, стоитъ только сойти съ твердой почвы, оставить руководство лѣтописца, и сейчасъ же человѣкъ заблудится, начнутся галлюцинаціи, вмѣсто слабого младенца, лежащаго въ колыбели, представится взрослый человѣкъ, вмѣсто розно, разбросанно по большимъ пространствамъ живущихъ родовъ представится цѣльный, сильный народъ. Въ этомъ патологическомъ состояніи обыкновенно повторяютъ два слова: „города, торговля“. Города были, торговля была, слѣдовательно, говорятъ, нельзя славянское народонаселеніе нынѣшней Россіи представлять себѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно является въ лѣтописи; христіанскій монахъ изъ ненависти къ языческимъ обычаямъ изобразилъ славянъ IX вѣка живущими, какъ звѣри, въ лѣсахъ. Но здѣсь дѣло не въ языческихъ обычаяхъ, а въ городахъ и торговлѣ. Оба эти представленія крайне неопредѣленныя и растяжимыя, обращаться съ ними надобно съ крайнею осторожностію, дѣлать объ нихъ опредѣленные выводы можно только на основаніи другихъ данныхъ, а не ихъ полагать въ основаніе какихъ бы то ни было выводовъ, не

¹⁾ Говорятъ: весной медвѣдь выйдетъ изъ берлоги тамою худой въ чешъ только *чаръ* есть.—Въ западной Пруссіи прежде чѣмъ войти жить въ новый домъ запираютъ въ немъ на ночь собаку или кошку, домашнихъ животныхъ по преимуществу.

²⁾ Andree—Ethnographische Parallelen, 27.

давши имъ точной опредѣленности; и Петербургъ городъ, и Якутскъ также городъ. Если лѣтописецъ говорить, что племена жили отдѣльными родами и въ то же время упоминаетъ о городахъ, то здѣсь не должно предполагать никакого противорѣчія, свидѣтельство о разоренномъ, первоначальномъ бытѣ не уничтожаетъ свидѣтельство о городѣ, но представленіе о городѣ опредѣляется извѣстіемъ о бытѣ, городъ долженъ быть огороженнымъ, укрѣпленнымъ жилищемъ рода, городъ великъ или малъ смотря по числу членовъ рода; наши казаки при покореніи Сибири встрѣчали большіе и крѣпкіе города, которые брать стоило имъ большаго труда, но эти города были жилищемъ одного большаго рода, управляемаго своимъ старшимъ или княземъ, какъ его называли казаки. Кіевъ до Олега постоянно назывался у лѣтописца *городкомъ*. Какое понятіе имѣли уже позднѣе о бѣдности славянъ, какъ племени сравнительно съ другими народами, показываетъ слѣдующее извѣстіе лѣтописца: Владиміръ побѣдилъ болгаръ, дядя его Добрыня сказалъ ему: „Я осмотрѣлъ плѣнныхъ: всѣ въ сапогахъ; эти не будутъ давать дани; пойдемъ искать лапотниковъ“. Въ XII вѣкѣ Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ западной полосѣ отъ Балтійскаго до Чернаго моря были извѣстны своею большою (по тогдашнему) торговлею, были значительными городами въ настоящемъ смыслѣ слова; но это черезъ два съ половиною вѣка! Извѣстія о значеніи этихъ русскихъ городовъ будутъ намъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на утверженіе къ этому времени болѣе прочнаго порядка вещей на балтійскомъ побережьѣ, поднятіе здѣсь торговли и городовъ, ея богатыхъ, что необходимо поднимало торговое движеніе по извѣстной полосѣ русской земли отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по пути „изъ варягъ въ греки“; но до половины IX вѣка условія, въ какихъ находились сосѣднія страны на сѣверозападѣ и самая западная часть нынѣшней Россіи по варяго-греческому пути, допускали ли сильное торговое движеніе и существованіе большихъ и богатыхъ вслѣдствіе его городовъ? Но и относительно позднѣйшаго времени, при благоприятныхъ для развитія торговли и городовъ условіяхъ, мы должны очень осторожно употреблять выраженіе: „сильная торговля, богатые города“, ибо никакихъ статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ, никакого опредѣленія сдѣлать не можемъ, а между тѣмъ, употребляя выраженіе: сильная торговля, богатые города, мы руководствуемся своими настоящими понятіями, которые изъ XIX вѣка необходимо переносимъ въ XII-й, не имѣя возможности образы XII вѣка перенести къ себѣ въ XIX вѣкѣ. Торговлю можно найти всюду; нѣтъ такой дикой страны, такого свирѣпаго народа, куда бы купецъ не проложилъ себѣ пути чрезъ тысячу препятствій, лишь бы только выгодно продать и купить; но пребываніе иностраннаго купца среди народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, вымѣнъ у нихъ естественныхъ произведеній ихъ страны, цѣнныхъ дорого въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, вымѣнъ ихъ на ничтожныя по цѣнѣ произведенія промышленности, на нравящіяся первобытному человѣку, такое пребываніе купца, даже

довольно частое, такая торговля не производит никакого влияния на бытъ народовъ, или влияние ничтожное, а между тѣмъ имѣемъ полное право говорить, что чрезъ такіа-то страны и народы идетъ торговый путь.

Существованіе большихъ городовъ находится въ тѣсной связи съ густымъ, сплоченнымъ народонаселеніемъ; но можно ли такое предположить на восточной европейской равнинѣ въ половинѣ IX вѣка? Главное неудобство, которое испытываетъ Россія въ своемъ историческомъ развитіи отъ начала ея до нашего времени, состоитъ въ слишкомъ малочисленномъ народонаселеніи, разбросанномъ на слишкомъ обширныхъ пространствахъ, въ противоположность съ западною Европой, страдающею слишкомъ большимъ количествомъ народонаселенія на относительно малыхъ пространствахъ. Но если и теперь у насъ народонаселеніе не велико, то что же было 1000 лѣтъ назадъ? Источники объясняются, во первыхъ, относительно суровостію климата; во вторыхъ, положеніемъ страны на восточномъ краю Европы, которая съ сѣвера, запада и юга граничитъ съ моремъ, а на востокѣ имѣетъ сухопутную границу, границу съ Азіею, степною Азіею, изъ которой двигались на западъ хищныя кочевныя орды, которыя или истребляли встрѣчное неродонаселеніе или брали его въ плѣнъ; въ третьихъ, характеромъ страны, именно въ той ея части, которая при борьбѣ съ кочевниками представляла удобство для осѣдлаго человѣка: это была страна, наполненная лѣсами и болотами; такую она была въ XVI и XVII вѣкахъ; какова же она была въ IX вѣкѣ? Что дѣлалъ господствовалъ въ странѣ, населенной восточными славянскими племенами, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, который говоритъ о нихъ: „жилиху въ лѣсахъ“. У поляны, которые, какъ видно, получили названіе свое не отъ своихъ обрабатываемыхъ полей, а отъ пограничности съ полемъ, степью, былъ городокъ, знаменитый Кіевъ, и около этого городка былъ „лѣсъ и боръ великій“. Если славяне и занимались земледѣліемъ, то лѣсное звѣроловство, добыча пушнаго звѣря имѣли важное значеніе: „бяху ловяще звѣрь“. Мѣхами платили дань, мѣха составляли главный предметъ торговли, мѣхами князья дарили другихъ владѣтельныхъ лицъ. Какой видъ и назначеніе имѣла въ послѣдствіи, во времена московскаго государства, сѣверная часть европійской Россіи и Сибирь, такой видъ и значеніе имѣли въ IX и непосредственно слѣдовавшіе вѣка внутреннія и югозападные области европійской Россіи, противопоставляясь, какъ лѣсная сторона южной и юго-восточной части, степи, волю. Но такое обиліе лѣса, обширное звѣроловство необходимо предполагаютъ пустынность страны, рѣдкое населеніе. Обширность страны и рѣдкость населенія выдѣли съ укрупненіемъ страны условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе. Они условливаютъ продолжительность періода дикости, періодъ волкующаго, жестокаго государства, въ тѣлѣ ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться, и тогда правительственное начало стужало въ неопредѣленныхъ пространствахъ.

связывая известными общими интересами, общими действиями разсѣянные племена и области; когда дешевая и пустая земля не могла привязать къ себѣ челоуѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній, когда все было похоже на *перекати-поле*. Необходимое слѣдствіе—слабость развитія органовъ народнаго тѣла и чрезвычайное усиленіе, чрезмѣрное напряженіе правительственнаго органа для внѣшней централизаціи народныхъ силъ и направленія ихъ къ общей дѣятельности, при недостаткѣ централизаціи внутренней, которая основывается на сплоченности народонаселенія и уничтожается его разбросанностію на обширныхъ пространствахъ, какія бы ни были формы жизни особнхъ его частицъ, ибо челоуѣкъ существо общественное и всегда создаетъ себѣ известныя формы общественной жизни, въ главныхъ чертахъ одинаковыя у разныхъ народовъ, повидимому очень далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Путешественники по дикой Африкѣ говорятъ, что среди первобытнаго чернаго народонаселенія обыкновенно встрѣчали зданія, отличающіяся отъ другихъ своею обширностію: то были мѣста сходокъ или народныхъ совѣщаній.

Обширность страны, безпрепятственность движенія, просторъ неодолимою силою тянулъ народонаселеніе, и безъ того рѣдкое и разбросанное, къ дальнѣшему разброду. При первомъ препятствіи, которое можно было уничтожить соединенными силами, по трудности, невозможности этого соединенія, собирали уходы, средство легкое при простотѣ быта, которая, въ свою очередь, условливается движеніемъ, привычкою къ уходу для избѣжанія всякаго препятствія. Но и безъ препятствій, безъ давленія, самый просторъ, легкость движенія приглашали къ переходу и все большей и большей разбросанности, большому разрѣженію народонаселенія. Врожденное челоуѣку желаніе лучшаго и недовольство настоящимъ влечетъ къ перемѣнѣ мѣста, когда нѣтъ удерживающихъ условий физическихъ и нравственныхъ, когда рѣзко ограниченная и запечатлѣнная опредѣленнымъ характеромъ мѣстность не образовала не только отдѣльной народности, внѣ которой тяжело челоуѣку, но даже сильнаго провинціализма, когда, куда ни пойдетъ челоуѣкъ, всюду найдетъ свое, по крайней мѣрѣ не найдетъ чужаго, когда еще къ тому присоединилось сманиваніе землевладѣльцами, дававшими льготы новымъ поселенцамъ. Движеніе должно было усилиться, когда и послѣднія, политическія грани между частями земли уничтожились, когда исчезли отдѣльныя княжества и земля собралась воедино. Такъ было бы крайне односторонне, напримѣръ, приписывать покинутіе новгородскими крестьянами своихъ прежнихъ жилищъ только тяжестью новаго порядка, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ; дѣло объясняется проще уничтоженіемъ послѣдней политической границы между Новгородскою и Низовою землею. Это движеніе, условленное просторомъ, обиліемъ земли, отнимало у нея значеніе, цѣнность, ослабляло стремленіе приобрѣтать землю въ отдѣльную собственность; земля остается въ общемъ владѣніи и тамъ, гдѣ

между совладѣльцами нѣтъ родовой связи, хотя родовой бытъ, разумеется, долженъ былъ положить первыя основанія привычкѣ къ общему землевладѣнію. Когда казацкія общества явились на неизмѣримыхъ степныхъ пространствахъ, то понятно, что земля, которую они считали своею, и которой границъ сами не знали и не желали знать, должна была находиться у нихъ въ общемъ владѣніи, тѣмъ болѣе, что главными промыслами ихъ были рыболовство и звѣроловство.

Расходомъ, расплывчивостію народонаселенія заняты были неизмѣримыя пространства въ Европѣ и Азіи, намѣчена небывалая по своей обширности государственная область; мы имѣемъ право говорить, что Россія расширялась не завоеваніями, а колонизаціею, колонизаціею сухопутною, при которой занимались постепенно лежащія страны, входившія естественно въ составъ одного государства, въ противоположность западно-европейской заморской колонизаціи, заселенію земель, лежащихъ за океаномъ, и потому находящихся въ самой хрупкой связи съ метрополіею. Но выгоды отъ этой русской колонизаціи, занятія обширныхъ пространствъ въ будущемъ; а изъ свидѣтельствъ прошедшаго мы видимъ, что страна при такой колонизаціи не сбывала излишка народонаселенія, но истощалась уходомъ и безъ того небольшого народонаселенія; въ слѣдствіе этого оставшіяся становилось тяжело исполнять требованія государства, что, въ свою очередь, усиливало уходъ жителей, уменьшало средства народныя и государственныя, затрудняло необходимыя отправленія государства и производило замедленіе въ развитіи народной жизни.

По условіямъ природнымъ, движеніе славянской колонизаціи получило направленіе къ сѣверо-востоку вплоть до Восточнаго океана. На югъ и юго-востокъ, въ степи, въ полѣ, какими бы удобствами для осѣдлой жизни извѣстная мѣстность здѣсь ни отличалась, мирный земледѣлецъ не смѣлъ ими пользоваться: онъ немедленно становился добычею хищнаго кочевника; ему тяжело, а наконецъ и невыносимо стало жить и на окраинахъ поля вслѣдствіе безпрестанныхъ нападѣній кочевниковъ. Старая дѣбровская Русь, это европейско-христіанское государство на скинской почвѣ, носитъ изначала характеръ военного поселенія, пограничной военной линіи: князья съ своими дружинами должны въ извѣстное время выходить въ степь, чтобы провозжать купцовъ, оберегать ихъ отъ кочевниковъ. Не смотря на такія средства для поддержанія торговли знаменитой матери городовъ русскихъ, Кіевъ утонулъ во время наводненія Руси кочевниками въ XIII вѣкѣ. Но не для одной торговли старая Русь должна была употреблять такія чрезвычайныя средства. Князья должны были весною отправляться въ степной походъ на кочевниковъ, чтобы дать земледѣльцу спокойно вспахать поле: двѣ яркія черты быта Руси, какъ окраины, украины. Но черезъ шесть съ половиною вѣковъ, когда

имя русское стало, по древнему выраженію, „честно и грозно“ въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ, когда на дипломатическія возни враговъ Россія отвѣтила Кагуломъ и Чесмою, когда войска Екатерины II заняли Крымъ, послѣднее убѣжище степныхъ хищниковъ на черноморскомъ побережьи, они вывели оттуда болѣе 10,000 русскихъ рабовъ!

1877—1879 г.

ДРЕВНЯЯ РОССИЯ.

„Персы говорятъ, что Финикійяне были первыми виновниками вражды между Европою и Азією, потому что они въ Аргосѣ похитили греческихъ женщинъ; Греки старались отомстить имъ за это. Потомъ Александръ, сынъ Пріама, похитилъ Елену изъ Лакедемона. Персы говорятъ: если похищать женщинъ есть дѣло несправедливое и достойное наказанія, то, съ другой стороны, стараться мстить за подобнаго рода оскорбленія есть дѣло людей неразумныхъ. Азіатцы никогда не придавали большой важности этимъ похищеніямъ, тогда какъ Греки изъ-за Лакедемонянки разрушили Трою“.

Такъ Геродотъ начинаетъ свой знаменитый разсказъ, который съ такимъ восторгомъ слушали Греки, которому съ такимъ участіемъ внимаютъ всѣ образованные народы. Это участіе объясняется легко: Геродотъ разсказываетъ о великой борьбѣ между Греками и Персами, между Европою и Азією, борьбѣ, въ которой нравственные силы восторжествовали надъ силами матеріальными, европейское качество побѣдило азіатское количество. Наше сочувствіе къ побѣдителямъ въ этой борьбѣ возбуждается уже первыми строками Геродотова разсказа, ибо въ этихъ строкахъ мы уже ясно видимъ различіе между Европою и Азією и причину постоянной борьбы между ними. Азіатецъ для удовлетворенія своей чувственности похищаетъ женщину у Европейца, сынъ Пріама нарушаетъ семейную святиню, на которой зиждется европейское общество, и Грекъ жестоко мститъ ему за оскорбленіе; величайшій эпосъ, оставленный намъ древними міромъ, имѣетъ содержаниемъ своимъ эту мсть. Азіатецъ никакъ не можетъ понять этого: мстить за похищеніе женщины онъ считаетъ дѣломъ неразумнымъ; по его мнѣнію, на такое оскорбленіе не стоитъ обращать большаго вниманія, ибо для него женщина—вещь, и потому онъ считаетъ себя въ правѣ купить новаго жень и не заботиться, когда у него ихъ похищаютъ; иначе смотрѣлъ на дѣло Грекъ, представитель Киронии, и потому одосженецъ: изъ-за одной Лакедемонянки онъ разрушилъ Трою.

Такъ великій историкъ древняго міра подмѣтилъ существенное различіе между Европою и Азією, и обозначеніемъ его началъ разсказъ свой о борьбѣ между ними.

Борьба съ Азією, которую должны были вести Греки во все продолженіе своей исторіи, условливалась географическимъ положеніемъ страны ихъ, юговосточной европейской украины, гдѣ поэтому съ незапамятныхъ временъ были происходить столкновения европейскіхъ народовъ съ азіатскими. Когда историческая жизнь Европы сосредоточивалась на берегахъ Средиземнаго Моря, когда здѣсь сосредоточивались духовныя, нравственныя силы европейскаго народонаселенія, тогда видимъ блистательныя торжества Греціи надъ Азією: тогда послѣдній герой Греціи, Александръ Македонскій, успѣлъ разрушить имперію Ксеркса; по слѣдамъ героевъ греческихъ шли римскіе легіоны для завладѣнія богатыми остатками Александровой добычи, и Азія долго должна была признавать владычество Европы. Но когда историческая жизнь начала отливать съ юга Европы на сѣверъ, когда Греція и Римъ передали свою дѣятельность новымъ, молодымъ народамъ, Германцамъ на Западъ и Славянамъ на Востокъ, тогда Азія начала опять наступательныя движенія на юговосточную европейскую Украину. Не смотря на то, что здѣсь Римская Имперія сосредоточила послѣднія свои силы, Новый Римъ, Византія, сравнительно съ новыми, юными государствами Европы представляла одрабѣвшее зданіе и потому не могла долго выносить тяжелыхъ ударовъ азіатскаго народа: такимъ образомъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ добычею Азіи сдѣлалась именно та знаменитая страна, которая въ древности прославилась своимъ торжествомъ надъ Азією; представительница древняго міра, Византія, пала предъ Турками въ то время, когда новыя государства на двухъ противоположныхъ концахъ, Россія на сѣверовостокѣ, Испанія на югозападѣ, отбились съ торжествомъ отъ Азіатцевъ, Россія отъ Татаръ, Испанія отъ Аравитянъ.

Подобно юговосточной европейской украинѣ, Греціи, сѣверовосточная европейская Украина, принявшая съ половины IX вѣка названіе Руси, Россіи, по природному положенію своему, должна была вести постоянную борьбу съ Азіатцами, первая принимать на себя ихъ удары. Въ то время, какъ юговосточная Украина, Греція, съ такимъ успѣхомъ, съ такою славою отбивалась отъ Персовъ, сѣверовосточная Украина, сколько знала ее тогда исторія, находилась подъ владычествомъ кочевыхъ Азіатцевъ, которымъ осѣдлое народонаселеніе рабствовало. Такой порядокъ вещей продолжался до половины IX вѣка по Р. Х. Славянскія преданія сохранили память объ азіатскихъ движеніяхъ, объ этихъ исполинахъ (Обрахъ, Аварахъ), гордыхъ своею матеріальною силою и любящихъ показывать эту силу надъ существами слабыми, что такъ противно тѣмъ нравственнымъ понятіямъ, которыми спасались народы европейскіе: преданіе говоритъ, что когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телегу ни

дикій философъ древности, человекъ есть животное общественное, и потому первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя и живутъ для существъ, отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть жертва: Греція была на вершинѣ внутренней силы и могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ; Римъ, когда за него умиралъ Децій; и благо тому обществу, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ сочувствіи Леонидамъ и Деціямъ, въ сочувствіи безсмертнымъ твореніямъ, прославляющимъ ихъ подвиги. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу свою: то понятно, какъ могущественно должна содѣйствовать укрѣпленію общества религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогла человеку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиниться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ, юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,— выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ второго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ

сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцирь, и просить другаго болѣе почетнаго, — мантии монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, живившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ иракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало не равнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны, и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что, внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознание о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить мыслнымъ требованіямъ, и это-то сознание и пренятствовало обществу завоспѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ историку ключъ къ уразумѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторые, напримѣръ, обнаруживаютъ сомнѣніе относительно вѣрности лѣтописныхъ извѣстій о знаменитомъ Ермакѣ, сперва буйно разгуливавшемъ по Волгѣ, широкому раздолью казачьему, а потомъ, во время сибирскаго похода, сдѣлавшемся чрезвычайно религіознымъ, наложившемъ на себя и на всю дружину свою обѣтъ цѣломудрія. Но если мы не хотимъ вѣрить лѣтописцу, подозрѣваемъ его въ намѣренномъ измѣненіи характера, не понимаемъ быстрого перехода отъ волжскаго казака къ благочестивому предводителю, который даетъ своему походу значеніе религіозное, то должны повѣрить древней народной пѣснѣ, которая представляетъ своихъ героев воиновъ соотвѣтственно характеру времени. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко Святымъ мѣстамъ, подвигъ вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: „Отъ молоду много было бито, граблено, подъ конецъ надо душу спасти“. Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ сре-

дневъдоваго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молодю насиліями, вдругъ приходилъ въ сознание своей грѣховности и слѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь и тамъ, и на Востокѣ, и на Западѣ, общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости во зло, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія — признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравнивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа Среднихъ Вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантиею инока мы подлѣчаемъ вольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться, хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовскомъ-полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ воениомонашескіе ордена, въ которыхъ Средніе Вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

Между тѣмъ общество мужало; земля собиралась; утверждалось единовластіе. Но эти явленія не могли произойти безъ борьбы, борьбы тяжелой, кровавой; ибо все, что держалось старымъ порядкомъ вещей, все, что находило въ его сохраненіи свои выгоды, должно было бороться отчаянно. Въ такихъ отчаянныхъ борьбахъ не бываетъ хладнокровія, не бываетъ умѣренности; дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, противники не щадятъ; другъ друга; надшимъ нѣтъ пощады. Таковы были на Руси послѣднія усобицы княжескія; такова была борьба государей московскихъ съ притязаніями людей, смотрѣвшихъ назадъ, которымъ новый порядокъ вещей не представлялъ тѣхъ выгодъ, какія представляла старина; борьба эта, начавшаяся во времена Іоанна III, продолжавшаяся при сынѣ его Василіи, доведена была до страшныхъ крайностей при Іоаннѣ IV. При борьбѣ съ такимъ характеромъ, при развитіи чувства самосохраненія, при частыхъ насиліяхъ, къ которымъ привыкли, гражданскія чувства, на которыхъ зиждется общество, ослаблялись все болѣе и болѣе; сознаніе о необходимости жертвованія частнымъ благомъ общему, о необходимости безкорыстнаго исполненія общественныхъ обязанностей, затмѣвалось; на происходившее отсюда зло слышались отовсюду громкія жалобы, зло сознавалось, но не сознавались настоящія, дѣйствительныя средства для его уничтоженія. Общество показывало признаки страшной внутренней болѣзни, и въ то же время на границахъ государства, въ сте-

някъ, толпились люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, люди, хотѣвшіе жить чужимъ трудомъ, люди, искавшіе въ степяхъ безнаказаннаго удовлетворенія своимъ противообщественнымъ привычкамъ; какъ хищныя птицы, они толпились около пораженного тяжелою болѣзнію тѣла, ожидая удобной минуты безпрепятственно напасть на него. Они ждали недолго; смутное время начиналось.

Оно началось кровью младенца, пролитомъ въ Угличѣ. За убійствомъ слѣдовалъ обманъ; явился самозванецъ, Лжедмитрій, или заставили его явиться; когда это орудіе оказалось болѣе ненужнымъ и опаснымъ, то отъ него поспѣшили избавиться, съ помощію заговора, обмана, мятежа, убійства; закричали, что Поляки бьютъ того, кого большинство признавало царемъ Дмитріемъ; граждане, не участвовавшіе въ заговорѣ, бросились защищать этого Дмитрія; но имъ выкинули обезображенный трупъ его, крича, что онъ былъ злодѣй, обманщикъ, еретикъ и черно книжникъ. Его мѣсто занялъ новый царь, главный участникъ въ гибели своего предшественника. Недавно области получили изъ Москвы извѣстіе, что Годуновъ былъ похититель престола, что законный наслѣдникъ, сынъ царя Іоанна, явился и низложилъ Годуновыхъ; области повѣрили, ибо привыкли вѣрить извѣстямъ, приходившимъ къ нимъ изъ Москвы. Но вотъ приходитъ къ нимъ другая вѣсть изъ Москвы, что тотъ, кого Москва признала Дмитріемъ, истиннымъ сыномъ царя Іоанна, обманулъ ее, явился еретикомъ, черно книжникомъ, вслѣдствіе чего и погибъ, а на мѣстѣ его сидитъ другой, котораго области должны признавать царемъ законнымъ. Вслѣдствіе этого признанія въ обманѣ, вслѣдствіе темноты дѣла, отсутствія подробностей въ извѣстіяхъ о немъ, рушилась нравственная связь между Москвою и областями, которыя потеряли къ ней довѣріе; явились смуты, колебаніе, шатость, по тогдашнему выраженію; не знали, кому и чему вѣрить, когда опять явился Дмитрій съ объявленіемъ, что онъ спасся отъ вторичнаго покушенія на его жизнь; потерявши вѣру въ одно законное, всѣми признанное, впади естественно въ суевѣріе, начали вѣрить всѣмъ и всему; духъ лжи повѣялъ гибелью на государство. Вслѣдствіе потери довѣрія и сочувствія ко власти въ Москвѣ пребывающей, вслѣдствіе отсутствія твердой опоры нравственной, у гражданъ добрыхъ отнялись духъ и руки, у злыхъ же, напротивъ, развязались руки на всякое зло; имъ открылась полная возможность преслѣдовать свои личныя, корыстныя цѣли въ ущербъ пользѣ общественной. Толпы степныхъ отверженниковъ общества потянулись на опустошеніе государства подъ знаменами разноименныхъ самозванцевъ; къ нимъ применило много внутреннихъ отверженниковъ общества, воспользовавшихся случаемъ пожить на чужой счетъ; люди болѣе значительные, которые не надѣялись получить почестей и выгодныхъ мѣстъ отъ Шуйскаго въ Москвѣ, потянулись къ царю въ Тушино; когда царь ослабѣлъ, стали продаваться королю польскому за богатые пожалованія. Отъ этого страшнаго разврата, отъ

принесенія общей пользы въ жертву личнымъ расчетамъ и корыстямъ, государство быстрыми шагами шло къ погибели, становилось предметомъ презрѣнія и посмѣянія для народовъ сосѣднихъ, уже заранѣе дѣлившихъ легкую добычу.

Между добрыми гражданами обнаружилось движеніе для поданія помощи государству, но это движеніе сначала обнаружилось во имя матеріальныхъ интересовъ, нарушаемыхъ приверженцами Тушинскаго вора, при чемъ у гражданъ выказалось также волебаніе, равнодушіе, а все это не могло произвести движенія сильнаго, единодушнаго. Устюжане писали къ Вычегодцамъ: „Въ Ярославлѣ правать Тушинцы по осьмнадцати рублей съ сохи, а у торговыхъ людей у всѣхъ товары переписали и въ полки отсылаютъ. Пожалуйте, помыслите съ міромъ крѣпко, и не сдѣшайте крестъ дѣловать (Лжедмитрію); не угадать, на чемъ совершится; если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, то еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать“. Устюжане рѣшили не дѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ, стоять накрѣпко и людей собирать.—Не будемъ дѣловать крестъ тому, кто называется царемъ Димитріемъ, говорили граждане: слѣдовательно они вовсе не убѣждены въ самозванствѣ тушинскаго царика и потому не убѣждены въ законности Шуйскаго; не будемъ дѣловать крестъ, ибо приверженцы тушинскаго царя разоряютъ поддавшіеся имъ города: ясно, что побужденіемъ къ сопротивленію служатъ одни матеріальные интересы; подождемъ, до насъ далеко, еще успѣемъ крестъ поцѣловать Димитрію, если онъ возьметъ верхъ надъ соперникомъ своимъ: эти слова показываютъ господствующую мысль объ однихъ себѣ.

Съ такими господствующими мыслями нельзя было спасти государства. Приведенные въ ужасъ неистовствами самозванцевъ, граждане ждали спасенія отъ успѣховъ племянника царскаго, князя Снопина-Шуйскаго; на него возлагали всю надежду, въ немъ видѣли точку опоры для настоящаго и будущаго. Но Провидѣнію угодно было путемъ испытаній довести Московское Государство до полнаго очищенія; Провидѣнію не угодно было, чтобъ государство спаслось—вѣрою въ человѣка, и Снопинъ-Шуйскій умеръ внезапною смертію. Поляки и Лжедмитрій явились подъ Москвою, которая должна была выбирать между ними и выбрала въ цари Владислава: но отецъ его Сигизмундъ захотѣлъ самъ царствовать въ Москвѣ, Сигизмундъ притѣснитель православія въ своихъ владѣніяхъ. Вѣрѣ отцовъ стала грозить страшная опасность отъ замысловъ Сигизмундовыхъ; интересъ высшій, духовный, интересъ религіозный выступаетъ на первое мѣсто, отстраняя всѣ другіе матеріальные интересы, и чрезъ это открывается возможность къ спасенію. Земля встала; собралось ополченіе и пошло для очищенія Москвы отъ Поляковъ. Но ополченіе это не имѣло успѣха, ибо полянаго нравственнаго очищенія еще не было. Во главѣ ополченія стоялъ Ляпуновъ, человѣкъ даровитый, съ природою силь-

ною, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ плоти и крови, человѣкъ, дававший полную волю своимъ страстямъ, менѣе всякаго другаго способный сознать, что основа общества есть жертва, что для успѣха общаго, святаго дѣла необходимо принести самую тяжелую для человѣка жертву, пожертвовать страстями своими. „Отецкимъ дѣтямъ, говорить гѣтописецъ, было много отъ Ляпунова позору и безчестія, не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ: придуть къ нему на поклонъ и долго дожидаются у его избы, пока выйдетъ; никого не пускалъ къ себѣ прямо, и при малѣйшемъ прекословіи, при малѣйшемъ неудовольствіи, бранныя рѣчи сыпались на всѣхъ безъ разбора“. Помраченный страстями умъ Ляпунова не могъ понять, что дѣло чистое можетъ быть совершенно только людьми чистыми; страсти не позволяли Ляпунову никогда разбирать средствъ для достиженія цѣли; изъ ненависти къ Шуйскому, изъ желанія дѣйствовать на первомъ планѣ, онъ самъ стоялъ прежде подъ знаменами самозванца, и теперь пригласилъ хищныя толпы Заруцкаго, Просовецкаго и другихъ дѣйствовать заодно съ добрыми гражданами, съ служилыми людьми государства для его очищенія. Ляпуновъ палъ жертвою этого непониманія дѣла: казаки убили его. Но тутъ всего яснѣе обнаружилось, какъ, вслѣдствіе тяжелыхъ испытаній, нравственныхъ силы общества уже были напряжены, какъ лучшіе люди достигли до сознанія о необходимости жертвы; явился признаковъ выздоровленія общественнаго тѣла: при убійствѣ Ляпунова, врагъ его Ржевскій бросился къ нему на помощь и палъ вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами убійць.

Общество, въ которомъ граждане умѣютъ умирать, какъ умеръ Ржевскій, не можетъ погибнуть вслѣдствіе гибели одного человѣка. Города, объявляя другъ другу о гибели Ляпунова, не обнаруживаютъ нисколько признаковъ отчаянія въ дѣлѣ спасенія государства; напротивъ, показываютъ твердую рѣшимость продолжать начатое дѣло; они пишутъ: „Подъ Москвою, промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную вѣру и за Московское Государство, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили. Но мы всѣ сговорились, чтобъ быть намъ всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, за Московское Государство стоять и держать приговоръ крѣпко, до тѣхъ поръ пока намъ дастъ Богъ на Московское Государство государя; и выбрать бы намъ на Московское Государство государя всею землею російской державы; а если казаки стануть выбирать государя по своему изволенію, одни, не сославшись со всею землею, то намъ такого государя на государство не хотѣть“. И дѣйствительно, не смотря на временное торжество шаекъ Заруцкаго и Просовецкаго, присягнувшихъ третьему самозванцу по смерти Ляпунова, не смотря на то, что враги внѣшніе овладѣли и Смоленскомъ и Новгородомъ Великимъ, не смотря на то, что матеріальныя силы государства были повсюду поражены: нравственныя его силы росли день ото дня. Среди немощи человѣческой слышался голосъ Бога живаго, и мертвое оживлялось,

какъ нѣкогда предъ очами Пророка; кость слагалась съ костью и облежалась плотію, и вѣялъ духъ. Явилось сознание о необходимости всеобщаго нравственнаго очищенія, сознание выразившееся во всеобщемъ строгомъ постѣ, и вотъ наконецъ послышались слова, которыя показывали ясно, что общество, путемъ испытаній, поняло наконецъ, что должно его спасти? поняло, что основа общества есть жертва: „Будетъ намъ похотѣть помочь Московскому Государству, говорилъ Мининъ въ Нижнемъ Новгородѣ: то не жалѣть намъ животы своихъ, не жалѣть—и дворы свои продавать, и женъ и дѣтей закладывать“. Что говорилъ Мининъ, то было на мысли, то было на сердцѣ у всѣхъ, и потому всѣ встали на слова Минина. Поднялись послѣдніе, основныя, коренныя люди. Бури смутнаго времени смели людей, болѣе или менѣе слабыхъ нравственно, способныхъ колебаться, шататься, подобно Ляпунову, увлекаться въ разныя стороны страстями своими; теперь дѣло дошло до людей крѣпкихъ, основныхъ, которые противопоставили бурямъ, поднятымъ врагами внутренними и внѣшними, несокрушиму нравственную твердость. „Какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, говоритъ лѣтописецъ, такъ и въ Московскомъ Государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынь и противъ своихъ измѣнниковъ“. Второе ополчение достигло своей цѣли, успѣло очистить государство: во главѣ его стоялъ человекъ, по характеру своему вовсе непохожій на Ляпунова. Пожарскій умѣлъ говорить: „Еслибъ теперь такой столбъ, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ здѣсь, то за него-бъ всѣ держались; и я бы за такое великое дѣло мимо его не принялся; а теперь меня бояре и вся земля къ такому дѣлу силою приневолили“. Будучи главнымъ вождемъ ополченія, Пожарскій умѣлъ подписывать свое имя въ земскихъ грамотахъ на десятомъ мѣстѣ, уступая первыя девять мѣстъ людямъ болѣе сановнымъ; слѣдовательно, Пожарскій умѣлъ жертвовать тѣмъ, чего Ляпуновъ никакъ не могъ принести въ жертву общему дѣлу. Съ другой стороны, опытъ Ляпунова научилъ вождей ополченія, что дѣло чистое можетъ быть совершено только людьми чистыми, и потому они отреклись отъ союза съ шайками Заруцкаго.

Москва была очищена; избранъ государь всею землею. Послы отъ собора отправились въ Кострому бить челомъ новозбранному, чтобъ принялъ царство. Мать молодого Михаила возражала, что сынъ ея въ несовершенныхъ лѣтахъ, что люди Московскаго Государства измалодушествовались, прежнимъ государямъ не прямо служили, что государство разорилось до конца, и новому государю нечѣмъ служивыхъ людей жаловать, свои обиходы полнить и противъ недруговъ стоять. Послы отвѣчали ей, что теперь не прежнее время, что тяжелое испытаніе очистило, умудрило людей, что они понаказались всѣ, и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Въ подобныя времена, великія слова не произносятся всуе, но сопровождаются великими дѣлами: соборные послы утверждали передъ новозбраннымъ царемъ, что люди Москов-

своего Государства имманентна, существовавшая только на чужбине, для общества, получившая способность развиваться только для общества — и Сусанинъ падаетъ за Михаиломъ. У народа въ сущности нѣтъ, что такое дѣло, что такое право, что такое долгъ, что такое обязанность, что такое общество, что такое государство, что такое гражданство, что такое патриотизмъ: оно ограничивалось на край Ржевскаго, Сусанина и многихъ другихъ безконечныхъ жертвъ.

Великій подвигъ былъ совершенъ; но окончательно государство представляло подвигъ еще болѣе великій, еще болѣе трудный: нѣтъ представляло продолжать дѣло нравственнаго очищенія, нѣтъ представляло отыскивать средства, чрезъ которыя между гражданами распространялись бы познания обязанностей гражданскихъ, познания того, на чемъ зиждется благосостояніе общества, познания своего отечества, познания, чрезъ которыя всякій могъ бытъ повелевать отечеству, содѣйствовать его процвѣтанію, его славі. Нравственное очищеніе и совершенствованіе возможно только при сознаніи несовершенствъ и при твердой рѣшимости отъ нихъ избавиться: и вотъ Россія XVII вѣка громко вопиетъ противъ этихъ нравственныхъ недостатковъ; правительство церковное и гражданское въ сильныхъ, безпощадныхъ выраженіяхъ указываетъ на общественныя азны, требуетъ ихъ искрѣпленія, употребляетъ къ тому средства, вооружаясь противъ людей, которые не сознавали того, что гражданинъ прежде всего долженъ имѣть въ виду общее благо, а не частныя корыстныя цѣли. Такое глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, такое сильное, искреннее, горячее желаніе выхода изъ положеніе лучшее не могли не принести плода: средство улучшить крѣпость, благосостояніе и величіе государства было найдено; это средство было просвѣщеніе. Восточная греческая церковь, которой, въ ея тяжкомъ положеніи, были такъ дороги благосостояніе и слава Россіи, единственной независимой православной державы,—восточная церковь устами одного изъ своихъ святителей благословила новый путь, на который вступала Россія: „Если бы меня спросили, говорилъ Памсіій Лигаридъ, митрополитъ газскій,—еслибъ меня спросили: какіе столпы церкви и государства? то я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища, и въ третьихъ училища“. Убѣжденіе въ этой истинѣ укоренялось все болѣе и болѣе между русскими людьми, и царь Феодоръ Алексѣевичъ объявилъ, что подобно Соломону, онъ ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, „царскихъ должностей родителейъ, всякихъ благъ изобрѣтательницъ и совершенительницъ, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются“.

Такова была древняя Россія. Уже давно, съ прошлаго вѣка, въ нашей исторической литературѣ поднятъ вопросъ о характерѣ древней Россіи, о ея отношеніи къ новой. Уже давно нѣкоторые писатели наши, съборленные упрекомъ иностранцевъ, а также и Русскихъ, вторившихъ этимъ упрекамъ, старались показать, что предки наши и до XVIII вѣка не были варварами. Для этого они старались доказать, что предки

наши издавна имѣли законы, много похвальныхъ обычаевъ, промышленность, вели торговлю и даже очень обширную оставили намъ множество письменныхъ памятниковъ и т. п. Но эти доказательства убѣждали немногихъ, ибо возражать на нихъ было легко. Турки, Персіяне, Китайцы, Индѣйцы имѣютъ законы, похвальные обычаи, занимаются съ большимъ успѣхомъ известными отраслями промышленности, ведутъ торговлю, хранятъ въ архивахъ своихъ много письменныхъ памятниковъ, и не смотря на все это слывуть варварами; во вторыхъ, въ древней Россіи легко было найти много такихъ явленій, которыхъ никакъ нельзя было запитить. Варварство и не варварство народа, въ известную эпоху его бытія, опредѣляются по другимъ признакамъ: варварскій народъ тотъ, который сдружился съ недостатками своего общественнаго устройства, не можетъ понять ихъ, не хочетъ слышать ни о чемъ лучшемъ; напротивъ, народъ никакъ не можетъ назваться варварскимъ, если, при самомъ неудовлетворительномъ общественномъ состояніи, сознаетъ эту неудовлетворительность и стремится выйти къ порядку лучшему; при этомъ, чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути къ порядку, тѣмъ выше его подвигъ, если онъ преодолеваетъ ихъ, тѣмъ болѣе великимъ является такой народъ передъ исторіею. И такъ были ли наши предки варварами?

Брошенные на край Европы, оторванные отъ общества образованныхъ народовъ, въ постоянной борьбѣ съ азіатскими варварами, падая даже игу послѣднихъ, русскіе люди неутомимо совершали свое великое дѣло, завоеывая для европейско-христіанской гражданственности неизмѣримыя пространства отъ Буга до Восточнаго Океана, завоеывая не оружіемъ воинскимъ, но преимущественно мирнымъ трудомъ; русскій народъ долженъ былъ самъ все создавать для себя въ этой странѣ дивой и пустынной. Находясь въ обстоятельствахъ самыхъ неблагоприятныхъ, предоставленные самимъ себѣ, предки наши никогда не утрачивали европейско-христіанскаго образа. Ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ воснѣнія; въ каждомъ замѣчается сильное движеніе и преуспѣяніе. Послѣ сильнаго движенія, имѣвшаго слѣдствіемъ намѣченіе границъ государственной области, собраніе племенъ съ одной стороны и принятіе христіанства съ другой, наступаетъ періодъ, знаменуемый господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній; князья борются другъ съ другомъ вслѣдствіе своихъ родовыхъ счетовъ; а между тѣмъ дѣло внутренняго порядка идетъ впередъ: христіанство распространяется; общество постоянно выдѣляетъ изъ среды себя людей, которые словомъ и дѣломъ даютъ силу нравственнымъ началамъ; славяно-русская колонизація распространяется все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, основываются города, населяются пустыни; народонаселеніе изъ племеннаго быта переходитъ въ областной, находитъ средоточіе свое въ главныхъ городахъ областей, стольныхъ городахъ княжескихъ; и эти области, не смотря на видимую особность свою, имѣютъ общее

средоточіе, нѣтъ общій главный интересъ, взглядомъ этихъ же родовыхъ княжескихъ отношений: потому что, благодаря единству княжескаго рода и происходящему отсюда перенѣтнію князей съ одного стола на другой, перенѣна, происшедшая въ Кіевѣ, отымычена въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Суздальѣ, и поэтому нѣкоторыя части Руси живутъ одною общою политическою жизнью; не смотря на громадные пространства, на которыхъ разсѣялось русское народонаселеніе, въ немъ все болѣе и болѣе укореняется сознаніе о своемъ единствѣ. Южная, дѣйпровская Русь сходитъ съ главной сцены: на ея мѣсто выступаетъ Русь сѣверная съ новымъ характеромъ, съ новою дѣятельностію: начинается собираніе земли, утвержденіе единовластія. Оканчивается это трудное дѣло. Новое Государство Московское, продолжая борьбу съ Азією, въ то же время обращаетъ взоры на Западъ, къ тѣмъ европейскимъ государствамъ, которыя были поставлены въ большаго благоприятнаго обстоятельства, и старается усвоить собою плоды цивилизации; но и тутъ новыя трудности, требующія полнѣе подвижничества. Россія должна завоевывать плоды европейской цивилизаціи, ибо сосѣднія государства, боясь ея могущества, не хотѣли допустить ея до свободнаго пользованія этими плодами. Польскій король Сигизмундъ Августъ такъ писалъ англійской королевѣ Елизаветѣ о причинахъ наставившихъ его препятствовать нарвской торговлѣ: „Московский государь день ото дня увеличиваетъ свое могущество, благодаря тому, что получаетъ онъ чрезъ Нарву: ибо сюда привозится оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; мало того, сюда прѣзжаютъ сами художники и привозятъ къ нему свое искусство; эти средства доставили ему возможность побѣждать всѣхъ. Вашему величеству допечено извѣстны это могущество. Мы до сихъ поръ побѣждали его тѣмъ только, что онъ былъ лишень искусства, не зналъ цивилизаціи. Но если приходить къ раблѣ къ Нарвѣ будетъ продолжаться, то что останется ему противъ истинныя?“ И вотъ русскіе люди съ береговъ Волги, гдѣ бились съ гнѣздою татарскихъ хищниковъ, должны были отираться въ походъ на западъ, къ берегамъ балтійскимъ, чтобы заимствовать цивилизацію, чтобы имѣть возможность не бояться Азии. Такими образцами эти кочевые варвары являются чрезъ которые пришли на цивилизацію и на Востокъ и на Западъ; а когда наступили внутренніи смуты, какую способность въ отношеніи показали русскіе люди, какіе подвиги совершили, какіе жертвы принесли: а потому эти русскіи люди, славившіе въ продолженіи XVII вѣка, тогда притомъ „благословенныя и нравственныя безпорядки, поутраченныя покаяніемъ, которые найти нѣтъ возможности. недостаточность возмездія была „ошибка, и на конецъ отнесены этихъ средствъ—вотъ подвиги русскіе, которые, чрезъ которые цивилизація и цивилизація пришли на цивилизацію. Истина слова нѣтъ за тѣ, что они не убили цивилизацію въ тѣхъ, что они не успѣли и не успѣли, всѣхъ людей въ мирѣ.

Но если выдѣлать тѣхъ людей, тѣхъ, которые цивилизація въ 1700 г.

вершенію; если подвиги предковъ велики, потому что они постоянно должны были вести тяжелую борьбу съ азіатскими ордами, потому что русскій Славянинъ, населитель и цивилизаторъ неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствъ восточной Европы и сѣверной Азіи, долженъ былъ одною рукою вести плугъ по землѣ, имъ очищенной, а въ другой держать оружіе для защиты себя и своего благодѣтельнаго труда отъ степнаго хищника; если для предковъ нашихъ съ этою тяжелою борьбою противъ Азіи, соединялся еще болѣе тяжелый трудъ установленія внутреннего порядка, дѣла труднаго, медленнаго уже по самой громадности государственнаго тѣла; если древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто, гдѣ онъ непрерывно долженъ бороться съ врагами, подвергаться въ то же время непогодѣ и всякаго рода лишеніямъ: то когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратятся, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ, мы станемъ упрекать ихъ за то, что они явятся передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью? Древнее русское общество имѣетъ безспорно много черныхъ, непривлекательныхъ сторонъ; но должны ли онѣ смущать насъ, когда мы знаемъ, что предки не мирились съ этими сторонами, искали средства избавиться отъ нихъ, нашли и передали его намъ?

Если же наука представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ борющимися; если при внимательномъ изученіи жизни ихъ, многотрудной, суровой и подвижнической, можетъ возбуждаться только чувство удивленія и благодарности, а не упрекъ: то съ другой стороны, какое значеніе могутъ имѣть попытки тѣхъ людей, которые старались разцвѣтить и разукрасить эту суровую и многотрудную жизнь предковъ, нашить яркія заплаты на ихъ простую одежду? Что могутъ прибавить къ славѣ древнихъ русскихъ людей, утвержденія, что они давно уже чеканили свою монету, что они еще до Рюрика производили обширную торговлю, что они имѣли важныя общественныя учрежденія еще во времена Русской Правды, первая статья которой говоритъ: „Если убьютъ человѣкъ человѣка, то убійца долженъ мстить такой-то и такой-то родственникъ убитаго“? Прибавить къ славѣ предковъ подобныя утвержденія ничего не могутъ, но убавить могутъ очень много; ибо когда обнаруживаются средства, то необходимо рождается упрекъ: зачѣмъ же не воспользовались этими средствами? зачѣмъ, съ ихъ помощію, не скоро вышли изъ того состоянія, которое признано было неудовлетворительнымъ? Не говоримъ уже о вредѣ, который наносится этими утвержденіями правильному пониманію отечественной исторіи: ибо читатель, видя общество разцвѣченнымъ въ началѣ и не находя соотвѣствующихъ этому явленій послѣ, необходимо

приходить къ мысли, что общество не преуспѣвало, но шло назадъ. Здѣсь дѣло идетъ не о чисто ученыхъ вопросахъ, какъ напримѣръ, вѣкомъ рабѣ или вѣкомъ позднѣ начали у насъ бить монету? какъ обширна была торговля въ древней Россіи? вѣмъ построена извѣстная церковь—византійскими, западными или русскими художниками? дѣло идетъ не о поддѣчаніи любопытныхъ учреждений и обычаевъ, не объ отысканіи связи между ними и послѣдующими учреждениями и обычаями; дѣло идетъ о той непримичной, вредной для науки раздражительности, съ какою рѣшаются эти вопросы. Явится статья, въ которой доказывается, что извѣстное полезное учреждение, извѣстный похвальный обычай явился въ древней Россіи вѣкомъ позднѣ—и вотъ на нее нападаютъ съ гнѣвомъ, заподозриваютъ автора въ намѣреніи помрачить славу предковъ; найдутъ какое-нибудь любопытное учреждение, обычай, и вмѣсто того, чтобъ прискаты ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ явленій, лишаютъ его всякаго мѣста, преувеличивая его значеніе. Крайность вызываетъ другую крайность: люди, оскорбленные подобными преувеличеніями, перегибаютъ дугу въ противоположную сторону, стараются указывать въ древнемъ русскомъ обществѣ однѣ черныя его стороны, и, какъ обыкновенно бываетъ при страстныхъ увлеченіяхъ, начинаютъ вѣрять, что въ древней Россіи все было дурно, тогда какъ противники ихъ начинаютъ вѣрять, что все въ ней было хорошо. Но легко понять, какъ вредно для науки, какъ препятствуетъ вѣрному пониманію прошедшаго, вѣрному объясненію настоящаго изъ прошедшаго это стремленіе отыскивать только хорошее или дурное, при чемъ, большею частію, явленія берутся отдѣльно, безъ связи другъ съ другомъ. Намъ скажутъ, что изъ борьбы противоположныхъ мнѣній возникаетъ наконецъ истина. Справедливо, однако наука не можетъ же становиться на противоположныхъ концахъ, на сѣверѣ или на югѣ, на востокѣ или на западѣ, ибо на противоположныхъ сторонахъ необходимо найдется односторонность, слѣдовательно отсутствіе истины; обязанность науки сгнѣшить уясненіемъ дѣла, сгнѣшить прекращеніемъ спора, продолженіе котораго можетъ быть очень вредно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ познаніе отечественной исторіи, народное самопознаніе. Многіе изъ людей, желающихъ развѣстать старину, дѣйствуютъ такъ изъ чувства въ высшей степени восторженнаго, изъ чувства любви къ своему; но увлеченіе всякихъ чувствомъ, какъ бы оно восторженно ни было, можетъ повести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ: чувства должны руководиться свѣтомъ разума; извѣстно, что позволяли себѣ жрецы Цибели и другихъ азіатскихъ божествъ, увлекавшіеся чувствомъ очень восторженнымъ, желаніемъ служить и жертвовать своему божеству. Мы сравнили нашихъ предковъ съ людьми передовыми, которые, подвергаясь всякаго рода лишениямъ, физическимъ и нравственнымъ, совершили многотрудный подвигъ и во тогу самому часто не могутъ являться передъ нами въ привлекательномъ образѣ: если есть люди, которые, изъ любви къ своему, стараются изукрасить этотъ образъ, не думая, что этимъ са-

мымъ уменьшаютъ подвиги предковъ, то могутъ найтись также люди, которые, взявъ этотъ образъ, какъ онъ есть, постараются приравнять къ нему свой собственный образъ, позабывъ, что предки, какъ только вздохнули свободнѣе послѣ великаго труда, такъ начали искать средства измѣнить этотъ образъ, въ чемъ оставили для насъ священный завѣтъ и примѣръ. Въ великую эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ, когда предъ сгарающими жаждою познанія людьми открылся дивный міръ произведеній древняго генія, нашлись люди, которые до того увлеклись, что начали жалѣть объ исчезнувшемъ древнемъ мірѣ, объ его вѣрованіяхъ, и нѣкоторые даже дѣйствительно заставляли себя увѣровать въ олимпійскія божества. Неудивительно, что и у насъ, когда передъ сгарающими жаждою народнаго самопознанія людьми открылись древніе памятники, то нѣкоторые увлеклись и признали превосходство стараго предъ новымъ, позабывъ, что новое безконечно выше стараго именно этою возможностью народнаго самопознанія, приготовленнаго знаніемъ вообще, знаніемъ, которое досталось намъ вслѣдствіе многотруднаго подвига предковъ. Но есть надежда, что эпоха увлеченій приближается къ концу, что не долго изученіе отечественной исторіи будетъ для насъ дѣломъ новымъ, допускающимъ увлеченіе; что скоро мы получимъ способность стать предъ лицемъ науки просто, внимать ея вѣщаніямъ благоговѣнно и спокойно, какъ прилично важности предмета.

1856 г.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ УСТАНОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА ВЪ РОССИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Публичныя чтенія).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Если къ каждому частному человѣку можно обратиться съ вопросомъ: „скажи намъ, съ кѣмъ ты знакомишь, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ“,—то къ цѣлому народу можно обратиться съ слѣдующими словами: „расскажи намъ свою исторію, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ“.—Въ настоящее время, когда у насъ обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошлое, познать, кто мы таковы, я не рѣшился занять ваше вниманіе, мн. гт., изложеніемъ событий внѣшней отечественной исторіи, но считъ болѣе примичнымъ представить въ сжатомъ очеркѣ важнѣйшую сторону нашей внутренней исторіи, именно постепенное установленіе государственнаго порядка, или, какъ выражались наши предки, наряда въ русской землѣ.

Гдѣ, при какихъ природныхъ вліяніяхъ дѣйствовалъ народъ, и съ какими чужими народами и государствами изначала и преимущественно долженъ былъ имѣть дѣло — вотъ первые вопросы въ исторіи каждаго народа.

Задолго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ исторіи, посѣтилъ нынѣшнюю южную Россію: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, каковой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнились одни другими, образовалось могущественное государство; но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событий постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ ослабляетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе

къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновения; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станеть областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: „Въ Скиѣи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ея орошающихъ: онѣ велики и многочисленны“. Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѣи соотвѣтствуютъ исполнскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особой жизни. Какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводниками первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ, или юго-востокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особія рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особія системы областей, княжествъ. Такъ, по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ, русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главные части; первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юго-востокъ, соприкасается непосредственно съ степями средней Азіи: толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя исторія видить ихъ здѣсь постоянно господствующими. Какъ на ясной памяти исторіи въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другаго, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѣовъ смѣнялось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь-же мало выигрывала, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что быть народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій. Ясное понятіе объ этомъ быть, противоположности его съ бытомъ историческихъ народовъ можетъ дать намъ преданіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Истаспа въ Скиѣю. Скиѣи не встрѣтили полчищъ Персидскихъ; но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе;

Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погодою, Дарій наконецъ послалъ сказать Скиноскому царю: „странный человекъ! зачѣмъ бѣжишь ты дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ“. Скинозъ отвѣчалъ: „никогда еще не передъ однимъ человекомъ не бѣгалъ я изъ страха; не побѣгу и передъ тобою: что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бѣдсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы; попробуйте ихъ разорить, такъ узнаете, будемъ ли мы биться съ вами, или нѣтъ“. Одни кости мертвецовъ привязывали Скинозъ къ странѣ, и ничего, кромѣ могилъ, не оставилъ онъ въ историческомъ наслѣдїе племенамъ грядущимъ.

У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ Греческіе города построили свои колонїи для выгодной торговли съ варварами. Можно видѣть любопытную картину быта греческихъ колонистовъ въ разсказѣ Дїона Хризостома, который въ одной изъ колоній, именно въ Ольвии, искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвии увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣчей: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ Юпитерова храма, толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Дїонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобно Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и длинными бородами; но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпы варваровъ показались передъ городомъ; и въ то время, когда Дїонъ произносилъ свою рѣчь, городскія ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣшалось военное знамя; когда же нужно было выступить противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть. Быть можетъ, спросить: не производили ли эти греческія колонїи хотя медленнаго, но замѣтнаго въ исторїи вліянія на бытъ окружающихъ варваровъ? Известіямъ древнихъ показываютъ между Скинами людей царскаго происхожденія, обильно одѣтыхъ красотою греческихъ женщизъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпныя мраморныя дворцы въ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, но гибнуть отъ рукъ одинождцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая. Вторженіе Персидовъ въ Скиною не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей: попытки Митридата возбудить востозъ, мїръ варваровъ противъ Рима, остались также тщетными. Движенія къ Азии не могли возбудить исторической жизни въ странахъ Понтийскихъ. Но есть слѣдствіе преданіе о противоположномъ движеніи, съ запада, къ Умрунѣ, о дикескїи племенахъ, давнишнїхъ странѣ исторїи, племенахъ Славянскихъ.

Славянскіе племена не воюють о своемъ приходѣ къ Азии. Ѧ выждѣ,

который вывел его оттуда; но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, вслѣдствіе натиска отъ какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясныя слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверо-востокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверо-востокѣ Славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ вліяній и натисковъ запада, до тѣхъ поръ, пока оно, собравши силы, могло уже безъ опасенія за свою независимость выступить на поприще, и обнаружить, съ своей стороны, вліяніе и на востокъ и на западъ.

Краткія, но ясныя указанія на бытѣ Славянъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: сравнивая Славянъ съ народами Европейскими и Азіатскими, осѣдлыми и кочевыми, среди которыхъ они жили, Тацитъ говоритъ, что ихъ должно отнести къ первымъ, потому что они строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши; все это, продолжаетъ Тацитъ, совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ образомъ первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ Европейскаго воина, пѣшъ и со щитомъ. Такое-то племя явилось въ областяхъ нынѣшней Россіи, и расселилось на огромныхъ пространствахъ, преимущественно по берегамъ большихъ рѣкъ. Славяне жили особыми родами: „Каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ родомъ своимъ“, говоритъ нашъ древній лѣтописецъ. Когда умиралъ Князь, старшина, глава рода, то мѣсто его заступалъ старшій сынъ, который былъ для младшихъ братьевъ вмѣсто отца; по смерти послѣдняго, старшиною рода становился слѣдующій за нимъ братъ и такъ далѣе, всегда старшій въ цѣломъ родѣ, такимъ образомъ старшинство не переходило прямо отъ отца къ сыну, не было исключительнымъ достояніемъ одной линіи, но каждый членъ рода имѣлъ право, въ свою очередь, получать его. Легко понять, что при такомъ порядкѣ вещей типина и согласіе внутри родовъ не могли долго ссхраняться. Связь между членами общества была только чисто родовая, и слабѣла тѣмъ болѣе, отношенія становились тѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ родства находился старшина къ остальнымъ членамъ рода; чѣмъ болѣе размножались и расходились родовыя линіи, тѣмъ запутаннѣе и спорнѣе становились права на старшинство: отсюда необходимо происходили несогласія, усобицы; при столкновеніяхъ отдѣльныхъ родовъ дѣла также съ трудомъ могли рѣшаться миролюбиво, потому что каждый родъ, старшина каждаго рода долженъ былъ блюсти честь и вы-

THE
PAGE
PAGE

[The main body of the page contains several paragraphs of text that are almost entirely illegible due to extreme blurring and low contrast. The text appears to be organized into paragraphs, but the individual words and sentences cannot be discerned.]

THE
PAGE
PAGE

сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками. У послѣднихъ Карлоинги смѣнили Меровинговъ. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый Германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомукъ Геристала принялъ титулъ Римскаго Императора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдью римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Что же могла противопоставить ему восточная Европа? Народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Легко было предвидѣть, что новый Цезарь получить такіе же успѣхи надъ младенствующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. По смерти Карла Великаго, преемники его уже не могли съ такимъ постоянствомъ и силою дѣйствовать противъ Славянъ, и между послѣдними видимъ стремленіе къ самостоятельности, чѣмъ особенно отличаются князья моравскіе. Но эти князья должны были понимать, что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ; что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только съ внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князья моравскіе должны были обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать моравскимъ князьямъ на этотъ путь. Со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Германскимъ: она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ изъ Моравіи отправляется въ Константинополь посольство съ просьбою о славянскихъ учителяхъ; просьба исполнена: знаменитые братья Кириллъ и Меѳодій распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Но не западнымъ Славянамъ суждено было основать среди себя независимую славянскую церковь: въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ славянскаго міра явились Венгры. Политика дворовъ—Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ орудіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, Нѣмцы противъ моравской державы. Къ несчастью для послѣдней въ 894 году умеръ знаменитый князь ея Святополкъ, въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточивать всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ — Нѣмцамъ и Венграмъ; моравскія владѣнія раздѣлились на части между сыновьями Святополка; вражда послѣднихъ погубила страну, которая стала добычею Венгровъ. Разрушеніе моравской державы и основаніе

Венгерскаго государства въ Панноніи были важными судостроителами для славянскаго міра: Славяне южные были отдалены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное владѣніе, которое начало было соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между Славянскимъ и Германокимъ племенемъ, гдѣ, съ помощію Византіи, основалась Славянская церковь; теперь Моравія пала, и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею рушилась; Венгры стали между ними. Славянская церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурю, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать ей питаніе и укрѣпленіе. Такимъ образомъ съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне должны были по необходимости прикнудить къ западному римско-германскому міру и въ церковномъ и политическомъ отношеніи. Самостоятельное славянское государство могло образоваться и окрѣпнуть только на отдаленномъ востокъ, куда не достигали западныя вліянія, ни матеріальныя, ни духовныя. Къ судьбѣ этого-то государства мы теперь и обратимся.

Мы видѣли, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился Князь, призванный для установленія наряда въ землѣ, ввѣленной родовыми усобицами. Установленіе наряда среди племенъ, сосредоточеніе ихъ около одного правительственнаго начала, дало имъ силу; этою силою сѣверныхъ объединенныхъ племенъ князь пользуется для того, чтобъ подчинить себѣ, сосредоточить подъ своею властію и остальныя племена, обитавшія въ нынѣшней средней и южной Россіи. Теперь предстаетъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ явился князь къ племенамъ, призвавшимъ его и къ подчинившимся впоследствии? Для рѣшенія этого вопроса должно обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть. Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣкоторые отдѣльных родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общою жизнію вслѣдствіе усобицъ; нужно было историческое начало, которое условно бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ, мирная возможность только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ, съ однимъ общимъ родоначальникомъ: и вотъ они хотѣли восстановить это прежнее единство, хотѣли, чтобъ всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиномъ: княземъ, который во всѣхъ родахъ былъ бы единовѣдомъ. чего можно было достигнуть только тогда, когда одинъ старшина, князь не принадлежалъ ни въ одному роду. былъ не чуждаго рода. Они призвали князя. не имѣли возможности съ самимъ племенемъ соединить какое либо другое новое значеніе: кроме значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князь ужь никакъ никакъ выйти его власти. его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть во буквальный смыслъ лѣтописи: онъ думалъ и гадалъ о своемъ князьствѣ. какъ старшина о своемъ родѣ, думалъ о странѣ земскомъ, о ратяхъ, объ устанѣ, о селеніяхъ, о войнѣ, онъ былъ судья во время княж: онъ вѣдалъ

преступниковъ; его дворъ—мѣсто суда, его слуги—исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая переимѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствія и постепенное исчезновеніе мы увидимъ послѣ; теперь же мы должны обратиться къ вопросу первой важности, а именно, что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племени? Удержали ли они прежнее значеніе относительно своихъ родовъ, и, окруживъ новаго князя изъ чужаго рода, составили высшее сословіе, боярство съ важнымъ земскимъ значеніемъ, съ могущественнымъ вліяніемъ на остальное народонаселеніе? Соединеніе многихъ родовъ въ одно цѣлое, съ однимъ общимъ княземъ во главѣ, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно: мы еще видимъ нѣкоторое время старцевъ, участвующихъ въ совѣтахъ князя, прежде нежели явились всеобщіе совѣты, или вѣча; но общественная жизнь, получая все большее и большее развитіе, условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, при чемъ прежнее представительное значеніе старшихъ въ цѣломъ родѣ должно было мало по малу исчезать. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованіе прежнихъ славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значеніемъ, забываютъ, что родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наследственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну; тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно, одна какая-нибудь линія не могла выдвинуться впередъ предъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; никогда линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званія въ одной линіи. Изъ этого ясно видно, что бояре нашихъ первыхъ князей не происходили отъ старинныхъ родоначальниковъ, но имѣли происхожденіе дружинное.

Таково было значеніе князя, таковы были отношенія его къ под-

чиненному народонаселенію. Само собою разумѣется, что эти отношенія устанавливались не вдругъ, но постепенно, у однихъ племенъ прежде, у другихъ послѣ: прежде у племенъ участвующихъ въ призваніи князя, послѣ у племенъ подчинившихся позднѣе преемникамъ Рюрика, и болѣе отдаленныхъ отъ главнаго мѣста дѣйствія, т. е. отъ воднаго пути между Новгородомъ и Кіевомъ. Не вдругъ, но мало по малу обнаруживались и перемѣны къ быту племенъ, вслѣдствіе подчиненія ихъ одной общей власти: дань, за которую самъ князь ходилъ, была первоначальнымъ видомъ этого подчиненія, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности сознание этой связи, разумѣется, было еще очень слабо. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность, въ слѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, потому что съ этимъ участіемъ племенъ въ общей жизни принимало болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовало сознанию о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприсосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ одной общей дѣятельности, составляли одну дружину подъ знаменами русскаго князя; здѣсь нагляднымъ образомъ приобрѣтали они понятіе о своемъ единствѣ, и, возвратясь домой, передавали это понятіе своимъ родичамъ, рассказывая имъ о томъ, что они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества: но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ

быть, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получали возможность развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получали возможность личною доблестію приобретать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью по родовой дѣлствіи; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, которую они доставляли князю и землѣ; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и землѣ. Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ въ западной Европѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина не находилась въ вождю въ служебныхъ отношеніяхъ; вождь былъ только первый между равными: „Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдѣмъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго“. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою нибудь странюю, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя этихъ племенъ, въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; около него видимъ дружину, которая постоянно пополняется новыми членами, пришлецами и туземцами: но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобъ дѣлить землю, ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобъ служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорилъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: во первыхъ князь покорялъ ихъ не съ одною дружиною, но соединенными силами всѣхъ, прежде подчинившихся племенъ; во вторыхъ, покоренныя племена были разбѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; на нихъ налагалась дань—и только; но ихъ не дѣлили между членами дружины. Земли было много у Русскаго князя; онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ; но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народо-

населенія; имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще не покореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ, получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ; каждый пришлецъ получалъ мѣсто смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, какъ васъ по имени зовуть:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству мочно пожаловати».

Такъ было вездѣ, такъ было и у насъ.—Въ Скандинавскихъ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ, княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь; мужъ и жена соперничали, у кого будетъ болѣе знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтверженіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвиги, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

«Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человекъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто».

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игоревъ говорила: „Кто съ моремъ совѣтенъ“, и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: „Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ“, говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось страшнымъ позоромъ для добраго дружинника; и хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности: такъ Святославъ не принялъ вызова Цимисіева на поединокъ, конечно не изъ трусости, но изъ того, чтобъ не отдѣлиться отъ дружины, не покинуть ее на жертву врагамъ въ случаѣ своей смерти; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысящій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурей воинамъ, и сказалъ: „Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною“.—Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: „отроки Свѣнелдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань“. Хорошій князь ничего не жалѣлъ для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда приобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обиль-

ные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кружку, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится, что онъ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратахъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хотѣлъ принимать христіанства, потому что дружина станеть смѣяться. Бояре, вмѣстѣ съ городскими старцами, рѣшаютъ, что должны принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о переѣзѣ въры.

Кромѣ дружины, войско составляли особые полки, набравшіеся изъ народонаселенія городского и сельскаго, къ состоянію котораго теперь и обратимся. Прежніе города Славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобъ соединенными силами обрабатывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной самостоятельной дѣятельности приобрѣсть болѣе другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной жизни, самостоятельной дѣятельности. Различіе занятій и мѣна условливались тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія—воинскіе отряды, дружины князей; въ нѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ мужи князіе съ воинскими отрядами; этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность, которыя, въ свою очередь, должны были дѣйствовать на ослабленіе прежняго родоваго быта. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало и то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условий общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительственныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники—десятскіе, сотскіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служить важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго: эти новыя формы соединенія,

новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. — Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ князь, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, вслѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ особаго рода; князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными или взятыми въ плѣнъ, также наемными работниками. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и вмѣсто племенныхъ названій встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ.

Такъ были положены основы русскому обществу; таковы были перемѣны, произведенныя новыми началами въ бытѣ восточныхъ племенъ Славянскихъ. Но легко замѣтить, что въ начертанной картинѣ образованія юнаго русскаго общества чего-то недостаетъ, и недостаетъ самаго главнаго, недостаетъ духовнаго начала. Какъ въ дивномъ видѣніи ветхозавѣтнаго пророка мы видимъ, что кости складываются съ костями, связываются съ жилами, облекаются плотію, — но духа еще нѣтъ въ новомъ тѣлѣ: этотъ духъ принесенъ былъ христіанствомъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ предшествующую бесѣду мы видѣли, какъ положены были основы русскаго общества, мы видѣли какъ сложились его части; но мы замѣтили, что не было еще духовнаго начала, которое бы дало этимъ частямъ духовную связь, духовное единство: это духовное начало явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ, принесеннымъ въ Россію изъ Византіи. Прежде нежели приступимъ къ разсказу о принятіи христіанства, его распространеніи и вліяніи на новорожденное общество, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ князѣ, которому суждено было сдѣлаться просвѣтителемъ русскаго народа. Мы видѣли, какими способами и путями начало, призванное для установленія порядка, исполнило свое назначеніе въ первое время существованія русскаго общества; мы видѣли, какъ правительственное начало собирало племена, разсыянные на безмѣрномъ пространствѣ, сосредоточивало

ихъ около правительственныхъ центровъ, — около городовъ; какимъ образомъ переводило оно народонаселеніе изъ быта племеннаго въ бытъ областной. Съ другой стороны, правительственное начало должно было стоять на сторожѣ русской земли, должно было постоянно защищать это юное общество, эти первыя основы общества отъ непрестанныхъ вторженій степныхъ варваровъ, — потому что русское государство, передовое государство Европейское основалось на границахъ степей, на границахъ Европы съ Азією. Изъ князей, которые всего болѣе старались объ этомъ внутреннемъ нарядѣ, преданіе выставляетъ намъ два лица, соединенныя въ немъ однимъ именемъ, однимъ прозваніемъ, одинаковымъ характеромъ дѣятельности, хотя эти два лица и разныхъ половъ: это князь Олегъ, второй по призванію, и княгиня Ольга, жена Игоря, третьяго князя. Преданіе выставляетъ одинаковую дѣятельность этихъ двухъ лицъ относительно устройства наряда въ землѣ, указывая, какъ эти лица старались опредѣлять отношенія племенъ къ главному центру, къ сосредоточивающему началу, какъ, собирая эти племена, населяли пустынные страны, строили города. Мы сказали, что преданіе даетъ обомъ этимъ лицамъ одно прозваніе — мудрыхъ: мы знаемъ, кого обыкновенно народное преданіе называетъ мудрыми, кому приписываетъ это свойство, — оно приписывается тѣмъ правительственнымъ лицамъ, которыя преимущественно заботятся о внутреннемъ нарядѣ, о внутреннемъ благосостояніи общества. Иначе рассказываетъ преданіе о сынѣ Ольги: Святославъ въ преданіи выставляется героемъ, вождемъ дружины по преимуществу, но не нарядникомъ; въ преданіи сохранилась жалоба, что онъ оставилъ родную страну для чужой, заботился о чужой странѣ, а между тѣмъ родную землю безъ него едва было не взяли Печенеги. Съ другимъ характеромъ является сынъ Святослава — Владиміръ. Это лице есть любимый герой древней Руси. Конечно, его великое значеніе какъ Апостола, просвѣтителя Русской земли, даетъ ему право быть главнымъ героемъ древней русской исторіи. Неудивительно потому въ народныхъ поэтическихъ сказаніяхъ видѣть это лице совопросникомъ царя Давида, вмѣстѣ съ нимъ рѣшающимъ важный вопросъ о началѣ и концѣ міра. Но съ Владиміромъ соединены еще и другія преданія, которыя не могутъ быть объяснены однимъ его религіознымъ значеніемъ: къ княженію Владиміра относится циклъ богатырскихъ нашихъ пѣсенъ и сказаній. Витязи, богатыри, главные герои этихъ преданій, суть сподвижники, дружинники Владиміра; Владиміръ тотъ князь, который распоряжается ихъ подвигами. Отчего же въ этихъ сказаніяхъ о геройскихъ подвигахъ богатырей играетъ главную роль Владиміръ, а не отецъ его Святославъ, герой по преимуществу? Если мы обратимся къ лѣтописи, то она точно укажетъ намъ, что Владиміръ совершилъ много походовъ, преимущественно съ тою цѣлю, чтобы скрѣпить окончательно между племенами связь, ослабѣвшую во время удаленія отца его въ Болгарію и во время междоусобій братьевъ. Но преимущественная дѣятельность Владиміра состояла въ томъ, что онъ отражалъ степ-

ных варваровъ, сдерживалъ ихъ стремленія противъ новорожденнаго общества; около Кіева, около центра русскаго общества въ то время, съ цѣлю защиты отъ нападений варваровъ построилъ рядъ городовъ; все его княженіе проходитъ большею частію въ битвахъ съ варварами. Здѣсь, въ этихъ битвахъ идетъ дѣло о самыхъ главныхъ интересахъ общества, народа, здѣсь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Не удивительно послѣ того, что подвиги Святослава не могли служить содержаніемъ народныхъ пѣсенъ и сказаній: они были совершаемы вдали отъ родной страны и не для родной страны; тогда какъ подвиги Владиміра были совершаемы въ виду всей Русской земли и съ цѣлю ея защиты отъ степныхъ варваровъ; вотъ почему благодарный народъ такъ удержалъ въ своей памяти подвиги Владиміра и сдѣлалъ его героемъ дѣлаго цикла богатырскихъ преданій: а между тѣмъ самъ Владиміръ не былъ богатырь изъ богатырей, какъ былъ отецъ его Святославъ. Но Владиміръ кромѣ того заслужилъ еще народную добрую память другими чертами своего характера: изъ сличенія всѣхъ преданій, записанныхъ въ лѣтописи и существующихъ въ народныхъ сказаніяхъ, мы видимъ, что этотъ князь имѣлъ широкую, любящую душу и потому не любилъ жить одиноко, но любилъ жить съ другими вмѣстѣ; а извѣстно, какъ это качество способно приобрѣтаетъ любовь народа и добрую память.

Таковъ былъ князь, которому суждено было быть Апостоломъ Россіи. Знакомство съ христіанствомъ начинается очень рано въ нашемъ отечествѣ вслѣдствіе раннихъ походовъ русскихъ князей и племенъ на Константинополь: уже во время похода Игоря, третьяго Русскаго князя, лѣтопись говоритъ о христіанахъ, бывшихъ въ его войскѣ, и о церкви христіанской, находившейся въ Кіевѣ. Раннее распространеніе и усиленіе христіанства на Руси доказывается и тѣмъ, что послѣ Игоря жена его Ольга, управлявшая дѣлами новаго общества за малолѣтствомъ сына своего Святослава, принимаетъ христіанство: это явленіе было и слѣдствіемъ распространенія христіанства и причиною дальнѣйшаго распространенія. Но когда христіанство начало усиливаться на Руси, въ тогдашнемъ центрѣ ея — Кіевѣ, какъ скоро оно обратило на себя вниманіе, тогда необходимо было ожидать враждебнаго столкновенія его съ древней языческой религіей. Когда Ольга увѣщевала сына своего принять христіанство, онъ отказался: въ характерѣ Святослава лежало неодолимое препятствіе къ тому. Но, какъ сказано, самый примѣръ Ольги долженъ былъ способствовать къ усилению христіанства, а вмѣстѣ съ успѣхами послѣдняго должно было возникнуть и сопротивленіе со стороны язычества; это сопротивленіе обозначается въ лѣтописи тѣмъ, что христіанъ хотя не притѣсняли но смѣялись надъ ними; борьба такимъ образомъ начиналась насмѣшками. Есть нѣкоторыя извѣстія, что въ концѣ княженія Святослава эта борьба приняла уже другой характеръ,—насмѣшки превратились въ притѣсненія: но, Святославъ, преслѣдуя христіанство (если вѣрить этимъ извѣстіямъ), оставилъ однако по своему удаленіи мало-

лѣтнихъ сыновей своихъ при бабѣ ихъ христіанкѣ, и есть также извѣстіе, что старшій сынъ его Ярополкъ былъ приверженъ къ христіанству, хотя явно и не принималъ его изъ страха предъ сильной языческой стороною. Есть еще далѣе извѣстіе, что Владиміръ, князь Новгородскій, въ борьбѣ съ Ярополкомъ былъ обязанъ успѣхамъ своимъ стараніямъ языческой стороны, которая не хотѣла Ярополка, но хотѣла князя вполне язычника. Вѣрность этого извѣстія подтверждается тѣмъ, что какъ скоро Владиміръ осилилъ брата и занялъ Кіевъ, тогда мы видимъ язычество въ полномъ разгарѣ. Никогда еще по свидѣтельству лѣтописи, язычество не выказывалось такъ рѣзко на Руси, какъ въ началѣ княженія Владиміра, никогда не было приносимо такъ много жертвъ, требовались даже человѣческія жертвы. Владиміръ, обязанный торжествомъ своимъ языческой сторонѣ, спѣшитъ удовлетворить ей, спѣшитъ украсить язычество и языческій бытъ: онъ ставитъ изукрашенныхъ идоловъ, приноситъ имъ частыя жертвы. Но въ этомъ самомъ торжествѣ язычества, въ этомъ стараніи поднять, украсить его, въ этомъ самомъ мы видимъ уже признакъ его скорого паденія: стараясь поднять язычество, стараясь украсить его, Владиміръ и тѣ, которые содѣйствовали ему въ этомъ, истощали всѣ средства язычества и тѣмъ рѣзче обнаруживали всю его ничтожность, всю его несостоятельность предъ другими религіями, особенно предъ христіанской. Что бываетъ иногда въ жизни частныхъ людей, тоже замѣчается и въ жизни цѣлыхъ обществъ: мы видимъ иногда, что самые ревностные поклонники какого нибудь начала, оставляя прежній предметъ своего поклоненія, вдругъ переходятъ на другую сторону, и дѣйствуютъ съ удвоенною ревностію въ ея пользу,—это значить, что они въ своемъ сознаніи истощили всѣ средства своего прежняго поклоненія. У насъ на Руси, въ Кіевѣ, въ малыхъ размѣрахъ случилось тоже самое, что нѣкогда имѣло мѣсто въ Римѣ при императорѣ Юліанѣ: его ревность всего болѣе способствовала паденію язычества: онъ истощилъ всѣ средства, которыя могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества, и тѣмъ показалъ его ничтожность и несостоятельность предъ христіанствомъ: такъ и наше языческое общество при Владимірѣ, истощивъ всѣ средства язычества, приготовило тѣмъ самымъ торжество христіанства.

Подъ 983 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ слѣдующій любопытный разсказъ: пришелъ Владиміръ изъ похода противъ Ятвяговъ и начали приносить жертвы кумирамъ; собралась толпа и потребовала человѣческой жертвы; кинули жребій, — жребій палъ на одного изъ Варяговъ, который исповѣдывалъ христіанскую вѣру вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, принесшимъ ее изъ Константинополя; толпа послала сказать старику, чтобы онъ отдалъ сына своего въ жертву богамъ; Варягъ отвѣчалъ: „ваши боги суть дерево,—нынѣ есть оно, завтра сгніетъ; одинъ тотъ Богъ, которому кланяются Греки, который сотворилъ небо и землю; а что сдѣлали ваши боги?—они сами сдѣланы; не отдамъ сына своего бѣсамъ“. Разъяренная толпа убила проповѣдника;—ярость

прошла, но проповѣдь осталась: „Ваши боги—дерево“!—и безотвѣтны стояли кумиры Владиміра предъ этимъ грознымъ вызовомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что могла древняя наша языческая религія дать обществу, что могла она выставить, что могла отвѣтить на всѣ тѣ важные вопросы, которые задавали ей проповѣдники другихъ религій, особенно религіи христіанской?

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые беспокоили всѣ сѣверные народы, и которые такъ сильно способствовали распространенію между ними христіанства, былъ вопросъ о началѣ міра и о будущей жизни. Болгарское преданіе о принятіи христіанства говоритъ, что болгарскій князь всего болѣе былъ пораженъ картиною страшнаго суда; тоже самое повторяетъ преданіе и о нашемъ Владимірѣ. Въ преданіи Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о вѣрѣ; онъ говоритъ имъ: „приходили ко мнѣ проповѣдники разныхъ вѣрѣ, каждый хвалитъ свою вѣру; пришли и Греки, они рассказали мнѣ много о началѣ и концѣ міра; хитро говорятъ они, люблю ихъ слушать“. Что этотъ вопросъ о началѣ и концѣ міра сильно занималъ сѣверные народы и много способствовалъ къ распространенію между ними христіанства, это доказывается тѣмъ, что подобное же преданіе находимъ мы и на противоположномъ концѣ западной Европы,—знакъ, что это преданіе вѣрно, вѣрно духу времени и духу народовъ: христіанскіе проповѣдники приходятъ къ одному Англо-саксонскому королю; король, подобно Владиміру, созываетъ дружину и старшинъ для совѣщанія принять ли имъ новую вѣру, или нѣтъ, и вотъ одинъ изъ вождей говоритъ: „ты вѣрно припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты съ дружиною своей сидишь въ теплой комнатѣ, каминъ пылаетъ, всѣмъ такъ хорошо, а на дворѣ вьюга, мить, дождь, снѣгъ; и вотъ иногда въ это время случится, что маленькая птичка влетитъ въ одну дверь и вылетитъ въ другую: мгновеніе этого перелета такъ пріятно ей, но это мгновеніе кратко и она снова погружается въ бурю и снова бьетъ ее ненастье: такова и жизнь наша, если сравнить ее съ тѣмъ временемъ, которое ей предшествуетъ и послѣдуетъ,—это время беспокоитъ и страшитъ насъ своего неизвѣстностію. И такъ, если новое ученіе дастъ извѣстіе о томъ, что было и что будетъ, то стоитъ принять его“. Такъ говорятъ преданія, являющіяся совершенно независимо одно отъ другаго въ разныхъ концахъ Европы. На вѣрность ихъ указываетъ ихъ согласіе. Но есть еще другое преданіе также несомнѣнно вѣрное: это преданіе о выборѣ вѣрѣ. Оно говоритъ, что Владиміръ долженъ былъ выбирать изъ разныхъ вѣрѣ; язычество показало свою несостоятельность, нужно было переимѣнить его на другую вѣру, и вотъ Владиміръ избираетъ изъ многихъ вѣрѣ христіанскую. Это преданіе также согласно съ обстоятельствами времени и тогдашняго общества. Выборъ изъ многихъ вѣрѣ есть особенность русской исторіи: другимъ, западнымъ народамъ нельзя было выбирать изъ многихъ вѣрѣ, имъ можно было только переимѣнить язычество на христіанство. Но русское общество находилось на границахъ Европы и Азіи; здѣсь, на этихъ гра-

ницахъ, сталкивались не только разные народы, но и разные религии; слѣдовательно обществу въ такихъ обстоятельствахъ должно было выбирать изъ разныхъ религій. Далѣе на Востокѣ, еще прежде основанія русскаго государства, основалось казарское царство, которое представляетъ намъ нѣсколько различныхъ народовъ, соединенныхъ вмѣстѣ и нѣсколько различныхъ религій: и вотъ у Казаръ существовало преданіе; что ихъ кагану нужно было также выбирать изъ разныхъ вѣръ, что къ нему приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ,—азиатскій народъ выбираетъ вѣру Іудейскую. Теперь, далѣе, къ западу, на границахъ Европы и Азіи, основывается другое общество, съ Европейскимъ населеніемъ и характеромъ; но обстоятельства тѣже, и тоже преданіе повторяется; на этотъ разъ Европейское общество выбираетъ христіанство. Христіанство было давно уже знакомо въ Кіевѣ, вслѣдствіе тѣсныхъ связей съ Константинополемъ: русскіе люди часто бывали въ Константинополѣ и приносили оттуда рассказы о чудесахъ греческой религии и гражданственности. Эти бывальцы въ Византіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ бывали и въ другихъ странахъ и имѣли случай сравнить различныя религии, — эти бывалые люди имѣли полное право сказать Владиміру то, что въ преданіи говорятъ ему бояре, отправленные имъ для испытанія различныхъ вѣръ: „лучше греческаго богослуженія, лучше греческой религии найти нельзя; всякой, отвѣдавъ разъ сладкаго не захочетъ горькаго; если ты не примешь христіанской вѣры, то мы уйдемъ назадъ въ Константинополь“. Митрополитъ Иларіонъ, современникъ Владимірова сына Ярослава, Иларіонъ, авторитетъ котораго для насъ безпрекословенъ, говоритъ, что Владиміръ безпрестанно слышалъ о греческой вѣрѣ, богослуженіи, о чудесахъ христіанства. Но и для тѣхъ, которые не бывали въ Константинополѣ, было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: „если бы христіанство не было лучшею изъ религій, говорили они Владиміру, то твоя бабка Ольга не приняла бы его, а Ольга была мудрѣйшая изъ людей“. Такимъ образомъ все было готово къ принятію христіанства. Прибавимъ еще и другое обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ малюткой изъ Кіева и отвезенъ въ Новгородъ, гдѣ и воспитанъ; на сѣверѣ христіанство было мало знакомо, язычество господствовало здѣсь вполне; въ борьбѣ съ Ярополкомъ Владиміръ явился съ сѣверными полками, набранными изъ Скандинавовъ, Новгородцевъ, Кривичей, Финновъ,—все ревностныхъ язычниковъ; этотъ приплывъ языческаго элемента и былъ причиною торжества язычества въ началѣ княженія Владиміра. Но потомъ время и мѣсто свое, язычество не могло долѣе противиться; языческая религія, которая удовлетворяла потребностямъ племенъ разсѣянныхъ, жившихъ особенно въ родовомъ бытѣ, не могла уже теперь удовлетворить Кіевлянамъ, познакомившимся съ Христіанствомъ. Въ совѣтѣ Владиміра было рѣшено, что христіанство есть лучшая вѣра. Не станемъ повторять дальнѣйшихъ подробностей о томъ, какъ Владиміръ, не смѣя прямо приступить къ такому великому дѣлу,

говорить — „подожду еще немного“, и предпринимает походъ на Корсунь; замѣтимъ, что это преданіе такъ вѣрно и естественно, что мы имѣемъ право принять его; оно показываетъ намъ какъ Владиміръ даетъ обѣтъ принять христіанство, если Богъ христіанскій поможетъ ему: мы знаемъ, что это не первый вождь языческаго народа, который принимаетъ христіанство вслѣдствіе подобныхъ обѣтовъ. И вотъ Владиміръ возвращается въ Кіевъ христіаниномъ, сокрушаетъ идоловъ; духовенство, приведенное имъ, проповѣдуетъ христіанство по улицамъ города. Многіе, давно знакомые съ христіанствомъ, съ радостію принимаютъ его, другіе колеблются, какъ прежде колебался и Владиміръ, нѣкоторые же упорно стоятъ за старую вѣру. Тогда Владиміръ употребляетъ средство сильнѣе: онъ объявляетъ, чтобы на другой день весь народъ явился къ рѣкѣ, и кто не явится, тотъ будетъ врагомъ князю. Тѣ, которые колебались, ждали чего нибудь рѣшительнаго, съ радостію пошли теперь къ рѣкѣ, руководствуясь примѣромъ князя и бояръ, говоря, что еслибы христіанство не было лучшею религіей, то князь и бояре не приняли бы его; нѣкоторые, по словамъ митрополита Иларіона, шли неохотно, изъ страха предъ повелѣвшимъ; нѣкоторые же, закоренѣлые язычники, удаляются изъ Кіева, скрываются въ лѣсахъ и степяхъ. Это извѣстіе объ удаленіи нѣкоторыхъ язычниковъ въ лѣса и степи можно принимать въ связи съ извѣстіемъ объ умноженіи разбоевъ: закоренѣлые язычники, удалившись изъ общества, разумѣется, должны были враждебно противъ него дѣйствовать. Любопытно, что богатыри Владиміра, по преданіямъ, вооружаются противъ разбойниковъ: все это можетъ вести ко мнѣнію, что эта борьба хотя отчасти носила характеръ религіозный; приводятъ разбойника,—его отдають митрополиту; разбойникъ кается въ домѣ послѣдняго. Какъ-бы то ни было, въ Кіевѣ христіанство принялось безъ большихъ затрудненій. Но не такъ было тамъ, гдѣ оно не было еще знакомо, у племенъ сѣверныхъ и восточныхъ, которыя жили еще въ простотѣ первоначальнаго быта, для которыхъ старая языческая религія была еще удовлетворительна. Любопытно видѣть, что христіанство распространялось у насъ тѣмъ же путемъ, какимъ вначалѣ распространялась и государственная область; проповѣдники, митрополиты и другія духовныя лица, идутъ по великому водному пути, — изъ Кіева въ Новгородъ, потомъ бѣлозерскимъ путемъ до Ростова. Но христіанство встрѣчаетъ здѣсь на сѣверѣ сильныя препятствія; язычество, не удовлетворяясь страдательнымъ противоборствомъ христіанству, осмѣливается иногда прямо и явно наступать на него; являются иногда волхвы, и явно возмущаютъ народъ противъ христіанства. Большія смуты произвели они въ ростовской области, такъ что князь Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться на сѣверъ для усмиренія волнень; въ Новгородѣ одинъ волхвъ возмущилъ народъ до того, что когда епископъ вышелъ съ крестомъ въ руть, то на сторонѣ волхва стало все народонаселеніе; на сторонѣ епископа остался одинъ князь съ дружиною, и только особенная смѣлость князя помѣшала исполниться намѣреніемъ волхва.

Для окончательнаго торжества христіанства и низложенія язычества, греческое духовенство присовѣтовало Владиміру мѣру самую дѣйствительную: христіанство не могло съ надлежащимъ успѣхомъ распространяться среди стараго поколѣнія, которое было воспитано въ язычествѣ и потому жило прежними, языческими понятіями; съ другой стороны родители, пропитанные языческими понятіями, не могли воспитать новое поколѣніе въ понятіяхъ христіанскихъ: и вотъ, по совѣту греческихъ епископовъ, Владиміръ отбираетъ у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдаетъ ихъ по церквамъ духовенству, учиться грамотѣ и вмѣстѣ догматамъ христіанскимъ, воспитываться въ христіанскомъ духѣ; сынъ его, Ярославъ, тоже самое дѣлаетъ въ Новгородѣ. Св. Леонтій подобнымъ же образомъ поступаетъ въ Ростовѣ: не имѣя возможности сладить съ упорнымъ язычествомъ, св. Леонтій обращается къ молодому поколѣнію, собираетъ около себя дѣтей и воспитываетъ ихъ въ христіанствѣ, за что и терпитъ страдальческую кончину отъ родителей этихъ дѣтей. Но въ Кіевѣ и Новгородѣ эта мѣра удалась какъ нельзя лучше: новое, молодое поколѣніе, воспитанное христіански и выученное грамотѣ, имѣло средство узнать догматы новой религіи и дѣйствовать гораздо сильнѣе противъ прежней.

Теперь разсмотримъ, каковы были подвиги этого новаго, молодаго поколѣнія, поколѣнія грамотнаго, наученнаго догматамъ своей религіи. Представителями его являются въ семействѣ княжескомъ уже дѣти Владиміра, и, во первыхъ, любимые его сыновья — Борисъ и Глѣбъ. Легко понять, что христіанство, по самому характеру своему, должно было прежде всего подѣйствовать на самыя нѣжныя отношенія, на отношенія семейныя, родственныя, должно было скрѣпить ихъ и дать имъ большую мягкость и нѣжность: это и видимъ мы въ Борисѣ и Глѣбѣ, въ этихъ образцахъ братской любви и благоговѣнія къ началамъ семейнымъ; они падаютъ жертвою этихъ новыхъ понятій, новыхъ чувствъ; они являются первыми гражданами новаго міра, первыми борцами новаго христіанскаго общества противъ языческаго. Потомъ, представителемъ новаго поколѣнія является третій сынъ Владиміра — Ярославъ, который былъ великимъ княземъ. Ярославъ, говоритъ летопись, былъ христіанинъ и умѣлъ читать книги: эти два сопоставленія чрезвычайно важны; именно, по понятіямъ тогдашняго общества, христіанство и грамотность — были нерасторжимы; слѣдовательно Ярославъ былъ полнымъ представителемъ новаго поколѣнія. Умѣя самъ читать книги, будучи настоящимъ христіаниномъ, зная догматы своей вѣры, Ярославъ заботился, чтобъ и другіе имѣли тѣже знанія: онъ собираетъ писцовъ, которыхъ заставляетъ переводить, переписывать книги: въ Новгородѣ, какъ сказано выше, отбираетъ у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдаетъ ихъ учиться, строить церкви, даетъ отъ себя содержаніе приставленнымъ къ нимъ священникамъ, которымъ поручаетъ учить народъ. Потомъ, послѣ семи княжеской, представителемъ новаго поколѣнія является митрополитъ Иларіонъ, который, понимая

различіе и превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ, старался и другимъ показать это превосходство.

Но этого еще было мало; новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ должно было выставить проповѣдниковъ не слова только, но и дѣла,— и оно выставило цѣлый рядъ подвижниковъ, которые жизнью, на самомъ дѣлѣ, доказали явно превосходство новаго порядка вещей и дали окончательное торжество христіанству. Мы говоримъ объ этихъ великихъ подвижникахъ христіанства, о древнихъ нашихъ инокахъ, преимущественно инокахъ Киевопечерскаго монастыря, который имѣетъ такое важное значеніе въ нашей древней исторіи. Какъ прежде Русскіе люди изъ Кіева ходили въ Грецію за добычей, за славой, такъ теперь новое поколѣніе, воспитавшееся въ христіанствѣ, путешествуетъ въ Грецію, но не за добычею, не за славой, а за тѣмъ, чтобы получить тамъ окончательное просвѣщеніе, окончить свое христіанское, духовное воспитаніе. Таковъ былъ Святой Антоній, который отправился съ этими цѣлями въ Грецію, возвратился инокомъ, и положилъ основаніе Киевопечерской обители. Кромѣ Антонія, мы видимъ еще другаго представителя новаго поколѣнія: это былъ святой Феодосій. Въ жизни Феодосія всего легче можно видѣть эту борьбу стараго поколѣнія съ новымъ и торжество послѣдняго. Преданіе говоритъ, что когда Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ людей для ученія, то матери полуязычницы плакали по своимъ дѣтямъ какъ по мертвымъ: такова была мать и св. Феодосія; въ самой ея любви представитель новаго поколѣнія встрѣтилъ сильное препятствіе своимъ намѣреніямъ; она не хотѣла, чтобы онъ посвятилъ себя исключительно религіи. Но Феодосій преодолѣлъ всѣ препятствія, ушелъ въ Кіевъ, явился къ Антонію, вступилъ въ монастырь и былъ послѣ его игуменомъ. Но кромѣ Антонія и Феодосія, Печерскій монастырь выставилъ цѣлый рядъ подвижниковъ христіанства, которые своимъ примѣромъ, своими дѣлами такъ много способствовали распространенію христіанства въ областяхъ Русскихъ.

Показавъ средства, какими христіанство распространялось и утверждалось на Руси, обратимся къ вліянію этого новаго могущественнаго начала на гражданскій бытъ юнаго русскаго общества. Немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи. Русь составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образомъ всякаго строя служить устройство византійское: отсюда понятно будетъ гражданское вліяніе Греко-римскаго міра на юное русское общество. Церковь, по главной задачѣ своей — дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинились церковному суду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленіе чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ. Духовенство

своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ насильственныхъ браковъ. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, постановивши обязанности дѣтей къ матери наравнѣ съ обязанностями къ отцу. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жреческій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ плотскихъ являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Нужно ли прибавлять, что такое вліяніе церкви на семейный бытъ могущественно содѣйствовало къ переводу народонаселенія отъ старыхъ формъ родового быта къ новымъ, гражданскимъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Въ прошедшихъ бесѣдахъ мы видѣли, какъ образовалось Русское общество, и какъ духовное, религіозное начало дѣйствовало при этомъ образованіи. Мы видѣли, что предъ призваніемъ князей племени, обитавшія въ областяхъ нынѣшней Россіи, жили въ формахъ родового быта. При содѣйствіи правительственнаго начала, дружины и церкви, эти формы быта начали уступать мѣсто другимъ гражданскимъ формамъ; но родовой бытъ оставался еще столько могущественнымъ, что въ свою очередь дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать чисто родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ правительственный, не могъ подчиняться вліянію никакого другаго начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; когда умретъ старшій, или великій князь, то достоинство его, вмѣстѣ съ главнымъ столомъ, переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ, который и перемѣщается на главный столъ, а вмѣстѣ съ этимъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Связь между старшими и младшими членами рода была чисто родовая, а не государственная: когда великимъ княземъ былъ отецъ, дѣдъ, то отношенія его къ младшимъ членамъ рода, сыновьямъ, внукамъ были прочны, опредѣленны, ясны; но когда съ умноженіемъ членовъ рода, великимъ княземъ бывалъ троюродный или четвероюродный дядя или братъ, то родственныя отношенія необходимо ослабѣ-

вали, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣвало уваженіе, повиновеніе младшихъ старшему, особенно когда замѣчали стремленіе старшаго блюсти болѣе выгоды ближайшихъ родичей, ослабѣвала общая связь рода, увеличивались случаи къ враждебнымъ столкновеніямъ между его членами. Завязались споры между различными линіями о старшинствѣ, одна линія начала исключать другую. Народонаселеніе волостей вмѣшалось въ эти споры, стало выбирать князей, которые были ему лубы, не обращающаго вниманія на родовые счеты Рюриковичей: отсюда новыя смуты, новая запутанность, новыя усобицы. Мы упоминали, что въ отношеніяхъ между княземъ и подчиненнымъ народонаселеніемъ оставались еще неопредѣленности; но князья не имѣли возможности опредѣлить точнѣе своихъ отношеній къ народонаселенію волостей, потому что все вниманіе ихъ было поглощено собственными ихъ родовыми счетами и борьбою, вслѣдствіе этихъ счетовъ происходившею; доискиваясь старшинства, они переходили изъ одной волости въ другую, не занимаясь установленіемъ прочнаго порядка вещей въ послѣднихъ, оставляя все по прежнему.

Такимъ образомъ мы видимъ, что причиною усобицъ, нестроений, характеризующихъ эпоху отъ смерти Ярослава I-го, былъ тотъ же родовой бытъ, для выхода изъ котораго сѣверныя племена призвали первыхъ князей. Теперь, слѣдовательно, для прекращенія безпорядковъ, усобицъ въ самомъ родѣ княжескомъ, нужно было, чтобъ въ немъ самомъ повторилось тоже явленіе, чтобъ въ немъ самомъ родовыя отношенія упразднились, уступили мѣсто государственнымъ, чтобъ старшій въ родѣ князь явился государемъ относительно младшихъ, а послѣдніе подчинились его власти, какъ подданные. Для этого, во первыхъ, нужно было, чтобъ великій князь началъ имѣть не одно родовое значеніе, какъ только старшій, но чтобъ онъ сталъ смотрѣть на остальныхъ родичей, какъ на подданныхъ, и при этомъ имѣлъ бы довольно матеріальной силы, чтобъ заставить родичей смотрѣть на себя, какъ на государя. Во вторыхъ, нужно было, чтобъ князья перестали считать всю землю общимъ достояніемъ цѣлаго рода, но чтобъ каждый утвердился навсегда въ своей волости, началъ заботиться объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ силъ, расширять свои владѣнія на счетъ другихъ, чтобъ сильнѣйшіе князья начали собирать Русскую землю, присоединяя къ одной большой области другія меньшія. Это явленіе, переимѣна въ характерѣ великихъ князей и переимѣна во взглядѣ на собственность произошло на сѣверѣ, въ области верхней Волги, въ княжествѣ ростовскомъ; первый князь, который рѣшился измѣнить родовыя отношенія, началъ поступать не такъ, какъ старшій въ родѣ, но какъ государь, былъ Андрей Боголюбскій. Что же за причина этой переимѣны? Какимъ образомъ Андрей Боголюбскій получилъ мысль о ея возможности и необходимости? Такъ какъ переимѣна эта произошла на сѣверѣ, то тамъ должно искать и причину ея.

Въ Русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пу-

стынныя пространства и населять ихъ, государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя Славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ Европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени — Славянскому, сухимъ путемъ. Мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о населеніи пустынныхъ пространствъ, о построеніи городовъ; сперва населялись страны югозападныхъ, потомъ колонизація шла далѣе на сѣверо востокъ; честь населенія сѣверовостока, пустынной области верхней Волги, преимущественно принадлежить Юрію Владиміровичу Долгорукому, построившему здѣсь цѣлый рядъ городовъ, куда онъ сводилъ народонаселеніе изъ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ племенъ: эта новонаселенная область, эти новые города обязаны были князю своимъ политическимъ существованіемъ, были его собственностію, князь былъ здѣсь хозяиномъ полновластнымъ, здѣсь не было мѣста никакой неопредѣленности въ отношеніяхъ. Среди этого новаго міра, на этой-то новой почвѣ родился, выросъ и возмужалъ сынъ Юрія Долгорукаго, знаменитый Андрей Боголюбскій. Слишкомъ тридцать лѣтъ прожилъ онъ на сѣверѣ, принялъ на себя впечатлѣнія окружающей среды, воспитался въ иныхъ отношеніяхъ чѣмъ какія существовали между княземъ и городами на югѣ; воспитался въ отдаленіи отъ остальныхъ линій княжескаго рода, въ отчужденіи отъ ихъ привычныхъ интересовъ, и тѣмъ способнѣе слѣдовательно былъ онъ для того, чтобъ выдѣлиться изъ рода, порвать съ нимъ связь. И вотъ когда въ зрѣломъ мужествѣ явился онъ на югъ, то чуждѣ и враждебенъ показался онъ ему; онъ спѣшилъ удалиться на свой родной сѣверъ, и когда досталось ему старшинство въ цѣломъ родѣ, когда всѣ князья признали его великимъ княземъ, Андрей обнаруживаетъ попытку къ перемѣнѣ существующаго порядка вещей, имѣя, по отношеніямъ своимъ къ сѣверному народонаселенію, полную свободу дѣйствовать и привыкнувъ пользоваться этою свободою, что давало ему и силу матеріальную, и сообщало единство и постоянство его стремленіямъ. Андрей перемѣняетъ обращеніе съ младшими князьями родичами; послѣдніе изумились этой перемѣнѣ, поняли всю опасность для себя отъ нея и вооружились противъ новизны: „мы признали тебя старшимъ, говорили они Андрею, а ты поступаешь съ нами не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками“. Роковое слово было произнесено, слово новое для выраженія понятія новаго, понятія подручника, подданнаго вмѣсто родича. Но этого мало: ставши великимъ княземъ, старшимъ въ родѣ, Андрей не поѣхалъ на югъ, въ Кіевъ, стольный городъ всѣхъ прежнихъ великихъ князей, онъ остался на сѣверѣ въ своей прежней волости, и оттуда распоряжался дѣлами юга.

Примѣръ поданъ, почва приготовлена для новаго порядка вещей;

и сѣверные князья, пріемники Андрея стѣдуютъ его примѣру, пользуются приготовленными имъ средствами. Они не обращаютъ вниманія на родовыя отношенія, родовые счета, смотрятъ на себя какъ на владѣльцевъ отдѣльныхъ областей; не переходятъ изъ одной волости въ другую, но постоянно живутъ въ одной; великіе князья, пользуясь старшинствомъ, заботятся о томъ, какъ бы усилить свои матеріальныя средства, удержать власть и силу въ своей семьѣ, дать первенство своему княжеству, увеличить его на счетъ другихъ; младшіе князья хорошо понимаютъ стремленіе великихъ князей, противоборствуютъ имъ всѣми средствами; но когда одинъ изъ младшихъ достигнетъ старшинства, то начинаетъ дѣйствовать точно также какъ его предшественникъ, противъ котораго онъ самъ прежде вооружался. Понятно что такой великій переворотъ не могъ совершиться скоро; для этого нужны были вѣка борьбы постоянной и кровавой. Наконецъ княжество Московское вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ пересиливаетъ всѣ остальные; Московскіе князья начинаютъ собирать русскую землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальные княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ.

Характеръ явленій, которыя мы видѣли на сѣверѣ, условливался также самымъ характеромъ народонаселенія сѣвернаго. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усиляетъ дѣятельность послѣдняго какъ тѣлесную, такъ и умственную; пробужденный разъ вспышкой страсти, онъ можетъ оказать чудеса, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постоянного и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему влиянію народы окружные, отличающіеся другимъ характеромъ: таково народонаселеніе сѣверной Руси, какъ оно является въ исторіи. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, къ степи, жилищу варварскихъ кочевыхъ народовъ, дѣлали ее неспособною стать государственнымъ ядромъ для Россіи; отсюда Кіевская область въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси. Въ южной Руси, въ области Днѣпровской, зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широтѣ, при всей неопредѣленности отношеній, характеризующей обыкновенное общество юное, только что начавшее жить самостоятельною жизнію. Вслѣдствіе родовыхъ отношеній, князья съ своими дружинами переходили изъ одного города въ другой; подлѣ,

въ степяхъ кочевали азіатскіе хищники, грабившіе Русь; на границахъ степей жили разноименные народцы, составлявшіе переходъ отъ степняковъ, или Половцевъ къ осѣдлому народонаселенію. Не могли, по слабости своей, быть самостоятельными между Половцами и Русью, всѣ эти народцы применили къ послѣдней, стали служить князьямъ ея, и въ войнахъ съ Половцами и въ расприхъ междоусобныхъ, выбирая вмѣстѣ съ гражданами князей, которые были имъ лобы, или которые были сильны. Таковы были составныя части народонаселенія въ древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ (*discordia semina regum*): князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, пограничныя народцы сами по себѣ. Князья были, большею частію, необыкновенно храбры, умѣли и у себя дома, и въ чужихъ странахъ честь свою взять; дружины уподоблялись своимъ вождямъ; но что значила вся эта храбрость при такомъ беспорядкѣ? Легко было перессорить князей родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей съ интересами гражданъ и пограничныхъ народцевъ: вотъ почему древняя южная Русь, не смотря на внѣшній блескъ своего быта, не могла устоять ни противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго, ни противъ натиска азіатской орды. Войска Боголюбскаго опустошили Кіевъ, который принялъ князя отъ руки завоевателя; при братѣ Боголюбскаго Кіевскіе князья признавались, что не могутъ обойтись безъ могущественнаго сѣвернаго собственника, и когда явились Монголы въ первый разъ, то южная Русь хотя выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей—витязей, но эти князья завели распрю и погубили рать; когда же явились Монголы во второй разъ, то враждебные другъ другу князья умѣли соединиться только въ общемъ бѣгствѣ въ чужія страны; граждане старыхъ городовъ не могли и представить себѣ возможности соединенія, и по одиночкѣ полегли въ развалинахъ. Такова была судьба южной, старой Руси.

Различіе въ характерѣ сѣвернаго и южнаго народонаселенія обозначается примѣтно въ источникахъ нашей исторіи: иностранцы—современники хвалятъ храбрость дружинъ южной Руси: они отличались стремительностію въ нападеніяхъ, но не отличались стойкостію. Противоположные отзывы встрѣчаемъ о населеніи сѣверной Руси: оно не любитъ вообще войны, не отличается стремительностію натиска; но гдѣ нужно стать крѣпко и защищаться, тамъ оно неодолимо; здѣсь на сѣверѣ образовался тотъ русскій воинъ, котораго, по извѣстному выраженію, можно убить, но не сдвинуть съ мѣста. Сѣверное русское народонаселеніе, какъ сказано, не отличается въ исторіи порывистыми движеніями; въ поведеніи его мы замѣчаемъ преимущественно медленность, осторожность, постоянство въ достиженіи цѣли; обдуманность, медленность, осторожность въ приобрѣтеніи, стойкость въ защищеніи приобрѣтеннаго. Соотвѣтственно характеру народонаселенія все на сѣверѣ принимаетъ характеръ прочности. О дружинахъ южныхъ лѣтописецъ говоритъ, что они храбро бились съ врагами, и расплодили

русскую землю. Таково точно назначеніе старой, южной Руси: расплодить, распространить русскую землю, намѣтить границы. Но Руси сѣверной выпалъ удѣлъ—закрѣпить приобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство, собрать русскую землю. И вотъ князья сѣверной Руси являются полными представителями своего народа, превосходно выполняютъ назначеніе сѣверной Руси. Въ ихъ поведеніи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведеніи князей—витязей юга, смотрѣвшихъ на битву, какъ на судъ Божій, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду: сѣверные князья—собственники, не любятъ рѣшать споровъ своихъ оружіемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности, или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ, но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость того, что приобрѣтено, промышлено долгими трудами; южные князья прежде всего думаютъ, какъ бы въ битвѣ взять свою честь; сѣверные князья прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своего владѣнія. Всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ лицахъ трудно уловить историчу характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ, мы видимъ ясно постепенность этой смѣны, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носить уже титулъ Царя. Это главное, основное явленіе—переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя, обуславливаетъ рядъ другихъ явленій. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда родовыя отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытъ городовъ и въ положеніи дружины. Отсюда ясно, что великіе князья московскіе, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ, должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей—родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ привычка дружинниковъ переходить отъ одного князя къ другому, которую они приобрѣли въ то время, когда землею владѣлъ нераздѣльно цѣлый родъ княжескій, и которую они должны были потерять, когда явилось единовластіе; не имѣя теперь возможности переходить отъ одного князя къ другому въ русской землѣ, многіе изъ дружинниковъ счи-

тали себя въ правѣ отъѣзжать къ чужимъ государямъ; къ этимъ противогосударственнымъ стремленіямъ дружинниковъ присоединялись еще противогосударственныя стремленія потомковъ прежнихъ князей, которые пріѣзжали питать вражду къ новому порядку. Борьба со всѣми этими стремленіями и была причиною тѣхъ печальныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Іоанна IV. Во время этой борьбы Іоаннъ IV задалъ вопросъ одному изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ старины, князю Курбскому: „что лучше — настоящій ли порядокъ вещей, когда государство успокоилось, пришедши въ порядокъ при единомъ государѣ, или прежнее время, когда усобицы терзали землю?“. На этотъ вопросъ отвѣчалъ не Курбскій; на него отвѣчала вся земля, все Московское государство. Но прежде нежели обратимся къ этому отвѣту, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошла великая перемѣна въ жизни русскаго общества, и о слѣдствіяхъ этой перемѣны во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Мы видѣли, что Русское государство, основанное на границѣ Европы съ Азіею, должно было вести постоянную борьбу съ степными варварами. Отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII въ этой борьбѣ не было перевѣса ни на сторонѣ кочевыхъ ордъ, ни на сторонѣ Славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси. Печенѣги и за ними Половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія придиѣпровью; но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣняютъ ихъ вежи. Но отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ Азіатцы, въ лицѣ Монголовъ. Не имѣя тѣхъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, — южная Русь, послѣ Монгольскаго опустошенія, подпала подъ власть князей литовскихъ. Это обстоятельство не было губительно для народности южно русскихъ областей, потому что литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русскій языкъ, все оставалось по старому; но губительно было для русской жизни на югозападѣ соединеніе всѣхъ литовскихъ владѣній съ Польшею, вслѣдствіе восшествія на польскій престолъ литовскаго князя Ягайла. Съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ борьбу съ Польшею, за свою народность, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность, условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностью и могуществомъ. Монголы опустошили значительную часть сѣверной Руси, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ своихъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отчего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна всего внутреннего порядка, и такъ какъ начало новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Монголовъ, то Монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали или препятствовали утверж-

денію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Монголовъ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Монголы остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя въ полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ непривосновеннымъ на столѣ ни великаго, ни удѣльнаго князя, онъ только обезпечивалъ волости ихъ отъ татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки: они знали, что всякій, кто свезетъ больше денегъ въ Орду, получитъ ярлыкъ преимущественно предъ другими и войско на помощь. Независимо отъ Монголовъ обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно ослабленіе родовой связи, возстаніе сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо всѣхъ родовыхъ правъ и счетовъ, стараніе приобрести средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ; Монголы въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями. Когда борьба кончилась усиленіемъ одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ, то новое государство пользуется своимъ единствомъ и силою для того, чтобы побѣдить Монголовъ и начать наступательное движеніе на Азію. Съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси вслѣдствіе новаго порядка вещей, обуславливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянной цѣлю которой становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державою; наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ сѣверной Руси, или Московскому государству, возможность войти въ сношенія съ европейскими государствами, приготовить себѣ мѣсто среди нихъ. Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣлась Рюрикова династія.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ прошлыхъ бесѣдахъ я упоминалъ о томъ главномъ явленіи нашей исторіи, что племена Славянскія, поселившіяся изначала на западѣ, выселялись постепенно на востокъ; слѣдовательно исторіи русскому, при объясненіи явленій отечественной исторіи, никакъ не должно упускать изъ виду этого важнаго обстоятельства, этого постепеннаго заселенія дикихъ, пустынныхъ странъ. Но обыкновенное явленіе, сопровождающее всегда колонизацію, есть борьба, которую должны выдерживать колонисты съ прежнимъ варварскимъ населеніемъ: отсюда и въ нашей исторіи эта постоянная борьба съ жителями степей. Но мало того: для государства, которое образовалось съ помощію колонизаціи, населеній, необходимо предстояла борьба съ другимъ элементомъ, полуварварскимъ, ибо нѣкоторые передовые отряды населенія, вдававшася все глубже и глубже въ пустыню, дичають уже потому

самоу, что, оторвавшись от государства, находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ дикарями. Отсюда Русскому обществу, которое образовалось посредствомъ колонизаціи, необходимо было выдержать сильную борьбу, съ одной стороны, съ азіатскими кочевыми ордами, съ другой, съ тѣми одичалыми передовыми отрядами, которые хотя иногда сами оказывали большую помощь государству, ратуя противъ степныхъ кочевниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи полудикарями, враждебно, смотрѣли на установленіе государственнаго порядка, и съ своей стороны, не менѣе азіатскихъ ордъ, причиняли бѣдствія юному государству. Вредная дѣятельность этого пограничнаго народонаселенія оказалась преимущественно въ началѣ XVII вѣка, когда на государство Русское послано было страшное испытаніе. Династія Рюрика, давшая столько нарядниковъ Русской землѣ, пресѣялась; крамолою свергнутъ былъ Годуновъ, крамолою возведенъ и свергнутъ Шуйскій; нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ, части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, земля замутилась. Тогда-то открылось свободное поприще дѣйствовать тѣмъ, которые не хотѣли установленія наряда, тѣмъ полудикимъ толпамъ, которыя основали свое пребываніе на границахъ государства; онѣ кинулись съ разныхъ сторонъ на послѣднее; къ нимъ пристали внутри государства тѣ, которымъ хотѣлось также жить на счетъ государства. Польша выслала въ Московское государство толпы своихъ отверженниковъ общества. Началась страшная борьба, въ которой новорожденному Московскому государству надлежало, повидимому, погибнуть; ибо со всѣхъ сторонъ сыпались на него страшные удары, которые трудно было выдержать, а между тѣмъ общественныя основы, на которыя оно могло опереться, часъ отъ часу слабѣли болѣе и болѣе. Негдѣ было искать спасенія. Лучшіе, энергическіе люди, около которыхъ можно было сосредоточиться, погибли жертвами безнарядья; люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, брали явно верхъ. Но въ это-то страшное время оказалась вся сила, все дѣйствіе того порядка вещей, который окончательно утвердился при московскихъ государяхъ. Единство религиозное и государственное были такъ сильны, что, не смотря на всѣ удары, на всѣ бѣдствія, общество умѣло соединиться, повидимому, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религиозному и государственному. Земля собралась и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для этого очищенія. Тогда-то одинъ отвѣтъ на вопросъ Іоанна IV Курбскому: что лучше, прежнее время, когда земля гнила въ междоусобіяхъ или настоящее, когда она успокоилась единодержавіемъ? Послѣ страшнаго испытанія, земля даетъ торжественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: Земскій совѣтъ объявляетъ, чтобъ все было такъ, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ, и выбираетъ новую династію.

Бѣдственно было однако состояніе государства послѣ этого ве-

лихаго испытанія; силы его были истощены. Молодой царь, котораго избрала земля, спрашивалъ у пословъ земскаго совѣта: гдѣ же средства для управленія государствомъ? гдѣ ручательство, что прежнія смуты не повторятся. Послы выставили ручательствомъ то, что всѣ люди Московскаго государства уже наказались, т. е. узнали по опыту пользу прежнихъ государственныхъ стремленій, узнали, для чего нужны были смуты, самозванцы, кто ихъ поддерживалъ. И точно, по вступленіи на престолъ царя изъ новой династіи, Московское государство показало явно, что его жители наказались уже. Не смотря на страшное разстройство силъ государственныхъ, не смотря на то, что при такомъ разстройствѣ, государство должно было еще бороться съ сильными врагами внутренними и внѣшними, первому государю изъ новой династіи удалось успокоить землю. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ созываетъ Соборы, и всегда находитъ здѣсь нужный совѣтъ и средства для установленія порядка.

Царствованіе перваго государя изъ новой династіи протекло въ этомъ установленіи наряда. Но кромѣ установленія наряда, мы должны обратить вниманіе на тѣ новыя стремленія и новыя потребности, которыя высказались при этомъ. Еще гораздо прежде, и особенно во время смутъ, Московское государство узнало, что для успѣшной борьбы со внѣшними и внутренними врагами необходимо было переимѣнить военный строй, потому что при старомъ строѣ русскія войска оставались почти всегда побѣжденными. И вотъ въ царствованіе перваго государя изъ новой династіи начинаются преобразованія: при Михаилѣ Теодоровичѣ уже видимъ полки, набранные изъ иностранцевъ.

Но этого мало: при немъ же видимъ и русскіе полки, выученные иностранному строю; образовались конные — рейтарскіе, драгунскіе полки, пѣхотные солдатскіе. Окончательное преобразование войска совершилось въ XVIII в. Но это преобразование военного строя вело необходимо къ болѣе важнымъ преобразованіямъ; оно должно было переимѣнить отношенія прежняго разряда ратныхъ людей, носившихъ названіе дворянъ и дѣтей боярскихъ, должно было переимѣнить и отношенія тѣхъ родовъ, которые вслѣдствіе мѣстничества выдвинулись на первыя мѣста въ государствѣ. Западныя Европейскія государства образовались посредствомъ того, что варвары завоеватели вступили на Римскую почву, вслѣдствіе чего начало, принесенное Германцами, пришло въ столкновеніе съ государственнымъ началомъ, завѣщаннымъ Римскою Имперіею. У насъ также видимъ дружину, но она вступила на почву дѣйственную, гдѣ никакое государство не оставило слѣдовъ своихъ. У насъ дружина должна была войти въ столкновеніе съ племенами, которые жили подѣ формами родового быта; отсюда необходимое столкновеніе начала дружиннаго, начала служебнаго съ началомъ родовымъ, отчего произошло извѣстное явленіе — мѣстничество. Мы видѣли, какъ сильно было родовое начало; если оно такъ долго господствовало въ междукняжескихъ отношеніяхъ, то должно было господствовать и въ отношеніяхъ дружинныхъ. Но теперь, упадеиъ

родовыхъ отношеній вообще, смѣна ихъ государственными и необходимостью новаго военнаго устройства должны были повести къ уничтоженію мѣстничества, и вотъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, на Соборѣ оно было проклято, какъ Богу ненавистное дѣло. За уничтоженіемъ мѣстничества должно было послѣдовать то явленіе, что всѣ разряды служилыхъ людей, безъ исключенія извѣстныхъ родовъ, которые только вслѣдствіе мѣстничества составили изъ себя что-то замкнутое, недоступное для другихъ,— всѣ разряды служилыхъ людей должны были составить одно сословіе, одно тѣло съ равными правами для всѣхъ его членовъ. Должно было явиться дворянское сословіе. Но преобразование военнаго строя должно было вести къ другой переизмѣнѣ въ бытѣ ратныхъ людей. До сихъ поръ, только при объявленіи войны они должны были являться въ полки, но въ мирное время, живя въ своихъ помѣстьяхъ, они участвовали, наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ, во всѣхъ явленіяхъ областной жизни. Теперь же, когда оказалась нужда измѣнить военный строй, учредить постоянное войско, то служивые люди не могли уже оставаться въ своихъ помѣстьяхъ; они должны были выдѣлиться изъ общей областной жизни, составить особенное сословіе, особое тѣло.

Въ это же время, при первыхъ государяхъ новой династіи, подтверждено было и то учрежденіе, которое также имѣло мѣсто по отношенію къ потребностямъ служилыхъ людей. Здѣсь опять мы должны обратить вниманіе на то явленіе, которое имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, на эту обширность и малонаселенность областей Россіи, и на постоянное стремленіе заселить ихъ. Мы замѣтили это стремленіе съ самаго начала русской исторіи. На сѣверѣ оно продолжалось. Князья дають своимъ подданнымъ большіе участки земли, дають большія льготы тѣмъ изъ нихъ, которые привлекутъ на эти участки население изъ чужихъ областей. Но когда отдѣльныя области вошли въ составъ одного государства, то стремленіе землевладѣльцевъ увеличивать население своихъ участковъ въ ущербъ другимъ, явилось въ противоположности съ интересами государства: владѣльцы большихъ земельныхъ участковъ разными льготами перезывали къ себѣ крестьянъ съ малыхъ участковъ, розданныхъ въ помѣстья ратнымъ людямъ, которые за это обязаны были по первому зову правительства являться въ полки въ полномъ вооруженіи, на коняхъ, и приводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ помѣстья. Но ясно, что если это помѣстье не имѣло надлежащаго числа крестьянъ, перезываемыхъ постоянно на участки богатыхъ вотчинниковъ, то помѣщикъ, не получая доходовъ, не могъ исполнять своихъ обязанностей, не могъ являться на войну въ исправности. Это заставляло правительство принимать мѣры къ воспрепятствованію перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Указанія на эти мѣры мы видимъ ясно въ концѣ XVI вѣка; въ XVII вѣкѣ государи изъ новой династіи подтверждаютъ ихъ вслѣдствіе жалобъ мелкихъ помѣ-
щиковъ, что богатые вотчинники перезываютъ ихъ крестьянъ

на свои земли. Если жалобы мелкихъ владѣльцевъ продолжаютъ и имѣютъ своимъ слѣдствіемъ мѣры правительства къ удержанію крестьянъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства, то мы имѣемъ полное право заключить, что и въ XVI вѣкѣ эти мѣры являются вслѣдствіе тѣхъ же жалобъ.

Но однимъ начальнымъ преобразованиемъ военнаго строя не ограничились первые государи новой династіи. Были и другія, столь же важныя, нудящія потребности. Мало было завести постоянное войско, нужно было содержать его; нужно было умножить доходы государства. Главнымъ источникомъ доходовъ должна быть промышленность, торговля; и вотъ уже при первомъ государѣ новой династіи видимъ вызовъ изъ за границы ремесленниковъ, людей способныхъ завести разные промыслы. Правительство требуетъ отъ нихъ, чтобы они выучили русскихъ своимъ мастерствамъ, утвердили ихъ въ Россіи. Такъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ видимъ, что правительство даетъ 10, 15, 20-лѣтнія привилегіи тѣмъ изъ иностранцевъ, которые захотятъ завести въ Россіи фабрики и заводы; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были заведены кожевенные, стеклянные, канительные, желѣзные заводы. Около Астрахани и на Терекѣ заведено винодѣліе и шелководство.

Но не однихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ вызывало правительство. Были другія потребности, которымъ можно было удовлетворить только утвержденіемъ науки, и вотъ Михаилъ призываетъ извѣстнаго ученаго Оларія, и пишетъ къ нему: „мы знаемъ, что ты человекъ ученый, что ты географъ, астрономъ, землемѣръ; а намъ такіе люди нужны“. Если дѣду понадобился географъ, астрономъ и землемѣръ, то не удивительно, что внуку понадобилась Академія Наукъ. Но просвѣщеніе необходимо было не для удовлетворенія однимъ только матеріальнымъ потребностямъ государства; оно было необходимо для очищенія нравовъ: выборные, явившіеся на соборъ по случаю взятія Азова казаками, въ своихъ отвѣтахъ или сказкахъ, показали ясно необходимость главнаго улучшенія, улучшенія нравственности, указали ясно на главное зло, отъ котораго страдало общество и которое препятствовало утвержденію государственнаго порядка—на своекорыстное стремленіе отдѣльныхъ интересовъ противъ интереса государственнаго. Противъ этого зла сильно ратовалъ внукъ Михаила, и вотъ въ вѣкѣ Екатерины II-й было найдено, что его можно устранить только просвѣщеніемъ, только просвѣщеннымъ, нравственнымъ воспитаніемъ; вѣкъ Екатерины откликнулся на требованія, высказанныя при первомъ государѣ новой династіи. Но при этой потребности очищенія нравственности народной, не могло молчать то сословіе, которое было поставлено хранителемъ чистоты нравственной, не могла молчать церковь, и вотъ въ царствованіе трехъ первыхъ государей новой династіи церковь требуетъ просвѣщенія для улучшенія народной нравственности. Прочтемъ оружное посланіе Ростовскаго Митрополита Іоны, дѣянія и правила Соборовъ 1647 и 1681 г., и мы уви-

шеніяхъ и развлекались другими, несомнѣнными съ ихъ положеніемъ занятіями; понимая важное значеніе Посольскаго приказа, Нащокинъ называлъ его окошъ Россіи, которыми она должна смотрѣть на другія государства,—и требовалъ, чтобъ око это было чисто; потребность преобразованія Посольскаго приказа была дознана еще при царѣ Михаилѣ, когда важное дѣло при Датскомъ дворѣ было поручено иностранцу Марселлусу, по неспособности Русскихъ пословъ. Въ образованности самаго Нащокина свидѣтельствуютъ иностранцы; они говорятъ, что онъ не уступалъ въ немъ ни одному изъ современныхъ иностранныхъ министровъ. О широтѣ плановъ Нащокина свидѣтельствуютъ его намѣренія относительно торговли съ востокомъ; онъ хотѣлъ, чтобъ Россія была средоточіемъ торговли между Европою и Азією,—желаніе, которое хотѣлъ потомъ исполнить Петръ Великій. Нащокинъ заключилъ договоръ съ Армянскою компанією, вслѣдствіе котораго Армяне, жившіе въ Персіи, обязывались весь шелкъ, собираемый въ Персидскихъ областяхъ, доставлять исключительно на русскіе рынки. Нащокинъ заботился также и о заведеніи русскаго флота. Неблагопріятныя обстоятельства помѣшали русскимъ овладѣть прибалтійскими провинціями въ царствованіе Алексѣя Михайловича; первый русскій корабль назначенъ былъ для Востока, для каспійскаго моря, для Волги. Знаменитый Орель былъ сожженъ казаками Разина, но мысли о заведеніи флота нельзя было истребить; она приведена въ исполненіе Петромъ. Скажемъ и о Матвѣевѣ. Матвѣевъ, подобно Нащокину, понималъ ясно новыя потребности государства, и стремился удовлетворить имъ. Что всего было важнѣе въ обоихъ этихъ людяхъ, такъ это то, что они умѣли показать превосходство просвѣщенія на самихъ себѣ. Ординъ-Нащокинъ былъ человѣкъ высокой нравственности; до насъ дошла грамота, въ которой царь жалуетъ его мѣстомъ, и при этомъ, послѣ подвиговъ гражданскихъ вычисляетъ его высокіе христіанскіе подвиги; съ службою государственною онъ умѣлъ соединить служеніе страждущей меньшей братіи. Окончивъ государственную дѣятельность, Ординъ-Нащокинъ постригся въ монахи, но и здѣсь показалъ онъ, какъ понималъ обязанности инока христіанскаго: онъ завелъ больницу, приставилъ къ ней монаховъ и самъ служилъ больнымъ. О Матвѣевѣ отзываются иностранцы, что человѣкъ, котораго народъ называетъ своимъ отцомъ, выше всякой похвалы. Матвѣевъ показалъ свой ясный взглядъ, свою энергію въ военной и гражданской службѣ; онъ пользовался неограниченною довѣренностію царя Алексѣя Михайловича, участвовалъ съ пользою почти во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ его царствованія, а извѣстно, что это царствованіе было обильно важными явленіями. Матвѣеву Московское государство обязано было устроеніемъ отношеній между Великою Россією и Малороссією; онъ часто бывалъ въ Малороссіи, зналъ природу страны и былъ способенъ опредѣлить ея отношенія къ Великой Россіи. Столь же велики заслуги его и на поприщѣ дипломатическомъ; занимаясь отношеніями европейскими, онъ подобно Нащокину, не спускалъ глазъ съ Востока, завелъ сношенія съ

отношеніе ихъ; плодъ науки, просвѣщенія — самопознаніе народное примиряетъ, соединяетъ древнюю и новую Россію.

Но стремленіе къ просвѣщенію явилось не въ XVII только вѣкѣ; оно явилось гораздо прежде. Священное преданіе о необходимости просвѣщенія звучитъ изъ глубины XII вѣка; оно пришло не изъ чужа, оно пришло вмѣстѣ съ свѣтомъ божественной истины, и изъ вѣка въ вѣкъ передавалось оно, какъ завѣтъ отъ предковъ къ потомкамъ. Когда только еще образовалось русское общество, когда части его находились еще въ броженіи и борьбѣ, тогда въ тѣсной келии монастыря началась наша лѣтопись, и вотъ лѣтописецъ, начавъ разсказъ о томъ, какъ пошла Русская земля, какъ образовалось русское общество, на первыхъ страницахъ своего труда написалъ эти простые, но безсмертныя слова: „Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“. Вотъ священный завѣтъ, полученный нами отъ предковъ, и историкъ русскій XIX вѣка, если хочетъ быть вѣренъ своему народу, своей исторіи, долженъ повторить слова лѣтописца XII вѣка: велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго и велика бываетъ польза отъ народнаго самопознанія!

1851 г.

Китаем
фари
судар
и въ
зова:
сын!
про
отд
не
в?
р

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

0

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прогодитъ 200 лѣтъ съ того дня, какъ родился великій человѣкъ. Отсюда слышатся слова: надобно праздновать двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка; это наша обязанность, священная, патріотическая обязанность, потому что этотъ великій человѣкъ нашъ, русскій человѣкъ. Наука, ученое общество при университетѣ хлопочетъ о воздвигнутаго памятника небывалаго, достойнаго дѣятельности великаго человѣка. Священная патріотическая обязанность! сильныя слова, способны возбудить сильное чувство; но чѣмъ сильнѣе чувство, чѣмъ священнѣе предметъ, на который оно направлено, тѣмъ болѣе предосторожностей должно быть употреблено для его разумнаго направленія. Что праздновать и какъ—первый вопросъ, который здѣсь задаетъ человѣкъ способный разумно относиться къ каждому явленію, способный допрашивать это явленіе о его смыслѣ, а не подчиняться ему безотчетно. Такимъ образомъ первая обязанность общества образованнаго разъяснить для себя значеніе дѣятельности великаго человѣка, сознать свое отношеніе къ этой дѣятельности, къ ея результатамъ, узнать, во сколько эти результаты вошли въ нашу жизнь, что они произвели въ ней, какое ихъ значеніе для настоящаго, для будущаго: иначе праздникъ будетъ празднымъ. И мы собрались здѣсь наканунѣ праздника, чтобы приготовиться къ нему; наканунѣ праздника усиливается работа для человѣка, который хочетъ свѣтло, достойно праздновать; во имя величайшаго изъ тружениковъ русской земли приглашаю васъ, господа, къ труду—обозрѣть трудъ его, подумать надъ нимъ.

Двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка — это значить, что мы обладаемъ матеріалами, средствами оцѣнивать его величіе, накопив-

пимся въ продолженіи 200 лѣтъ. Каждое историческое явленіе объясняется рядомъ предшествовавшихъ явленій и потому всѣмъ послѣдующимъ. 200 лѣтъ думалъ русскій человѣкъ о Петрѣ, и, говоря это, мы не подвергаемся обвиненію въ большой неточности, потому что великій человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, является въ исторіи очень рано, 10 лѣтъ и является на самомъ видномъ мѣстѣ, слѣдовательно вычтеть не великъ. 200 лѣтъ безъ чего-нибудь русскій человѣкъ думалъ о Петрѣ, думалъ постоянно: что же онъ надумалъ?

Думая о Петрѣ, думая о томъ, за что называютъ его великимъ человѣкомъ, разумѣется, русскій человѣкъ долженъ былъ думать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще. Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія, спокойныя: живетъ, какъ жилось издавна, и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло не ограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, оно обхватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія движенія извѣстнаго народа. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершавшаго его, человѣка, по имени котораго знаютъ его народъ современники, по имени котораго знаютъ его время потомки, — такого человѣка называютъ великимъ. Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народнаго очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, не имѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и своему народу, силою дѣйствующею съ полнымъ произволомъ, народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носить на себѣ всѣ слѣдствія ея дѣятельности, великому человѣку принадлежить починъ во всемъ, онъ создаетъ, творитъ все средствами своей сверхъестественной природы.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныхъ времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзвывающихся болѣзненно на организмъ смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода, и силою своей воли, своей неумолимой дѣятельности побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство,

робое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Какъ люди, они должны и ошибаться въ своей дѣятельности, и ошибки эти тѣмъ виднѣе, чѣмъ виднѣе эта дѣятельность; иногда по силѣ природы своей и силѣ движенія, въ которомъ они участвуютъ на первомъ планѣ, они ведутъ движеніе за предѣлы, назначенные народною потребностію и народными средствами; это производитъ извѣстную неправильность, оставку въ движеніи, часто заставляеть дѣлать шагъ назадъ, что мы называемъ реакціею; но эта неправильность временная, а заслуга вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола, онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка, который можетъ остановить извѣстный ходъ развитія и толкнуть народъ на другую дорогу, вопреки воли народной. Исторія народа становится достойною изученія, представляетъ уже не отрывочный рядъ биографій, занимательныхъ для воображенія людей, остановившихся на дѣтскомъ возрастѣ, но даетъ связанное и стройное представленіе народной жизни, питающее мысль зрѣлаго человѣка, который углубляется въ исторію какъ науку народнаго самопознанія.

Въ двѣсти безъ чего-нибудь лѣтъ, пережитыхъ Россіею со дня рожденія Петра, русская мысль относилась различно къ этому великому человѣку и его дѣятельности. Различіе взглядовъ происходило во первыхъ отъ громадности дѣла, совершеннаго Петромъ и продолжительности вліянія этого дѣла; чѣмъ значительнѣе какое-нибудь явленіе, тѣмъ болѣе разнорѣчивыхъ взглядовъ и мѣтнѣй порождаетъ оно, и тѣмъ долѣе толкуютъ о немъ, чѣмъ долѣе ощущаютъ на себѣ его вліяніе; во вторыхъ, отъ того, что русская жизнь не остановилась послѣ Петра, и при каждой новой обстановкѣ ея мыслящій русскій человѣкъ долженъ былъ обращаться къ дѣятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнѣйшемъ движеніи, и обсуждать ее, примѣнять къ новымъ условіямъ, новой обстановкѣ жизни; въ третьихъ, разность взглядовъ на дѣятельность Петра зависѣла отъ незрѣлости у насъ исторической науки, отъ неустановленности основныхъ началъ при изученіи жизни народовъ: то примѣняли къ русской исторіи неподходящую мѣрку исторіи чужихъ народовъ, отъ чего происходили странные выводы, то, на оборотъ, изучали русскую исторію совершенно особнякомъ, не подозревая, что при всемъ различіи

своемъ, она подчиняется общимъ основнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ жизни каждаго историческаго народа. Я говорю о разнорѣчіяхъ серьезныхъ, высказывавшихся людьми серьезными, людьми, честно относившимися къ вопросамъ настоящаго, и по ихъ связи съ прошедшимъ, затрогивавшими и послѣднее. Но нельзя не упомянуть о печальномъ явленіи, о выходкахъ противъ Петра, происходившихъ отъ дѣтской привычки увлекаться какимъ-нибудь движеніемъ до такой степени, что, не разбирая, начинаютъ считать враждебнымъ этому движенію то, что вовсе ему не враждебно, отъ дѣтской привычки говорить не подумавши, не изучивши, отъ дурнаго дѣтскаго попользовенія бросить въ кого нибудь камень, грязью, не посмотрѣвши внимательно, можно ли съ этимъ кѣмъ-нибудь такъ обращаться безнаказанно, т.-е. безъ умавленія собственнаго человѣческаго и народнаго достоинства.

Долго относились у насъ къ дѣлу Петра не исторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: „Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія“. Но и въ рѣчи болѣе спокойной, не поэтической, подобный взглядъ господствовалъ; приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Я назвалъ такой взглядъ неисторическимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа; въ жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу, при чемъ народъ былъ осужденъ на совершенно страдательное отношеніе къ ней; многовѣковая жизнь и дѣятельность народа до Петра объявлялась не существующею; Россіи, народа русскаго не было до Петра, онъ сотворилъ Россію, онъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе. Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись и опять надобно было проститься съ исторіею. Россія, по новому взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра, но наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, но чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе русской жизни, уничтожилъ ея народный, свободный строй, поправилъ народные нравы и обычаи, произвелъ разнь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобию, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся сама изъ себя по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другаго.

Понятно, что, оба взгляда, повидимому, противоположные, но въ сущности одинаково не историческіе, не могутъ держаться при возмужалости науки, когда болѣе внимательныя наблюденія надъ историче-

свою жизнь народовъ должны были повести къ отрицанію такихъ сверхъестественныхъ явленій въ этой жизни, когда убѣдились, что всякое явленіе, какъ бы оно ни было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимо результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Дѣйствительно возьмемъ народъ, находящійся на первоначальной ступени развитія, какой-нибудь кочевой народъ въ Средней Азии, какихъ-нибудь Монголовъ. Такіе народы, по простотѣ своего быта, особенно бывають подвержены сильному вліянію внѣшнихъ случайныхъ явленій, произволу отдѣльныхъ лицъ. Мы видимъ, что, среди этихъ народовъ являются иногда владѣльцы, ханы, одаренные необыкновенною энергіею, честолюбіемъ, которые въ болѣе или менѣе продолжительное время услѣвуютъ одолѣть, уничтожить другихъ хановъ, слотить мелкія, до тѣхъ поръ раздѣленные орды въ одну огромную массу и двинуть ее на опустошеніе, завоеваніе отдѣльныхъ странъ, въ слѣдствіе чего образуются обширныя владѣнія. Здѣсь дѣйствительно мы видимъ, что народы страдательно подчиняются вліянію своихъ великихъ людей, своихъ Чингисъ-хановъ и Тамерлановъ. О народѣ не слышно до появленія этого Чингисъ-хана или Тамерлана, онъ ничто для исторіи, находится въ небытіи; одною волею знаменитаго хана онъ приводится въ бытіе, дѣлается извѣстнымъ, сильнымъ, господствующимъ. Но и здѣсь мы видимъ, что эти великіе люди степей, Чингисъ-ханы и Тамерланы суть дѣти своего народа, не дѣлають ничего, чтобы выходило изъ границъ его быта, его потребностей, не измѣняютъ ничего въ этомъ бытѣ. Народъ и до нихъ былъ хищный, и до нихъ обнаруживалъ свое существованіе чисто-физическими движеніями, грабежами, опустошеніями, только въ малыхъ размѣрахъ; благодаря способностямъ, сильной волѣ одного человѣка, они это дѣлають теперь въ большихъ размѣрахъ, и въ этомъ заключается вся разница. Умираетъ великій человѣкъ и основанное имъ громадное владѣніе начинаетъ распадаться и народъ, всколыханный имъ приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому небытію. Что же дѣлаеть здѣсь великій человѣкъ? только то, на что способенъ его народъ, на что даетъ ему средства; народъ можетъ внѣшнимъ механическимъ образомъ соединиться волею, силою одного лица; при отсутствіи этой воли и силы распадается: только-то мы и видимъ въ степной исторіи; внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ великій человѣкъ произвести не можетъ; еслибы захотѣлъ, то ничего бы не сдѣлалъ, погибъ въ безплодныхъ попыткахъ; но въ томъ-то и дѣло, что онъ и не хочетъ этого, не чувствуетъ и не сознаетъ потребности въ этомъ, ибо онъ сынъ своего народа, не можетъ чувствовать и сознавать того чего не чувствуетъ и не сознаетъ самъ народъ, къ чему не приготовленъ предшествовавшимъ развитіемъ, предшествовавшею исторіею. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго чла, отъ того, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей предшествовавшей работы; отъ соединенія труда и способ-

ностей знаменитых дѣателей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни.

Но если произволъ одного лица, какъ бы сильно это лицо ни было, не можетъ перемѣнить теченіе народной жизни, выбить народъ изъ его коленъ при самыхъ простыхъ, первоначальныхъ формахъ быта, не можетъ сдѣлать этого съ народомъ—младенцемъ, народомъ неисторическимъ, то тѣмъ менѣе это возможно въ народѣ, который уже прожилъ много вѣковъ историческою жизнію, который развилъ свои силы въ многотрудной дѣятельности пнутренней, и какимъ былъ русскій народъ до Петра. Допустить въ великомъ движеніи этого народа перерывъ, уклоненіе, допустить въ перемѣнѣхъ извѣстныхъ бытовыхъ формъ измѣну началамъ народной жизни, и все это по волѣ одного человѣка, значитъ низвести великій, историческій народъ ниже кочевыхъ народовъ Средней Азіи. Наука не позволяетъ этого, господа! не спрашиваю, можетъ ли позволить это ваше чувство, вашъ патриотизмъ? Народъ, жившій долгою и славною историческою жизнію и чувствующій въ себѣ способность къ продолженію этой жизни, радуется великою радостію, вспоминая о великомъ человѣкѣ и его дѣлѣ, наполняется праведнымъ самодовольствомъ, ибо въ великомъ человѣкѣ видитъ „плоть отъ плоти своя и кость отъ костей своихъ“. Народъ не отречется отъ своего великаго человѣка, ибо такое отреченіе для народа есть самоотреченіе.

Если великій человѣкъ есть сынъ своего времени и своего народа, если его дѣятельность есть результатъ всей предшествовавшей исторіи народа, если эта дѣятельность даетъ уразумѣвать прошедшее, а изученіе всего прошедшаго необходимо для ея уясненія, если великіе люди суть свѣтила, поставленные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобъ освѣщать народу историческій путь, имъ пройденный, уяснять связь, непрерывную, тѣсно сожнутую цѣпь явленій, а не разрывать эту связь, не снѣтывать кольца цѣпи, не вносить смуту въ сознаніе народа о самомъ себѣ,—то изъ этого ясно, какъ трудна становится біографическая задача, задача изображенія дѣятельности одного историческаго лица. Успѣхъ выполненія этой задачи, удовлетворительное представленіе характера и дѣятельности великаго человѣка зависитъ отъ того, какъ ясно представляется для біографа цѣлостный образъ народа, возникшій передъ нимъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія всего историческаго пути, совершеннаго народомъ. Отсюда понятно, почему у насъ такъ долго не было исторій Петра Великаго, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту исторію. Были похвальные слова Петру, сборники матеріаловъ, расположенныхъ по годамъ и перемѣшанныхъ восторженными восклицаніями, были стихи въ честь ему и хульные выходы въ стихахъ и прозѣ, но не было исторій; нельзя было воздвигать зданія, когда не было почвы для него; почва для исторій великаго человѣка есть исторія народа.

Изъ сказаннаго ясно, что для уясненія значенія Петра В. мы должны обратиться къ предшествовавшей ему исторіи русскаго народа,

ставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленіе отношеній не имѣетъ уже той прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очередь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены; въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многообразныя, борющіяся другъ съ другомъ, противорѣчивыя толпы и системы вѣрить нельзя. Раздаются скорбныя вопли: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Червь сомнѣнія подтачиваетъ все! общество погибаетъ, потому что чувство изсякаетъ, не умѣряетъ мысли! Ставится страшный вопросъ: что выигралъ человѣкъ, перешедши изъ одной крайности въ другую, промѣнявши суевѣріе на невѣріе?

Таковы опасности, могуція грозить отдѣльнымъ людямъ и цѣлымъ народамъ при переходѣ изъ одного возраста въ другой. Заботливыя и опытные отцы и матери хорошо знаютъ эти опасности. Сколько съ ихъ стороны бессонныхъ ночей и горячихъ слезныхъ молитвъ, чтобъ Богъ сохранилъ молодого человѣка отъ увлеченій того широкаго пути, на который онъ вступаетъ, чтобъ предавшись новому, не забылъ онъ всего стараго, не отрекся отъ тѣхъ началъ, на которыхъ былъ воспитанъ, не обратился къ нимъ съ враждой. Сколько примѣровъ, что не могли побѣдить страха предъ опасностями, грозящими молодому человѣку при переходѣ черезъ порогъ семьи, родители рѣшались отказать ему въ средствахъ высшаго образованія, не пуская въ высшее учебное заведеніе. Предосторожность напрасная! Ранѣе или позднѣе человѣкъ долженъ исполнить законъ своего развитія, долженъ исполнить его и цѣлый народъ.

Намъ не нужно долго останавливаться на примѣрахъ, укажемъ только на самые знакомые и близкіе къ намъ, причѣмъ окажутся и тѣ побужденія, тѣ средства, благодаря которымъ народъ переходитъ изъ одного возраста въ другой. Мы безпрестанно употребляемъ выраженіе: человѣкъ развитый и неразвитый, образованный и необразованный, и знаемъ, что средствомъ для пріобрѣтенія этой развитости прежде всего служить переходъ изъ узкаго замкнутаго круга, изъ узкаго замкнутаго общества въ болѣе широкій кругъ, въ болѣе многочисленное общество. Сельскій житель отличается меньшею развитостію, потому что живетъ въ тѣсномъ уединенномъ кругу, гдѣ видитъ все одни и тѣ же предметы и явленія, гдѣ господствуетъ простота быта, простота отношеній, и отсюда дѣтская простота взглядовъ на все окружающее, привычка останавливаться на внѣшности, не углубляться въ сущность явленій. Горожанинъ развитѣе сельскаго жителя потому, что кругъ, въ которомъ обращается горожанинъ, шире, общество людей многочисленнѣе; одиночество останавливаетъ развитіе, общеніе съ другими людьми, уясняя мысль условливаетъ развитіе: но чтобъ плодотворно мѣняться мыслями, надобно о чемъ-нибудь думать, надобно, чтобъ мысль возбуждалась широтою круга и разнообразіемъ предметовъ; го-

родъ даетъ именно эту широту и разнообразіе, и потому горожанинъ развитіе сельчанина. Другое могущественное средство развитія даетъ школа, наука, посредствомъ которыхъ человѣку дѣлается доступенъ весь міръ, и не только настоящее этого міра, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдѣльный человѣкъ, ими развиваются и цѣлыя народы. Народы, живущіе особнякомъ, не любящіе сближаться съ другими народами, жить съ ними общою жизнію, это народы наименѣ развитые; они живутъ, такъ сказать, еще въ сельскомъ, деревенскомъ быту. Самымъ сильнымъ развитіемъ отличаются народы, которые находятся другъ съ другомъ въ постоянномъ общеніи; таковы народы европейско-христіанскіе. Но понятно, что для плодотворности этого общенія необходимо, чтобъ народъ встрѣчался, сообщался съ такимъ другимъ народомъ или народами, съ которыми могла бы установиться мѣна мыслей, знанія, опытности, отъ которыхъ можно было бы что нибудь занять, чему нибудь научиться. Переходъ народа изъ одного возраста въ другой, т. е. сильное умственное движеніе въ немъ начинается, когда народъ встрѣчается съ другимъ народомъ болѣе развитымъ, образованнымъ, и если различіе въ степени развитія, въ степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношеніе учителя къ ученику: законъ, котораго обойти нельзя. Такъ римляне, народъ, стремившійся къ завоеванію всего извѣстнаго тогда міра, встрѣтившись съ греками, народомъ, отжившимъ свой историческій вѣкъ, преклонились предъ ними, и отдали имъ себя въ науку, и чрезъ эту греческую науку перешли во второй возрастъ своего историческаго бытія. Но еще ближе къ намъ примѣръ народовъ нашихъ ровесниковъ, новыхъ европейско-христіанскихъ народовъ, народовъ Западной Европы. Они совершили свой переходъ изъ одного возраста въ другой въ XV и XVI вѣкахъ также посредствомъ науки, чужой науки, чрезъ открытіе и изученіе памятниковъ древней греко-римской мысли. По общему закону, они пошли въ науку къ Грекамъ и Римлянамъ, и ничего не хотѣли знать кромѣ Грековъ и Римлянъ. Въ ревностномъ служеніи своемъ новому началу, они отнеслись враждебно къ прожитому ими возрасту, къ своей древней исторіи, къ господствовавшему тамъ началу, къ чувству и послѣдствіямъ этого господства. Свою новую жизнь, врасившуюся для нихъ развитіемъ мысли подъ вліяніемъ древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни, какъ бытіе не бытію. Остуженные новыми могущественными вліяніями, относясь враждебно къ прожитому ими возрасту, они до того потеряли смыслъ къ явленіямъ этого возраста, что не видѣли въ немъ своей древней исторіи, результаты которой имѣли жить въ нихъ, въ ихъ новой исторіи, какъ бы они ни старались отчураться отъ знаменитыхъ Платоновъ, Аристотелей и Цицероновъ. Для нихъ древняя исторія Грековъ и Римлянъ, въ особенности философія, была преимущественно исторіею учителей, духовныхъ отцовъ, возродившихъ науку, и они непосредственно принимали за истину то, что они находили въ древней

нюю исторію они вставили, какъ что-то странное, плохо понимаемое, междоумочное, ни то, ни се, среднее, откуда и названіе Средней Исторіи, исторіи среднихъ вѣковъ.

Такъ совершился переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, для народовъ Западной Европы, народовъ романскаго и германскаго племени. Но дошелъ чередъ и до насъ, народа Восточной Европы, народа славянскаго. Нашъ переходъ изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста, въ которомъ господствуетъ чувство, въ возрастъ, когда господствуетъ мысль, совершился въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Относительно этого перехода мы видимъ разницу между нами и нашими европейскими собратіями, разницу на два вѣка.

Мы должны уяснить себѣ причины этого явленія, чтобъ понять условия, въ которыхъ совершился самый переходъ, или такъ называемое Преобразование; общій смыслъ его, надѣясь, теперь совершенно ясенъ, ясна его необходимость для каждаго историческаго, развивающагося народа, его характеръ и независимость отъ произвола историческаго лица, которое можетъ быть виднымъ, главнымъ дѣятелемъ, но не творцемъ явленія, истекающаго изъ общихъ законовъ народной жизни. Въ такое отношеніе наука ставитъ народъ въ великому историческому дѣятелю. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу; каковой же народъ откажетъ въ памятникъ своему великому человѣку?

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ прошедшій разъ я старался уяснить смыслъ такъ называемаго въ нашей исторіи петровскаго преобразованія: мы видѣли, что это было не иное что, какъ естественное и необходимое явленіе въ народной жизни, въ жизни историческаго, развивающагося народа, именно переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, въ которомъ преобладаетъ чувство, въ возрастъ, въ которомъ господствуетъ мысль. Я указалъ на тождественное явленіе въ жизни западныхъ европейскихъ народовъ, которые совершили этотъ переходъ въ XV и XVI вѣкахъ; Россія совершила его двумя вѣками позже. Быть можетъ нѣкоторые ждади другаго выраженія, именно, что мы отстали отъ Западно-Европейскихъ народовъ на два вѣка; но это послѣднее выраженіе не можетъ быть употребляемо по своей неточности. Два живыхъ существа начали движеніе вмѣстѣ по одной дорогѣ, при равныхъ условіяхъ, и одно очутилось назади, отстало: первая мысль здѣсь, что при равенствѣ внѣшнихъ условій, различіе необходимо заключается во внутреннихъ условіяхъ, въ томъ что отставшій слабѣе того, кто ушелъ

впередъ. Но движеніе народовъ по историческому пути нельзя сравнивать вообще съ бѣганьемъ дѣтей въ запуски или конскими бѣгами, къ которымъ прилагается слово: отстать; въ историческомъ движеніи можетъ быть совершенно другое: здѣсь внутреннія силы, средства могутъ быть равныя или даже ихъ можетъ быть больше у того, кто движется медленно, но внѣшнія условія разныя, и они-то заставляютъ двигаться медленно, задерживаютъ, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую отъ внутренней слабости при равенствѣ внѣшнихъ условій, и задержку, происходящую отъ различія, неблагоприятности внѣшнихъ условій при равенствѣ внутреннихъ. Въ данномъ случаѣ мы должны именно употреблять второе выраженіе ибо русскій народъ, какъ народъ славянской, принадлежитъ къ тому же великому арійскому племени, племени—любимцу исторіи, какъ и другіе европейскіе народы, древніе и новые, и, подобно имъ, имѣетъ наследственную способность къ сильному историческому развитію; одинаково у него съ новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условіе, опредѣляющее его духовный образъ—христіанство; слѣдовательно внутреннія условія или средства равны, и внутренней слабости, и потому отсталости мы предполагать не можемъ; но когда обратимся къ условіямъ внѣшнимъ, то видимъ чрезвычайную разницу, бросающуюся въ глаза неблагоприятность условій на нашей сторонѣ, что вполне объясняетъ задержку развитія.

Извѣстны выгодныя условія для историческаго развитія которыя европейскіе народы находятъ въ географическихъ формахъ своей части свѣта: выгодныя для промышленнаго и торговаго развитія отношенія моря къ сушѣ; выгодное для быстроты историческаго развитія раздѣленіе на многія небольшія, хорошо защищенныя государственныя области, раздѣленіе, а неотчужденіе, производимое въ другихъ частяхъ свѣта степями и слишкомъ высокими горами, умѣренность климата и т. д. Но всѣ эти благоприятныя условія сосредоточены въ западной части Европы, а нѣтъ ихъ у насъ на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствіемъ моря и близостію степей. Причины задержки развитія въ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ясны слѣдовательно для насъ съ перваго взгляда. При первомъ же взглядѣ на карту насъ поражаетъ громадность русской государственной области; но обширность государственной области имѣетъ важное значеніе при извѣстныхъ условіяхъ, при единствѣ народонаселенія, при достаточномъ его количествѣ сравнительно съ обширностію и при образованности народа; понятно, что при равенствѣ этихъ условій изъ двухъ государствъ сильнѣе то, которое больше другаго; но при отсутствіи этихъ условій обширность государства не только не даетъ ему силы сравнительно съ небольшимъ государствомъ, обладающимъ этими условіями, но и служитъ главнымъ препятствіемъ народному развитію. Въ исторіи нашего народа это тѣмъ болѣе чувствительно, что Россія родилась съ обширною государственною областію и съ ничтожнымъ относительно народонаселеніемъ. Понятно, что общая

жизнь, общая дѣятельность въ народѣ можетъ быть только тогда сильна. когда народонаселеніе сосредоточено на такихъ пространствахъ, которыя не препятствуютъ частому сообщенію, когда существуетъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга много такихъ мѣстъ, гдѣ сосредоточивается большое народонаселеніе, мѣстъ, называемыхъ городами, въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, развитіе происходитъ быстрое, чѣмъ среди сельскаго народонаселенія, живущаго небольшими группами на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Россія и въ XVII вѣкѣ, передъ эпохою преобразования, представляетъ намъ на огромномъ пространствѣ небольшое число городовъ съ поразительно ничтожнымъ количествомъ промышленнаго народонаселенія: эти города не иное что какъ большія огороженные села, крѣпости, имѣющія болѣе военное значеніе, чѣмъ промышленное и торговое; они удалены другъ отъ друга обширностію разстояній и чрезвычайною трудностію сообщеній, особенно весною и осенью. Такимъ образомъ Россія въ своей древней исторіи представляла страну преимущественно сельскую, земледѣльческую, а такія страны необходимо бываютъ бѣдны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подлѣ этого главнаго неблагоприятнаго условія видимъ еще другія: Россія есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое съ востока, юга и запада. Русское государство основалось въ той странѣ, которая до него не знала исторіи, въ странѣ, гдѣ господствовали дикія, кочевыя орды, въ странѣ, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божіихъ, для дикихъ народовъ Средней Азіи, стремившихся на опустошеніе Европы. Основанное въ такой странѣ, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу съ жителями степей: вскорѣ послѣ основанія государства четвертый русскій князь, самый храбрый погибаетъ отъ кочевыхъ хищниковъ, изъ черепа Святославова пьетъ вино печенѣжскій князь, и только въ концѣ XVII вѣка, въ концѣ нашей древней исторіи русское государство успѣло выговорить освобожденіе отъ посылки постоянныхъ обязательныхъ даровъ крымскому хану, т. е. по просту дани. Но едва только Россія начала справляться съ Востокомъ, какъ на западѣ явились враги болѣе опасные по своимъ средствамъ. Наша многострадалная Москва, основанная въ срединѣ земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее съ двухъ сторонъ, съ запада и востока, бороться отъ латинства и бесерменства, по старинному выраженію, и должна была принимать бѣды съ двухъ сторонъ: горѣла отъ Татарина, горѣла отъ Поляка. Такимъ образомъ бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобы избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвѣстно, что образованіе и содержаніе войска составляетъ важный, жизненный вопросъ для каждаго, а особенно континентальнаго государства. При самомъ зарожденіи государства этотъ вопросъ уже является съ своимъ важнымъ, опредѣляющимъ другія отношенія значеніемъ. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь въ народѣ посредствомъ завоеванія или посредствомъ внутренняго движенія, все равно мы видимъ здѣсь раздѣленіе народа на двѣ части, вооруженную и не вооруженную, и опредѣленіе отношеній между ними составляетъ одну изъ главныхъ заботъ народной жизни. Въ государствахъ первобытныхъ, сельскихъ, земледѣльческихъ отношенія опредѣляются просто и тяжело для невооруженной части народонаселенія: оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владѣніи вооруженнаго класса и обрабатывается рабствующимъ, приквѣленнымъ къ землѣ сельскимъ народонаселеніемъ. При благоприятныхъ условіяхъ географическихъ и другихъ государство начинаетъ мало по малу терять земледѣльческій характеръ, начинается торговое и промышленное движеніе, деньги, недвижимая собственность начинаетъ получать все болѣе и болѣе значенія, городъ богатѣетъ, богатѣетъ вообще народъ, народонаселеніе увеличивается и естественно готовится переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному. Въ то же время богатѣетъ и правительство, увеличиваются его средства, денежные средства: прежде оно должно было довольствоваться помощію вооруженнаго сословія, бывшаго вмѣстѣ и высшимъ землевладѣльческимъ сословіемъ, которое затрудняло правительство извѣстными условіями, напримѣръ воинъ на западѣ имѣлъ право не оставаться въ походѣ долѣе извѣстнаго срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достиженія своихъ цѣлей, и являются наемныя войска; наконецъ дальнѣйшее усиленіе финансовыхъ средствъ правительства даетъ ему возможность избѣгать невыгодъ и наемныхъ войскъ и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось въ его распоряженіи, и которое бы народъ содержалъ, кормилъ не непосредственно своими трудами, но посредствомъ денегъ, уплачиваемыхъ правительству въ видѣ податей. Такимъ образомъ появленіе постоянного войска есть ясный признакъ экономическаго переворота въ народной жизни, промышленнаго и торговаго развитія, появленія имущества движимаго, денегъ подлѣ недвижимаго, земли, признакъ, который естественно и необходимо совпадаетъ съ другимъ признакомъ, освобожденіемъ земледѣльческаго сословія, появленіемъ вольнонаемнаго труда вмѣсто обязательнаго, крѣпостнаго; городъ, разбогатѣвъ, освобождаетъ село, ибо въ организмѣ народномъ всѣ органы находятся въ тѣсной связи, усиленіе или упадокъ одного отзывается на усиленіи или упадкѣ другаго.

Такъ было на западѣ. Обратимся на востокъ. Законы развитія одни и тѣ же и здѣсь и тамъ, разница происходитъ отъ болѣе или менѣе благоприятныхъ условій, ускоряющихъ или замедляющихъ раз-

внѣ. На востокъ въ нашей Россіи мы имѣемъ дѣло съ государствомъ бѣднымъ, земледѣльческимъ, безъ развитія города, безъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія, государствомъ громаднымъ, но съ малымъ народонаселеніемъ, государствомъ, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу съ сосѣдями, борьбу не наступательную, но оборонительную, при чемъ отстаивалось не матеріальное благосостояніе (не избалованы были имъ наши предки!), но независимость страны, свобода жителей, потому что какъ скоро не поспѣетъ русское войско выйти къ берегамъ Оки сторожить Татаръ, дастъ имъ гдѣ нибудь прорваться, то восточные магометанскіе рынки наполняются русскими рабами. Государство бѣдное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растаянувшихъ на длиннѣйшемъ протяженіи и открытыхъ границъ. Понятно, что мы должны здѣсь встрѣтиться съ обычнымъ въ земледѣльческихъ государствахъ явленіемъ: вооруженное сословіе, войско непосредственно кормится на счетъ невооруженнаго. Бѣдное государство, но обязанное содержать большое войско, не имѣя денегъ, вслѣдствіе промышленной и торговой неразвитости, раздастъ военнымъ служилымъ людямъ земли, но земля для землевладѣльца не имѣетъ значенія безъ земледѣльца, безъ работника, а его то и не достаетъ; рабочія руки дороги, за нихъ идетъ борьба между землевладѣльцами, работниковъ переманиваютъ, землевладѣльцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманиваютъ къ себѣ работниковъ отъ землевладѣльцевъ, которые побѣднѣе, отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые не могутъ дать выгодныхъ условій, и бѣдный землевладѣлецъ, не имѣя работника, лишается возможности кормиться съ земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованію государства въ должномъ видѣ, на конѣ, съ извѣстнымъ числомъ людей и въ достаточномъ вооруженіи, коненъ, люденъ и оруженъ. Что тутъ дѣлать? Главная потребность государства имѣть наготовѣ войско, но воинъ отказывается служить, не выходитъ въ походъ, потому что ему нечѣмъ жить, нечѣмъ вооружиться, у него есть земля, но нѣтъ работниковъ. И вотъ единственнымъ средствомъ удовлетворенія этой главной потребности страны найдено прикрѣпленіе крестьянъ, чтобы они не уходили съ земель бѣдныхъ помѣщиковъ, не переманивались богатыми, чтобы служилый человѣкъ имѣлъ всегда работника на своей землѣ, всегда имѣлъ средство быть готовымъ къ выступленію въ походъ. Долго иностранцы, а за ними и русскіе, изумлялись и глумились надъ этимъ явленіемъ: какъ это случилось, что въ то самое время, какъ въ западной Европѣ крѣпостное право исчезло, въ Россіи оно вводилось? Теперь наука показываетъ намъ ясно, какъ это случилось: въ западной Европѣ, благодаря ея выгодному положенію, усилилась промышленная и торговая дѣятельность, односторонность въ экономической жизни, господство недвижной собственности, земли, исчезла, подлѣ нея явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселеніе, разбогатѣлъ городъ и освободилъ село; а на Востокъ образовалось государство при самыхъ невыгодныхъ

условіяхъ, съ громадною областью и малымъ народонаселеніемъ, нуждающееся въ большомъ войскѣ, заставляемое быть военнымъ, хотя вовсе не воинственное, вовсе безъ завоевательныхъ стремленій, имѣющее въ виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселенія, государство бѣдное, земледѣльческое, и какъ только отношенія въ немъ между частями народонаселенія начали опредѣляться по главнымъ потребностямъ народной и государственной жизни, то оно и представило извѣстное въ подобныхъ государствахъ явленіе: вооруженная часть народонаселенія кормится непосредственно насчетъ невооруженной, владѣетъ землею, на которой невооруженный человѣкъ является крѣпостнымъ работникомъ. И развѣ во всѣхъ государствахъ Европы крѣпостная зависимость сельскаго народонаселенія исчезла вдругъ и давно? въ государствахъ средней Европы она продолжалась до настоящаго вѣка, и причина тому заключалась въ медленности экономическаго развитія. Но для уясненія явленія посредствомъ сравненія намъ не нужно ограничиваться одною Европою; къ Европѣ примыкаетъ другая часть свѣта, открытая европейско-христіанскими народами, занятая ими, введенная вслѣдствіе этого въ общую жизнь съ Европою, Америка. Въ XVI вѣкѣ эта страна представляла главныя экономическія условія, одивакія съ Востокомъ Европы, съ Россією: обширная страна, страшно нуждающаяся въ рабочихъ рукахъ, и что же дѣлаютъ въ ней эти западные Европейцы, такъ хвастающіе раннимъ освобожденіемъ у себя сельскаго народонаселенія? они организуютъ здѣсь рабство сельскаго народонаселенія въ самыхъ обширныхъ и отвратительныхъ размѣрахъ посредствомъ вывоза изъ Африки черныхъ невольниковъ, успокоивая свою цивилизованную совѣсть лукавымъ мудрствованіемъ, что Негры вовсе не такіе люди, какъ бѣлые, не отъ одного Адама произошли.

Прикрѣпленіе крестьянъ — это вопль отчаянія, испущенный государствомъ, находящимся въ безвыходномъ экономическомъ положеніи. Но дѣло не могло ограничиться однимъ прикрѣпленіемъ сельскаго народонаселенія къ обрабатываемой имъ землѣ: въ городахъ живутъ такъ называемые посадскіе, тяглые люди, промышленники, торговые люди; промышленляютъ и торгуютъ они въ очень небольшихъ размѣрахъ, но платятъ подати, несутъ повинности въ очень большихъ размѣрахъ: государство постоянно и страшно нуждающееся въ деньгахъ, требуетъ отъ нихъ исправнаго платежа податей и въ то же время требуетъ отъ нихъ тяжкой и разорительной службы при собираніи этихъ доходовъ. А тутъ еще новая для нихъ тягость — воевода и приказный человѣкъ. Развитие состоитъ въ раздѣленіи занятій; мы называемъ наиболее развитымъ то тѣло, которое имѣетъ наиболее отдѣльныхъ органовъ, служащихъ каждый извѣстному отправленію жизни и находящихся въ тѣсной другъ съ другомъ связи и зависимости. Мы называемъ и человѣческое общество наименѣ развитымъ, варварскимъ, гдѣ раздѣленіе занятій слабо, гдѣ каждый дѣлаетъ все для себя нужное, не имѣя нужды въ другихъ, не сообщается, не мѣняется съ ними,

житье обобщающъ. Обществомъ развитымъ, цивилизованнымъ наоборотъ мы называемъ такое, гдѣ господствуетъ раздѣленіе занятій и потому господствуетъ и соединеніе силъ, общая жизнь, ибо всѣ входятъ во взаимной связи и зависимости. Въ древней Россіи, принадлежавшей къ государствамъ первобытнымъ, неразвитымъ, мы не можемъ надѣяться встрѣтить значительное раздѣленіе занятій ни въ какихъ сферахъ. Въ такихъ государствахъ одинъ органъ обыкновенно служитъ нѣсколькимъ отрядамъ, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи, распределяются по отдѣльнымъ органамъ. Въ древней Россіи военный или ратный человѣкъ въ нѣжное время долженъ былъ занимать правительственныя должности, которыя, опять по той же неразвитости, соединялись съ судебными должностями. Въ финансовомъ отношеніи назначеніе на такія мѣста служило дополнительнымъ содержаніемъ къ погѣстью для служилаго или военного человѣка, и такъ какъ бѣдное государство не могло дать ему жалованья, то предоставило ему содержаться доходами съ управляемой имъ мѣстности, кормиться на ея счетъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанной уже неразвитости земледѣльческаго государства, и городъ, подобно селу, долженъ былъ непосредственно содержать, кормить военного человѣка, который естественно и необходимо привыкалъ къ мысли, что онъ имѣетъ право непосредственно кормиться на счетъ невооруженнаго человѣка, а тотъ имѣетъ обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Вслѣдствіе такого-то представленія и образуется бездна между двумя частями народонаселенія, вооруженнаго и невооруженнаго; одни считаютъ себя полными людьми, мужами, и всѣхъ другихъ называютъ неполными людьми, челоѣчками, мужиками. Мужъ, прѣвѣщая управлять мужиками, и смотря на эту должность какъ на дополнительное содержаніе, какъ на кормленіе, разумѣется, хотѣлъ кормиться какъ можно сытнѣе. Мужъ, воевода часто былъ безграмотный, не зналъ порядковъ управленія и суда, и при немъ явился приказный челоѣкъ, грамотный, умѣющій вести дѣла, и умѣющій кормиться. Тяжелое положеніе тяглаго челоѣка, обремененнаго податями, увеличивалось еще такимъ отношеніемъ къ областнымъ правителямъ какъ кормленщикамъ, и часто тяглый челоѣкъ бѣжалъ отъ невыносимой тягости, укрывался, вступалъ въ зависимость отъ частныхъ сильныхъ и богатыхъ людей, чтобъ найти въ ней льготу и покровительство. Это послѣднее явленіе составляетъ также характеристическую черту первобытныхъ, неразвитыхъ государствъ, которыя не могутъ дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, государствъ, гдѣ правительственныя требованія находятся въ несоразмѣрности съ средствами подданныхъ удовлетворять имъ. Здѣсь естественное стремленіе бѣднаго, слабого входитъ въ зависимость отъ богататаго, сильнаго, чтобъ найти у нихъ помощь и покровительство, найти защиту какъ отъ насилія другихъ сильныхъ, какой не можетъ дать государство еще слабое, такъ и отъ требованій самого государства. Извѣстно, что такъ называемая феодальная система на западѣ,

господствовавшая въ то время, когда тамошнія государства находились въ первобытномъ, неразвитомъ состояніи, основывалась на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ съ цѣлю найти въ нихъ защиту и покровительство.

Вотъ почему и въ древней Россіи мы видимъ сильное стремленіе добровольно входить въ частную зависимость. Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу. Отпущенный на волю по завѣщанію умершаго господина, холопъ спѣшилъ закабалить себя наслѣднику покойнаго господина или другому кому-нибудь. Но кромѣ этого добровольнаго закабаливанія себя въ личное услуженіе, видимъ стремленіе людей имѣющихъ свое независимое хозяйство и промыслы закладываться за людей сильныхъ для приобрѣтенія защиты и освобожденія отъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей, стремленіе, по тогдашнему выраженію, жить за чужимъ хребтомъ. Быть въ захребетникахъ, въ сосѣдяхъ и подсосѣдникахъ. Государство, разумѣется, не можетъ равнодушно смотрѣть на всѣ эти явленія. Накопляется огромное количество жалобъ мелкихъ землевладѣльцевъ, что крестьяне бѣгутъ съ ихъ земель, и тѣмъ лишаютъ ихъ средствъ кормиться, слѣдовательно лишаютъ средствъ служить; несмотря на законъ о прикрѣпленіи крестьянъ, богатые и сильные землевладѣльцы продолжали переманивать крестьянъ у недостаточныхъ собратьевъ своихъ, переманить и сейчасъ же отправить въ отдаленную вотчину, гдѣ прежній господинъ его не сыщеть. Пустѣютъ цѣлыя волости отъ тяжелыхъ податей и воеводскихъ притѣвленій; бѣгутъ или закладываются посадскіе люди: но уходъ крестьянина отъ помѣщика лишаетъ государство возможности имѣть въ сборѣ достаточное число войска; уходъ, укрывательство, закладничество тяглаго человѣка лишаетъ бѣдное государство послѣднихъ финансовыхъ средствъ, и вотъ одною изъ главныхъ постоянныхъ заботъ государства становится ловля человѣка. Помѣщикъ жалуется, что ушелъ работникъ, земля пуста, дохода не даетъ, а нанять работника нечѣмъ, да и некого; посадскіе люди жалуются, что товарищи ихъ ушли, или заложились за бояръ, за монастыри, тягла не тянутъ, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которымъ, разумѣется, нельзя справиться и приходится самимъ брести розно, и государство должно удовлетворять всѣмъ этимъ жалобамъ, должно ловить работника, тяглаго человѣка, усаживать на одно постоянное мѣсто, стеречь чтобъ не ушелъ; государство изъ финансовыхъ видовъ должно вооружиться противъ закладничества, должно освобождать людей отъ частной зависимости, освобождать силою, противъ ихъ воли, и освобожденные составляютъ заговоръ, чтобы произвести кровавый бунтъ противъ освободившаго ихъ правительства, зачѣмъ освободило. Вотъ явленіе, которое заставляетъ насъ быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшемъ. Понятно, что мѣры государства относительно ловли и усаживанія людей не могли быть очень дѣйствительны. Уйти и скрыться въ громадной, малонаселенной странѣ было легко; открытость границъ, условіе столь

затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагамъ доступъ въ Россію, облегчало и русскому народонаселенію возможность выхода, возможность разбрасываться все болѣе и болѣе на неизмѣримыхъ пространствахъ, пустыхъ или почти пустыхъ по ничтожности ихъ туземнаго народонаселенія. Понятно, что такая колонизація, такое постоянное расширеніе государственной области, не имѣющей изначала рѣзко очерченныхъ границъ, расширеніе, которое безпрепятственно шло чрезъ пустыни Сѣверной Азіи и могло остановиться только на берегахъ Восточнаго Океана, такое постоянное расширеніе государственной области и безъ того громадной, такой отливъ народонаселенія и безъ того незначительнаго, только усиливало затрудненія государства въ его отправленіяхъ. Къ тому же подгѣ выселенія людей съ земскимъ характеромъ, людей переносившихъ на новыя мѣста свой трудъ, мы видимъ выходъ людей съ другимъ характеромъ, людей, которые ушедши отъ тяжкаго труда, отъ надзора правительственнаго и общественнаго, начинаютъ заниматься дурнымъ промысломъ, жить на чужой счетъ; въ густыхъ лѣсахъ малонаселенной страны такъ легко было образовываться и укрываться отъ преслѣдованій разбойничьимъ шайкамъ, отъ которыхъ мирное сельское народонаселеніе терпѣло болѣе, чѣмъ отъ внѣшнихъ враговъ; отъ послѣднихъ терпѣли окраины, разбойники свирѣпствовали повсюду. Но не одинъ лѣсъ служилъ убѣжищемъ для людей, которые хотѣли жить на чужой счетъ, на счетъ трудящихся въ потѣ лица братья: широкія степи, съ которыми граничила древняя Россія на югѣ и юго-востокѣ, переставши быть привольемъ хищныхъ, кочевыхъ ордъ, стали привольемъ козаковъ, людей не хотѣвшихъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, людей, которымъ, по ихъ природѣ, по обилію физическихъ силъ, было тѣсно на городской и сельской улицѣ, которые, по старинному представленію, не могли пройти по ней, чтобъ не задѣть другаго, не сшибить его съ ногъ, на что, разумѣется, эти задавленные и сшибаемые съ ногъ не могли смотрѣть равнодушно и быть благодарными: по этому люди, чувствовавшіе такую тѣсноту въ обществѣ и не желавшіе работать, спѣшили на просторъ, въ широкую степь, гдѣ могли гулять, живя на чужой счетъ, т. е. грабя своихъ и чужихъ. Такъ образовалась противоположность между земскимъ человѣкомъ который трудился, и козакомъ, который гулялъ, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновеніе, борьбу; эта борьба разыгралась въ высшей степени въ началѣ XVII вѣка, въ такъ называемое смутное время, когда козаки изъ степей своихъ подъ знаменами самозванцевъ явились въ государственной области и страшно опустошили ее, явились для земскихъ людей свирѣпѣе Поляковъ и Нѣмцевъ (грубиѣ Литвы и Нѣмецъ, по выраженію лѣтописца). Понятно, что это опустошеніе не могло улучшить экономическаго положенія страны, которое въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду терпѣло отъ разбоя производившагося въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ

съ неслыханною ненавистію къ мирному труду, въ гражданину-труженнику, къ земскому человѣку.

Въ послѣднее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильнымъ научнымъ трудомъ, произвела нѣсколько странныхъ явленій въ нашей литературѣ, въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ историческихъ сочиненіяхъ выказалось стремленіе выставить этихъ героевъ дѣса и степи, разбойниковъ и козаковъ съ выгодной стороны, выставить ихъ народными героями, въ ихъ дѣятельности видѣть протестъ во имя народа противъ тягостей и неправды тогдашняго строя государственной жизни. Протестъ! мы привыкли къ этому слову, оно легко для насъ, какъ легко самое дѣло. Но въ сущности это дѣло не такъ легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; въ сущности въ самой тѣсной связи съ нимъ находятся слова: подвигъ, пророчество, мученичество, и конечно это слово вовсе нейдетъ къ людямъ, которые покидали своихъ собратій въ ихъ подвигѣ, въ ихъ тяжеломъ трудѣ, и уходили, чтобъ гулять и жить на чужой счетъ, на счетъ тяжкаго труда своихъ собратій. Хорошъ протестъ во имя народа, во имя народныхъ интересовъ, протестъ, состоящій въ томъ, чтобъ мѣшать народному труду, мѣшать труженникамъ трудиться и посредствомъ труда улучшать свое положеніе! Хорошъ протестъ противъ неправды подъ знаменемъ лжи, подъ знаменемъ самозванства! Нѣтъ, все наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые ушли, но тѣмъ, которые остались; все наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ земскимъ русскимъ людямъ, которые разработали нашу землю своимъ трудомъ великимъ, подвигомъ необычайнымъ, потому что были поставлены въ самыя неблагоприятныя обстоятельства, должны были преодолѣвать страшныя трудности, должны были бороться съ природою-мачихою, при ничтожныхъ средствахъ защищать обширную страну отъ враговъ, нападавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ, и не смотря на всѣ препятствія, создали крѣпкую народность, крѣпкое государство. Все наше сочувствіе принадлежитъ этимъ людямъ, которые въ продолженіи столькихъ вѣковъ работали самую черную работу, и посмѣемъ ли мы задать имъ дѣтскій и дерзкій вопросъ: зачѣмъ они при этой черной работѣ не носили свѣтлаго, богатаго платья? Наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые, какъ бичи Божіи, приходили изъ степей, чтобъ вносить смуту и опустошенія въ родную землю, которые умѣли только разрушать, и не умѣли ничего создать: наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые своимъ честнымъ, гражданскимъ трудомъ созидали, охраняли и спасали; тѣмъ, которые въ восточной, московской Россіи, несмотря на разбросанность свою по обширнымъ, мало проходнымъ пространствамъ, умѣли собраться и стать какъ одинъ человѣкъ когда бѣда начала грозить родной странѣ, которые совершили не одинъ физическій подвигъ, но умѣли очиститься нравственно, избавиться отъ привычки нравственнаго обособленія, отъ привычки нравственнаго колебанія, шатанія, какъ они выражались; наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые въ западной Россіи, по-

чуя ту же бѣду, не хитрыми средствами приходскаго складчиннаго шара умѣли создать крѣпкія общества, въ короткое время создать школу, науку, литературу, всё нравственныя средства къ борьбѣ съ врагомъ сильнымъ для спасенія своей народности. Наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые великимъ трудомъ развили свои нравственныя силы, окруженные варварами сохранили свой европейско-христіанскій образъ и стали способны подъ предводительствомъ величайшаго изъ труженниковъ приступить къ новому великому труду, труду созиданія новой Россіи. Этими людямъ принадлежитъ все наше сочувствіе, наша память, наша исторія. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежитъ не тѣмъ, которые уходятъ, но тѣмъ, которые остаются, остаются на своей землѣ, при своихъ братьяхъ, подъ своимъ народнымъ знаменемъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Изъ предложеннаго очерка экономическаго быта древней Россіи легко догадаться, съ чего должно было начаться движеніе при переходѣ изъ одного возраста народной жизни въ другой. Прежде всего должно было пробудиться сознаніе о недостаткахъ этого быта, о ихъ вредныхъ слѣдствіяхъ въ дѣлѣ народной безопасности, народной силы, народной чести. Какимъ же способомъ могло пробудиться это сознаніе? Тѣмъ же, какимъ оно пробуждается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, способомъ сравненія и противоположенія; а способъ этотъ, разумѣется, усиливается въ слѣдствіе выхода въ болѣе широкую сферу, въ слѣдствіе пріобрѣтенія большого количества предметовъ, явленій для сравненія и противоположенія. Долгое время все вниманіе русскаго человѣка было обращено на Востокъ, къ міру степныхъ, хищныхъ варваровъ, народовъ вочевыхъ, не христіанскихъ, стоявшихъ на низшей ступени развитія, чѣмъ народъ русскій. Русскій человѣкъ созналъ свое рѣзкое различіе отъ этихъ народовъ и, находясь въ томъ возрастѣ, когда преобладаетъ чувство, созналъ свое рѣзкое различіе отъ степнаго варвара въ религій: не русскій и татаринъ, но христіанинъ и бусурманинъ или поганый, вотъ какія представленія были напередѣ; здѣсь прошла рѣзкая нравственная граница между русскою народностію и азіатскимъ міромъ. Но на западѣ другіе сосѣди, народы съ другимъ характеромъ. И здѣсь прежде всего было подмѣчено и стало на первомъ планѣ религіозное, т. е. вѣроисповѣдное различіе, православный христіанинъ или просто христіанинъ, христіанинъ по преимуществу, и Латынецъ (римлянинъ), Луторъ, Кальвинъ: и здѣсь на западѣ, вѣроисповѣдное различіе провело рѣзкую нравственную границу русской народности, вотъ почему и говоримъ мы, что православіе легло въ основу русской народности, охранило ея духовную и политическую самостоятельность: подъ его знаменемъ поднялась и собралась восточная Россія, чтобъ не пустить на московскій престолъ латынца, польскаго короля или

сына его; подъ его знаменемъ отставала свою народную самостоятельность западная Россія въ борьбѣ съ Польшею. Мы говорили, что Россія дурно защищена природою, открыта съ востока, юга и запада, легко доступна вражьиимъ нападѣніямъ; но отсутствіе рѣзкихъ физическихъ границъ замѣнено было для русскаго народа духовными границами, религиозными различіемъ на востокъ и югъ, кѣроновѣдѣніемъ на западѣ; въ этихъ-то границахъ крѣпко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность. Затѣмъ русскій человекъ, разувѣется, обратилъ вниманіе и на другія черты сходства и различія между своими сосѣдами, между народами, съ которыми имѣлъ дѣло, и по этимъ чертамъ также началъ опредѣлять свои отношенія къ нимъ; онъ замѣтилъ, наприимѣръ, племенное сходство и различія, и поставилъ Поляковъ—Литву особо, Нѣмцевъ, т. е. всѣхъ западно-европейскихъ народовъ не славянскаго происхожденія особо. Замѣтилъ и рѣзкое различіе между восточными и западными людьми, азіатскимъ и западно-европейскимъ, грубость первого, умѣлость, образованіе втораго. Особенно поразило русскаго человека, въ противоположность съ его собственною бѣдностію, богатство заморскаго Нѣмца, Англичанина, Голландца, Гамбургца, Либтанина, богатство и искусство (досужество): заморскій Нѣмецъ привозитъ товары необходимыя, но которыхъ русскій человекъ не умѣетъ дѣлать, у заморскихъ Нѣмцевъ много денегъ и кромѣ того они умѣютъ вести свои дѣла, умѣютъ вести ихъ сообща, умѣютъ стовариться и поставить на своемъ, тогда какъ русскіе люди торгуютъ каждый отдѣльно, не умѣютъ стовариваться, помогать другъ другу и потому всегда въ проигрышѣ предъ Нѣмцами, не могутъ съ ними сдѣлать, какъ они сами выражались. Нѣмцы привозятъ товары дорогіе, которые въ ихъ землѣ не рождаются, рождаются далеко за океаномъ; но Нѣмцы на корабляхъ своихъ плаваютъ по всѣмъ морямъ, пристають ко всѣмъ землямъ, покупають дешево, продають дорого, и наживають великіе барыши. Русскій человекъ присматривается къ Нѣмцамъ, которые изъ нихъ богаче, которые искуснѣе и видятъ, что богаче, искуснѣе Нѣмцы поморскіе, тѣ, у которыхъ больше кораблей, тѣ, которые плаваютъ и торгуютъ по всѣмъ морямъ. Отсюда для русскаго человека представленіе моря, какъ силы, которая даетъ богатство, отсюда страстное желаніе, стремленіе къ морю, чтобъ посредствомъ него стать такимъ же богатымъ и умѣлымъ народомъ, какъ народы поморскіе. Такимъ образомъ богатство и умѣлость заморскихъ иностранцевъ, противопоставленные собственной бѣдности и неразвитости, пробудили въ сильномъ историческомъ, т. е. способномъ къ развитію народѣ стремленіе выйти изъ своего затруднительнаго, печальнаго положенія, умѣрнить односторонность земледѣльческаго быта промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, средствами указанными, дѣйствительность которыхъ очевидна; отсюда движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю. И это движеніе началось сейчасъ же какъ только восточные варвары ослабѣли, русскіе осилили ихъ, могли вадолгнуть по-

спокойнѣе, оглядѣться и замѣтить сказанное различіе между собою и поморскими народами, ибо великій историческій народъ пребывать въ застоѣ не можетъ, а если древняя Россія намъ представляется въ застоѣ, то это застоѣ относительный, это только медленность движенія въ извѣстныхъ сферахъ въ слѣдствіе могущественныхъ препятствій, встрѣчаемыхъ народамъ. Какъ только татарскіе ханы перестаютъ подходить къ Москвѣ и брать въ плѣнъ ея князей, сынъ того князя который былъ плѣнникомъ въ Казани, Іоаннъ III уже заводитъ сношенія съ западной Европой и вызываетъ тамошнихъ художниковъ чтобы строить церкви, дворцы и башни въ своемъ Кремлѣ. Внуку его Іоаннъ IV какъ только уговорилъ восточныхъ татаръ взятіемъ Казани и Астрахани, такъ сейчасъ же обращаетъ все свое вниманіе на западъ, хочетъ непременно добиться до завѣтнаго моря. Оттолкнутый отъ него соединенными усиліями Поляковъ и Шведовъ, Іоаннъ IV готовъ отдать всю русскую торговлю въ руки Англичанъ, лишь бы только тѣ помогли ему получить хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ; царь Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ наивное предложеніе герцогу Курляндскому, не можетъ ли тотъ позволить строить въ своихъ гаваняхъ русскіе корабли: это всего лучше показываетъ движеніе и его направленіе, всего лучше показываетъ, какъ мысль о морѣ стала господствующею, неотразимою. Такимъ образомъ русскіе уже двинулись, и новый путь былъ опредѣленъ, движеніе начинается съ XV и XVI вѣка, одновременно слѣдовательно съ движеніемъ западно-европейскихъ народовъ, съ ихъ переходомъ изъ одного возраста въ другой; но у насъ на востокъ это движеніе шло чрезвычайно медленно въ слѣдствіе страшныхъ препятствій. Польша и Швеція легли на дорогѣ, загородили море, пробиться было невозможно съ тѣми нестройными массами, какія представляло русское войско, требовавшее для успѣха кореннаго преобразованія; на западъ загорожена дорога, а востокъ, степной востокъ употребляетъ послѣднія усилія, чтобы удержать свою добычу, свою плѣнницу—Россію: въ то время, какъ царь Іоаннъ IV обратилъ все свое вниманіе на западъ, крымскій ханъ подерался и сжегъ Москву, сжегъ такъ, что она уже послѣ того не поправлялась. Только что при царѣ Борисѣ успѣли рѣшить вопросъ, что лучше отправить своихъ русскихъ за границу учиться, чѣмъ вызывать иностранныхъ учителей въ Россію, только что распорядились исполненіемъ этого рѣшенія, какъ степи снова всколыхались, явились оттуда козаки съ самозванцами, и выполнили степную работу опустошенія, уравнианія, т. е. уравнили все съ землею получше татаръ; долго Россія должна была отдыхать, оправляться послѣ посѣщенія этихъ проповѣдниковъ протеста. Путешественники рассказываютъ, что когда они проѣзжали мѣстами, гдѣ гостили козаки, то чтобы остановиться и погрѣться въ избахъ, прежде нужно было очистить эти избы отъ труповъ ихъ прежнихъ обитателей. Послѣ такой болѣзни нельзя было требовать сильнаго движенія отъ выздоравливающаго; а тутъ едва восточная великая, Россія начала оправляться, движенія въ западной Россіи, сведеніе ста-

рых счетовъ съ Польшею, козакія слуги въ Малороссіи замедляли движеніе, замедляли, но оно не прекращалось: шли опущью, принимали полумѣры, но двигались, вводили преобразованія въ войскѣ, отбываемые отъ Балтійскаго моря, строили корабли для Каспійскаго.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, въ чемъ должны были заключаться существенныя черты такъ называемаго преобразованія, т. е. естественнаго и необходимаго перехода народа изъ одного возраста въ другой. Бѣдный народъ созналъ свою бѣдность и причины ея чрезъ сравненіе себя съ народами богатыми, и устремился къ приобрѣтенію тѣхъ средствъ, которыми заморскіе народы были обязаны своимъ богатствомъ. Слѣдовательно дѣло должно было начаться съ преобразованія эконоическаго; государство земледѣльческое должно было умѣрить односторонность своего эконоическаго быта усиленіемъ промышленнаго и торговаго движенія, и для этого прежде всего добыть себѣ уголокъ у сѣвернаго Средиземнаго (Балтійско-Нѣмецкаго) моря, къ которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, откльнуувъ отъ береговъ древняго южнаго Средиземнаго моря. Здѣсь исполнялся общій законъ, по которому шло движеніе и на западѣ. Движеніе, приготивившее переходъ западно-европейскихъ народовъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, началось измѣненіемъ въ ихъ эконоическомъ бытѣ чрезъ усиленіе промышленной, торговой и мореплавательной дѣятельности. Чѣмъ обыкновенно начинаютъ изложеніе новой исторіи? открытіями новыхъ странъ и морскихъ путей, и этимъ открытіямъ предшествуетъ поднятіе города, его чрезвычайное процвѣтаніе въ Италіи, этой странѣ богатыхъ, сильныхъ, властительныхъ городовъ-республикъ; съ берегами южнаго Средиземнаго моря начинаютъ соперничать берега сѣвернаго Средиземнаго моря Балтійско-Нѣмецкаго: здѣсь поднимаются города ганзейскіе и нидерландскіе, въ другихъ западно-европейскихъ странахъ въ различной степени, подъ вліяніемъ разныхъ условій, но повторяется то же явленіе, деньги, движимое соперничаетъ съ землею, недвижимымъ, золото споритъ съ мечемъ; прежде династіи основывались мечемъ, теперь они основываются посредствомъ денегъ; богатые купцы Медичи основываютъ династію во Флоренціи. Развитіе промышленное и торговое ведетъ къ развитію умственному чрезъ расширеніе сферы наблюденія, чрезъ усиленіе жизни международной; научное движеніе при этомъ необходимо, и мы видимъ, что въ эпоху великихъ открытій географическихъ, въ эпоху усиленія торговой и промышленной дѣятельности, въ странахъ, наиболѣе отличающихся этою дѣятельностію, является и сильная работа мысли надъ намятниками, оставленными древнимъ греко-римскимъ міромъ, вліянію которыхъ такъ подчинились западно-европейскіе народы и подъ этимъ вліяніемъ совершили переходъ изъ своей древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли, проще сказать отдались въ ученіе Грековъ и Римлянамъ, прошли школу подъ ихъ руководствомъ, и эта школа навсегда, можно сказать навсегда, оставила глубокіе слѣды, точно также. какъ

глубокіе слѣды оставляетъ школа въ каждомъ человѣкѣ, способномъ принимать и переваривать духовную пищу. Въ этой-то греко-римской школѣ, при возбужденіи мысли посредствомъ нея, западно-европейскіе народы прежде всего отнеслись съ вопросомъ и допросомъ къ отношеніямъ, которые были результатомъ начала, господствовавшего въ ихъ древней исторіи, чувства, религіознаго чувства, и слѣдствіемъ этого допроса расправившей свои крылья мысли результатамъ чувства, слѣдствіемъ столкновенія двухъ началъ, дѣлящихъ между собою исторію народовъ, слѣдствіемъ столкновенія мысли и чувства было религіозное протестантское движеніе, обхватившее всю Западную Европу и поведшее всюду къ такой продолжительной и кровавой борьбѣ. И у насъ въ Россіи переходъ изъ древней исторіи въ новую совершился по общимъ законамъ народной жизни, но и съ извѣстными особенностями, вслѣдствіе различія условій, въ которыхъ проходила жизнь нашего и западно-европейскихъ народовъ. На западѣ извѣстное экономическое движеніе началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значенія новизны, особенно поражающаго вниманіе, дающаго господство явленію; самымъ сильнымъ и поражающимъ своею новизною движеніемъ, было движеніе въ области мысли, въ области науки и литературы, перешедшее немедленно въ область религіозную, въ область церковныхъ и церковно-государственныхъ отношеній; здѣсь новое, протестуя противъ стараго, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу и борьбу самую сильную, борьбу религіозную, которая дѣлитъ Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первомъ планѣ, отстранивъ всѣ другіе интересы на второй. У насъ въ Россіи въ эпоху преобразованія, т. е. при переходѣ народа изъ своей древней исторіи въ новую, экономическое движеніе оставалось на первомъ планѣ. По указаннымъ выше неблагоприятнымъ условіямъ у насъ экономическое развитіе было задержано, но движеніе государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе необходимости вывести страну на новый путь, все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе средствъ этого вывода, и какъ скоро сознаніе окончательно уяснилось, то народъ долженъ былъ вдругъ ринуться на новую дорогу, ибо разладъ между сознаніемъ того, что должно быть и дѣйствительностію возможно у отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа только при условіи крайней слабости воли, одряхлѣнія, но такимъ не былъ русскій народъ въ описываемое время. Экономическій переворотъ, какъ удовлетворяющій главной, народной потребности, становился на первый планъ, и какъ совершившійся вдругъ тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать; въ организмѣ государственномъ нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись въ тоже время и другихъ, и вотъ причина, почему вмѣстѣ съ экономическимъ преобразованіемъ шло и множество другихъ, но эти послѣднія находились въ служебномъ отношеніи къ первому. Не забудемъ и того, что Россія совершила свой переходъ изъ древней исторіи въ новую двумя вѣками позже, чѣмъ совершили это западно-европейскіе народы, слѣдовательно

между этими народами, въ общество которыхъ вступилъ народъ русскій, многое уже должно было измѣниться. Дѣйствительно, религиозное движеніе здѣсь успокоилось, и на первомъ планѣ стоялъ также—вопросъ экономической. Вспомнимъ, что на западѣ это время было временемъ Людовика XIV, который далъ Франціи первенствующую роль въ Западной Европѣ; но въ концѣ его царствованія Франція потеряла первенствующее значеніе. Это происходило отъ того, что въ началѣ знаменитый министръ Людовика Кольберъ произвелъ экономическое движеніе, экономическій переворотъ во Франціи, давшій королю большія финансовыя средства; но потомъ король позволилъ себѣ истощить ихъ. Отъ какой же мысли пошелъ Кольберъ? Морскія державы—Голландія и Англія разбогатѣли посредствомъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія: чтобъ дать Франціи возможность разбогатѣть наравнѣ съ Англією и Голландією, надобно сдѣлать ее морскою державою, возбудить въ ней сильное промышленное и торговое движеніе, что и было сдѣлано. Тутъ, слѣдовательно, Кольберъ шелъ отъ факта, совершившагося у всѣхъ передъ глазами, отъ сравненія положенія морскихъ державъ съ положеніемъ континентальныхъ, отъ вѣрнаго пониманія причинъ различія въ этомъ положеніи, ибо не понять было трудно. Отъ того же факта, отъ того же сравненія пошла и Россія, основное движеніе преобразовательной эпохи было то же Кольберовское движеніе, то же стремленіе привить къ земледѣльческому бѣдному государству промышленную и торговую дѣятельность, дать ему море, приобщить его къ мореплавательной дѣятельности богатыхъ государствъ, дать возможность раздѣлить ихъ громадныя барыши. Движеніе это, какъ мы видѣли, такъ естественно и необходимо, что тутъ не можетъ быть и мысли о какомъ-нибудь заимствованіи или подражаніи: Франція съ Кольберомъ въ челѣ и Россія съ Петромъ Великимъ въ челѣ дѣйствовали одинаково по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по какимъ два человѣка, одинъ въ Европѣ, а другой въ Азій, чтобъ погрѣться выходить на солнце, а чтобъ избѣжать солнечнаго жара ищутъ тѣни. Іоаннъ IV, бившійся изо всѣхъ силъ, чтобъ утвердиться на морскихъ берегахъ, не могъ подражать Кольберу. Но когда Россія вошла въ ближайшія сношенія съ Западною Европою, то было важно, что она нашла здѣсь то же самое движеніе, какое сама совершила, нашла ему оправданіе. Россія, производившая у себя экономическій переворотъ и сближавшаяся для этого съ Западною Европою, застала ее не въ религиозной борьбѣ, совершенно чуждой и бесполезной для Россіи, но въ борьбѣ за средства къ обогащенію.

Но если въ нашемъ преобразованіи выставилась такъ выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить вниманія и на другія стороны, которыя разсматриваемое явленіе должно было имѣть по необходимымъ общимъ законамъ. Мы видѣли, что въ Западной Европѣ, при переходѣ народовъ изъ одного возраста въ другой, мысль, возбужденная знакомствомъ съ памятниками древней мысли, древней философіи отнеслась съ вопросомъ и допросомъ къ результа-

тамъ господствовавшаго въ ихъ древней исторіи чувства, религіознаго чувства, откуда произошло сильное религіозное движеніе, сильная религіозная борьба, раздѣлившая Европу на два враждебныхъ лагеря, католическій и протестантскій. Мы видѣли, что часть западно-европейскихъ народовъ сохраняютъ и упорно отстаиваютъ старыя вѣрованія, старыя формы церковнаго строя и утверждаютъ въ этомъ крайностями новаго начала, крайностями движенія мысли, ея разлагающаго, отрицательнаго движенія. Послѣ возбужденія вопроса о злоупотребленіяхъ латинской церкви очень скоро возникаютъ ученія, стремящіяся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль въ своемъ отрицательномъ движеніи быстро пробѣгаетъ отъ Лютера до Мюнцера и отъ Мюнцера до Анабаптистовъ. Такая крайность вызывала противодѣйствіе, реакцію со стороны католицизма, которая, въ свою очередь, дошла до крайностей, произведя орденъ иезуитовъ. Никакихъ соглашеній, никакихъ уступокъ новому началу, новымъ требованіямъ; все правильно, все безукоризненно, нечего перемѣнять; и Божія правда и человѣческая ложь одинаково неприкосновенны; „да будетъ такъ какъ есть или да не будетъ“ (sit ut est, aut non sit) написалъ католицизмъ на своемъ знамени въ отвѣтъ на протестантскія требованія, на протестантскія укоризны, и были въ Западной Европѣ цѣлыя страны, которыя остались вполне вѣрны этому знамени, обвели около себя магическій кругъ, отчурались отъ всякаго участія въ новомъ движеніи, отъ всякаго участія въ служеніи новому началу: такъ поступили народы Пиренейскаго полуострова, знаменитые католическимъ старообрядчествомъ. Но если при движеніи, вызывающемъ къ переходу изъ одного возраста въ другой, такъ сильно обнаруживается у народовъ отвращеніе къ этому переходу, такъ сильно обнаруживается страхъ предъ болѣзненнымъ переворотомъ, такъ невыносима бываетъ тоска при этомъ, которую можно объяснить тоскою по родинѣ, овладѣвающею многими людьми, рѣшившимися въ первый разъ переступить порогъ отечества, войти въ новый, чужой міръ, если цѣлыя народы рѣшаются заглушить въ себѣ, выжечь востромъ инквизиціи всякую попытку мысли потребовать отчета у существующаго, освященнаго вѣками, измѣнить здѣсь хотя единую букву, и если такое рѣшеніе оправдывается крайностями новаго направленія, ведущими также къ односторонности, нарушающими гармонію духовной жизни, то самый естественный вопросъ въ устахъ человѣка, незнающаго подробностей нашей исторіи: неужели переходъ русскаго народа изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую совершился безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы, неужели всѣ съ веселымъ сердцемъ, безбоязненно отправились въ новый путь, въ невѣдомый міръ? неужели всѣ выслушали съ сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ равнодушно вызовъ: свое дурно, чужое хорошо? неужели при той рѣзкой вѣроисповѣдной границѣ, которую русскіе люди провели между собою и западно-европейскими народами, и которую такъ ревниво охраняли, не щадя ничего, никому

не пришла въ голову страшная мысль, что при тѣсномъ сближеніи съ иновѣрными народами, эта священная граница можетъ быть нарушена? Всѣмъ извѣстно, какъ отвѣчаетъ на эти вопросы наша исторія. Задолго, почти за сто лѣтъ до начала преобразовательной дѣятельности Петра Великаго уже идетъ совѣщаніе у царя Бориса съ духовенствомъ и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дѣло: надобно ввести науку, потому что безъ нея Россія безсильна, беззащитна передъ другими враждебными народами; науку можно получить только изъ-за моря, надобно призвать иностранныхъ учителей, какъ уже хотѣлъ царь Иванъ. Но тутъ великая опасность: эти учителя иновѣрцы: какъ будутъ учиться у нихъ русскіе православные люди? Учиться вѣдь это значитъ признать превосходство учителя, подчиниться ему, вѣрить ему, дѣлать такъ какъ онъ велитъ, какъ самъ дѣлаетъ, подражать ему. Какое страшное искушеніе: подчиниться вліянію учителя во всемъ, исключая одного—вѣры. Рѣшено было, что иновѣрные учителя опасны, и потому лучше послать русскихъ людей учиться за-границу, чтобъ они по возвращеніи, стали учителями въ своей странѣ. Понятно, что опасность не уменьшалась: русскій чело-вѣкъ, лишенный вліянія народной среды, совершенно предавался чуждому вліянію. Никто изъ отправленныхъ не возвратился. А между тѣмъ движеніе началось, и гдѣ же? въ самой церкви. Явилась типографія: она должна была прежде всего послужить церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не изъ частныхъ рукъ, не изъ рукъ переписчика, который могъ внести въ нее ошибки вольныя и невольныя; теперь книга должна была выходить подъ надзоромъ церковнаго правительства. Но для того, чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее съ исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить съ греческимъ подлинникомъ, но для этого нужно было знаніе, а знанія-то и не было. Люди, повидимому знающіе, которымъ было поручено дѣло исправленія, уличены были въ незнаніи, въ искаженіи вмѣсто исправленія. Нужно было вызвать исправителей изъ за-границы, разумѣется православныхъ, т. е. Грековъ или ученыхъ монаховъ изъ западной Россіи, которая, въ слѣдствіе борьбы съ католицизмомъ, ранѣе восточной завела у себя школы. Исправители были вызваны, начали исправлять по своему, и раздался вопль: чужіе переиъняютъ вѣру, велеть творить крестное знаменіе не такъ, писать и произносить самое священное имя не такъ, портятъ книги, по которымъ молились отцы, по которымъ молились святые и спаслись. Вопль пошелъ отъ старыхъ учителей, отъ прежнихъ исправителей книгъ, которые были оскорблены обвиненіями въ невѣжествѣ, въ искаженіи книгъ. Но стойло только раздаться словамъ, что вѣра въ опасности, вѣру переиъняютъ, какъ слова эти нашли сильный отзывъ, тѣмъ болѣе, что движеніе къ новому уже началось въ разныхъ сферахъ, новые обычаи рѣзко бросались въ глаза уже потому самому, что были рѣдки еще и ярко выдѣлялись, сильно раздражали. Явились

ревнители, которые провозгласили, что послѣднія времена приближаются, что надобно стать и помереть за вѣру, за неизмѣнность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновеннымъ: „Аще я и не смысленъ, гораздо неученный человекъ, да то знаю, что вся, церкви отъ св. отецъ преданная, свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ, не предлагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“. И такъ какъ ревнители старины дѣйствительно готовы были подвергнуться всѣмъ лишеніямъ, страданіямъ и смерти, то производили сильное впечатлѣніе и увлекали многихъ. Явился расколъ: часть русскихъ людей отвергла авторитетъ церкви, необходимымъ слѣдствіемъ чего было раздѣленіе отпадшихъ на множество толковъ. А между тѣмъ движеніе шло и съ другой стороны; мысль была возбуждена религиозными вопросами; люди съ возбужденною мыслию просиживали въ Москвѣ ночи съ учеными кievскими монахами, другіе стремились въ Кіевъ, въ тамошнія школы, къ тамошнимъ ученымъ и, возвратясь въ Москву, спорили съ своими отцами духовными, доказывая имъ, что они не такъ понимаютъ дѣло; тѣ оскорблялись, кричали противъ извращенія отношеній, молодые учатъ старыхъ, дѣти отцовъ; богословскіе споры овладѣваютъ вниманіемъ общества, въ домахъ и на улицахъ, мужчины и женщины спорятъ о времени пресуществленія, упрекаютъ другъ друга въ еретичествѣ. Іезуиты тутъ и закидываютъ свои сѣти, подходятъ къ русскимъ людямъ съ внушеніями: у насъ съ вами вѣра одна, разница въ томъ, что у насъ ученыхъ людей больше, мы васъ удовлетворимъ въ вашей новой потребности, потребности знанія, работы мысли. Іезуитовъ выгнали; но опасность не уменьшилась; духовенство находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи, между двухъ огней: съ одной стороны свои раскольники обвиняли его въ отступленіи отъ старой вѣры, отвергали его какъ еретическое, съ другой—свои же обвиняли его въ отсталости, въ неимѣннн средствъ правильно понимать проповѣдуемое ученіе, а тутъ иновѣрные учителя съ запада подчиняютъ русскихъ людей своему вліянію и также не съ уваженіемъ относятся къ старымъ учителямъ ихъ, къ ихъ отцамъ духовнымъ. Единственное средство выйти изъ этого затруднительнаго положенія состояло въ томъ, чтобъ выйти вмѣстѣ съ народомъ на новую дорогу, приобрести могущество знанія. Это новое могущество было необходимо для успѣшной борьбы съ людьми, которые хотѣли остаться при старомъ началѣ во всей его исключительности, односторонности, людьми, которые лучше всего показывали къ чему ведетъ эта односторонность, исключительное господство чувства, неумѣряемаго мыслию: эта односторонность повела къ безусловному, слѣпому, фанатическому утвержденію превосходства своего надъ чужимъ, своего, принятаго въ самомъ узкомъ смыслѣ, она повела къ слѣпому, безусловному, фанатическому утвержденію неприкосновенности всего преданнаго безъ всякаго различенія существеннаго и несущественнаго, духа отъ буквы, божіей правды отъ человѣческой ошибки; она повела къ тому, что часть народа поки-

нула церковь, объявила ее зараженною еретичествомъ за то только, что церковь измѣнила нѣсколько словъ, нѣсколько обрядовъ. „До насъ положено, лежи такъ вовѣки вѣковъ“, провозглашаетъ знаменитый въ исторіи раскола протопопъ Аввакумъ. Такимъ образомъ односторонность господствовавшего начала, чувства, неумѣряемаго мыслию, знаніемъ, выразилась въ расколѣ самымъ печальнымъ образомъ и заставляла необходимо требовать знанія, умственного развитія. Но то же знаніе было необходимо для защиты вѣры отъ другихъ враговъ болѣе опасныхъ, отъ тѣхъ людей, къ которымъ русскій народъ долженъ былъ обратиться за наукою, отъ учителей чужеземныхъ, иновѣрныхъ. Мы видѣли, что русскіе люди съ пробужденною мыслию, не имѣя возможности отправляться къ народамъ иновѣрнымъ, сѣгнувши въ Кіевъ къ тамошнимъ ученымъ для удовлетворенія новой потребности, потребности знанія. Но скоро заставы, заграждавшія путь къ народамъ иновѣрнымъ, должны были рушиться; нудящія потребности экономического преобразованія, бывшаго на первомъ планѣ, заставляли отнестись непосредственно къ поморскимъ народамъ, заимствовать у нихъ ихъ умѣлость, практическія знанія, которыхъ нельзя было приобрѣсти въ кіевскихъ школахъ или въ школахъ устроенныхъ по образцу кіевскихъ школъ; русскіе люди толпами отправились въ эти заморскія иновѣрныя страны учиться; если прежде и тѣ, которые ѣздили въ Кіевъ, по возвращеніи оттуда представляли новыя требованія отъ своихъ старыхъ учителей, своихъ старыхъ отцовъ духовныхъ, то легко понять, съ какими требованіями, съ какими вопросами возвратятся русскіе люди изъ-за моря: надобно было приготовиться удовлетворить этимъ требованіямъ, отвѣчать на эти вопросы, а приготовиться можно было только посредствомъ науки.

Необходимость науки была признана и провозглашена торжественно. „Наука есть могущество“, задолго передъ тѣмъ провозгласилъ одинъ изъ великихъ ученыхъ дѣятелей въ Западной Европѣ, и народы ея приняли это провозглашеніе какъ — истину, Русскіе люди признали эту истину какъ только познакомились съ людьми, съ народами обладавшими наукою, они нашли, что эти люди, эти народы обладаютъ страшнымъ могуществомъ. Могущество науки сознали русскіе люди въ западной Россіи, увидавъ передъ собою враговъ своей вѣры, своей народности, вооруженныхъ могуществомъ науки; сознавши это, русскіе люди въ западной Россіи не остались праздно; но поспѣшили вооружиться этимъ могуществомъ, чтобъ бороться съ врагами равнымъ оружіемъ. Русскіе люди Великой Россіи, сознавъ могущество науки, также не хотятъ быть праздными, но поднимаются, собираются въ дорогу на поискъ за наукою, чтобъ сдѣлать свою Россію богатой и сильной, чтобъ дать ей почетное мѣсто среди народовъ. Наука есть могущество; но всякая сила можетъ быть опасна въ неопытныхъ рукахъ, если ей дается одностороннее направленіе. Посредствомъ науки человекъ и народъ переходятъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, гдѣ господствуетъ чувство, въ возрастъ, гдѣ господствуетъ разумъ.

мысль. Мы только что говорили о печальных слѣдствіяхъ односторонности, рѣшительнаго преобладанія чувства, неумѣряемаго мыслию, знаніемъ, о печальныхъ слѣдствіяхъ ревности не по разуму нашихъ Аввакумовъ; но мы прежде сказали о печальныхъ слѣдствіяхъ односторонности и другаго начала, усиливающагося во второй періодъ жизни человѣка и народа, о печальныхъ слѣдствіяхъ отрицательнаго, разлагающаго движенія мысли, слѣдствіяхъ, которыя вызываютъ вопль: древо познанія не есть древо жизни, вопль, родившійся въ той самой странѣ, гдѣ впервые было провозглашено, что наука есть могущество, вопль, потрясающій вѣру въ могущество науки. Недавно исторія какъ будто подтвердила справедливость этихъ словъ, что древо познанія не есть древо жизни для цѣлыхъ народовъ; недавно исторія произнесла страшныя слова: „горе народу, который равнодушно смотритъ, какъ разрушаются его алтари и заколаются ихъ служители“; наука со всѣми ея чудесами не спасла этого народа; а было время, когда этотъ же самый народъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ былъ спасенъ простою крестьянкою, дѣйствовавшею съ религіознымъ одушевленіемъ. Но эти вопли, эти примѣры показываютъ только, что наука теряетъ часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ, когда изучаетъ прежде всего человѣка, когда знаетъ условія, законы и потребности его природы, когда умѣетъ сохранить гармонию между началами въ его природѣ дѣйствующими, умѣетъ одно другимъ, положить границы между ними, когда умѣетъ умѣрять гордыню знанія и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству, когда умѣетъ опредѣлить границы, гдѣ оканчивается область знанія и гдѣ начинается область вѣры. Наука достигаетъ полного могущества не тогда только когда учитъ и развиваетъ умственныя способности, не тогда только, когда изученіемъ законовъ видимой природы, увеличиваетъ удобства жизни: она достигаетъ полного могущества, когда воспитываетъ человѣка, развиваетъ всѣ начала его природы для ихъ правильнаго и согласнаго проявленія. Блюсти чтобъ эта правильность и согласіе не были нарушены при переходѣ русскаго народа изъ одного возраста въ другой становилось обязанностію русской церкви; для приготовленія ея служителей къ исполненію этой обязанности могущественнымъ и необходимымъ средствомъ должна была служить также наука.

Необходимость движенія на новый путь была признана, обязанности при этомъ опредѣлились; народъ поднялся и собрался въ дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Народъ собрался въ дорогу и ждалъ вождя, сказалъ я въ заключеніе прошедшаго чтенія. Это ожиданіе вовсе не было спокойное; это

было тревожное, томительное ожиданіе. Сильное недовольство настоящимъ положеніемъ, раздраженіе, смута, вотъ что мы видимъ въ Россіи въ то время, когда въ ней воспитывался вождь, долженствовавшій вести ее на новую дорогу. Прежде въ сферѣ нравственной былъ могущественъ авторитетъ церкви, сильной своимъ единствомъ; но теперь въ церкви расколъ; являются люди, которые смущаютъ большинство; съ жаромъ, убѣжденіемъ, начитанностію, выставляя передъ собою авторитетъ подвига, страданія, толкуютъ они, что православіе падаетъ, что патріархъ, архіереи и все остающееся при нихъ духовенство отступили отъ истины. Намъ теперь, безъ углубленія въ подробности тогдашняго состоянія общества, трудно себѣ представить, какое нравственное колебаніе, смуту производилъ расколъ во второй половинѣ XVII вѣка. Страшное впечатлѣніе производится, когда слышатся выходы противъ именъ, съ которыми привыкли соединять нравственное освященіе, нравственную неприкосновенность. „Патріархъ, архіереи еретики, измѣнники православію!“ и это говорили люди, облеченные также нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, т.-е. въ глазахъ толпы знаніемъ св. Писанія, готовностію страдать и умирать за истину. „Намъ не даютъ высказывать истины, обличать неправду, кричали они; вмѣсто того, чтобъ по заповѣди Христовой, обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаются и жгутъ“. Вотъ знаменитый разговоръ раскольника съ патріархомъ. Раскольникъ: „Правду говоришь, святѣйшій владыка, что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,—а не срубамъ, не огнемъ и мечемъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? за что тутъ жечь и пытаться!“ Патріархъ отвѣчалъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются св. церкви, а креститесь какъ хотите“. Какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ отношеніяхъ, люди требующіе свободы и безопасности, требуютъ ихъ только для однихъ себя, а не для стороны противной въ одинакой степени, и раскольники не ограничивались одною свободою двуперстнаго сложенія, они требовали также свободы и безопасности въ открытомъ нападеніи на церковь, свободы и безопасности въ своей проповѣди противъ нея, въ выставленіи ея еретическою. Но въ толпѣ не умѣли уяснить себѣ эти отношенія, и раскольники въ глазахъ многихъ имѣли большую выгоду, выгоду гонимыхъ. Нѣкоторые шли за ними, другіе, оставаясь при церкви, не могли для себя вполне уяснить ея правоты, а потому естественно охлаждали къ ней, ослабѣвали и авторитетъ церкви, нравственная смута чрезъ это усиливалась; у ревнителей старины, стоявшихъ, повидимому, за неизмѣнность, твердость всего преданнаго, даже каждой буквы, твердости и неизвѣстности не оказалось съ самаго же начала, съ самаго начала страшная рознь между толками, и люди, въ отчаяніи отъ этихъ разнорѣчій, отъ этой смуты, разбре-

лись по всевозможнымъ дорогамъ, ища вѣры, и до сихъ поръ ищуть. На помощь церкви была призвана наука, устроили въ Москвѣ школу, академію, обязанностію которой было защищать православіе; начальникъ (блюститель) и учителя должны смотрѣть, чтобъ ни у кого не было запрещенныхъ книгъ; если кто-нибудь будетъ обвиненъ въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если они признаютъ обвиненіе справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Такимъ образомъ академія уполномочивалась слѣдить за движеніемъ враговъ православія и бить всполохъ при первой опасности; это была цитадель, которую хотѣли устроить для православной церкви при необходимомъ столкновеніи ея съ иновѣрнымъ западомъ; это не училище только, это страшный трибуналъ: произнесутъ блюститель и учителя слово: „виновенъ въ неправославіи“ — и костеръ запылаетъ для преступника. Понятно, что для произнесенія суда надъ уклоняющимися отъ православія, судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою; но съ самаго начала православные ученые, призванные въ Москву для защиты православія научными средствами, разногласятъ другъ съ другомъ. Симеонъ Полоцкій разногласитъ съ Епифаніемъ Славиницкимъ, потомъ великороссіянинъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго, ведетъ ожесточенные споры съ учителями академіи, Греками Лихудами, дворъ на сторонѣ Медвѣдева, патріархъ на сторонѣ Лихудовъ; понятно, что русскіе люди дѣлятся, двоятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь церкви, патріархъ, находился при этомъ въ очень незавидномъ положеніи; раскольники обзывали его еретикомъ; при дворѣ, въ обществахъ, находившихся подъ влияніемъ Полоцкихъ, Медвѣдевыхъ, смѣялись надъ нимъ какъ надъ неучемъ. И дѣйствительно недостатокъ научнаго образованія препятствовалъ ясности взгляда его на то, что дѣлалось вокругъ, къ чему шло дѣло, имъ овладѣвалъ безотчетный страхъ предъ новымъ, при чемъ существенное смѣшивалось съ несущественнымъ и перемѣна чего-нибудь внѣшняго, какаго-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравнѣ съ ученіями, противными православію. Народъ, собиравшійся слушать проповѣдь верховнаго пастыря, слышалъ такіа обличенія: „Люди неученые, въ церкви святой нашихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ незнающіе и другихъ о томъ неспрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродили. Свратись отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человекъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить“. Указанія на чуждыя ученія, на чуждыя западныя влияния ясны и вѣрны; русскіе люди, по выраженію патріарха, объюродили отъ люторскихъ и кальвинскихъ учений, но прежде этихъ учений постановлена еще какая причина объюродѣнія? пипки табакія! Куреніе табаку сдѣлано равносильнымъ по своему вреду для православія протестантскимъ внушеніямъ! Рѣзко вооружаясь противъ

всего новаго на словахъ, патриархъ не имѣлъ твердости сопротивляться на дѣлѣ, такимъ поведеніемъ возбуждалъ раздраженіе и насмѣшки со стороны людей, стремившихся къ новому; но, разумѣется, не щадили его и приверженцы старины, которую онъ, въ ихъ глазахъ, не отстаивалъ какъ должно. Юродивый говорилъ о немъ: какой онъ патриархъ! живеть изъ куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантию да клобука блага, затѣмъ и не обличаетъ. Такимъ образомъ съ двухъ сторонъ направлялись обвиненія и укоровны на представителей власти церковной, и толпа начинала уже смотрѣть на нихъ, какъ на низверженныхъ съ высоты, подвергнувшихся суду и осужденію; толпа являлась хладнокровою, и хуже, чѣмъ хладнокровою зрительницею паденія власти.

Церковная власть падала, и никто ей не подавалъ руку помощи, ибо смутѣ нравственной, происходившей отъ ослабленія церковнаго авторитета, соответствовала смута политическая, происходившая отъ ослабленія власти гражданской. Основныя условія жизни Россіи, на значеніе которыхъ уже было указано, изначальная громадность государственной области и рѣдко разбросанное народонаселеніе, замедляя развитіе общества, цивилизацію, т. е. раздѣленіе труда и соединеніе силъ, тѣмъ самымъ требовали чрезвычайной дѣятельности правительственной въ соединеніи и направленіи разбросанныхъ силъ для общихъ государственныхъ цѣлей; постоянная опасность отъ враговъ требовала естественно постоянной диктатуры, и такимъ образомъ въ Россіи выработалось крѣпкое самодержавіе. Въ концѣ XVII вѣка, точно также какъ и въ началѣ его, эта власть ослабѣла, и по этому поводу произошли сильныя волненія, въ которыхъ наши предки отнеслись одинаково, назвавши ихъ однимъ именемъ — смуты; какъ династическія перемѣны служили поводомъ къ смутѣ въ началѣ XVII вѣка, такъ династическіе же беспорядки повели и къ смутѣ въ концѣ вѣка. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексѣя Михайловича, которому наследовалъ больной сынъ его Ѳеодоръ, скоро умершій безпотомственно. Послѣ него провозгласили царемъ малолѣтняго брата его Петра, за котораго должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолѣтство государей обыкновенно ведетъ къ смутамъ, а тутъ были еще другіе сильныя поводы къ нимъ. Въ семьѣ царя Алексѣя страшный раздоръ въ слѣдствіе того, что дѣти не отъ одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачиха старшихъ его братьямъ и сестрамъ, для которыхъ она и ея дѣти были неприятнымъ, тяжелымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царя Алексѣя. По смерти его, когда вступилъ на престолъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ отъ перваго брака, мачиху, съ ея дѣтьми удалили, оскорбили ее ссылкой ея родныхъ и людей самыхъ близкихъ. Обида прошла по семьѣ и добра не будетъ. По смерти Ѳеодора Алексѣевича наступило время царицы Натальи: сынъ ея Петръ провозглашенъ царемъ мимо старшаго брата Іоанна, совершенно неспособнаго и больнаго; этотъ Іоаннъ послѣдній сынъ царя Алексѣя отъ перваго его брака, но у него много сестеръ, дѣ-

вицъ-царевенъ, изъ которыхъ одна была знаменитая Софья Алексѣевна, представляющая любопытное явленіе, знаменіе времени. Неслыханное было прежде дѣло, невозможное, чтобъ дѣвица, царевна вышла изъ терема и приняла участіе въ дѣлахъ правительственныхъ, а теперь Софья именно это дѣлаетъ. Что же была за причина этого явленія? Духъ времени, можно отвѣтить общепринятымъ выраженіемъ, точнѣе, сознание необходимости переменъ, сознание, проявившееся во дворцѣ прежде, чѣмъ гдѣ-либо; причина этому явленію та же, которая заставляла русскаго человѣка пробираться сначала въ Кіевъ, потомъ и дальше за наукою; которая заставляла царя и вельможъ вызывать для своихъ дѣтей учителей изъ заграницы; причина та же, которая заставила царя Алексѣя завести при дворѣ своемъ театральныя представленія и потѣшать ими себя и свое семейство. Царевна вышла изъ терема; обстановка двора уже не та, у братьевъ учитель, извѣстный Симеонъ Полоцкій, который учитъ и сестру, учитъ легко и весело, передаетъ много разныхъ вещей, все у него примѣры, анекдоты, остроумныя изрѣченія и все въ стихахъ для лучшаго удержанія въ памяти; сфера расширяется, птица побывала на свободѣ, видѣла міръ Божій; старый теремъ становится тѣсенъ и душенъ; умираетъ отецъ, царевна оводо болѣзненнаго брата, царя Федора: кто запретитъ сестрѣ быть у больного брата, прислуживать ему? у больного бояре, разсуждаютъ о дѣлахъ, царевна слушаетъ и учится, ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена, вотъ уже она въ новой широкой сферѣ и сферѣ обольстительной для существа энергическаго, честолюбиваго, а тутъ и страсть, страсть къ человѣку самому видному по способностямъ и образованію, къ кн. Вас. Вас. Голицыну. Новая жизнь крѣпко обхватила царевну Софью. Но братъ Федоръ умираетъ, и царемъ провозглашаютъ маленькаго Петра, т. е. отдають правленіе матери его Натальѣ. Что же предстоитъ царевнѣ Софьѣ? Проститься со всѣми обаяніями этой новой раскрывшейся для нея жизни, выйти изъ этой широкой сферы, гдѣ такъ было расправились ея силы и возвратиться опять въ теремъ. Теремъ? но ограничится ли дѣло теремомъ? не вѣроятнѣе ли всего, что ей съ сестрами предстоитъ монастырское заключеніе, ибо могутъ ли онѣ ожидать милости отъ матишки, которую раздражили, оскорбили? Жизнь улыбнулась такъ привѣтливо и вдругъ должно отказаться отъ нея, въ цвѣтѣ лѣтъ стать невольною, опальною монахиней, претерпѣть стыдъ униженія предъ ненавистною матихою. Испушеніе было слишкомъ велико; Софья станеть дѣйствовать по инстингу самосохраненія, станеть изо всѣхъ силъ, всѣми возможными средствами отбиваться отъ судьбы, отъ терема, монастыря, съ отчаяніемъ полнаго силы и жизни человѣка, котораго влекутъ зарыть въ могилу. Она ищетъ около себя средствъ спасенія и стрѣльцы недовольны, ихъ можно возбудить противъ новаго царевицѣ, но это можно сдѣлать только обманомъ, сказавши, что царевича Ивана, законнаго наслѣдника престола, несправедливаго, обиженнаго извели родственники царицы Натальи,

Нарышкины; чрезъ это возбужденіе можно заставить стрѣльцовъ истребить мнимыхъ убійцъ царевича, истребить людей, совѣтомъ, помощію которыхъ была сильна царица Наталья, этимъ истребленіемъ уничтожить возможность примиренія между стрѣльцами и царемъ Петромъ, его матерью и оставшимися въ живыхъ ея приверженцами, связать неразрывно интересы стрѣльцовъ съ интересами Софьи, ея брата и сестеръ, заставить ихъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Кровавая программа была въ точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевичъ Иванъ оказался живъ и невредимъ, его провозгласили царемъ, но свергнуть младшаго брата Петра, прежде провозглашеннаго, которому уже присягнула Россія, не рѣшились; отняли только правленіе у царицы Натальи и отдали его Софьѣ.

Легко было понять, что смута этимъ не оканчивалась, это было только прологъ кровавой драмы, а не развязка ея. Софья только отдала рѣшеніе страшнаго вопроса; вопросъ оставался и волновалъ всѣхъ, не давалъ никому покоя. Стрѣльцы, раздражившіе своимъ буйствомъ вельможъ и все мирное народонаселеніе, ежеминутно опасались слѣдствій этого раздраженія, видѣли въ боярахъ непримиримыхъ своихъ враговъ и ждали отъ нихъ справедливой мести, они боялись мести отъ цѣлой Россіи, боялись дворянскаго войска, которое могло собраться изъ областей и задавить ихъ ничтожный сравнительно корпусъ. Стрѣльцы волновались отъ страха; каждому, кто находилъ въ томъ свои выгоды, ничего не стоило пугать ихъ внушеніемъ, что бояре уже рѣшили истребить ихъ; стрѣльцы волновались отъ страха, но своими волненіями наводили ужасъ на мирное народонаселеніе; оно не могло заснуть спокойно въ ожиданіи проснуться отъ набата и стрѣльбы, отъ злобѣщихъ криковъ: любо! которыми стрѣльцы привѣтствовали свои жертвы, принимая ихъ на копыя. Правительница приняла энергическія мѣры для прекращенія стрѣлецкихъ волненій. Угрозою, что правительство покинетъ Москву, обратится къ Россіи, призоветъ на свою защиту дворянское войско, этою угрозою она заставила стрѣльцовъ отступить отъ раскольниковъ, которые, воспользовавшись смутою, пришли въ Кремль, въ самый дворецъ, чтобъ спорить съ патріархомъ въ присутствіи правительницы, и одинъ изъ нихъ рѣшился сказать ей страшныя, невыносимыя для нея слова: „Пора вамъ, государыня, въ монастырь; только царствомъ мутить“. Чтобъ избавиться отъ любимаго начальнива стрѣльцовъ, князя Хованскаго, человека очень безпокойнаго по своему властолюбію, Софья привела въ исполненіе свою угрозу, выѣхала изъ Москвы, Хованскій былъ схваченъ, привезенъ къ правительницѣ въ село Воздвиженское близъ Троицкаго монастыря и казненъ безъ суда. Стрѣльцы забушевали, услыхавъ о казни своего любимаго батьки, такъ ихъ баловавшаго, но скоро утихли, потому что бороться съ дворянскимъ войскомъ имъ было нельзя. Софья усмирила стрѣльцовъ, самые буйные изъ нихъ были удалены; но этими государственными мѣрами правительница уничтожала свои собственныя средства, тогда какъ страшный вопросъ о будущемъ оставался и все болѣе

и болѣе приближался къ своему рѣшенію. Странная форма двоевластія была принята въ слѣдствіе стрѣльчяго насилія; впрочемъ она не могла очень беспокоить по неспособности Іоанна къ правленію, по его болѣзненности, слѣдовательно и недолговѣчности, по неизмѣннѣ дѣтѣй мужскаго пола. Но что успокоивало другихъ, то мучительно тревожило Софью: Іоаннъ, ея единоутробный братъ недолговѣченъ, а младшій братъ Петръ, настоящій царь въ глазахъ всѣхъ, растетъ, и когда достигнетъ совершеннолѣтія, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Потокъ крови уже прошелъ между Софьею и Петромъ; царское семейство представляло два враждебные лагеря и ненависть между ними усиливалась день ото дня; примиреніе было невозможно; съ обѣихъ сторонъ зорко слѣдили за движеніями другъ друга, приготовляли средства защиты... При первомъ извѣстіи о волненіи между приверженными къ Софьѣ стрѣльцами, Петръ дѣлаетъ то же, что уже сдѣлала Софья въ борьбѣ съ Хованскимъ: онъ спѣшитъ въ Троицкій монастырь и призываетъ на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцевъ Софьи въ злоумышленіи противъ себя. Софья стала въ Москвѣ въ безвыходное положеніе; тщетно обращается она къ стрѣльцамъ, желая поднять ихъ на свою защиту: стрѣльцы не трогаются, они чувствуютъ всю бессмысленность борьбы съ царемъ, располагающимъ средствами всей Россіи, они чувствуютъ всю бессмысленность борьбы противъ силы матеріальной и силы нравственной, противъ права, несомнѣннаго въ глазахъ всей Россіи. Стрѣльцы выдаютъ Софью, и то чего больше всего она боялась, совершается: монастырская велья принимаетъ въ свои печальныя, гробовыя стѣны существо плоти и крови, существо жаждущее мірской жизни.

Смута кончилась; Софья въ монастырѣ, приверженцы ея на плахѣ или въ ссылкѣ; скоро умираетъ царь, по имени только, Іоаннъ Алексѣевичъ, остается одинъ Петръ. Мы уже нѣсколько разъ упоминали объ немъ, но другія лица загораживали его; теперь около него стало просторно, можно подойти поближе, рассмотреть внимательнѣе. У насъ нѣтъ времени заниматься перечисленіемъ и разборомъ разныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій о малолѣтствѣ Петра; не для удовлетворенія празднаго любопытства собрались мы здѣсь, но для уясненія великаго явленія въ нашемъ историческомъ существованіи, для уясненія значенія великаго человѣка, великой эпохи; обратимся прямо къ этому человѣку, пусть онъ самъ скажетъ намъ о себѣ. Вотъ первое письмо его къ матери изъ Переяславля, когда ему было 17 лѣтъ; форма письма обычная въ то время съ употребленіемъ уменьшительныхъ уничижительныхъ словъ, какъ, по тогдашнему, слѣдовало писать дѣтямъ къ родителямъ: „сыннишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка благословенія прошу, и о твоёмъ здоровіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А о чемъ открылось, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлѣ...“ Вотъ первое слово намъ отъ Петра, котораго мы... Вели... имъ самимъ себѣ сдѣланное опредѣленіе:... это первое опре-

дѣленіе останется на всегда за нимъ и дружно умѣстится подлѣ опредѣленія Великій; прошло много времени, и знаменитый поэтъ, который прозвучалъ намъ столько родного, который далъ намъ столько народныхъ откровеній, не нашелъ лучшаго опредѣленія для Петра: „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Петръ работникъ, Петръ съ мозольными руками—вотъ олицетвореніе всего русскаго народа въ такъ называемую эпоху преобразованія. Здѣсь не было только сближенія съ народами образованными, подражанія имъ, ученія у нихъ, здѣсь не были только школы, книги, здѣсь была мастерская прежде всего, знаніе немедленно же прилагалось, надобно было усиленною работою, „пробываніемъ въ работѣ“ добыть народу хлѣбъ насущный, предметы первой необходимости. Народы въ своей исторіи не дѣлаютъ прыжковъ: тяжелая работа, на которую былъ осужденъ русскій народъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ, борьба съ азіатскими варварами при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, борьба за народное существованіе, народную самостоятельность кончилась и народъ долженъ былъ естественно перейти къ другой тяжелой работѣ, необходимой для приготовления къ другой дѣятельности, дѣятельности среди народовъ съ другимъ характеромъ, для приготовления себѣ должнаго, почетнаго мѣста между ними, для приготовления средствъ бороться съ ними равнымъ оружіемъ. Это-то оружіе и надобно было выработать, и выработать какъ можно скорѣе, ибо время не терпѣло. Надъ чѣмъ же прежде всего и больше всего работаетъ царь-работникъ, представитель своего времени, выразитель его потребности? онъ работаетъ надъ кораблемъ—это его любимая работа, вода его любимая стихія, онъ ищетъ все большаго простора на ней, изъ подмосковнаго пруда переходитъ на озеро, съ одного меньшаго озера на большое, отъ послѣдняго къ морю. Богатырю древней Россіи было тѣсно въ городѣ, онъ рвался въ широкую степь, но за чѣмъ? для безплоднаго гулянья, для того, чтобъ гулять на счетъ тѣхъ, которые трудились. Человѣкъ, одаренный страшными силами, богатырь новой Россіи, Петръ рвется также на широкій просторъ, но этотъ просторъ—море; въ степи богатырь могъ встрѣтить дикаго кочевника, и упражнять надъ нимъ свою физическую силу, нравственные и умственные его силы не развивались отъ этой борьбы; новый богатырь можетъ быть безопасенъ, можетъ успѣшно бороться съ грозною стихіею, моремъ не иначе какъ посредствомъ знанія, искусства; на морѣ, на его берегахъ онъ встрѣтитъ людей противоположныхъ кочевымъ варварамъ, людей богатыхъ знаніемъ, искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступить съ ними въ борьбу, то для нея понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряженіе умственныхъ силъ. Въ жизни русскаго народа совершался переходъ изъ возраста въ другой, этотъ переходъ естественно выражался въ то отъ степи къ морю, и что жъ дѣлаетъ вождь народа, за первымъ дѣломъ мы застаемъ его? онъ строитъ корабль, и мы припомнимъ это страстное желаніе моря, корабля, обнару-

жившееся въ Россіи XVI и XVII вѣка, обнаружившееся въ дѣятельности Іоанна IV и Алексѣя Михайловича, то мы поймемъ ясно отношеніе великаго человѣка къ народу, къ его потребностямъ въ извѣстное время, и другое значеніе получить для насъ эта страсть къ морю Петра, который считалъ въ тѣсныхъ гористыхъ пространствахъ, быть свободнѣе и довольнѣе только на морѣ, и печальная по природѣ своей, но близкая къ морю и богатая водою нѣбность была для него раемъ.

Но, быть можетъ, скажутъ: для чего же было царю становиться работникомъ: дѣло царя царствовать, а не хлопотничать; призналъ Петръ необходимость завести флотъ и завелъ бы, для чего же самому участвовать въ постройкѣ судовъ? Эти сужденія, конечно справедливы, но въ сущности, приблизительно къ извѣстному явленію, совершенно невѣрны, происходятъ отъ нашей привычки высвобождаться отъ своихъ, настоящихъ условий жизни и переноситься въ условія того времени, которое хотимъ изучить, познать, и которое никакъ не воймемъ, если не отстанемъ отъ этой привычки. Мы живемъ въ условіяхъ цивилизаціи и смотримъ все на народы, живущіе въ этихъ же условіяхъ, еще больше чѣмъ мы; а сущность цивилизаціи, какъ мы знаемъ, состоитъ въ раздѣленіи занятій, господствующемъ какъ во всякой другой, такъ и въ правительственной сферѣ; каждый званъ, дѣлать свое одно какое-нибудь дѣло: при такомъ порядкѣ естественно и легко главѣ государства поручить какое-нибудь новое дѣло извѣстному лицу или собранію лицъ, ибо это новое дѣло по характеру своему непрежиде относится къ извѣстному отдѣльному вѣдомству, управленію которыхъ приготовлены къ дѣлу своимъ воспитаніемъ и опытомъ, и какъ бы дѣло ни было ново, связь его съ извѣстнымъ разрядомъ дѣла стара, и во этой связи человѣку приготовленному и опытному легко понять его, овладѣть имъ, приложить его. Но не таково было положеніе Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка: раздѣленіе занятій въ правительственной сферѣ по извѣстнымъ вѣдомствамъ быть не могло по самой простой причинѣ, что нечего было дѣлать. Являлось сознаніе необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолженія исторической жизни, сознаніе нужды потребностей, которыхъ необходимо было удовлетворить какъ можно скорѣе; но гдѣ средства для этого удовлетворенія, гдѣ знаніе, убѣжде пріятыя за дѣло? Средство есть повидному очень легкое: призвать искуснаго иностранца и поручить ему дѣла. Средство повидному очень легкое, но въ сущности чрезвычайно тяжелое. Игуче обійтись для народа очень дорого, не въ отношеніи только матеріальномъ, не въ отношеніи только денегъ; деньги дѣло малое, но при неразумномъ, страдательномъ употребленіи означенной хѣры можно потерять непростительное добро, котораго послѣ не навъзвези. Мы говоримъ, что народъ совершилъ свой переходъ изъ одного вѣраста въ другой, но общае законамъ развитія, усвоеннымъ посредствомъ сравненія съ другими народами, мы видѣли, что знаменитые народы совершили свой переходъ по тѣмъ же законамъ, но

видѣли при этомъ и различіе между ими и нами. Важное и съ выгодой на ихъ сторонѣ различіе заключалось въ томъ, что они получили сильное побужденіе къ умственному движенію, а слѣдовательно и къ переходу изъ своей древней исторіи въ новую посредствомъ знакомства съ памятниками античной, греко-римской мысли; они стали учиться по чужимъ книгамъ, по книгамъ оставшимся отъ народовъ уже сошедшихъ съ исторической сцены, народовъ мертвыхъ; они пошли въ науку къ древнимъ, и не избѣжали при этомъ увлеченія, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвенія, но все же имѣли важную выгоду въ томъ, что учились не у живыхъ учителей, не подвергались влиянію живыхъ народностей, влиянію, понятно, болѣе сильному и болѣе опасному, ибо хотя нѣсколько ученыхъ Грековъ, бѣжавшихъ изъ разрушенной византійской имперіи и помогли, въ качествѣ учителей, западно-европейскимъ народомъ при изученіи памятниковъ греко-римской мысли, но число этихъ учителей было ничтожно, притомъ ихъ не могъ возобновляться и положеніе ихъ было таково, что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западно-европейскихъ народовъ заключалась здѣсь въ томъ, что они имѣли дѣло съ законченною умственною дѣятельностію народовъ уже мертвыхъ, ученіе, шло слѣдовательно должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержаніе ея исчерпывалось для ученика и болѣе не подбавлялось, слѣдовательно ученикъ, получивши отъ школы побужденіе и средства къ умственному развитію, могъ легко приступить къ самостоятельной дѣятельности, пойти дальше учителей. Но этихъ выгодъ не было для русскаго народа, начавшаго гораздо позднѣе свой переходъ въ возрастъ умственнаго развитія: онъ долженъ былъ обратиться къ народамъ живымъ, брать отъ нихъ живыхъ учителей, слѣдовательно подчиняться влиянію живой чуждой національности, или національностей; въ этомъ отношеніи положеніе русскаго народа было похоже на положеніе народа римскаго, который долженъ былъ совершить извѣстный переходъ подъ руководствомъ греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной; отсюда борьба въ Римѣ при этомъ, образованіе партій, вопли старой римской партіи противъ этихъ иностранныхъ учителей Грековъ, которые портятъ нравы, отнимаютъ у римлянъ ихъ прежній нравственный національный строй. Для русскаго народа предстояла и другая невыгода: онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ учителями изъ чужихъ живыхъ и сильныхъ народностей, которые не останавливались, но шли быстро въ своемъ развитіи, почему юный народъ, долженствовавшій заимствовать у нихъ плоды цивилизаціи, осужденъ былъ гнаться за ними безъ отдыха, съ страшнымъ напряженіемъ силъ. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всемъ томъ, что онъ долженъ былъ заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую онъ воспринималъ; вниманіе его было постоянно поглощено этимъ разнообразіемъ явленій, которое представлялъ ему цивилизованный міръ западной Европы и естественно отвлекалось отъ

своего, а это вело къ томительному неудоумѣнiю, съ какимъ русскiй человѣкъ останавливался между явленiемъ, которое онъ видѣлъ у другихъ народовъ и для него желаннымъ, и отсутствiемъ условий для его произведенiя на родной почвѣ или неумѣнемъ отыскать эти условия. А тутъ еще новая невыгода отъ постояннаго присутствiя передъ глазами русскаго человѣка живыхъ, сильно развивающихся народовъ, таже самая невыгода, какая происходитъ для отдѣльнаго молодого человѣка, когда его слишкомъ долго оставляютъ подъ надзоромъ и руководствомъ наставника: молодой человѣкъ привыкаетъ ходить на помочахъ въ ущербъ самостоятельности и быстроты своего развитiя. Таковы-то были чрезвычайно неблагоприятныя обстоятельства, которыя встрѣтилъ русскiй народъ при своемъ движенiи на западъ, при соединенiи съ тамошними цивилизованными народами. Народы слабые при встрѣчѣ съ цивилизацiею, съ этимъ тѣмочисленнымъ разнообразiемъ новыхъ явленiй и отношенiй, какiя она имъ представляетъ, не могутъ выдержать ея натиска, и падаютъ, вымираютъ. Народъ русскiй обнаружилъ необыкновенную силу, выдержавши натискъ цивилизацiи, но можно ли сказать, чтобъ это было для него легко, чтобъ онъ не подвергался при этомъ страшнымъ опасностямъ, тяжелымъ ударамъ. Въ первую половину своей исторiи онъ долго велъ борьбу съ Азiею, съ ея хищными ордами, выдерживая ихъ страшные натиски и заслоняя отъ нихъ западную Европу, долго боролся онъ съ ними изъ за куска чернаго хлѣба. Вышедши побѣдителемъ изъ этой борьбы, онъ смѣло ринулся на другую сторону, на западъ и вызвалъ чародѣйныя силы его цивилизацiи, чтобъ и съ ними помѣряться. Вызовъ былъ принятъ и страшенъ былъ натискъ этихъ чародѣйныхъ силъ; это уже не былъ матеріальный натискъ татарскихъ полчищъ, это былъ натискъ потяжелѣ, ибо это былъ натискъ духовныхъ силъ, натискъ нравственный, умственный. Таковы были опасныя стороны новаго положенiя, въ какое становился русскiй народъ. Благодаря успѣхамъ нашей науки, мы оставили далеко за собою ребяческiя мнѣнiя, по которымъ одному человѣку приписывалось то, что являлось по общимъ, непреложнымъ законамъ народной жизни, мнѣнiя, по которымъ въ вину одному человѣку ставились неблагоприятныя обстоятельства, бывшiя необходимымъ слѣдствiемъ извѣстныхъ исконныхъ условий развитiя какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значенiе вождей народныхъ, великихъ людей: отъ ихъ искусства зависитъ уменьшить затрудненiя, ослабить вредныя влiянiя опасныхъ сторонъ извѣстнаго положенiя, провести народный корабль во время бури безъ большихъ потерь. исполнилъ ли эту задачу, и какъ исполнилъ ее, какъ провелъ во время бури переворота русскiй корабль „тотъ шкиперъ славный“, котораго мы уже встрѣтили въ работѣ пребывающимъ, строящимъ корабли? Вотъ вопросъ, сильное рѣшенiе котораго есть наша задача.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей рѣчь шла объ опасныхъ сторонахъ положенія, въ какое необходимо становился русскій народъ въ эпоху преобразованія вслѣдствіе связи своей съ живыми и сильными народами, отъ которыхъ долженъ былъ заимствовать плоды цивилизаціи, у которыхъ долженъ былъ учиться, влиянію которыхъ, слѣдовательно, долженъ былъ подвергнуться, какъ ученикъ подвергается влиянію учителей. Здѣсь первое, главное средство для уменьшенія опасности положенія состояло въ томъ, чтобъ не позволить народу-ученику продолжительнаго страдательнаго отношенія къ народамъ-учителямъ. Рѣчь идетъ объ ученикѣ, учителяхъ, слѣдовательно сравненіе, объясненіе изъ школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представимъ себѣ такого учителя, который постоянно общается своему ученику множество знаній, дѣлаетъ предъ нимъ множество опытовъ, рѣшаетъ множество задачъ, но при этомъ не обращаетъ никакого вниманія на ученика; усвоилъ ли тотъ преподанное и въ какой степени усвоилъ—ему до этого дѣла нѣтъ. Такое преподаваніе возможно и правильно какъ высшее преподаваніе, когда наставникъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ вполне приготовленнымъ; но такое преподаваніе нивкуда не годится, какъ начальное, имѣющее цѣлю приготовить человѣка, сдѣлать его способнымъ къ принятію высшаго преподаванія. Здѣсь преподаваніе тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ въ виду ученика, чѣмъ болѣе наставникъ старается развивать самостоятельную его дѣятельность: пусть ученикъ съ самаго же начала испытываетъ свои силы, самъ сейчасъ же повторяетъ преподанное правило, сейчасъ же прилагаетъ узнанное къ дѣлу. Только посредствомъ такого ученія человѣкъ можетъ развить свои способности, приобрести привычку къ самостоятельной дѣятельности, окрѣпнуть духовно. Легко понять, что именно такое ученіе нужно было и русскому народу въ этой начальной школѣ преобразованія, когда при опасномъ столкновеніи съ народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитіемъ самостоятельной его дѣятельности, избѣжаніемъ, по возможности, страдательнаго положенія, избѣжаніемъ духовнаго приниженія предъ чужимъ, сохраненіемъ свободныхъ отношеній къ чужому, духовной независимости, сознаніе своего достоинства. Что же дѣлаетъ народный вождь! Онъ проходитъ самъ эту практическую, дѣятельную школу и заставляетъ другихъ проходить ее. Онъ носитъ въ себѣ ясное сознаніе, что его время есть время школы, школьнаго ученія для народа, время школы, взятой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но при этомъ онъ сознаетъ лучшее средство пройти школу какъ можно безопаснѣе и какъ можно полезнѣе, имѣя въ виду развитіе самостоятельной дѣятельности народа. Отсюда вполне выясняется намъ значеніе этой неутомимой работы Петра. Услыхать что-нибудь — непремѣнно хочетъ посмотреть — такъ ли? увидать какую-

нибуть вещь — сейчас же хочеть дознаться, для чего она употребляется и сейчас же произвести опытъ, посмотрѣть, какъ она употребляется; увидалъ какое-нибудь производство—сейчасъ же самъ принимаетъ въ немъ участіе. Только эту неутомимую работою онъ можетъ избѣжать самъ крайне опаснаго страдательнаго положенія въ отношеніи къ иностранцамъ и избавить отъ него народъ свой. Мы уже говорили, что когда понадобилось новое, чего русскіе люди не знали, не умѣли дѣлать, всего легче было бы призвать знающихъ, умѣющихъ иностранцевъ и поручить имъ введеніе всего новаго; но тогда именно народъ нашелся бы въ страдательномъ положеніи, полной зависимости, духовномъ приниженіи. Безъ иностранцевъ обойтись было нельзя; но чтобъ сохранить къ нимъ свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношеніе, надобно было приобрести способность надзора, повѣренія, а такую способность Петръ и, по его примѣру и побужденію, его соудники могли приобрести только этою неутомимую работою, этимъ немедленнымъ практическимъ приложеніемъ всего узнаваго. Чобъ сохранить свободное и хозяйское отношеніе къ иностранцамъ нельзя было допустить ихъ къ себѣ и дать имъ дѣлать что хотять и какъ хотять; нужно было побывать у нихъ самихъ, въ ихъ земляхъ, посмотрѣть какъ тамъ дѣлается, до какой степени совершенства можетъ достигать то или другое дѣло, и съ этимъ соразмѣрять свои требованія. Но главная забота состояла въ томъ, чобъ дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. дѣятельную, практическую, приложительную съ самаго начала, чобъ не дать ему привыкнуть къ страдательному положенію относительно иностранныхъ учителей, не дать потерять сознанія своего народнаго достоинства. Школа, какъ уже оказано, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; всѣ отправления государственной и народной жизни входили въ нее, всюду русскій человекъ долженъ былъ учиться и одновременно прилагать изученное, узнавае къ дѣлу. Легко ли это? Самъ вожь возвышался надъ уровнемъ человѣческихъ способностей, былъ человекъ гениальный; но какъ человекъ и онъ долженъ былъ ошибаться особенно въ такомъ трудномъ дѣлѣ; что же другіе? Петръ заранѣе признаетъ необходимость и пользу ошибокъ, неудачъ при ученіи; дурно если все удается, особенно сначала, ошибка, неудача учить осторожности, гонить гордость, самолюбіе. Два отдѣла великой народной школы, которую проходили русскіе люди при Петрѣ, были особенно важны по отношенію къ иностранцамъ, иностраннымъ учителямъ: это война въ собственномъ смыслѣ и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здѣсь Петръ подвергался страшному искушенію; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны съ некрѣпкими, невнученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами, здѣсь ошибки, неискусство, неопытность вождей могутъ имѣть неисчислимо гибельныя слѣдствія; надобно поэтому для успѣха войны пригласить иностранныхъ фельдмаршаловъ, генераловъ, офицеровъ, и русскіе пусть

приготавливаются, учатся. Но Петръ зналъ, что война есть лучшая школа для способностей, что нельзя выучиться дѣлу только смотря какъ другіе дѣлаютъ, и назначалъ своихъ русскихъ генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но за то выучатся. Тоже самое на поприщѣ дипломатическомъ. Россія вошла въ отношеніе со всѣми значительнѣйшими европейскими дворами: одни изъ нихъ она должна была привлекать въ союзъ съ собою, другіе, по крайней мѣрѣ, удерживать отъ вражды, вводить въ свои интересы, при всѣхъ дворахъ нужно было имѣть ей постоянныхъ представителей, которые бы неуспшно блюли за русскими интересами въ этомъ многосложномъ движеніи международной европейской жизни. И опять страшное искушеніе, опять внушаютъ: русскіе совершенно неготовлены къ дипломатическому поприщу, они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго тѣхъ державъ, гдѣ будутъ уполномочены, вообще имѣютъ смутное понятіе объ отношеніяхъ европейскихъ народовъ другъ къ другу, объ исторіи этихъ отношеній. Неминуемое слѣдствіе такого незнанія—не ловность положенія, ошибки, которыя будутъ имѣть гибельныя слѣдствія для русскихъ интересовъ; необходимо по этому назначить на главнѣйшіе дипломатическіе посты знающихъ, искусныхъ иностранцевъ. Но Петръ преодолѣлъ и это искушеніе: русскіе должны выучиться на самой практикѣ; пусть сначала будутъ ошибаться, ошибки пойдутъ въ пользу понятливѣйш и усерднѣйш ученикамъ, и на всѣхъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постахъ являются русскіе люди. Тоже самое по всѣмъ частямъ управленія; у Петра было правило—во главѣ извѣстнаго управленія ставить русскаго человѣка, второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ, въ слѣдствіе чего, при вончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ. Соблюденіемъ этого правила Петръ въ опасный періодъ ученичества, отстранялъ духовное приниженіе своего народа передъ чужими народностями, сохраняя за нимъ властелинское, хозяйское положеніе: искусному иностранцу были рады, ему давались большія льготы и почетъ, онъ не могъ только хозяйничать въ странѣ. Но для того, чтобъ преодолѣть всѣ приведенныя искушенія и дойти до такого правила, неужели достаточно было однихъ холодныхъ расчетовъ ума? Нѣтъ, Петръ былъ самъ истинный русскій человѣкъ, сохранявшій крѣпкую связь съ своимъ народомъ; его любовь къ Россіи не была любовью къ какой-то отдаленной Россіи; онъ жилъ съ своимъ народомъ одною жизнію и внѣ этой жизни существовать не могъ; безъ этого онъ не могъ такъ глубоко и горячо вѣрить въ свой народъ, въ его величіе, только по этой вѣрѣ онъ могъ поручить русскимъ людямъ то, въ чемъ они, по холоднымъ соображеніямъ ума, не могли имѣть успѣха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счеты — великій народъ и великій вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую вѣру въ свой народъ, народъ этотъ заплатилъ вождю успѣхомъ, превосходившимъ всѣ ожиданія, силою и славою небывалыми: тѣ неопытные русскіе люди, которымъ Петръ поручилъ началь-

ство надъ своими неопытными войсками, оказались полководцами, какихъ не могла дать ему образованная Европа; тѣ неприготовленные русскіе дипломаты, незнавшіе ни прошедшаго ни настоящаго державъ, куда были посланы представителями Россіи, очень скоро стали въ уровень съ самыми искусными министрами европейскими.

Такимъ образомъ уясняется для насъ историческое значеніе этого образа, въ какомъ Петръ является въ первый разъ передъ нами и въ какомъ видимъ его въ продолженіе всей жизни: „въ работѣ пребывающій“, царь работникъ, царь съ мозольными руками. Исторія ставитъ народъ въ исключительное, чрезвычайное положеніе, положеніе крайне опасное; для избѣжанія этихъ опасностей требовалось чрезвычайное напряженіе силъ, чрезвычайный трудъ: какая же роль великаго человека, народнаго героя и прирожденнаго вождя, царя? онъ первый двигается, первый принимаетъ это чрезвычайное положеніе, первый принимаетъ на себя чрезвычайный трудъ, первый проходитъ эту дѣятельную шволу, которая одна могла развить самостоятельныя силы народа, поставить его на ноги, привести въ положеніе, которое бы возбуждало въ немъ уваженіе къ самому себѣ и внушало уваженіе къ нему въ другихъ народахъ. Нельзя было говорить другимъ: двигайтесь, работайте, учитесь дѣлательно, самостоятельно, не отчаивайтесь, когда чего не умѣете, начинайте только дѣлать, сами увидите что съумѣете, нельзя было только говорить это другимъ и ждать успѣха отъ слова, надобно было показать на примѣръ, на дѣлѣ, надобно было для начинающаго народа употребить наглядный способъ обученія, и Петръ, становясь работникомъ, ученикомъ, дѣлался чрезъ это великимъ народнымъ учителемъ. Движеніе началось, благодаря сильной рукѣ; но чтобъ оно шло съ возможною быстротою, успѣхомъ, нуженъ былъ глазъ, надзоръ заводчика, хозяина начавшаго громадное производство, а что такое глазъ, надзоръ безъ собственнаго знанія и опыта надзирающаго? вотъ почему въ этой неутомимой работѣ, въ стремленіи все узнать и сдѣлать самому мы видимъ необходимое приготовленіе къ той царственной дѣятельности, которая выпадала Петру во время движенія его народа на новую дорогу. Народъ долженъ поднять страшную тяжесть, сознаетъ, что долженъ, обойтись безъ этого нельзя; но естественно колеблется, останавливается въ недоумѣніи, какъ приняться за дѣло, достанетъ ли силъ? что же дѣлаетъ великій человекъ, вождь народный? онъ первый подставляетъ свои могучія плечи подъ тяжесть, отдаетъ всю свою чрезвычайную силу въ общее дѣло, и дѣло, благодаря этому велладу, начинается, идетъ, народъ получаетъ помощь. И вотъ подлѣ значенія великаго учителя народнаго другое значеніе— великаго помощника народнаго, а образъ все тотъ же—образъ царя работника.

Уяснивъ для себя этотъ образъ, въ которомъ Петръ впервые является передъ нами, уяснивъ для себя это первое опредѣленіе, которое Петръ далъ самому себѣ: „въ работѣ пребывающій“, мы будемъ слѣдить за этою работою, т. е. будемъ слѣдить за тѣмъ, какую помощь оказывалъ

великій царственный работникъ своему народу въ тяжеломъ дѣлѣ перехода отъ его древней исторіи въ новую, перехода, сопряженнаго съ такими тяжестями, какихъ не испытывалъ никакой другой народъ при подобномъ переходѣ. Прежде всего великая помощь была оказана народу тѣмъ, что онъ былъ выведенъ изъ самаго печальнаго, разстлѣвающаго силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа положенія, когда возбужденный умъ отрицательно относится къ окружающимъ явленіямъ, и въ то же время не имѣетъ средствъ создать новыя отношенія, новый міръ, гдѣ бы ему было спокойнѣе и просторнѣе; прежнія явленія существуютъ, но лишеныя для него содержанія, значенія, и онъ ходитъ между ними какъ между гробами и развалинами. Единственное средство вывести его изъ такого печальнаго положенія—это трудъ, сильная практическая дѣятельность, отвлеченіе его отъ задаванія себѣ и другимъ праздныхъ вопросовъ и привлеченіе его къ рѣшенію вопросовъ на дѣлѣ. По недостатку точныхъ историческихъ наблюденій у насъ приписывали Петру это отрицательное отношеніе ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежнимъ формамъ государственной и общественной жизни, удары, которые тяжело отозвались и въ мірѣ нравственномъ. Но теперь мы знаемъ, что это отрицательное отношеніе началось, усилилось прежде Петра, прежде него русскій человѣкъ уже отрицательно относился ко всему, начиная съ бороды, широкаго по азіатскому покрою платья до высшей сферы религіозной, гдѣ слышались отрицанія какъ со стороны раскольника, который обольщалъ себя будто стоялъ за неприкосновенность старины, такъ и со стороны человѣка, наслушавшагося католическихъ и протестантскихъ внушеній. Этотъ то періодъ отрицанія, сомнѣнія, колебанія, періодъ необходимый, ибо имъ начинается переходъ въ возрастъ умственнаго развитія, но страшно вредно дѣйствующій на силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, когда бываетъ продолжителенъ, этотъ періодъ и былъ укороченъ Петромъ, который уничтожилъ праздношатаніе мысли, засадивъ русскихъ людей за работу, за рѣшеніе практическихъ задачъ.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дѣло, давала ему средства работать безъ усталы и возбуждать другихъ къ работѣ, природа огненная, природа человѣка не умѣющаго ходить, а только бѣгать. Природа! а воспитаніе? Первоначальное воспитаніе, полученное Петромъ, было древне-руссое: грамотность повела непосредственно и можно сказать исключительно къ изученію св. писанія, что и дало на всю жизнь обильное питаніе его глубокой религіозности. Церковная жизнь не коснулась его только внѣшнимъ образомъ, онъ не призналъ ея необходимости только съ государственной точки зрѣнія и холодно подчинялся этой необходимости; церковная жизнь обхватывала его своимъ свѣтомъ и теплотою какъ человѣка и какъ русскаго человѣка, онъ любилъ ея народную обстановку, любилъ русское богослуженіе, по природѣ своей, хотѣлъ дѣятельно участвовать въ немъ сколько это возможно мірянину, самъ пѣлъ и читалъ въ...

Наука и школа переходной эпохи, выписанныя изъ западной Россіи съ ея тамашнею обстановкою, мало или вовсе не коснулись Петра, ему не дали учителя, какой былъ у его старшихъ братьевъ, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкаго, эта наука и школа отнеслись даже враждебно къ Петру: вѣрный ученикъ Полоцкаго, хранитель его преданій, Сильвестръ Медвѣдевъ былъ ревностный приверженецъ Софьи и потому врагъ Петра. Такимъ образомъ эта славяно-греко-латинская или вѣрнѣе греко-латино-польская наука осталась въ сторонѣ, съ ея богословскими спорами о времена пресуществленія, съ ея хлѣбопоклонною ересью. Петръ былъ предоставленъ самому себѣ. Огненный гениальный ребенокъ не можетъ все сидѣть въ комнатѣ безъ дѣла или перечитывать одну и ту же книгу; онъ рвется изъ печальнаго, скучнаго опаснаго дома на улицу, собираетъ около себя толпу молодежи изъ придворныхъ служителей, забавляется, играетъ съ ними; какъ всѣ живыя дѣти любить играть въ войну, въ солдаты. Но одними этими играми и забавами не можетъ удовлетвориться и въ дѣтствѣ такой человекъ какъ Петръ; требуетъ удовлетворенія жажды знанія. Онъ останавливается на каждомъ новомъ предметѣ, превращается весь во вниманіе, когда говорятъ о какомъ-нибудь удивительномъ инструментѣ. Говорятъ ему объ астролябіи; онъ непременно хочетъ имѣть инструментъ „которымъ можно брать дистанціи, не доходя до того мѣста“. Астролябія привезена; но какъ ее употреблять. Изъ русскихъ никто не знаетъ; не знаетъ ли кто изъ иностранцевъ? Самый близкій человекъ изъ иностранцевъ, котораго прежде другихъ цари древней Россіи считали необходимымъ вызывать къ себѣ—это лѣварь, дохтуръ. Не знаетъ ли дохтуръ какъ употреблять астролябію? Дохтуръ говоритъ, что самъ не знаетъ, но сыщеть знающаго и приводитъ голландца Франца Тиммермана. Петръ отыскалъ себѣ учителя и „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи; и тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами“, говоритъ самъ Петръ. Но одинъ иностранецъ не отвѣтитъ на всѣ вопросы, не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ. Въ измайловскихъ сараяхъ, гдѣ складывались старыя вещи, Петръ находитъ иностранный англійскій ботъ, ставшій для насъ такъ знаменитымъ. Что это за судно, для чего употребляется? Ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, отвѣчаетъ Тиммерманъ. Непременно надо посмотреть какъ это, непременно надо починить ботъ, спустить на воду. Тиммерманъ этого сдѣлать не умѣетъ; но онъ приводитъ своего земляка голландца Бранта. Ботъ на Яузѣ: „удивительно и зѣло любо стало“. Но рѣка узка; ботъ перетаскиваютъ въ Просяной прудъ. „Охота стала отъ часу быть болѣе“, и вслѣдствіе этой то охоты мы уже встрѣтили Петра на Переяславскомъ озерѣ въ работѣ пребывающимъ. Но и въ ранней молодости односторонность не была въ характерѣ Петра: строеніе судовъ и плаваніе на нихъ не поглощали всего его вниманія, онъ въ постоянномъ движеніи, работѣ и на сушѣ, онъ учится геометріи и фортификаціи, обучаетъ солдатскіе полки, сформированные изъ ста-

рыдъ потѣшныхъ и новыхъ охотихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и простыхъ людей, строить крѣпость Пресбургъ на берегу Яузы; даются примѣрныя битвы, гдѣ въ схваткѣ съ непріятельскимъ генералисимусомъ Фридрихомъ (или Ромодановскимъ) или польскимъ воеводою (Бутурлиннымъ) отличается Петръ Алексѣевъ, то бомбардиръ, то ротмистръ. Но этотъ бомбардиръ и ротмистръ былъ такъ же и шкиперомъ. Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское—то было мелко, онъ отправляется въ Архангельскъ, устроиваетъ тамъ верфь, закладываетъ, спускаетъ корабли и пишетъ съ восторгомъ: „Что давно желали, нынѣ совершилось“.

Такъ воспитывался Петръ, развивая свои силы. Мы видѣли, какъ въ своемъ стремленіи къ знанію онъ встрѣтился съ иностранцами. Не умѣя приложить къ дѣлу извѣстный инструментъ и не находя между русскими никого, кто бы помогъ своимъ знаніемъ, Петръ отыскиваетъ иностранца, который объясняетъ дѣло и становится его учителемъ, въ слѣдствіе чего находится въ его компаніи; другой иностранецъ объясняетъ ему значеніе бота; естественно, что за рѣшеніемъ многихъ и многихъ вопросовъ, которые толпятся въ головѣ Петра, онъ долженъ обращаться къ иностранцамъ, требовать ихъ услугъ, быть съ ними въ компаніи. Иностранцевъ довольно въ Москвѣ, цѣлая колонія—Нѣмецкая слобода. Тутъ жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имѣла своихъ возаковъ въ этихъ наемныхъ дружинахъ, составлявшихся такъ же, какъ и наши козацкія дружины, изъ людей, которымъ по чему-нибудь было тѣсно, неудобно на родинѣ, и шли они служить тому, кто больше давалъ, искать отечества тамъ, гдѣ было хорошо, и служили они въ семи ордахъ семи королямъ, какъ выражалась старая русская пѣсня о богатыряхъ, этихъ первообразахъ и возаковъ восточной Европы, и наемныхъ дружинниковъ западной. Мы видѣли, что въ западной Европѣ государи обратились къ наемнымъ войскамъ, когда разбогатѣли, стали получать хорошіе доходы, хорошія деньги отъ подвѣншагося города, отъ промышленнаго и торговаго движенія. Кромѣ того наемныя войска были желательны и потому, что отличались своимъ искусствомъ: война была ихъ исключительнымъ занятіемъ. И у насъ въ XVII вѣкѣ являются эти западноевропейскіе наемники, но вовсе не потому, чтобъ наши цари нуждались въ войскѣ и, разбогатѣвъ, получили возможность нанимать его. Бѣдное государство должно было тратить послѣднюю копейку на этихъ наемниковъ, чтобъ имѣть обученное по европейски войско, чтобъ не терпѣть слишкомъ тяжелыхъ поражений въ слѣдствіе нехскуства своего помѣщичьяго войска. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка мы видимъ иностранныхъ наемниковъ въ царскомъ войскѣ, выходцевъ изъ разныхъ странъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Шотландцевъ. У себя, въ западной Европѣ, эти наемныя дружинники хотя представляли извѣстныя особенности, однако не могли поражать рѣзкимъ отличіемъ по общности нравовъ и обычаевъ; но понятно, какъ выдѣлялись они у насъ въ XVII вѣкѣ. Между ними, разумѣется, нельзя было сыскать людей ученыхъ; но и такіе люди быва-

лые, много странствовавшіе, видавшіе много разныхъ странъ и народовъ, много испытавшіе, а извѣстно, какъ эта бывалость развиваетъ, какую привлекательность даетъ бесѣда такого бывалаго человѣка, особенно въ обществѣ, гдѣ книги нѣтъ, и живой человѣкъ долженъ замѣнять ее. Легко понять, что Петръ, обратившись разъ къ иностранцамъ за рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться съ новыми явленіями и людьми, долженъ былъ необходимо перешагнуть порогъ Нѣмецкой слободы, этого любопытнаго привлекательнаго міра, наполненнаго людьми, отъ которыхъ можно было услышать такъ много новаго о томъ, что дѣлается въ странѣ чудесъ, въ западной Европѣ. Петръ въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ—представитель Россіи, движущейся въ Европу, входитъ въ этотъ чужой міръ, входитъ еще очень молодымъ, безоружнымъ. Молодой богатырь скватывается съ этою силою, собственныя силы его еще не окрѣпли, и онъ естественно подчиняется ея вліянію, ея давленію; это вліяніе обнаруживается въ томъ, что самымъ близкимъ, любимымъ человѣкомъ становится для него иностранецъ Лефортъ. Лефортъ былъ блестящій представитель людей, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Какъ всѣ они, Лефортъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый и притомъ необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петръ подружился съ нимъ, подружился дружбою молодого человѣка, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимаго человѣка. Вліяніе Лефорта на молодого Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному вліянію не того человѣка, котораго мы только уважаемъ, но того кого мы любимъ. Петру было весело, занято въ Нѣмецкой слободѣ, среди людей, которыхъ рѣчи были для него полны содержанія, чего онъ не находилъ въ рѣчахъ окружавшихъ его русскихъ людей, и всего пріятнѣе и занятнѣе было съ Лефортомъ. Что же дѣлалъ Петръ въ этотъ періодъ вліянія Нѣмецкой слободы, Лефортовскаго вліянія? Развитіе шло быстро; отъ работы, которая имѣла видъ потѣхи, Петръ переходилъ къ настоящему дѣлу; и Бѣлое море становилось тѣсно, плаваніе по немъ безцѣльно, имѣло также видъ потѣхи, а потѣхи уже наскучили, не удовлетворяли, отъ нихъ оставалась пустота въ душѣ, отъ нихъ саднило на сердцѣ. Человѣкъ мужалъ и являлась потребность сдѣлать что нибудь важное, полезное. Что же сдѣлать? Сначала, какъ обыкновенно, прельщаютъ мечты, молодой человѣкъ еще рвется на предпріятія далекія, имѣющія связь съ любимымъ занятіемъ; затѣмъ безъ цѣли строить корабли въ Архангельскѣ, заказывать ихъ иностранцамъ? Нельзя ли чрезъ Сѣверный океанъ отсызать продуктъ къ Китаю, Индіи? Потомъ мечта уступаетъ мысли серіозной, осуществимой; на юговостоѣ Россіи прикасается также къ морю, имѣющему выгодное положеніе, чрезъ него можно ближе, удобнѣе завести торговыя сношенія съ богатыми странами Азіи; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству,

требуя свободного проѣзда къ нему для торговли: это Каспійское море. Надобно строить корабли для него, надобно ѣхать въ Астрахань, завести сношенія съ Персією. И такъ движеніе на востокъ, къ Азіи; но естественно ли такое движеніе въ тотъ періодъ жизни народа, когда онъ именно стремился уйти съ востока на западъ, когда все вниманіе было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтобъ Петръ началъ съ Каспійскаго моря? И вотъ поѣздка въ Казань и Астрахань, не смотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается, какъ дѣло тяжелое, неприятное. Все вниманіе и желаніе обращено на западъ, тамъ завитое море, туда надобно обратиться; но какъ? заперто и ключъ у Шведовъ. Мысль кружится около Россіи, постоянно останавливается у Балтійскаго моря, постоянно должна отступать, отталкиваться отъ него, и все же опять, неодолимо влечется къ нему. Молодой орелъ бьется въ вѣткѣ. Но молодой орелъ растетъ, мужаетъ; уставши отъ круженія мысли около Россіи, молодой человѣкъ мало по малу войдетъ внутрь ея, станетъ на дѣйствительную почву, начнетъ заниматься настоящимъ, текущимъ дѣломъ. Съверный Океанъ, Китай, Индія, Каспійское море, Персія, Балтійское море, въ которое труднѣе пробраться, чѣмъ въ Восточный Океанъ, все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущаго приключеній, отправляющагося на поискъ заколдованнаго терема, спящей царевны и т. п.; человѣкъ пробуждается, грезы исчезаютъ; является жизнь, наяву, настоящая, дѣйствительная, а настоящее, дѣйствительное — это Россія съ ея внутреннею и внѣшнею жизнью, вотъ чѣмъ надобно заняться. Что же здѣсь на первомъ планѣ? Война съ Турцією, война, начавшаяся въ правленіе Софьи, и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну съ честію, славою, здѣсь самый удобный случай выступить на сцену достойно передъ Россією и Европою; а война идетъ Европейская, первая Европейская война для Россіи въ союзѣ съ европейскими государствами. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича продолжительная тяжкая война Россіи съ Польшею за Малороссію кончилась крайнимъ истощеніемъ обоихъ государствъ, съ тѣмъ различіемъ, что Россія имѣла средства поправиться, а Польша ихъ не имѣла. По окончаніи этой войны польскій вопросъ получаетъ новый видъ. Оказалось, что Россіи нечего бояться Польши; Польша не будетъ болѣе помѣхою движенію Россіи въ Европу; напротивъ Польша должна затянуть Россію въ европейскія дѣла, въ общую европейскую жизнь, если бы даже Россія этого не хотѣла: Польша по своему безсилію, по своему страдательному положенію, становилась ареною, на которой должны были бороться чужіе народы, бороться съ оружіемъ въ рукахъ и дипломатическими средствами; Россія не могла оставаться праздною зрительницею этой борьбы, она должна принять въ ней участіе, не дать чужимъ народамъ вѣлѣнную ей вѣлю, не дать чужимъ захватить своего, не дать чужимъ погнѣбить русскаго добра у рѣчи исполненія, не дать чужимъ соберутся орлы, и хищники вились на...

гетманъ польской Украйны, кликнувъ турецкаго султана на добичу, поддавшись ему, турки явились на зовъ и разгромили Польшу, объявля притязаніе на всю Украйну, которую именемъ козачества, отдавалъ имъ Дорошенко. Такимъ образомъ Россія втягивалась въ первый разъ непосредственно въ войну съ Турціею, и естественно должна была помогать Польшѣ. Турки въ послѣдній разъ передъ упадкомъ своимъ, явились грозны для сосѣдей: Австріи, Венеціи предстояла страшная опасность; Вѣна подвергалась осадѣ. Такое положеніе естественно вело къ союзу этихъ сосѣдей противъ общаго врага, врага всему христіанству. Россія и Польша заключили вѣчный миръ; Янъ Собѣскій со слезами подписалъ знаменитый московскій договоръ, по которому Кіевъ навсегда оставался за Россіею; но за эти слезы Россія должна была заплатить дѣятельною помощію Польшѣ противъ Турокъ. Впервые Россія вступала въ общее дѣйствіе съ европейскими державами, съ Польшею, Австріею и Венеціею, явилась членомъ этого союза, который назывался священнымъ. Въ Москвѣ рѣшено было дѣйствовать противъ Крыма, чтобъ удержать Татаръ отъ подавія помощи Туркамъ. Два степныхъ похода на Крымъ, соединенные съ страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правленіе Софьи, на ея любимца, кн. В. В. Голицына, предпринимавшаго эти походы. Крупныхъ военныхъ дѣйствій не было до тѣхъ поръ, пока въ развитіи Петра не произошелъ поворотъ отъ юношеской мечты, отъ неясныхъ стремленій, неопредѣленныхъ порывовъ къ дѣйствительности, отъ юношеской потѣшной дѣятельности къ труду государя. Надобно было продолжать энергически кончить съ честію и пользою турецкую войну, тѣмъ болѣе что восточный вопросъ представлялся уже съ тѣмъ великимъ политическимъ и нравственнымъ значеніемъ, какое онъ имѣеть въ жизни русскаго народа. Іерусалимскій патриархъ писалъ, что Французы, пользуясь враждою между Россіею и Портою, отнимаютъ святыя мѣста у православныхъ. „Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами, писалъ патриархъ, но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подолѣ, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству Турки такъ не враждебны какъ вамъ. Если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ, если Турки не будутъ изгнаны изъ Подолія, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны и Подолія не уступятъ—не заключайте мира. Помогите Полякамъ и другимъ пока здѣшніе погибнутъ. Впередъ такого времени не сыщете какъ теперь. Вы упросили Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благоприятное время, а вы не радѣете? Въ досаду вамъ Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого“. Не Петру было слушать, что дѣло не явилось. Дѣло явилось въ 1695 году. Но *шкитеръ* не пойдетъ въ степной походъ; онъ под-

плываетъ къ сильной турецкой крѣпости Азову, загораживающей дорогу къ морю. Шкиперъ подплылъ подъ Азовъ, преодолевъ большія препятствія, задержки: „больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывуть мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба, писалъ Петръ: но, продолжалъ онъ, по молитвамъ св. апостоловъ, яко на камени утвердися, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ“. При осадѣ шкиперъ превратился въ бомбардира, самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ и записалъ: „Зачалъ служить съ перваго азовскаго похода бомбардиромъ“. Но дѣло не сдѣлалось, Азовъ не былъ взятъ; Петръ возвратился въ Москву и начинается страшная дѣятельность. Царь вызываетъ изъ заграницы новыхъ мастеровъ, изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хочетъ строить суда, которые должны плыть къ Азову и запретить его отъ турецкихъ судовъ, дававшихъ помощь осажденнымъ. Это было въ ноябрѣ 1695: корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года. Возможно ли это? Въ Москвѣ строятъ галеры по образцу привезенной изъ Голландіи; въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, 26,000 работниковъ рубятъ струги, лодки, плоты. Въ началѣ 1696 года Петръ съ больною ногою ѣдетъ въ Воронежъ. Опять препятствія, задержки: иностранные лѣкаря пьютъ и въ хмѣлю колятъ другъ друга пинагами, подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи; лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги; въ Воронежѣ капитанъ кричитъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ; морозъ не во время снова леденитъ рѣкы и останавливаетъ работы; но Петръ не отчаивается: „Мы, пишетъ онъ, по приказу Божию къ пращѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой“. Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. И вотъ лѣтомъ въ Москвѣ получаютъ отъ него письмо: „Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались“. Неудача, сламывающая слабого, возбуждаетъ силы сильнаго; неудача перваго азовскаго похода выказала тѣ громадныя силы, которыми обладалъ Петръ; здѣсь послѣдовало явленіе великаго человѣка. Съ этихъ поръ мы будемъ имѣть дѣло съ Петромъ *Великимъ*.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Послѣ неудачи не отчаиваться, но усилить трудъ для того, чтобъ какъ можно скорѣе поправиться; послѣ удачи не отдыхать, не складывать рукъ, но также усиливать трудъ, чтобъ воспользоваться плодами удачи—вотъ примѣта великаго человѣка. По возвращеніи изъ втораго азовскаго похода, у царя идуть совѣщанія съ боярами: „Нельзя довольствоваться тѣмъ, говоритъ Петръ, что Азовъ взятъ; послѣ осады онъ въ самомъ печальномъ положеніи, надобно его укрѣпить,

устроить, снабдить жителями и гарнизономъ; но и этого мало; сколько бы мы войска не ввели въ Азовъ, Турокъ и Татаръ не удержимъ, тѣмъ болѣе, что конницы тамъ много имѣть нельзя. Надобно воевать моремъ; для этого нуженъ флотъ или караванъ морской въ 40 и болѣе судовъ. Прошу порадовать отъ всего сердца для защиты единовѣрныхъ и для своей безсмертной памяти. Время благоприятное, фортуна съвозъ насъ обѣжитъ, никогда она къ намъ такъ близко на югѣ не бывала: блаженъ, кто схватитъ ее за волосы“. Рѣшено поднять общими силами великую, небывалую тягость строенія флота. Землегладѣльцы, патріархъ, архіереи и монастыри, бояре и всѣ служилые люди съ извѣстнаго числа крестьянскихъ дворовъ ставятъ по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дѣло: надобно соединяться, складываться и потому составляется нѣсколько компаній (кумпанствъ). Кромѣ русскихъ плотниковъ каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузнецовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лѣкаря съ аптекою. Чѣмъ больше новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? долго ли оставаться въ такой зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ русскіе скорѣе выучились, скорѣе и какъ можно лучше выучились: для этого надобны большія средства, а главное, лучшіе учителя. Но западная Европа вдругъ не перенесетъ къ намъ своихъ средствъ, накопленныхъ вѣками, и не пришлетъ къ намъ лучшихъ своихъ учителей. Надобно слѣдовательно послать русскихъ людей учиться за границу, и 50 человекъ молодыхъ придворныхъ отправлены въ Венецію, Англію и Голландію. Но какъ они тамъ будутъ учиться, у кого? какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились, всѣмъ ли воспользовались и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ прежде ихъ тамъ выучился, все узналъ, и кто же будетъ этотъ русскій первый ученикъ? Разумѣется начальный человекъ въ великой работѣ, на которую шелъ народъ, извѣстный шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ. Въ 1697 году по Европѣ проходятъ странныя вѣсти: при разныхъ дворахъ является русское посольство, въ челѣ его два великихъ полномочныхъ посла, одинъ иностранецъ, женевецъ Лефортъ, другой русскій Головинъ; въ свитѣ посольства удивительный молодой человекъ, называется Петръ Михайловъ; онъ отдѣляется отъ посольства, останавливается въ разныхъ мѣстахъ, учится, работаетъ, особенно занимается морскимъ дѣломъ, но ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, жажда знанія, понятливость, способности необыкновенныя, — и этотъ необыкновенный человекъ самъ царь русскій. Явленіе, никогда небывалое въ исторіи, возбуждаетъ сильное любопытство, и вотъ двѣ женщины, которыя могли справедливо считаться представительницами западно-европейскаго цивилизованнаго общества по своимъ способностямъ и образованію, спѣшатъ посмотреть на диковину, на дикаря, который хочетъ быть образованнымъ и образовать свой народъ; эти женщины были: ганновская курфюрстина

Софія, и дочь ея, курфюрстина бранденбургская Софія Шарлота. Какое же впечатлѣніе произвелъ на нихъ Петръ? Вотъ ихъ отзывъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самоѣ дѣлѣ и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опротно; но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность“, говоритъ одна; другая распространяется болѣе: „Царь высокъ ростомъ; у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было по меньше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель ствовой страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человекъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“.

Станный, а можетъ быть и оскорбительный отзывъ? Государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной! Дѣйствительно мы къ такому рѣзкому сопоставленію противоположныхъ сторонъ не привыкли. По слабости своей природы человекъ съ большимъ трудомъ привыкаетъ къ многосторонности взгляда, для него гораздо легче, покойнѣе и пріятнѣе видѣть одну сторону предмета, явленія, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить такъ бранить, хвалить такъ хвалить. Найдутъ хорошее качество, хорошій поступокъ, хорошее слово у какого-нибудь Нерона и пишутъ цѣлыя сочиненія, что напрасно считаютъ Нерона Нерономъ, онъ былъ хорошій человекъ, и найдутся люди, которые восхищаются: ахъ какая новая мысль: Неронъ былъ хорошій человекъ; честь и слава историку, который открылъ такую новость, наука двинулась впередъ. Отыщутъ дурное качество или дурной поступокъ у человека, который пользовался славой, противоположно славѣ Нерона, и начинаются толки, что напрасно величали его благодѣтельную дѣятельность, вотъ какой дурной поступокъ онъ сдѣлалъ тогда-то; а другіе возстаютъ съ ожесточеніемъ на дерзкаго, осмѣливагося заявить, что въ солнцѣ есть пятна; въ солнцѣ не можетъ быть пятенъ, въ дѣятельности такого-то знаменитаго дѣятеля не можетъ быть темныхъ сторонъ, въ ней все хорошо, кто находитъ, что не все хорошо, тотъ человекъ злонамѣренный, и вотъ этого злонамѣреннаго благонамѣренны стараются принести въ жертву памяти знаменитаго человека; жертва языческая, закланіе человека тѣнямъ умершихъ! А все отъ того, что забывается чему учать въ равнемъ дѣтствѣ, забываются двѣ первыя заповѣди, что Богъ единъ, одно только существо совершенное, и не должно имѣть другихъ боговъ, не должно творить себѣ вумировъ изъ существъ несовершенныхъ. Памятованіе этихъ заповѣдей есть первая обязанность историка, если онъ дѣйствительно хочетъ двигать впередъ свою науку, хочетъ представлять живыхъ людей, съ свѣтлыми и темными сторонами ихъ умственной и нравственной дѣятельности, называя знаменитыми тѣхъ, у кого ре-

результаты дѣятельности свѣтлыхъ сторонъ далеко превысили результаты дѣятельности темныхъ, называя великими тѣхъ, которые по свѣту и теплотѣ своей дѣятельности являются солнцами, хотя и не безъ пятенъ, которые окупили свои темныя стороны великими дѣлами, великими жертвами, которымъ много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы нисколько не смутимся приговоромъ образованной наблюдательной женщины надъ нашимъ Петромъ. Онъ ей показался очень хорошимъ и вмѣстѣ очень дурнымъ, и мы даже не ограничимъ этого дурного однимъ виѣшнимъ, не скажемъ, чтобы эта владѣтельная дама образованной Европы была оскорблена виѣшнею грубостію, незнаніемъ правилъ виѣшняго приличія, неумѣньемъ ѣсть опротно: мы признаемъ, что здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ виѣшнемъ. Петръ былъ человѣкъ одаренный необыкновенными силами: дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы приучать человѣка давать правильное употребленіе своимъ силамъ, ставить нравственныя границы для нихъ. Воспитаніе не оканчивается домою, школою; воспитываетъ главнымъ образомъ общество; оно воспитываетъ хорошо, если выработало извѣстные нравственные законы, поставило нравственныя границы и зорко смотритъ, чтобы личная сила не переступила ихъ; общество воспитываетъ хорошо, если даетъ просторъ всякой силѣ въ ея хорошемъ направленіи и сейчасъ же ее сдерживаетъ, какъ скоро она увлочилась отъ этого направленія. Что обыкновенно дѣлаетъ человѣкъ, когда отправляется изъ дому въ общество, гдѣ встрѣтитъ людей, къ которымъ питаетъ уваженіе: онъ заботится чтобы все его виѣшнее не произвело невыгоднаго впечатлѣнія, онъ охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требуетъ, чтобы каждый членъ, входя въ него, нравственно охорашивался, чтобы каждая сила употреблялась надлежащимъ образомъ, чтобы личная сила не переступала извѣстныхъ нравственныхъ границъ, поставленныхъ общественнымъ самоуваженіемъ; общественнымъ тактомъ: такое общество даетъ хорошее воспитаніе, человѣку. Но горе тому обществу, гдѣ сила не находитъ себѣ нравственныхъ границъ, гдѣ она не считается съ другими силами, не чувствуетъ обязанности сторониться передъ ними, гдѣ передъ нею разступается доступная ея давленію, мягкая, слабая толпа и сила разнудывается безпрепятственно. Горе тому обществу, которое не можетъ встрѣтить каждую силу строгимъ допросомъ: откуда она и куда направлено ея стремленіе, не можетъ испытать, настоящая ли это сила, или фальшивая, самозванная; горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силѣ. Горе тому обществу, въ которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, съ полнымъ неравнествомъ, безъ уваженія къ общественному глазу въ дѣлахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному уху въ словахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному смыслу въ мысляхъ своихъ. Горе тому обществу, гдѣ пороки не ищутъ темныхъ угловъ, но горделиво разгуливаютъ при дневномъ свѣтѣ по

улицамъ и площадямъ. Горе тому обществу, которое не умѣетъ по-бѣрять ни словъ, ни дѣлъ, которое безотчетно увлекается какъ ребенокъ первымъ движеніемъ, первымъ громкимъ словомъ. Такое общество не можетъ дать хорошаго воспитанія: дѣти могутъ ли воспитать мужей?

Мы видѣли, что Петръ не могъ получить школьнаго воспитанія, разумѣя подъ нимъ правильное научное образованіе умственное и нравственное подъ руководствомъ болѣе или менѣе искусныхъ наставниковъ. Но, быть можетъ, общество могло восполнить этотъ недостатокъ, могло дать ему хорошее воспитаніе? Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія состоянія стариннаго русскаго общества, въ которомъ Петръ необходимо долженъ былъ воспитываться, мы получимъ отвѣтъ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крѣпкія нравственныя границы для силъ, которымъ предоставлялся широкій степной просторъ; личная сила могла встрѣтить себѣ сдержку въ другой большой личной силѣ, или въ собирательной физической силѣ толпы. Дурной воевода, напрыжѣръ, могъ дѣлать все что хотѣлъ, нравственныхъ сдержекъ не было, онъ могъ пасть если встрѣчался съ какою нибудь другою болѣе сильнымъ лицомъ, или отъ возстанія, бунта толпы, выведенной изъ терпѣнія его насиліями. Экономическія условія, о которыхъ была рѣчь прежде, не могли вести къ благоприятнымъ для нравственныхъ сдержекъ отношеніямъ, ибо эти условія заставили невооруженную часть народонаселенія непосредственно кормить вооруженную. Не выработались извѣстныя, сословныя группы, крѣпкія своею внутреннею сплоченностію, сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ, своихъ правъ, опредѣленностію своихъ отношеній другъ къ другу, сознаніемъ, которое могло поднимать нравственно каждаго члена такой группы, сильнаго не личною силою, но своею крѣпкою связью съ сочленами своими при равенствѣ между ними. Всѣ отношенія основывались на личной силѣ: человѣкъ безусловно подчинялся болѣе сильному и въ тоже время безусловно подчинялъ себѣ менѣе сильнаго, и такимъ образомъ преобладающимъ отношеніемъ было отношеніе господина къ рабу. Отсутствие образованія, науки, задерживало развитіе духовныхъ силъ, не вело къ появленію особаго рода авторитетовъ, сильныхъ не физическою силою, не силою своего положенія, но средствами исключительно нравственными. Отсутствие образованія, науки отнимало возможность самостоятельно относиться къ каждому явленію, повѣрять его, отличать истинные авторитеты отъ ложныхъ. Отсутствие образованія, науки давало то кетальное духовное равенство, при которомъ различію по матеріальнымъ средствамъ давалась полная сила. Все это вѣсть съ долговременнымъ отчужденіемъ народа отъ общенія съ народами, стоявшими на ровной или высшей ступени общественнаго развитія, постоянное обращеніе къ народамъ, стоявшимъ на низшей ступени, не могло бытъ причиной того состоянія общества въ древней

Россіи, давать ему возможность хорошо воспитывать своихъ членовъ. Нравы были грубы, и намъ не нужно входить въ подробности для доказательства сказаннаго, стоитъ указать на одно доказательство ясное и неопровержимое — затворничество женщины. Существо, отъ котораго преимущественно зависитъ соблюденіе чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое матеріально, женщина не могла быть безопасна въ обществѣ, на улицѣ; въ обществѣ мужчинъ, дома и внѣ дома глазъ ея не былъ безопасенъ отъ оскорбительнаго для нравственности зрѣніща, ухо отъ оскорбительнаго для нравственности слова, существо слабое физически не было безопасно при отсутствіи уваженія сильнаго къ слабому вообще. Но при такихъ условіяхъ естественное и необходимое дѣло уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свѣтъ, чтобъ не видать дѣлъ темныхъ. При объясненіи этого явленія не нужно прибѣгать къ мудрствованіямъ, натяжкамъ, предполагать какія то чужія вліянія; дѣло объясняется для каждаго ясно: выпустимъ ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаемъ, что на улицѣ не безопасно, тоже сдѣлаемъ и днемъ, когда удостоверимся, что и днемъ не безопасно; при отсутствіи безопасности сильный выходитъ вооруженный, слабый сидитъ дома запершись: такъ естественно произошло затворничество женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ, разумѣтся въ классахъ достаточныхъ, гдѣ женщина могла не быть работницею, обязанною поневолѣ выходить изъ дому. Понятно, что такое общество не могло дать хорошаго воспитанія, понятно, что представитель такого общества являлся очень дурнымъ, хотя по природнымъ своимъ качествамъ былъ очень хорошимъ человекомъ. Петръ обладалъ необыкновеннымъ нравственнымъ величіемъ: это величіе выражалось въ томъ, что онъ не побоялся сойти съ трона и стать въ ряды солдатъ, учениковъ и работниковъ, когда созналъ что необходимо ввести въ свой народъ силу, до тѣхъ поръ мало известную и въ почетѣ не находившуюся, силу умственнаго развитія, искусства и личной заслуги. Необыкновенное нравственное величіе Петра выражалось въ способности уважать нравственное величіе въ другихъ и сдерживаться имъ; какъ бы онъ ни былъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться предъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду. Но въ то же время Петръ былъ человекъ въ высшей степени страстный, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ явную ошибку, злонамѣренность, преступленіе, тамъ онъ уже не сдерживался, выходилъ изъ себя, становился свирѣпъ, употреблялъ матеріальныя средства для прекращенія зла и вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность, тамъ онъ скатывался съ человекомъ, какъ съ личнымъ врагомъ своимъ и позволялъ себѣ терзать его. Петръ умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ хорошему человеку, и отъ этого происходили безчисленныя благодѣтельныя послѣдствія; но онъ не умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ человеку, какъ человеку. Сказать, что это происходило отъ дурнаго воспитанія, общество не могло хорошо воспитать его,

ибо не выработало въ себѣ нравственныхъ сдержекъ для сильнаго человѣка. Историкъ отвѣтитъ, что это объясненіе, которое вполнѣ принимается, объясненіе, но не оправданіе; темная сторона остается и мы признаемъ вѣрнымъ отзывъ умной принцессы, что Петръ былъ очень хорошій и очень дурной человѣкъ. Последнее не отнять у насъ права признать вполнѣ первое, признать необыкновенное величіе человѣка и дѣла его; оно только не позволить намъ сотворить себѣ кумиръ и воздать человѣку поклоненіе большее чѣмъ достоинъ человѣку.

Когда при этомъ свиданіи двухъ курфюрстинь съ Петромъ зашелъ разговоръ о томъ, чѣмъ молодой царь любитъ больше всего заниматься, Петръ показавъ свои руки жесткія отъ работы. Такимъ образомъ и предъ Западною Европою Петръ явился въ томъ же образѣ, въ какомъ явился передъ своею Россіею. Въ голландскомъ мѣстечкѣ Сардамѣ появился молодой, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; въ свободное отъ работы время плотникъ ходитъ по фабрикамъ и заводамъ, все ему нужно видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается, самому принять участіе въ производствѣ. Изъ Сардама плотникъ перешелъ на амстердамскія верфи; и тутъ занимался не однимъ плотничествомъ; его видѣли повсюду, въ госпиталяхъ, воспитательныхъ домахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ, на профессорскихъ лекціяхъ, которыя иногда читались для него на яхтѣ, во время пути, ибо надобно было дорожить каждою минутою. Ненасытная жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; только и слышалось: „это я долженъ видѣть“, и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. Но обиліе любопытныхъ предметовъ, которые представляла ему западная Европа, не подавило его духа; онъ не забывалъ, что прежде всего онъ русскій, и царь, и потому идетъ дѣятельная переписка съ людьми, оставленными работать въ Россіи, доканчивать то, что было начато до поѣздки за границу. Въ Россіи уже были оставлены имъ усердные работники; молодой царь уже отличался этою изумительною вѣрностію взгляда при выборѣ людей, которая помогла ему набрать столько сотрудниковъ, наготовить способныхъ людей не на одно только свое царствованіе, оставить Россіи драгоценное наслѣдство, которымъ она жила долго и по смерти преобразователя. Извѣстна эта способность Петра съ перваго взгляда, посмотрѣвъ внимательно на лицо человѣку, даже ребенку, угадывать въ немъ полезнаго дѣятеля. При этомъ Петру помогала широта выбора; онъ не стѣснялся ни чѣмъ, бралъ способности одинаково сверху и снизу; не стѣснялся и возрастомъ, приготавливая молодое поколѣніе работниковъ по всѣмъ частямъ государственной дѣятельности онъ не обходилъ и старика, который могъ изумить молодыхъ своею неутомимою дѣятельностію. Такъ въ это время изумлялъ ея старикъ Виніусъ, обрусѣлый иноземецъ, открывшій сибирскія минеральныя богатства: „Особенно болить сердце, писалъ Виніусъ Петру за границу, что иноземцы высокою цѣною продавъ шведское желѣзо

и побравъ деньги, за границу поѣхали, а наше сибирское желѣзо гораздо лучше шведскаго*. Петръ хлопоталъ, чтобъ у Винуса не болѣло сердце, хлопоталъ о наборѣ иностранныхъ мастеровъ, которые бы помогли на первый разъ разработать русскія минеральныя богатства. Олонецкіе заводы уже начали свою дѣятельность. Такимъ образомъ Петръ, работая на иностранныхъ верфяхъ, не спускалъ глазъ съ Россіи, участвовалъ и въ работѣ, въ ней производившейся. На печатяхъ писемъ, присылаемыхъ Петромъ въ Россію, читалась надпись: „Азъ бо есмь въ чину учинныхъ, и учащихъ мя требую“. Къ патриарху онъ писалъ: „мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатию Божію и вашими молитвами при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды; но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусаясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, и христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатию Его, быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану“. Въ началѣ 1698 года Петръ уже въ Англии, работаетъ на дептфортской верфи, ованчиваетъ здѣсь кораблестроительную науку, дѣлаетъ, какъ и на твердой землѣ, большой наборъ мастеровъ. Проведя три мѣсяца въ Англии, онъ опять на твердой землѣ и направляетъ путь въ Вѣну: здѣсь надобно хлопотать, чтобъ императоръ не заключалъ отдѣльнаго мира съ Турками, чтобъ Россію не оставили одну въ войнѣ съ ними, при чемъ трудно было бы заключить скорный и выгодный миръ. Изъ Вѣны Петръ собрался въ Венецію, въ это южное морское государство—но вмѣсто Венеціи надобно было возвратиться въ Россію: тамъ бунтовали стрѣльцы.

Стрѣльцы и Петръ—мы привыкли въ этихъ явленіяхъ представлять себѣ что-то крайне враждебное другъ другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личныхъ отношеніяхъ стрѣльцовъ къ Петру. Первые впечатлѣнія, впечатлѣнія дѣтства бываютъ самыя сильныя, ими воспитывается, слагается человекъ. Намъ укажутъ ребенка, одареннаго необыкновенно сильною природою, огненнаго, страстнаго, и скажутъ, что этотъ ребенокъ, какъ только началъ понимать, находился среди тяжкихъ, раздражающихъ впечатлѣній, какъ только началъ понимать, существа самыя близкія, начинающая съ матери, питаютъ его горькими жалобами на гоненія, неправду и такимъ образомъ постоянно раздражаютъ его, держать это нѣжное, распускающееся растеніе подъ палящимъ, иссушающимъ вѣтромъ вражды, ненависти; намъ скажутъ, что этому ребенку наконецъ прояснили душу, порадовали, объявили, что гоненія кончились, онъ объявленъ царемъ, его мать весела, ея родные, ея благодѣтель возвращаются изъ ссылки, и вдругъ вслѣдъ за этимъ ужасныя, кровавыя сцены бунта, мать въ отчаяніи, ея братья, благодѣтель истерзаны: опять гоненія, опять безпрестанныя жалобы: какъ становится страшно за этого ребенка, воспитывающагося подъ такими впечатлѣніями, и чѣмъ сильнѣе его природа, тѣмъ страшнѣе за него. Какой губитель-

ный ядъ принялъ онъ и въ какомъ количествѣ! Говорятъ, что десятилѣтній Петръ сохранялъ изумительное спокойствіе, твердость во время стрѣлцаго бунта: тѣмъ хуже: лучше бы онъ кричалъ, плакалъ, бросался въ отчаяніи, ломалъ себѣ руки! онъ былъ твердъ и спокоенъ, а откуда это трясеніе головы, откуда эти конвульсіи въ лицѣ, эти гримасы, о которыхъ говорила намъ недавно нѣмецкая принцесса, и отъ которыхъ не въ его власти было удержаться? Петръ вышелъ изъ своей тяжелой школы отравленнымъ этою семейною борьбою между мачихой и падчерицами, этою кровью, которую стрѣльцы такъ усердно поливали передъ нимъ кремлевскую почву. Что-то выйдетъ изъ него? въ русской исторіи былъ уже примѣръ царственнаго ребенка, высоко даровитаго и страстнаго, воспитаннаго подобнымъ же образомъ: изъ этого ребенка вышелъ Іоаннъ Грозный. Не отыщется ли, къ счастью Россіи, какое-нибудь противоядіе? Кажется отыскалось: это кипучая практическая дѣятельность, постоянное пребываніе въ работѣ, а трудъ есть могущественное средство успокоенія, просвѣтленія души, трудъ, соотвѣтствующій, разумѣется, силамъ, а какой трудъ могъ соотвѣтствовать силамъ Петра: трудъ преобразования! Древняя Россія дала ядъ великому человѣку въ стрѣлцкомъ бунтѣ, она же представила и противоядіе въ своей потребности преобразования, въ своей готовности къ нему. Пусть же молодой человѣкъ пребываетъ въ работѣ, эта работа вылѣчиваетъ его отъ яда, принятаго въ дѣтствѣ; пусть не знаетъ покоя, бросается къ широкому морю, пусть строить корабль, на которомъ человѣкъ борется съ страшною вольнующею стихіею и владеетъ ею, пусть молодой царь упражняетъ свои силы въ этомъ трудѣ, въ этой борьбѣ, столь достойной человѣка; чѣмъ болѣе, чѣмъ многообразнѣе онъ будетъ трудиться, чѣмъ далѣе уйдетъ, чѣмъ болѣе предметовъ завидитъ и усвоитъ себѣ, тѣмъ скорѣе успокоится, скорѣе просвѣтлѣетъ душою, скорѣе дастся перевѣсъ добрымъ въ ней началамъ, скорѣе онъ забудетъ о стрѣлцкомъ бунтѣ, о кремлевской крови.

Но ему не дадутъ забыть: только, что собрался за границу, какъ узнаетъ, что люди недовольные имъ и его дѣломъ дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ, ихъ надежда на стрѣльцовъ и козаковъ, надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другаго. Смутники были перевязаны; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его: онъ собирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови; ему не дадутъ окончить путешествіе; его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжелое преобразование: изъ стрѣльцовъ превратятся въ... Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ на вараулъ

и свободенъ; у него свой домъ въ свободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь восточная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта — въ Азовъ; ждутъ не дождутся когда отступятъ ихъ домой въ Москву, а тутъ указъ, велеть имъ идти на другой край свѣта—на Литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфюрста Саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и привесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и бить мнѣ челомя, чтобъ я шла по прежнему на державство; а еслибы солдаты пускаться къ Москвѣ не стали, то ихъ побить“. Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую свободу разорить и Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закосябло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погнѣбають и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотябы умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ козакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ Нѣмцевъ, сложился съ Нѣмцами“. Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты подъ начальствомъ боярина Шенна, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску; винились въ бунтѣ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеннъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣльческихъ волненіяхъ, это было болѣе мѣсто, рана раскрылась. Петръ слѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили расти въ униженіи, пренебреженіи, отняли средства учиться во время, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ Нѣмцевъ, сложился съ ними, которые стали поперекъ его дѣлу, позорять это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клеветуютъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, Нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религиозно-нравственными правилами, христіанскимъ уваженіемъ, любовію къ ближнему, страхомъ Божиимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ, вырѣжь, выжги, порази толпу ужасомъ, ко-

торый бы отнял всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной цѣли, есть люди злонамѣренные, которые будутъ ей противиться: истреби ихъ, не оставяй врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ поканчиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой.

Но кровь не проливается даромъ, она вопіетъ. Пролитіе крови очищаетъ, какъ свободная жертва, оно сквернитъ какъ дѣло насилія. Проходитъ минута гнѣва, страсти, и другія чувства поднимаются въ душѣ человѣка и зовутъ его на судъ, передъ которымъ прежнія мудрствованія о правдѣ дѣла являются мудрствованіями лукавыми. Стрѣльцкое дѣло дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: онъ былъ мраченъ и скорбенъ, подвергался страшнымъ припадкамъ болѣзненнаго раздраженія; онъ упалъ духомъ, имъ овладѣло сомнѣніе, достанетъ ли у него силъ совершить задуманное, то, что мы называемъ преобразованіемъ. Сомнѣніе естественно поддерживалось различіемъ между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ западной Европѣ, и тѣмъ, что нашелъ въ Россіи. Прежде, до путешествія, это различіе не могло представляться ему такъ ясно, такъ рѣзко. Но сильная природа брала верхъ; Петръ не могъ оставаться долго въ тоскѣ и раздумьѣ. Онъ поѣхалъ въ Воронежъ. Успѣшныи ходъ тамошнихъ работъ относительно флота и магазиновъ развеселилъ его, но не совсѣмъ, что видно изъ писемъ его оттуда; такъ въ одномъ онъ пишетъ, что несмотря на зѣло изрядное состояніе флота и магазиновъ, облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль, не слишкомъ ли замедлится плодъ, какъ плодъ финика, котораго не видятъ насаждающіе дерзвo. Въ другомъ письмѣ Петръ пишетъ, что ждетъ добраго утра, чтобъ прогнанъ былъ мракъ сомнѣнія. Мракъ сомнѣнія исчезалъ, душа прояснялась обращеніемъ къ работѣ, къ сильной преобразовательной дѣятельности. Уже не разъ было нами говорено, что въ основѣ преобразованій должно было находиться преобразование экономическое. Для того чтобъ видѣть плодъ отъ преднамѣренныхъ великихъ дѣлъ, необходимыхъ въ народной жизни, нужны были большія финансовыя средства, которыхъ бѣдное, земледѣльческое государство дать не могло. Чтобы добыть эти средства нужно было вывести государство изъ этой односторонности поднятіемъ промышленнаго и торговаго движенія, поднятіемъ города, который въ послѣдствіи могъ поднять и освободить село. Что же могло и должно было правительствомъ сдѣлать для города? Оно должно было обратить большее вниманіе на безпрестанныя, продолжавшіяся въва жалобы горожанъ на притѣсненія отъ воеводъ и приказныхъ людей, на дурное состояніе правосудія, одну изъ главныхъ помѣхъ народному благосостоянію; должно было вмѣсто полумѣръ употребить рѣшительныя мѣры для освобожденія горожанъ отъ кормленщиковъ, и 30 января 1699 года выходитъ знаменитый указъ объ учрежденіи бурмистрской палаты. Отъ воеводъ и приказныхъ людей, отъ проволочки дѣлъ и взяточничества, отъ притѣсненій и промышленнымъ людямъ убытки и ра-

зоренье: государь велѣлъ сказать указъ всѣмъ промышленнымъ людямъ, чтобъ вѣдали въ всѣхъ своихъ дѣлахъ и тяжбахъ и сборахъ доходовъ своими выборными людьми въ земскихъ избахъ. Малые города приписывались къ большимъ и составляли съ ними провинцію, при чемъ земскіе бурмистры большихъ городовъ вѣдали земскихъ бурмистровъ городовъ приписанныхъ во всякихъ дѣлахъ и сборахъ, и въ свою очередь находились въ вѣдѣніи московской бурмистрской палаты или ратуши, составленной изъ бурмистровъ, выбранныхъ московскими горожанами; одинъ изъ этихъ бурмистровъ былъ президентомъ и смѣнялся ежемѣсячно. Въ палату входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе какъ по именному царскому указу. Палата входила съ докладами прямо къ государю.

Историкъ не можетъ ограничиться одною экономическою или финансовою стороною этого учрежденія. Бурмистрскую палатуо начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать собственныя силы, приучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными средствами, отучать отъ жизни особой, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Начинается школа, гдѣ человѣкъ воспитывается для общественной дѣятельности, посредствомъ которой общество получаетъ способность воспитывать человѣка. Тяжелая болѣзнь древней Россіи происходила отъ розни силъ, необходимымъ слѣдствіемъ была слабость, бѣдность результатовъ народной дѣятельности. Причина болѣзни сознается и предлагается лѣкарство— соединеніе силъ, приученіе къ дѣятельности сообща, къ дѣятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русскіе торговые люди признавались, что имъ съ иностранными купцами не стanutъ, потому что тѣ торгуютъ сообща. Теперь Петръ предписываетъ: „Купцамъ торговать также, какъ торгуютъ въ другихъ государствахъ купцы, компаніями; имѣть о томъ всѣмъ купцамъ между собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ“. Не на одномъ военномъ или дипломатическомъ поприщѣ русскому человѣку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельнаго развитія. Эту школу встрѣчаемъ и будемъ встрѣчать повсюду; повсюду преобразователь будетъ требовать дѣятельности сообща, коллегіальной, формы вслѣдствіе уразумѣнія, что причина болѣзни въ разрозненности дѣйствія, а средство къ исцѣленію дѣятельность сообща и дѣятельность самостоятельная. Въ характерѣ великаго человѣка мы увидали явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошаго воспитанія; мы увидали эту темную сторону великаго человѣка; но великій человѣкъ остается великимъ человекомъ; его величіе оказалось въ томъ, что онъ понялъ неспособность общества давать хорошее воспитаніе и употребилъ всѣ средства искоренить эту неспособность: поэтому исторія признаетъ за нимъ высокій титулъ народнаго воспитателя.

ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей мы видѣли, что Петръ еще въ концѣ XVII вѣка приступилъ къ преобразованіямъ, которыя должны были имѣть воспитательное значеніе для общества. Но мы еще не касались того преобразованія, которое произошло тотчасъ по возвращеніи изъ за границы, и которое чаще, чѣмъ другія преобразованія, было предметомъ толковъ у современниковъ и потомковъ: я говорю о знаменитомъ бранобрітіи и перемѣнѣ платья. У потомства толки были частые по самой простой причинѣ: дѣло близкое, доступное, легкое, не требующее обширнаго знанія исторіи преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили въ подробности петровскихъ преобразованій, не задавали себѣ вопроса о ихъ значеніи или отзывались объ нихъ вообще съ сочувствіемъ, позволяли себѣ вопросы: но зачѣмъ Петръ велѣлъ бороды брить, что онѣ ему помѣшали? зачѣмъ перемѣнили старое русское платье на иностранное? Историкъ не можетъ отдѣлаться отъ этого вопроса, указавши на его незначительность; не можетъ сказать: занимаясь изученіемъ такой громадной, важной дѣятельности, стоитъ толковать о бородѣ и платьѣ? Стоитъ толковать, какъ стоитъ толковать о всѣхъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, человѣческаго творчества. Одеждою человѣкъ дополняетъ свое существо, потребностію одежды отличается отъ другихъ животныхъ и тѣмъ прямо указываетъ на отношеніе одежды къ высшей, чисто человѣческой сторонѣ своей природы, въ одежду человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразить и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды видѣется его тщеславіе: такимъ образомъ одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопросъ объ одеждѣ имѣлъ такое важное значеніе при переходѣ русскихъ людей изъ древней своей исторіи въ новую, почему съ него началось, можно сказать, это движеніе. Мы видимъ, что движеніе началось прежде Петра, до него русскіе люди стали работать новому началу, и перемѣна внутренняя необходима должна была выразиться во внѣшнемъ, требовалось новое знамя, и этимъ знаменемъ прежде всего должно было служить измѣненіе наружности, измѣненіе одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли подъ него; но другіе упирались; мы знаемъ, какъ при подобныхъ движеніяхъ въ народахъ проходить рознь и страшная борьба, и если одни выставляютъ свое знамя, то другіе въ ожесточеніемъ его отстаиваютъ и съ такою же яростію стараются сорвать знамя противниковъ; не

говоримъ уже о томъ, что въ обществахъ подобныхъ древнему русскому, сильно обнаруживается извѣстное стремленіе къ идолопоклонству, т. е. смѣшеніе внутренняго съ внѣшнимъ, существеннаго съ несущественнымъ, образа съ изображаемымъ, случайное, измѣняющееся представляется священнымъ, неприкосновеннымъ, стремленіе, которое такъ ясно выразилось въ раскольникствѣ, старообрядствѣ. Сто лѣтъ прежде описываемаго времени, на грани XVI и XVII вѣковъ, въ царствованіе Бориса Годунова, когда рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости учиться у иностранцевъ, т. е. когда въ сознаніи народномъ дано было иностранцамъ преимущество какъ учителямъ, начинается въ Москвѣ бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки ревнителей старины. Послѣ смутнаго времени и послѣ отдыха отъ него при царѣ Михаилѣ, вопросъ о необходимости сближенія съ западомъ поднимается снова, снова рѣшается также утвердительно, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ усиливается брадобритіе и также слышатся сильныя выходки противъ этого гнуснаго, эллинскаго обычая, какъ выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится къ новому и въ то же время пугается выходокъ ревнителей старины противъ знамени новаго, и въ угоду имъ не только запрещаетъ брадобритіе, но отнимаетъ чины за подрѣзываніе волосъ. Но это гоненіе на короткіе волосы разумѣется только раздражало людей, стремившихся къ новому, заставляло ихъ относиться къ длинной бородѣ и старому длинному платью также враждебно, какъ ревнители старины относились къ гнусному, эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движеніе. Въ 1681 году царь Федоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всѣмъ вельможамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежняго длиннаго платья (охабней и однорядокъ), въ которомъ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Длинное платье замѣняется короткимъ: здѣсь весь смыслъ дѣла. Тѣ, которые жалуются на смѣну русскаго народнаго платья иностраннымъ, не обращаютъ вниманія на то, что здѣсь произошла перемѣна стариннаго платья не на платье какого-нибудь отдѣльнаго чужаго народа, но на обще-европейское въ различіе отъ обще-азиатскаго, къ которому принадлежала древнерусская одежда. Въ чемъ же состоитъ главное различіе обще-европейской отъ обще-азиатской одежды: въ первой господствуетъ узкость и короткость, во второй широта и длинота. Что же это: случайность, или здѣсь выраженіе духа народовъ, духа ихъ дѣятельности, ихъ исторіи? Длинная и широкая одежда есть выраженіе жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновенія, сна; короткая и узкая одежда есть выраженіе бодрствованія, выраженіе сильной дѣятельности. Объясненіе сказанному представляетъ явленіе, безпрестанно совершающееся передъ нашими глазами: что дѣлаетъ человѣкъ, носящій длинную одежду, когда онъ хочетъ работать или идти пѣшомъ? онъ подбираетъ свою длинную одежду. То же самое сдѣлало европейское человѣчество въ стремленіи къ той

сильной работѣ, которою оно такъ отличалось передъ азиатскимъ человечествомъ, получило преобладаніе надъ нимъ: европейское человечество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрѣзывало его и дошло до фрака, который называютъ безобразнымъ. Историкъ не станетъ спорить съ художникомъ относительно красоты или безобразія; но его обязанность указать на смыслъ явленія. Широкая и длинная одежда должна была остаться въ Европѣ, какъ выраженіе особеннаго величія, спокойствія и торжественности въ противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждою царя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; она осталась одеждою служителей алтаря; она осталась одеждою женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и бѣготни, которая выпали на долю мужчины въ его преимущественно внѣшней, общественной жизни. Раздѣленіе занятій между мужчиною и женщиною, это основное условіе развитія общества, раздѣленіе занятій, которое, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, служитъ самою крѣпкою связью между раздѣляющими занятіе и условіемъ успѣха въ дѣлѣ, это раздѣленіе занятій естественно и необходимо выражается въ одеждѣ, и замѣчено, что у народовъ менѣе развитыхъ, мы видимъ и меньшее различіе въ мужской и женской одеждѣ.

Въ постановленіи царя Θεодора Алексѣевича о ношеніи короткой одежды высказалось стремленіе измѣнить азиатскій покрой одежды на европейскій. Укороченіе платья предвѣщало укороченіе бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки противъ брѣдобритія, посредствомъ котораго, по ихъ мнѣнію, губили образъ, отъ Бога мужу дарованный; тщетно отлучали отъ церкви не только брѣющихъ бороды, но и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брѣдобрійцами, тщетно вопили противъ еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; тщетно стращали вопросомъ: если русскіе обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками ли, украшенными брадою или съ обрѣтыми еретиками?— Всѣ эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздраженіе въ противной сторонѣ, только увеличивали значеніе бороды какъ знамени, и когда приверженцы новаго возьмутъ верхъ, то, разумѣется, они бросятся на враждебное знамя и сорвутъ его, выставятъ свое. И Петръ сорвалъ это знамя, когда возвратился изъ за границы въ Москву въ страшномъ раздраженіи противъ людей, выставившихъ это знамя, какъ знамя православія и народности, въ страшномъ раздраженіи противъ стрѣльцовъ. Затѣмъ послѣдовали указы и о ношеніи европейскаго платья, указы, не могшіе очень поразить новизною послѣ указовъ царя Θεодора.

Въ концѣ 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ дѣлалось до сихъ поръ, а отъ Рожденія Христова, и новый годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января. Имъ же издалъ указъ, „извѣстно великому государю, что въ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но

и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Валахи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы (Малороссiяне) и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята,—всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляють отъ Рождества Христова восемь дней спустя. Преобразователь зналъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣеть дѣло, зналъ, какъ трудно сдвинуть народъ съ вѣковыхъ привычекъ даже и въ томъ случаѣ, когда христіанскому народу предлагалось вести лѣтосчисленіе отъ рождества начальника вѣры и спасенія; нужно было ослабить отталкивающій примѣръ, нѣмецъ, еретиковъ, и вотъ впервые предъ русскимъ народомъ выставляется примѣръ, авторитетъ народовъ близкихъ, родныхъ, примѣръ православныхъ Славянъ. На границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ древней и новой Россіи раздался призывъ русскимъ людямъ къ единенію съ родными народами. Была и другая новость въ послѣдній годъ XVII вѣка: учрежденъ русскій „славный чинъ“ св. Апостола Андрея. Первымъ кавалеромъ былъ ближній бояринъ и воинскаго морскаго каравана (флота) генераль-адмиралъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ. Первымъ генераль-адмираломъ былъ другъ юности Петра—Лефортъ, который умеръ въ мартѣ 1699 года. Съ его смертію порвалась эта личная, такъ сказать, связь Петра съ иностранцами, кончился періодъ вліянія нѣмецкой слободы. Заграничное путешествіе, это расширеніе сферы при практической дѣятельности окончило воспитаніе Петра; какъ человѣкъ силы онъ воспользовался всѣмъ, что представилъ ему богатый цивилизаціею западъ, но возвратился болѣе русскимъ, чѣмъ выѣхалъ изъ Россіи. Имя Лефорта долго еще будетъ на языкѣ враговъ преобразования, но это будетъ съ ихъ стороны уже злоупотребленіе, злонамѣренность, ибо соблазнъ дружбы съ иностранцемъ исчезъ навсегда. При царѣ на первомъ планѣ русскій человѣкъ, Головинъ, превосходившій всѣхъ русскихъ людей своею бывалостію: онъ заключилъ договоръ съ Китайцами на границахъ Сибири, онъ же велъ переговоры въ Голландіи о союзѣ противъ Турокъ. Головинъ съ званіемъ генераль-адмирала соединялъ завѣдываніе иностранными дѣлами, являлся въ глазахъ иностранцевъ первымъ министромъ.

Царю и первому министру предстоитъ много дѣла, много испытаній въ первый годъ новаго вѣка: оканчивалась одна война и начиналась другая въ болѣе широкихъ размѣрахъ, болѣе опасная, небывалая для русскаго народа по своей продолжительности, великая сѣверная война. Мы привыкли слышать въ разные времена заявленіе правительствъ различныхъ державъ, что они избѣгаютъ войны, не желая развлекаться во внутренней дѣятельности, ибо положеніе страны требуетъ усиленія этой дѣятельности, требуетъ важныхъ преобразованій. И такія заявленія вполнѣ понятны: два дѣла вдругъ дѣлать трудно. Но положеніе Россіи въ началѣ XVIII вѣка было чрезвычайное, и человѣкъ, ставшій въ ея чегѣ, соответствовалъ этому положенію, былъ человѣкъ необыкновенный, могъ дѣлать вдругъ много дѣ-

обладая самъ громадными силами, имѣя горячую вѣру въ силы своего народа. Человѣкъ сильный нравственно избѣгаетъ опасностей, борьбы не нужной; но не боится ихъ, принимаетъ борьбу когда она необходима для достиженія извѣстныхъ цѣлей или когда мимо воли своей, извнѣ получаетъ вызовъ на борьбу. То же самое вѣрно и относительно цѣлыхъ народовъ. Народу, для выраженія своей силы, не нужно быть воинственнымъ, завоевателемъ; человѣкъ-драчунъ далеко не всегда бываетъ сильнымъ человѣкомъ; народъ—драчунъ, охотникъ нападать не всегда бываетъ способенъ защищаться; но сильный народъ, сильное народное правительство никогда не боится войны, не пугаютъ себя словами: гдѣ намъ, мы не готовы, насъ побьютъ. Бываетъ въ народѣ готовность къ войнѣ внѣшняя матеріальная и бываетъ внутренняя, нравственная: первая безъ второй ничего не значитъ, вторая можетъ восполнить первую, создать ее въ короткое время. Въ нашей исторіи выдаются двѣ великія войны, въ началѣ обихъ вѣвовъ нашей европейской жизни, великая сѣверная война и война 12 года: къ обѣмъ Россія не была готова, средства ея не были въ уровень съ средствами противниковъ, и, несмотря на то, изъ обѣихъ войнъ она вышла побѣдительною. Борьба сильная, опасная борьба вызываетъ нравственные силы народа, очищаетъ, поднимаетъ его, отвлекаетъ отъ мелочныхъ заботъ ежедневной жизни, борьба ведетъ его къ алтарю, дѣлаетъ жрецомъ, потому что заставляетъ приносить жертвы; никогда въ народѣ не живется такъ тепло, такъ дружно, такъ сплоченно какъ во время борьбы, никогда правительство и народъ не соприкасаются такъ близко въ общей дѣятельности; никогда знамя народности не развивается такъ высоко; борьба, какъ гроза, очищаетъ нравственную атмосферу народа, бодритъ, выпрямляетъ его нравственно; борьба есть праздникъ народный, ибо освобождаетъ его отъ будничнаго, низкаго настроенія духа, и горе народу, который не способенъ пробудиться и встать на праздничный благовѣсть, народу, который ропщетъ: зачѣмъ такъ рано звонять, не дадутъ покоя, не дадутъ отдохнуть, приготовиться. А если спросить, отъ чего онъ такъ усталъ? но лучше не спрашивать.

Сильный человѣкъ, представитель сильнаго народа, Петръ ясно понималъ значеніе борьбы, и не боялся ея, не сдерживался страхомъ предъ матеріальною, видимою неприготовленностію. Петръ былъ представитель сильнаго народа, но не народа-драчуна, не воинственнаго, не завоевательнаго народа, ибо кто же изъ насъ не знаетъ, что въ насъ, въ нашемъ народѣ меньше всего драчливости, воинственнаго задора. Иностранцы, по незнанію нашей исторіи, позволили себѣ увлечься внѣшнимъ взглядомъ и никакъ до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ мысли о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, о стремленіяхъ къ всемірному владычеству. Здѣсь географія ввела ихъ въ заблужденіе на счетъ ~~нашей исторіи~~. Дѣйствительно первый взглядъ на карту поражаетъ: ~~Россія имѣетъ~~ такую небывалую обширность государственной ~~территоріи~~ въ области другихъ европейскихъ государствъ

ничтожны: отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредством завоеванія, какъ образовывались древнія колоссальныя государства, Персидское, Македонское, Римское. При этомъ географическомъ взглядѣ и остались, не провѣривъ его исторію; тогда какъ исторія говоритъ, что Россія, какъ сплошная равнина, орошаемая большими, переплетающимися въ своихъ системахъ рѣками, родилась уже съ огромною государственною областію, послѣ рожденія подверглась общему процессу видимаго раздѣленія вслѣдствіе государственной слабости; а потомъ при извѣстныхъ благоприятныхъ условіяхъ происходило постепенное государственное сплоченіе, собраніе русской земли подъ одну власть; до сихъ поръ не всѣ области, дѣйствовавшія какъ чисто русскія въ нашей начальной исторіи, входятъ въ составъ русскаго государства: остается въ составѣ чужаго государства Червоная Русь, то знаменитое галицкое княжество, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ нашихъ лѣтописяхъ. Но укажутъ на распространеніе русской государственной области далеко на востокъ, вплоть до Восточнаго Океана, укажутъ на входящія теперь въ составъ русской имперіи земли, которыхъ мы не видимъ за Русью при ея первыхъ князьяхъ, земли, которыя не имѣли славяно-русскаго народонаселенія: какъ же приобрѣтены онѣ? Разумѣется завоеваніемъ. Тутъ уже не иностранцы, а сами русскіе натолковываютъ самимъ себѣ и другимъ о завоеваніи, безъ точнаго опредѣленія, какъ разумѣть завоеваніе. Съ дѣтства заучиваютъ, что царь Иванъ IV завоевалъ три царства — Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточныхъ границахъ московскаго государства образовалось татарское разбойничье гнѣздо, отъ котораго русскимъ людямъ не было покоя; долго терпѣли, наконецъ собрали силы, двинулись и отняли у разбойниковъ ихъ гнѣздо: это называется завоеваніемъ царства Казанскаго. Астрахань поддалась сама; на сѣверо-востокѣ Камская область была занята мирными колонистами, промышленниками, область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто въ ней поселится; эти промышленники, не имѣя покоя отъ сибирскихъ хищныхъ Татаръ, которые своими набѣгами мѣшали имъ соль вѣрить, наняли небольшую толпу казаковъ, которые заняли разбойничье гнѣздо, прогнали оттуда князья, и хотя сами потомъ погибли, но это дѣло называется покореніемъ царства сибирскаго. Такъ слово можетъ вести къ неправильному представленію, когда подробнымъ изученіемъ явленія не опредѣлится точно, въ какомъ смыслѣ употреблять слово. Присматриваясь внимательно къ явленію, мы видимъ на первомъ планѣ не завоеваніе однимъ воинственнымъ, сильнымъ государствомъ другихъ большихъ государствъ, болѣе или менѣе цивилизованныхъ, мы видимъ на первомъ планѣ колонизацію, занятіе пустынныхъ пространствъ подъ мирный трудъ; народы или лучше сказать народцы, встрѣчающіеся на этихъ необъятныхъ пространствахъ, по своему характеру, стоя на низкой ступени политическаго развитія, неволью влекутъ народъ, стоящій выше ихъ, влекутъ все далѣе и далѣе на

занятіе новыхъ земель: они своимъ хищничествомъ не даютъ ему покоя; заставить ихъ уважать право, договоръ, нельзя, они умѣютъ жить только или въ постоянной враждѣ къ сосѣду или въ рабской подчиненности, и невольно ихъ приходится покорять. Таковъ господствующій характеръ русскихъ отношеній къ восточнымъ народамъ даже до нашихъ дней, характеръ любопытный, потому что въ покореніи врага здѣсь заключается необходимая оборона отъ него.

Такъ при невоинственномъ характерѣ народа, а слѣдовательно и правительства образовалась громадная государственная область, и мы знаемъ какъ эта громадность неблагопріятно дѣйствовала на развитие народной жизни, на всѣ ея отправления. Государственныя требованія, слишкомъ тяжело падавшія на малочисленное, разбросанное и потому бѣдное народонаселеніе заставляли послѣднее еще болѣе разбрасываться, уходить все дальше и дальше, что было легко русскому чело-вѣку: ему не нужно было переплывать Океанъ, какъ должны были дѣлать западные колонисты, или переселяться къ чужимъ народамъ, въ совершенно чуждую нравственную сферу; передъ глазами были необъятныя и пустыя пространства, гдѣ безпрепятственно можно было утвердиться, безпрепятственно сохранить свой народный образъ. Эта происшедшая связаннымъ образомъ обширность русской государственной области, въ свою очередь, отнимала у народа воинственность, отнимая побужденіе къ захвату чужаго, къ насильственному расширенію владѣній и безъ того слишкомъ обширныхъ. И несмотря на то Россія ознаменовываетъ начало своей новой жизни воинственнымъ движеніемъ, двадцать слишкомъ лѣтъ ведетъ тяжкую, упорную борьбу, которую оканчиваетъ важными земельными приобрѣтеніями. Но мы видѣли главный характеръ переворота, совершавшагося въ жизни народа русскаго, видѣли стремленіе къ морю и смыслъ этого стремленія. Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ, въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества; въ послѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря устремилась къ нему, — Поляки и Шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю, слѣдовательно мы естественно должны ожидать, что когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслию о внутреннемъ преобразованіи, Петръ начинаетъ войну съ Шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ, соединяя древнюю и новую Россію правильнымъ историческимъ движеніемъ, ибо правильность историческаго

развитія народа, правильность въ преимствѣ дѣятельности различныхъ эпохъ народной жизни состоитъ въ томъ, что въ известную эпоху вырабатывается народомъ, какъ мысль, какъ стремленіе, осуществляется въ послѣдующую эпоху. Петръ не усумнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣдствѣхъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно какъ похоть правителю; онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ, не импранивать цивилизаціи какъ милости, но предъявить на нее свои безспорныя права. Вотъ программа курса въ этой школѣ: сначала учителя намъ зададутъ тяжелые уроки; сначала насъ будутъ бить; но мы будемъ учиться прилежно, и сперва станемъ бить учителей превосходными матеріальными силами, потомъ дойдемъ до того, что будемъ бить ихъ съ равными силами, а наконецъ приобрѣтемъ такое искусство, что станемъ побѣждать и съ меньшими силами. И такъ война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и такъ дурно защищенное природою какъ Россія, можетъ поддержать свою самостоятельность, свое значеніе только постоянною готовностію принять бой при первомъ вызовѣ, мало того, только этою готовностію можетъ отклонить вызовъ, поддержать миръ для себя и для другихъ. Но война въ описываемое время не имѣла тѣснаго значенія только военной школы для народа: война сильная, опасная война служить для преобразователя могущественнымъ средствомъ вести преобразование, вести эту школу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ безъ приниженія народнаго духа, которое было такъ естественно въ страдательномъ положеніи русскихъ людей относительно чужихъ образованнѣйшихъ народовъ, въ положеніи учениковъ предъ учителями. Царь увѣровалъ въ Нѣмцевъ, сложился съ ними,—говорятъ противники преобразования. Но эти злонамѣренные толки не имѣютъ смысла предъ дѣйствительностію, которая у всѣхъ въ глазахъ: царь воюетъ съ Нѣмцами, бьетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ города и земли. Война трудная, опасная, врагъ силенъ, онъ легко можетъ придти къ намъ; вотъ онъ уже вошелъ въ русскіе предѣлы, одна проигранная битва—и онъ очутится подъ Москвою; силы живаго народа потрясутся отъ опасной ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такія времена поднятія народныхъ силъ бывають удобны для великихъ дѣлъ, потому что располагають къ великимъ жертвамъ, и царь умѣетъ пользоваться временемъ, умѣетъ ковать желѣзо пока горячо! Народъ въ тяжкой работѣ, засажень въ школу съ иностранными учителями, которыхъ преимущества долженъ признать, слѣдовательно необходимо принижается предъ ними. Чтожъ дастъ ему отраду, что заставить его поднять голову и съ уваженіемъ посмотрѣть на самаго себя. Успѣхи мирнаго труда? но они разбросаны, не видны,

далеко не у всѣхъ предъ глазами, не производить сильнаго впечатлѣнія; кто знаетъ, что тамъ роютъ каналы, здѣсь кака-нибудь фабрика идетъ очень успѣшно, кто знаетъ, что съ богатымъ результатомъ разрабатываются минеральныя богатства далекой Сибири? Не то война, военные успѣхи: одержана побѣда — общенародное торжество, всѣ это знаютъ, всѣ поднимаютъ головы, не войско только побѣдило, цѣлый народъ побѣдилъ, вотъ до чего мы дошли въ такое короткое время, благодаря тому что трудимся, учимся! и ученикъ, сознавая все яснѣе и яснѣе необходимость ученія, не принижень предъ учителемъ, онъ ровень съ нимъ, онъ выше его, ученіе становится дѣломъ легкимъ, дѣломъ силы и свободы; народный духъ, народное самоуваженіе спасены въ самое опасное для нихъ время, время народнаго ученичества у другихъ народовъ.

Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціей, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ, характеръ морской войны, приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обращалъ на него сильное вниманіе, но продолженіе турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопутнаго войска: такою школою могла быть только европейская война, и именно война шведская, въ которой достигалась двойная цѣль, войско получало хорошую школу и слѣдствіемъ хорошаго происхожденія этой школы было утверженіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ Турками; долженъ былъ слѣзть этимъ и Петръ. Для скорѣйшаго и выгоднѣйшаго заключенія мира Петръ хотѣлъ изумить и напугать Турокъ: онъ отправилъ своего посланника Украинцева въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ: „Крѣпость“. Русскій военный корабль на якорѣ противъ Серала раздражилъ, испугалъ не однихъ Турокъ, восточный вопросъ пережѣнилъ видъ: до тѣхъ поръ европейскія державы, боясь Турокъ, постоянно и усердно приглашали русскіхъ царей къ войнѣ съ ними, при чемъ указывали на тѣсную связь Россіи съ христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи по единству не только вѣры, но исповѣданія, указывали на обязанность Россіи возстановить восточную греческую имперію на развалинахъ турецкой; но теперь, когда Россія исполнила наконецъ требованія, вошла въ европейскій союзъ противъ Турокъ, когда Турки со всѣхъ сторонъ потерпѣли неудачи, выказали свою слабость, и когда Россія обнаружила удивительную силу, удивительную дѣятельность, когда русскій военный карабль явился предъ Константинополемъ, когда Россія оказалась готовою выполнить эту начертанную ей въ Европѣ программу, Европа съ негодованіемъ и ужасомъ отвернулась отъ этой программы и начертала для себя другую, — поддерживать всѣми средствами Турцію противъ Россіи. Украинцевъ долженъ былъ познакомиться съ этою новою программою восточнаго вопроса: „Отъ послѣдствій французскаго, англійскаго, венеціанскаго,

писалъ Украинцевъ Петру, помощи мнѣ никакой нѣтъ и не только помощи, не присылають даже никакихъ извѣстій. Послы англійскій и голландскій во всемъ держать вѣрно турецкую сторону, и больше хотятъ всякаго добра Туркамъ, нежели тебѣ, великому государю; завидуютъ, ненавидятъ то, что у тебя завелось корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельска, думаютъ, что отъ этого будетъ имъ въ ихъ морской торговлѣ помѣшка. Но Турки были страшно истощены и заключили миръ, уступили Россіи Азовъ со всякими старыми и новыми, уже построенными Петромъ городками; а Крымскій ханъ долженъ былъ отказаться отъ дани, которую до сихъ поръ платила ему Россія подъ благовиднымъ названіемъ поминковъ или подарковъ. И здѣсь прошла граница между древнею и новою Россією. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предъ христіанскою Византією явились впервые русскія лодки; это было знакомъ, что на сѣверѣ, въ этой Скифій и Сарматіи, гдѣ господствовали кочевныя азіатскія орды, явилось владѣніе съ европейскимъ характеромъ, на которое легла обязанность постоянной, ожесточенной борьбы съ степными кочевными ордами, обязанность защищать отъ нихъ Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственныхъ корней на югъ, на берегахъ Днѣпра, въ слѣдствіе чего силы народныя и главная историческая сцена перенеслись съ юго-запада на сѣверо-востокъ; и здѣсь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань; но здѣсь имъ было не такъ удобно, какъ на югъ, здѣсь они запутывались въ непроходимыхъ лѣсахъ и вязли въ болотахъ; здѣсь безпрепятственнѣ могла собраться русская земля въ одно государство, и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную, ожесточенную борьбу съ степными варварами, видала ихъ не разъ подъ своими стѣнами, превращалась ими въ пепель, и хотя на востокъ дѣла шли успѣшно, хотя тамъ татарскія орды съ громкимъ названіемъ царствъ, покорялись царю московскому, но на югъ въ Крымскую орду продолжались посылаться поминки. Эта посылка прекратилась, когда русскій военный корабль появился передъ магометанскимъ Стамбуломъ. Такъ Петръ отпраздновалъ девятилѣтней юбилей перваго появленія русскихъ лодокъ передъ Константинополемъ. Но ему предстояло съ большимъ торжествомъ отпраздновать юбилей на другомъ морѣ, откуда пошла русская земля, и куда должна была возвратиться для пріобрѣтенія средствъ къ продолженію исторической жизни. Здѣсь нужно было отпраздновать девятилѣтней юбилей также появленіемъ русскаго военнаго корабля, появленіемъ русскаго войска, сильнаго своимъ европейскимъ искусствомъ. На юго-востокъ, со стороны степей, со стороны степнаго моря опасности исчезали, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь съ запада, благоразуміе требовало идти къ ней на встрѣчу, благоразуміе требовало приготовить средства чтобъ не посылать поминковъ на западъ, потому что и тамъ на западѣ большіе охотники до поминковъ, стоитъ только немного обнаружить слабость, сейчасъ припляхють за поминками.

18 Августа 1700 года въ Москвѣ сожженъ былъ „преизрядный фейерверкъ: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ турецкій миръ, приобрѣтеніе Азова, уничтоженіе обязанности посылать поминки въ Крымъ. На другой день 19 августа объявлена война Шведамъ. Заключеніемъ мира съ Турками поспѣшили, потому что союзники повинуюли Россію; потому же самому спѣшили объявленіемъ шведской войны, чтобъ не упустить союзниковъ, не однимъ бороться съ самою сильною державою на Сѣверѣ. Союзъ былъ необходимъ; но вѣрны ли были союзники? Донесенія Украинцева изъ Константинополя уже опредѣлили отношенія европейскихъ державъ къ Россіи; за союзниками нужно было также зорко смотрѣть, какъ и за врагами, и противъ нихъ нужны были тоже смѣлость, рѣшительность, ясное пониманіе русскихъ интересовъ, неуклонное ихъ преслѣдованіе. Россія могла быть спокойна: у ея царя не было недостатка въ этихъ качествахъ.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Кто же были союзники Петра въ Шведской войнѣ? Швеція заявила свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумомъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ Тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большее раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ, Даніи, Польшѣ и Россіи своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь смутнымъ временемъ и слабостію Россіи послѣ смуть, въ царствованіе Михаила Теодоровича, она отобрала у нея воронныя русскія владѣнія, чтобъ какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей разумѣется заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVIII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражившей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужаго, когда противъ Франціи образовывался великій союзъ, чтобъ не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній, на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естествен-

ные члены союза противъ Швеціи—это обобранныя ею государства, Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: они хотѣли возвратить свое, при чемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ приобрѣсти хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй половинѣ XVII вѣка, слабости, которая отнимала у нея всякую самостоятельность, дѣлала изъ нея арену, гдѣ ближнія и дальнія государства должны были бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевскихъ выборовъ. Такъ въ концѣ XVII вѣка сосѣднія государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами въ Польшѣ по состоянію тогдашнихъ дѣлъ въ Европѣ. Уже было сказано, что въ это время господствовало сильное раздраженіе противъ властолюбія Франціи, противъ ея короля, Людовика XIV. Постоянною союзницею Франціи была Турція, служившая для Франціи орудіемъ для отвлеченія Австріи отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, отъ союзовъ, заключавшихся противъ Франціи. Легко понять, какъ выгодно было для Франціи имѣть сильную партію въ Польшѣ, посадить тамъ королемъ кого-нибудь изъ своихъ принцевъ или, по крайней мѣрѣ, кого-нибудь изъ своей партіи, чтобы по содѣйствію съ Австріею приобрѣсти новое орудіе для отвлеченія ея силъ. Но легко понять также, какъ для Австріи было важно, чтобы французскіе замыслы не удались, чтобы на польскомъ престолѣ былъ кто-нибудь свой или чужой, только не Французъ и не изъ французской партіи. О томъ же должна была хлопотать и Россія, которая находилась въ одинакомъ съ Австріею положеніи относительно Турціи; она была также въ войнѣ съ Турціею и должна была надѣяться, что по ея отношеніямъ къ христіанскому народонаселенію Турціи, вражда между нею и Портою будетъ постоянная и самая сильная; а пустить на польскій престолъ французскаго кандидата, значило пустить естественнаго союзника Турціи. Вотъ почему Петръ такъ энергически объявилъ себя противъ французскаго кандидата на польскій престолъ, принца Конти; онъ уже придвинулъ свое войско къ границамъ Литвы, чтобы силою противиться его избранію, и торжествовалъ какъ побѣду отстраненіе Конти, избраніе его соперника Курфюрста саксонскаго Августа. Избраніе Августа успокоивало Австрію, Россію: на престолѣ польскомъ не будетъ союзника Франціи и Турціи; но могла ли быть повойна сама Польша? Государство сильное можетъ безопасно призвать государя—иностранца, владѣльца чужой земли; Англія, напримеръ, могла безопасно признать своимъ королемъ ганноверскаго курфюрста; но что позволительно сильному, того слабый не можетъ дѣлать безнаказанно. На польскомъ престолѣ Нѣмецъ и владѣлецъ одного изъ самыхъ значительныхъ нѣмецкихъ государствъ, Саксоніи. Въ раздробленной Германіи уже обозначилось то явленіе, что усиливаются ея владѣнія, находящіяся на востокъ, усиливаются на счетъ другихъ иноплеменныхъ народовъ, преимущественно Славянскихъ. Въ

Германіи, какъ и во всякой другой странѣ собраніе земли, объединеніе могло произойти однимъ путемъ: сильнѣйшее владѣніе мало по малу должно было подчинить себѣ всѣ слабѣйшія; въ Германіи это явленіе запоздало, но при благоприятныхъ условіяхъ оно могло произойти, и легко понять, какъ въ этомъ отношеніи было важно усиленіе одного изъ германскихъ владѣній чѣмъ бы то нибыло какъ бы то нибыло. Ни одному германскому владѣльцу не было возможности усилиться прямо на счетъ своихъ товарищей, другихъ владѣльцевъ; императорское достоинство по крайней ограниченности средствъ главы имперіи, не могло этому содѣйствовать, и оставалось одно средство усилиться—сначала на счетъ чужихъ, и этимъ приобрести возможность усилиться потомъ и на счетъ своихъ. Гогенштауфены пытались усилиться на счетъ Италіи, но попытка, благодаря папской силѣ, кончилась очень печально для знаменитой швабской династіи. Счастливыѣ были восточныя династіи, восточныя германскія владѣнія. Габсбурги, владѣльцы очень небольшой нѣмецкой области, Австріи, браками и духовными завѣщаніями, образовали обширную монархію изъ разныхъ чужихъ элементовъ, преимущественно Славянскаго. Примѣръ счастливой Австріи не могъ остаться безъ подражанія; тѣмъ болѣе, что Австрія не все захватила, оставалась еще богатая добыча, Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное отъ крайней внутренней слабости. Мы говорили о значеніи войны, борьбы въ жизни народной, о ея воспитательномъ значеніи, о томъ, какъ нравственныя силы народа ею напрягаются, развиваются, какъ развиваются всякимъ трудомъ, всякимъ преодоленіемъ сильныхъ препятствій, всякою опасностію. Мы видѣли, какъ бѣдно и трудно жилъ нашъ народъ въ первой половинѣ своей исторіи; но благословимъ эту бѣдность и великій трудъ нашихъ предковъ, эти постоянныя опасности, въ которыхъ они находились, и которыя приучались преодолевать. Приготовительная девятилѣтняя школа была тяжка, но она дала хорошее воспитаніе: народъ привыкъ къ труду, къ подвигамъ, жертвамъ, сталъ способенъ отделиться на призывъ къ небывалому труду, къ небывалымъ подвигамъ и жертвамъ, призывъ, сдѣланный человѣкомъ, всегда въ работѣ пребывающимъ. Благословимъ этотъ призывъ, и этого призывателя, потому что у насъ передъ глазами страшный примѣръ, къ чему ведетъ отвращеніе отъ подвига, отъ жертвы, къ чему ведетъ войнобоязнь. Польша была одержима въ высшей степени этою опасною болѣзнію, войнобоязнію. Тщетно люди предусмотрительные, патриоты указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континентальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе, тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска, эта необходимость признавалась всѣми, но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то не доходили ни до какого рѣшенія и страна оставалась беззащитною, въ унижительномъ положеніи, когда всякій сосѣдъ, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей, вво-

дѣть въ нее войско и кормить его на ея счетъ; отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть, какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ польскомъ нѣмецкій государь, саксонскій курфирстъ, который не удовольствуется однимъ титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша? если не захочетъ дать волю, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое нѣмецкое войско въ предѣлы Рѣчи Посполитой, сперва, разумѣется подъ благовиднымъ предлогомъ.

Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война съ Швеціею для возвращенія Польшѣ Ливоніи. Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ; объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться на счетъ дворянства какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ, Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться, боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ съ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливонія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, если бы даже они не были королями польскими и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ Ливонія поддавалась не Польшѣ, а нѣмецкому государю, курфюрсту саксонскому, который приобрѣтетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствія противъ Польши, для утвержденія наслѣдственности въ своемъ домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. Но прежде всего надобно приобрести хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному трудно. Данія вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; и необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думаетъ о томъ, какъ бы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря; возвращаясь изъ заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявлялъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ Шведовъ. „Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами“, писалъ Паткуль. Но при этомъ лифляндскимъ патріотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь человекъ необыкновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожно; даромъ, въ угоду саксонскимъ и лифляндскимъ патріотамъ онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею, а со львомъ опасно дѣлиться. „Надобно опасаться, писалъ

Паткуль, чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею⁴. А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями—Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ между ними лежавшей, въ этой завѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность для союзниковъ прекратила споры о раздѣлѣ добычи.

Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостію ея короля, Карла XII, молодостію, которая не обѣщала по видимому ничего хорошаго для Швеціи: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью: молодой король отсѣвалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ дребезжать, валяться стекла: это потѣшается молодой король; кто ѣдетъ днемъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ въ однихъ рубашкахъ?—молодой король съ своею свитою; кто охотится за зайцемъ въ сеймовой залѣ? молодой король. Но этотъ неутомимый мальчижъ, отличавшійся такими дурными шалостями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ предъ Копенгагеномъ и принудилъ датскаго короля къ миру; вслѣдъ затѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска, его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою; но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско. Оно было дѣйствительно преобразовано, но оно было невнучено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросился въ войну одинъ на одинъ съ европейскимъ знаменитымъ военнымъ успѣхами народомъ; онъ вступилъ въ нее въ союзѣ съ Даніею, которая прежде всего должна была задержать Шведовъ, съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію, и который уже началъ военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны, послалъ значительное войско съ хорошою артиллеріею осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разчеты; у него не было искусныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго; онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генераль-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручать ему начальство

надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ за границы съ отличными рекомендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со Шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли поражение, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача — проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь нравственное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободряетъ первый успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача, а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхъ новаго дѣла.

Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за неприятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи было бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ перваго тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивила послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Бор. Петр. Шереметевъ, человекъ очень способный, но при Петрѣ, самъ же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха — какъ бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьей, позаняться домашними дѣлами. Петру въ продолженіи всей службы Шереметева было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ отношеніи. Двѣ недѣли спустя послѣ нарвскаго пораженія Петръ пишетъ ему: „Не годится при несчастіи всего лишаться, и потому повелѣваемъ быть при начатомъ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнію, и та получена между бѣглецами“. А между тѣмъ въ пограничныхъ мѣстахъ, Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у приѣма подводъ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою; надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виниусъ „Надзиратель артиллеріи“, работалъ по петровски, и въ концѣ 1701 года было приготовлено болѣе 300 орудій, хотя Виниусъ и сильно жаловался на

пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Но въ то же время надобно было готовить и людей; 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виніуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виніуса добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Эрестферъ, потеря Шведовъ была втрое противъ потери Русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ, на башняхъ и стѣнахъ Кремлевскихъ развиваются знамена, взятая у Шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ андреевскій орденъ, портретъ царя, осыпанный брилліантами. Побѣдителю захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: „Въ началѣ 1702 года хотя и быть, отвѣчалъ Петръ: чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ“. Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовить въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: „Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учиненъ, таковой предварить“, писалъ царь фельдмаршалу; Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ „изрядно гостить“ въ Лифляндіи по выраженію Петра, т. е. страшно опустошалъ страну, по совѣту союзника, польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на Ливонскіе походы какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утверженіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что Шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило, опасности для старой морской пристани нѣ было, и Петръ сталъ думать о приобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева „чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять“. По прибытіи Шереметева Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку), и 11 октября взялъ его, труднымъ и кровавымъ приступомъ. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожь, слава Богу, счастливо разгрызень. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила“. Такъ писалъ Петръ Надзирателю Артиллеріи, Виніусу. Семидесятилѣтній старикъ, сѣздивши по артиллерійскимъ дѣламъ въ Новгородѣ и Псковѣ, отправился въ Сибирь, чтобъ посмотреть тамошніе рудники и заводы и писалъ: „Толикое обрѣлъ я множество рудъ желѣзныхъ, что мною до скончанія міра не выкопаются“. Жесткій орѣхъ былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ — городомъ. Для чего же понадобился Ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года отъ него по правому берегу Невы, лѣсами шли русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и нашли при устьѣ Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому

въ Москвѣ, когда понадобилась средина восточной Россіи для ея собранія и для обороны русской самостоятельности равно отъ востока и отъ запада, отъ Татаръ и Литвы, отъ бесерменства и латинства. Также непроизвольно было появленіе новой столицы на берегу моря въ началѣ новой русской исторіи, исторіи по преимуществу европейской, не Петръ по своему произволу утвердилъ правительственное пребываніе въ Петербургѣ, ибо новопостроенный городокъ былъ оставленъ своимъ основателемъ вовсе не въ такомъ привлекательномъ положеніи, чтобъ удобствами жизни заставить дворъ предпочесть его Москвѣ или какому бы то ни было другому мѣсту. Послѣ Петра мы видимъ извѣстную реакцію противъ его дѣятельности; русскіе люди имѣли полную возможность разобратся въ матеріалъ преобразования и разбирались: одно оставили нетронутымъ, другое измѣнили, а потомъ опять нашли нужнымъ уничтожить измѣненія, возвратиться къ петровскимъ формамъ, нѣкоторыя же учрежденія, какъ совершенно неспособныя привиться къ русской почвѣ, исчезли. Что же мѣшало не укрѣплять за Петербургомъ значеніе столицы? Ясно, слѣдовательно, что онъ приобрѣлъ это значеніе не по произволу Петра, это значеніе дано ему ходомъ исторіи точно также какъ поднять былъ Владиміръ на счетъ Кіева и Москва поднялась на счетъ Владиміра: Петру принадлежит указаніе, но не насиліе. И чѣмъ сильнѣе жалобы на счетъ невыгодъ положенія новой столицы, чѣмъ сильнѣе упреки, дѣлаемые совершенно несправедливо Петру за выборъ мѣста для столицы, тѣмъ яснѣе для историка необходимость явленія, ибо что же заставило сносить такіа неудобства? Одинъ отвѣтъ: необходимость. Что касается до выбора мѣста для Петербурга, перваго русскаго города при западномъ морѣ, выбора, за который упрекають Петра, то стоитъ только взглянуть на тогдашнюю карту восточной Европы, чтобъ понять этотъ выборъ: новый городъ основанъ тамъ, гдѣ западное море всего глубже входитъ въ великую восточную равнину, и наиболѣе приближается къ собственно русской землѣ, къ тогдашнимъ русскимъ владѣніямъ. Наконецъ, что касается неудобствъ климата и почвы, то нельзя требовать отъ людей физически сильныхъ, чтобъ они предчувствовали немощи болѣе слабыхъ своихъ потомковъ. Петра менѣе чѣмъ кого-либо можно упрекнуть въ односторонности взглядовъ и направленій. Онъ, не скажу: не отнялъ, потому что онъ не могъ этого сдѣлать, но и не обнаруживалъ ни малѣйшаго намѣренія отнять у Москвы ея значенія въ пользу Петербурга; и тутъ не было одного, такъ сказать, археологическаго уваженія къ царствующему граду, Москва не осталась только памятникомъ древности. Въ разгаръ преобразовательной дѣятельности, въ которой такъ рѣзко обозначался экономическій характеръ, Москва по своему положенію и подъ особеннымъ покровительствомъ преобразователя, приняла самое дѣятельное участіе въ новомъ движеніи, и въ то время какъ съ такимъ стараніемъ отстраивался приморскій городъ, долженствовавшій имѣть первенствующее торговое значеніе, старая Москва становилась средоточіемъ новорожденной мануфактурной про-

мышленности. Съ появленіемъ Петербурга, Москва не утратила своего значенія, и когда при дочери Петра Великаго Россіи понадобился университетъ, мѣсто ему было указано въ Москвѣ. Москва не потеряла своего значенія ни для своихъ, ни для чужихъ, ни для друзей, ни для враговъ. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своимъ посѣщеніемъ, вписали новую славную страницу въ ея исторію. Москва по прежнему терпѣла бѣды, по прежнему горѣла, и по прежнему росла отъ непрестающаго прилива къ ней жизненныхъ силъ русской земли. Научная жизнь Москвы, какъ университетскаго города, должна высказываться въ спокойномъ уясненіи историческихъ явленій, въ спокойномъ указаніи законовъ народнаго бытія, а такая дѣятельность, расширяя сферу мысли, возвышая духъ, несомнѣнима съ односторонностію, мелочностію взглядовъ, мелкимъ соперничествомъ, завистію. Москва знаетъ, что съ появленіемъ новой столицы, между ними произошло раздѣленіе занятій, а слѣдовательно и соединеніе силъ. Москва знаетъ, что Петръ ничего у нея не отнялъ, что онъ далъ ей все то, что далъ Россіи, и Москва воспользовалась его дарами прежде другихъ и больше другихъ. Москва чтитъ Петра за то мѣсто, которое онъ далъ Россіи, ибо знаетъ, какое мѣсто она, Москва занимаетъ въ Россіи, знаетъ по этому, какъ она возвеличена Петромъ, возвеличившимъ Россію. И въ день славнаго воспоминанія дѣятельности великаго человѣка, Москва должна поступить достойнымъ ея образомъ: спокойно, безпристрастно сказать свое слово и усердно сдѣлать свое дѣло.

Достиженіе завѣтной цѣли вело къ усилению труда; добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа, ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ полѣ строили морскія военныя суда. Разумѣется сардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваетъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. А между тѣмъ Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые Шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ, Копорье, Ямы, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на будущее время не дать Шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ Триумфальныя ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ и немедленно отправился въ Воронежъ: чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверозападѣ нужно было работать, чтобъ отбивать Шведа, на югостокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать Турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопить Шереметева, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: „Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете не знаю, не извольте медлить“. Простодушно отвѣчаетъ Шереметевъ: „Здоровье мое уже не прежнее и не отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меньшиковѣ): ничего я за

милостию вашею не зналъ“. Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ: „Сей славный отечественный градъ паки полученъ“, писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: „Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили“.

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго, готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать новопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что „Шведъ увязъ въ Польшѣ“. Но Шведъ увязъ въ Польшѣ для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствія противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто челоувѣка себѣ вполнѣ преданнаго, слѣдовательно враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать исполненію этого плана, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгорукій писалъ, что „въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ рѣчи посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть, однимъ опернымъ пѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ“. Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ было готово воевать, но не было способно ни къ какому движенію: „Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стремень нѣтъ, не по чему взлѣзть“.—Надѣйтесь на Бога, писалъ Долгорукій Петру, а на Поляковъ и Саксонцевъ надѣяться нельзя“. Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ польскаго престола и провозгласить королемъ познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощію русскаго войска тотъ взялъ у Шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли Курляндію и Литву. Меньшиковъ шелъ дальше и поразилъ Шведовъ при Калишѣ; Петръ заперевалъ въ своемъ парадизѣ Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду „какой еще никогда не бывало“. Но вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ вторгнувшихся въ нее Шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ польскаго престола, слѣдовательно Шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плеча. Въ концѣ 1707 года Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ не вступать съ непріателемъ въ генеральную битву, а стараться заманить его къ своимъ границамъ, вреда ему при всякомъ

удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направить путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ и Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: „Зѣло благодарю Бога, писалъ онъ, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріателемъ хорошенько, и что всю его армію одна наша треть такъ выдержала и отошла“. Подождая нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта, и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юговостокъ къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ къ Мстиславлю. У мѣстечка Добраго князь Михаилъ Голицынъ напалъ на правое непріятельское крыло и поразилъ его, когда же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ порядкѣ. Петръ былъ доволенъ и писалъ: „Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ, и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отыми милость свою отъ насъ впредь!“ Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украинѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска и поразилъ на голову, взявъ всю артиллерію и обозъ, на которые такъ надѣялся Карлъ. „Сія у насъ побѣда, по словамъ Петра, можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріателемъ: тутъ первая проба солдатская была“. Карлъ вошелъ въ Украину; Малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону, перешли на его сторону запорожскіе козаки; но масса народная въ Малороссіи осталась вѣрна русскому царю; Петръ далъ ей новаго гетмана, Меньшиковъ въ виду Шведовъ взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская сѣчь была разорена. Петръ, по его словамъ „съ превеликою радостію услышалъ о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріателю была“. Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и Запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но Турки и Татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ будто притаяло дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года подъ Полтавою. „Доносимъ вамъ, писалъ Петръ своимъ: доносимъ вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ. Вся непріятельская армія фаетоновъ конецъ воспріяла. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Вожію“.

Превеликая викторія! Спустя полтора ста слишком лѣтъ историкъ имѣетъ право прибавить къ словамъ побѣдителя, что эта викторія была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій; могущество Швеціи, созданное искусственно посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и предъ изумленными народами запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіяся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ; но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилось цѣлое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни. Въ европейской исторіи наступила новая эпоха.

Чѣмъ славнѣе, многозначительнѣе побѣда, тѣмъ выше поднимается побѣдитель. Но Петръ поднимается ли высоко для насъ какъ полтавскій побѣдитель? Нѣтъ, въ глазахъ историка онъ стоитъ такъ высоко, что титулъ побѣдителя, даже и полтавскаго является чѣмъ-то малымъ и одностороннимъ. Въ этомъ побѣдѣ мы не видимъ ничего воинскаго, ничего геройскаго въ тѣсномъ смыслѣ военномъ, никакого пристрастія къ войнѣ, никакого стремленія къ военной славѣ. Мы видимъ великаго человѣка, народнаго героя, сознательно удовлетворяющаго извѣстной народной потребности; разъ начерталъ онъ свой преобразовательный планъ и выполняетъ его неуклонно; война, военный успѣхъ входятъ въ этотъ планъ только какъ средство. Мы видѣли это необыкновенное спокойствіе и ясность взгляда при оцѣнкѣ каждаго военнаго дѣйствія; эти спокойствіе и ясность не покидаютъ Петра и при оцѣнкѣ полтавской побѣды. Война начата какъ тяжелая необходимость для произведенія экономическаго переворота въ народной жизни, для приобрѣтенія моря; послѣ долгихъ, тяжелыхъ трудовъ и опасностей одержана блестящая, рѣшительная побѣда, сокрушившая всѣ силы врага, изумившая Европу; какъ же побѣдитель смотритъ на значеніе побѣды? она, по его взгляду, кладетъ камень въ основаніе приморскаго городка, даетъ средство закрѣпить для Россіи берегъ западнаго моря. Война, побѣда исчезаютъ въ своемъ самостоятельномъ значеніи, исчезаетъ полководецъ, побѣдитель, но тѣмъ выше поднимается великій челоувѣкъ, вождь своего народа въ великомъ движеніи, обхватившемъ весь организмъ народной жизни.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Война входила въ общій планъ преобразованія какъ средство для достиженія ясно сознанныхъ, опредѣленныхъ цѣлей этого преобразованія, входила въ общій планъ какъ школа, дававшая извѣстное приготовленіе народу, приготовленіе необходимое въ его новой жизни, но

выхъ отношенійхъ къ другимъ народамъ. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательнаго движенія въ другихъ сферахъ. Мы видѣли, что еще передъ сѣверною войною, въ концѣ XVII вѣка Петръ высвободилъ промышленное городское население изъ подъ власти воеводъ и далъ ему самоуправленіе, и было замѣчено, что подобныя преобразованія имѣли воспитательное значеніе для общества, приучая его членовъ къ самостоятельной дѣятельности и дѣятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданскаго духа въ народѣ. Упомянутое преобразование въ жизни промышленнаго городского населенія не стояло одиноко и безсвязно. Цѣлая система подобныхъ учрежденій проводилась неуклонно и сильно преобразователемъ, и, разумѣется, только такая система и можетъ дать историкъ право говорить о воспитательномъ значеніи преобразовательной дѣятельности. Знакомые уже съ характеромъ дѣятельности Петра, съ его постояннымъ движеніемъ изъ одного угла обширѣйшей страны въ другой, то въ Петербургъ, то въ Воронежъ, то въ Азовъ, то въ Литву мы должны ожидать измѣненій и въ высшемъ управленіи. Прежде царь постоянно находился въ Москвѣ, и дума, совѣтъ, собиравшійся при немъ изъ трехъ знатнѣйшихъ чиновъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, постоянно была подъ вліяніемъ этого царскаго присутствія; какъ угодно было государю вести совѣщаніе, такъ оно и велось, не было никакихъ формъ, которыя бы опредѣляли степень участія и отвѣтственности членовъ думы. Но теперь царь часто и по долгу отсутствуетъ изъ Москвы, пріѣдетъ на короткое время, укажетъ на множество необходимыхъ дѣлъ и уѣдетъ. Члены думы остаются одни съ обязанностию обсудить, какъ что лучше сдѣлать и непремѣнно сдѣлать, и скоро сдѣлать; царь не таковъ человекъ, чтобъ хладнокровно смотрѣлъ на медленность, на дѣланіе кое-какъ, чтобъ принималъ какія нибудь отговорки. И вотъ старая дума должна усилить свою дѣятельность: царя нѣтъ, нельзя ждать какъ онъ укажетъ въ трудномъ дѣлѣ, надобно рѣшить самимъ трудное дѣло и исполнить. Тяжело, непривычно. Одинъ кто нибудь скажетъ, какъ надобно сдѣлать: и прекрасно, что долго думать, сдѣлать такъ. И вдругъ царь разгнѣвался: не такъ. Что-жь дѣлать? кто виноватъ? никто, всѣ такъ рѣшили. Но царь принимаетъ свои мѣры, приходитъ требованіе, безцеремонное въ выраженіяхъ, какъ всѣ требованія петровскія, требованіе чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывалъ, и безъ того никакого дѣла не рѣшать, „ибо этимъ дурость всякаго будетъ явна“. Каждый, слѣдовательно, долженъ обдумать дѣло, подать свое мнѣніе и подписать его, согласился съ другимъ и это обозначится подписью, каждый долженъ принять на себя отвѣтственность за свое мнѣніе, ибо уже не скроется, что кто думалъ; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою „дурость“. И вотъ нѣкоторые отзываются съ готовностію на призывъ къ самостоятельной дѣятельности, другіе болѣе лѣнливые по натурѣ, невольно должны становиться на свои ноги, приучаться къ самостоятельной дѣятельности,

думать, изучать дѣло, справляться, совѣтоваться съ другими, а сфера все болѣе и болѣе расширяется, безпрестанно слышатся слова: въ той-то странѣ дѣлается такъ, въ другой иначе, и побужденіе къ дѣятельности не ослабѣваетъ, не ослабѣваетъ царское требованіе—не смѣть своего сужденія не имѣть. Въ старину если посылали кого нибудь исполнить извѣстное порученіе, то давали ему длинный наказъ, инструкцію. опредѣлявшую съ точностію каждое его движеніе, длинный свивальникъ, которымъ пеленали взрослого человѣка. Дѣйствія свивальника оказывались тотчасъ же, отнимая всякую свободу движенія: какъ скоро исполнитель порученія, спеленатый наказомъ, встрѣчалъ какое нибудь малѣйшее обстоятельство, непредвидѣнное въ наказѣ, онъ останавливался, и слалъ изъ дальняго мѣста въ Москву за новымъ наказомъ; между тѣмъ благопріятное время уходило невозвратно. Петръ не могъ равнодушно сносить этой привычки русскихъ людей къ пеленкамъ, и требовалъ, чтобъ посланные съ порученіемъ поступали по своему разсужденію, смотря на оборотъ дѣлъ, ибо „издали, писали онъ, нельзя такъ знать, какъ тамъ (на мѣстѣ) будучи“. И повторялъ: „Во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагаюся на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю, ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются“.

Болѣе десяти лѣтъ старинная дума привыкала къ новому положенію, управлять во время отсутствія царя, привыкала къ самостоятельной дѣятельности и къ необходимо связанной съ такою дѣятельностію отвѣтственности, отвѣтственности предъ царемъ, о которомъ знала, что не пропустить никакого упущенія, не посмотреть ни на что сквозь пальцы. Между тѣмъ новыя слова для выраженія новыхъ отношеній незамѣтно входятъ въ употребленіе. Высшее правительственное собраніе называется уже *консилиею*, и члены его министрами. Въ 1711 году эта конзілія министровъ получила новое названіе, и болѣе опредѣленное значеніе и устройство: учрежденъ Правительствующій Сенатъ, которому каждый обязанъ былъ послушаніемъ, какъ самому царю, и въ то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый судъ, наказаніе несправедливыхъ судей и ябедниковъ, соблюденіе строгой бережливости въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми, усиленіе торговли—вотъ первыя обязанности сената, предписанныя ему учредителемъ. Дѣла рѣшались единогласно, каждый указъ должны подписывать всѣ члены собственноручно; если одинъ откажется подписать, то приговоръ остальныхъ недѣйствителейъ, но несоглашающійся сенаторъ долженъ изложить причины своего несогласія на письмѣ. За два года передъ тѣмъ Россія была раздѣлена на 8 большихъ губерній, подраздѣлявшихся на области, которыми управляли по прежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены сенату, въ канцеляріи котораго безотлучно находились комиссары изъ каждой губерніи для приѣма указовъ и подачи отвѣтовъ на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній. Считались нужными эти живые посредники,

живые и скорые отвѣтчики на запросы правительствующаго, ибо губернаторы, по непривычкѣ къ своему положенію, къ разнообразію дѣлъ въ обширныхъ областяхъ, при недостаткѣ способныхъ, знающихъ, привычныхъ и благонамѣренныхъ людей, отличались медленностію въ своихъ распоряженіяхъ и отвѣтахъ. Но дѣлать нечего, надобно было и губернаторамъ проходить свою тяжелую школу, приучаться къ быстротѣ движенія, потому что царь не выносилъ медленности, она его приводила въ печаль, а печалить Петра было нельзя безъ опасныхъ послѣдствій. Такъ въ началѣ 1711 года Петръ писалъ Меншикову: „Донныи Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ (поста), а потомъ буду не словомъ, но руками съ оними поступать.“

Но признакъ великаго человѣка—приготовленность къ удачѣ и неудачѣ; неудача ожидается, какъ естественное слѣдствіе новости дѣла, непривычки къ нему, человѣкъ долженъ знать, что въ дѣлѣ человѣческомъ нѣтъ совершенства, должны непременно обнаружиться темныя, нежеланныя стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темныя стороны новаго дѣла, люди обыкновенные тревожатся, теряютъ вѣру въ пользу новаго дѣла, кричатъ, за тѣмъ оно, прежде лучше было, или, по крайней мѣрѣ, оно рановременно, надобно было подождать, пока народъ, общество будутъ къ нему готовы, и вотъ стремленіе если не уничтожить новое дѣло, то хотя измѣнить, ограничить его. Но великій человѣкъ, сознавши необходимость извѣстнаго дѣла, не тревожится первою неудачею, несовершенствами; онъ можетъ печалиться, оскорбляться неприготовленностію людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но не придеть въ отчаяніе, не броситъ дѣла, а усилитъ только вниманіе къ нему, ухотъ за нимъ. Мы не приходимъ въ отчаяніе отъ того, что новорожденный ребенокъ является такимъ слабымъ существомъ, не можетъ ходить, и спокойно ждемъ, когда онъ окрѣпнетъ и станетъ ходить, и тутъ не приходимъ въ отчаяніе, что онъ еще плохо держится на ногахъ, часто падаетъ. Мы смотримъ спокойно на эти явленія, ибо привыкли смотрѣть на нихъ какъ на естественныя и необходимыя; но не всѣ способны привыкнуть къ признанію общихъ законовъ въ явленіяхъ, не всѣ привыкли въ каждомъ новомъ дѣлѣ видѣть новорожденнаго ребенка, которому надобно окрѣпнуть, а для этого нуженъ самый старательный уходъ, устраненіе всѣхъ вредныхъ вліяній. Новыя дѣла, а ихъ было много при Петрѣ, приносили ему, особенно вначалѣ, много огорченій тѣмъ, что шли не такъ какъ бы хотѣлось; но огорченіе не переходило въ отчаяніе, и послѣ неудачъ въ дѣлахъ внутреннихъ Преобразователь являлся такъ же великъ, какъ послѣ неудачи перваго азовскаго похода, какъ послѣ нарвскаго пораженія. Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ внутреннихъ преобразованій его было высвобожденіе городского промышленнаго населенія отъ власти воеводъ, самоуправленіе промышленнаго сословія. Дѣло было новое и пошло неудачно. И здѣсь, какъ во всѣхъ неуда-

часть коллегіального управленія при Петрѣ, была повѣрка древней Руси, и повѣрка мнѣніямъ о древней Руси. Еслибы въ древней, допетровской Руси былъ силѣнъ такъ называемый общинный бытъ, была сильна привычка къ общему дѣйствию, къ соединенію силъ, привычка отзываться на общее дѣло и дѣлать его усердно, умѣнье видѣть въ общемъ интересѣ охрану интереса частнаго, привычка сильныхъ, для сохраненія своей силы, нравственнаго и политическаго вліянія сторониться съ своимъ интересомъ предъ интересомъ слабыхъ по одиночкѣ, но сильныхъ опять тою же привычкою къ соединенію,—еслибы всѣ эти привычки были сильны въ древней Руси, то когда Петръ, отстраняя существовавшія до него препятствія, призывалъ русскихъ людей къ общему дѣйствию, они должны были бы явиться съ великою охотою и дѣло пошло бы чрезвычайно успѣшно съ самаго начала. Но если мы видимъ явленіе обратное, то естественно и необходимо должны придти къ заключенію, что привычка къ общему дѣлу была очень слаба въ древней Руси, и въ дѣятельности великаго человѣка, великаго государя, который въ своихъ учрежденіяхъ завелъ школы для общаго дѣла, мы должны видѣть благодѣтельный починъ народнаго воспитанія. Мы видѣли, что на выборныхъ для городского самостоятельнаго управленія, или такъ называемыхъ бурмистровъ возложенъ былъ сборъ казенныхъ доходовъ и повѣрка ихъ, и вотъ оказались сильные беспорядки при этой повѣркѣ и казнокрадство въ обширныхъ размѣрахъ. Обнаружился и другой признакъ крайней слабости въ дѣлѣ самоуправленія, неумѣнье соединенными силами слабыхъ сдерживать сильныхъ, которые стремятся къ господству, къ удовлетворенію своимъ личнымъ выгодамъ на счетъ слабыхъ, порозненныхъ и потому не могущихъ выставить никакого сопротивленія. Такое положеніе есть самое опасное для общества или учрежденія, которому дано самоуправленіе; освобожденное отъ тяжести внѣшней власти, получивши свободу управлять само собою, выбирать изъ своей среды людей, которые должны завѣдывать его дѣлами, общество или учрежденіе выбрало себѣ господъ, которые стремятся употребить во зло свое значеніе и могутъ дѣлать это тѣмъ безнаказаннѣе, тѣмъ благовиднѣе, что они выборные представители свободнаго общества или учрежденія, дѣйствуютъ во имя его. Рождаются вопль: что же выиграно? Прежде не было такъ тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться къ прежнему или, по крайней мѣрѣ, передѣлать, измѣнить новое сообразнѣе существующимъ средствамъ, ясно что люди неспособны къ новому дѣлу, нѣтъ людей, надобно ихъ приготовить, воспитать; такъ вопять люди, не знающіе, что извѣстная дѣятельность и есть необходимое приготовленіе, воспитаніе. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести въ искушеніе преобразователя. Петръ выдержалъ искушеніе. Его сильно печалилъ неудачный ходъ новыхъ дѣлъ; человѣка съ орлинымъ полетомъ сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выраженію, *подобимся раку* въ своемъ движеніи; но онъ не потерялъ вѣры въ свое дѣло и въ свой народъ, остался вѣренъ мысли о необходимо-

сти дѣятельной школы, которую долженъ былъ проходить народъ, и въ которой долженъ былъ учиться неудачами, остался вѣрнѣе мысли, что каждое учрежденіе должно имѣть свою Нарву, чтобъ имѣть Полтаву, остался непоколебимъ въ проведеніи всюду коллегіальнаго устройства, какъ устройства, имѣвшаго воспитательное значеніе для народа.

Въ этой вѣрѣ въ дѣло и народъ Преобразователя поддерживалъ тотъ живой сильный откликъ, который послышался отовсюду, когда вождь кликнулъ кличь по дружину, по смѣлыхъ, неустоимыхъ работниковъ. Не все были люди, которые въ началѣ раку подобились въ новомъ дѣлѣ; поднялись и молодые орлята, которые, старая нетерпѣливостъ, стали торопить дѣло, забѣгали впередъ, требовали мѣръ рѣшительныхъ и крутыхъ, революціонныхъ, какъ мы теперь называемъ. Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, въ самомъ низшемъ, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. Это движеніе, новости, обхватъ цѣлаго общества какимъ-то другимъ воздухомъ выразилось еще въ 1694 году однимъ если угодно комическимъ, или трагико-комическимъ, но любопытнымъ явленіемъ: явился въ Москву крестьянинъ и потребовалъ у правительства средствъ сдѣлать крылья, потому что онъ съумѣетъ полетѣть какъ журавль. Опытъ кончился неудачно и очень печально для русскаго Икара; но скоро движеніе пошло болѣе серьезнымъ образомъ. Мы не разъ упоминали о томъ, что преобразование имѣло экономическій характеръ; вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, сдѣлать для нея возможнымъ удовлетвореніе громаднымъ издержкамъ преобразованія, предпринимаемаго для усиленія и обогащенія Россіи—этотъ вопросъ былъ на первомъ планѣ для всякаго, возбужденнаго движеніемъ чловѣка, и вотъ снизу является рядъ людей, способныхъ, бывалыхъ, которые предлагаютъ правительству свои планы относительно увеличенія доходовъ, свои услуги въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мысли выслушаны, услуги приняты, и нѣкоторые изъ этихъ людей, отмѣченныхъ въ народѣ названіемъ *прибыльщиковъ*, стали видными дѣятелями эпохи преобразованія. Взглядъ прибыльщиковъ, ихъ ученіе, ихъ теоріи высказалась въ извѣстномъ сочиненіи крестьянина Посошкова: *О скудости и богатствѣ*, которое самымъ названіемъ своимъ даетъ намъ знать, что въ это время болѣе всего лежало на сердцѣ у мыслящаго русскаго чловѣка, пробужденнаго движеніемъ преобразовательной эпохи. Обогащеніе Россіи посредствомъ обезпеченія промышленнаго труда и трудящагося чловѣка отъ печальнаго положенія суда, управленія и сословныхъ отношеній, завѣщаннаго древнею Россіею, причемъ Посошковъ предлагаетъ самыя крутыя, восточныя, турецкія мѣры, показывающія, что самъ авторъ принадлежитъ половиною своего нравственнаго существа древней Россіи; сильное сочувствіе преобразователю, жалоба на то, что онъ въ меньшинствѣ

тянетъ въ гору, тогда какъ большинство стремится подъ гору, — вотъ основныя черты сочиненія Посошкова. Въ практической дѣятельности изъ этихъ людей, поднятыхъ снизу вверхъ преобразовательнымъ движеніемъ былъ знаменитъ прибыльщикъ Курбатовъ. Въ одномъ изъ приказовъ подкинута было письмо. Въмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ государь нашелъ въ письмѣ проектъ о гербовой или *орленной* бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена. Сочинителемъ проекта оказался Курбатовъ, дворецкій боярина Бор. Петр. Шереметева, человекъ очень бывалый и не въ одной Россіи; вмѣстѣ съ господиномъ своимъ онъ путешествовалъ и за границей. Курбатовъ былъ щедро награжденъ, пожалованъ въ дьяки Оружейной палаты и получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всемъ. Курбатову Петръ поручилъ устроить порядковъ въ московской ратушѣ или бурмистрской палатѣ, въ которой, какъ мы упоминали, дѣло шло дурно по непривычкѣ къ новому дѣлу, какъ по неохотѣ заниматься общими дѣломъ, не приносящимъ непосредственной выгоды частному человѣку, или по стремленію извлечь изъ общаго дѣла какъ можно больше частныхъ выгодъ, покормиться на счетъ казны.

Петръ не пришелъ въ отчаяніе отъ картины тѣхъ злоупотреблений и безпорядковъ по ратушному, т. е. по финансовому управленію, какую представилъ ему Курбатовъ; онъ не дотронулся до учрежденія, поручивъ только временно надежному человѣку уничтоженіе безпорядковъ и злоупотребленій. Печальный примѣръ коллегіальнаго управленія въ ратушѣ не отнял у него вѣры въ достоинство этой формы и онъ немедленно ввелъ ее въ областное управленіе, велѣлъ всякія дѣла съ воеводами вѣдать дворянамъ, въ большихъ городахъ человекъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два, указы чинить дворянамъ обще съ воеводами, а одному воеводѣ безъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать. Легко понять, какъ должны были оскорблять и раздражать Петра извѣстія о страшномъ казнокрадствѣ въ то время, когда при громадномъ увеличеніи расходовъ нужно было изыскивать всѣ средства къ увеличенію доходовъ въ бѣдномъ государствѣ, когда народъ долженъ былъ платить тяжелыя подати, когда на него наложенъ былъ великій трудъ, когда самъ царь, подавая примѣръ, трудился небывалымъ образомъ и для уменьшенія расходовъ жилъ чрезвычайно просто съ отстраненіемъ царской обстановки. Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно переустройство войска и заведеніе флота, построеніе крѣпостей требовали большихъ расходовъ: Россія должна была войти въ систему европейскихъ державъ, жившихъ общею жизнію и потому постоянно сносившихся другъ съ другомъ, наблюдавшихъ за движеніями, за внутреннею жизнію другъ друга. Для этого каждый дворъ имѣть при другихъ дворахъ постоянныхъ представителей; Россія должна была выполнить это необходимое условіе вступленія въ общую европейскую жизнь. Мы уже видели, какъ ей трудно было это сдѣлать, и какъ Петръ, съ глубокимъ

способности своего народа, рѣшилъ трудный вопросъ, признавши и здѣсь необходимость практической школы и назначилъ на важнѣйшіе дипломатическіе посты русскихъ людей. Но мало было, чтобъ представители Россіи при чужихъ дворахъ вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего двора внѣшнюю обстановкою, на что нужно было много денегъ; кромѣ того посланники должны были имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя суммы для подкупа вліятельныхъ лицъ, для узнанія нужныхъ секретовъ. Для удовлетворенія всѣмъ этимъ требованіямъ прибыльщики изыскивали всевозможныя средства; взято было все, что только можно было взять; отдано было на откупъ все что можно было отдать. Отнято было право владѣльцевъ мѣстъ, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти въ казну, уничтожены были такъ называемые тарханы, по которымъ извѣстныя лица освобождались отъ платежа пошлинъ. У бѣднаго народа была роскошь — дубовые гробы: и этотъ предметъ роскоши казна взяла себѣ и продавала противъ покупной цѣны вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотѣлъ бриться, оплачивался деньгами. Всѣ эти тяжести и трудъ русскій народъ долженъ былъ поднять временно, чтобъ вдвинуть Россію въ Европу и приобрести средства усиленія и обогащенія, а эти средства состояли въ искусствѣ и знаніи. Петръ прямо и для всѣхъ понятно указывалъ своему народу цѣли его и своей чрезвычайной дѣятельности, — внутреннее спокойствіе и внѣшняя безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска и обогащеніе страны посредствомъ торговли. Такъ эти цѣли прямо были высказаны въ знаменитомъ манифестѣ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію: „Мы побуждены были, говорить царь, въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ“. При такомъ практическомъ взглядѣ легко понять, какого рода школы должны были явиться въ Москвѣ; явились школы Математическая и Навигаторская, гдѣ первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, извѣстнаго намъ Курбатова. Скоро послѣ заведенія школъ знаменитый прибыльщикъ уже радовался, что многіе всякаго званія и зажиточные люди познали сладость науки и отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные молодые люди сами приходятъ съ немалою охотою. Мы уже упоминали о правилѣ Петра, котораго держались и всѣ его сотрудники — брать иностранцевъ, но строго наблюдать за ними, чтобъ они не тѣснили русскихъ и какъ можно скорѣе выдвигать послѣднихъ, чтобъ они могли замѣнить наемниковъ. Такъ и Курбатовъ немедленно къ тремъ учителямъ Англичанамъ приставилъ помощника русскаго, Леонтія Магницкаго, и, замѣтивъ, что иностранцы „обязали себя къ нему ненавистию“, по выраженію Курбатова, за отличное исполненіе имъ своихъ

обязанностей, Курбатовъ всѣми силами поддерживалъ Магницкаго, въ слѣдствіе чего Англичане должны были только усерднѣ исполнять свои обязанности. Этотъ Магницкій былъ авторомъ знаменитой „Арифметики, сирѣчь науки числительной“, изданной въ 1703 году.

Для школь и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, прежде всего учебники. Понятно, что нужно было переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ, понятно, что дѣло перевода книгъ было однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ дѣлъ. Кромѣ страшной трудности передачи научныхъ понятій на языкѣ народа, у котораго до сихъ поръ не было науки, была еще трудность, происходившая отъ существованія двухъ языковъ, рѣзко различавшихся другъ отъ друга, книжнаго или такъ называемаго церковно-славянскаго и народнаго. Естественно наука должна была избрать для себя послѣдній языкъ, но ученые люди, знающіе иностранные языки, переводчики привыкли къ книжному языку и живой языкъ народной былъ въ ихъ глазахъ языкомъ подлыхъ людей. Переводъ книгъ, сказалъ я, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ дѣлъ, и мы уже должны ждать, что Петръ усердно займется имъ: онъ не только указывалъ какія книги надобно переводить, но и требовалъ переводы къ себѣ, самъ исправлялъ ихъ, училъ, какъ надобно переводить, училъ, что не надобно держаться мертваго перевода слово въ слово, но выразумѣвши смыслъ, передавать живымъ образомъ этотъ смыслъ совершенно удобопонятно для русскаго человѣка, т. е. совершенно соотвѣтственно складу русской рѣчи, тогда какъ подстрочный переводъ необходимо искажалъ русскую рѣчь, давалъ ей чужіе обороты. Такъ онъ писалъ одному изъ переводчиковъ: „Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификаціи дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено; не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ; но точію его выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣ можетъ быть“! Въ 1707 году типографскіе мастера привезли изъ Голландіи три азбуки „новозобрѣтенныхъ русскихъ литеръ“. Этими литерами или такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ начали печататься книги съ 1708 года, и первую книгою, напечатанною такимъ образомъ, была „Геометрія, словенски землемѣріе“. Но какъ вездѣ въ дѣятельности Петра, такъ и здѣсь не было односторонности: Царь поручилъ извѣстному тогда ученому Поликарпову написать русскую исторію, и въ то же время приказывалъ переводить книги о событіяхъ всеобщей исторіи, которыя, по господству древней исторіи и литературы въ Европѣ, были у всѣхъ въ устахъ: книгу о Троянской войнѣ, Квинта Курція о дѣяніяхъ Александра Македонскаго.

Могущественное средство развитія человѣка состоитъ въ расширеніи сферы; человѣкъ развивается, когда переносится изъ бѣдной простой обстановки жизни, изъ круга немногихъ и постоянно повторяющихся явленій, въ жизнь обставленную богаче, представляющую

больше разнообразія предметовъ и явленій; сельчанинъ поэтому развивается когда переносится въ городъ, еще сильнѣе развивается путешествіе, бывалость; но человекъ новой Европы приобрѣлъ еще средство развитія, возможность участія въ жизни всего современнаго человечества; это вѣдомости обо всемъ совершающемся въ современности. вѣдомости, которыя распространяются съ такою быстротою посредствомъ печати. Петръ, разумѣется, не могъ обойти и этого средства развитія своего народа. До него знаніе того, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ было привилегіею правительства; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились какъ тайна государственная. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ, и съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“, и на первомъ же листкѣ вѣдомости объявили, что московскія школы умножаются, сорокъ пять человекъ слушаютъ философію, а въ математической штурманской школѣ больше 300 человекъ учатся и добръ науки пріемлютъ. Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя: Петръ и то, и другое ввелъ въ народное употребленіе. На Красной площади построена была деревянная комедіальная хранина—для всѣхъ; какъ при царѣ Алексѣѣ, такъ и теперь набрали подъячихъ изъ разныхъ приказовъ и отдали ихъ учиться нѣмцу Куншту, который обязался учить ихъ всякимъ комедіямъ. Въ репертуарѣ этого перваго всенароднаго театра послѣ пьесъ историческаго содержанія видимъ и пьесу „Докторъ принужденный“: это Мольеровъ Лѣкаръ по неволѣ; играли также пьесы, нарочно сочиненныя по поводу какого нибудь важнаго событія, торжества, напр. въ 1703 году по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра театральныя представленія давались еще учениками славяно-латинской академіи (новосіающихъ славяно-латинскихъ Аоніи); здѣсь пьесы имѣли религіозное содержаніе, но иногда съ примѣсю политическихъ намековъ.

Всѣ эти средства развитія, воспитанія народнаго, и школы, и книги, и вѣдомости, и театръ представляли, разумѣется, еще слабыя начатки; чтобъ оказалось ихъ вліяніе, нужно было еще долго ждать, а между тѣмъ нельзя было не обратить вниманія на нѣкоторыя печальныя явленія, которыя были слѣдствіемъ крайне недостаточнаго народнаго воспитанія въ древней Россіи: такъ былъ обычай убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками; Петръ вооружился противъ этого варварскаго обычая, не признававшаго въ человекѣ человека и христианина, смертная казнь грозила людямъ, уличеннымъ въ его исполненіи. Подлѣ указа противъ убійства младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками, видимъ рядъ указовъ о сохраненіи жизни

и здоровья человѣка: запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней; учреждено было 8 аптекъ въ Москвѣ, и закрыты зеленныя лавки, гдѣ продавались такъ-называемыя лѣкарственные травы, отъ которыхъ люди, какъ оказалось, умирали скорою смертію. Любопытна прибавка въ указѣ, чтобъ въ новоучрежденныхъ аптекахъ не продавали вина. Страсть къ вину русскіе люди вынесли изъ своей древней жизни въ ужасающихъ размѣрахъ; смертные случаи въ дракахъ отъ пьянства были обыкновеннымъ явленіемъ; правительству нужно было смотрѣть за взрослыми какъ за дѣтьми, смотрѣть чтобъ они не имѣли при себѣ острыхъ ножей—порѣжутся! И вотъ Петръ запрещаетъ носить остро-конечные ножи, потому что многіе люди въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти. Извѣстно въ какой степени наши деревянные города терпѣли отъ пожаровъ: какъ начнется весна, такъ начнется въ Москвѣ, по выраженію тогдашнихъ образованныхъ людей, Вулканусъ свирѣпствовать, пожаровъ по шести въ сутки. Образованные люди къ царю съ просьбою укротить свирѣпство Вулкануса, и вотъ начинаютъ дѣлать черепичныя крыши вмѣсто тесовыхъ, выписываются заливыя трубы изъ-за границы, издается указъ строить въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ—городѣ каменные дома, и располагать ихъ по улицамъ и переулкамъ, а не внутри дворовъ, т.-е. по европейскому, а не по азіатскому обычаю. Принимались мѣры, чтобъ русскій человѣкъ въ городахъ могъ спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вотъ предстоитъ бѣда, нужда требуетъ выѣхать за городъ, отправиться за нѣсколько верстъ въ другой городъ, въ деревню: пишется духовное завѣщаніе, въ семьѣ плачь, прощаются какъ съ человѣкомъ, идущимъ на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало шведской войны, оно должно посылать роты съ капитанами для сыску разбойниковъ; капитану удалось поймать 10 знаменитыхъ разбойниковъ, кто жъ они? люди изъ низшихъ слоевъ общества? Нѣтъ это все помѣщики, которые разбойничали съ своими людьми, нападали на чужія деревни, били и жгли.

Эти явленія показываютъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣло дѣло преобразование. Въ подобномъ обществѣ нѣтъ безопасности для слабаго, и мы видѣли, какъ вслѣдствіе этого женщину надобно было спрятать въ теремъ. Но это удаленіе женщины, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ грубости нравовъ и отсутствія безопасности, въ свою очередь, производило еще большее огрубеніе нравовъ, ибо мужчина не привыкалъ сдерживаться присутствіемъ существа, которому христіанская цивилизація Европы дала нравственное величіе, окружила уваженіемъ, противоборствуя матеріальнымъ стремленіямъ въ отношеніяхъ человѣческихъ, заставляя сильнаго служить слабому, и умъ не забываться передъ чувствомъ. Христіанская цивилизація Европы признала въ раздѣленіи человѣка по поламъ, на два пола первый, основной актъ развитія, т.-е. раздѣленія занятій. Это раздѣленіе занятій, предоставляющее мужчинѣ внѣшнюю общественную дѣятельность и женщинѣ внутреннюю домашнюю, лежитъ въ основѣ цивилизаціи, сущ-

ность которой состоитъ въ раздѣленіи занятій вообще или въ томъ, что мы называемъ развитіемъ. Въ состояніи варварства человѣкъ дѣлаетъ все или большую часть нужнаго ему самъ, и потому одинокъ, потому дикъ; въ состояніи цивилизаціи человѣкъ дѣлаетъ одно что-нибудь и потому можетъ дѣлать хорошо, совершенствовать свое дѣло, въ отношеніи къ другимъ необходимымъ предметамъ находится въ зависимости отъ дѣятельности другихъ и потому связывается съ другими тѣсною, органическою связью, и люди необходимо становятся ближними другъ другу. Въ словахъ: „Не добро быти человѣку единому“ выразилось благословеніе развитія, благословеніе цивилизаціи, которыя и начались съ раздѣленіемъ человѣка, съ появленіемъ жены подлѣ мужа, Евы подлѣ Адама, ибо здѣсь началось раздѣленіе занятій. Женщинѣ предоставлена была внутренняя, домашняя жизнь, въ которой главное дѣло—воспитаніе человѣка, требующаго для своего нравственнаго развитія и крѣпости продолжительнаго согрѣванія теплотою женскаго, материнскаго чувства. Но человѣкъ воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требованіе отъ воспитывающаго—требованіе знанія этой жизни, а знаніе общественной жизни невозможно безъ участія въ ней. Такимъ образомъ отчужденіе женщины отъ участія въ общественной жизни и отъ того, чѣмъ возвышается и украшается общественная жизнь, противорѣчитъ ея значенію, значенію воспитательницы человѣка, представительницы и охранительницы наряда (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здѣсь, въ этой жизни мужъ, сынъ и братъ должны находить обновленіе силъ для дѣятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участія въ общественной жизни, точно такъ какъ преступно втягивать ее въ общественную дѣятельность и нарушать основное въ человѣчествѣ раздѣленіе занятій, разрушать основу цивилизаціи. Естественно было стремленіе нашего древняго общества удалить женщину изъ общества, не представлявшаго для нея ни физической, ни нравственной безопасности. Но мѣра была отчаянная; сильное лѣкарство, свидѣтельствуя о силѣ болѣзни, не могло, въ свою очередь, не оставить вредныхъ слѣдovъ въ общественномъ организмѣ. Общественная жизнь отъ удаленія женщины еще болѣе бѣднѣла и грубѣла, а мужчина, не находя дома „помощи, приличной ему“, бѣднѣлъ и грубѣлъ нравственно. Не исполнялась воля Бога, создавшаго женщину, чтобъ человѣкъ имѣлъ помощь, приличную ему, какъ говорить писаніе, и женщина теряла свое значеніе: запертая и припрятанная, она становилась вещью, товаромъ; человѣкъ терялъ данное ему Творцомъ право искать себѣ помощь приличную ему, и бракъ приходилъ на степень торговой сдѣлки. Петръ прекратилъ затворничество женщинъ, приказавъ приглашать ихъ въ общественныя собранія; запретилъ рядовыя сговорныя записи, составлявшіяся въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ; велѣлъ прежде вѣнчанія быть обрученію за шесть недѣль, чтобъ дать время жениху и невѣстѣ узнать другъ друга, при чѣмъ, въ случаѣ если не понравятся другъ другу, получали свободу отказываться отъ вступленія въ бракъ.

Русскій человѣкъ пересталъ быть одинокъ въ обществѣ, и получилъ возможность имѣть помощь приличную ему. Но уничтожая затворничество женщины, возвышая ея достоинства, Петръ возвышалъ и достоинство человѣка вообще; запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣна, зимою снимать шапки предъ дворцомъ. Петръ говорилъ: „Какое же будетъ различіе между Богомъ и царемъ, когда воздается равное обоимъ почтеніе? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—вотъ почестъ, принадлежащая царю“⁴. Послѣ этого не въ правѣ ли историкъ сказать, что онъ изображаетъ дѣла великаго народнаго воспитателя?

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Въ предыдущихъ бесѣдахъ нашихъ мы не разъ указывали на воспитательное значеніе дѣятельности Петра Великаго; естественно, что при этомъ онъ нуждался въ помощи церкви; но церковь, чтобъ дать желанную помощь въ народномъ воспитаніи нуждалась сама въ помощи преобразователя, ибо требовала преобразованій. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, на печальное состояніе нравственности въ монастыряхъ, которые прежде имѣли такое важное значеніе въ нравственномъ воспитаніи народа, на невѣжество духовенства лишившее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскольниковъ и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ,—всѣ эти жалобы раздавались давно и громко, между мірянами и самимъ духовенствомъ, на соборахъ церковныхъ. Петръ, по своей природѣ, дѣлавшей изъ него преобразователя, не могъ равнодушно слышать жалобъ на какое-нибудь зло и отвѣчать на эти жалобы, на эти слова словами же, онъ немедленно отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество—науку, снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе, свое нравственное вліяніе согласно съ новыми потребностями, съ новыми условіями, давши ему крѣпкое оружіе для борьбы съ враждебными вліяніями; возстановить значеніе монастырей, противодѣйствуя вовсе немонашескимъ побужденіямъ къ монашеской жизни, прекративши злоупотребленія матеріальными средствами, обращеніемъ излишка этихъ средствъ на дѣла милосердія и просвѣщенія; поднять бѣлое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большія средства матеріальныя, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненію его обязанностей—вотъ преобразовательная программа Петра относительно церкви. Но кто станетъ

приводить въ исполненіе эту программу? До XVIII вѣка въ русской церкви былъ единый верховный пастырь, сначала съ титуломъ митрополита, потомъ патріарха, и мы видѣли, какъ тяжело было положеніе патріарха, когда Россія всколебалась и стала двигаться по новой дорогѣ. Патріархъ стоялъ между нѣсколькихъ огней, между раскольниками съ одной стороны, между иновѣрными учителями и русскими учениками ихъ съ другой, безъ способности обличенія, безъ нравственныхъ средствъ противодѣйствія тѣмъ и другимъ, безъ науки, которая должна была внушать уваженіе и сдерживать людей, служившихъ наукѣ, разуму, говорившихъ и дѣйствовавшихъ во имя ихъ; положеніе вредное, невозможное для церкви и государства при слабости характера, при страдательномъ положеніи патріарха, вредное и при энергіи, ревности въ ту или другую сторону, ибо безъ просвѣщенія могла ли быть ревность по разуму? Сюда присоединялись еще новыя трудности: патріархъ долженъ былъ приступить къ экономическимъ преобразованіямъ, слѣдовательно долженъ былъ вооружить противъ себя значительную часть духовенства; энергическія мѣры для водворенія должной дисциплины въ монастырѣ, для истребленія тунеядства, находившаго здѣсь себѣ прибрѣжище, увеличивало число враговъ, усиливало вопли. Однимъ словомъ, чтобъ патріархъ былъ въ уровень своему положенію, чтобъ явился патріархъ-преобразователь, ему слѣдовало своими способностями, своею энергіею, силою воли приближаться къ великому преобразователю-царю; но гдѣ было взять такого чело-вѣка, гдѣ было взять двоихъ Петровъ Великихъ? Нужно было пощадить русскую церковь отъ печальнаго явленія имѣть подлѣя царя Петра патріарха Адріана. Скажутъ: зачѣмъ же непременно Адріана? Но если не Адріана, то надобно было пощадить Россію отъ соблазна столкновенія царя съ патріархомъ, который бы, при силѣ воли, отличался узкимъ взглядомъ, на трудное и опасное положеніе церкви; патріархъ, несочувствующій преобразованіямъ, необходимо становился опорой недовольныхъ, средоточіемъ и вождемъ ихъ, дѣлалъ благословеніе ихъ дѣлу. Въ противномъ случаѣ надобно было пощадить главнаго пастыря церкви, единаго и потому принимающаго на себя всю отвѣтственность, пощадить отъ враждебныхъ ударовъ, расточавшихся противниками преобразованія, пощадить его отъ названія антихриста. Всѣ эти удары принималъ на себя чело-вѣкъ силы, способный ихъ вынести; духовная власть отстранялась отъ преобразованій слишкомъ для нея тяжелыхъ, и передавала ихъ власти свѣтской; единичное управленіе церковное упразднялось естественно за неимѣніемъ чело-вѣка, способнаго стать въ уровень съ своимъ положеніемъ, поднять бремя слишкомъ тяжелое для плечъ одного чело-вѣка, естественно пролагался путь къ раздѣленію этой тяжести между многими, къ коллегіальному управленію.

Петръ говорилъ патріарху Адріану: „Священники ставятся малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ уже ставить въ этотъ чинъ. Надобно озаботиться, чтобъ и православные христіане, и ино-

вѣрцы познали Бога и законъ Его: послалъ бы для этого хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь въ Москвѣ есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдають ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранныхъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, кромѣ того иновѣрцы и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учать, отъ чего дѣтямъ вредъ и церкви можетъ быть ущербъ великій, и языку нашему поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при искусномъ обученіи, всакому добру учились“. Царскія слова были сказаны по напрасну: могъ ли заботиться о школѣ и готовить священниковъ къ ихъ званію человѣкъ не имѣвшій самъ образованія? Чтобъ поднять русскія школы и образовать ученыхъ священниковъ надобны были ученые архіереи; въ Великой Россіи ихъ взять было неоткуда, надобно было обратиться къ Малороссіи, вызвать оттуда ученыхъ монаховъ и поставить ихъ на архіерейскія кафедръ въ Великой Россіи. Петръ такъ и сдѣлалъ, а что выборъ людей какъ вездѣ, такъ и тутъ былъ хорошъ, былъ петровскій выборъ, доказательствомъ служатъ имена, всѣмъ извѣстныя, имена Стефана Яворскаго, св. Дмитрія Ростовскаго, Филофея Лещинскаго, Ѳеофана Прокоповича, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Осенью 1700 года умеръ патріархъ Адріанъ, и преемника ему не было. Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій назначенъ былъ только эксархомъ св. патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ, что показывало мѣру временную, переходную; можно было считать ее приготовленіемъ къ уничтоженію патріаршества, можно было ждать также, что патріархъ будетъ когда царь найдетъ способнаго человѣка, и дѣйствительно трудно сказать, былъ ли въ это время уже рѣшенъ Петромъ вопросъ объ уничтоженіи патріаршества. Можно разсуждать такъ: еслибы Петръ хотѣлъ сохранить патріаршество, то что ему мѣшало остановить выборъ на томъ же Стефанѣ Яворскомъ или какомъ нибудь другомъ архіереѣ изъ ученыхъ Малороссіянъ? Первая потребность была въ распространеніи образованія между духовенствомъ, въ надзорѣ за главною школою московскою, Академіею; патріархъ изъ Великороссіянъ не былъ способенъ къ этому по неимѣнію школьнаго образованія; но патріархъ изъ Малороссіянъ удовлетворялъ этой главной потребности. Но мы должны перенестись въ то время, когда на Малороссіянъ въ Великой Россіи смотрѣли какъ на чужихъ; занятіе Малороссіянами архіерейскихъ кафедръ возбудило сильное неудовольствіе, разумѣется прежде всего между людьми, которые сами надѣялись занимать эти кафедръ и были отстранены пришельцами; но эти недовольные были свои и потому ихъ неудовольствіе легко заражало массу. Сильные слѣды этого неудовольствія у великороссійскаго духовенства на малороссійскихъ архіереевъ мы находимъ даже 50 лѣтъ спустя, когда архіереи изъ Великороссіянъ съ ненавистію отзывались о своихъ предшественникахъ

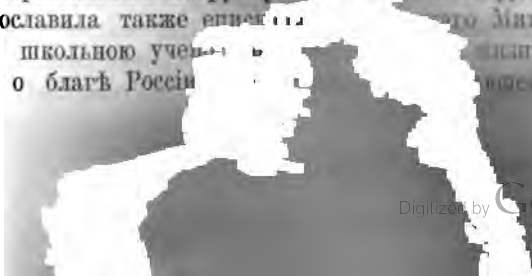
Малороссіянахъ, объ этихъ, по ихъ словамъ, Черкасискахъ никуда негодныхъ и отъ людей переносили свое нерасположеніе къ дѣлу, къ школамъ, заведеннымъ архіереями-Малороссіянами. Петръ, въ виду необходимости, не счелъ позволительнымъ уступить этому чувству, призвалъ Малороссіянъ на архіерейскія каѳедры; но поставить патриарха изъ Малороссіянъ было бы слишкомъ. При томъ кромѣ неудовольствія своихъ Петръ долженъ былъ обращать вниманіе на внушенія Константинопольскаго патриарха не ставить въ патриархи Малороссіянъ, какъ подозрительныхъ въ неправославіи, и особенно Стефана Яворскаго. Такимъ образомъ все соединилось для того, чтобъ затруднить дѣло и заставить Петра отложить его.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патриаршаго престола немедленно послѣдовали преобразованія. Дѣло суда и управленія церковными имуществами сосредоточены были въ монастырскомъ приказѣ, отданномъ въ вѣдѣніе свѣтскому лицу, боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Для прекращенія жалобъ на безпорядки монастырской жизни, на тунеядство и соблазнительное бродяжничество монаховъ и монахинь изъ одного монастыря въ другой, монахи и монахини были переписаны и переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой запрещенъ, кромѣ важныхъ законныхъ причинъ; стража стала у воротъ монастырскихъ; монахи и монахиня не могли выходить кромѣ крайней необходимости и то на короткое время, мірскіе люди могли входить только въ церкви монастырскія во время богослуженія; жить въ монастыряхъ не могли; писать монахи и монахини могли только въ трапезѣ съ позволенія начальства; ибо оказывалось, что въ кельяхъ писались вовсе не душеспасительныя вещи. Нельзя было нѣкого вновь постричь безъ царскаго указа. Прежніе монахи, говорилъ указъ, содержали себя своими трудами и еще питали нищихъ; нынѣшніе же нищихъ не питаютъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, и потому монастырскій привазъ, гдѣ сосредоточивались доходы съ монастырскихъ имѣній, выдавалъ монахамъ на содержаніе известное количество денегъ и хлѣба, остальное должно было идти на пропитаніе нищихъ, въ богадѣльни и въ бѣдные монастыри, у которыхъ не было вотчинъ. На монастырскіе доходы былъ построенъ въ 1707 году въ Москвѣ за Яузою госпиталь, который служилъ вмѣстѣ и медицинскою школою, въ завѣдываніи доктора иностранца Бидлоо и русскаго дѣшаря Рыбкина. Черезъ пять лѣтъ Бидлоо хвалился, что въ госпиталѣ вылѣчено болѣе тысячи больныхъ, хвалился и быстрыми успѣхами своихъ русскихъ учениковъ, которые, въ количествѣ 33 человекъ, ежедневно имѣли дѣло со сто, а иногда и 200 больными. Москва очень нуждалась въ медицинѣ; по указу Петра за 1703 годъ подана была священниками первая вѣдомость о числѣ родившихся и умершихъ; оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ 2000 превышало число рожденій.

Деньги изъ монастырскаго приказа, т. е. собираемыя съ монастырскихъ имѣній, шли также на печатаніе книгъ и на школы для духо-

венства, которыя должны были заводиться и въ другихъ епархіяхъ, кромѣ московской. Указъ 1708 года запрещалъ посвящать въ священники и дьяконы, принимать въ подъячіе и нигуда священнослужительскихъ дѣтей, которые не хотятъ учиться въ школахъ. Разумѣется этотъ указъ могъ служить только побужденіемъ къ начатію школьнаго дѣла. „Что человекъ вразумляетъ какъ не ученіе?“ писалъ св. Димитрій Ростовскій. Онъ имѣлъ печальную возможность доказывать справедливость своихъ словъ примѣромъ священниковъ, какихъ онъ нашелъ въ своей епархіи и какіе, разумѣется, были во всѣхъ другихъ епархіяхъ: священническіе сыновья приходили къ нему ставиться на отцовскія мѣста; митрополитъ спрашивалъ ихъ, давно ли причащались, и получалъ въ отвѣтъ, что и не помнятъ, когда причащались. Св. Димитрій завелъ школу при своемъ домѣ; но самъ долженъ былъ исполнять должность учителя, ибо гдѣ же было взять хорошихъ учителей? При такомъ состояніи духовенства, разумѣется, расколу было легко расширяться. „Съ трудомъ, говорить св. Димитрій, можно было найти истиннаго сына церкви: почти въ каждомъ городѣ изобрѣтаются особая вѣра, простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ“. Такое положеніе церкви заставило св. Димитрія не ограничиваться устною проповѣдію, но вооружиться противъ раскольниковыхъ учителей особою книгою, знаменитымъ „Розыскомъ о раскольниковей вѣрѣ“. И люди, не принадлежавшіе къ расколу, обривши бороды по указу, сомнѣвались въ своемъ спасеніи, думая, что потеряли образъ Божій и подобіе; священники не умѣли ихъ успокоить, они обратились къ митрополиту, и тотъ долженъ былъ писать разсужденіе „Объ образѣ Божіи и подобіи въ человекѣ“. Относительно школъ для духовенства, разумѣется, надобно было ограничиваться самымъ существеннымъ, во первыхъ потому, что учителей не было: Новгородскій митрополитъ Іовъ завелъ было въ своей школѣ преподаваніе греческаго языка, но скоро учителей взяли въ Москву. Съ другой стороны не было денегъ. Тобольскій митрополитъ Филофей Лещинскій писалъ, что надобно въ его школѣ ввести преподаваніе латинскаго языка и принуждать учиться дѣтей всякаго званія. Петръ велѣлъ ему отвѣтить, что онъ долженъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе славянскаго языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной вѣры, чтобъ могли учить мірскихъ людей.

Изъ дѣятельности Димитрія Ростовскаго можно видѣть, какую пользу приносили русской церкви архіереи изъ ученыхъ Малороссіянъ, вызванныхъ Петромъ для распространенія образованія въ духовенствѣ. Ученый ростовскій митрополитъ, завѣщавшій постлать свой гробъ черновыми бумагами своихъ сочиненій, отличался не одною ученостію: церковь причла его къ лику святыхъ. Но въ ликѣ святыхъ Димитрій не одинъ изъ числа современныхъ Петру архіепископовъ и сотрудниковъ его. Церковь прославила также епископа Митрофана, знаменитаго не школьною ученостію, а своимъ искреннимъ и усерднымъ радѣніемъ о благѣ Россіи.

Митрофанъ прославлялъ намѣреніе Петра относительно заведенія флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать своему царю въ великомъ дѣлѣ. Но одними словами воронежскій епископъ не ограничивался: онъ привезъ Петру послѣдніе оставшіеся въ архіерейской казнѣ 6000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно потомъ отсылалъ накопившіяся у него деньги къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: „на ратныхъ“. Петръ горько оплакивалъ кончину святого старца, и, разумѣется, не разъ потомъ долженъ былъ вспоминать о воронежскомъ епископѣ, когда слышалъ о неудовольствіяхъ и жалобахъ на тяжкій трудъ, лишенія, пожертвованія, наложенныя на русскихъ людей труднымъ дѣломъ преобразованія. Нѣкоторые архіереи не могли переносить ограниченія своихъ доходовъ въ слѣдствіе учрежденія монастырскаго приказа; они не хотѣли понять, что еслибы они болѣе или менѣе подражали Митрофану Воронежскому и Дмитрію Ростовскому, то не было бы Монастырскаго Приказа и ненавистный имъ начальникъ этого приказа, Мусинъ-Пушкинъ не нападалъ бы, по ихъ выраженію, на церкви Божіи. „Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? какъ хотятъ другіе архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, Шведы бьютъ, а все за наши слезы“, говорилъ нижегородскій митрополитъ Исаія. Такія выходки со стороны пастырей, разумѣется, должны были дѣйствовать на мірянъ, которые также вопили противъ тяжелыхъ поборовъ людьми и деньгами, противъ того, что не знаютъ покоя отъ сильныхъ движеній преобразованія, отъ этихъ новизнъ, отъ этихъ безпрестанныхъ новыхъ требованій правительства. До насъ дошли заявленія этихъ неудовольствій, историкъ не можетъ отвергнуть ихъ, историкъ долженъ былъ бы предположить ихъ, еслибъ даже его источники и ничего объ нихъ не говорили. Неудовольствіе было и выражалось иногда рѣзкими словами, Преобразователя называли антихристомъ, царемъ не настоящимъ, подмѣненнымъ или при самомъ рожденіи или во время заграничнаго путешествія; но собственно въ Великой Россіи далѣе словъ не шло. То была страна земскихъ людей, тѣхъ сильныхъ людей, которые въ началѣ XVII вѣка выдержали смуту и низложили ее, и которые теперь, въ началѣ XVIII вѣка выдерживали тяжести преобразованія. Здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться на дѣлѣ, возстаніемъ противъ правительства сильнаго, разумнаго, благонамѣреннаго, народнаго, въ смыслѣ охраненія высшихъ народныхъ интересовъ, а не долгополыхъ кафтановъ; здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться возстаніемъ противъ правительства умѣвшаго извлечь лучшія силы изъ народа и сосредоточить ихъ около себя, около преобразователя, слѣдовательно на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе нравственно люди; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укорениться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вотъ въ Москвѣ, около Москвы, во всей Великой Россіи спокойно, не

смотря на то, что царь рѣдко живетъ въ Москвѣ; цари нѣтъ повидимому, но чувствуется всюду присутствіе нравственной силы, нравственного величія. Неудовольствіе обнаруживается на дѣлѣ, возстаніями только на окраинахъ, въ степяхъ. Въ то время какъ Россія устремилась за новою жизнію къ западному морю, степь, оттягивавшая столько вѣковъ Россію къ Азіи, степь подала протестъ. Степь, козаки одно прибіжище, одна надежда для недовольныхъ, которыхъ покой былъ нарушенъ тряскою, разнообразіемъ нововводимой европейской жизни и которые хотѣли возстановить прежнее азіатское, степное однообразіе. Въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застѣпномъ углу, окруженномъ козаками, въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ; между заводчиками бунта встрѣчаемъ и Ярославца, и Москвича, и Симбиряня, и Нижегородцевъ; тутъ дѣйствуютъ раскольники, тутъ же дѣйствуютъ и стрѣльцы. Въ то время когда преобразователь старался поднять и укрѣпить русскаго человѣка наукою и самостоятельнымъ упражненіемъ своихъ силъ, поставить его прямо передъ важнымъ явленіемъ съ способностію допрашивать каждое явленіе о его смыслѣ: заводчики возстанія въ Астрахани спѣшили пользоваться младенческимъ довѣріемъ застѣпнаго русскаго народонаселенія и поднимали его слухами, что будетъ запрещено русскимъ людямъ жениться, а всѣхъ русскихъ дѣвицъ выдадутъ за Нѣмцевъ. Возстаніе вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на козаковъ: съ ихъ помощію они думали усилить смуту и провести ее въ сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись въ своей надеждѣ: бунтъ не пошелъ далѣе Краснаго и Чернаго Яра, потому что на Дону козаки остались въ бездѣйствіи: здѣсь было много недовольныхъ, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплохъ приглашеніемъ Астраханцевъ стать вмѣстѣ съ ними за „брадобритіе“; главное, у нихъ не было вождя; астраханскіе зачинщики сдѣлали большую ошибку, не снесшись предварительно съ недовольными на Дону, сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма прямо въ Черкасскъ къ правительству донскому, тогда какъ атаманы и старые козаки никогда не начинали возстаній, бунты вспыхивали не въ Черкасскѣ, а въ дальнихъ козацкихъ городкахъ, наполненныхъ недавними бѣглецами, такъ называемою голутьбою, искавшею случая побуйствовать и добыть себѣ зипунъ, по козацкому выраженію. Петръ былъ въ Москвѣ, когда получилъ извѣстіе объ астраханскомъ бунтѣ и сначала сильно встревожился, предполагая, что козаки пристанутъ къ бунту. Какое важное значеніе придавалъ онъ событію, видно изъ того, что сейчасъ же отправилъ противъ Астрахани фельдмаршала Шереметева. Вѣсть, что козаки не приняли участія въ бунтѣ сильно обрадовала Петра, который приписалъ это счастливое обстоятельство особенной милости Божіей: „Господь, писалъ онъ, изволилъ не въ конецъ гнѣвъ свой пролить и чудеснымъ образомъ огонь огнемъ затушилъ, дабы мы могли

видѣть, что все не въ человѣческой, но въ Его волѣ“. Астрахань одна не могла держаться, Шереметевъ взялъ ее, и волненіе прекратилось.

Одна опасность прошла; но въ 1708 году, когда Карлъ XII былъ въ русскихъ предѣлахъ, когда Петръ долженъ былъ сосредоточить всѣ свои силы для борьбы съ западомъ, съ Европою, поднялась противъ него Азія: на восточной окраинѣ вспыхнулъ башкирскій бунтъ и одновременно заволновались донскіе козаки, вспыхнулъ булавинскій бунтъ. Мы уже упоминали, что распространеніе русскихъ владѣній на Востокѣ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами было быстро, легко и собственно носить характеръ колонизаціи, а не завоеванія; но жившіе здѣсь народцы, обложившіе данью, неравнодушно сносили зависимость отъ Россіи и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ въ продолженіи XVI и XVII вѣковъ, особенно были опасны тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на турецкаго султана какъ на естественнаго главу своего и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Теперь былъ случай удобный: Русскій царь занятъ на западѣ тяжкою борьбою; и нельзя допускать его до торжества въ этой борьбѣ: этотъ царь сильнѣе всѣхъ прежнихъ царей, онъ уже взялъ Азовъ у султана; побѣдитъ своихъ враговъ на западѣ—востоку, магометанству будетъ бѣда. И вотъ магометанство поднимается; уфимскій башкирецъ, выдавая себя за султана башкирскаго и святаго, ѣздитъ въ Константинополь, въ Крымъ, волнуетъ горскіе народы Кавказа, волнуетъ кочевниковъ въ степяхъ подкавказскихъ, русскіе раскольники, переселившіеся въ эти страны, пристали къ магометанскому пророку, который въ началѣ 1708 года осадилъ русскую пограничную крѣпость на Терекѣ. Терскій воевода отсидѣлся въ осадѣ, подоспѣвшее изъ Астрахани войско разбило и взяло въ плѣнъ пророка; но дѣло этимъ не кончилось: пророкъ уже успѣлъ переслаться съ своими башкирцами, которые и поднялись всѣ, къ нимъ пристали и Татары Казанскаго уѣзда; слишкомъ 300 селъ и деревень и слишкомъ 12,000 людей погибло отъ этого бунта; но дикари не могли стоять противъ русскихъ, хотя и небольшихъ отрядовъ, которымъ и удалось сдержать башкирцевъ, не допустить ихъ до соединенія съ донскими бунтовщиками. Мы уже говорили объ отношеніяхъ козаковъ къ земскимъ людямъ и государству, отношеніяхъ враждебныхъ изначала. Легко понять, что при Петрѣ отношенія эти должны были измѣниться и измѣниться въ пользу государства; преобразователь былъ радъ службѣ Донцовъ; но не хотѣлъ, чтобъ государство слишкомъ дорого платило за эту службу. Мы знаемъ, что онъ призвалъ свой народъ къ великому и тяжкому труду и ничто не могло его такъ раздражить какъ тунеядство, стремленіе избѣгать труда. Народонаселеніе и безъ того было мало, ничтожно сравнительно съ пространствомъ государственной области, а потребность въ людяхъ, въ ихъ трудѣ, въ ихъ деньгахъ, приобретаемыхъ трудомъ и часть которыхъ должна была идти на государственныя нужды,—эта потребность увеличилась. Легко понять, что при та-

кихъ условіяхъ Петръ не могъ сочувствовать людямъ, которые бѣжали отъ труда, и людямъ, которые принимали бѣглецовъ и поставляли свое главное право въ невыдачу ихъ. Такое право приписывали себѣ козаки: „Съ Дону выдачи нѣтъ,“ отвѣчали они постоянно государству на его требованія выдачи. Петръ не могъ признать этого права. Землевладѣльцы жаловались, что они разоряются отъ побѣговъ, платя за бѣглыхъ всякіе подати *спуста*, правительство беретъ съ 20 дворовъ челоѡвка въ солдаты, съ десяти дворовъ работника, а бѣгле крестьяне, живя въ козачьихъ городкахъ, службы не служатъ и податей не платятъ. Царь указомъ 1705 года велѣлъ свестъ козачьи городки, построенные не по указу, не на большихъ дорогахъ, и жителей ихъ поселить по большимъ дорогамъ, и никакихъ бѣглецовъ не принимать, за укрывательство вѣчная каторга, а главнымъ заводчикамъ смерть; всѣхъ пришлыхъ людей, которые пришли послѣ 1695 года, т. е. такихъ, которымъ не вышла десятилѣтняя давность, отослать въ русскіе города, откуда ето пришелъ, потому что, говорить указъ, работники, будучи наняты на казенныя работы, забрали впередъ большія деньги, и не желая работать, бѣгали и бѣгаютъ въ эти козачьи городки. Указъ не исполнялся, былъ повторенъ, и опять не исполнялся. Тогда въ 1707 году Петръ отправилъ на Донъ полковника князя Юрія Долгорукаго съ отрядомъ войска для отысканія бѣглыхъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Внезапно, ночью на Долгорукаго напали козаки и истребили весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Вождемъ козаконъ въ этомъ дѣлѣ былъ бахмутскій атаманъ Кондратій Булавинъ. Другіе козаки говорили Булавину: „Заколыхали вы всѣмъ государствомъ: что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Россіи, тогда и сами пропадете, и намъ придется пропадать“. — „Не бойтесь, отвѣчалъ Булавинъ: началъ я это дѣло не просто, былъ я въ Астрахани, въ Запорожьѣ, на Терекѣ; Астраханцы, Запорожцы и Терчане всѣ мнѣ присягу дали, что скоро придутъ къ намъ на помощь; пойдемъ по козачьимъ городкамъ, приворотимъ ихъ къ себѣ, потомъ пойдемъ дальше, наполнимся конями, оружіемъ, платьемъ; пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, и съ этими вѣрными товарищами пойдемъ на Воронежъ и потомъ до самой Москвы“. Такимъ образомъ въ Москву въ одно время собирались два гостя: Карлъ XII съ образцовымъ западно-европейскимъ войскомъ, и Кондратій Булавинъ съ сильными и каторжными. Булавинъ разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ атаманомъ Кондратьемъ Аѡнасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то приѣзжайте въ горныя вершины Самарскія“. Такъ противъ призыва Петра къ великому и тяжелому труду, чтобъ посредствомъ его войти въ европейскую жизнь, овладѣть европейскою наукою, цивилизаціею, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новыхъ дѣателей въ исторію челоѡчества,—противъ этого призыва раз-

дался призывъ Булавина: „Кто хочетъ погулять, сладко попить, да побѣсть,—прѣзжайте къ намъ!“ И призывъ Булавина отличался откровенностію, призывались прямо воры и разбойники. На Запорожьѣ рѣшили: позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ Татаръ, Черкесъ и Калмыковъ. Характеръ явленія высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азія, Скиѳія на великороссійскіе города, противъ европейской Россіи, которая, несмотря на всѣ препятствія, создала изъ себя крѣпкое государство и теперь съ величайшимъ трудомъ, съ страшнымъ напряженіемъ силъ стремилась дать ему рѣшительный европейскій характеръ. Скиѳія была побѣждена, несмотря на то, что Великая Россія, Москва должна была воевать въ то же время и съ Западною Европою. Булавинъ, имѣвшій сначала большой успѣхъ, провозглашенный атаманомъ всего донскаго войска послѣ истребленія прежняго атамана и старшины, Булавинъ въ іюлѣ 1708 года застрѣлился въ слѣдствіе неудачъ своихъ подъ Азовомъ. Бунтъ не прекратился смертію Булавина, ибо мы видѣли, интересъ какихъ людей былъ затронутъ стремленіемъ государства наложить свою руку на вольную рѣку Донъ, запретить приемъ бѣглыхъ; такихъ людей накопилось много. Бунтъ былъ усмирень только въ ноябрѣ истребленіемъ и уходомъ товарищей Булавина; почти въ одинъ денъ Меньшиковъ сжегъ Батуриинъ, гнѣздо Мазепы, а князь Васил. Влад. Долгорукій сжегъ Рѣшетову станицу, послѣднее убѣжище булавинскихъ товарищей, черезъ шесть мѣсяцевъ была разорена Запорожская Сѣчь и мѣсяць съ чѣмъ-нибудь спустя прогремѣла полтавская битва. Петръ не пустилъ къ Москвѣ гостей, ни шведскаго короля съ Мазепою, гетманомъ войска запорожскаго, ни Булавина съ его ворами и разбойниками.

Петръ торжествовалъ въ Москвѣ неслыханныя побѣды и не складывалъ рукъ, занимаясь дѣломъ внутреннимъ и внѣшнимъ, сиѣша кончить шведскую войну, чтобъ, добившись завѣтной цѣли, не имѣтъ болѣе препятствій для внутреннихъ преобразованій. Въ Польшѣ былъ прогнанъ король, посаженный Карломъ XII, Станиславъ Лещинскій и возстановленъ старый союзникъ Августъ II. Данія опять пристала къ союзу. Въ іюнѣ 1710 взять Выборгъ, „крѣпкая подушка Петербургу“, по выраженію Петра; въ іюлѣ сдалась Рига, и знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ писалъ царю: „Торжествуй радостно преславный обогатитель славяно-русскаго народа“; въ сентябрѣ сдался Ревель, и Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россією. Но среди этихъ успѣховъ Петръ долженъ былъ испытать невыгоды успѣховъ, невыгоды величія и славы. Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихкихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы рождался вопросъ первой важности, какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ, какимъ началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться

въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою сѣвѣрною войною на сѣверовостоѣ, въ западной Европѣ шла великая война за наслѣдство испанскаго престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля Людовика XIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы вмѣшиваться въ сѣвѣрную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ рассчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно слѣпить окончаніемъ сѣвѣрной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи, жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войною за Испанію. Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло помѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастьемъ Швеціи, то отъ этого потерпѣть прежде всего Турція, которая по этому обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и настаиванія приходили въ Константинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою, отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что эта сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхою ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія естественный врагъ Турціи; Башкирецъ, который хочетъ взбунтовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель Магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, которой сила такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востоѣ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи, что Турція необходима для Франціи въ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи Рос-

сія должна быть естественною союзницею Австрiи, слѣдовательно должна быть враждебна Франціи; сильная Россiя естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять австрiйскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россiи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи, этотъ удар прибавился къ пораженіямъ войны за испанское наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Въ слѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россiи, восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турціа для собственной безопасности должна поддерживать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россiи государствъ, Швеціи, Польши и Турціи дѣлается цѣль, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франціа теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣйствiя противъ Россiи. Напуганная Турціа объявила войну Россiи: съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствiя на сѣверѣ и перенести оружіе на югъ; тратить время и силы на войну, въ его глазахъ теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствiя своего торжества, своего новаго значенія, слѣдствiя того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ ввести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаемъ, что неудача есть проба гениа, знаемъ, какъ великій человекъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставивъ примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочеть быть достойнымъ своего вождя, если хочеть быть великимъ народомъ.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

25 февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя объявлено было народу о войнѣ съ Турками. Мы уже говорили, какъ не нравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствiя томили его; сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: „Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь“. Въ другомъ читаемъ: „Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ такъ отдаленному и почитай *во отчаяніи существу*, къ тому же отъ болѣзни чуть ожилъ,

невозможно разсуждать“. Положение было крайне затруднительное: не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ сѣверной войны, которую спѣшилъ кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за испанское наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему полтавская побѣда подавала такую большую надежду, вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжело. Петръ не могъ сосредоточить большого войска на югѣ, надежда на помощь союзника короля польскаго Августа была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятїи христіанскаго народонаселенія Турціи; сербскій полковникъ Милорадовичъ отправленъ былъ поднимать Черногорцевъ и другихъ Славянъ и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла; молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобъ получить помощь отъ своихъ одновѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобъ предупредить Турокъ, нужно было спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобъ царь шелъ какъ можно скорѣе; господари молдавскій и валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это подниметъ Сербовъ и Болгаръ. Петръ послалъ Шереметева къ Дунаю—нельзя ли предупредить Турокъ и разорить мость. Но Турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ—двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ или оставаться? на военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе, что Молдавія уже объявила себя за Русскихъ, и остановиться значило отдать ее въ беззащитную жертву Туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ Турками у Прута (9 іюля): у Турокъ было 200,000 войска, у Русскихъ только около 40,000. Несмотря на то напавшій непріятель былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: Янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ Русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобъ визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренне, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача Туркамъ Азова, разореніе Таганрога и другихъ новостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, не знавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностію мирныхъ условій, съ великою радостію выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою радостью, что все же война кончилась на югѣ и это дастъ

продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ; но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе, что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ Турками, ибо Карлъ XII, крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи козаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія. Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобъ царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ, ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступить внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышляя о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. „Но разсудить надлежитъ, писалъ онъ, что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну вести и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является; сохрани Боже ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывавъ, дождались французскаго мира (т.-е. окончанія войны за испанское наслѣдство), то бѣ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золь легчайшее выбрать“. Наконецъ миръ съ Турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ миромъ имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобъ помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности мѣста ихъ дѣйствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ при громаднхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка Данилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальныя Черногорцы получили 160 медалей на 1,000 червонныхъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ королемъ шведскимъ поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ Славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичъ и сдѣланъ былъ гадяцкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молдавскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ кievской и азовской губерніяхъ, полковникамъ дано по мѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ, на хозяйственное обзаведеніе

даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право презывать къ себѣ еще людей изъ своихъ народовъ и общаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностію дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой Сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языка, также книгъ церковныхъ: „Будь намъ второй апостоль, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?“ Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ; отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало.

Но если Петръ считалъ своею обязанностію помогать и отдаленнымъ соплеменникамъ, то понятно, что не могъ не обратить вниманія на горькую судьбу русскихъ людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую вѣру, терпѣли притѣсненія въ сосѣднемъ государствѣ, хотя и славянскомъ, но католическомъ. Петръ былъ въ союзѣ съ польскимъ королемъ Августомъ II. Августъ измѣнилъ союзу, когда несмотря на сильную помощь, несмотря на калишскую побѣду, тайкомъ отъ царя заключилъ миръ съ Карломъ XII и отказался отъ польскаго престола. Несмотря на то, послѣ Полтавы Петръ возстановилъ его на польскомъ престолѣ. Казалось, можно бы ожидать благодарности; но на благодарность въ политикѣ нельзя рассчитывать. Августъ былъ нѣмецкій государь, саксонскій курфюрстъ, который смотрѣлъ на Польшу какъ на средство усиленія для своего дома, смотрѣлъ и на русскаго царя какъ на орудіе для этого усиленія. Но какъ скоро оказалось, что Петру никакъ уже не приходится служить орудіемъ въ рукахъ какого нибудь Августа, какъ скоро оказалось, что могущественная Россія и ея великій царь никакъ не позволятъ саксонскому курфюрсту усиливаться на счетъ Польши, такъ тѣсно связанной съ восточною Россіею роковою связью Россіи западной, какъ скоро оказалось, что Петръ, завоевавшій Ливонію безъ помощи Августа не отдастъ ее ему, то Августъ счелъ полезнымъ для себя отстать отъ Россіи, сблизиться съ враждебными ей державами, съ Франціею, Турціею, показать имъ, что онъ вовсе не союзникъ русскаго царя, готовъ сдѣлаться и врагомъ его, и потому согласно съ ихъ интересомъ поддерживать его на польскомъ престолѣ; а между тѣмъ, подъ шумокъ, пока еще Петръ занятъ шведскою войною, Августъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли въ Польшѣ, подчинивъ себѣ рѣчь popolитую посредствомъ саксонскаго войска. Два года сряду 713 и 714 былъ въ Польшѣ большой неурожай, а между тѣмъ голодная страна должна была содержать саксонское войско, котораго король не выводилъ, несмотря на всѣ просьбы Поляковъ, несмотря на требованія Россіи. Поляки ~~не смѣли~~ кричали, что ихъ вольность уже кон-

чается, что имъ остается одно спасеніе—просить обороны у російскаго орда. Наконецъ возстаніе вспыхнуло; образовалась конфедерация, и конфедераты начали биться съ Саксонцами. Литовскій гетманъ Потѣй обратился къ Петру съ вопросомъ, что ему дѣлать? Въ Польшѣ конфедерация, которая требуетъ, чтобъ и Литва соединилась съ нею: одно средство успокоить страну, это защита и посредничество царскаго величества. Петръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ прислано ко мнѣ прошеніе отъ всей рѣчи посполитой, и тогда я вступлю въ посредничество для ея облегченія и примиренія съ королею“. Въ Мартѣ 1716 года пріѣхали къ Петру послы конфедерации съ просьбою вступить въ дѣло; король волею-неволею долженъ былъ согласиться на посредничество русскаго государя. Это новое положеніе Россіи относительно Польши возбудило сильное движеніе въ сосѣднихъ державахъ: и Австрія, и Пруссія стали хлопотать, чтобъ Поляки приняли и ихъ посредничество; но дѣло обошлось и безъ нихъ: благодаря движенію русскихъ войскъ, саксонскія войска въ 14 дней должны были очистить Польшу.

Но избавивъ Поляковъ отъ Саксонцевъ, Петръ долженъ былъ избавить православныхъ жителей западной Россіи отъ польскихъ притѣсненій. Въ XVI и XVII вѣкахъ религіозное гоненіе, поднятое на русское народонаселеніе въ польскихъ областяхъ, повело къ сильному движенію среди его, физическому и нравственному, въ слѣдствіе чего значительная часть русскихъ земель отторгнулась отъ Польши и присоединилась къ Россіи восточной или великой. Это событіе еще болѣе раздражило Поляковъ, заставило ихъ еще болѣе хлопотать о томъ, какъ бы уменьшить во владѣніяхъ рѣчи посполитой число русскихъ, какъ бы заставлятъ ихъ ополячиваться, т. е. обращаться въ католицизмъ или сначала въ унию; хотѣли такимъ образомъ уменьшить число людей, которые тянули къ Россіи, ждали отъ нея помощи и покровительства; особенно старались окатоличить, ополячить какъ можно скорѣе православную шляхту, ибо шляхтичъ, какъ членъ сейма былъ членомъ правительства, а на сеймахъ боялись людей, которые могли бы поддерживать русскіе интересы, русскія требованія. Отсюда послѣ окончанія бѣрбы у Польши съ Россіею андрусовскимъ перемиріемъ, а потомъ и вѣчнымъ московскимъ миромъ гоненіе на православныхъ въ Польшѣ, отнятіе архіерейскихъ кафедръ у православныхъ и отдача ихъ униатамъ не ослабѣваютъ, но усиливаются. Православные обращаются съ жалобами къ русскому правительству и Петръ, для прекращенія этихъ жалобъ, рѣшается употребить сильныя мѣры. Въ 1722 году пріѣзжаетъ въ Москву бѣлорусскій епископъ Сильвестръ, князь Четвертинскій, представляетъ длинный списокъ обидъ и притѣсненій, какія терпятъ православное духовенство отъ католиковъ, показываетъ знаки ранъ, полученныхъ имъ самимъ за то что вступался за своихъ священниковъ, палками обращаемыхъ въ унию. Петръ написалъ королю, что единственное средство прекратить жалобы православныхъ это составить комиссію для изслѣдованія обидъ и полученія за нихъ

удовлетворенія; но эту комиссію нельзя составить изъ однихъ поляковъ католиковъ, въ ней непременно долженъ быть русскій и царскій подданный. „Если же, паче чаянія, писалъ Петръ королю, удовлетворенія не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія“. Не дожидаясь отвѣта, Петръ уже назначилъ своего комиссара, переводчика при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, западнорусскаго же уроженца Рудаковскаго, которому немедленно же велѣлъ ѣхать въ Могилевъ, освѣдомиться подлинно обо всѣхъ обидахъ людямъ греческаго исповѣданія, приготовить всѣ доказательства для комиссіи, и стараться, чтобъ впредь не было гоненія на православныхъ. Протестанты въ польскихъ владѣніяхъ также обратились къ Петру съ просьбою о покровительствѣ; видя это, прусскій дворъ снѣшилъ также присоединиться къ дѣлу, обратился къ русскому государю съ просьбою заступиться за евангеликовъ, гонимыхъ въ Польшѣ. Такъ поднимался знаменитый диссидентскій вопросъ, который ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1772 году рѣшился первымъ раздѣломъ Польши, когда знаменитая собирательница русскихъ земель Екатерина II присоединеніемъ Бѣлоруссіи отпраздновала столѣтній юбилей Петра I-го. Рудаковскій писалъ Петру, что епископъ бѣлорусскій все доносилъ справедливо о гоненіяхъ на церковь восточную, развѣ что еще забылъ написать. Коммисаръ началъ свою дѣятельность: по жалобѣ пинскихъ монаховъ на захватъ православныхъ монастырей и церквей въ унию, поведено было дѣло въ судѣ и состоялся приговоръ о возвращеніи отнятыхъ монастырей и церквей православныхъ. Рудаковскій съ мужествомъ привелъ въ исполненіе королевскій декретъ объ этомъ возвращеніи. Тщетно всендзы и униаты вопили какъ бѣсноватые: „Намъ бѣда! намъ грозитъ смерть! лучше бы намъ было видѣть въ этихъ церквахъ Турокъ или Жидовъ, чѣмъ проклятыхъ схизматиковъ!“ Ожесточеніе вызывало ожесточеніе и съ другой стороны: значительнѣйшіе изъ русскаго духовенства въ Бѣлоруссіи предлагали Рудаковскому поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и униатовъ, потому что, говорили они, простой народъ весь пойдетъ за нами. Рудаковскій отвѣчалъ имъ, чтобъ позабыли и думать объ этомъ, и дожидались бы покровительства русскаго государя, который уже прислалъ его, Рудаковскаго, для защиты восточной церкви. Ненависть Поляковъ къ небывалому у нихъ комиссару доказывала, что онъ былъ присланъ не по напрасну. Польскіе министры требовали, чтобъ Рудаковскій былъ отозванъ, „ибо не помнимъ, писали они, чтобъ когда либо прежде подобные комиссары жили въ земляхъ нашихъ и вмѣшивались въ дѣла духовныя“. Но комиссаръ не былъ отозванъ и продолжалъ свою дѣятельность. Съ другой стороны Петръ шелъ на переکورъ королю Августу въ его стремленіяхъ сдѣлать Польшу наследственною въ своей фамиліи, удержать польское войско подъ начальствомъ саксонскаго фельдмаршала, въ замыслахъ раздѣлить Польшу. Такимъ образомъ союзъ, заключенный съ цѣлію сдѣлать Россію орудіемъ для выполнения саксонскихъ замысловъ, рушился, когда рус-

скій царь, не могнвій, по своей природѣ, служить орудіемъ для чужихъ замысловъ, оправдалъ опасенія Паткуля, одинъ усилился въ сѣверной войнѣ, ибо одинъ безъ союзниковъ сокрушилъ шведскую силу при Полтавѣ, и не считалъ полезнымъ для Россіи усиливать Саксонію на счетъ Польши. Также рушились и другіе союзы. Овладевъ прибалтійскими областями, Петръ для скорѣйшаго окончанія войны рѣшился дѣйствовать противъ германскихъ владѣній Швеціи, и съ помощію датскаго флота произвести высадку и въ самую Швецію. Онъ пригласилъ Данію, Ганноверъ, Пруссію участвовать въ этой войнѣ; они бросились на легкую добычу, на шведскія владѣнія въ Германіи, также на владѣнія родственнаго и союзнаго Швеціи голштинскаго дома; но скоро Данія и Ганноверъ были напуганы внушеніями о завоевательныхъ замыслахъ русскаго царя относительно Германіи. Внушенія пошли отъ мекленбургскаго дворянства, которое было въ ссорѣ съ своимъ герцогомъ, а Петръ держалъ сторону герцога, женатаго на его племянницѣ цесаревнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Данія и курфюрстъ ганноверскій Георгъ, сдѣлавшійся королемъ англійскимъ сочли своею обязанностію мѣшать Петру въ окончаніи сѣверной войны, въ заключеніи выгоднаго мира съ Швеціею. Но Петръ достигъ своей цѣли и безъ союзниковъ. Въ 1713 году почти вся Финляндія была уже въ русскихъ рукахъ: „Эта страна намъ вовсе не нужна, писалъ Петръ, но надобно занять ее для того, чтобъ при мирѣ было что уступить Шведамъ“. Въ 1714 году одержана была знаменитая морская Гангудская побѣда. Карлъ XII, возвратясь изъ Турціи, нашелъ шведскія дѣла въ такомъ положеніи, что по внушенію министра своего, голштинца Герца, рѣшился въ 1718 году вступить въ переговоры съ Петромъ, сдѣлать ему большія уступки, чтобъ съ его содѣйствіемъ вознаграждать Швецію на счетъ другихъ враговъ ея. Аландскій конгрессъ, на который съ этою цѣлію съѣхались русскіе и шведскіе уполномоченные, рушился въ слѣдствіе смерти Карла XII; сестра его Ульрика Элеонора, ставшая королевою шведскою и вельможи, захватившіе власть въ свои руки, понадѣялись на обѣщанія англійскаго короля Георга и рѣшились продолжать войну съ Россіею. Англійскій флотъ дѣйствительно явился въ Балтійское море, чтобъ испугать Петра и сдѣлать его уступчивѣе; но Петра испугать было нельзя: въ глазахъ Англичанъ русскіе высаживались на шведскіе берега и пустошили ихъ. Въ Швеціи наконецъ поняли, что никто не подастъ имъ помощи противъ Петра, начали снова мирные переговоры, и 30 августа 1721 года въ Ништадтѣ заключенъ былъ миръ, по которому съ шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникамъ въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Корелии съ дистриктомъ Выборгскаго лена со всеми аппартиненціями и депенденціями, юрисдикціею, правами и доходами.

4 сентября въ Петербургѣ сильное волненіе: царь, отправившійся въ Выборгъ, неожиданно возвращается изъ своей поѣздки, плыветъ и

каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубить: что это значить?... Наконецъ слышится радостное, желанное слово: миръ! Толпы собираются къ Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его, просятъ принять чинъ адмирала. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ для угощенія народа, устроено возвышенное мѣсто. Послѣ молебна на это возвышенное мѣсто всходитъ царь и говорить окружающему народу: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всеильный Богъ прѣкратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ“. Сказавши это, Петръ беретъ ковшь съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: „Да здравствуетъ государь!“ 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Сильная, свѣжая, вѣчно-юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумѣется сказала и тутъ: онъ веселился какъ ребенокъ. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, болѣе другихъ понимавшіе въ чемъ дѣло, болѣе другихъ потрудившіеся. Имъ представлялось то, что было 20 лѣтъ назадъ и что теперь, имъ представлялось то униженіе, въ которомъ была Россія послѣ Нарвы, и то уваженіе, съ которымъ разступились передъ нею теперь европейскія державы, чтобъ дать ей почетное мѣсто среди себя; они живо чувствовали, какъ въ двадцать лѣтъ расширилась ихъ умственная сфера, какъ они много узнали, какъ измѣнились въ слѣдствіе того ихъ понятія и взгляды, они чувствовали себя совершенно другими людьми и на языкѣ ихъ неволью появлялись слова, что они перешли изъ небытія въ бытіе, и что обязаны этимъ своему вождю, начальнику ихъ компаніи. Они поднесли Петру титулъ Отца Отечества, Великаго Императора Всероссійскаго за то, что „его неусыпными трудами и руководствомъ они изъ тьмы невѣдѣнія на оеатръ славы всего свѣта и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены“. Петръ отвѣчалъ имъ простыми словами, ибо простота всегдашняя спутница величія: „Желаю весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога; но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получить облегченіе“. Петръ, и по окончаніи знаменитой войны, остался вѣренъ представленію о ней, какъ о школѣ; онъ писалъ: „Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время (21 годъ) была, однакожь, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно“. Съ 22 октября 1721 года, когда Петру поднесенъ былъ названный титулъ, Россія стала имперіею. До тѣхъ поръ въ Ев-

ропѣ былъ одинъ императоръ, императоръ священной римской имперіи, но въ Европѣ давно уже толковали, что Петръ стремился стать восточнымъ римскимъ императоромъ. Петръ дѣйствительно сталъ императоромъ, но не восточнымъ римскимъ, а всероссійскимъ, ему не было никакого дѣла до Рима, и онъ отвергнулъ эту бессмысленную для Россіи, для ея исторіи ветхость. Онъ трудился для Россіи и съ Россією, для нея и съ нею онъ добылъ императорскій титулъ, и не отлучилъ родной страны отъ собственной славы. Только въ XIX вѣкѣ остальная Европа покончила съ трупомъ Римской имперіи, рѣшилась похоронить его; только въ XIX вѣкѣ вмѣсто римской явились имперіи французская, австрійская, германская. Но Петръ цѣлымъ вѣкомъ предупредилъ это явленіе, первый въ своемъ титулѣ указалъ начало народности. Великая благодарность великому человѣку за то, что онъ неразрывно связалъ имя свое и своихъ преемниковъ съ именемъ своего народа, съ именемъ родной страны.

18 декабря новый императоръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей и въ Успенскомъ соборѣ благодарилъ Бога за миръ, который далъ Россіи море и окончательно опредѣлилъ ея новыя историческія пути. И въ Москвѣ началось вразднество, маскарады, фейерверки, иллюминаціи, ѣзда по улицамъ на морскихъ судахъ, поставленныхъ на сани. Но отъ этихъ праздниковъ въ честь мира обратимся ко внутренней дѣятельности Петра во время сѣверной войны и послѣ нея.

Мы видѣли первыхъ главныхъ сотрудниковъ Петра, видѣли, что самымъ виднымъ лицомъ, первымъ министромъ въ глазахъ иностранцевъ былъ бояринъ, адмиралъ Фед. Алексѣевичъ Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Здѣсь мы видимъ естественную въ первое время неразвитость, т. е. отсутствіе раздѣленія занятій, нѣсколько должностей сосредоточиваются въ рукахъ одного человѣка. Головинъ и адмиралъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдываетъ оружейною палатою и новоучрежденными школами. Съ теченіемъ времени, когда пронизательный взглядъ Преобразователя отбрасывалъ все болѣе и болѣе способныхъ людей, происходитъ развитіе, раздѣленіе занятій, различныя должности передаются отдѣльнымъ лицамъ. Петръ лишился Головина въ 1706 году, и сильно горевалъ о потерѣ „друга“, ибо имѣлъ способность привязываться къ достойнымъ людямъ, какъ имѣлъ способность привязывать къ себѣ достойныхъ людей. По смерти Головина его должности уже раздѣляются: адмираломъ становится Апраксинъ, завѣдываніе иностранными дѣлами поручается Головкину съ титуломъ канцлера; но еще Головинъ выдвинулъ изъ переводчиковъ посольскаго приказа даровитаго Шафирова, который потомъ при Головкинѣ сдѣлался вице-канцлеромъ. Быстро выдвигается и чрезвычайно даровитый Ягужинскій, котораго мы видимъ при разныхъ дворахъ съ важными дипломатическими порученіями; мы уже упоминали, какъ благодаря правилу Петра учить своихъ на практикѣ, на дипломатическомъ поприщѣ понятливые ученики сдѣлались скоро ма-

стерами. Двое Долгорукихъ, Григорій Ѳед. и Василій Лукичъ, Матвѣевъ, Кн. Куракинъ, Петръ Андр. Толстой усердно помогали Петру въ дипломатической борьбѣ съ Европою отъ Лондона до Константинополя; въ хорошей школѣ не можетъ быть недостатка въ подросткахъ, и эти подростки обозначились и окрѣпли при Петрѣ; они, по завѣщанію Петра, имѣя постоянно въ умѣ и на языкѣ имя великаго преобразователя, вели русскую политику чрезъ первую половину XVIII вѣка и передали ее въ достойныя руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначились въ двоихъ братьяхъ Бестужевыхъ, уже занимавшихъ при Петрѣ очень значительныя дипломатическія посты: обозначился и знаменитый иностранецъ, который въ печальныя для русской народности времена внутри Россіи, искусно поддерживалъ русскіе интересы въ Европѣ, обозначился знаменитый Остерманъ. Однажды на кораблѣ, гдѣ находился государь, произошла драка между царскимъ денщикомъ и молодымъ нѣмцемъ, ведшимъ дневникъ у вице-адмирала; нѣмецъ прямо пришелъ къ царю съ жалобою и просьбою о сатисфакціи: Петръ сатисфакціи ему не далъ, сказавши: „пьяное дѣло!“; но наружность нѣмца остановила его вниманіе; по своему обычаю, онъ поднималъ у него со лба волосы, посмотрѣлъ въ глаза, и взялъ къ себѣ для иностранной переписки. Нѣмца звали Остерманомъ: онъ велъ переговоры и заключилъ Ништадскій миръ. Сохранились рассказы современниковъ о томъ, какъ поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились и сейчасъ къ государю на экзамень зимою въ 6 часовъ утра: Петръ со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ, спрашивалъ ихъ, остался доволенъ. Одинъ изъ возвратившихся изъ-за границы, извѣстный Неплюевъ былъ опредѣленъ Петромъ въ смотрители надъ постройкою галеръ, должность, въ которой онъ почти ежедневно видалъ государя. Петръ замѣтилъ, что въ маломъ будетъ путь, и начальствующія лица начали воспитывать молодаго офицера, учить его какъ служить и какъ сохранить расположеніе царя: „Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было: онъ больше разсердится, если солжешь“. Скоро Неплюевъ подвергся экзамену въ этомъ искусствѣ. Однажды онъ пришелъ на работу, а Петръ уже тутъ: Неплюевъ сильно перепугался и первую мыслью было бѣжать домой и сказаться больнымъ: но потомъ вспомнились наставленія и онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. „А я уже, мой другъ, здѣсь!“ сказалъ ему Петръ.—„Виновать, государь, отвѣчалъ Неплюевъ, вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ“.—„Спасибо, что говоришь правду, сказалъ Петръ, Богъ простить! кто бабѣ не внукъ?“ Послѣ того Неплюевъ получилъ мѣсто резидента въ Константинополѣ такимъ образомъ, показывающимъ всю простоту отношеній Петра къ своимъ приближеннымъ: У государя былъ обѣдъ для всей знати, также для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ приглашенъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами прежде, онъ всталъ изъ-за стола и отпра-

Вѣнѣ пригласить изъ австрійскихъ коллегій въ русскую службу чиновниковъ славянскаго происхожденія, Чеховъ, Моравовъ, которые могли бы скорѣе Нѣмцевъ выучиться русскому языку; велѣлъ пригласить въ службу при коллегіяхъ шведскихъ плѣнниковъ, выучившихся по русски, а между тѣмъ, при первой возможности старался отдѣлаться отъ иностранцевъ въ коллегіяхъ: въ 1722 году, сидя въ сенатѣ, Петръ велѣлъ президентамъ коллегій разобрать иноземцевъ коллежскихъ членовъ, и указать тѣхъ, которые годны, а негодныхъ отпустить. Легко понять, какое препятствіе всѣ эти учрежденія встрѣчали въ недостаткѣ способныхъ людей при общемъ малолюдствѣ; въ 1722 году генераль-прокуроръ жаловался, что еще 100 мѣстъ въ управленіи остаются незамѣщенными. Поручая герольдмейстеру готовить молодыхъ дворянъ для гражданской службы, Петръ однако внушалъ ему, чтобъ онъ не слишкомъ много пускалъ въ гражданскую службу, иначе армія и флотъ истощатся; послѣ этого внушенія нельзя сказать, чтобъ должность петровскаго герольдмейстера была легка. Высшія учрежденія, коллегіи еще какъ нибудь наполнялись людьми; но въ областномъ управленіи Преобразователь, вслѣдствіе недостатка людей, долженъ былъ отказаться отъ своихъ любимыхъ плановъ относительно коллегіальной формы и отдѣленія суда отъ управленія; его планы остались программой для будущаго. Но Петръ не хотѣлъ отказаться отъ другаго воспитательнаго для народа средства, отъ выборовъ, которые онъ устраивалъ повсюду въ обширныхъ размѣрахъ, въ гражданской и военной службѣ. Сверху выборы начинались съ президентовъ коллегій и самъ Петръ присутствовалъ при этихъ выборахъ, училъ, какъ производить ихъ правильно и безпристрастно: выбиралъ сенатъ съ участіемъ генералитета, членовъ коллегій и 100 человекъ выборныхъ изъ дворянства; въ другіе высшіе чины сенатъ избиралъ баллотировкою, въ низшіе назначалъ просто. Петръ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ выборы распространили жизнь, самостоятельное движеніе, общую дѣятельность и въ областяхъ. Какъ обыкновенно и вездѣ бываетъ, право выбора явилось тяжелою обязанностію, отъ которой старались избавиться. Петръ велѣлъ выбирать дворянамъ сборщиковъ податей или земскихъ комиссаровъ; дворяне начали вмѣсто себя посылать на выборы прикащиковъ. Петръ запретилъ это, предписалъ помѣщикамъ, а въ поморскихъ (сѣверныхъ) городахъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, обывателямъ сѣзжаться къ новому году для выбора земскаго комиссара. Если на прежняго комиссара будутъ просьбы, то помѣщики или обыватели судятъ его по винѣ, штрафуютъ и по экзекуціи доносятъ губернаторамъ и воеводамъ. Преобразователь отстаивалъ свои воспитательныя средства, не смотря на страшныя препятствія. Намъ еще предстоитъ печальная обязанность рассказать о тѣхъ застарѣлыхъ въ русскомъ общественномъ тѣлѣ болѣзняхъ, которыя вскрылъ Преобразователь и неутомимо и неутомимо преслѣдовалъ. Борьба была тяжелая. „На душу Петру Алексѣвичу, рассказываютъ современники, по временамъ находила такая черная туча, что онъ запирался и никого не

допускалъ въ себѣ“. Но труды и страданія не пропали даромъ. Современники же Петра свидѣтельствуютъ, что они учились у него „благородному безстрашію и правдѣ“. Значить была хорошая школа, хорошій учитель и хорошіе ученики.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Въ концѣ прошедшей бѣды нашей я упомянулъ о внутренней ожесточенной борьбѣ, которую долженъ былъ вести преобразователь и которая, по выраженію современниковъ, наводила на него черныя тучи, борьба не съ стрѣльцами, не съ козаками, не съ Башкирцами, не съ вооруженною силою, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требованія и съ которою легко было бороться въ борьбѣ открытой: борьба гораздо болѣе тяжкая, болѣе изнурительная шла съ людьми, которыхъ Петръ призывалъ для новой, сильной и славной дѣятельности и которые, по своимъ способностямъ, откликнулись на призывъ, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главнаго смысла призыва, значенія той помощи, какой особенно требовалъ отъ нихъ Петръ. Они принесли свое мужество для борьбы со внѣшними врагами, способность къ тяжелому труду, способность быстро приобрести знаніе, искусство въ томъ или другомъ дѣлѣ, нужномъ для Россіи; но многіе не принесли другаго высяга, гражданскаго мужества, не принесли способности отказаться отъ частной корысти для общаго дѣла, способности отвыкнуть отъ жизни врознь, способности отвыкнуть отъ взгляда на службу государственную какъ на кормленіе, на подчиненныхъ, какъ на людей обязанныхъ кормить, на казну, какъ на общее достояніе въ томъ смыслѣ, что всякій добравшійся до нея имѣетъ право ею пользоваться. Преобразователь твердилъ о государствѣ, заставлялъ присягать ему, твердилъ, что надобно стараться о пользѣ общей, ибо отъ этого старанія народъ получить облегченіе: эти слова для многихъ были только словами, словами языка чуждаго, непонятнаго. Борьба была тяжела, тяжелѣе сѣверной войны; не могъ преобразователь быть поощренъ въ ней Полтавою, не могъ окончить ее ништадскимъ миромъ. Борьба не кончилась; но мы должны почтить труды перваго учителя, благоговѣнно отнестись къ его скорби отяжкой борьбѣ съ укоренившимися противуобщественными привычками. Призывая народъ къ тяжкому труду, къ лишеніямъ и жертвованіямъ, сберегая самъ каждую копейку, Петръ слышалъ общія глухія жалобы, что деньги, собираемыя съ народа, идутъ не на общее дѣло, а по частнымъ карманамъ, что народу не достаетъ одной изъ главныхъ потребностей общественной жизни, суда праваго и скорога. Загремѣли указы, что государю извѣстно умноженіе великихъ неправдъ и грабительствъ государственной казны, отъ чего многіе всякихъ чиновъ люди, особенно крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность;

указы грозили смертною казнію плутамъ, которые стараются только о томъ, какъ бы подводить эти мины подъ всякое доброе дѣло и несмысленность свою наполнять. Въ указахъ были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, вслѣдствіе чего никто не могъ отговариваться: прежде это дѣлалось, позволялось, а не зналъ, что это не хорошо, запрещено теперь. Но все указы писать, если ихъ не исполнять; тѣхъ, которые въ ихъ неисполненіи находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственныхъ средствъ для наблюденія за этими людьми и для ихъ сдерживанія; государство должно было взять это на себя, дѣйствовать своими средствами, единственно для него доступными при безсиліи общества, при безпомощности государства съ этой стороны. Учредивъ сенатъ, и поручая ему прежде всего судъ имѣть нелицемѣрный, преслѣдовать судей неправедныхъ и ябедниковъ, Петръ велѣлъ ему выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго, изъ какаго бы чина ни было, который надъ всѣми дѣлами долженъ былъ тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, про сборъ казны, и узнавши про неправо дѣло, звать виновнаго предъ сенатъ, какаго бы важнаго мѣста преступникъ ни занималъ. Въ вѣдѣніи оберъ-фискала должны быть провинціальныя фискалы и фискалы при каждой отрасли управленія. И здѣсь какъ вездѣ Петръ поступалъ по своему правилу: у Сената все въ рукахъ, пусть же онъ выбираетъ оберъ-фискала, и выборъ не стѣсненъ, пусть выбираютъ изъ всѣхъ состояній, изъ всего народа, лишь былъ бы человѣкъ умный и добрый; сенатъ отвѣчалъ, еслибы человѣкъ, получившій такую важную обязанность, оказался не умнымъ и не добрымъ. Сенатъ не могъ жаловаться, если оберъ-фискалъ обвинялъ самихъ сенаторовъ и обвинялъ, по ихъ мнѣнію, несправедливо: сами они его выбрали изъ цѣлаго народа, какъ человѣка умнаго и добраго. Фискалы начинаютъ дѣйствовать, подаютъ въ Сенатъ свои доношенія, сенаторы встрѣчаютъ ихъ бранью, обзываютъ антихристами и плутами, на ихъ доношенія не обращается никакого вниманія. Тогда фискалы обращаются къ царю, вскрываютъ злоупотребленія самихъ сенаторовъ. Особенно дѣятельностію становится знаменитъ оберъ-фискалъ Нестеровъ. Издавна чрезвычайною разнузданностію отличались правители отдаленныхъ областей, именно Сибири; теперь фискалъ началъ дѣло, по которому вскрылись злоупотребленія сибирскаго губернатора, князя Гагарина, и Гагаринъ былъ казненъ. Вскрылись злоупотребленія по всѣмъ окраинамъ, въ Астрахани и въ новозавоеванномъ Ревелѣ, вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимыя подъ добрыя дѣла. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда, возвращаясь изъ заграничныхъ походовъ въ Россію, вмѣсто отдохновенія, т. е. спокойнаго труда по внутреннимъ дѣламъ въ кругу людей близкихъ, довѣренныхъ, любимыхъ, долженъ былъ испытывать сильное раздраженіе, получая извѣстія о противозаконныхъ поступкахъ этихъ самыхъ людей. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда онъ узнавалъ о незаконныхъ поступкахъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, того, кого онъ

возвысилъ и обогатилъ больше всѣхъ, кто слѣдовательно не имѣлъ уже ни въ чьихъ глазахъ ни малѣйшаго оправданія въ своей алчности къ обогащенію; когда онъ узнавалъ о противозаконныхъ поступкахъ знаменитаго Данилыча, Меншикова. Меншиковъ, по своимъ способностямъ, безспорно занималъ первое мѣсто между сотрудниками Петра; особенно былъ онъ дорогъ Преобразователю своею энергіею, своею находчивостію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, исполнителнностію тамъ, гдѣ другіе колебались, тратили время въ разсужденіяхъ и перебранкахъ или посылали за указомъ. Но сила развивается, не встрѣчая препятствій, и извѣстно, что можетъ позволить себѣ чловѣкъ сильный въ обществѣ, которое не выработало сдержекъ для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышеніе, любовь и довѣріе царя разнуздали Меншикова: онъ не зналъ предѣловъ своимъ честолюбивымъ помысламъ и своимъ захватамъ. Общество не выработало сдержекъ для сильнаго чловѣка; онъ могъ найти эти сдержки только въ царѣ, и отсюда печальныя столкновенія Петра съ чловѣкомъ, котораго онъ называлъ дитею своего сердца. Первое столкновеніе произошло въ 1711 году вслѣдствіе жалобъ на поведеніе Меншикова въ Польшѣ во время прохода его съ войскомъ чрезъ эту страну. Петръ проѣзжалъ черезъ Польшу, отправляясь въ турецкій походъ, печальный и больной, и тутъ-то къ усиленію печали и болѣзни узналъ о злоупотребленіяхъ своего любимца; онъ писалъ къ Меншикову: „Зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ будучи въ такихъ печаляхъ уже пришло до себя, и не буду жалѣть никого“. Свѣтлѣйшій князь позволилъ себѣ возразить, что не велика важность, если какая бездѣлица и взята у Поляковъ. Петръ отвѣчалъ: „Что ваша милость пишете о сихъ грабежахъ, что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей“. Петръ указалъ своему любимцу и на другой страшный вредъ: отъ привычки къ грабежу исчезла дисциплина въ русскомъ войскѣ и надобно было возстановлять ее строгостями. Первая брань, къ несчастію, не была послѣднею. Она, какъ видно, перемѣнила уже взглядъ Петра на Меншикова; царь былъ осторожнѣе, внимательнѣе относительно его; возвратясь изъ прутскаго похода, во время котораго Меншиковъ оставался въ Петербургѣ въ званіи губернатора, Петръ нашелъ злоупотребленія, и отправляя потомъ Меншикова противъ Шведовъ въ Померанію, говорилъ ему: „Ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большей бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію: не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя“. Меншиковъ не отвѣтилъ головою за Померанію; но злоупотребленія его по внутреннему управленію вскрывались все болѣе и болѣе, и прежнія дружескія отношенія между нимъ и царемъ исчезли навсегда; прежній шутиливый,

свободный, товарищескій тонъ писемъ Данилыча смѣнился униженнымъ тономъ провинившагося подданнаго предъ грознымъ государемъ. Меншиковъ долженъ былъ выплатить огромный начеть. Но дѣломъ Меншикова не ограничивались скорбныя для Петра дѣла, выказывавшія такое неудовлетворительное состояніе народной нравственности. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и видныхъ сотрудниковъ Преобразователя, вице-канцлеръ и сенаторъ Шафировъ былъ осужденъ на смерть, снятъ съ плахи и сосланъ въ ссылку за то, что въ Сенатѣ позволилъ себѣ неприличные поступки, брань съ товарищами и оберъ-прокуроромъ, нарушение указовъ, стараніе, чтобъ брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дѣла Петръ опять высказался въ указѣ, что подобное поведеніе хуже измѣны, потому что ведетъ къ уничтоженію всякой дисциплины въ подчиненныхъ, къ разоренію людей, къ паденію государства. Определены были наказанія за нарушение приличія въ присутственныхъ мѣстахъ, за неучтивое обращеніе съ челобитчиками. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ обвиненъ былъ въ злоупотребленіяхъ и умеръ подъ судомъ; знаменитый фискаль Нестеровъ, открывшій столько чужихъ злоупотребленій, самъ попался въ злоупотребленіяхъ и былъ казненъ смертію; не перечисляемъ дѣлъ, ведшихся по злоупотребленіямъ другихъ менѣе извѣстныхъ лицъ, или дѣлъ по менѣе значительнымъ злоупотребленіямъ очень извѣстныхъ лицъ. Эту тяжелую борьбу Петра съ страшною болѣзнію взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризуетъ слѣдующій анекдотъ; историкъ не поручится, чтобъ дѣйствительно былъ такой разговоръ между означенными въ анекдотѣ лицами, но анекдотъ все же остается важенъ какъ выраженіе сознанія современниковъ о величинѣ зла. Петръ, слушая въ Сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генераль-прокурору Ягужинскому: „Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“. — „Государь, отвѣчалъ Ягужинскій: неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруетъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“.

Ничто такъ ни раздражаетъ, не выводитъ изъ себя человѣка сильнаго, какъ сознаніе, что всякая сила безсильна противъ тупой силы закоренѣлаго зла. Примѣръ кровавой борьбы Петра со взяточничествомъ и казнокрадствомъ, съ неуваженіемъ къ обязательной одинаково для всѣхъ силъ закона показываетъ все затруднительное положеніе правительства, не встрѣчающаго пособія въ обществѣ когда правительство самое сильное и благонамѣренное связано какою нибудь неправильностію въ общественномъ развитіи, встрѣчаетъ около себя нѣмой заговоръ: все повидимому слушается, преклоняется, трепещетъ, а на дѣлѣ дѣлается свое, наставленія, угрозы, наказанія пропадаютъ даромъ. Для силы нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ сознаніе безсилія, что никакими средствами нельзя ничего сдѣлать, надобно ждать, предоставить времени лѣченіе болѣзни. Понятно, что на Петра находили

черныя тучи, но самая черная туча нашла на него по семейному дѣлу, по дѣлу царевича Алексѣя. Время, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, есть время тяжелой борьбы, какая обыкновенно знаменуетъ великіе перевороты въ жизни народовъ. Во время этихъ переворотовъ руются самыя крѣпкія связи; борьба не ограничивается жизнью общественною, она проникаетъ въ заповѣдную внутренность домовъ, вносить вражду въ семейства. Божественный основатель религіи любви и мира объявилъ, что пришелъ не водворить миръ на земли, но вернуть ножъ среди людей, внести раздѣленіе въ семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явленіе представляетъ намъ и гражданская исторія. Неудивительно, что страшный переворотъ, который испытывала Россія въ первую четверть XVIII вѣка, внесъ раздѣленіе и вражду въ семью преобразователя и повелъ къ печальной судьбѣ, постигшей сына его, царевича Алексѣя. Мы ежедневно встрѣчаемся съ явленіемъ, что дѣти не бываютъ умственно и нравственно похожи на родителей. Сильныя столкновенія часто происходятъ отъ этого и въ частныхъ семьяхъ; но подобныя столкновенія въ семьяхъ владѣльческихъ ведутъ иногда къ кровавымъ послѣдствіямъ. Св. Константинъ Великій казнилъ сына своего Криспа. Въ XVIII вѣкѣ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I едва не казнилъ сына, знаменитаго впоследствии Фридриха II. Въ семьяхъ владѣльческихъ несходство между отцомъ и сыномъ обуславливаетъ несходство настоящаго съ будущимъ для многихъ людей, иногда для цѣлаго народа, особенно это несходство можетъ быть обильно послѣдствіями, грозитъ реакціями во времена сильныхъ переворотовъ. Понятно слѣдовательно, почему въ царствованіе Петра вопросъ: сынъ и наследникъ преобразователя похожъ ли на отца? былъ вопросомъ первой важности. Переворотъ, движеніе, при которомъ родился и воспитался Петръ, который не былъ начатъ, созданъ Петромъ, но къ которому совершенно пришлась его огненная, не знающая покоя природа, переворотъ повредилъ его семейнымъ отношеніямъ въ первомъ бракѣ. Жена пришлась не по мужу; Петръ испыталъ на себѣ ту невыгоду стараго обычая, отъ которой хотѣлъ потомъ освободить своихъ подданныхъ, назначивъ время для ознакомленія между женихомъ и невѣстою. Въ древней Россіи слѣдствіемъ такого отсутствія предварительнаго ознакомленія было заключеніе женъ въ монастыри; тоже случилось и съ царицею Евдокією. Петръ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской, которая совершенно приходилась по немъ, которая могла не отставать отъ мужа, а мужъ не умѣлъ ходить, а только бѣгать. Но отъ перваго брака остался сынъ и наследникъ, царевичъ Алексѣй. Россія волнуется бурями преобразования, всѣ истомлены и жаждутъ пристать къ тому или другому берегу; для всѣхъ одинаково важенъ и страшенъ вопросъ: сынъ похожъ ли на отца? Царевичъ былъ уменъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Петръ, который писалъ ему: „Богъ разума тебя не лишилъ“. Царевичъ былъ охотникъ пріобрѣтать познанія, если это не стоило большаго труда, былъ охотникъ читать и пользоваться прочитаннымъ, призна-

валь необходимость образования. Но мы знаемъ, что въ Россіи и до Петра чувствовалась необходимость образования и преобразования; до Петра были люди, которые обратились за наукою къ западнымъ сосѣдямъ, учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывая учителей изъ польскихъ областей. Но это направленіе, обнаружившееся при царѣ Алексѣѣ, Феодорѣ и во время правленія Софьи, явилось недостаточнымъ для Петра: съ учеными западнорусскими монахами, съ учителями изъ польскихъ шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интересъ къ спорамъ о хлѣбоповолонной ереси,—съ помощію однихъ этихъ людей нельзя было сдѣлать Россію одною изъ главныхъ державъ Европы, поборотъ Шведа, добиться моря, создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю: для этого нужны были другіе люди, другія средства, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная, напряженная дѣятельность, незнаніе покоя; для этого самъ Петръ идетъ въ плотники, шкипера и солдаты, для этого призываетъ всѣхъ русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ, и тяжекъ онъ показался не раскольникамъ—какимъ нибудь, ибо эти люди также изъ за своихъ убѣжденій готовы были на лишенія и подвиги: этотъ призывъ показался тяжекъ людямъ образованнымъ, которые были вовсе непрочъ попользоваться европейскою цивилизаціею для выгоды и удобствъ житейскихъ, но чтобъ эта цивилизація не такъ дорого стоила, пришла бы сама собою безъ большаго напряженія силъ съ ихъ стороны. Представителемъ этихъ-то людей былъ царевичъ Алексѣй. Онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной дѣятельности, къ сильному труду, чѣмъ отличался отецъ его; онъ былъ лѣнивъ физически, и потому домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги, изъ разговора только. Сынъ, по природѣ своей, жаждалъ покоя и ненавидѣлъ все то, что требовало движенія, выхода изъ привычнаго положенія и окруженія; отецъ, которому, по природѣ его, были болѣе всего противны домосѣдство и лежебокость, во имя настоящаго и будущаго Россіи, требовалъ отъ сына вниманія къ тѣмъ средствамъ, которыя могли обезпечить Россіи пріобрѣтенное ею могущество. Отецъ работалъ безъ устали, видѣлъ уже какъ зрѣли плоды имъ насажденнаго, но вмѣстѣ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и слышалъ зловѣщіе голоса: „умреть и все погибнетъ съ нимъ, Россія возвратится къ прежнему варварству“. Эти зловѣщіе голоса не могли бы смутить его, еслибъ онъ оставлялъ по себѣ наслѣдника, могшаго продолжать его дѣло. Понятно, что Петръ не могъ позволить себѣ страннаго требованія, чтобъ сынъ его и наслѣдникъ обладалъ всѣми тѣми личными средствами, какими обладалъ онъ самъ; но онъ считалъ совершенно законнымъ для себя требованіе, чтобъ сынъ и наслѣдникъ имѣлъ охоту къ продолженію его дѣла, имѣлъ убѣжденіе въ необходимости продолжать его; недо-

статокъ сильныхъ способностей восполнялся относительною легкостью дѣла, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дѣло было легко и потому, что преемнику приходилось работать въ кругу хорошихъ работниковъ, приготовленныхъ отцомъ; для успѣха при такихъ условіяхъ нужна была только охота, сочувствіе къ дѣлу. „Не трудовъ, но охоты желаю“, писалъ Петръ сыну. Петръ, при своей работѣ, въ сонмѣ сотрудиновъ не досчитывался одного, родного сына и наслѣдника! При переключкѣ русскихъ людей, имѣвшихъ право и обязанность непосредственно помогать преобразователю въ его дѣлѣ, царевичъ, наслѣдникъ одинъ не откликнулся. Когда его звали на любимый отцовскій праздникъ, на спускъ корабля, Алексѣй говорилъ: „лучшебъ мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ тамъ быть“. Отецъ требуетъ отъ сына, чтобъ тотъ перемѣнилъ свою природу, сынъ считаетъ отца мучителемъ, только тогда и спокоенъ, когда находится вдали отъ отца, и вотъ въ его сердце закрадывается страшная мысль, какъ было бы хорошо, еслибъ навсегда освободиться отъ присутствія отца, какъ было бы хорошо, еслибъ отецъ умеръ. Алексѣй кается въ грѣшной мысли духовнику; духовникъ, имѣвшій сильное вліяніе на духовнаго сына, отвѣчаетъ: „Богъ проститъ: мы и всѣ того желаемъ“. И такъ всѣ того же желаютъ, всѣ ненавидятъ отца, всѣ сочувствуютъ сыну, который становится представителемъ, любимцемъ народа именно потому, что не похожъ на отца. Зачѣмъ же послѣ того мѣняться, исполнять отцовскія требованія. Сынъ считаетъ своею обязанностію удалиться отъ дѣла отцовскихъ; отецъ считаетъ своею обязанностію спасти будущее Россіи, пожертвовавъ сыномъ: „Я, пишетъ къ нему Петръ, за свое отечество и за людей жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя негоднаго пожалѣть?“ Петръ потребовалъ рѣшительно, чтобы царевичъ или перемѣнилъ свое поведение, или отрекся отъ престола, но простого отреченія было мало, ибо его можно было выставить невольнымъ и разрѣшить всякія клятвы, потому царевичъ долженъ былъ постричься. Алексѣй бѣжитъ за границу, отдается подъ покровительство германскаго императора, призываетъ чужого государя въ судьи между собою и отцомъ. Алексѣя возвращаютъ и по его показаніямъ вскрывается обширное дѣло, въ которомъ участвуетъ и старица Елена (постриженная царица Евдокія) и сестра Петра царевна Марья, много людей духовныхъ и свѣтскихъ, начиная съ высшихъ, вскрывается цѣлый арсеналъ суевѣрій: опять пытки, казни и опалы. Алексѣй умеръ. Тайна его смерти не открыта исторіею; но открыта тайна отцовскихъ страданій: „Страдаю, говорилъ Петръ, а все за отечество, желая ему пользы; враги дѣлаютъ мнѣ пакости демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому это дѣло неизвѣстно. Богъ видитъ правду“.

Всѣ эти черныя тучи, и преимущественно дѣло сына, разстроивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утѣшенія, были успѣхи даже и въ той тяжелой и повидимому бесплодной борьбѣ съ закоренѣлымъ зломъ, со взяточничествомъ и казнокрадствомъ. Вну-

шенія дѣйствовали, дѣла, на которыя прежде смотрѣли такъ легко, считали обыкновенными и дозволенными, явились преступленіями. Человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ, терзается совѣстію, боится предстать предъ судъ Божій и посылаетъ царю просьбу простить его за злоупотребленія, которыя онъ себя позволялъ при рекрутскомъ наборѣ. Въ такой просьбѣ Петръ именно могъ видѣть результатъ своихъ внушеній, своего ученія. Не могли не радовать Петра и успѣхи относительно матеріальнаго благосостоянія. Несмотря на всѣ препятствія, неопытность въ веденіи дѣла и расходъ денегъ по частнымъ карманамъ, государственные доходы увеличивались. Для устраненія злоупотребленій при переписи дворовъ введена была подушная подать, шедшая на содержаніе постоянного войска. Крестьяне дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи платили по 74 коп. съ души, государственные по 1,14 коп. и освобождались отъ всѣхъ прежнихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей и подводъ; купцы и цеховые платили по 120 коп. По расчету, сдѣланному въ 1710 году, доходы простирались до 3.134,000 рублей; но въ 1725 году ихъ было 10.186,707 рублей. Заведена была ревизія; по первой ревизіи 1722 года податнаго состоянія оказалось 5.969,313 человѣкъ, въ томъ числѣ 172,385 купечества; городовъ въ имперіи было 340. Въ концѣ царствованія число регулярнаго войска простиралось до 210,000, въ томъ числѣ въ гвардіи 2,616 человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 галеръ и другихъ судовъ. Несмотря на огромныя издержки по дѣламъ внутренняго преобразованія, на долговременную тяжелую войну, на новыя дипломатическія издержки, государство пробавилось своими доходами и не сдѣлало ни копѣйки долгу. Усиленіе торговли и промышленности должно было главнымъ образомъ увеличить народное благосостояніе и доходы государственные. Мы видѣли, что первымъ дѣломъ Петра было уничтожить жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на притѣсненія, давши имъ особое управленіе, основанное на коллегіальномъ и выборномъ началѣ, и мы видѣли, какъ съ самаго начала дѣло пошло дурно по неразвитости общества, по непривычкѣ къ общему дѣйствію, такъ что Петръ долженъ былъ поручить Курбатову надзоръ надъ Московскою ратушею и уничтоженіе злоупотребленій по ея управленію. Послѣ того какъ Курбатовъ былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, Петръ продолжалъ получать извѣстія о безпорядкахъ новаго управленія, извѣстія, что купечество въ Москвѣ и городахъ само себя повреждало и повреждаетъ: богатые на бѣдныхъ налагаютъ несносныя поборы, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ; стремленіе избѣжать отъ платежа податей продолжалось: жили въ защитѣ и закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги, а сами торговали, имѣли заводы; люди, имѣвшіе достаточное состояніе, помѣщались въ богадѣльняхъ, выставляя бѣдность и болѣзни. Въ это время страшнаго труда для тѣхъ, которые откликнулись на призывъ царя, въ работѣ пребывающаго, лѣтъ другихъ доходила до такой степени,

что нѣкоторые горожане, жившіе своими домами, собирали милостыню а нные, сковавшись, ходили будто тюремные сидѣльцы, чтобъ собрать больше милостыни. „Чтобъ собрать эту разсыпанную храмину“ купечества, по выраженію Петра, онъ учредилъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ, имѣвшій коллегіальное устройство, и состоявшій изъ членовъ петербургскаго городского магистрата; президентомъ царь назначилъ князя Трубецкаго, вице-президентомъ московскаго купца Исаева, переведши его изъ Риги, гдѣ онъ былъ инспекторомъ тамошняго Магистрата, ибо Петру нуженъ былъ въ Ригѣ свой русскій человекъ. Главный Магистратъ долженъ былъ прежде всего устроить городские магистраты; онъ утверждалъ ихъ членовъ, избранныхъ горожанами, утверждалъ смертные приговоры, произносимые городскими магистратами, къ нему переносились и гражданскія дѣла недовольными ихъ рѣшеніемъ въ городскихъ магистратахъ. Горожане раздѣлены на три части, изъ которыхъ двѣ первыхъ носятъ названіе гильдій; гильдіи выбираютъ старшинъ, которые во всѣхъ гражданскихъ совѣтахъ должны помогать магистрату; магистраты стараются размножать мануфактуры и мастерства, лѣнливыхъ и гулякъ понуждаютъ къ работѣ, заводятъ первоначальныя школы, старыхъ и дряхлыхъ пристраиваютъ въ богадѣльни, блюдутъ за опекою сиротъ, за безопасностію городовъ отъ пожара, защищаютъ гражданъ отъ обидъ постороннихъ людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидамъ въ Главный Магистратъ, тотъ препровождалъ ихъ въ Сенатъ; изъ этихъ списковъ мы видимъ, что обиды были сильныя и частыя, иногда вопіющія. Несмотря на это торговля усиливалась благодаря особенно пріобрѣтенію морскихъ береговъ; въ 1724 году къ Петербургу уже пришло 240 иностранныхъ кораблей; русскіе корабли являлись въ иностранныя порты; первыми русскими корабле-хозяевами были Божениновы и Барсуковъ.

Торговлю сильно затрудняло плохое состояніе путей сообщенія въ бѣдной странѣ съ рѣдко разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ народонаселеніемъ: осенью 1722 года голландскій резидентъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ около пяти недѣль вслѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ. Въ древней Россіи рѣки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россія, взявшая у западной Европы искусство и знаніе, должна была немедленно употребить это искусство и знаніе на соединеніе рѣкъ каналами. Смотри постоянно на Россію какъ на посредницу въ торговомъ отношеніи между Европою и Азією, Петръ уже давно задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ Петербургомъ; въ 1706 году соединена была рѣка Цна каналомъ съ Твердью; кромѣ того Петръ сильно хлопоталъ о Ладожскомъ каналѣ, необходимомъ для петербургской торговли: „Нужда челобитчикъ неотступный, писалъ онъ въ Сенатъ въ 1718 году; а Ладожскій каналъ послѣдняя главная нужда сего мѣста (т. е. Петербурга)“. Работы шли успѣшно, благодаря знаменитому Миниху, принятому въ русскую службу; Петръ уже мечталъ, какъ по-

ѣдетъ водою изъ Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдеть здѣсь на берегъ Яузы въ Головинскомъ саду. Мы упоминали, что Петръ еще въ началѣ преобразовательной дѣятельности, видя недостатокъ капиталовъ у русскихъ людей, велѣлъ имъ соединять свои капиталы, торговать компаніями; въ Голландіи сильно обезпечились этою мѣрою, понимая все ея значеніе для развитія русской торговли; но голландскій резидентъ утѣшилъ своихъ соотечественниковъ, написавши имъ, что указъ останется на бумагѣ, ибо у русскихъ нѣтъ никакой привычки къ такимъ общимъ дѣйствіямъ.

Тѣ же препятствія, какія существовали для торговли—недостатокъ капиталовъ, непривычка къ ихъ соединенію, вредъ, который по безпристрастному свидѣтельству Посошкова, само купечество себѣ наносило неумѣнъ воспользоваться правами полученными отъ Петра; вредъ, наносимый старинными отношеніями между вооруженнымъ сословіемъ къ невооруженному, причемъ первое считало себя вправѣ смотрѣть на членовъ послѣдняго какъ на своихъ естественныхъ работниковъ и холопей, взяточничество, казнокрадство, плохое состояніе путей сообщенія и небезопасность ихъ отъ разбойниковъ—всѣ эти препятствія, существовавшія для торговли, существовали въ одинаковой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дѣло было начато, ведено неутомимо и въ концѣ царствованія Петра число фабрикъ и заводовъ въ Россіи простиралось до 233. Неумѣнъ техническое и неумѣнъ соединять свои капиталы, разумѣется, полагали главное препятствіе въ самомъ началѣ, почему Петръ долженъ былъ начать дѣло, учреждать казенные фабрики и заводы, но при этомъ съ самаго же начала онъ сталъ хлопотать о томъ, какъ бы поскорѣе передать эти фабрики и заводы въ частныя руки, съ двоякою цѣлю: освободить казну отъ издержекъ и побудить русскихъ людей къ мануфактурной дѣятельности, при чемъ давались начинателямъ производства значительныя денежныя ссуды, льготы и работники черезъ приписку населенныхъ имѣній къ фабрикамъ или заводу. Вслѣдствіе этой-то передачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки, при Петрѣ нѣкоторыя, какъ наприм. Демидовы, приобрѣли огромное состояніе. Мы уже упоминали о началѣ горнозаводской промышленности при Петрѣ, о заслугахъ Винюса; къ этому имени надобно присоединить еще два имени Геннина и Татищева. Металлическіе заводы явились не въ одной приуральской странѣ, но во многихъ другихъ мѣстностяхъ, благодаря стараніямъ Петра, „чтобъ Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось“. Первая мысль о значеніи каменнаго угля для Россіи принадлежитъ также Петру; но при видахъ на будущее топливо, Петръ распорядился о сохраненіи стараго: ему принадлежать мѣры для сбереженія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ. Вообще преобразователь обратилъ вниманіе на охраненіе и усиленіе промысловъ уже существовавшихъ въ Россіи и произведенія которыхъ составляли предметъ заграничнаго отпуска; такъ онъ распорядился усиленіемъ льнянаго и пеньковаго промысла „для всенародной пользы и

прибыли крестьянамъ“; сюда относятся его хлопоты объ улучшеніи кожевеннаго производства; кожевенные промышленники, по нѣсколько человекъ отъ каждаго города, должны были ѣхать въ Москву на два года учиться лучшей выдѣлкѣ кожъ, въ отдаленныя губерніи отправлены были иностранные мастера для этого обученія. Въ 1712 г. велѣно было сенату завести конскіе заводы въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ. При учрежденіи постоянного войска Петра тяготила необходимость выписывать изъ за границы сукно для обмундирования, и потому онъ завелъ суконныя фабрики; для чего обратилъ вниманіе на улучшение овцеводства. Въ 1705 году Петръ писалъ: „Сукны дѣлаютъ и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ въ празднику“. Въ 1716 году послано было за границу нанимать овчаровъ и суконниковъ. Разосланы были по областямъ правила, какъ содержать овецъ по шленскому обычаю, и Петръ, для понужденія слѣдовать этимъ правиламъ указывалъ, что помѣщики, которые слѣдуютъ правиламъ, продаютъ шерсть по два рубля по 2 гривны и дороже, а тѣ, которые содержатъ овецъ по старому обычаю, продаютъ только по полтинѣ и по 20 алтынѣ пудъ. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ, и онѣ были заведены въ Москвѣ въ 1702 г. Москва вообще стала центромъ мануфактурной дѣятельности, здѣсь въ концѣ царствованія замѣчательна была полотняная фабрика Тамеса и компанія; всѣ работники были русскіе, были русскіе мастера, и Тамесъ надѣялся, что они скоро замѣнятъ ему иностранцевъ; на фабрикѣ было 150 станковъ и приготовлялись всѣ сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго, прекрасныя, по свидѣтельству иностранцевъ, скатерти и салфетки, тикъ, канифасы, двѣтныя носовыя платки. До Петра все потреблявшееся въ Россіи количество писчей бумаги привозилось изъ за границы; Петръ завелъ свои фабрики, и въ 1723 году во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ уже употреблялась бумага русскаго дѣла. Мануфактурное дѣло принялось, и въ числѣ именъ главныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ петровскаго времени мы встрѣчаемъ почти все русскія имена.

Вводились новыя отрасли дѣятельности, а Россія страдала старымъ недостаткомъ, отстраненіе котораго не было въ средствахъ преобразователя, недостаткомъ рабочихъ рукъ, да еще привычками, сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими однихъ предпочитать труду легкое наживанье денегъ грабежемъ казны, а другихъ сковываться и ходить въ видѣ колодниковъ, лишь бы только не работать, привычками, которыя для своего оправданія вводили въ народъ гнусную, развращающую пословицу: „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, экономическая неразвитость заставили древнюю Россію прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Переворотъ, извѣстный подъ именемъ петровыхъ преобразованій, былъ именно тотъ переворотъ, котораго необходимымъ слѣдствіемъ должно было быть освобожденіе села чрезъ поднятіе

городѣ. Экономическое развитіе, просвѣщеніе и жизнь въ средѣ цивилизованныхъ народовъ—вотъ средства, которыя были даны преобразователемъ для постепеннаго врачеванія старыхъ золъ русской земли, а въ томъ числѣ и за крѣпостнаго состоянія, постепеннаго врачеванія, и потому безсмысленно было бы требовать, чтобъ то, что должно было быть только отдаленнымъ слѣдствіемъ извѣстной дѣятельности, появилось въ самомъ началѣ этой дѣятельности. Видѣвшимъ конецъ дѣла предстоить обязанность почтить память начавшаго, положившаго основаніе. Всякій, кто внимательно взглянется въ состояніе Россіи при Петрѣ, посмѣется болѣе чѣмъ дѣтской мысли, что Петръ могъ освободить крестьянъ; но Петръ не могъ равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, которыя отягчали земледѣльческій трудъ. Средства къ облегченію участи крестьянъ Петръ искалъ и въ улучшеніи экономическаго быта землевладѣльцевъ, въ отнятіи у нихъ побужденій къ угнетенію крестьянъ. Такъ, учреждая майоратъ, онъ объяснялъ цѣль учрежденія: „Раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній наносится большой вредъ интересамъ государственнымъ и паденіе самимъ фамиліямъ: если кто имѣлъ 1000 дворовъ и пять сыновей, то жилъ въ изобиліи; когда же по смерти его дѣти раздѣлились, то имъ досталось только по 200 дворовъ, но такъ какъ они не желаютъ жить хуже прежняго, то съ бѣдныхъ крестьянъ будетъ пять столовъ, а не одинъ: такимъ образомъ отъ этого раздѣленія казнѣ государственной вредъ, а крестьянамъ разореніе“. Въ 1719 году былъ изданъ указъ, смотрѣть чтобъ помѣщики не разоряли крестьянъ своихъ, разорителей отрѣшать отъ управленія имѣніями, которыя отдаются въ управленіе родственникамъ. Петръ не любилъ, чтобъ указы оставались только на бумагѣ: въ 1721 году одинъ помѣщикъ былъ сосланъ на 10 лѣтъ на каторгу, за то что прибилъ челоуѣка своего, и тотъ отъ побоевъ умеръ. Въ 1721 году указъ, запрещавшій розничную продажу крестьянъ и дворовыхъ, дѣтей отъ родителей; такой продажи, говоритъ указъ, во всемъ свѣтѣ не водится, и этими словами указываетъ уже на могущественное средство общественныхъ улучшеній: народъ, живущій общею жизнью съ другими образованными народами, не можетъ допускать у себя такихъ явленій, которыя эти народы признаютъ не нравственными. Слабоумныхъ помѣщиковъ, негодныхъ ни въ науку, ни въ службу, могущихъ только мучить своихъ крестьянъ, велѣно, по освидѣтельствованіи въ сенатѣ, отстранять отъ управленія имѣніями и не позволять имъ жениться. Запрещено прикрѣпленіе половниковъ на сѣверѣ. По свидѣтельству крестьянина Посошкова крестьяне больше всего терпѣли отъ пожаровъ вслѣдствіе тѣсноты жилищъ и отъ разбойниковъ вслѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу, доказательство, что нигдѣ, ни на верху, ни внизу отъ древней Россіи не осталось признаковъ силы того, что нѣкоторымъ угодно называть общиннымъ бытомъ: въ иной деревнѣ, говоритъ Посошковъ, много дворовъ, разбойниковъ придетъ немного къ крестьянину, стануть его мучить, жечь, пожитки его на возы власть,

сосѣди всѣ слышать и видать, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ.

По мнѣнію Посошкова, вредно для крестьянъ было еще то, что у нихъ грамотныхъ людей не было; по его мнѣнію, не худо бы было крестьянъ и поневолить, чтобъ дѣтей своихъ учили грамотѣ. Но сенатъ принужденъ былъ отказаться неволить къ этому и горожанъ, потому что дѣти ихъ въ эти годы начинаютъ заниматься торговлею, и отъ приневоливанія къ ученію можетъ быть ущербъ податямъ. Много было воплей и укрывательства и со стороны дворянъ, но Петръ настоялъ на обязательности образованія для нихъ: дворянинъ неграмотный и неизучившій ариеметику и геометрію объявленъ былъ несовершеннолѣтнимъ и потому не имѣлъ права жениться. Ученики, кончившіе курсъ въ московскихъ школахъ, посылались учителями въ области. Отсылка молодыхъ людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Специальныя школы продолжали возникать вслѣдствіе сознанія той или другой потребности. Въ началѣ 1724 года изданъ былъ указъ объ основаніи Академіи. По плану Петра это учрежденіе должно было соответствовать тогдашнему состоянію образованія въ Россіи, должно было заключать въ себѣ Академію Наукъ и университетъ, педагогическій институтъ и гимназію. Та же Академія должна была заниматься и переводомъ книгъ. Мы уже видѣли, какъ это дѣло было важно и какъ оно занимало Петра; до самой кончины своей онъ продолжаетъ обращать на него свое вниманіе, указывать на книги, которыя должно было переводить и учить какъ переводить. Мы видѣли какъ онъ училъ не переводить слово въ слово, что искажало складъ русской рѣчи и затемняло смыслъ, но, уразумѣвши этотъ смыслъ, передавать его читателю на понятномъ для него разговорномъ языкѣ. Теперь онъ учить переводчиковъ не переводить книги во всей полнотѣ, но передѣлывать, сокращать, отбрасывая ненужное „понеже, писалъ Петръ, Нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобъ велики казались, чего ради и о хлѣбопашествѣ трактатъ выправить, вычерня негодное и для примѣру посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ“. Но познаній о Россіи нельзя было взять изъ иностранныхъ книгъ и перевести. Мы видѣли, что Петръ поручилъ Поликарпову написать краткую русскую исторію; но дѣло было крайне трудное при отсутствіи всякаго приготовленія къ нему; понятно, что Петръ остался недоволенъ трудомъ Поликарпова, и рѣшился начать сначала, т. е. готовить матеріалы: онъ приказалъ изъ всѣхъ епархій и монастырей взять въ Москву всѣ рукописи, заключающія въ себѣ историческіе источники, списать ихъ, а подлинники отослать въ прежнія мѣста, откуда взяты. Точно также нельзя было заимствовать у иностранцевъ и свѣдѣній о русской географіи: Петръ отправилъ учениковъ петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ и два раза отправлялъ экспедиціи для рѣшенія вопроса, сошлась

ли Америка съ Азією. Петръ же началъ собраніе естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей.

Врагъ всякой роскоши, обращая вниманіе только на одно полезное и необходимое, Петръ не считалъ роскошью искусство, не жалѣлъ издержекъ на покупку произведеній искусства и на вызовъ иностранныхъ художниковъ. Въ Петербургѣ „для общенародной во всякихъ художествахъ пользы, по обычаю государствъ европейскихъ, учреждена была небольшая академія для правильнаго обученія иконному, живописному и прочимъ художествамъ“.

Академія Наукъ, на обязанности которой, между прочимъ, лежалъ и переводъ необходимыхъ книгъ, была еще только въ проектѣ и Петръ за переводомъ книгъ обращался къ духовенству. Мы видѣли мѣры Петра относительно чернаго духовенства; съ 1711 года начинаются заботы относительно блага. Здѣсь кромѣ поднятія нравственности нужно было позаботиться и о матеріальномъ благосостояніи людей, обязанныхъ имѣть семейство. Тогда какъ Россія страдала сильнымъ недостаткомъ въ людяхъ, въ бѣломъ духовенствѣ было больше людей чѣмъ дѣла, вознагражденіе за дѣло по этому дѣлилось между слишкомъ многими, отъ чего происходила бѣдность со всѣми ея печальными послѣдствіями для человѣка, обязаннаго кормить семейство. Это излишество людей въ бѣломъ духовенствѣ поддерживалось также господствовавшимъ въ древней Россіи стремленіемъ жить особнякомъ; каждый сколько-нибудь достаточный человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь, и это желаніе нельзя объяснять однимъ благочестіемъ, потому что былъ обычай и въ общія приходскія церкви приносить свои образа и передъ ними только молиться; желаніе каждого сколько-нибудь достаточнаго человѣка имѣть свою церковь объяснялось еще затворничествомъ женщинъ, которымъ было неловко ходить въ общія церкви, и потому, не имѣя домовыхъ церквей, онѣ ходили въ церковь рѣдко или и вовсе не ходили. Обиліе частныхъ церквей обѣдняло приходское духовенство; притомъ не всѣ имѣвшіе свои церкви были въ состояніи прилично содержать при нихъ священника и прибѣгали къ найму священниковъ на площадяхъ (крестцахъ), что представляло со-блзнительное зрѣлище. Новоучрежденный сенатъ въ соединеніи съ церковнымъ соборомъ придумали мѣры для поднятія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія блага духовенства: не ставить въ дьяконы моложе 25, въ священники моложе 30 лѣтъ; не посвящать лишнихъ; не вѣрять тѣмъ, которые придутъ проситься на мѣсто подъ предлогомъ, что священникъ, его занимающій, боленъ или старъ; въ бѣдные приходы дьяконовъ не посвящать; заручныя челобитныя осторожно разсматривать, не ложныя ли; поповскіе старосты должны были допрашивать крестьянъ, хотятъ ли они имѣть просителя своимъ священникомъ или дьякономъ. Въ 1718 году было постановлено, чтобъ священники своихъ домовъ не имѣли, ибо отягощались ихъ покупкою; жили бы въ домахъ, купленныхъ на сборныя церковныя деньги, для чего быть у всякой церкви старостамъ, которые сдають дома свя-

щенникамъ и вновь строить на церковныя деньги. Послѣ эта мѣра была распространена на дьяконовъ и причетниковъ. Запретили строить новыя церкви безъ указа; запрещено имѣть домовыя церкви, а кто хочеть имѣть, долженъ содержать священника и кромѣ того долженъ давать равное содержаніе и приходскому духовенству. Послѣднія мѣры были положены уже при новомъ церковномъ управленіи: въ 1721 году Петръ объявилъ, что, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видитъ лучшаго къ тому способа кромѣ соборнаго правитель-ства, въ слѣдствіе чего и учреждалась духовная коллегія (Синодъ), вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе церковныхъ имѣній взято было изъ свѣтскихъ рукъ въ монастырскомъ приказѣ и отдано Синоду. Сенатъ и Синодъ нерѣдко собирались вмѣстѣ для совѣщаній; иногда при этихъ общихъ засѣданіяхъ присутствовалъ и государь. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій было постановлено: родителей жениха и невесты приводить къ присягѣ, что бракъ заключается по согласію ихъ дѣтей. Тутъ же поставленъ былъ вопросъ о мѣрахъ, какія должно было принять противъ притѣсненія православныхъ въ польскихъ областяхъ, и Петръ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать уже извѣстное намъ распоряженіе. послать комиссара. Главными обязанностями новоучрежденнаго Синода были: устройство духовенства, преимущественно чернаго, противодѣйствіе расколу, преслѣдованіе суевѣрій и распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ. Послѣ долгихъ думъ относительно монашества, Петръ опредѣлилъ для него двѣ цѣли: 1) служеніе страждущему человѣчеству; 2) образованіе изъ себя просвѣщенныхъ властей церковныхъ; мужскіе монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарѣлымъ и больнымъ своего пола, кромѣ того заниматься воспитаніемъ сиротъ, для каковой цѣли отдѣляется нѣсколько монастырей; въ другихъ монахини занимаются рукодѣліемъ, а монахи глѣбопашествомъ.

Нѣчто подобное ходу преобразованій въ высшемъ церковномъ управленіи мы видимъ въ ходѣ преобразованій относительно Малороссіи. Эта страна, съ переворота произведеннаго въ ней Богданомъ Хмельницкимъ, находилась въ долгомъ междуумочномъ, переходномъ состояніи, условливавшемъ, какъ обыкновенно бываетъ, сильныя смуты. Не могли быть самостоятельною, она хотѣла поддержать свою полусамостоятельность; но эти полусостоянія, ни то, ни се, приводятъ всегда къ печальнымъ явленіямъ. Малороссія представляла хаосъ, борьбу элементовъ (*discordia semina gerit*): гетманъ, ставши изъ войсковыхъ, козацкихъ начальниковъ правителемъ цѣлой страны, стремился къ усиленію своей власти; старшина и полковники хотѣли быть также полновластными господами, жаловать и казнить того хотять, стремились стать богатыми землевладѣльцами и земли свои населить вѣрными крестьянами, въ которыхъ обращали вольныхъ козаковъ; послѣдніе волновались, особенно подущаемые изъ Запорожья; города жаловались на притѣсненія полковниковъ. Всѣ были недовольны, всѣ слали жалобы, доносили другъ на друга въ Москву, а когда государь, внявъ

этимъ жалобамъ, предпринималъ какія-нибудь мѣры, то поднимались опять вопли, зачѣмъ Москва вмѣшивается? Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопросъ о финансахъ малороссійскихъ, ибо всѣ сильные люди въ Малороссіи хотѣли доходы страны брать себѣ, не давая ничего государству, которое такимъ образомъ получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссіи. Всѣ были недовольны и дѣйствительно имѣли причины на то, но не умѣли сознать, что эти причины были внутри, во внутреннемъ хаосѣ, въ кулачномъ правѣ, искали улучшенія во внѣшнихъ условіяхъ; поддавшись русскому государю, бросались то къ Полякамъ, то къ Туркамъ; это колебаніе, *шатость*, междуумочность вредно дѣйствовали на характеръ народонаселенія, особенно высшихъ слоевъ. Послѣ Богдана Хмельницкаго не было гетмана, который бы не измѣнилъ или не былъ обвиненъ въ измѣнѣ своими же: интригамъ, доносамъ не было конца. Гетманъ Мазепа, облеченный полною довѣренностію Петра, измѣнилъ ему въ самую рѣшительную, тяжкую минуту. Сносить далѣе такое положеніе дѣлъ было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребленія знатныхъ относительно массы народонаселенія становились все сильнѣе, а Петръ зналъ, что эта масса не измѣнила ему при измѣнѣ Мазепы, и потому считалъ своею обязанностію поддерживать, защищать эту массу отъ насилій старшины, привыкшей къ шатости. По смерти гетмана Скоропадскаго, Петръ оставилъ выборы новаго гетмана, объявивъ, что не знаетъ надежнаго челоуѣка, и ввелъ свое любимое коллегіальное управленіе; члены коллегіи на половину были Малороссіяне и на половину Великороссіяне.

И послѣ Ништадтскаго мира Петръ не могъ посвятить всего своего времени внутреннимъ преобразованіямъ. Дѣятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на западѣ, изучая западъ для внутреннихъ преобразованій, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, понимая ясно близкія отношенія его къ Россіи, понимая тѣ средства, которыя долженъ доставить Россіи Востокъ въ ея новой жизни, при томъ экономическомъ переворотѣ, который онъ совершалъ. Еще до окончанія сѣверной войны онъ получилъ неприятное извѣстіе, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецкимъ отношеніямъ азіатское государство, Персія, разлагается отъ внутренней слабости, и хищные сосѣди уже дѣлаютъ добычу. Немедленно послѣ Ништадтскаго мира Петръ предпринимаетъ походъ къ Каспійскому морю, чтобъ предупредить Турокъ и не дать имъ утвердиться на западномъ берегу этого моря, связь котораго съ Балтійскимъ моремъ Петръ ясно понималъ. Походъ Петра и дальнѣйшія дѣйствія русскихъ отрядовъ достигли цѣли: договоромъ съ Персіею, заключеннымъ въ Петербургѣ въ 1723 году, Россія получила западный берегъ Каспійскаго моря. Это былъ послѣдній подвигъ.

Мы видѣли, въ какомъ настроеніи духа соратники Петра послѣ Ништадтскаго мира поднесли ему титулъ Императора, Великаго и Отца

Отечества; они считали себя людьми новыми, воззванными отъ небытія къ бытію, причтенными въ сонмъ образованныхъ народовъ и причтенными съ честію и славою. Понятно, въ какомъ настроеніи духа черезъ три года съ чѣмъ-нибудь они увидали Петра въ гробѣ и услышали знаменитыя слова Теофана Прокоповича: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра В. погребаемъ!“ Проповѣдь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачемъ и воплемъ слушателей, особенно послѣ первыхъ словъ. Въ утѣшеніе ораторъ рѣшился сказать: „Не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости: не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его, которое его дѣлами означилось, при насъ есть. Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ“.

Да исполнится пророчество; да не оставитъ насъ духъ Петра. Результаты дѣятельности великихъ людей, богатство силы и славы утрачиваются когда въ народѣ перестаетъ жить духъ этихъ великихъ людей. Учрежденія Петра могли и должны были измѣниться, но перемѣна могла произойти къ добру только при условіи присутствія его духа. То негнѣное наслѣдство, которое оставилъ онъ намъ, есть примѣръ небывалаго въ исторіи труда, силы воли въ борьбѣ съ препятствіями, въ борьбѣ со зломъ, примѣръ любви къ своему народу, примѣръ непоколебимой вѣры въ свой народъ, въ его способности, въ его значеніе, примѣръ преодоленія искушеній сдѣлать что-нибудь скорѣе и успѣшнѣе съ чужой помощію, безъ труда приготовленія къ дѣлу своихъ; примѣръ искусства словомъ и дѣломъ, книгами, законами и учрежденіями, духомъ этихъ учреждений воспитывать народъ свой, поднимать его на ноги; примѣръ заимствованія чужого въ благо и въ плодъ своему, ибо заимствованіе чужого было чуждо приниженія народнаго духа предъ чужимъ, примѣръ вѣрнаго взгляда, вѣрнаго чувства, по которому Петръ указалъ намъ естественныхъ союзниковъ въ народахъ соплеменныхъ; примѣръ страсти къ знанію и преданности вѣрѣ, что обѣщаетъ народамъ долготѣіе, какъ написано на скрижаляхъ исторіи.

Отпразднуемъ нашъ праздникъ достойнымъ образомъ, сознаниемъ и укрѣпленіемъ въ себѣ духа Петрова. Да не будетъ нашъ праздникъ чѣмъ-то внѣшнимъ, формальнымъ, да не навлечемъ на себя евангельскаго обличенія, обращеннаго къ людямъ, которые строили гробы пророческіе и красили раки праведныхъ. Да не будетъ праздникъ нашъ только воспоминаніемъ прошедшаго; вспомнивъ, будемъ исполнять завѣщаніе Петра: „И впредь надлежитъ трудиться и все заранѣе изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно“. Правилъ: вѣкъ живи—вѣкъ учишь справедливо не въ отношеніи только къ одному человѣку, но и въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ. Да проходитъ же народъ нашъ школу жизни какъ Петръ Великій проходилъ свою многотрудную школу, и народъ нашъ долготѣенъ будетъ на землѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

I.

...Я понимаю твое нетерпѣніе: столько важныхъ вопросовъ возбуждено въ наукѣ и жизни, жизнь такъ много требуетъ отъ науки, настоящее требуетъ такъ много объясненій отъ прошедшаго! Ты меня закидываешь вопросами: какъ я думаю объ этомъ? какъ смотрю на то? не отыскалъ ли я въ архивной пыли какаго нибудь извѣстія, которое бы объяснило намъ то и то? Съ чего же начать мнѣ мой отвѣтъ?

Не разъ я замѣчалъ въ твоихъ письмахъ горькое чувство, сомнѣніе насчетъ будущности европейскаго человѣчества. Въ одномъ письмѣ, о безрѣвая состояніе европейскаго общества и литературы, ты говоришь: „Что это такое? Утомленіе ли отъ слишкомъ быстрого движенія, желаніе отдохнуть, оглядѣться, подумать, чтобы, собравшись съ новыми силами, пуститься опять въ путь, или дѣйствительное одряхлѣніе, неспособность идти далѣе по дорогѣ жизни? И что это за протестъ противъ настоящаго, поднимаемый во имя прошедшаго? Какой его смыслъ?“

Постараюсь сначала отвѣчать тебѣ на этотъ вопросъ. Но прежде всего надобно условиться въ смыслѣ словъ, которыя мы будемъ всего чаще употреблять. Сколько разъ въ твоихъ письмахъ встрѣчается слово—прогрессъ: въ его значеніи, думаю, мы прежде всего должны условиться.

Рядъ измѣненій, замѣчаемыхъ при развитіи сѣмени въ дерево или яйца въ животное, состоитъ въ движеніи отъ простоты и однообразія устройства къ его разнообразію и сложности. На первой ступени каждый зародышъ состоитъ изъ вещества однообразнаго во внутреннемъ составѣ и внѣшнемъ строеніи. Первый шагъ въ развитіи обозначается появленіемъ различія между частями этого вещества; потомъ каждая изъ различившихся частей начинаетъ въ свою очередь обнаруживать различіе частей. Процессъ этотъ безпрестанно повторяется, и черезъ безконечное умноженіе такого выдѣленія частей образуется наконецъ сложная сѣть тканей и органовъ, составляющая животное или расте-

ніе въ полномъ его развитіи. Это явленіе, которое мы называемъ прогрессомъ, общее всѣмъ организмамъ, какъ природнымъ, такъ и общественному. Первый шагъ къ прогрессу въ человѣчествѣ, заключавшемся въ одномъ человѣкѣ, было появленіе различія между мужчиною и женщиною. „Не добро быти человѣку единому“, сказалъ Виновникъ жизни, и явилась женщина. Въ обществѣ, на низкой ступени развитія находящемся, дикарь производитъ самъ все для себя нужное; но потомъ постепенно является раздѣленіе занятій, образуются отдѣльные органы общественныя. Въ обществахъ недовольно развитыхъ, первосвященникъ и государь слиты въ одномъ лицѣ, религіозныя и гражданскія законы смѣшаны: въ силу прогресса все это мало по малу различается, раздѣляется. Тотъ же самый прогрессъ въ языкѣ, отъ однозвучія животныхъ до членораздѣльныхъ звуковъ человѣческихъ, и т. д.

Но прогрессъ не состоитъ въ одномъ безконечномъ членораздѣленіи; для образованія организма необходимо, чтобы части, органы, выдѣляясь, обозначаясь, находились въ тѣсной связи между собою; отдѣльнаго, тѣмъ менѣе враждебнаго другъ другу положенія они имѣть не могутъ; движеніе, жизнь, прогрессъ условливаются соединеніемъ, слѣдствіе одиночества—безплодіе, неподвижность. Чѣмъ развитѣе организмъ, чѣмъ развитѣе его члены, органы, тѣмъ въ болѣе тѣсной связи находятся они другъ съ другомъ, тѣмъ менѣе для нихъ возможности одиночнаго существованія. Этотъ общій законъ организма имѣетъ силу и въ примѣненіи къ высшему изъ организмовъ, организму общественному; но если среди организмовъ природныхъ, чѣмъ выше организмъ, тѣмъ съ болѣею медленностію развивается, тѣмъ большаго требуетъ для себя старанія, ухода: то нечему удивляться, что организмъ общественный такъ медленно совершенствуется, что истинны относительно его образованія достаются человѣчеству съ такимъ трудомъ. Изъ глубокой древности идетъ извѣстная притча о томъ, какъ члены человѣческаго тѣла отказались служить другъ другу и этимъ довели тѣло до гибели; давно, слѣдовательно, понимали одинаковость законовъ, какъ для организмовъ природныхъ, такъ и для общественного, давно старались обращать вниманіе людей на эту одинаковость. Дѣло уясненія законовъ общественного организма начато давно, но вотъ прошло столько вѣковъ, а все кажется, что оно только еще въ началѣ. Легко сравнивать организмъ природный съ организмомъ общественнымъ: дѣйствительно, сходство поразительно, законы одни и тѣ же; но не должно забывать, что члены общественного организма суть существа свободно-разумныя, или цѣлыя соединенія такихъ существъ, что каждое изъ нихъ первоначально вращается въ тѣсной сферѣ, гдѣ видитъ преимущественно только себя, что сфера эта расширяется чрезвычайно медленно, медленно члены общественного организма приходятъ къ сознанію о необходимости тѣсной внутренней связи другъ съ другомъ для поддержанія полной жизни каждаго изъ нихъ, и наоборотъ, о необходимости полнѣйшаго развитія

каждаго изъ органовъ для поддержанія тѣсной внутренней связи между ними, для совершеннѣйшаго развитія общественнаго организма. Прежде, чѣмъ достигло этого сознанія, сколько разъ человѣчество приходило въ отчаянiе отъ прогресса, протестовало противъ него, старалось остановить его, уйти отъ него, въ древнемъ мiрѣ начиная отъ индiйскихъ воззрѣнiй въ сферѣ религiозно-философской и оканчивая республикою Платона въ сферѣ философско-политической; въ новомъ мiрѣ....

Но я вижу издали твое нетерпѣнiе, желанiе остановить меня и потребовать прежде всего объясненiя, чтѣ за связь между индiйскими воззрѣнiями и воззрѣнiями Платона?

Самый мягкiй, самый драблый изъ народовъ Востока, народъ индiйскiй первый наскучилъ борьбою жизни, не могъ сладить съ прогрессомъ, привести въ возможную гармонию отношенiя, имъ поражаемая, и протестовалъ противъ него. Онъ объявилъ, что все многообразiе явленiй видимаго мiра не имѣетъ дѣйствительнаго существованiя, что задача человѣка состоитъ въ удаленiи отъ этого кажущагося существованiя, отъ этого непрестаннаго коловращенiя мiра, и въ погруженiи въ Брахму, душу вселенной, находящуюся въ совершенномъ бездѣйствiи, покоѣ. Въ буддизмѣ Индiецъ старался также избѣжать отъ „неугомоннаго вращенiя колеса мiра“, отъ жизни, исполненной страданiй. Чтѣ за причина старости, смерти, всякаго рода страданiй? рожденiе. Чтѣ за причина рожденiя? зачатiе, вожделѣнiе, чувства. Чтѣбъ уничтожить страданiе, надобно уничтожить рожденiе, чтѣбъ уничтожить рожденiе, надобно уничтожить зачатiе, вожделѣнiе, чувства, надобно уничтожить соприкосновенiе съ мiромъ, человѣкъ черезъ это отрѣшенiе, черезъ это самоуничтоженiе долженъ *перейти въ пустоту*, изъ которой не можетъ быть возрожденiя къ ненавистой жизни. Какъ же смыслъ всѣхъ этихъ воззрѣнiй для историка? Здѣсь обнаруживается неспособность народа выдержать борьбу съ жизнью, распорядиться разнообразiемъ отношенiй, страшная слабость, одралѣнiе, поражающiя сильное желанiе покоя, стремленiе уйти отъ прогресса, отъ движенiя, возвратиться къ первоначальной простотѣ, то есть пустотѣ, въ состоянiи, до прогресса бывшее.

Когда Греки, въ концѣ своего блестящаго, но односторонняго развитiя, не могли сладить съ прогрессомъ, то и у нихъ, у лучшихъ людей, у лучшихъ умовъ между ними, явился протестъ противъ прогресса, который преимущественно обнаружился въ политическихъ сочиненiяхъ Платона (Государство и Законы). Здѣсь высказалось стремленiе возвратитъ общество къ первоначальной простотѣ, единству, остановить дальнѣйшее движенiе, развитiе личныхъ отношенiй, личныхъ способностей, личныхъ средствъ, и высшимъ идеаломъ поставлено то общество, въ которомъ у человѣка отняты семейство и собственность, два могущественные двигателя при развитiи силы человѣка. Понятно, что мысль о подобномъ общественномъ устройствѣ могла явиться въ языческомъ мiрѣ, когда господствовалъ самый низкiй взглядъ на до-

ственно, искоренимъ въ его сердцѣ побужденіе къ враждѣ, ссорѣ, и дадимъ ему все; пусть пользуется на благо себѣ и другимъ. Древнее человѣчество, не признавая нравственнаго достоинства человѣка, вѣровало въ формы, искало только въ нихъ спасенія. Но исторія показала тщету этого вѣрованія, показала, что всѣ эти многообразныя политическія зданія, въ строеніи которыхъ упражнялась языческая древность, строились на пескѣ. Надобно было поэтому начать постройку зданія съ другаго конца, для прочности зданія общественнаго надобно было заняться нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ членовъ общества, надобно было оставить заботу о формахъ и заняться содержаніемъ, надобно было упразднить вѣру въ плоть и увѣровать въ духъ.

Все это было совершено христіанствомъ, которое провозгласило, что человѣкъ богѣе не рабъ, но сынъ и наслѣдникъ, что онъ есть храмъ Духа Святаго. Высоко стало значеніе человѣка, высоко стало значеніе ближняго; обязательнъ любить ближняго какъ самого себя, человѣкъ необходимо получилъ обязанность уваженія, страха предъ ближнимъ, страха передъ его мнѣніями. (До Бога высоко, до царя далеко, но до ближняго близко).

Новое вино не было влито въ старыя мѣхи; для образованія новыхъ обществъ явились новые народы, ибо одною изъ могущественныхъ причинъ древнихъ государствъ было одностороннее развитіе городской формы жизни. Что такое древняя Греція? Царство городовъ: одинъ городъ существуетъ, сель нѣтъ, земледѣльческое народонаселеніе не имѣетъ ничего общаго съ городскимъ: это были рабы, приведенные изъ разныхъ странъ, не имѣющіе не только гражданскихъ, но и человѣческихъ правъ, безъ семейства, безъ религіи, низведенные на степень рабочаго скота. Имперія Римская была имперіей города; колоніи Рима, которыя онъ выводилъ въ покоренныя провинціи, были его отгисками, были городами; когда Римъ овладѣлъ всею Италіей, то въ этой странѣ начали господствовать двѣ формы: городъ и пустыня, гдѣ бродили многочисленныя стада, пасомыя скотоподобными пастухами-рабами. Развивая исключительно городскую форму жизни, не признавъ подлѣ города свободнаго, едионароднаго сельскаго населенія, древнее общество произносило себѣ приговоръ; какъ Ахиллесъ, оно выбрало блестящее, но кратковременное существованіе: у городскихъ жителей были всѣ права, но за то на нихъ же однихъ падали и всѣ обязанности, и когда вслѣдствіе этого городское народонаселеніе истощилось, то откуда могла быть вознаграждена его убыль? Изъ села не могли придти для этого въ городъ сильныя, свѣжіе люди, могшіе продолжать движеніе, начатое въ городѣ, по одинаковости вроднаго характера, способностей, возрѣвній, вѣрованій, однимъ словомъ по тѣсной общественной связи, которая всегда существовала между ними и горожанами; изъ полей могли придти въ древній городъ только люди совершенно чуждые его прошедшаго и настоящаго, и приходъ такихъ людей, исполненіе ихъ, по необходимости, въ число граж-

данъ, окончательно губили городъ, то есть, государство, ибо государство состояло изъ города! Какой же смыслъ имѣеть такъ называемое великое переселеніе народовъ, утверженіе варваровъ въ областяхъ Римской имперіи? Они восполнили то, чего именно не выработало древнее общество: деревенщина, варвары нахлынули изъ лѣсовъ, для продолженія обновленной христіанствомъ европейской жизни, къ которой не было болѣе способно истощенное народонаселеніе города; но такъ какъ это вторженіе варваровъ было насильственно и внезапно, то образованность исчезла на долгое время, деревня, въ свою очередь, подавила городъ.

Въ новомъ обществѣ видимъ нѣсколько общественныхъ органовъ другъ подле друга, связанныхъ единствомъ народнымъ и государственнымъ, видимъ церковь, замокъ, городъ, село. Правильнѣйшее опредѣленіе отношеній между общественными органами, такое опредѣленіе, при которомъ бы эти органы не враждовали, не исключали, не подавляли другъ друга, но, сознавая значеніе каждаго, поддерживали другъ друга, такое опредѣленіе отношеній составляетъ задачу европейско-христіанскаго общества. Наука, разумѣется, всѣмъ своимъ могуществомъ должна помогать при рѣшеніи этой задачи; и прежде всего исторія должна способствовать установленію правильнаго взгляда на настоящее, устанавливая правильный взглядъ на отношенія настоящаго къ прошедшему. Какъ же въ настоящее время наука исполняетъ эту великую обязанность свою? Чтобы удобнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, я обращусь къ книгѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе въ ученой Германіи, книгѣ Рила: *Die Naturgeschichte des Volkes*; она, какъ вижу изъ твоихъ писемъ, произвела сильное впечатлѣніе и на тебя: ты часто упоминаешь о ней, то съ удовольствіемъ, то съ неудовольствіемъ; видно, что она тебя занимаетъ и смущаетъ.

Я понимаю, что цѣль сочиненія Рила, какъ самъ онъ ее высказываетъ, должна была возбудить твое полное сочувствіе: „Общественная жизнь можетъ быть улучшена только тогда, когда каждый отдѣльный человѣкъ и цѣлыя сословія пріобрѣтутъ способность ограничиваться, не выходя изъ должныхъ предѣловъ. Пусть человѣкъ средняго сословія желаетъ быть опять человѣкомъ средняго сословія, поселянинъ—поселяниномъ, аристократъ да не считаетъ себя особою привилегированною, для господства надъ всѣми другими рожденною. Пусть каждый съ гордостью и радостью признаетъ себя членомъ того общественнаго круга, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, воспитанію, образованію, призванію, пусть съ презрѣніемъ отброситъ отъ себя обычай выскочки, который играетъ роль знатнаго господина. Эту роль играютъ теперь почти всѣ состоянія, исключая настоящее сельское народонаселеніе, которое я потому и особенно люблю. Общественное преобразование должно состоять въ раскаяніи, обращеніи отдѣльныхъ членовъ общества“.

Цѣль сочиненія прекрасная, въ наблюдательности и талантѣ у автора нѣтъ недостатка, приемы при изученіи земли и народа образ-

цовые; надобно желать, чтобы русскіе люди покороче ознакомились съ этими пріемами и воспользовались ими при изученіи своей земли и своего народа. Но какъ достоинства, такъ и недостатки подобныхъ сочиненій не должны оставаться подъ спудомъ. При рѣшеніи общественныхъ вопросовъ прежде всего необходимо правильное историческое пониманіе, а его-то иногда и не достаётъ у Рила. Чтобы понять ясно требованія настоящаго, удовлетворить имъ вполне, но не увлекаясь крайностями стоящаго на очереди начала, надобно прежде опредѣлить отношеніе послѣдняго къ началу, выработанному предшествующей эпохой. Въ исторіи существуетъ строгое раздѣленіе занятій между эпохами, каждая эпоха вырабатываетъ свое начало. При этомъ господствующее направленіе обыкновенно позволяетъ себѣ злоупотребленія; вырабатываемое эпохой начало доводится до крайности: это значитъ, что начало еще вырабатывается, что общество не досрочно еще до настоящаго пользованія имъ, не ясно сознаетъ въ чемъ дѣло; какъ же скоро это сознаніе является, то общество отбрасываетъ крайности и стремится къ выработыванію новаго начала, наступаетъ новая эпоха, причѣмъ выработанное предшествующей эпохой начало во всей полнотѣ и чистотѣ переходитъ въ сокровищницу историческаго человѣчества, въ вѣчное ему пользованіе, и новое начало можетъ быть крѣпко, можетъ съ успѣхомъ вырабатываться только тогда, когда основывается на предшествовавшемъ, тѣсно прилегаетъ къ нему, и черезъ него имѣетъ связь со всѣми прежде выработанными историческими началами. Новая эпоха можетъ имѣть непосредственное отношеніе только къ эпохѣ ближайшей; новое начало получаетъ непосредственно свое питаніе отъ начала, только что передъ нимъ выработавшагося; въ исторіи нѣтъ эпохъ пустыхъ, нѣтъ эпохъ, вырабатывавшихъ только какія нибудь вредныя для человѣчества начала, черезъ которыя человѣчеству нужно перескочить назадъ, чтобы получить нравственное питаніе, жизненныя средства отъ началъ, выработанныхъ отдаленнѣйшими эпохами.

Средніе вѣка, вѣка юности европейскаго человѣчества, представляютъ намъ государственныя тѣла въ хаотическомъ состояніи: члены тѣла, общественные органы, на лицо; но они еще въ борьбѣ другъ съ другомъ, въ неправильномъ отношеніи другъ къ другу. Начало, связующее части, дающее единство тѣлу, согласное, стройное направленіе его дѣятельности—это начало еще слабо. Части, отдѣльные общественные союзы живутъ особо, такъ сказать целошически; общество въ крайне-независимомъ состояніи: человѣкъ только и безопасенъ въ кругу своего частнаго союза, вслѣдствіе чего частныя союзы эти развиты и крѣпки, обнаруживаютъ много жизни и движенія, ибо вся жизнь человѣка, всѣ его интересы сосредоточиваются здѣсь; далѣе стѣнъ своего города человѣкъ не видитъ ничего. Каждое жилище, каждое мѣстечко укрѣплены; горожанинъ, который такъ отваженъ, что рѣшается выступить изъ стѣнъ своего города, подвергается величайшимъ опасностямъ: вотъ вдали на скалѣ виситъ гнѣздо хищной птицы—рыцаръ

скій замокъ; тамъ уже завидѣли путешественника—это добыча; опускается подъемный мостъ, и изъ воротъ неподвижнаго замка выдвигается нѣсколько подвижныхъ замковъ, что-то въ родѣ челоуѣка на лошади, но и конь и всадникъ залиты въ желѣзо, и не видать челоуѣческаго образа: нѣтъ спасенія бѣдному страннику-горожанину! ибо онъ членъ не того частнаго союза, къ которому принадлежать эти подвижные замки, и потому между нимъ и послѣдними нѣтъ ничего общаго, они въ постоянной враждѣ. Но вотъ цѣльное государство мало по малу образуется, усиливается стремленіе къ единству, усиливаются средства того начала, которое блюдетъ за соединеніемъ частей для достиженія общей цѣли, блюдетъ за соблюденіемъ мира и согласія между частями, за общественной безопасностію, начала правительственнаго. Какъ скоро водворяется миръ, является общественная безопасность, обнаруживается сила закона, дающаго покровительство каждому и вездѣ, то стѣны, защищавшія до сихъ поръ частные союзы и отдѣлявшіе ихъ другъ отъ друга, рушатся: происходитъ явленіе, подобное которому жители холодныхъ странъ видятъ при наступленіи теплыхъ весеннихъ дней, когда старъ и младъ съ радостію выходятъ изъ закупоренныхъ по зимнему домовъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться широкимъ раздольемъ. Преграды рушились, можно двигаться свободно; горожанинъ можетъ безопасно отправляться по своимъ дѣламъ куда ему угодно: его не ограбятъ, не убьютъ; горизонтъ расширяется; вмѣсто своей маленькой общины, челоуѣкъ видитъ передъ собой цѣлое государство, передъ нимъ открыты безчисленныя сферы дѣятельности, изъ члена частнаго союза онъ дѣлается членомъ государства, предъ нимъ открывается возможность широкой общественной дѣятельности: что же ему прежній узкій, сдерживающій его дѣятельность частный союзъ? Онъ болѣе не нуждается въ немъ и пренебрегаетъ имъ; въ силу общественной безопасности, передъ купцомъ, членомъ какой-нибудь городской общины, открывается обширный кругъ дѣятельности, свободно и безопасно переѣзжаетъ онъ изъ одного мѣста въ другое, передъ его кораблями открываются невѣдомые океаны, открываются новыя части свѣта съ ихъ неистощимыми богатствами: что же ему послѣ того старая его маленькая община? будетъ онъ о ней много заботиться? Такимъ образомъ, вслѣдствіе водворенія общественной безопасности, вслѣдствіе расширенія круга дѣятельности, частные союзы, крѣпкіе прежде по недостатку общественной безопасности, но узкіе, не могшіе болѣе удовлетворить новымъ потребностямъ общества, оказались несостоятельными, стали ослабѣвать, могли съ прежнею крѣпостію сохраниться только въ тѣхъ сферахъ, куда стремительный потокъ новой жизни еще не проникъ. Наступила великая эпоха, въ которую вырабатывалось начало единенія: челоуѣкъ освобождался изъ тѣсныхъ замкнутыхъ частныхъ союзовъ и становился членомъ государства, опредѣлялись непосредственныя отношенія каждаго челоуѣка къ государству; отсюда естественнымъ необходимымъ путемъ выработалась идея челоуѣчества.

Великая эпоха совершила свое дѣло; были увлеченія, крайности при этомъ совершеніи; но одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ историковъ сказалъ вполне справедливо объ этой эпохѣ: ей много оставится, потому что возлюбила много. Наступила другая эпоха, въ которой нельзя не замѣтить, какъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ, стремленіе къ частнымъ союзамъ, къ образованію новыхъ частныхъ союзовъ, къ скрѣпленію старыхъ, родового, сословнаго, общиннаго, ибо дознано, что только съ помощію крѣпкихъ частныхъ союзовъ человѣкъ можетъ воспитаться, привыкнуть къ гражданской дѣятельности, что только съ помощію частныхъ союзовъ частная дѣятельность, развитіе частныхъ средствъ и силъ могутъ быть вполне обеспечены: государство доставляетъ общественную безопасность, но оно не можетъ замѣнить для каждаго ни отца, ни брата, ни собрата. Что же? это стремленіе къ частнымъ союзамъ есть ли возвращеніе къ старинѣ, выраженіе несостоятельности направленія предшествовавшей эпохи? Нисколько. Благодаря началу, выработанному предшествовавшею эпохою, частные союзы, скрѣпленія которыхъ требуетъ наше время, не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ частнымъ союзамъ, существовавшимъ при началѣ европейскихъ обществъ, въ средніе вѣка. Новый европейскій человѣкъ стремится скрѣпить частные союзы, но благодаря началамъ, выработаннымъ предшествовавшею эпохою, онъ возвращается въ эти союзы инымъ человѣкомъ, съ иными понятіями, съ иными условіями, въ силу которыхъ новые частные союзы будутъ гораздо крѣпче; такъ напримѣръ, относительно семейнаго союза иныя постановлены отношенія между старшими и младшими, между отцомъ и дѣтьми, между мужемъ и женою; формы тѣ же, но духъ иной, а это главное, это все. Новый европейскій человѣкъ хочетъ скрѣпить сословный союзъ: но развѣ отношенія между сословіями теперь тѣ же, что были въ средніе вѣка? Всѣ сословія, какъ органы одного тѣла, должны поддерживать другъ друга, дружно, со взаимнымъ уваженіемъ стремясь къ одной общей цѣли, зная, что ослабленіе одного органа болѣзненно отзовется во всѣхъ другихъ, а эта мысль отсюда взята новымъ европейскимъ человѣкомъ, развѣ изъ XII вѣка? Теперь люди съ одинаковыми занятіями, съ одинаковымъ положеніемъ, стремятся, для поддержанія другъ друга, къ частнымъ союзамъ: но развѣ эти союзы могутъ быть похожи на старинные цехи? Цѣль частнаго союза — обезпеченіе свободной широкой частной дѣятельности, а не ограниченіе, не стѣсненіе ея какими-нибудь матеріальными условіями, напримѣръ общимъ владѣніемъ; члены частнаго союза не должны идти скованные объ ногу другъ съ другомъ, а должны для частной и общей пользы двигаться свободно и быстро, но при первомъ колебаніи собрата должны стремиться къ нему на помощь, поднимать его всѣми средствами, матеріальными и нравственными. Однимъ словомъ, древніе частные союзы, удовлетворявшіе потребностямъ своего времени, не могли удовлетворять болѣе потребностямъ европейскаго общества, движувшагося впередъ по широкому пути развитія; ихъ ослабленіе въ

известную эпоху, которое дало возможность выработавшемуся въ эту эпоху началу доходить до крайности, показываетъ ясно ихъ несостоятельность; частные союзы, эти необходимые органы общества, должны были пересоздаться на новыхъ болѣе широкихъ началахъ, а эти новыя начала выработались именно въ эпоху, предшествовавшую нашей эпохѣ. Итакъ ты видишь, любезный другъ, что стремленіе нашего времени къ частнымъ союзамъ не есть возвращеніе къ отдаленной старинѣ, не есть протестъ противъ направленія непосредственно предшествовавшей эпохи, но есть прямое произведеніе послѣдней, имѣетъ прямое непосредственное отношеніе къ ней, а не къ эпохамъ отдаленнымъ. Вотъ почему такъ странно тоть анти-историческій, взглядъ, порожденный плохимъ знаніемъ и плохимъ пониманіемъ исторіи, по которому, найдя въ отдаленныхъ эпохахъ явленія, повидимому сходныя съ тѣми, которыхъ требуетъ настоящее время, устремляютъ къ нимъ свое сочувствіе, упрекая эпоху непосредственно предшествовавшую, будто бы она, выработывая новыя, чуждыя, вредныя начала, подавила старыя прекрасныя начала, которыя, во что бы то ни стало, нужно воскресить. Но такой взглядъ, во первыхъ, показываетъ слабость, несостоятельность этихъ хваленыхъ началъ древности, потому что еслибъ они были вѣрныя, удовлетворительныя, то не дали бы подавить себя; во вторыхъ, люди съ анти-историческимъ взглядомъ, толкуя о любимыхъ явленіяхъ отдаленной древности, поднимаютъ, изукрашиваютъ ихъ, сообразно съ своими настоящими понятіями, и тѣмъ самымъ свѣдѣтельствуютъ, что имъ нужно вовсе не то, что представляетъ сѣдая древность. Наконецъ, во всѣхъ этихъ анти-историческихъ толкахъ повторяется старинное явленіе: протестъ противъ прогресса вслѣдствіе нравственной слабости, неумѣнья сладить съ нимъ; отсюда пристрастіе къ первоначальнымъ простымъ, неразвитымъ формамъ быта, политическій буддизмъ.

Въ книгѣ Рила мы часто встрѣчаемся съ этимъ нашимъ старымъ знакомымъ буддизмомъ. Нашъ авторъ сильно наскучилъ этимъ безпрестаннымъ коловращеніемъ міра, безпрестаннымъ шумомъ, движеніемъ, господствующимъ въ городахъ, въ большихъ городахъ; онъ проклинаетъ городъ; большой городъ преимущественно, и спѣшитъ въ поле, онъ говоритъ, что земледѣльческое сословіе ему особенно нравится, потому что въ немъ меньше стремленія высказывать; но это сказано не совсѣмъ откровенно; въ книгѣ читатель легко замѣтитъ другую причину пристрастія автора: это именно господство въ земледѣльческомъ сословіи первичныхъ, простыхъ формъ и безсознательное стремленіе къ ихъ сохраненію. Но авторъ не доволенъ и полемъ; какъ истый буддистъ, онъ ищетъ большей пустоты и стремится въ лѣсъ, который пользуется особеннымъ его сочувствіемъ. Замѣть, любезный другъ, какъ протестъ противъ прогресса, буддизмъ необходимо связывается съ крайнимъ матеріализмомъ, ибо одно изъ основныхъ положеній нашихъ новыхъ буддистовъ таково: челоуѣчество было только тогда юно, свѣжо, когда оно въ лѣсу, при начальныхъ

формах быта, при господствѣ общаго владѣнія; вышедши изъ этого состоянія, оно одряхлѣло, не въ состояніи болѣе возстановлять своихъ силъ; шагъ изъ лѣсу въ поле, и шагъ изъ поля въ городъ, не суть шаги впередъ, но шаги назадъ, шаги къ драхлости, къ порчѣ. Это положеніе основано на вѣрѣ въ одни матеріальныя условія, на отрицаніи духовныхъ силъ человѣка и общества. У Риль это суевѣрное обожаніе формъ высказывается очень рѣзко: такъ онъ условіемъ нравственной крѣпости семьи полагаетъ постоянное пребываніе въ одномъ домѣ, и такъ какъ это постоянное пребываніе господствуетъ въ селѣ, а не въ городѣ, гдѣ большинство народонаселенія живетъ на наемныхъ квартирахъ, то сельское народонаселеніе относительно семейной крѣпости и нравственности имѣетъ громадное преимущество передъ городскимъ. Не ясно ли ты видишь здѣсь полное подчиненіе человѣка, его духовной дѣятельности, его нравственныхъ, чисто человѣческихъ отношеній—матеріи? Домъ, дерево, камень здѣсь главное! Какъ скоро человѣкъ освобождается отъ этихъ матеріальныхъ условій, то его нравственныя отношенія необходимо портятся, человѣкъ ниже дерева и камня, онъ не можетъ отъ нихъ освободиться и сохранить свое достоинство, крѣпость нравственныхъ связей! „Нечего разсуждать, говоритъ Риль, о естественной связи семейства съ жилищемъ въ наше время, когда большинство горожанъ живетъ на наемныхъ квартирахъ. Многіе ли изъ нихъ знаютъ, въ какомъ домѣ они родились? Удивительно еще, что столько людей знаютъ, сколько имъ лѣтъ!“ Острота пошла не въ прокъ нашему автору, ибо всѣмъ хорошо извѣстно, кто обыкновенно не знаетъ, сколько ему лѣтъ: не горожанинъ, мѣняющій квартиры, а селянинъ, живущій постоянно въ домѣ прапрадѣдовскомъ. Человѣку не нужно знать, какія стѣны были свидѣтелями его рожденія; ему нужно знать, къ кому онъ долженъ имѣть нравственное, чисто человѣческое отношеніе, ему нужно знать къ какой семьѣ онъ принадлежитъ. И бобръ строитъ плотину, и медвѣдь имѣетъ свою берлогу, и птица вьетъ гнѣздо: одинъ человѣкъ имѣетъ семейство. Въ другомъ мѣстѣ Риль говоритъ: „Во многихъ мѣстахъ сѣверной Германіи (какъ и въ Скандинавіи) каждый крестьянскій домъ имѣетъ свой знакъ, о происхожденіи котораго ученые ломаютъ голову. Этотъ домовый знакъ для крестьянина такъ же дорогъ, какъ для дворянина гербъ. Но между ними большое различіе: крестьянская семья, перемѣняя дворъ, что конечно случается рѣдко, перемѣняетъ и свой домовый знакъ тогда какъ гербъ дворянина привязанъ къ фамиліи и отъ фамиліи переносится уже на замокъ; гербъ не есть знакъ владѣнія, но знакъ рода, тогда какъ крестьяне берутъ свой знакъ прямо отъ дома“. Авторъ не хочетъ понять всю важность этого различія: при первоначальныхъ формахъ быта, господствующихъ въ земледѣльческомъ сословіи, матеріальное, домъ господствуетъ и подчиняетъ себѣ человѣка и его человѣческія отношенія, человѣкъ, семья не имѣютъ своего знака, отмѣчаютъ все знакомъ своего господина—дома; тогда какъ въ другой сферѣ, родъ, чисто человѣческое отношеніе, преобладаетъ,

человѣкъ есть господинъ дома, и отмѣчаетъ его своимъ родовымъ знакомъ.

Ты очень хорошо знаешь, что новые буддисты смотрятъ на важность земледѣльческаго сословія вовсе не съ той точки зрѣнія, какая показана въ началѣ моего письма. Земледѣльческое сословіе, свободное, единоплеменное со всѣми другими сословіями составляетъ необходимый органъ государственнаго тѣла, и пренебреженіе этимъ органомъ ведетъ неминуемо къ паденію государствъ, какъ доказалъ примѣръ древнихъ языческихъ государствъ и примѣръ одного новаго государства, павшаго также вслѣдствіе односторонняго, исключительнаго развитія одного органа на счетъ другихъ. Риль убѣдительно доказываетъ это, но къ сожалѣнію, онъ не довольствуется признаніемъ важности земледѣльческаго сословія, важности существованія села подлѣ города: онъ какъ будто хочетъ дать первенство первому надъ вторымъ, обнаруживаетъ невольное пристрастіе къ селу и непримиримую вражду къ городу. „Нѣмецкій народъ, говоритъ онъ, есть народъ сельскій, тогда какъ Греки и Римляне были народы городовые. Нѣмецкій народъ жилъ сначала дворами и избами, и только впоследствии, подъ *иностраннымъ* вліяніемъ, образовались города. Прочвѣтаніе римскихъ національныхъ нравовъ выражалось словомъ: *урбанитетъ*; процвѣтаніе нѣмецкихъ національныхъ нравовъ должно означаться словомъ: *рустицитетъ*“. Читатель, разумѣется, захочетъ знать, въ чемъ же состоитъ эта противоположность между римскими и германскими національными нравами? Что такое римскій *урбанитетъ*, германскій *рустицитетъ*, какъ выраженія различныхъ народностей? Читатель не найдетъ отвѣта на эти вопросы: ибо все это не иное что какъ игра въ пустые выводы изъ положеній, не основанныхъ ни на исторіи, ни на настоящей дѣйствительности. Впрочемъ изъ одного мѣста книги можно отчасти видѣть, что авторъ разумѣетъ подъ желаннымъ *рустицитетомъ*: „Разсказываютъ, говоритъ Риль, о старобаварскихъ мѣстностяхъ, гдѣ пирушка не считается веселою, если обходится безъ смертоубійства. Здѣсь уже слишкомъ много натуры, но все же вѣдь это натура“.

Понятна ненависть Рили къ большимъ городамъ, на которые онъ смотритъ какъ на язву государства. „Уже въ 1840 году, говоритъ онъ, на 45 Прусаковъ приходился одинъ Берлинецъ, на 35 Французовъ одинъ Парижанинъ и изъ 15 Англичанъ одинъ жилъ въ Лондонѣ. Въ этихъ цифрахъ, выражающихъ переселеніе страны въ большой городъ, скрывается для развитія нашей народной жизни гораздо большая сумма опасностей, чѣмъ въ цифрахъ переселеній въ отдаленныя части свѣта“. Но спрашиваемъ: гдѣ же эти опасности? Развѣ народонаселеніе большихъ городовъ увеличивается насчетъ сельскаго народонаселенія? Развѣ около новыхъ европейскихъ большихъ городовъ, какъ въ старину около Рима, образуются пустыни? Новые буддисты, въ слѣпой ненависти къ большимъ городамъ, какъ могущественнымъ органамъ прогресса, не хотятъ понять, что большіе города

жить не на счетъ той страны, гдѣ находятся, а на счетъ всего міра, и потому не истощаютъ родной страны, а увеличиваютъ ея благосостояніе. Пусть они потрутся разсчитать, сколько Англичанъ, жителей Лондона, живетъ на счетъ Англии, и сколько на счетъ другихъ странъ Европы и преимущественно другихъ частей свѣта? Новые буддисты не хотятъ понять, что въ этихъ громадныхъ городахъ находятъ себѣ убѣжище та часть народонаселенія страны, которая безъ нихъ или должна была бы выселиться, или, оставаясь, заставить переселиться другую равную ей часть народонаселенія. Спрашивается: куда бы дѣвался пятнадцатый Англичанинъ, который живетъ въ Лондонѣ, и кормится на счетъ Португалии наприимѣръ?

Къ буддистскимъ стремленіямъ обыкновенно присоединяется самозванное стремленіе къ народности. Новые буддисты обыкновенно жалуются, что цивилизація, содѣйствуя общенію народовъ, сглаживаетъ народныя черты, дѣлаетъ образованнаго Нѣмца похожимъ на Француза, на Англичанина; при этомъ они обыкновенно указываютъ на земледѣльческое сословіе, до котораго цивилизація не коснулась или коснулась очень мало, которое, поэтому сохранило во всей чистотѣ народныя черты и потому должно служить образцомъ для образованныхъ сословій: послѣднія должны возвратиться къ нему, прировняться къ нему, чтобы возвратить себѣ народный образъ, потерянный чрезъ прогрессъ, чрезъ цивилизацію.

И здѣсь, какъ вездѣ, новые буддисты видятъ миражъ, предметы представляются имъ верхъ ногами: они не догадываются, что прогрессъ, цивилизація не уничтожаютъ народности, а наоборотъ могутъ мощественно развивать ея. Въ книгѣ Рила есть превосходное мѣсто, которое рѣзко противорѣчитъ другимъ встрѣчаемымъ у него возрѣніямъ и которое ясно указываетъ на значеніе прогресса, цивилизаціи относительно народности; это мѣсто читается тамъ, гдѣ онъ говоритъ о значеніи женщины противъ такъ называемой эманципаціи послѣдней. „Въ противоположности мужчины и женщины уже предвозвѣщаются многія основныя черты естественнаго разчлененія общества; съ другой стороны, сословный бытъ также могутъ мощественно дѣйствовать на эту противоположность. На низшихъ ступеняхъ общества характеристическія черты мужчины и женщины еще не обрисовываются во всей полнотѣ. Противоположность ихъ образовъ вырабатывается вполне только благодаря цивилизаціи: ибо *истинная* цивилизація раздѣляетъ, разчленяетъ, *дурная* равняетъ. Крестьянская баба во всѣхъ отношеніяхъ и по наружности,—еще полумужикъ: только при высшей образованности, женщина въ каждой чертѣ выражаетъ противоположность свою мужинѣ“. Ты конечно догадался почему я подчеркнул слова: *истинная и дурная* цивилизація; они не имѣютъ смысла и употреблены авторомъ только изъ желанія оговориться, ибо онъ понималъ какъ указанное имъ важное явленіе противорѣчатъ встрѣчающемуся у него возрѣнію на цивилизацію и на отношеніе къ ней земледѣльческаго сословія: если истинная цивилизація раздѣляетъ, а дурная рав-

яется, то выходитъ, что въ земледѣльческомъ сословіи господствуетъ дурная цивилизація! Дѣло въ томъ, что цивилизація, прогрессъ вообще раздѣляетъ, разчленяетъ; при отсутствіи прогресса сохраняется единообразіе.

Высказанную мысль авторъ развиваетъ даѣе: во всѣхъ почти изображеніяхъ знаменитыхъ красавицъ прошлаго времени поражаетъ насъ рѣзкость чертъ; всѣ эти головы кажутся намъ слишкомъ мужественны въ сравненіи съ первообразомъ женской красоты, который носится передъ нами, людьми новаго времени. Старинныя изображенія Мадоннъ и другихъ святыхъ дѣвицъ имѣютъ въ себѣ рѣзкія черты, которыя дѣлаютъ ихъ мужевидными или нѣсколько старообразными; Ванъ-Ейковскія Мадонны смотрятъ тридцатилѣтними. Живописецъ слѣдовалъ природѣ, а природа съ тѣхъ поръ перемѣнилась; триста лѣтъ тому назадъ молоденькая дѣвушка сохранила еще мужскія черты; Марія Стюартъ, эта прославленная красота своего времени, поражаетъ глаза XIX вѣка своими мужскими чертами. У бѣдныхъ уединенно живущихъ земледѣльцевъ, равно какъ у бѣдныхъ работниковъ городскихъ, голова мужчины и женщины имѣетъ почти одинаковую фізіономію; женщину изъ этого класса нарисуйте въ мужскомъ платьѣ, и вы не отличите ее отъ мужчины; особенно старики и старухи похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды. Даже средняя величина тѣла въ низшихъ классахъ ровнѣе для обоихъ половъ, чѣмъ въ образованныхъ; наши маленькія городскія женщины подлѣ высокихъ мужчинъ облачаютъ слѣдствія образованности. Даже звуки голоса межъ людьми въ простотѣ быта живущими сходнѣе у обоихъ половъ чѣмъ межъ людьми образованными. Тоже самое замѣчается и относительно одежды: одежда обоихъ половъ у древнихъ народовъ, у народовъ азіятскихъ, у народовъ, сохранившихъ первоначальную простоту быта, сходна: сравните одежду Турка и Турчанки, Тирольца и Тирольки: но какая противоположность между фракомъ образованнаго Европейца и между длиннымъ и широкимъ платьемъ его жены! какая противоположность между ихъ шляпами!

Такъ наглядно объясняетъ Риль положеніе, что цивилизація, прогрессъ раздѣляетъ, а не равняетъ; но онъ какъ будто не догадывается, что цивилизація, прогрессъ обнаруживаетъ точно такое же дѣйствіе и относительно народности: чѣмъ сильнѣе прогрессъ, тѣмъ рѣзче обозначаются народныя черты, народныя различія. Это явленіе у насъ передъ глазами (разумѣется, если мы ихъ не зажмуримъ): когда народности, народныя стремленія обозначались рѣзче, какъ въ наше время, чудесами цивилизаціи, такъ сблизившей народы, заставившей ихъ жить въ одной тѣсной семьѣ? Вотъ Англичанинъ, Французъ, Италіанецъ, Нѣмецъ: съ необыкновенною быстротою примчались они по желѣзнымъ дорогамъ изъ разныхъ концовъ Европы въ условленное по телеграфу мѣсто; разсуждаютъ объ общемъ дѣлѣ, говорятъ на одномъ языкѣ; одѣты въ одинаковое платье, и между ~~этимъ~~ ~~какимъ~~ какое различіе между ними! Кто по ихъ лицамъ и слову ~~не признаетъ~~ въ нихъ чле-

ночь четырехъ различныхъ народовъ? И чѣмъ ближе они другъ къ другу, чѣмъ тѣснѣе соединены ихъ интересы, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ они различіе своихъ народностей; цивилизація не уравнила ихъ, не сгладила ихъ народныхъ чертъ, она произвела только то, что они могутъ столкнуться объ одномъ общемъ дѣлѣ, тогда какъ вслѣдствіе отсутствія цивилизаціи обыкновенно и люди одного народа никакъ не могутъ столкнуться между собою. Новые буддисты никакъ не могутъ понять, что по общему, непреложному закону развитія, люди низшихъ слоевъ общества, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, сохраняется истый народный духъ, по всѣмъ понятіямъ, обычаямъ, повѣрьямъ, гораздо сходнѣе съ подобными же себѣ у другихъ народовъ, нежели члены образованнаго общества въ разныхъ народахъ, и народный духъ слѣдовательно обитаетъ по преимуществу въ образованныхъ классахъ общества, ибо здѣсь высшая, духовная область, область сознанія.

Такое непониманіе зависитъ отъ узкаго представленія народности, отъ мелкой, недостойной великаго народа вражды, зависти къ другимъ народамъ. Такъ у Рима ненависть къ предшествовавшей эпохѣ соединяется съ ненавистію къ Французамъ, которые въ эту эпоху, при распространеніи господствующаго направленія ея, играли самую видную роль. Нѣмцы сначала блаженствовали въ гѣсахъ; потомъ, вслѣдствіе *чуждаго* нехорошаго вліянія, сдѣлали шагъ назадъ, стали жить въ отдѣльныхъ городкахъ, общинкахъ, изъ которыхъ каждая знала только самое себя; хуже имъ стало противъ прежняго, гѣснаго быта, но все же еще хорошо *рустицитетъ* соблюдался; но вотъ явились Французы съ своими вредными идеями о человѣкѣ и человѣчествѣ, и перевернули доброе старое нѣмецкое общество, руститетъ исчезъ и — *finis Germania!* За это защитники нѣмецкой народности поклялись къ французамъ вѣчною ненавистію, и объявили, что для спасенія Германіи ея сына надо было возвратиться въ гѣса, но такъ какъ гѣсовъ, къ несчастію, осталось уже мало, то по крайней мѣрѣ, надобно возвратиться къ среднегѣсовымъ формамъ жизни. „Идея гуманитета, воскликаетъ Римъ, поглотила мысль о семействѣ, за человѣчествомъ позабыли людей!“ Это онъ рѣшается сказать о предшествовавшей эпохѣ, которая больше всего хлопотала о томъ, чтобы въ челоуѣкѣ не забывали челоуѣка, чтобы прежде всего видѣли въ немъ это значеніе! Идея гуманности не поглотила мысли о семействѣ; но вслѣдствіе этой идеи было сознано, что не челоуѣкъ для семейства, а семейство для челоуѣка, что челоуѣкъ не есть рабъ семейства, но свободный членъ его, свободно, сознательно исполняющій святныя обязанности, налагаемыя этимъ первымъ челоуѣческимъ частнымъ союзомъ. Ослабленіе семейныхъ связей было именно слѣдствіемъ того, что старая семья съ своею матеріальною связью, съ своими обычными формами не удовлетворяла уже общества; нужна была для семьи другая болѣе прочная духовная связь, и эта связь была получена чрезъ гуманныя идеи, чрезъ заявленіе достоинства челоуѣка. Но пусть самъ авторъ покажетъ намъ и характеръ старой семьи, и новыя требованія общества.

Во французско-нѣмецкихъ театральныхъ пьесахъ того времени, говоритъ Риль, комическій задоръ состоитъ въ томъ, что дѣти обманываютъ своихъ родителей, жены мужей и наоборотъ. Надъ этимъ обманомъ смѣялись какъ надъ тонкою, ловкою интригою, тогда какъ старыя нѣмецкія народныя фарсы, гдѣ комическое обыкновенно состояло въ томъ, что мужъ колотилъ свою жену, были презираемы какъ безнравственные и низкіе. Я тоже считаю эти драматическіе палочные эффекты очень низкими, однако и на половину не столь низкими, какъ тонкіе обманы между супругами, родителями, дѣтьми, родственниками, которые даже теперь очень часто составляютъ интригу комедій, изъ Франціи къ намъ завозимыхъ; наша знатная и образованная публика охотно смотритъ эти комедіи, тогда какъ, нравственно оскорбленная, она оставила бы лежи, еслибъ ей представили на сценѣ старую пьесу, въ которой мужъ надѣляетъ жену свою палочными ударами. Средство было выбрано дѣйствительно грубое, но цѣль побоевъ была очень похвальна*.

Почтенный авторъ никакъ не можетъ догадаться, что обманы между членами семейства, которые составляли обыкновенную интригу комедій въ извѣстное время, были естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ палочныхъ эффектовъ, безъ которыхъ не обходились древніе народныя фарсы: тамъ гдѣ съ одной стороны сильный, пользующійся безъ отчета своею силою, не видящій въ слабомъ прежде всего человѣка, а съ другой стороны слабый, ничѣмъ не обезпеченный отъ насилій сильнаго, тамъ необходима неразвитость сознанія о нравственномъ достоинствѣ, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, тамъ развратъ и, со стороны слабого, обманъ для избѣжанія мести сильнаго. Автору можно было бы припомнить, что и въ старинныхъ народныхъ фарсахъ комическимъ задоромъ служить обманъ, за что обманувшій, то есть обманувшая, и получала палочные удары. Итакъ въ старину общество потѣшалось зрѣлищами съ обманомъ и палочными ударами; потомъ начали потѣшаться зрѣлищами безъ палочныхъ ударовъ, но съ тѣмъ же обманомъ, ибо палочные удары не вывели обмана и безнравственности изъ семьи, а еще болѣе усилили ихъ: что же, это отсутствіе палочныхъ ударовъ, которые омерзили общество, эта матеріальная безнаказанность обмана сгубила общественную нравственность въ конецъ? Пусть отвѣчаетъ Риль на этотъ вопросъ: „Надобно признаться къ чести настоящаго поколѣнія, что мы теперь тонкія непристойности школы Виланда и Коцебу, которыя нашимъ отцамъ казались благородными, считаемъ уже чѣмъ-то неблагороднымъ. Скромность усиливается въ нашемъ обществѣ, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ семейнаго духа“. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ распространяется объ улучшеніи семейной нравственности въ настоящее время и, не смотря на то, вслѣдствіе непониманія исторіи, отреченія отъ нея, не можетъ понять непосредственнаго отношенія этого улучшенія къ началамъ, проповѣданнымъ предшествовавшей эпохѣ; руководясь узкимъ національнымъ взглядомъ, не перестаетъ дѣлать выкладки противъ Фран-

пузовъ за проповѣданіе этихъ началъ, вздыхать о нѣмецкой старинѣ, и указывать на деревенскую избу, какъ на единственную купель очищенія для образованнаго нѣмецкаго общества.

Французское представленіе соціальной свободы и независимости отличается отъ нѣмецкаго существенно тѣмъ, что Французы хлопочутъ только о личной самостоятельности и независимости, тогда какъ по нѣмецкому представленію, личная независимость должна заключаться въ силѣ и независимости общественной группы и семьи, къ которой индивидуумъ принадлежитъ. Эта противоположность двухъ представленій всего яснѣе видна изъ слѣдующаго. Въ Пфальцѣ французское представленіе о личной независимости такъ вкоренилось, что произвело перемѣну въ сельскихъ общественныхъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ. Стремленіе каждаго частнаго лица совершенно свободно стоять на собственныхъ ногахъ повлекло къ имущественному раздробленію, какового въ другихъ нѣмецкихъ странахъ мы не найдемъ. Индивидуумъ не хочетъ жертвовать своею личною независимостію блеску и силѣ семейства; отецъ не могъ бы умереть спокойно, еслибъ онъ, для сохраненія своего семейства въ чести и богатствѣ, уменьшилъ наслѣдство младшихъ сыновей, и завѣщалъ бы имъ для поддержанія семьи служить старшему брату въ видѣ помощниковъ. Это послѣднее, чисто нѣмецкое и глубоко-нравственное распоряженіе кажется безнравственнымъ жителю Пфальца, пропитанному французскими идеями. Наслѣдство дробится на разныя части, и большая часть сыновей принуждена черезъ это искать хлѣба въ услуженіи у чужихъ людей. Съ изумительнымъ прилежаніемъ и постоянствомъ трудятся люди, чтобы голодать на маленькомъ участкѣ и быть свободными, зависѣть отъ ростовщиковъ-жидовъ и быть свободными, служить чужимъ людямъ, быть въ поденщикахъ и быть свободными. Удивительное противорѣчіе! Работать въ домѣ роднаго брата въ видѣ помощниковъ и привилегированныхъ слугъ, для охраненія собственности семейства, какъ нравственнаго лица, это называется нестерпимымъ рабствомъ, а быть въ службѣ у чужихъ людей—называется свободою!

Авторъ не хочетъ понять, что всякій частный союзъ, а также и родовой, тогда только крѣпокъ, когда основанъ на нравственныхъ, а не на матеріальныхъ отношеніяхъ; а гдѣ же тутъ нравственное отношеніе, когда для поддержанія значенія и богатства рода одному члену дается все, а другіе должны находиться у него въ услуженіи! Родовой союзъ можетъ быть только тогда крѣпокъ, когда братья, получивъ равныя доли, для взаимнаго поддержанія и обезпеченія, свободно соединяютъ свои матеріальныя и нравственныя средства въ общей дѣятельности, или употребляя, по призванію, свои силы въ различныхъ сферахъ дѣятельности, тѣмъ не менѣе сохраняютъ нравственное единство рода, считая священною обязанностію обезпечивать благосостояніе другъ друга. Толкуя, что членъ рода долженъ приносить свою личную самостоятельность въ жертву роду, этому естественному, первому частному союзу, Римъ однако требуетъ, чтобы жертва приноси-

лась нѣкоторыми членами рода, а не всѣми! Да и зачѣмъ эта жертва при *чисто-нѣмецкомъ и глубоко-нравственномъ распорядкѣ*, на которое указываетъ Риль? Старшій, богатый братъ для поддержанія чести и богатства фамилии, вовсе не нуждается въ услугахъ младшихъ обдѣленныхъ братьевъ, у него есть средства пріобрѣсти и другихъ работниковъ, а у младшихъ братьевъ нѣтъ никакого нравственного побужденія предпочитать службу у роднаго брата службѣ въ чужихъ людяхъ; но такъ какъ тутъ оскорбительно и невыгодно сталкиваются противоположныя другъ другу отношенія, родственныя и рабочныя, то младшіе братья и бѣгутъ изъ дому старшаго, чѣмъ послѣдній, разумѣется, долженъ быть очень доволенъ.

Нѣмецкая семья миръ спасла—это фактъ несомнѣнный по мнѣнію Риля; нѣмецкая семья создала новую эпоху нѣмецко-христіанскихъ среднихъ вѣковъ. Но чтобы каковой-нибудь западникъ, лишенный патріотизма, не посмѣлъ сдѣлать возраженія, авторъ спѣшитъ представить нѣмецкую семью въ язычествѣ, когда она еще не подвергалась вліянію чуждыхъ, враждебныхъ началъ: „На могилѣ господина, по древнеязыческому нѣмецкому обычаю, закалались въ жертву рабы. Здѣсь мы не должны видѣть одного только варварства; здѣсь выражается глубокомысленное представленіе *цѣлостности дома*, такъ какъ индійское сожженіе вдовъ есть символъ семейной неразрывности. Слуга въ цѣлостномъ домѣ долженъ признавать свою судьбу неразрывно-связанною съ судьбою господина“. Конечно и ты, любезный другъ, согласишься вмѣстѣ со мною въ глубокомыслии этого нѣмецкаго обычая, хотя онъ есть вмѣстѣ и скиескій, какъ извѣстно; но не могу удержаться отъ одного замѣчанія: вѣдь гораздо лучше было бы для выраженія нераздѣльности семьи, цѣлостности дома, на могилѣ отца заколоть одного изъ сыновей, а не раба; мнѣ кажется, что эти язычники, будучи чрезвычайно глубокомысленны и нравственны, были себѣ на умѣ; кололи рабовъ да женъ, которыхъ считали также рабами, но сыновей не трогали.

Послѣ попытки придать глубокой нравственный смыслъ умерщвленію рабовъ на могилѣ господина, насъ, разумѣется, уже не можетъ ничто удивить въ книгѣ почтеннаго германофила; на примѣръ слѣдующее великолѣпное мѣсто: „Глубокомысленное нѣмецкое представленіе дома, какъ личнаго, изъ семейной жизни выросшаго существа, всего болѣе выражается въ многочисленныхъ народныхъ преданіяхъ о домашнихъ духахъ. Домашніе духи не только покровители и друзья дома, но они также мстятъ и наказываютъ за пренебреженіе домомъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народными суевѣріемъ, въ основаніи котораго лежатъ великія нравственныя народныя идеи, идеи органической (!) связи между жилищами и семействами, личности дома и святости домашней жизни. Слѣдуетъ ли такія народныя вѣрованія называть суевѣріями? Должно ли искоренять ихъ, если извѣстно, что вмѣстѣ съ ними искоренятся прекраснѣйшіе обычаи крестьянскаго дома?“

Итакъ, господинъ пасторъ! остерегайтесь говорить своему нѣмец-

кому крестьянину, что вѣра въ Фрау Гольду есть недостойное для христіанина суевѣріе; а прежде всего, постарайтесь освободиться отъ убѣжденія, что религія, вами проповѣдуемая, способна, безъ помощи вѣровавшей въ Фрау Гольду, очистить, укрѣпить и освятить семейную жизнь въ избѣ и палатахъ!

Въ своемъ письмѣ, указывая на это мѣсто Рилевой книги, ты выразилъ удивленіе, какъ авторъ забылъ *Нѣмецкую Мифологію* Гримма и преданія о домашнихъ духахъ рѣшилъ назвать выразителями нѣмецкихъ представленій, тогда какъ эти преданія общи разнымъ народамъ, Славянамъ столько же, какъ и Германцамъ. Но, любезный другъ! еслибы Риль не позабылъ многого еще, кромя мифологіи Гримма, еслибы не освободился отъ науки, какъ отъ дучукаго произведенія ненавистнаго прогресса, то не былъ бы германофиломъ, и не сталъ бы искать нѣмецкой народности именно тамъ, гдѣ ея нѣтъ; тогда бы онъ зналъ, что нѣмецкая народность выразилась въ твореніяхъ Шиллера и Гете, Вага и Моцарта, Канта и Шеллинга, а не въ преданіяхъ избы, одинакихъ у разныхъ народовъ, въ избахъ живущихъ.

Книга Рила, писателя съ такимъ талантомъ, съ такою благонамѣренностію, показываетъ всего яснѣе, къ какимъ неимовернымъ странностямъ и къ какому безплодію ведетъ анти-историческое направленіе и этотъ буддистскій протестъ противъ прогресса, это стремленіе возвратиться къ первоначальной простотѣ отношеній, стремленіе, отличающее недостатокъ нравственныхъ силъ, неумѣнье сладить съ прогрессомъ, матеріализмъ, невѣріе въ нравственныя силы человѣка, который, по мнѣнію буддистовъ, тогда только чистъ и свѣжъ, когда живетъ въ лѣсу, и портится, когда выступаетъ на высшее общественное поприще. Быть-можетъ, ты мнѣ отвѣтишь: „Все это такъ; но грустно состояніе общества, въ которомъ являются подобныя воззрѣнія и возбуждаютъ вниманіе; грустно, что и такіе люди, какъ Риль, высказываютъ эти воззрѣнія: это плохой знакъ!“ Но развѣ, отвѣчаю тебѣ, прежде этого не бывало? И однако общество, въ угоду буддистамъ, не отказывалось отъ прогресса. Въ XVI вѣкѣ, когда начиналось неслыханное до того времени движеніе въ европейскомъ мірѣ, когда книгопечатаніе окрылило мысль человѣка, когда открытъ былъ Новый Свѣтъ и невѣдомыя пути къ отдаленнымъ частямъ Стараго, тогда послышался протестъ противъ прогресса отъ одного изъ самыхъ ученыхъ людей времени: Томасъ Морусъ написалъ утопію, гдѣ предлагалъ обществу возвратиться къ родовому быту. Но общество, принявъ къ свѣдѣнію куріозную книгу, шло своимъ путемъ. Извѣстно пристрастіе къ первоначальному быту, къ невиннымъ будто бы правамъ неразвитыхъ обществъ, пристрастіе, обнаружившееся въ XVIII вѣкѣ. Мы сами были свидѣтелями, какъ буддистское направленіе проникло въ поэзію, и поэты въ звучныхъ стихахъ жаловались, зачѣмъ они родились въ образованномъ обществѣ, а не въ хижинѣ дикаря:

О Боже! Еслибъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой Остяка
Въ глухой развалинѣ утеса.

Такъ воспѣвалось, когда господствовала идея человѣчества; теперь, подъ влияніемъ идеи народности, начались воздыханія по крестьянской избѣ, куда будто бы укрылась народность. И Богъ вѣсть, сколько еще формъ переиждитъ буддизмъ на европейской почвѣ; но, будь повоенъ, любезный другъ: „отважное потомство Яфета“ не измѣнитъ своему характеру.

Извини за длинное вступленіе: я считалъ его необходимымъ. Въ слѣдующихъ письмахъ постараюсь изложить тебѣ исторію общественныхъ отношеній въ нашемъ отечествѣ, которой ты такъ отъ меня домогаешься.

II.

И мы были въ Аркадіи, любезный другъ! и наши предки жили въ томъ блаженномъ состояніи, о которомъ мечтаютъ новые буддисты Разбросанные на неизмѣримыхъ пространствахъ, затерянные въ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, они жили отдѣльными родами, жили независимо, просторно, владѣли землею сообща; несноснаго шума отъ непрестаннаго коловращенія жизни не было слышно, слышенъ былъ шумъ дубравъ, да стоны раненыхъ, вопли убиваемыхъ: „убивали другъ друга“, говоритъ лѣтописецъ. Впрочемъ надобно ли вѣрить лѣтописцу? Лѣтописецъ былъ человѣкъ грамотный, ученый, отставшій отъ народной жизни, которая для него потеряла смыслъ, онъ имѣлъ свои идеалы уже въ другомъ обществѣ, въ другомъ народѣ; житель города, испорченнаго цивилизаціею, чуждымъ влияніемъ, онъ враждебно смотрѣлъ на старину, сохранившуюся въ селѣ, клеветалъ на нее; явленіе частное, случайное онъ сдѣлалъ общимъ, охарактеризовалъ имъ быть племень: „убивали другъ друга“. А впрочемъ что жъ если и убивали другъ друга? конечно тутъ уже слишкомъ много природы, но все же вѣдь это природа! Главное, господствовало однообразіе, простота, однимъ словомъ жизнь вѣвъ прогресса: „жили какъ звѣри“, говоритъ лѣтописецъ.

Но не долго блаженствовали предки; нѣкоторымъ изъ нихъ вздумалось поселиться неподалеку отъ моря, этой коварной, подвижной стихіи, которой человѣчество такъ много обязано за бѣдствіе прогресса. Благодаря морю, и наши предки познакомились съ чужимъ, новымъ, и это новое чужое развѣло старое свое. Явилось недовольство старымъ бытомъ, сознаніе его недостатковъ; отсюда основная переиждна въ бытѣ, явленіе князя и дружины. Въ землѣ великой и обильной, но *безнарядной* начался прогрессъ: въ однообразной прежде массѣ народонаселенія произошло разчлененіе на дружину и не-дружину; скоро города, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, начали различаться отъ

сель; съ принятіемъ христіанства выдѣлилось духовенство, изъ бѣлаго духовенства выдѣлились монахи; завязались взаимныя отношенія между этими членами, органами общественными.

Я не буду распространяться, любезный другъ, о вещахъ уже извѣстныхъ; не стану повторять и то, что пора бросить старыя толки о различіи нашихъ и западныхъ общественныхъ отношеній на основаніи завоеванія и незавоеванія,—на томъ основаніи будто бы, что на Западѣ было завоеваніе, а у насъ его не было. И у насъ было завоеваніе: этого факта нельзя вычеркнуть изъ лѣтописей, не смотря ни на какія натяжки. Дѣло въ томъ, какъ происходило завоеваніе, въ какой странѣ, при какихъ природныхъ и общественныхъ условіяхъ: отъ этихъ условій и происходитъ все различіе въ общественныхъ отношеніяхъ на Западѣ и у насъ. Тамъ, на Западѣ, члены завоевательной дружины прежде всего стали землевладѣльцами и чрезъ это получили самостоятельное, независимое положеніе; потомъ, при образованіи феодализма, мелкій владѣлецъ свободнаго участка отдавалъ его богатому, сильному землевладѣльцу, и получалъ его обратно уже въ видѣ лена, владѣніе которымъ налагало извѣстныя обязанности: вездѣ здѣсь землевладѣніе на первомъ планѣ, все дѣлается между землевладѣльцами. У насъ же нѣтъ и помину о раздѣленіи земель между членами княжеской дружины; нѣтъ помину о ихъ самостоятельномъ, независимомъ значеніи какъ землевладѣльцевъ, о ихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ и съ князьями въ этомъ значеніи; всѣ споры, всѣ усобицы идутъ только между князьями, дружинники по волѣ и по неволѣ переѣзжаютъ съ князьями изъ одной волости въ другую, и это самое уже показываетъ отсутствіе крѣпкихъ, прочныхъ отношеній къ извѣстной мѣстности, къ землѣ, потому что подобныя отношенія необходимо прекратили бы ту сильную передвижку князей и дружинъ ихъ, какую видимъ въ древней Россіи до XIII или XIV вѣка. Есть наконецъ и прямое, ясное свидѣтельство въ лѣтописи, о положеніи дружинника въ отношеніи къ князю. Съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, лѣтописецъ говоритъ о прежнихъ князьяхъ: „Тѣ князья не собирали много имѣнія, вирь и продажъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе. Дружина этимъ кормилась. Не говорили дружинники князю: „мало мнѣ ста гривенъ“; не наряжали женъ своихъ въ золотыя обручи; ходили жены ихъ въ серебрѣ; — и вотъ они расплодили землю Русскую“. И въ первой, и во второй половинѣ этого важнаго извѣстія говорится ясно о денежномъ жалованьи, о томъ, что дружина содержалась, кормилась изъ доходовъ княжескихъ. Понятно, что возможность землевладѣнія, какъ постояннаго, такъ и временнаго не исключалась для дружинника; но главное здѣсь то, что землевладѣніе не было на первомъ планѣ.

„Мало мнѣ ста гривенъ“, могъ говорить дружинникъ князю, и князь долженъ былъ исполнить его требованіе; князь не долженъ былъ ни въ чемъ скупиться для дружинника, потому что послѣдній, при первомъ

неудовольствіи, отъѣзжалъ къ другому князю, болѣе щедрому, болѣе ласковому. Эта возможность отъѣзда при множествѣ князей служила полнымъ ручательствомъ выгоднаго положенія дружинниковъ: князья обращались съ ними какъ съ товарищами, какъ съ братьями, не прятали отъ нихъ богатствъ, не таили и думъ своихъ: безъ совѣта дружины ничего не дѣлалось. Но вся выгода положенія дружинника въ древней Россіи основывалась на этомъ внѣшнемъ, чуждомъ для него условіи—на многовластіи; исчезло многовластіе, исчезло для дружинника и всякое ручательство въ его самостоятельномъ, независимомъ положеніи. Помѣшать утвержденію единовластія онъ не могъ, ибо при раздробленности дружинъ по князьямъ и при подвижности дружинниковъ, при неизмѣннѣи постояннаго мѣста и въ одной какой-нибудь дружинѣ, въ одномъ какомъ-нибудь княжествѣ, дружинникъ долженъ былъ ограничиваться интересомъ личнымъ или родовымъ; до сознанія интереса сословнаго, до возможности общаго дѣйствія онъ не достигалъ. Кромѣ стараго права отъѣзда онъ ничего не зналъ, и дѣйствительно, въ старину, это право обезпечивало ему все, и вотъ онъ въ отчаяніи, не видя выхода, вопіеть о правѣ отъѣзда, не понимая, что это бессмыслица при единовластіи: „Отъѣдешь отъ меня въ Литву или въ Крымъ, говоритъ ему единовластецъ, и будешь измѣнникъ“. Отъѣзжать на это было нечего, и послѣ бесплодной борьбы, всѣ притязанія замолкли. И вотъ изъ князей Рюриковичей, потомства князей великихъ и удѣльныхъ, изъ пришлыхъ Гедиминовичей, изъ старой дружины Московской и изъ дружинъ всѣхъ присоединенныхъ русскихъ областей образовалось.... что образовалось? Не знаемъ что: ни въ одномъ древнемъ памятникѣ нѣтъ слова (1). Нѣтъ слова, значитъ не было и яснаго понятія, не сложился и самый предметъ опредѣленно. Что же было у насъ въ Московскомъ государствѣ? спросишь ты у меня, что образовалось изъ князей, дружины московской, дружинъ областныхъ? Образовались *чины*, любезный другъ! Но что такое *чины*? Тебѣ, вѣроятно, опять представляется Западъ съ своими *états*, которые у насъ такъ не въ попадѣ переводятся словомъ *чины* вмѣсто: *сословія*. Тамъ было три сословія: духовное, благородное и третье: такъ представители ихъ тремя отдѣльными группами и являлись въ важныхъ случаяхъ. Но чтобы понять нашу старину, постарайся позабыть объ этихъ западныхъ явленіяхъ, о западныхъ сословіяхъ; обрати вниманіе на ближайшее къ намъ явленіе, на то, что мы теперь называемъ *чинами*, это поведетъ ближе къ дѣлу. Въ важныхъ случаяхъ, когда на Западѣ представители трехъ сословій собирались въ три отдѣльныя группы, какъ собирались наши *чины* (наши древніе соборы имѣемъ полное право называть со-

(1) Неопредѣленное названіе: *дружина* исчезло, новаго не образовалось. Совѣщать всѣ *чины*—отъ боярина до сына боярскаго—подъ общимъ именемъ *служилыхъ людей* нельзя, ибо въ памятникахъ высшіе *чины* подъ именемъ ближнихъ людей противопоставляются низшимъ—*служилымъ* людямъ.

браніемъ чиновъ)? Собирались митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, старцы, бояре, окольничіи, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, страпчій, дворяне, дѣти боярскіе, дьяки, гости, торговые люди, всякихъ чиновъ люди. Эти всѣхъ чиновъ люди не соединялись въ нѣсколько группъ, представлявшихъ сословія, они оставались въ своемъ чиновномъ раздробленіи, ибо понятія о сословномъ единствѣ, объ общихъ сословныхъ интересахъ не существовало. Бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, тѣмъ менѣе съ думнымъ или простымъ дворяниномъ, еще менѣе съ сыномъ боярскимъ; сколько чиновъ, столько отдѣльныхъ круговъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ.

Жили разнo, „особѣ, каждо съ родомъ своимъ“. Дѣйствительно, при отсутствіи сословнаго интереса, господствовалъ одинъ интересъ родовой, который, въ соединеніи съ чиновнымъ началомъ, породилъ мѣстничество. Все вниманіе чиновнаго человѣка сосредоточено было на томъ, чтобы при чиновномъ распоряженіи не унижить своего рода. Но понятно, что при такомъ стремленіи поддерживать только достоинство своего рода, не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество необходимо предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какіе тутъ общіе интересы между людьми, которые при первомъ назначеніи къ царскому столу или береговой службѣ перессоривались между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, ибо какой-то его родичъ когда-то былъ выше какаго-то родича его соперника? Приведу примѣры, какъ начала чиновнаго и родового господствовали надъ началомъ сословнымъ. Въ 1613 году князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, высчитывая, по наказу, неправды короля Сигизмунда, долженъ былъ сказать, что король посажалъ на важныя мѣста въ московскомъ управленіи людей недостойныхъ, худородныхъ, и въ числѣ послѣднихъ упомянулъ двоихъ, князей. Другой примѣръ еще поразительнѣе, потому что относится ко временамъ Петра Великаго, когда родовое начало было, повидимому, совершенно поражено. Петръ велѣлъ записывать дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Родители, вопреки указу, отдали дѣтей въ Заиконоспасское училище: тогда разсерженный царь велѣлъ взять молодыхъ дворянъ изъ Спасскаго монастыря въ Петербургъ и тамъ заставилъ ихъ бить свай на Мойкѣ, гдѣ строились пеньковые анбары. Адмиралъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ сильныхъ приверженцевъ старины, узнавъ, что царь ѣдетъ осматривать анбары, поспѣшилъ туда, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шею, и началъ самъ вбивать свай. Царь пріѣхалъ и съ удивленіемъ спросилъ его: „Федоръ Матвѣичъ! ты адмиралъ и кавалеръ: какъ же ты вбиваешь свай?“ — Государь! отвѣчалъ Апраксинъ: здѣсь бьютъ свай мои племянники и внучата; а я что за человѣкъ? *какое имѣю въ родѣ преимущество?* Не сказалъ онъ: „здѣсь бьютъ свай дворяне, люди одинаковаго со мною сословія

и происхожденія, и это занятіе ихъ унижаетъ все наше сословіе“; гнѣтъ онъ говорить: „здѣсь быть свай мои племянники и внучата, а я какое имѣю *съ родъ* преимущество?“ Каждому было дѣло только до своего рода; до понятія о высшемъ частномъ союзѣ, союзѣ сословномъ еще не достигли. Отсюда понятно, почему такъ долго держался у насъ обычай, по которому вмѣстѣ съ виновнымъ подвергались опалѣ и родичи его: отъ понятія о родовомъ единствѣ трудно было освободиться.

Въ силу мѣстничества, на верху чиновной лѣствицы постоянно являлись однѣ и тѣ же фамиліи. „Бывали на насъ опалы и при прежнихъ царяхъ, говорить извѣстный намъ князь Воротынскій польскимъ панамъ, но правительства у насъ не отнимали“. Дѣйствительно и Грозный, заподозривая, *опалаясь* безпрестанно на вельможъ своихъ, окруживъ себя опричниною, не отнялъ у бояръ земскаго управленія. Бояре, оставшіеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи даже на тѣхъ, которые пережили опалы Іоанна III и сына его Василія: у этихъ было еще въ свѣжей памяти прежнее положеніе князей и дружины; они помнили, что еще Іоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его Василій, поведеніе котораго поэтому представлялось чѣмъ-то новымъ, еще случайнымъ; но поведеніе Грознаго отняло послѣднія надежды, сломило всѣ притязанія, всякое сопротивленіе. Иные, съ инымъ духомъ вышли поэтому бояре изъ тяжелаго испытанія; но все еще у нихъ оставалась старина: не смотря на опалы, правительства съ нихъ не снимали. Понятно, какое важное значеніе должны были приобрѣсть фамиліи, которыя постоянно находились у правительственнаго дѣла, *всякую думу отдали*, какъ они сами выражались: при отсутствіи просвѣщенія подобная практика замѣняла все; знаніе обычая, преданія, при исключительномъ господствѣ обычая и преданія, такое знаніе было верховною государственною мудростію, и люди, которые сами, которыхъ отцы и дѣды думу вѣдали, казались ниже-стоящимъ, не посвященнымъ, столпами государства, особенно же тѣ изъ нихъ, которые отличались умомъ и дѣятельностію. Такъ мелкочиновный по тогдашнему человѣкъ, *столпникъ* князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій говорилъ о великочиновномъ человѣкѣ, *бояринъ* князь Василій Васильевичъ Голицынъ: „Еслибъ теперь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичъ, то за него бы вся земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся“. Послѣ самаго внимательнаго изученія событій, мы никакъ не можемъ понять, отчего князь В. В. Голицынъ могъ казаться такъ высокъ знаменитому воеводѣ-освободителю? Но самъ Голицынъ объяснить намъ дѣло: „Насъ изъ думы не высылавали, мы всякую думу вѣдали“, говорить онъ.

Но Голицынъ погибъ въ плѣну литовскомъ, братъ его Андрей погибъ, отстаивая честь думы, оскверненной присутствіемъ Оедьки Андронова съ товарищи; оба они погибли вслѣдствіе событій смутной эпохи, которая имѣетъ важное значеніе въ судьбахъ древней московской знати. Такая буря не могла пройти безъ того, чтобы не рас-

трясти многого; особенно сильно было потрясеніе, когда послѣ гибели перваго Лжедмитрія началась усобица между двумя царями—царемъ Московскимъ, Шуйскимъ, и царемъ таборскимъ или тушинскимъ, вторымъ самозванцемъ: послѣдній, чтобъ имѣть средство бороться съ Шуйскимъ, чтобъ имѣть и дворъ и думу и войско, обратился къ людямъ, которые не могли быть при дворѣ, въ думѣ, въ войскѣ московскаго царя, или, что крайней мѣрѣ, не могли получить въ нихъ важнаго значенія; тушинскій самозванецъ и воеводы его возстановляли не одни самыя низшіе слои народонаселенія противъ высшихъ, предлагая первымъ мѣста послѣднихъ; сильное броженіе поднялось во всѣхъ сферахъ: все что только хотѣло какими бы то ни было средствами выдвинуться впередъ, получить чины высшіе, какихъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей получить было нельзя, все это бросилось въ Тушино, отъ князей, которые хотѣли быть поскорѣе боярами, до людей изъ черни, которые хотѣли быть дьяками и думными дворянами, и всѣ эти люди получили желаемое. Послѣ Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйскаго, бояре, чтобы не подчиниться холопскому царю, второму Лжедмитрію, провозгласили царемъ королевича польскаго; но тушинскіе выскочки уже прежде забѣжали къ королю и готовые на все, чтобы только поддержать приобрѣтенное въ Тушинѣ положеніе, присягнули самому королю вмѣсто королевича, обязались хлопотать въ Москвѣ въ пользу Сигизмунда, и вотъ бояре, которые готовы были на все, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистнаго Тушина, съ ужасомъ увидали, какъ Тушинцы ворвались въ московскую думу подъ прикрытіемъ Поляка Гонсѣвскаго, какъ торговый мужикъ Ѳедька Андроновъ засѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Это была уже имъ смерть, по ихъ собственнымъ словамъ; но дѣлать было нечего, они были въ плѣну у Поляковъ, кто изъ нихъ поднималъ голосъ, того сажали за приставовъ, какъ посадили Андрея Голицына и Воротынскаго. А между тѣмъ земля поднималась во имя православія; за неимѣніемъ *столговъ*, земля должна была обратиться къ людямъ незначительнымъ, и вотъ опять пошли впередъ незначительные люди. Начальниками перваго возстанія были: Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ, который воспользовался смутнымъ временемъ, чтобы выдвинуться впередъ, Ляпуновъ, враждебно ставшій къ боярамъ и вообще *отцкимъ дтлмъ*; подлѣ Ляпунова тушинскіе бояре, князь Трубецкой и казакъ Заруцкій. „Какъ такимъ людямъ, какъ Трубецкому и Заруцкому, 'государствомъ управлять? они и своими домами управлять не могутъ“, писали бояре изъ Москвы по областямъ. Русскіе люди были согласны въ этомъ съ боярами, но никакъ не хотѣли согласиться въ томъ, что надобно держаться Владислава, то есть дожидаться, пока придетъ самъ старый король въ Москву съ иезуитами, и выставили второе ополченіе. И здѣсь тоже явленіе: главный воевода членъ захудалаго княжескаго рода, малочинный человекъ, *стольникъ* Пожарскій, а подлѣ него мясникъ Мининъ.

Ополченіе успѣло въ своемъ дѣлѣ: государство было очищено; из-

бранъ царь; большинство, лучшіе люди, истомленные смутю, громко требовали, чтобы все было по старому; старина была восстановлена, но повидимому только, ибо въ народѣ историческомъ никакое событіе не проходитъ безслѣдно, не подѣйствовавъ на ту или другую часть общественнаго организма. Новое съ новыми людьми просочилось всюду, а старое со старыми людьми, носителями старыхъ преданій, спѣшило дать мѣсто новому. Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недостатокъ: Романовы перешли на престолъ, исчезли Годуновы, исчезли Шуйскіе, безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе, изгибли самыя видныя, самыя энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ, несловномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ на верху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе. Любопытно видѣть, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ оставалось мало людей, которые знали преданія и обычаи: при каждомъ случаѣ дѣлались длинныя выписи, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ прежде, точно смутное время отшибло память о старинѣ. И потому намъ уже не удивительно видѣть, что при второмъ государѣ изъ новой династіи на самомъ видномъ мѣстѣ являются люди новыя, не изъ *столбовыхъ* фамилій,—сынъ незначительнаго областного дворянина Ордынъ-Нащокинъ, человекъ неизвѣстнаго происхожденія Матвѣевъ. Браки царей выводятъ также на видъ незначительныя фамиліи. А тутъ новыя нудящія требованія государственныхныя, которымъ во что бы то ни стало надобно было удовлетворить: надобно было преобразовать войско, видѣли ясно, что съ мѣстничествомъ воинскій успѣхъ невозможенъ, и мѣстничество рухнуло, рухнуло потому, что было уже подкопано. Но когда мѣстничество рухнуло, что же осталось? Чины, прохожденіе по которымъ теперь уже не встрѣчало никакого препятствія ни для кого, ибо дорога въ служилыя люди во все продолженіе нашей древней исторіи оставалась не запертою; и московскій государь, царь всея Руси, сохранялъ въ этомъ отношеніи характеръ стараго князя кievскаго или черниговскаго, всѣхъ охотно принималъ къ себѣ въ дружину, только служи, сейчасъ же дадутъ землю, помѣстья; давно уже съ особенною охотою принимали на службу иностранцевъ, дѣлали ихъ также землевладѣльцами (1); въ концѣ XVII вѣка потребность въ нихъ сильно увеличилась, и ихъ начали принимать на службу толпами. Такимъ образомъ ворота государевой службы оставались отворенными и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ какъ въ X.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наступилъ XVIII вѣкъ, когда наступила эпоха преобразованія. Что же сдѣлалъ преобразователь относительно предмета, нами разсматриваемаго? Онъ потребовалъ отъ людей, не имѣвшихъ никакого значенія кромѣ служебнаго, оцѣ

(1) О землевладѣніи будетъ сказано въ слѣдующихъ письмахъ по отношенію къ земледѣльческому народонаселенію.

приобрѣсть извѣстныя знанія; но на извѣстную часть народа, призванную на службу государственную, *обязаны* были положить эту обязанность.

До сихъ вору шла рѣчь о войскѣ, ибо основное раздѣленіе народа въ древней Россіи—это войско и не-войско, дружина и не-дружина; слово *служба* означало преимущественно военную службу, что и теперь сохранилось въ народныхъ словахъ: *служба*, *служивый* для означенія ратника, солдата. Но какъ въ особѣ князя соединялось два значенія, вождя дружины и правителя гражданскаго, то такое же двойственное значеніе должна была носить и дружина. Князь изъ членовъ своей дружины назначалъ въ правительственныя должности; и какъ въ началѣ военный характеръ, характеръ вождя дружины, преобладалъ въ князѣ надъ характеромъ правителя гражданскаго: такъ преобладалъ онъ и въ дружинникѣ, который былъ постоянно, преимущественно воинъ; правительственное его значеніе было случайное, подчиненное. Но легко понять, что даже и въ обществѣ, не отличающемся высокимъ развитіемъ, правитель, назначаемый изъ дружины, не могъ обойтись безъ людей не военныхъ, которые знали обычаи управленія и суда, а главное, безъ людей грамотныхъ. Такъ съ самыхъ древнихъ временъ долженъ былъ явиться особый классъ людей, дьяки и подьячіе, которые при лицѣ правительственномъ изъ дружины, какимъ бы именемъ онъ ни назывался (посадникъ, намѣстникъ, воевода), заправляли всѣмъ, ибо знали законы, формы, были грамотны. Последнее условіе, грамотность, громадная сила въ обществѣ неграмотномъ, не замедлило обнаружить свою важность и у насъ точно также, какъ и на Западѣ, хотя нашимъ дьякамъ и подьячимъ при ихъ грамотности не доставало просвѣщенія, не доставало научной обработки права. Дьяки, несмотря на всю свою необходимость для дружинниковъ, подавленные значеніемъ послѣднихъ, увидѣли, что пришло ихъ время, когда московскіе государи начали борьбу противъ дружинныхъ притязаній; при великомъ князѣ Василии Ивановичѣ, при Іоаннѣ Грозномъ, дьяки становятся самыми довѣренными людьми, захватываютъ въ свои руки большую власть въ Москвѣ и областяхъ, завѣдываютъ приказами; въ царствованіе Θεодора Ивановича, Годуновъ, стремившійся къ мѣсту правителя, долженъ былъ для достиженія своей цѣли, соединиться съ дьякомъ Щелкаловымъ, назвать его себѣ отцомъ. Значеніе дьяковъ нисколько не уменьшилось ни въ смутное время, ни при первыхъ государяхъ изъ дома Романовыхъ: стоитъ только вспомнить о значеніи знаменитаго Ивана Тарасовича Грамотина въ царствованіе Михаила Θεодоровича, Грамотина, человѣка безнравственнаго, но считавшагося необходимымъ по уму, ловкости, знанію дѣлъ, наконецъ по той способности, отъ которой получилъ свое знаменательное прозваніе. Въ царствованіе же Михаила, когда, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, голосъ разныхъ чиновъ людей раздавался слышнѣе, высказалась вражда разныхъ людей къ дьякамъ, людей меча къ людямъ пера. На соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе говорили: „Твой

государевы дѣтки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ, своимъ мздоимствомъ, покупали многія вотчины и дома построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить“. Такимъ образомъ у дьяковъ была сила, они заправляли всѣмъ и пользовались своею силою для приобрѣтенія огромныхъ матеріальныхъ средствъ, и въ то же время это были люди худародные, которымъ, по мнѣнію дворянъ и дѣтей боярскихъ, неприлично было жить въ каменныхъ палатахъ, въ какихъ и великородныя лица прежде не жилали. Это господствовавшее въ древней Россіи понятіе, что дружинникъ есть военный человѣкъ, что гражданское значеніе онъ можетъ получить только случайно, между прочимъ высказалось въ приговорѣ перваго ополченія подъ Москвою при Липуновѣ, когда опредѣлено было, чтобы всѣ служилые люди находились на лицо, а правительственныя должности раздавались бы только неспособнымъ къ военной службѣ (инвалидамъ) на упомянутомъ соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе говорили; „Которые нынѣ въ твоихъ государевыхъ городахъ по воеводствамъ и по приказамъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ: веди, государь, тѣмъ быть на свою государеву службу противъ нечестивыхъ бусурманъ“.

Но такое дружинное первобытное безразличіе, смѣшеніе службъ, господствовавшее въ древней Россіи, должны были уступить мѣсто прогрессу, явственныя признаки котораго замѣчаемы еще въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. Безразличіе службъ въ древней Россіи естественно поддерживалось отсутствіемъ постоянного войска; сознавая въ XVII вѣкѣ необходимость послѣдняго вела съ одной стороны къ уничтоженію мѣстничества, съ другой къ различенію службъ военной и гражданской. И вотъ въ царствованіе того государя, при которомъ уничтожено мѣстничество, видимъ и проектъ различенія службъ. По проекту уже Θεодора Алексѣевича о чинахъ, первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій—боляринъ, предстатель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы, который вмѣстѣ съ 12 засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устроенной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнялъ царскаго величества повелѣніе и градскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный—боляринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но кромѣ того промышлять о всякихъ воинскихъ околнностяхъ, сирѣчь смѣту ратаямъ и устроеніе и приготовленіе оружія и всякихъ хлѣбныхъ и воинскихъ запасовъ. Третью степень занимаетъ опять сановникъ гражданскій—боляринъ и намѣстникъ владимірскій, занимающій первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ совѣтѣ государственныхъ дѣлъ. Четвертую степень занимаетъ военный сановникъ — боляринъ и вое-

вода Сѣверскаго розряда, имѣющій постоянное пребываніе въ Сѣвскѣ; онъ оберегаетъ польскую (степную) украйну, имѣеть у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору непріятеля. Пятая степень—боляринъ и намѣстникъ новгородскій; занимаетъ второе мѣсто между титулярными намѣстниками въ государственномъ совѣтѣ. Шестая степень—боляринъ и воевода Владимірскаго разряда; всегда пребываетъ въ Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ приуготовленіи и получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ непріятеля съ своимъ разрядомъ куда потребуется. Седьмая степень — боляринъ и намѣстникъ Казанскій и т. д., и т. д. Такимъ образомъ табель о рангахъ, гдѣ подлѣ чиновъ военныхъ видимъ и чины гражданскіе, уже не поразили насъ, какъ нѣчто совершенно новое.

Вслѣдствіе нудящихъ потребностей государственныхъ, которымъ снѣшила удовлетворить такъ называемая эпоха преобразованія, служащіе люди были собраны, выдѣлены, раздѣлены на чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ: отъ нихъ потребованы извѣстныя знанія, такъ называемая образованность, которою они стали отличаться отъ остальнаго народонаселенія, одновременно съ этимъ стали отличаться отъ него и вѣшнимъ видомъ, платьемъ, бритою бородою, стали отличаться тѣмъ, что, какъ обязанные службою и получающіе за нее жалованье, не платили подушнаго оклада. Петръ Великій обратилъ вниманіе и на хозяйственное положеніе служащихъ, на матеріальное ихъ обезпеченіе, и для этого ввелъ майоратъ. Побужденія, которыми они руководили при этомъ, были слѣдующія: 1) одинъ лучше можетъ льготить подданныхъ; 2) фамиліи не будутъ упадать; 3) младшіе не будутъ праздно, но будутъ приносить пользу государству. Но, вводя майоратъ, Петръ вводилъ то, для чего не была приготовлена почва исторіею: майоратъ есть учрежденіе чисто сословное, плодъ яснаго сознанія членовъ высшаго сословія о своемъ сословномъ положеніи, объ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ, о необходимости поддержать сословное значеніе, сословные интересы, о необходимости для этого поддержанія дѣлать пожертвованія нравственныя и матеріальныя. Но какъ могло явиться это сознаніе, эти побужденія въ древней Россіи, гдѣ понятіе о сословіи, о сословныхъ интересахъ и отношеніяхъ еще не выработалось, гдѣ были только чины и каждый жилъ розно, особѣ съ родомъ своимъ, сохраняя равенство между всѣми членами этого рода? Могла ли быть приготовлена почва для майората между подданными въ той странѣ, гдѣ и въ родѣ владѣльческомъ майоратъ утвердился еще недавно и съ такимъ трудомъ, съ такимъ кровопролитіемъ? Какъ могло явиться побужденіе къ майорату между старинными русскими дворянами и дѣтскими боярскими, обязанными службою и получающими за эту службу помѣстья, денежное жалованье, доходныя мѣста? Они были обезпечены сами, были обезпечены и всѣ дѣти ихъ, сколько бы ихъ ни было: каждый будетъ служить, за службу будетъ получать помѣстья и жалованье; вслѣдствіе этого жили они день за

день, не заботясь ни о чемъ, безо всякаго понятія о сословныхъ интересахъ, сословныхъ обязанностяхъ; да и какъ было имъ много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства, объ увеличеніи доходовъ, при той промышленной неразвитости, какая господствовала въ древней Россіи? Впрочемъ, какъ обыкновенно бываетъ, неразвитость эта, будучи съ одной стороны причиною общественной неразвитости, съ другой стороны была ея слѣдствіемъ. И вотъ при такомъ-то состояніи русскихъ помѣщиковъ и хозяйствъ ихъ, вдругъ на нихъ налагаютъ майоратъ, который, разумѣется, ведетъ вовсе не къ тѣмъ явленіямъ, какихъ ожидалъ отъ него законодатель. Отсюда постоянная служба и майоратъ были самымъ тяжелымъ бременемъ для русскаго *шляхетства* въ первой четверти XVIII вѣка: это чужое слово *шляхетство* входитъ теперь въ употребленіе, ибо сословіе возникаетъ, является понятіе объ немъ, но слова русскаго нѣтъ; чужое слово *шляхетство* могло быть вытѣснено русскимъ *дворянство* только въ послѣдствіи, когда уже изгладилось изъ памяти, что *дворянство* означало только одинъ изъ чиновъ и чиновъ вовсе не высокыхъ.

Въ 1730 году для шляхетства представился случай высказаться противъ постоянной службы и майората, получить ограниченіе первой и совершенное уничтоженіе втораго. По старой привычкѣ каждому чину жить особо и высшимъ чинамъ смотрѣть съ презрѣніемъ на низшіе, не обращая вниманія на одинаковость происхожденія, члены верховнаго тайнаго совѣта вздумали захватить въ свои руки правленіе, ограничивъ власть избранной ими императрицы Анны. Сенаторы, генералитетъ и остальное шляхетство, оскорбленные попыткою *верховниковъ* (какъ тогда называли членовъ верховнаго тайнаго совѣта) и не находя выхода изъ разногласицы проектовъ новаго государственнаго уложенія, возстановили прежній порядокъ. При этомъ случаѣ они просили ограниченія постоянной службы и уничтоженія майората, и получили желаемое. Въ декабрѣ 1736 года изданъ былъ манифестъ о шляхетской службѣ, которымъ постановлялось: 1) Кто имѣетъ двухъ или болѣе сыновей, изъ нихъ одному, кому отецъ заблагоразсудитъ, остаться въ домѣ для содержанія экономіи; также которые братья родные два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ для смотрѣнія деревень и экономіи кого изъ себя одного, въ томъ давать имъ на волю, но о томъ, чтобъ эти оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по послѣдней мѣрѣ ариметикѣ обучены были, дабы къ гражданской службѣ годны были. 2) Прочіе всѣ братья, коль скоро къ воинской службѣ будутъ годны, должны вступать въ военную службу. Но понеже какое время быть въ воинской службѣ по сіе время опредѣленія было не учинено, и отставляются весьма старыя и дряхлыя, которые, пріѣхавъ въ свои дома, экономію домашнюю какъ надлежитъ смотрѣть уже въ состояніи не паходятся: для того всѣмъ шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ военной службѣ отъ 20 лѣтъ возраста

своего 25 лѣтъ: а по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя бы кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять съ повышеиіемъ одного ранга и отпускать въ домъ: а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, тѣмъъ тавать на ихъ волю.

3) За болѣзнями и ранами могутъ быть отпущены то строгихъ лѣтъ.

Но гораздо раньше, еще въ декабрѣ 1730 года, уничтожены были майоратъ. Въ указѣ сказано, что пункты Петра Великаго «по состоянию зѣвняго государства не по пользѣ происходятъ, а именно 1) Отцамъ не точію естественно есть, но и законъ Божіи повелѣваетъ, дѣтя своихъ всѣхъ равно нагрѣжать и для того, которые у себя имѣютъ по два или по три сына и по нѣсколькѣ дочерей, тѣ всячески ищутъ, какими бы образомъ всѣхъ равно словоуправлять, разсуждая, ежели по тѣмъ пунктамъ въ невозможномъ вѣдѣннѣкѣ учинить кого одного, а прочихъ какими нибудь нагрѣжать, то принуждены съ крестьянъ и купцовъ брать, и тѣмъ имъ тягосты наносить, или тѣмъ дѣтями, которые принадлежатъ яти мѣщанинъ дѣтямъ, продать въ чужой ротъ, чтобы деньги, на раздѣлъ прочихъ оставить или тѣ же деревни переуправлять чрезъ нѣсколькѣ перловъ для укрѣпленія мѣщанинъ дѣтямъ, и для того въ нѣкоторѣхъ помянутъ вѣсуть волѣныя убытки: а буде кто кого при себѣ во учинитъ, то принуждены наемать въ духовной чей-нибудь на себѣ немалыя долги и съ клятвою наследнику записатьъ, по тѣмъ образомъ заплатить мѣщанинъ своимъ дѣтямъ, и нѣкоторые, исполняя волю отцовскую, платять, продавъ также отцовскіе деревни, а иные наследники, вѣдая, что на отцѣ ихъ такого долгу не было, также духовныя спорять, и происходить между ними неволя и споры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и въ такомъ неволеннѣи и злобѣ вѣчно принуждены оставаться и не беззачетно есть, что не только нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собой, но и отцы дѣти побиваютъ до смерти. 2) Въ деревняхъ обрѣтавшіеся хлѣбъ, лошади и всякіе скотъ за движимое почитаютъ и отдають мѣщанинъ братьямъ съ сестрами, а тако у наследника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быти не могутъ, а у мѣщанинъ братьевъ безъ дозволенія хлѣбъ и скотъ пропадаютъ, а какъ наследники, такъ и каюты отъ того въ разореніе приходятъ и хотя по тѣмъ пунктамъ опредѣлено, ябк тѣ, которые по деревнямъ по наследники, искали-бу себѣ хлѣба службой, ученикомъ, торгави и прочимъ, но того самимъ зрѣтельствомъ не исполняется, ибо всѣ шляхетскіе дѣтя, какъ наследники, такъ и каюты берутъ въ службу службу сухонутную, и моятъ въ нижніе чины, что работы во драбное несчастье себѣ почитаютъ, въ а отцовскаго типиница и въ продолжительной солдатовъ или мѣщанской службѣ бывають, а тако въ отпачіе приходятъ въ тѣмъ въ себѣ шляхетскіе помянутъ каюты. 3) Деревень за дочерью тѣмъ тавать каюты не воленъ чинитъ оныя въ чужой ротъ не выходя, а тако отъ мѣщанъ каюты и происходятъ, ибо вместо того, что дѣтя въ дрѣмъ деревни принуждены оныя

продавать, и тѣ деньги за дочерьюми давать, понеже кромѣ такой продажи дать нечего, и потому такія деревни стали больше выходить изъ роду, нежели какъ давать приданья, а отъ того фамиліямъ немалого умаленія быть не можетъ, потому: когда кто деревни отдастъ за дочерью, то вмѣсто того сынъ его возьметъ за женою изъ другого рода. 4) Сверхъ всего вышеписаннаго въ дѣлахъ превеликое затрудненіе и волокита происходятъ, понеже тѣ пункты, яко необыкновенные сему государству, разными образы толкуются, и хотя въ прошломъ 1725 году выданы еще пополнительные пункты, но и тѣхъ недовольно, и хотябъ отъ времени до времени еще какъ не пополнять, едва ли къ пользѣ что уповать можно.

Дѣйствительно, трудно понять, какъ при вѣчно обязательной службѣ всѣхъ членовъ русскаго дворянства, или шляхетства, и при введеніи постоянного войска, можно было говорить о той пользѣ отъ майората, что младшіе будутъ добывать себѣ хлѣбъ службою, наукою, торговлею? Гдѣ были у нихъ средства и гдѣ время заниматься наукою или торговлею? Еще у богатого помѣщика были бы къ тому средства, было бы время; вспомнимъ, что рассказываетъ Даниловъ въ своихъ запискахъ о зятѣ своемъ Астафьевѣ, которому досталось послѣ брата 900 душъ: „Въ вотчинной коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры. Зять мой Астафьевъ подарилъ свою прежнюю вотчину бывшему тогда въ вотчинной коллегіи секретарю Каменеву: Каменевъ, получа деревню себѣ во владѣніе, рассмотрѣлъ дѣло въ коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ зятя моего. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуска за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за паспортъ получить душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на сровъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобы не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ его уже въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставать у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному челоуѣку за паспортъ“. Такими средствами богатые могли еще получать годовые отпуска, а бѣдные, младшіе? „Въ отчаяніе приходили и всѣ свои шляхетскіе поступки теряли“.

Несмотря на то, что гражданская служба была поставлена при Петрѣ рядомъ съ военною, дворянскою или шляхетскою службою продолжала считаться военная по укоренившемуся въ древней Россіи

взгляду на дружинника какъ на воина. Но мы уже видѣли, что при императрицѣ Аннѣ, когда дворянство испросило позволеніе нѣкоторымъ членамъ семейства оставаться дома для смотрѣнія за деревьями, выговорено было правительствомъ, чтобъ эти оставшіеся обучены были грамотѣ и ариѳметикѣ, дабы годными были къ гражданской службѣ. Въ слѣдующемъ же году (1737) велѣно было недорослей изъ дворянъ, болѣе способныхъ къ гражданской, чѣмъ къ военной службѣ, распредѣлить по коллегіямъ; секретари обязаны были обучать ихъ приказному порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ, уложенія и прочаго; онымъ же дворянамъ назначить два дни во всякой недѣлѣ обучаться ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ, и обучаться имъ грамматикою одинъ день въ недѣлю, а другой день прочимъ наукамъ. Но еще въ 1731 году учрежденъ былъ Кадетскій корпусъ, который, при отсутствіи университетовъ, не могъ быть специальнымъ военно-учебнымъ заведеніемъ, и потому говорилось, что корпусъ учреждается, „дабы шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ къ военному искусству въ теорію обучены, а потому и въ практику годны были. А понеже не каждого человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожь и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, потому-жь и къ ученію опредѣлять“. Въ 1737 году данъ былъ указъ Кадетскому корпусу: „Понеже намъ извѣстно учинилось, что въ ономъ находящихся кадетовъ наиболѣе и почитай ежедневно обучаютъ токмо воинской экзерциціи, отчего имъ въ обученіи прочихъ наукъ немалое препятствіе происходитъ, и хотя онымъ весьма надлежитъ достаточно обученнымъ быть воинской экзерциціи, однакожь прочія науки весьма полезнѣе какъ въ обращеніяхъ при воинской, такъ и при гражданской службахъ, а помянутой воинской экзерциціи могутъ довольно обучены быть, хотябъ оны учились и не по всякой день. Того ради онаго корпуса командирамъ чрезъ сіе отъ насъ повелѣвается съ сего времени впредъ кадетовъ воинской экзерциціи обучать въ каждую недѣлю по одному дню, дабы онымъ оттого въ обученіи другихъ наукъ препятствія не было“. Но открывая для дворянства одинаково оба служебныя поприща, и военное и гражданское, правительство съ прежнею строгостію требовало, чтобъ оно приготавливалось къ тому и другому образованіемъ. Въ 1737 году встрѣчаемъ указъ: „недорослей шляхетскихъ дѣтей, которые обучаются въ родительскихъ домахъ, свидѣтельствовать дважды, послѣ 12 и 16 лѣтъ“; если которые изъ нихъ по послѣднемъ свидѣтельствѣ окажутся невѣждами въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и геометріи, такихъ опредѣлять въ матросы безъ выслуги. Руководясь съ конца XVI вѣка одною постоянною мыслію, „что всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, и зло искореняется, что наука вездѣ нужна и полезна, ибо посредствомъ нея просвѣщенные народы превознесены и

прославлены надъ живущими во тѣмъ невѣдѣніи людьми“, правитель-ство, строго карая съ одной стороны дворянъ, за недостатокъ необходимыхъ свѣдѣній, съ другой не могло стѣснять ихъ въ стремленіи приобрѣтать дальнѣйшія свѣдѣнія: въ 1756 году позволено недоро-сламъ изъ шляхетства обучаться въ новоучрежденномъ Московскомъ университетѣ до 16, а смотря по ихъ склонности къ наукамъ и до 20 лѣтъ; кромѣ того: „которые жъ изъ тѣхъ обучающихся въ Москов-скомъ университетѣ дѣйствительно въ воинской и гражданской службѣ записаны, и впредь будутъ записаны же, а лѣта и склонности ихъ дозволяютъ имъ обучаться наукамъ; такимъ для обученія дозволить при университетѣ остаться до вышепоказанныхъ же лѣтъ возраста ихъ; а чтобъ они не могли чрезъ то потерять свое произвожденіе, оныхъ какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обхо-дить, а произвожденіе имъ съ прочими въ тѣхъ командахъ чинить по указамъ“.

Такимъ образомъ обязательная служба для дворянъ съ извѣстныхъ лѣтъ должна была необходимо повести къ извѣстнымъ распоряженіямъ при поступленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія, къ распоряже-ніямъ, клонившимся къ тому, чтобъ они ничего не теряли предъ сверстниками, поступившими съ опредѣленныхъ лѣтъ въ дѣйствитель-ную службу. Но приближалось время, когда обязательная служба должна была прекратиться. Въ царствованіе императрицы Анны дворянство исходатайствовало уничтоженіе майората и ограниченіе обязательной службы; уже и при этомъ мы не можемъ не замѣтить, какъ сослов-ныя понятія начинаютъ укореняться: кромѣ того, что начинаютъ упо-треблять слово для означенія цѣлаго сословія, говорится уже о шля-хетскихъ поступкахъ, жалуются, что младшіе дворянскіе сыновья, при обязательной службѣ въ нижнихъ чинахъ, теряютъ шляхетскіе по-ступки. Можетъ быть, ты мнѣ замѣтишь, что эти понятія идутъ сверху только, раздѣляются немногими членами сословія, на верху стоящими: тѣмъ важнѣе это для насъ, любезный другъ! очень важно, что члены сословія, на верху стоящіе, принимаютъ къ сердцу не одни интересы племянниковъ и внучатъ своихъ, но интересы всѣхъ членовъ сословія, оскорбленные тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ членовъ подвергаются искушеніямъ вести себя не такъ, какъ прилично члену этого сословія; желаніе уничтожить майоратъ также очень важно въ этомъ отноше-ніи, ибо невыгоды майората, на которыя жаловалось шляхетство, вовсе не были такъ тяжки для богатыхъ и знатныхъ дворянъ, какъ для незначительныхъ и бѣдныхъ; ясно, что понятіе о своемъ перешло узкія грани естественнаго, родового союза, и прилагается къ членамъ союза сословнаго. Прошло около 30 лѣтъ отъ этого перваго шага къ ограниченію обязательной дворянской службы; прошли суровыя, оскор-бительныя для русскихъ людей времена Бироновскія; прошло царство-ваніе Елисаветы, замѣчательное по распространенію лучшихъ понятій о человѣкѣ и его общественныхъ отношеніяхъ: въ это время воспита-

лось новое поколѣніе людей съ правами болѣе мягкими, людей, которые должны были дѣйствовать во второй половинѣ вѣка, въ царствованіе Екатерины II-й. И вотъ въ преддверіи этого знаменитаго царствованія, 18 февраля 1762 года, при императорѣ Петрѣ III-мъ издается манифестъ, въ которомъ говорится, что „при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отчего послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разумокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу; однимъ словомъ благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патриотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отиѣнную къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была“. Такъ произошелъ этотъ великій переворотъ въ судьбѣ русскаго дворянства, переворотъ, по которому оно слагало съ себя древній характеръ дружины. Но это новое положеніе дворянства потребовало необходимо сословно-общиннаго устройства, чему и было удовлетворено въ знаменитомъ устройствѣ губерній при Екатеринѣ II, которымъ заканчивалось сословное образованіе дворянства.

Изъ всего сказаннаго ты можешь видѣть, любезный другъ, на какіе три періода распадается исторія русскаго дворянства. Въ первомъ періодѣ мы видимъ его въ неопредѣленной формѣ дружины, привязанной къ своему князю, зависимой отъ него въ средствахъ жизни, слѣдующей за нимъ изъ одного княжества въ другое, наконецъ переходящей свободно отъ одного князя къ другому. Съ образованіемъ Московскаго государства начинается второй періодъ: дружина усаживается вслѣдствіе единовластія, и вмѣстѣ съ тѣмъ распадается на множество отдѣловъ, которые живутъ розно. Наконецъ въ третьемъ періодѣ, во времена Россійской имперіи, вырабатывается для этихъ отдѣловъ общая сословная связь, образуется дворянство.

III.

Ты меня спрашиваешь, любезный другъ, откуда происходитъ то явленіе, что Нѣмцы и Славяне одинаково сильно хлопочутъ объ общинѣ, и каждое изъ этихъ племенъ хочетъ присвоить себѣ общину какъ произведеніе своей національности? Гдѣ взять новаго Соломона, говоришь ты, который бы рѣшилъ этотъ споръ о дорогомъ дѣтищѣ? Я не думаю, любезный другъ, чтобы нужна была мудрость Соломона при рѣшеніи этихъ вопросовъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ къ тебѣ я старался показать, что вопросы о частныхъ союзахъ стали главными вопросами настоящаго времени; исторію же во-

проса объ общинѣ ты знаешь хорошо: сначала поднялся вопросъ о городской общинѣ вслѣдствіе того, что среднее сословіе въ Европѣ приобрѣло такое важное значеніе съ конца прошлаго вѣка; это сословіе хотѣло знать свою исторію; ты знаешь заслуги знаменитыхъ французскихъ историковъ въ этомъ отношеніи для ихъ исторіи; знаешь, какъ нѣмецкіе ученые обработали этотъ предметъ, помнишь споръ, поднятый о томъ, какого происхожденія городоваѣ европейская община, римскаго или германскаго?—споръ, нашедшій отголосокъ въ книгѣ нашего Кудрявцева (*Судьбы Италіи*). Но къ вопросу объ исторіи средняго сословія скоро присоединился вопросъ о судьбахъ сельскаго населенія, важный вопросъ о землевладѣніи, поднятый страшилищемъ пролетаріата; такимъ образомъ выдвинулся вопросъ и о сельской общинѣ. Русская жизнь и русская наука не могли остаться чуждыми этихъ вопросовъ. Здѣсь дѣло не въ подражаніи; дѣло въ томъ, что волею, неволею мы вошли въ семью европейскихъ народовъ, живемъ общею съ ними жизнью: „Мы Европейцы, и ничто европейское не можетъ быть намъ чуждо“. Но при этомъ мое положеніе будетъ всегда одно и то же: нѣтъ пользы, взявши вопросъ изъ жизни, насильно навязывать его наукѣ. Жизнь имѣетъ полное право предлагать вопросы наукѣ; наука имѣетъ обязанность отвѣчать на вопросы жизни; но польза отъ этого рѣшенія для жизни будетъ только тогда, когда, во первыхъ, жизнь не будетъ торопить науку рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, ибо у науки сборы долгіе, и бѣда если она ускоритъ эти сборы; и, во вторыхъ, когда жизнь не будетъ навязывать наукѣ рѣшеніе вопроса, заранѣе уже составленное, вслѣдствіе господства того или другаго взгляда; жизнь своими движеніями и требованіями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нея.

Что же касается вопроса, составляетъ ли община явленіе германской или славянской народности, то объ этомъ говорить много не нужно: всякій, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ сравнительнымъ изученіемъ исторіи общественныхъ формъ и явленій у разныхъ народовъ, знаетъ хорошо, что общинный бытъ есть столько же національное явленіе и у Славянъ, какъ у Германцевъ. Вопросъ можетъ идти только объ особенностяхъ и степени развитія. Рѣшеніемъ этого-то вопроса я и хочу теперь занять тебя.

Съ половины IX вѣка черезъ внесеніе новыхъ общественныхъ элементовъ, вслѣдствіе появленія князей варяжскихъ, произошло между нашими восточными Славянами движеніе, поведшее необходимо къ ослабленію первоначальнаго родового быта и къ развитію быта общиннаго. Передъ нами община новорожденная, община первобытная, со всею простотою и неопредѣленностію отношеній. Опредѣленіе было впереди. Опредѣленіе болѣе или менѣе точное есть слѣдствіе болѣе или менѣе яснаго сознанія отношеній, правъ и обязанностей; сознаніе въ послѣдующія времена является какъ результатъ науки, но въ древнія времена, о которыхъ идетъ рѣчь, болѣе или менѣе ясное

сознание есть слѣдствіе болѣе или менѣе рѣзкихъ столкновений, рѣзкихъ сопоставлений общественныхъ элементовъ и равномерно сильнаго ихъ развитія; сознание добывается тутъ путемъ факта. Завоеватель и завоеванный лицомъ къ лицу въ ежедневной жизни... вотъ рѣзкое сопоставленіе и отсюда рѣзкое опредѣленіе отношеній; у одного всѣ права, у другаго одиѣ обязанности, сознание этихъ отношеній ясно и у того, и у другаго. Если завоеванный съ теченіемъ времени приобретаетъ силы для борьбы съ завоевателемъ, то оба вступаютъ въ борьбу при ясномъ опредѣленіи своихъ отношеній, и измѣненіе въ этихъ отношеніяхъ происходитъ также сознательно и потому рѣзко опредѣленно; все происходитъ выпулко и крѣпко. Кто осилилъ окончательно въ борьбѣ— это другой вопросъ; иногда осиливаетъ третій элементъ, не вступавшій первоначально въ борьбу; иногда между борющимися сторонами заключаются сдѣлки, мировыя относительно третьей стороны, съ яснымъ опредѣленіемъ отношеній къ послѣдней и другъ къ другу: во всякомъ случаѣ борьба не остается безъ вліянія на окрѣпленіе общественнаго организма. Иначе бываетъ, когда въ первоначальномъ, неразвитомъ обществѣ элементы общественныя находятся въ неопредѣленномъ, мягкомъ отношеніи другъ къ другу. При такихъ условіяхъ, опредѣленіе отношеній идетъ очень медленно, перерывчиво, нетвердо; сознание общественнаго человѣка не ясно. Это медленное, безъ яснаго сознанія, ощущу илущее внутреннее движеніе еще болѣе затрудняется, останавливается, когда происходитъ сильное внѣшнее государственное движеніе, когда внутреннее движеніе не уравнивается со внѣшнимъ, общественное съ государственнымъ; отсюда при неразвитости формъ общество готово принять чужія формы, выработанныя чужою жизнію. Здѣсь, разумѣется, спасеніе въ просвѣщеніи: наука даетъ ясность сознанію; но теорія не такъ спора безъ практики.

Но обратимся къ древней русской общинѣ, посмотримъ, какъ были опредѣлены отношенія къ князю и намѣстнику? Говорили ли славянскіе послы Рюрику, что его призываютъ для *правды*, или не говорили, для насъ это все равно; для насъ важно то, что въ словахъ лѣтописца высказалось сознание современнаго ему общества объ отношеніяхъ князя къ подвластному народонаселенію. Дѣйствительно, какъ бы князь или посадникъ его сами ни смотрѣли на свои отношенія къ общинѣ, община видѣла въ нихъ людей, призванныхъ для правды. Но какъ производилась правда, какое участіе, какое значеніе имѣлъ здѣсь князь или его посадникъ? Это было лицо постороннее, чужое, обязанное смотрѣть, чтобы въ общинѣ была правда, чтобы всѣ споры и столкновенія рѣшались по правдѣ, чтобы лихимъ людямъ не было воли дѣлать дурно, чтобы вредъ, ими причиненный, былъ вознагражденъ; но это лицо должно было смотрѣть, чтобы сама община, самъ міръ судилъ и рядилъ по правдѣ, чтобы община не держала у себя лихихъ людей безнаказанными, чтобы община хлопотала о сохраненіи порядка. Князь или посадникъ вовсе не хотѣли брать на себя обязанности или присвоивать себѣ право самимъ все судить и рядить, не

имѣли понятія о необходимости этой обязанности, о выгодѣ этого права для себя, наконецъ не имѣли матеріальныхъ средствъ пользоваться этимъ правомъ. Ложность современныхъ взглядовъ на древнее состояніе общества происходитъ оттого, что мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ своихъ понятій, отъ своихъ привычекъ къ опредѣленности, къ рѣзкому разграниченію между правами и обязанностями; тогда какъ въ древнемъ обществѣ этой опредѣленности, этого разграниченія вовсе не было: чтó теперь считается правомъ, то прежде считалось обязанностію и обязанностію тяжелою. Первоначально судъ принадлежалъ міру, общинѣ; когда община не могла рѣшить дѣла, когда являлась жалоба на неправду, на насиліе сильныхъ, тогда рѣшала дѣло намѣстникъ или самъ князь. Первоначальный видъ мірскихъ или общинныхъ судовъ представляютъ намъ суды сельскихъ общинъ западной Россіи, какъ они существовали еще въ XVI вѣкѣ: на *стѣ*, *куну*, *кочу* или *громаду* сходились всѣ домохозяева; ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, также женщины, являлись на сходку только по особому требованію копы и не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Между домохозяевами, сходатами или судьями копными отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній. Въ древности, когда родовой бытъ былъ крѣпче, роды были обширнѣе, родоначальники, старцы имѣли все представительство, и въ совѣтахъ первыхъ князей нашихъ подлѣ бояръ мы находимъ этихъ старцевъ городскихъ, представителей міра, общины; послѣ, съ ослабленіемъ родоваго быта, съ размельченіемъ родовъ, представителями общины являются домохозяева, многочисленнѣйшіе прежнихъ родоначальниковъ, и совѣтъ ихъ принимаетъ необходимо видъ вѣча, купы, громады, скупчины, особенно въ большихъ общинахъ; отсюда мы видимъ естественный, незамѣтный переходъ отъ рѣшенія дѣла княземъ въ совѣтъ съ боярами и старцами къ рѣшенію дѣла на вѣчѣ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общинъ, мѣсто старцевъ, имѣющихъ превосходство по естеству, по возрасту, заступаютъ лучшіе люди, имѣющіе превосходство не по одному возрасту; съ появленіемъ этого аристократическаго элемента въ общинѣ; лучшіе люди являются представителями общины, безъ нихъ нѣтъ суда. Чтó было сказано относительно суда, тоже самое соблюдалось и относительно всѣхъ важныхъ дѣлъ, касавшихся одной общины и цѣлой волости княжеской: сперва эти дѣла рѣшались княземъ въ совѣтѣ съ боярами и старцами, потомъ на вѣчѣ.

Таковы были первоначальныя отношенія дѣйствующихъ силъ въ древней русской общинѣ. Но теперь рождается самый важный вопросъ: подобныя отношенія служили ли ручательствомъ за благосостояніе общины, были ли они въ состояніи препятствовать той или другою силѣ уклониться отъ правды, отъ насилія? Очень рано слышатся уже жалобы на несправедливые поступки посадниковъ и тиуновъ: при Всеволодѣ I, слышатся жалобы, что до людей перестала доходить кня-

вслѣдствіе соперничества, усобицы князей, приобрѣли себѣ право выбора правительственныхъ лицъ: Игорь Ольговичъ, слыша неудовольствія Кіевлянъ на тиуновъ и грозимый движеніями Изяслава Мстиславича, къ которому Кіевляне обнаруживали расположеніе, — Игорь Ольговичъ далъ имъ право выбирать тиуновъ; послѣ видимъ, что Кіевляне заключаютъ ряды съ новыми князьями; Новгородцы, возставшіе противъ князя своего Всеволода Мстиславича за то, между прочимъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, благодаря соперничеству князей, возможности находить у одного помощь противъ другаго, утвердили за собою право выбора правительственныхъ лицъ, право сажать въ судъ подлѣ самого князя своего выборнаго посадника, наконецъ право выбирать самихъ князей, право, которое потомъ было отнесено какъ пожалованіе ко временамъ Ярослава I. Такимъ образомъ древнія русскія общины опредѣлили свои отношенія выборомъ правительственныхъ лицъ. Что касается другихъ подробностей общиннаго быта въ старыхъ русскихъ городахъ, то онѣ намъ извѣстнѣе въ Новгородѣ и Псковѣ. Извѣстны также и причины паденія этихъ общинъ: неумѣнье уладить отношенія между лучшими и меньшими людьми къ выгдѣмъ обоимъ, причемъ большинство легко отказалось отъ тѣхъ формъ быта, которыя были выгодны только для меньшинства. Что же касается до формъ общиннаго быта въ другихъ городахъ, то мы не имѣемъ права предполагать здѣсь сильное развитіе. Не надобно забывать продолжительности особнаго существованія Новгорода и Пскова, тогда какъ Кіевъ, Черниговъ и другіе города юго-западной Руси были разрушены Татарами еще въ XIII вѣкѣ, да и тѣ старые города, которые избѣгли этого разрушенія, напримѣръ Полоцкъ съ своими бѣлорусскими братьями, принимаютъ чужое нѣмецкое общинное устройство, такъ называемое магдебургское право; но дѣло очень хорошо извѣстное, что чужія формы, чужія опредѣленія принимаются только тогда, когда нѣтъ своихъ формъ и опредѣленій, выработавшихся самостоятельно: чужія формы и опредѣленія могутъ быть даны насильственно; но дѣло также очень хорошо извѣстное, что магдебургское право не было насильственно дано русскимъ городамъ.

Такъ было въ древней западной Россіи, отошедшей къ Литвѣ, и въ обломкахъ древней Россіи, сохранившихъ связь съ новою, восточною Россіей, въ Новгородѣ и Псковѣ. Теперь обратимся къ общинному быту въ восточной Россіи, въ которой совершилось дѣло собранія земли и дѣло централизаціи. Сказавши это, я уже опредѣлилъ значеніе общиннаго быта въ восточной Россіи, ибо здѣсь на очереди другое начало, которое усиливается безпрестанно и позволяетъ присутствіе при себѣ другихъ началъ только въ той степени, въ какой они не мѣшаютъ ему усиливаться. Возникновеніе и усиленіе одного какого-нибудь начала необходимо предполагаетъ слабость другихъ началъ, не могущихъ ему препятствовать, не могущихъ заявить свою силу, свою способность къ единовременному и одноправному съ нимъ существованію. Какія же были причины усиленія централизаціи и причины сла-

бости другихъ началъ? Причины, могшія замедлять централизацію, могли заключаться или въ географическихъ, или въ этнографическихъ, или въ политическихъ особенностяхъ частей, при чемъ должно замѣтить, что эти причины особенности обыкновенно соединяются. Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ географіею областей, составившихъ Московское государство, тотъ знаетъ, что здѣсь нѣтъ природныхъ препятствій къ централизаціи: нѣтъ высокихъ горъ, нѣтъ степей, столько же раздѣляющихъ народы, какъ и горы, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ; здѣсь одна рѣчная область, область верхней Волги. Особенность большихъ, издавна самостоятельныхъ племенъ, могла препятствовать централизаціи: такъ на особенность большихъ племенъ въ Германіи указываютъ какъ на условіе, помѣшавшее государственному соединенію этой страны. Но въ восточной Россіи и этого условія, препятствовавшего централизаціи, не было. Въ древней западной Россіи видимъ отдѣльные племена, изъ которыхъ составила Русь; но и здѣсь, безъ натяжки, мы не можемъ указать значеніе этихъ племенъ въ исторіи; ибо для того, чтобъ особенность племенъ имѣла вліяніе въ исторіи, надобны еще другія условія: надобно, чтобъ эти племена изначала имѣли особое свое правительство, чтобъ эти правители племенъ только насильственно подчинялись общему правительству и стремились къ независимости при первомъ удобномъ случаѣ; надобно, чтобы стремленія правителей совпадали съ стремленіями самихъ племенъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло бы подчиниться другому. Но ничего подобнаго не было у насъ въ древней Россіи, гдѣ племена одновременно получили правителей изъ чужаго народа, гдѣ не Поляне завоевали Сѣверянъ и Древлянъ, гдѣ въ Черниговѣ, напримѣръ, сидѣлъ не князь изъ племени Сѣверянъ и не вельможа Варягъ, который, изъ стремленія къ самостоятельности, тѣсно соединилъ бы свои интересы съ интересами Сѣверянъ. Мы знаемъ, что въ Черниговѣ сидѣлъ князь, который очень мало обращалъ вниманія на единство своихъ интересовъ съ интересами Черниговцевъ или Сѣверянъ, который постоянно думалъ, какъ бы поскорѣе бросить Черниговъ и перебраться въ Кіевъ. Полная независимость младшихъ княжествъ отъ старшаго, относительно внутренняго управленія, уничтожала враждебное столкновеніе между ними. Но если и на юго-западѣ, гдѣ видимъ въ началѣ отдѣльные племена, невозможно указать вліянія этихъ племенъ на судьбу страны, то на сѣверовостокѣ и племень-то вовсе не было. Здѣсь въ началѣ были племена Финскія, но напоръ славянской колонизаціи, совершившейся уже въ историческія времена, или отодвинулъ Финновъ, или ослабилъ ихъ; движеніе же Славянъ происходило не цѣлыми отдѣльными племенами, но въ разбродъ; да и поселившись въ новой странѣ, Славяне не могли развить здѣсь племеннаго быта, ибо условія общества были уже иныя: здѣсь владѣли князья, которые строили города, куда приглашали насельниковъ. Племенную противоположность нельзя даже положить одною изъ причинъ вражды между старымъ городомъ Ростовомъ и молодыми городами, которыхъ Ростовъ былъ представите-

лемъ, ибо нельзя предположить Ростовъ во времена Андрея Боголюбскаго финскимъ городомъ въ противоположность новымъ славянскимъ городамъ—Владиміру, Переяславлю и другимъ. Причина вражды прямо указана въ источникахъ, причина политическая, а не племенная: Ростовцы говорятъ: „Сожжемъ Владимірцы или посадимъ въ немъ своихъ посадниковъ, потому что Владимірцы наши холопы каменщики“. Новые города слѣдовательно принимали въ себя ту часть народонаселенія старыхъ городовъ, которая называлась меньшими, младшими людьми въ противоположность лучшимъ людямъ. Этотъ выводъ колоній изъ меньшихъ людей не всегда происходилъ съ согласія лучшихъ людей, ибо не всегда уходили въ новые города только свободные меньшіе люди, уходили и несвободные, желавшіе этимъ уходомъ достать себѣ свободу. Вспомни, любезный другъ, преданіе о Холопьемъ городкѣ, преданіе, которое ясно произошло отъ названія города, но это названіе не нуждается ни въ какомъ преданіи для своего объясненія, ибо намъ извѣстенъ общій законъ переселеній, и въ частности намъ извѣстно происхождение вятскаго народонаселенія, происхождение козачества; наконецъ слова Ростовцевъ, что Владимірцы ихъ холопы, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какъ образовывалось народонаселеніе новыхъ городовъ, хотя отчасти, ибо не принимать словъ, связанныхъ Ростовцами, буквально будетъ уже натяжка съ нашей стороны. Андрей Боголюбскій и братья его утвердились въ новыхъ городахъ, въ пригородахъ, дали имъ первенство, и Ростовъ Великій не устоялъ въ борьбѣ съ ними. Палъ городъ старый, вѣчевой, остались города, не привышіе къ вѣчу, къ самостоятельности. Что же насъ останавливаетъ въ этой борьбѣ Ростова съ Владиміромъ, Переяславлемъ? Что представляютъ Ростовцы и что Владимірцы? Первые представляютъ лучшихъ людей, вторые—меньшихъ. Ростовцы вмѣстѣ съ боярами противятся централизаціи, начинаемой Боголюбскимъ и братьями его; Владимірцы съ братією, не имѣя никакихъ выгодъ поддерживать тѣ формы быта, которыя выгодны только для Ростовцевъ, даютъ поддержку централизующей силѣ, ибо все выпуклое мѣшаетъ централизаціи, ровное же представляетъ самый крѣпкій фундаментъ для нея. То же самое случилось послѣ въ XV вѣкѣ: Новгородъ потерялъ свои особенности, приравнялся къ другимъ городамъ, къ городамъ низовымъ: лучшие люди, выпуклая часть новгородскаго народонаселенія, стояли за особность, но большинство, ровная часть народонаселенія, тянула къ прировненію, ибо не видала для себя въ особности тѣхъ выгодъ, какія имѣло меньшинство, выпуклая часть народонаселенія.

Не знаю, любезный другъ, какое впечатлѣніе производимо было на тебя возраженіями, направленными будто бы противъ моей *гипотезы* объ отношеніяхъ между старыми и новыми городами и важномъ значеніи этихъ отношеній. Никогда не думалъ я строить гипотезу, указывая на ясную, въ глаза бросающуюся связь судебъ Новгорода Великаго съ судьбами другихъ русскихъ общинъ, указывая въ XII вѣкѣ

на начало борьбы, которая кончилась въ XV; никогда не думалъ я строить гипотезу, рѣшившись на живой борьбѣ общественныхъ отношеній, рѣшившись показать, какъ подлѣ междувицкихъ отношеній образовывалась почва, складывался внизу фундаментъ, на которомъ построилось здание Московскаго государства. Ты помнишь, какъ возстали на меня за это перенесеніе исторіи изъ воздушныхъ пространствъ на твердую почву, за это обращеніе вниманія на другія явленія, безъ которыхъ отъ смѣны начала родоваго вотчиннымъ или семейнымъ рѣшительно ничего бы не вышло. Ты помнишь, какъ упрекали меня за то, что у меня между родовымъ и государственнымъ началомъ цѣлая пропасть; возражатели, исключительно носась въ высокихъ воздушныхъ сферахъ началъ, не хотѣли замѣтить, что эта пропасть наполнена щебнемъ изъ развалинъ Ростова и Новгорода. Теперь взглядъ перемѣнился; но теперь новыя странности въ нашемъ незрѣломъ, зеленомъ обществѣ: слышится голосъ капризнаго ребенка, который кричитъ на весь домъ, требуетъ у няньки, чтобъ она дала ему то, чего нѣтъ. „Ступай, нянька, зимою въ садъ и сорви яблоко!“ Ловкая нянька вынимаетъ изъ кармана сухую заморскую сливу. „Ахъ, душенька, какая добрая сестрица! сбѣгала въ садъ и вотъ что сорвала! ахъ, что выросло у насъ въ садикѣ, ахъ, какая вкусная ягода!“ Честь и слава ловкой нянькѣ! она хорошо знаетъ, что съ ребенкомъ нельзя разсуждать о томъ, что зимою яблоки не растутъ. Такъ нечего противопоставлять разнымъ крикамъ серьезныя разсужденія о томъ, что если одно начало усиливается, то это происходитъ необходимо вслѣдствіе слабости другихъ началъ, которыя все болѣе и болѣе ослабляются вслѣдствіе большаго и большаго усиленія одного начала; что, ослабляясь все болѣе и болѣе, они тѣмъ самымъ уходятъ на задній планъ, все менѣе и менѣе дѣйствуютъ, слѣдовательно все менѣе и менѣе заявляютъ себя передъ исторіею, и если дѣйствуютъ, то по отношенію къ господствующему началу; что ихъ развитіе, если оно происходитъ, подчиняется вліянію господствующаго начала, вліянію того хода событій, который условливается движеніемъ господствующаго начала; что историкъ не имѣетъ права, бросивши то, что дѣйствуетъ, и своимъ дѣйствіемъ объясняетъ намъ все въ прошедшемъ и настоящемъ, обратить свое вниманіе преимущественно на то, что находится въ бездѣйствіи или дѣйствуетъ слабо, развивается медленно; что обязанность историка показать причины, почему одно начало дѣйствуетъ на первомъ планѣ, а другія дѣйствуютъ слабо, медленно; что здѣсь обязанность его оканчивается, ибо этимъ онъ вполне освѣщаетъ настоящее, какъ результатъ прошедшаго; что историкъ, увлекшись какимъ нибудь сочувствіемъ, не смѣетъ перемѣшивать явленія по произволу, не смѣетъ выставить на первомъ планѣ то, что на немъ не находится, ибо настоящее сейчасъ же обнаружитъ фальшь: настоящее есть такая же повѣрка прошедшаго и на оборотъ, какъ въ ариѳметикѣ вычитаніе повѣряется сложениемъ, сложение вычитаніемъ.

Но возвратимся къ нашему дѣлу. Главное явленіе, которое оста-

навливаетъ насъ на сѣверѣ, это неразвитость городовыхъ общинъ вслѣдствіе неразвитости промышленности и торговли, вслѣдствіе бѣдности городовъ. Фактъ неоспоримый, что развитіе общиннаго быта вездѣ и у насъ въ Россіи основывалось на матеріальномъ благосостояніи, на развитіи промышленности и торговли. Почему Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ вписали свое имя въ исторію общиннаго быта въ Россіи? Потому что это были самые богатые, самые торговые города. Путь изъ Варягъ въ Греки, западная полоса Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго моря, это главный торговый путь и главная историческая сена въ нашей древней исторіи, на ней богатые торговые города и сильныя городовыя общины, обнаруживающія свою самостоятельность. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ страна дичѣе и бѣднѣе, торговля и промышленность слабѣе, народонаселеніе рѣже. Отсюда необходимое слѣдствіе, что когда историческая сена перенесется на этотъ востокъ, то здѣсь ходъ исторіи будетъ иной, чѣмъ на западѣ, что на востокѣ мы не встрѣтимъ тѣхъ явленій, которыя характеризовали намъ древнѣйшую исторію, исторію западной Россіи, новое начало необходимо должно было явиться и усилиться тамъ, гдѣ старое было слабо, и потому не могло выставить новому сильныхъ препятствій. Новгородъ отбилъ отъ Андрея Боголюбскаго, отъ Всеволода III и сына его Ярослава, и до половины XV вѣка могъ сохранить свою самостоятельность; Ростовъ же палъ скоро передъ Юрьевичами, знакъ того, какъ лучшій, старшій городъ на востокѣ былъ бѣднѣе, слабѣе лучшаго города на западѣ. Послѣ паденія Ростова востокъ не представляетъ намъ вовсе такихъ выпуклыхъ явленій въ городской жизни, какія представляетъ западъ; здѣсь бѣдность развитія промышленнаго и торговаго провела уровень между городами и даже между городами и селами. Судьба городовъ въ Московскомъ государствѣ одинакова съ судьбою дружины: для силы какъ дружины, такъ и городовъ необходимо было одно и тоже условіе—богатство, а его то и не было. Когда начало слагаться государство, мы не видимъ членовъ дружины, вельможъ, богатыхъ, имѣющихъ обширныя земельныя владѣнія, имѣющихъ въ своей наслѣдственной власти цѣлыя области и города, могущихъ приобрѣсти многочисленныхъ подручниковъ, которые бы получали отъ нихъ земли, недвижимое, такъ могущественно содѣйствующее скрѣпленію всякихъ связей и отношеній. Не было большихъ частныхъ союзовъ, не было того, чтобы множество малыхъ силъ группировались около большихъ силъ. Не забудь, любезный другъ, что я говорю: не было *большихъ* частныхъ союзовъ, ибо частныя союзы были и у насъ въ древней Россіи въ разныхъ видахъ, а именно на первомъ планѣ союзъ родовой, самый могущественный въ старину частный союзъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія. О силѣ родоваго союза между людьми высшихъ чиновъ не нужно распространяться, эта сила слишкомъ рѣзко отмѣтила себя въ исторіи, укажу только на самую характеристичныя черты родоваго союза даже въ XVII вѣкѣ: знаменитый Шейнъ, въ то время, когда шло дѣло объ освобожденіи его

нет польскаго плѣна, желая сообщить боярамъ важныя извѣстiя, прислать въ русскiй станъ спросить ихъ, нѣтъ ли съ ними какого нибудь его Шенискаго человѣка, или человѣка родичей (*ковинныхъ*) его, Салтыковыхъ или Мбуровыхъ, ибо только такому онъ можетъ повѣрить тайну. Въ XVII же вѣкѣ Милюковъ, женившiйся на рабѣ князя Сонцева-Засѣкина, долженъ былъ заплатить за это сто рублей, и эти сто рублей были разложены на весь многочисленный родъ Милюковыхъ. На силу родового союза вообще во всѣхъ слояхъ народонаселенiя ясно указываетъ то, что государство смотритъ на гражданина не иначе какъ на родоначальника, представителя своего рода, обязаннаго отвѣчать за своихъ младшихъ родичей: всякiй N. N. не представлялся одинъ съ своею семьей, но съ братьями и племянниками, и князь Пожарскiй, жалуюсь государю на дурное поведенiе своего взрослого племянника, описывая, что никакiя строгости и наказанiя, употребленныя дядьями, не помогаютъ, обнаруживаетъ въ концѣ жалобы боязнь, чтобы государь не положилъ на него опалы за дурное поведенiе племянника. Но кромѣ родового союза существовали и другiе частныя союзы, необходимыя при государственной неразвитости, когда правительство, законъ, не имѣютъ достаточно силы, чтобы дать каждому защиту, вслѣдствiе чего слабiй стремится приютить себя подъ защиту ближайшаго сильнаго: таково происхожденiе нашихъ старинныхъ *закладниковъ, сосѣдей, подсосѣдниковъ* и *захребетниковъ*. Все это начало тѣхъ самыхъ отношенiй, которыя на Западѣ развились въ феодализмъ; у насъ же не развились именно потому, что у насъ сильныя не были достаточно сильны для содѣланiя себя центрами большихъ частныхъ союзовъ, что эта сила сильныхъ ослаблялась постоянно присутствiемъ и непосредственнымъ влiянiемъ централизующей силы, начавшей развиваться очень рано.

Дружинники были бѣдны своими вотчинами: самыми богатыми землевладѣльцами должны были быть князья, вступивше въ службу къ государямъ московскимъ; но они вступили въ московскую службу не какъ владѣльцы своихъ прежнихъ княжествъ, своихъ прежнихъ городовъ, отъ которыхъ удержали только одно прозванiе: ихъ города, ихъ княжества отошли къ московскому государю: у нихъ оставалась только частная княжеская собственность: но эта собственность дробилась и уменьшалась, вслѣдствiе сильнаго распложенiя членовъ княжескихъ родовъ, вслѣдствiе отсутствiя майората и вслѣдствiе обычая давать вотчинныя земли монастырямъ на поминъ души.

Но дружинники составляли войско. Въ старину на югозападѣ дружинники говорили князю при началѣ предпрiятiя: „Гы это, князь, самъ по себѣ задумалъ, мы объ этомъ не знали; такъ не идешь за тобою“. Князь, покинутый дружиною, лишался средствъ дѣйствовать и поддерживать свое значенiе. На сѣверо-востокѣ централизующая сила скоро нашла возможность освободиться отъ влiянiя старыхъ дружинъ, и эта возможность разубѣдила ихъ. Ударъ старымъ дружиннымъ князескимъ влiянiемъ. Централизующая сила имѣла возможность

вполнѣ отъ нея зависящее. Эту возможность доставило огромное количество земель, находившихся въ полномъ распоряженіи централизованной власти, и вотъ явилась *помѣстная система*, имѣвшая такое могущественное вліяніе на судьбу Московскаго государства. Дружинники были бѣдны, не могли выдѣлять изъ своихъ вотчинъ участки другимъ съ условіемъ подручныхъ, вассальныхъ обязанностей; одинъ только московскій государь былъ такъ богатъ землею, что могъ выдѣлять изъ нея многочисленныя участки желавшимъ служить у него, съ полною и непосредственною зависимостію отъ него. Охотниковъ нашлось много. Іоаннъ III, приведши Новгородъ въ свою волю сказалъ его жителямъ: „Великій Новгородъ долженъ намъ дать волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ“, и взялъ волости владычни и монастырскія; эти земли были розданы дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья: Іоаннъ показалъ, что значило, по его выраженію, держать государство. Іоаннъ не былъ брезгливъ въ выборѣ тѣхъ людей, посредствомъ которыхъ хотѣлъ держать государство: онъ велѣлъ распустить изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилыхъ людей, *послужилыице*, и далъ имъ помѣстья; такимъ образомъ у князей и бояръ отнималось средство быть самостоятельными чрезъ своихъ послужильцевъ; великій князь переводилъ, посредствомъ раздачи помѣстій, этихъ послужильцевъ въ непосредственную зависимость отъ себя, дѣлалъ ихъ своими послужильцами. Польскіе вельможи, приобрѣтшіе самостоятельность и силу именно черезъ земельное богатство, черезъ возможность сосредоточивать около себя большое количество послужильцевъ, польскіе вельможи ясно понимали различіе положенія своего отъ положенія вельможъ московскихъ, и однимъ изъ препятствій къ избранію московскаго царя въ король польскіе представляли то, что царь богатъ, и потому будетъ имѣть возможность отвлечь отъ нихъ всю бѣдную шляхту и превратить ее въ своихъ непосредственныхъ послужильцевъ.

Вопросъ о землѣ, о владѣніи ею сдѣлался господствующимъ вопросомъ въ Московскомъ государствѣ, начиная съ половины XV вѣка, начиная именно съ образованія государства. Послѣ хаотической эпохи движеній, переходовъ, когда *недвижимое*, земля была далеко не на первомъ планѣ, наступила эпоха осѣдлости, и земля получаетъ важное значеніе, цѣна ея начинаетъ сильно чувствоваться. Вспомни, любезный другъ, какой вопросъ могущественно занимаетъ русское общество съ половины XV вѣка до конца XVI вѣка, съ какимъ вопросомъ встрѣчаешься ты постоянно при всѣхъ важныхъ спорахъ, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ сказывалась умственная жизнь русскихъ людей, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ принимали участіе самыя живыя, самыя выпуклыя личности: это вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть монастырямъ селами? Неужели одинъ чистый вопросъ монастырской дисциплины и нравственности могъ такъ сильно волновать общество? Дѣло въ томъ, что теперь и централизующая сила, и люди, желающіе воспрепятствовать централизаціи, понимаютъ силу землевла-

землевладельческой интересъ служилыхъ людей, войсковой массы. Отбирая вотчины у богатыхъ князей, объявляя себя наследникомъ вотчинъ послѣ бездѣтныхъ князей, съ исключеніемъ дочерей, сестеръ и родственниковъ, Іоаннъ въ то же время вооружился и противъ увеличенія монастырскихъ вотчинъ въ ущербъ служилымъ людямъ: въ 1551 году запрещено было архіереямъ и монастырямъ покупать вотчины безъ царскаго позволенія; въ 1573 запрещено давать вотчины по душѣ въ большіе монастыри, велѣно отдавать ихъ роду и племени служилыхъ людей, чтобы въ службѣ убытку не было, и земля изъ службы не выходила бы; позволено было давать вотчины только монастырямъ малымъ съ позволенія государева; въ 1580 году запрещено было вовсе отказывать вотчины по душамъ въ монастыри, велѣно брать ихъ наследникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. Наконецъ при сынѣ Грознаго, вслѣдствіе того, что какъ указано выше, былъ выдвинутъ интересъ служилыхъ людей на первый планъ, послѣдовало прикрѣпленіе сельскаго народонаселенія, опять по поводу столкновенія этого интереса съ интересами церкви по вотчинамъ: „Земли метрополичы, архіерейскія, владычны и монастырскія въ тарханахъ, никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платяты, а воинство, служилые люди эти земли оплачивають; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла“, говорилось на соборѣ 20 іюля 1584 года.

Но въ то время, какъ помѣстье, это могущественное средство централизаціи въ Московскомъ государствѣ, сыграло такую важную роль на верху и внизу, въ судьбахъ старшихъ членовъ дружины съ одной стороны, и въ судьбахъ сельскаго народонаселенія съ другой, въ то же время оно сыграло не менѣе важную роль и въ судьбахъ городовъ, ибо уничтожило необходимость въ городовомъ войскѣ или необходимость обращаться къ городамъ за деньгами для содержанія наемнаго войска. Въ древней Руси князь имѣлъ нужду, во первыхъ, въ дружинѣ, съ которою могъ приобрѣсть серебро и золото, и которая уходила, если съ нею не спрашивались; но дружина не была многочисленна: для большихъ походовъ противъ внѣшняго врага или противъ родича-соперника князь нуждался въ городовомъ ополченіи: извѣстно, напримѣръ, какую помощь оказывалъ любимымъ князьямъ *силянскій полкъ* кievскій. Главнымъ содержаніемъ обращеній князя къ городовому вѣчу былъ призывъ къ походу, на что, по разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, слѣдовало согласіе или несогласіе. На сѣверѣ же возможность создать войсковую массу посредствомъ помѣстья уничтожила необходимость въ городовыхъ полкахъ. Въ началѣ княженія Іоанна III мы встрѣчаемъ послѣднее извѣстіе о походѣ московской городской рати, съ особеннымъ воеводою, ибо званіе тысяцкаго, постоянного воеводы городовыхъ полевыхъ, было еще прежде уничтожено прадѣдомъ Іоанна III. Возможность имѣть свое войско по-

средством помѣстья уничтожила необходимость въ наемномъ войскѣ. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ въ XV вѣкѣ мы видимъ то же явленіе, тѣ же отношенія по землевладѣнію между государемъ и служилыми людьми, какія видимъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ въ первомъ вѣкѣ ихъ существованія, то есть отношенія бенефиціальныя или помѣстныя. Но разница въ томъ, что на Западѣ отношенія по землевладѣнію выдвигаются на первый планъ при самомъ образованіи государствъ; послѣ того, въ силу столкновенія разныхъ началъ въ новорожденномъ государствѣ, отношенія по землевладѣнію проходятъ разныя фазы и содѣйствуютъ образованію разныхъ новыхъ отношеній, пока государство, выходя изъ среднихъ вѣковъ, окончательно складывается. Но у насъ первые вѣка послѣ рожденія государства проходятъ въ броженіи и передвижкѣ князей и дружинъ ихъ, при чемъ отношенія по землевладѣнію на первый планъ не выдвигаются; получаютъ они важное значеніе только тогда, когда передвижка прекращается, Московское государство слагается окончательно съ громаднымъ перевѣсомъ централизующей силы, которая теперь имѣетъ возможность всѣ отношенія употребить въ свою пользу. „У насъ войска чужія, наемныя, говорятъ московскіе послы посламъ западныхъ сосѣднихъ государствъ, а у нашего государства свои безчисленныя рати“. Печальный опытъ показалъ, что эта безчисленность не помогала: малочисленные, но искусные отряды западныхъ наемниковъ разбивали московскіе полки почти при каждой встрѣчѣ. Видя это, начали принимать въ службу иноземцевъ, но старались и ихъ ввести въ помѣстныя отношенія...

1858 г.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло не съ матеріалистами и ихъ странностями, не съ пантеистами и ихъ мечтами, а съ людьми вѣрующими, вѣрующими въ личное существованіе Бога и въ безсмертіе души человеческой. Мало того, мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые требуютъ положительной религіи. „Въ двухъ противоположныхъ движеніяхъ разрушенія и реакціи, которыя мы видимъ въ XVIII и XIX вѣкахъ, заключается великое поученіе. Разрушеніе не удовлетворяетъ: люди никогда не покинутъ вѣры, какъ бы она ни была несовершенна, для ничтожества; они говорятъ, что лучше имѣть какое-нибудь убѣжище противъ бурь жизни, чѣмъ быть выставлену на ненасть безъ одежды и крова. Пока длится борьба, люди, принимающіе въ ней участіе, могутъ вдохновляться разрушеніемъ, ими совершаемымъ; но когда почва усѣяна развалинами и осколками и воинскій жаръ потухъ, что остается борцамъ? что остается тѣмъ, которые, будучи чужды борьбѣ, не хотятъ покинуть своего жилища, какъ бы оно ни было неудобно, чтобы расположиться подъ открытымъ небомъ на развалинахъ? Время разрушенія прошло, и только застроивши вновь, мы можемъ уничтожить то, что осталось отъ ударовъ XVIII вѣка. Возведемъ величественное зданіе, которое можетъ принять всѣхъ требующихъ убѣжища, и они поспѣшатъ покинуть свои избышки. Какъ построить это новое зданіе? Достаточно ли собрать безобразные камни, которые лежатъ здѣсь тамъ—печальные остатки старой религіи? Прочное зданіе не строится изъ ветхихъ, гнилыхъ матеріаловъ. Когда хотимъ возстановить религіозныя вѣрованія, то надобно вдохновляться не прошедшимъ, а будущимъ. Надобно, чтобы прошедшее преобразовалось подъ вліяніемъ чувствъ и идей, сѣмена которыхъ Богъ вложилъ въ нѣдра человечества. Воспользуемся урокомъ и примемся за работу; Богъ не оставитъ насъ своею помощію“¹⁾.

Гдѣ-то на Западѣ хотятъ строить величественный храмъ новой лигіи; по какому плану и рисунку, изъ какихъ матеріаловъ,—не вѣдаемъ; говорятъ только отрицательно, что стараго не будетъ. Конечно, можно было бы сказать: подождемъ, увидимъ. Но дѣло въ томъ, что мы принадлежимъ къ страстнымъ приверженцамъ прогресса, а ждаться—значитъ остановиться. Намъ скажутъ: зачѣмъ останавливаться, сидѣть сложа руки и дожидаться? ступайте къ намъ строить величественный храмъ! Мы бы охотно пошли; но прежде позволю предложить два самые простые вопроса: возможна ли и нужна ли постройка?

Вѣра признается необходимою, несокрушимою въ человечествѣ; что такое вѣра? Я знаю то, что совершенно ясно понимаю, чѣмъ разумъ овладѣлъ вполне собственными средствами; я вѣрю тому, понять не могу, для овладѣнія чѣмъ средства моего разума несотвѣтны. Все, что поддежитъ моимъ чувствамъ, все что существуетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 223.

божественное происхождение, если какъ основаніе для своего ученія устанавливаетъ таинства, которыя разумъ человѣческой не понимаетъ или отвергаетъ, то согласіе между философіей и религіей невозможно ¹⁾. Но разумъ не помѣшалъ вамъ признать бытіе Бога и безсмертіе души? И развѣ въ то же время разумъ далъ вамъ средства изучить этотъ иной, совершенно различный отъ нашего міра, міръ, который мы называемъ духовнымъ? Развѣ вы, посредствомъ разума, узнали существо Бога и существо души человѣческой, отдѣльно отъ тѣла пребывающей? Развѣ разумъ не признаетъ все это непостижимымъ, невозможнымъ для изученія, неизвѣстнымъ? Но какое же мы имѣемъ право заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, не имѣя возможности провѣрить этого заключенія опытомъ? Какое право имѣемъ мы требовать, чтобъ условія этого совершенно инаго существованія были тождественны съ условіями извѣстнаго намъ существованія? Вы смѣтаетесь надъ легендами, порожденными дѣтскою фантазіей толпы, въ которыхъ отношенія духовныхъ существъ представляются въ формахъ здѣшней жизни; а сами что дѣлаете, требуя, чтобы тамъ не было ничего такого, что бы не походило на здѣшнее, что бы было непонятно намъ, знающимъ только здѣшнія условія бытія?

Вѣрованіямъ, догматамъ христіанскимъ противоположаютъ какія-то философскія вѣрованія и догматы — относительно чего же? Относительно будущей жизни. Говорятъ: „Если признано, что развитіе нашихъ способностей есть цѣль нашей жизни, то невозможно, чтобъ была остановка въ этомъ развитіи; слѣдовательно, идея прогресса, приложенная къ индивидууму, тождественна съ идеей его безсмертія. Въ этомъ пунктѣ философія согласна съ христіанствомъ; но философы, соглашаясь съ христіанами относительно признанія жизни безконечной, сильно расходятся съ ними относительно условій жизни будущей, и причиною тому опять идея прогресса. Христіанство учитъ, что будущая жизнь есть состояніе неизмѣняемое; философы думаютъ, что будущая жизнь для всѣхъ существъ сотворенныхъ есть продолженіе ихъ предшествовавшаго существованія, непрерывное движеніе къ совершенствованію. Тварь, будучи несовершенна по своей сущности, будетъ всегда приближаться къ цѣли, никогда ее не достигая; но и никогда не можетъ быть приведена въ такое состояніе, гдѣ бы всякое развитіе сдѣлалось невозможнымъ. Нѣтъ, слѣдовательно, ни ада, ни рая, но жизнь прогрессивная, имѣющая цѣлюю идеаль совершенства. Прогрессивное существованіе индивидуума принадлежитъ къ области вѣры; наука не можетъ утверждать, существовалъ ли человѣкъ прежде чѣмъ родился; равно она не знаетъ, гдѣ и въ какихъ условіяхъ будетъ препровождаться будущее его существованіе ²⁾).

Итакъ, вы признаетесь, что не знаете условій будущей жизни; по

¹⁾ Laurent. XII, 68, 69.

²⁾ Laurent. XII, 217.

какому праву вы утверждаете, что тамъ будетъ такая же форма бытія, какая заключается здѣсь, именно форма прогресса? Вы сами говорите, что прогрессивное существованіе человѣка принадлежитъ къ области вѣры: но кто открылъ вамъ эту тайну? кто проповѣдалъ этотъ догматъ? кому вы *повѣрили*? — Какимъ-то философамъ, которые изъ идеи прогресса вывели личное безсмертіе! Но другіе философы, очень извѣстные, вовсе не считали нужнымъ съ идеею прогресса соединять личное безсмертіе: кому же мы должны вѣрить? Въ этихъ вещахъ можно вѣрить только одному Богу; христіане и вѣрятъ Ему Одному, не считая для себя позволительнымъ мечтать о формахъ загробной жизни и переносить въ нее формы здѣшней жизни, ибо это позволительно только дѣтской фантазіи необразованной толпы, да, какъ видно, еще какимъ-то философамъ.

Послѣдуемъ за проповѣдниками прогрессивной религіи изъ будущей жизни въ настоящую. Они переносятъ дѣло на историческую почву и считаютъ себя здѣсь твердыми. „Религія подчиняется ли общему закону прогресса?“—спрашиваютъ они, и отвѣчаютъ: „Защитники христіанства говорятъ, что нѣтъ, и съ ихъ точки зрѣнія они правы, ибо думаютъ, что обладаютъ истинною абсолютною, а совершенное совершенствоваться не можетъ. Разумѣется, тѣ, которые отвергаютъ абсолютную истину, должны по этому самому допустить прогрессъ истины религіозной, какъ всякой другой истины. Христіанство не есть ли прогрессъ относительно язычества и даже мозаизма? Какъ этотъ прогрессъ совершился? Философы говорятъ, что переворотъ совершился работою человѣчества; вѣрующіе утверждаютъ, что христіанская религія есть чудесное откровеніе Божества. Исторія за философовъ: она учитъ насъ, что прогрессъ совершался въ области религіи, какъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Это рѣшительно для великаго вопроса, поднятаго нами. Если былъ религіозный прогрессъ въ прошедшемъ, то почему онъ невозможенъ въ будущемъ?“¹⁾

Во первыхъ, здѣсь незаконное смѣшеніе области религіи съ другими сферами *человѣческой дѣятельности*. Если въ извѣстной сферѣ совершилось что нибудь похожее на совершающееся въ другой сферѣ, изъ этого не слѣдуетъ еще, что обѣ сферы сходны и въ обѣихъ господствуетъ одинъ законъ. Мы видѣли, что вѣровать можно только въ абсолютно истинное. Мы знаемъ одну откровенную религію въ двухъ завѣтахъ состоящую: въ Ветхомъ Завѣтѣ основнымъ вѣрованіемъ было вѣрованіе въ будущее, въ исполненіе обѣтованій и завершеніе всего; въ Новомъ, когда исполнилось и завершилось все, не говорится ничего о возможности будущей новой религіи, говорится о будущей жизни въ совершенно иныхъ предѣлахъ нынѣшними условіяхъ, но въ необходимой связи съ христіанскими вѣрованіями.

¹⁾ Laurent, XII, 72.

Но какъ скоро наши философы апеллировали къ исторіи, то мы съ этою апелляціей разстаться не можемъ. Что такое прогрессъ, какъ намъ показываетъ его исторія? Исторія показываетъ намъ, что все органическое, къ которому принадлежать народы и цѣлое человѣчество, проходитъ одинаково- черезъ извѣстныя видоизмѣненія бытія, рождается, растетъ, дряхлѣетъ, умираетъ. Исторія показываетъ намъ различныя степени развитія у разныхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и пребывающихъ на ней; показываетъ высокую степень развитія народовъ Арійскаго племени, особенно тѣхъ, которые поселились въ Европѣ; исторія этихъ народовъ представляетъ два отдѣла—древній и новый, языческой, или греко-римскій, и христіанскій; народы, дѣйствовавшіе въ первомъ отдѣлѣ, прошедши извѣстныя видоизмѣненія бытія, умерли, передавъ богатое наслѣдство своимъ преемникамъ; тѣ, въ свою очередь, пережили возрастъ дѣтства; когда пришло время учиться, принялись за книги, оставленныя древними, воспользовались богатымъ наслѣдствомъ и обнаружили блестящіе успѣхи, явили сильную степень развитія. Но въ христіанствѣ нѣтъ догмата, чтобы народы, его исповѣдывающіе, не сходили никогда съ исторической сцены, никогда не дряхлѣли и не умирали, и потому имѣемъ обязанность признать и относительно народовъ, теперь дѣйствующихъ, общій законъ. Когда нибудь и они перестанутъ дѣйствовать, перестанутъ существовать. Придетъ ли очередь кочевникамъ Средней Азіи, Неграмъ Африки, Патагонцамъ Америки, мы не знаемъ; но законъ останется неизмѣненъ: человѣчество въ своихъ настоящихъ условіяхъ на обитаемой имъ планетѣ должно одрахлаѣть и умереть. Христіане вѣрують, что человѣчество будетъ жить инокъ, вышею жизнію; и наши философы говорятъ, что вѣрують въ то же самое; но поступаютъ при этомъ самымъ непростительнымъ для философовъ образомъ, хотятъ на эту новую жизнь, распространить законы и формы жизни иной, старой, прекратившейся, жизни, протекавшей въ совершенно другихъ условіяхъ. Прогрессъ, какъ условіе жизни здѣшней, долженъ прекратиться съ ея прекращеніемъ, *если не ранѣе*. Когда послѣдуетъ это прекращеніе, мы не знаемъ; съ историческою, *до сихъ поръ* прогрессивною, жизнію человѣчества на землѣ *находится въ связи* то явленіе въ области откровенной религіи, что Ветхій Заветъ смѣняется Новымъ; связь видимая, для насъ доступная, состоитъ въ томъ, что смѣна Ветхаго Завета Новымъ условила сильнѣйшій прогрессъ у народовъ, принявшихъ христіанство, и только; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы человѣчество для своего земнаго бытія нуждалось не въ двухъ заветахъ, а въ пяти или шести. Такимъ образомъ то, что мы называемъ прогрессомъ человѣчества, въ историческомъ смыслѣ условилось тѣмъ, что даровитые и въ выгодное положеніе поставленные народы, по смерти своей, были смѣнены даровитыми же и въ еще болѣе выгодное положеніе поставленными народами. Идти дальше этого явленія историкъ не имѣетъ никакого права.

Человѣчество нуждается, говорятъ, въ новой религіи, ибо христіан-

ство не удовлетворяетъ болѣе, и вотъ его вина: „Есть прогрессъ индивидуальный и прогрессъ социальный: какое же между ними отношеніе? Ограничивать прогрессъ учрежденіями социальными и политическими есть заблужденіе, въ которомъ виновны социалисты. Социалисты забываютъ, что человѣкъ есть виновникъ прогресса; слѣдовательно, онъ долженъ совершенствовать общество; но какъ онъ это сдѣлаетъ, если самъ останется неподвиженъ? Пусть помѣстятъ дивара въ самое совершенное общество: онъ возвратится въ свои лѣса, ибо найдетъ тамъ существованіе, болѣе соответствующее своимъ вкусамъ и понятіямъ. Хотите преобразовать общество—начинайте съ преобразования человѣка. Есть еще погрѣшность, болѣе важная, въ ученіи социалистовъ: они низводятъ человѣка до животнаго или до машины; нѣтъ нужды до умственнаго и нравственнаго развитія, лишь бы машина была искусно устроена; человѣкъ низведенъ до инструмента; не онъ становится цѣлью, но общество, вслѣдствіе чего индивидуумъ поглощается обществомъ, уничтожается. Но есть другая крайность, состоящая въ томъ, чтобы все приписывать индивидууму, его совершенствованію, и равнодушно смотрѣть на социальныя учрежденія. Это—стремленіе стоицизма, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ христіанское ученіе воспроизвело ошибки стоиковъ. Эпиктетъ равнодушно сносилъ свое рабское состояніе, ибо внутренно онъ былъ свободенъ, освободившись отъ тиранства страстей. И христіанину не было нужды до деспотизма Римской имперіи: гражданинъ небеснаго Иерусалима, пришлецъ въ мірѣ семъ, онъ имѣлъ одну цѣль — обезпечить спасеніе души. Христіане, подобно стоикамъ, забывали, что человѣкъ, по своей природѣ, существо общественное, точно также какъ одаренное разумомъ. Совершенствовать общественныя учрежденія значить трудиться для своего собственнаго совершенствованія. Общество и индивидуумъ находятся подъ взаимнымъ вліяніемъ другъ друга“¹⁾).

Итакъ, выходитъ, что христіане равнодушны къ общественнымъ учрежденіямъ, къ ихъ усовершенствованію. Но вы сами признаете, что общественное совершенствованіе находится въ необходимой связи съ индивидуальнымъ, именно въ связи слѣдствія и причины: общественное совершенствованіе невозможно безъ индивидуальнаго; человѣкъ, не способный, не приготовленный къ лучшимъ учрежденіямъ, уйдетъ отъ нихъ: какимъ же образомъ ученіе, имѣющее цѣлю нравственное совершенствованіе индивидуума, можетъ не имѣть приложенія къ совершенствованію общественному, какъ можетъ быть мыслима причина безъ слѣдствія и слѣдствіе безъ причины? Эпиктетъ могъ быть равнодушенъ къ своему рабскому состоянію, освобождая себя, какъ ему казалось, отъ господства страстей; христіанинъ-рабъ также можетъ быть равнодушенъ къ своему состоянію; но у него есть обязанность любить своего ближняго какъ самаго себя; точно такая же обязанность ле-

¹⁾ Laurent, XII, 75.

жить и на его господи́нѣ. Если бы слабость человѣческая допустила на землѣ такое общество, всѣ члены котораго были бы пронизнуты христіанскимъ чувствомъ, всѣ любили бы другъ друга какъ сами себя и желающіе быть большими были бы всѣмъ слугами, то спрашивается, какой бы имѣли смыслъ слова: рабъ, господи́нъ, деспотизмъ и т. п.; спрашивается, какая была бы нужда измѣнять общественныя и политическія формы? Но христіанство именно ставитъ такое требованіе отъ общества и государства, такой идеаль; измѣненія формъ, прогрессъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ болѣе или менѣе яснаго сознанія этого идеала и отъ невозможности приблизиться къ нему по недостатку средствъ человѣческихъ, отъ невозможности достигнуть высокой степени индивидуальнаго совершенствованія, при которой формы не требовали бы измѣненій. Къ чему, напримѣръ, нужны были бы законныя гарантіи, ограниченія власти, если бы всѣ, владѣющіе и подчиненные, любили другъ друга, какъ сами себя? Христіанство, постановивъ такое высокое нравственное требованіе, которому человѣчество, по слабости своихъ средствъ, удовлетворить не можетъ, — а еслибъ удовлетворило, то упразднили бы измѣненія формъ и прогрессъ, — христіанство, по тому самому, есть религія вѣчная. Извѣстная религія тогда только можетъ уступить мѣсто другой высшей, когда человѣчество, въ своемъ развитіи, переступить ея требованія, которыя окажутся ниже его нравственныхъ стремленій, какъ и дѣйствительно случилось съ религіями наиболѣе развитыхъ народовъ древности передъ пришествіемъ Спасителя; но когда требованія, выставленныя религіею, такъ высоки, что пребудутъ для человѣчества недосыгаемымъ идеаломъ, то какое основаніе мечтать о какой-то новой высшей религіи? Позволительна ли такая мечта на основаніи прогресса, когда прогрессъ именно условливается недосыгаемостію идеала? Такимъ образомъ прогрессъ нисколько не противорѣчитъ христіанству, ибо онъ есть произведеніе слабости человѣческихъ средствъ и высоты религіозныхъ требованій, поставленныхъ христіанствомъ; христіанство поднимаетъ человѣчество на высоту, и это-то стремленіе человѣчества къ идеалу, выставленному христіанствомъ, есть прогрессъ въ мірѣ нравственномъ и общественномъ.

Прогрессъ освящается христіанствомъ и противорѣчитъ ему не можетъ. Но въ то же время христіанство, ставя наивысшій идеаль, не можетъ имѣть дѣла непосредственно ни съ какими общественными и политическими формами, потому что если бы христіанство остановилось на какихъ-нибудь формахъ и освятило ихъ, то этимъ самымъ оно прекратило бы прогрессъ. Нашимъ философамъ желательны теперъ извѣстныя общественныя и политическія формы, и они негодуютъ на христіанство, зачѣмъ оно не освятило ихъ; но хороши повлонники прогресса, которые думаютъ, что развитіе этихъ формъ уже закончилось! Если же оно не закончилось, то зачѣмъ требовать отъ христіанства, чтобъ оно освящало формы преходящія, и связываясь съ ними, дѣлалось бы необходимою религіею временною? Наши философы чувству-

ють свою опасность въ этомъ вопросѣ и стараются избѣжать ея; они говорятъ: „Справедливо, что Иисусъ Христосъ произноситъ глубоко-мысленное слово, которое служитъ какъ бы постояннымъ побужденіемъ къ совершенствованію: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ“. Если человѣкъ, существо несовершенное по своей природѣ, долженъ безпрестанно приближаться къ совершенству Создателя, то чрезъ это ему задается безконечная работа совершенствованія. Вотъ, повидимому, прогрессъ, и прогрессъ безконечный. Но онъ не производится работою человѣка, и поэтому здѣсь не можетъ быть рѣчи о совершенствованіи. Какъ нѣтъ прогресса, если Богъ открываетъ истину міру путемъ чудеснымъ, такъ точно нѣтъ прогресса, если человѣкъ получаетъ сверхъестественный свѣтъ благодати. Философы также допускаютъ божественное вдохновеніе, руководство Провидѣнія; но они допускаютъ ихъ чрезъ посредство человѣчества, и разумъ есть орудіе индивидуальнаго совершенствованія, точно также, какъ и социальнаго прогресса“¹⁾. Отчаянное средство не удалось: хотя и есть прогрессъ, да нѣтъ его; хотя мы и допускаемъ божественное дѣйствіе, божественную помощь, божественное руководство, но не допускаемъ ничего этого иначе, какъ черезъ разумъ человѣческой. Вамъ такъ угодно, гг. философы, вамъ не нравится средство совершенствованія, признаваемое христіанами; но своимъ не позволительнымъ уклоненіемъ отъ настоящаго дѣла къ вопросу о средствахъ вы не достигаете цѣли: остается очевиднымъ, что христіанство требуетъ безконечнаго прогресса: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ“.

Ударъ направленный противъ христіанства во имя прогресса, не достигаетъ цѣли: оказывается, что христіанство требуетъ безконечнаго прогресса. Для нашихъ философовъ остается рядъ жалкихъ придирокъ, издавна повторяемыхъ. Разсмотримъ и эти придирки.

„Зачѣмъ, говорятъ, Иисусъ Христосъ и апостолы не осудили рабства? Изъ этого ясно, что христіанство есть религія индивидуальная, имѣетъ дѣло только съ отдѣльнымъ человѣкомъ, занимается только его спасеніемъ, введеніемъ его въ общеніе святыхъ: вотъ единственная свобода, единственное равенство, единственное братство, которыя имѣютъ въ виду ученики Христа. Міръ политическій они оставляютъ кесарю и прилаживаются ко всѣмъ формамъ правленія²⁾. Отвѣчаемъ: если религія требуетъ, чтобъ я видѣлъ въ рабѣ брата, то этимъ она укрѣпляетъ или ослабляетъ, подкапываетъ рабство? Разумѣется,—второе. Если бы христіанство обратилось къ народамъ съ требованіемъ уничтоженія рабства, то прежде всего они не признали бы такой религіи; но христіанство, отрекаясь отъ всякихъ политическихъ формъ, обратилось къ человѣку съ своими требованіями индивидуальнаго совершенствованія; лучшие люди, наиболѣе способные къ совершенствованію, послушались призыва, христіанство утвердилось и начало под-

¹⁾ Laurent, XII, 85, 86.

²⁾ Laurent, XII, стр. 21.

капывать не нравственные явления въ обществахъ, въ томъ числѣ и рабство. Что частные люди передъ смертію начали отпускать рабовъ, думая видѣть въ этомъ дѣло угодное Богу, очищающее грѣхи, показывается лучше всего, какъ христіанство дѣйствовало противъ рабства, какъ приготавливало его уничтоженіе, воспитывая народъ въ томъ понятіи, что рабство—дѣло не хорошее, что нельзя имѣть рабомъ человѣка, искушеннаго кровію Спасителя, человѣка, который есть храмъ Духа Св., и т. д. Христіанство, отрекаясь отъ временныхъ политическихъ формъ, доступно всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ народамъ, на какой бы степени развитія они ни находились, и ведетъ ихъ къ возможному совершенствованію, не насилуя ихъ, не требуя отъ младенца того, что доступно только взрослому, но во всякое время, во всякомъ возрастѣ отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, дѣйствуя благодѣтельнымъ, смягчающимъ образомъ. Въ то время, когда экономическія и другія препятствующія развитію условія не позволяютъ народу освободиться отъ рабства, христіанство дѣйствуетъ, смягчая отношенія, преклоняя на милосердіе господъ, доступныхъ его внушеніямъ, и поднимая нравственно рабовъ. Рабство и теперь не исчезло изъ христіанскихъ странъ въ разныхъ своихъ видахъ, и неизвѣстно, когда исчезнетъ; но христіанство будетъ всегда обнаруживать свое смягчающее вліяніе. Извѣстно, что въ странахъ наиболѣе развитыхъ и обильныхъ народонаселеніемъ, гдѣ предложеніе труда превышаетъ требованіе, владѣлецъ промышленнаго заведенія можетъ относиться къ работникамъ совершенно какъ господинъ къ рабамъ, и можетъ позволять себѣ въ отношеніи къ нимъ безнаказанно такіе же безнравственные поступки, если отказался отъ христіанства, какъ религія, не удовлетворяющей болѣе его высокимъ потребностямъ, и ждетъ построенія храма новой, высшей религіи.

Упрекаютъ христіанство за нетерпимость и говорятъ, что терпимостью мы обязаны философіи XVIII вѣка. Здѣсь видно также отсутствіе правильнаго историческаго взгляда. Христіане считали и считаютъ своею обязанностію проповѣдывать, распространять свою религію и охранять ее; въ вѣка грубости то и другое могло совершаться средствами насилія; во времена, отличающіяся большею мягкостію нравовъ, это совершается другими средствами; но эту мягкость произвело то же христіанство, по своей сущности, какъ религія любви. Утверждать противное значитъ отказаться отъ историческаго и всякаго смысла, отнять у христіанства его историческое значеніе и пойти прямо къ отрицанію прогресса. Христіанство ведетъ борьбу съ невѣріемъ, и не должно думать, что эта борьба недавняя, что ее надобно начинать съ XVIII вѣка. Мы встрѣчаемся съ невѣріемъ во всѣ вѣка; во всѣ вѣка встрѣчаемся съ людьми, которые говорятъ: „жестоко слово это; кто его можетъ послушать?“ Но въ одни времена болѣе не вѣрующихъ тайно: одни—люди равнодушные, исполняющіе религіозныя обязанности по привычкѣ, ибо всѣ окружающіе такъ дѣлаютъ; нѣтъ движенія, которое возбуждало бы ихъ къ противоположному, не слы-

шеніе исключительнымъ своимъ дѣломъ; если она разрушала, то для того, чтобы на мѣстѣ стараго зданія воздвигнуть новое“. Теперь послушаемъ, чѣмъ дѣло кончилось. „Начавшись противъ суевѣрія, борьба кончилась враждою ко всякой религіи и даже нравственности. Дошли до матеріализма, до отрицанія Бога, духовной стороны въ человѣкѣ, до отрицанія свободы, нравственнаго закона, дошли до фатализма. Всѣ эти выводы были допущены свободными мыслителями XVIII вѣка, правда не безъ протеста. Руссо и Вольтеръ протестовали противъ атеизма и его гибельныхъ послѣдствій, но ихъ голосъ не былъ услышанъ; самые смѣлые шли до конца, и на концѣ находили то, что по справедливости можно назвать ничтожествомъ. Если здѣсь вся философія XVIII вѣка, то надобно осудить ее рѣшительно, ибо она ложна въ основаніи. Поспѣшимъ сказать, что то, что принимаютъ за ученіе философовъ, не есть ихъ настоящее ученіе: это только оружіе противъ христіанства, искаженнаго церковію. Въ глазахъ XVIII вѣка религія была синонимомъ суевѣрія, жреческихъ плутней, господства духовенства; онъ не хотѣлъ этого ни подъ какимъ видомъ, и потому не хотѣлъ поддерживать идеи Бога, безсмертія души, то-есть, основныхъ догматовъ всякой религіи, потому и присталъ преимущественно къ матеріалистическому ученію“ ¹⁾. — Хорошо объясненіе и вмѣстѣ оправданіе! Люди шли послѣдовательно отъ одного вывода къ другому и дошли до ничтожества. Но это, говорятъ, не есть ученіе, это только оружіе. А въ XIX вѣкѣ развѣ нейдутъ тою же дорогой и не доходятъ точно такимъ же образомъ до ничтожества? Гдѣ же настоящее ученіе? Гдѣ же новое зданіе, имѣющее быть построеннымъ изъ ничтожества, ибо ничего другаго въ результатѣ не оказалось? Матеріалъ отличный! Пора, кажется, приниматься за работу. А между тѣмъ старое зданіе все стоитъ невредимо; оружіе, противъ него направленное, оказывается недѣйствительнымъ.

Повторяютъ, что христіане равнодушны къ міру сему, ибо религія Христа есть религія другаго міра; христіанамъ нѣтъ дѣла до извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ формъ. Но мы уже говорили о томъ, что религія вѣчная не должна быть связана ни съ какими временными, преходящими формами, ибо въ противномъ случаѣ она остановила бы прогрессъ и упразднила бы свободную волю человѣка, или перестала бы быть вѣчною. Говорятъ: „Надобно достигнуть такой религіи, которая бы давала удовлетвореніе натурѣ конечной человѣка и вмѣстѣ его натурѣ безконечной: человѣку нужна религія этого и другаго міра; противоположность между этимъ и другимъ міромъ должна исчезнуть“ ²⁾. Спрашивается, какое другое удовлетвореніе можетъ дать религія конечной натурѣ человѣка, кромѣ того, которое дается ей въ христіанствѣ! Кинуть темную фразу объ уничтоженіи противоположности между настоящею и будущею жизнію, объ

¹⁾ Laurent, XII, 42, 43.

²⁾ Laurent, XII, 53.

удовлетвореніи потребностямъ конечной и безконечной природы, и думаютъ, что сказали что-нибудь, рѣшили что-нибудь. Человѣкъ при условіяхъ земной жизни стремится къ подчиненію себя потребностямъ своей конечной природы; чтобы не допустить его до совершеннаго подчиненія этимъ потребностямъ, надобно его безпрестанно будить, указывать ему на необходимость удовлетворять потребностямъ безконечной его природы, что и есть дѣло религіи. Религіи не нужно внушать человѣку, чтобы онъ удовлетворялъ потребностямъ своей конечной природы; это онъ сдѣлаетъ безъ всякаго внушенія; но величайшаго труда стоитъ ему оторваться отъ удовлетворенія этимъ потребностямъ и удовлетворить другимъ; религія напоминаетъ ему объ этомъ; но однихъ напоминаній мало; нуженъ примѣръ, и являются избранники, которые показываютъ возможность для человѣка освободиться изъ подъ гнетащаго вліянія потребностей конечной природы и удовлетворять преимущественно потребностямъ природы безконечной по предписаніямъ религіи. Противъ этихъ-то людей и вооружаются наши философы, ихъ то и упрекаютъ въ оставленіи міра сего для міра инаго, въ нарушеніи равновѣсія между потребностями двухъ природъ человѣка, конечной и безконечной. Но посмотримъ, можетъ ли быть и должно ли быть поддерживаемо это равновѣсіе? Какъ скоро вы произнесли эти два слова: *конечное* и *безконечное*, то вы уже опредѣлили, что одно, безконечное, выше другаго, конечнаго, и послѣднее необходимо должно находиться въ подчиненномъ отношеніи къ первому. Наши философы утверждаютъ, что человѣка по смерти ждетъ не рай и не адъ, но прогрессъ, дальнѣйшее развитіе. Имъ при этомъ выгодно скрыть правду, правосудіе; но такой отчаянный способъ пользы имъ не приноситъ. Кто изъ людей, убѣжденныхъ въ существованіи будущей жизни, можетъ отрѣшиться отъ представленія, что въ этой высшей жизни будетъ господствовать правда, что каждому, слѣдовательно, воздастся по дѣламъ его? Умалчивая объ этомъ, наши философы дѣлаютъ упрекъ христіанству въ томъ, будто оно внушаетъ своимъ послѣдователямъ корыстное побужденіе къ добру: поживешь хорошо, будешь въ раю; станешь вести себя здѣсь дурно, попадешь въ адъ. Но философы наши умалчиваютъ и здѣсь о главномъ, а именно о томъ, что христіанство предписываетъ своимъ послѣдователямъ любовь, исключаящую всякое корыстное побужденіе; въ христіанствѣ проповѣдывается и величайшее милосердіе въ случаѣ обращенія отъ зла къ добру, но вмѣстѣ проповѣдывается и правда: иначе не была бы удовлетворена одна изъ самыхъ важныхъ потребностей нравственной природы человѣка. Наши философы утверждаютъ, что нѣтъ ни рая, ни ада, но есть прогрессъ въ будущей жизни; но такъ кидать словами нельзя, надобно объяснить. Если человѣкъ не исчезнетъ по смерти, но будетъ продолжать существованіе, и притомъ будетъ развиваться, совершенствоваться, прогрессъ долженъ находиться въ необходимой связи съ здѣшнимъ его существованіемъ. На какой ступени развитія переняла его смерть, отъ той онъ долженъ поступать къ дальнѣйшему совершен-

ствованію. Но однихъ смерть застаеъ на самой низкой ступени духовнаго развитія, другихъ на высокой; такъ какъ въ развитіи скачковъ быть не можетъ и на этомъ основаніи нельзя предположить, чтобы по смерти всѣ люди были равны, то необходимо слѣдуетъ допустить, что существованіе людей по смерти будетъ различное на основаніи той степени развитія, какой они достигли въ здѣшнемъ мірѣ; существованіе того человѣка, который начинаетъ свое развитіе съ высшей ступени, будетъ естественно выше и блаженнѣе существованія того человѣка, который долженъ будетъ начинать съ низшей ступени, первый уйдетъ далеко впередъ вторымъ. А высшая ступень развитія что нибудь да значить: вѣдь это высшая ступень блаженства. Если человѣкъ, принявшій ученіе нашихъ философовъ о прогрессѣ въ будущей жизни, сдѣлаетъ приведенный выводъ (а не сдѣлать его онъ не можетъ), то онъ непремѣнно скажетъ самому себѣ: за гробомъ ждешь меня дальнѣйшее развитіе на основаніи здѣшняго, но ясно, что при другихъ условіяхъ; тѣло свое оставлю здѣсь, слѣдовательно, тамъ будетъ развиваться только моя духовная сторона, на основаніи того развитія, какое я дамъ ей здѣсь; слѣдовательно, я долженъ преимущественно заботиться о томъ, что останется со мною, а не о томъ, что погибнетъ; и по христіанскому ученію будетъ тѣло, да другое; условій здѣшней жизни не будетъ, люди будутъ жить какъ ангелы. Такимъ образомъ, если наши философы, отвергая, какъ они говорятъ, странности матеріализма и мечты пантеизма, основываясь на общемъ сознаніи, допустить будущую жизнь; какъ скоро подлѣ смертности тѣла, подлѣ прекращенія условій здѣшней жизни, будетъ поставлено безсмертіе души, то какъ бы ни представляли они будущую жизнь, никто не придетъ къ заключенію, что возможна религія, въ которой исчезла бы противоположность между этимъ и другимъ міромъ; необходимый выводъ будетъ тотъ, что надобно принять между обоими мірами отношеніе, постановленное въ христіанствѣ: „Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и вся сія приложатся вамъ“. „Вся сія“, то есть, удовлетвореніе потребностямъ конечной природы человѣка; условія здѣшней жизни не отвергаются, благословляются, но поставлены въ правильное отношеніе къ безконечному, то есть, въ подчиненное, зависимое. Правильность этого отношенія оказывается на ежедневномъ опытѣ: только удовлетворительное нравственное состояніе человѣка и общества обезпечиваетъ имъ и матеріальное благосостояніе; и до какой бы степени могло достигнуть послѣднее, если бы вмѣсто мечты о построеніи храма новой религіи побольше людей занялись исполненіемъ предписаній старой, занялись бы водвореніемъ любви и правды между ближними. „Вся сія“ приложились бы.

И такъ, какъ скоро предполагается будущая жизнь, то конечное необходимо становится въ подчиненное отношеніе къ безконечному. Вотъ почему люди, желающіе, какъ они говорятъ, *возстановить права материіи*, такъ вооружаются противъ безсмертія; отсюда всѣ „странности матеріализма и мечты пантеизма“. Но, удерживая вѣру въ без-

смертіе души, требовать, чтобы уничтожена была противоположность между здѣшней и загробною жизнью, это всего страннѣе и мечтабельнѣе; отношеніе между ними можетъ быть только такое, какое постановлено въ христіанствѣ. Здѣшняя жизнь необходимо является временною и слишкомъ кратковременною въ сравненіи съ вѣчностію, съ будущимъ, является необходимо приготовленіемъ къ этому будущему; слѣдовательно, все вниманіе должно быть обращено на эту цѣль; но такъ какъ стремленія, отвлекающія вниманіе человѣка отъ этой цѣли и погружающія его вполне въ здѣшнюю земную жизнь, страшно могущественны, то религія постоянно возвращаетъ его вниманіе къ настоящей цѣли бытія, при чемъ сильно дѣйствуетъ примѣръ людей, богатыхъ духовными средствами, которые умѣли не терять изъ виду этой цѣли. Упрекать этихъ людей, то есть, истинныхъ христіанъ, въ томъ, что они для будущаго забываютъ настоящее, есть безсмыслица. Надобно поставить вопросъ прямо: забываютъ ли эти люди свои обязанности къ настоящему? И какъ они могутъ забыть ихъ, когда главная обязанность, имъ предписанная, есть любовь къ ближнему, когда, по ихъ ученію, блаженная будущность будетъ для нихъ потеряна, если они въ каждомъ страдающемъ ближнемъ не будутъ видѣть Бога и откажутъ ему въ помощи? Развѣ можно истиннаго христіанина приравнять къ тѣмъ безнравственнымъ лицамъ, которыя выражали свой крайній эгоизмъ, свое равнодушіе къ участи ближнихъ, долженствовавшихъ остаться послѣ нихъ на землѣ, знаменитымъ выраженіемъ: „Послѣ насъ потопъ!“ Развѣ та же самая любовь не заставляетъ христіана заботиться и о будущности общества, гдѣ послѣ него остаются тѣ же ближніе? И развѣ исполненіе обязанности къ ближнему, предписываемое христіанствомъ, не ведетъ прямо къ благосостоянію общества? Христіанинъ, говорятъ, долженъ, по своему ученію, терпѣть обиды, и потому не можетъ содѣйствовать утверженію правды въ обществѣ, обузданію насилій сильнаго. Но говорить такимъ образомъ значить самымъ недобросовѣстнымъ образомъ притворяться не понимающимъ дѣла, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ обходить сущность его. Дѣйствительно, христіанинъ обязанъ терпѣть обиды, ему наносимыя; но развѣ онъ обязанъ терпѣть обиды, наносимыя его ближнему? Развѣ тутъ не предписано ему положить душу свою за него? Христіанство предписываетъ своему послѣдователю то, что мы называемъ великодушіемъ, и то, что мы называемъ гражданскимъ мужествомъ,—добродѣтели, на которыхъ зиждется благосостояніе общества. Доходятъ до того, что упрекаютъ христіанство въ стремленіи уничтожить идею права, потому что апостоль Павелъ упрекаетъ Коринтскихъ христіанъ за ихъ любовь къ тяжбамъ! Говорятъ ¹⁾: „Если бы всѣ христіане послѣдовали апостолу, то что бы случилось съ правосудіемъ? Скажутъ: въ немъ бы не было нужды. Да, не было бы нужды,

¹⁾ Laurent, XII, 204.

если бы мы были на седьмомъ небѣ; но мы на землѣ, мы существа несовершенныя,⁵ хотя и стремящіяся къ совершенству, и потому правосудіе есть необходимость нашей природы. Религія, которая уничтожаетъ идею права, годна не для общества, годна только для монаховъ“. Хорошъ выводъ! Мы на землѣ, мы существа несовершенныя, хотя и стремящіяся къ совершенству; но спрашивается: большое количество тяжбъ есть ли признакъ общества болѣе совершеннаго? Что же, по вашему, апостолу Павлу слѣдовало похвалить Коринѳянь за то, что между ними было много тяжбъ? Не безпокойтесь, тяжбы не прекратятся; но важно то, чтобы судьи слѣдовали предписаніямъ христіанства, подчинялись требованіямъ своей безконечной природы, и тогда будетъ правосудіе; если же они будутъ подчиняться потребностямъ своей конечной природы, то правосудіе исчезнетъ.

Но любопытнѣе всего то, что подобныя выходки противъ христіанства, противъ его неспособности удовлетворять болѣе потребностямъ общества, противъ его стремленія отвлечь людей отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей дѣлаютъ писатели, занимающіеся исторіею; дѣлая эти выходки, они совершенно забываютъ, что сами прежде говорили о дѣятельности христіанъ на общую пользу. Вотъ что они, напримѣръ, говорили ¹⁾: „Провинціи Римской имперіи, безпрестанно опустошаемыя народами Сѣвера, ежедневно призывали на помощь мирное вмѣшательство епископовъ. Нѣкоторые изъ нихъ нашли славную смерть, идя противъ ярости варваровъ, еще язычниковъ, и потому нечувствительныхъ къ увѣщаніямъ, которыхъ не понимали. Но иногда мужество епископа поражаемо побѣдителя; варвары изумлялись, когда ихъ останавливалъ старикъ; они удивлялись душевной силѣ и повиновались иногда какъ дѣти. Въ древности не было связи между народами, паганизмъ былъ источникомъ ненависти и угнетенія, тогда какъ христіанство сдѣлало изъ всѣхъ людей братьевъ. Благотворительность святыхъ цѣлила язвы, которыхъ они не могли предотвратить. Св. Амвросій безпрестанно взывалъ къ благотворительности въ пользу плѣнныхъ: „Самое богоугодное дѣло, говоритъ онъ, возвратитъ отечеству гражданина, отцу его ребенка и спасти цѣломудріе женщинъ“. Онъ жертвовалъ церковными сосудами для выкупа плѣнныхъ. „Лучше, говорилъ онъ, сберечь души для Бога, чѣмъ золото. Онъ не далъ своимъ апостоламъ золота для проповѣданія Евангелія“. Нужна была благотворительность, доведенная до героизма, для облегченія такихъ страшныхъ страданій. Св. Елифаній стоялъ въ уровень своему положенію; но онъ нашелъ себѣ достойнаго соперника въ апостолѣ Норики, св. Северинѣ. Северинъ удался сначала въ одну изъ восточныхъ пустынь; но неодолимое призваніе извлекло его изъ пріятнаго уединенія и поставило среди варваровъ. Ему предложили епископство; онъ отказался, чтобы посвятить

¹⁾ Laurent, V, 70 и слѣд.

всего себя подвигаемъ благотворительности. Онъ утвердилъ свое пребываніе въ странахъ придунайскихъ, гдѣ происходило непрерывное движеніе варварскихъ народовъ; опустошенія, рѣзня, плѣненіе были событіями ежедневными. Северинъ поднялъ мужество побѣжденныхъ, человѣкъ мира явился сильнѣе воинъ. При видѣ его варвары испытывали чувства уваженія и страха: святой пользовался этимъ, чтобы удалить ихъ или заставлять ихъ отпускать плѣнныхъ. Апостолъ Норрики поучалъ побѣжденныхъ сносить лишенія ихъ бѣдственной жизни, налагалъ на самого себя произвольныя лишенія, и т. д.". Слишкомъ долго было бы исчислять примѣры исполненія гражданскихъ обязанностей во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ, которые представляетъ намъ исторія христіанства. И послѣ этого рѣшится толковать, что христіанство есть религія другаго міра, что оно препятствуетъ исполненію нашихъ обязанностей здѣсь на землѣ! Какъ будто основная заповѣдь христіанства, заповѣдь любви, не условливаетъ необходимо исполненія этихъ обязанностей, ибо требуя самоотверженія, христіанство требуетъ самаго горячаго участія къ судьбѣ ближнихъ, а развѣ человѣкъ можетъ быть отдѣленъ отъ общества? Указываютъ на людей, бѣжавшихъ отъ общества, удалившихся въ пустыни и упрекаютъ ихъ за то, что въ этомъ удаленіи они видѣли наивысшее исполненіе требованій христіанства; но забываютъ, что пустыня не оставалась запертою для общества, которое нуждалось въ примѣрѣ людей, сильныхъ духомъ, могущихъ, во имя высшихъ требованій, отказаться отъ всего того, что имѣетъ для большинства неотразимую прелесть. Развѣ ежедневный опытъ не показываетъ намъ, что привязанность къ тѣлу, чѣмъ пренебрегли пустынники, служить для человѣка побужденіемъ ко всему дурному, ко всякой неправдѣ, именно заставляетъ его измѣнять общественнымъ интересамъ, не исполнять гражданскихъ обязанностей, отчего и страдаетъ общество: отсюда необходимость и высокое значеніе явленія, что человѣкъ можетъ стать выше всѣхъ этихъ мелкихъ интересовъ и привязанностей. Развѣ исторія не показываетъ намъ, что въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ воспитывались герои христіанства, проповѣдники, совершавшіе такіе подвиги, какіе были не подъ силу людямъ, оставшимся въ обществѣ? Пусть человѣкъ, называющій себя историкомъ, скажетъ, положа руку на сердце, что монашество даромъ приобрѣло важное значеніе и могущественное вліяніе на общество. Если же не даромъ, то для чего эти выходки противъ него, выходки противъ христіанства за то, что оно произвело и освятило такое явленіе?

Въ заключеніе мы можемъ посоветовать одно нашимъ философамъ: не становиться на историческую почву; это для нихъ крайне опасно.

1858 г.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

У нашего героя древнее и знаменитое происхождение... Восточный вопросъ появился въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ европейскій чело-вѣкъ созналъ различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ духомъ. Восточный вопросъ составляетъ сущность исторіи древней Греціи; всѣ эти имена, знакомыя намъ съ малолѣтства, имена Мильтіадовъ, Фемистокловъ, близки, родственны намъ потому, что это имена людей, потрудившихся при рѣшеніи Восточнаго вопроса, потрудившихся въ борьбѣ между Европою и Азіею. Ожесточенная борьба проходитъ чрезъ всю Европейскую исторію, проходитъ съ перемеж-нымъ счастіемъ для борющихся сторонъ: то Европа, то Азія беретъ верхъ; то полчища Ксеркса наводняютъ Грецію, то Александръ Македонскій съ своею фалангою и Гомеровою Илиадою является на берегахъ Евфрата; то Аннибалъ около Рима, то римскіе орлы въ Кар-тагенѣ и въ его метрополіи; то Гунны на поляхъ Шалонскихъ и Ара-витяне подлѣ Тура, то крестоносная Европа въ Палестинѣ; то татар-скій баскакъ развѣзжаетъ по русскимъ городамъ, требуя дани, и крымскій ханъ жжетъ Москву, то русскія знамена въ Казани, Астра-хани и Ташкентѣ; то Турки снимаютъ крестъ съ св. Софіи и раски-дываютъ дикій станъ среди памятниковъ древней Греціи, то турецкіе корабли горятъ при Чесмѣ, при Наваринѣ, и русское войско стоитъ въ Адрианополѣ. Все одна великая борьба, все одинъ Восточный вопросъ.

Но, разумѣется, Восточный вопросъ имѣетъ наибольшее значеніе для тѣхъ европейскихъ странъ, которыя граничатъ съ Азіею, кото-рыхъ борьба съ нею составляетъ существенное содержаніе исторіи: таково значеніе Восточнаго вопроса въ исторіи Греціи, таково его зна-ченіе въ исторіи Россіи вслѣдствіе географическаго положенія обѣихъ странъ. Слѣдуетъ шесть вѣковъ съ начала основанія русскаго госу-дарства протекло для него въ постоянной и тяжелой борьбѣ съ азіат-скими варварами. Благодаря этой борьбѣ русская историческая жизнь

отлила отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ степной Украйны, наиболѣе подверженной опустошительнымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ, въ лѣсную сторону, болѣе безопасную отъ нихъ, и тутъ то сложилось государство, которое къ концу XVI вѣка вывезало явное торжество Европы надъ Азією. Досугъ, полученный вслѣдствіе торжества Европы надъ Азією, далъ возможность нашему народу обратиться къ западу за полученіемъ своей доли въ наслѣдствѣ грекоримской цивилизаціи, подѣленной западно-европейскими народами. XVI вѣкъ въ нашей исторіи представляетъ поворотъ отъ востока къ западу, отъ степи къ морю. Степь и море—двѣ формы, равно противоположныя въ своихъ вліяніяхъ на исторію: какъ благотѣльно вліяніе моря, которое соединяетъ народы, возбуждаетъ ихъ силы, постоянно служитъ проводникомъ цивилизаціи, такъ вредно вліяніе степи, которая разбиваетъ народы и безпрестанно извергаетъ изъ себя хищныя орды, эти бичи Божіи, умѣющіе только разрушать, а не созидать. Подъ этимъ то тлетворнымъ вліяніемъ степи прожила Россія свою древнюю исторію, въ тяжкомъ трудѣ созиданія государства, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, отбиваясь и отбивая Европу отъ исчадіи степи; подъ этимъ то тлетворнымъ вліяніемъ степи жила Россія въ то время, когда Западная Европа жила подъ благотѣльнымъ вліяніемъ моря и достигла такого широкаго развитія своихъ силъ. Легко понять, почему Россія, совершивши великій подвигъ на востокѣ, освободивши себя и Европу отъ вліянія степи, стала стремиться къ западу, за живую водою моря. Но тутъ роковое столкновеніе: въ то самое время, какъ Россія, торжествуя на востокѣ, обращается на западъ для собранія своей земли и для достиженія моря, другое славянское государство—Польское, стремится къ ней на встрѣчу съ запада на востокъ и сталкивается съ нею въ самыхъ существенныхъ ея интересахъ, именно въ собраніи русской земли и въ движеніи къ морю. Польша, самое сильное изъ Западныхъ Славянскихъ государствъ, не умѣла исполнить своей обязанности въ отношеніи къ западнымъ славянамъ, которыхъ должна была быть естественной опорой. Польша не сдержала натиска нѣмцевъ, дала имъ онѣмечить Силезію, Померанію, не умѣла сдержать пруссовъ, для борьбы съ ними призвала также нѣмцевъ, которые, онѣмечивъ Пруссію, сдѣлались опасными сосѣдами для самой Польши. Но если Польша теряла на западѣ, уступая передъ нѣмцами, то за эти потери она спѣшила вознаградить себя на востокѣ: она захватила Галичъ, устроила бракъ владѣльца другихъ западныхъ русскихъ областей, литовскаго великаго князя Ягайлы, съ своею королевною Ядвигаю, имѣя въ виду соединеніе Литвы съ Польшею, настойчиво стремилась къ этому соединенію, достигла его и начала, подъ знаменемъ католицизма, усиливать польскій элементъ въ русскихъ областяхъ. Но въ это же время, какъ уже сказано, Россія, торжествуя на востокѣ и сильная внутреннею крѣпкою верховною властью, поворачивала съ востока на западъ и столкнулась съ Польшою, стремившеюся на востокъ и захватывавшею русскія области. „Все эти области

исплати наши отчины!" объявила истинные соборники русским землям, и началась кровавая распря за Смоленскъ и Киевъ.— омерзительная борьба во время которой во польскихъ знаменахъ развѣвали на древне-славянскія стѣны, во русскія въ Вѣльскъ. Кровавъ мѣсто русскія земли, Польша вышла на переваръ и стремленіе Руси къ морямъ благодаря талантамъ Баторія, она выхватила Ливонію изъ лапъ руки у Казана IV и слѣдующимъ на столбѣ оттолкнула Россію отъ моря, но добрая не пошла въ прокъ Польшѣ: скоро она должна была уступить ее Швеціи. Въ концѣ XVII вѣка исходъ борьбы обобщился иже: у Польши, вслѣдствіе внутренней бѣдѣ и истребленій угаромъ, уже начиналась агонія, а Россія усиливалась все болѣе и болѣе. Но въ то время, когда Польскій вопросъ вслѣдствіе ослабленія Польши, пералъ свое прежнее значеніе для Россіи, вопросъ Восточный принималъ новую постановку.

Мы видѣли, что на великой восточной равнинѣ въ XV и XVI вѣкахъ Европа торжествовала въ лицѣ Россіи надъ Азіей: здѣсь Азія должна была преклониться передъ молодыми и крѣпкими государствами европейскими: на противоположномъ концѣ, на юго-западѣ, на Пиринейскомъ полуостровѣ, Азія также должна была уступить передъ молодымъ и крѣпкимъ европейскимъ государствами: но на юго-востокѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, у Европы было слабое мѣсто, одрагѣнная имперія Византийская. Азія, въ лицѣ турокъ, водстергла это слабое мѣсто, овладѣла Константинополемъ, утвердилась на полуостровѣ и стала грозить сосѣдямъ—Италіи, австрійскимъ владѣніямъ, Польшѣ, отчасти, покровительственно, и Россіи. Наиболее угрожаемы Турками державы были греческія въ цѣлой Европѣ; но Европа этого времени, занятая своими сильными движеніями и борьбами, не могла отозваться общимъ дружнымъ движеніемъ на востокъ, крестовымъ походомъ, и турки пользуются благоприятными обстоятельствами, пользуются усобицами европейскими. Азія не въ первый разъ приходилось пользоваться ими; и въ борьбѣ древней Греціи съ Персіей темнымъ пятномъ лежитъ безславный, иамѣнический Анталкидовъ миръ, когда Спарта отдала поркамъ греческія малоазіатскія колоніи; и въ новой исторіи Восточнаго вопроса не обошлось безъ подобныхъ же явленій. Франція, чтобы имѣть помощь въ борьбѣ съ Габсбургами, заключаетъ союзъ съ султаномъ и остается вѣрна этому союзу, который, конечно, нельзя назвать священнымъ: за то антихристіанскіе писатели и прославляютъ подвигъ Франціи, которая, по ихъ словамъ, первая вышла изъ узкаго круга христіанскихъ отношеній и оказала услугу Европѣ, введя въ ея политическую систему такой благодѣтельный для европейской цивилизаціи народъ, какъ турки.

Въ западномъ углу Европы, у христіанѣйшихъ королей, у рыцарскаго народа—сочувствіе къ храбрымъ оттоманамъ! Габсбурги, видя это сочувствіе и видя турецкія границы въ недалекомъ разстояніи отъ Вѣны, обращаются на сѣверо-востокъ, шлютъ въ Москву посольство за посольствомъ съ представленіями, что Россія имѣетъ обязан-

ность бороться съ Туреами для защиты своихъ единовѣрцевъ и для полученія наслѣдства, оставленнаго ей Византією. Въ Москвѣ очень хорошо знаютъ обязанности Россіи; но, посылая дорогіе мѣха въ помощь Габсбургамъ противъ турокъ, указываютъ на Польшу, которая лежитъ поперегъ дороги и отнимаетъ у Россіи всякую возможность движенія. Но наступила вторая половина XVII вѣка; тѣло, лежавшее поперегъ дороги, начало разлагаться. Украина двинулась къ своему родному и живому; Россія непосредственно столкнулась съ Турцією, и слѣдствіемъ того было, что она вступаетъ въ союзъ съ Австрією, Венецією и Польшею противъ Турціи; этотъ союзъ, ознаменованный важнымъ успѣхомъ и со стороны Русскихъ, и со стороны Австрійцевъ, и со стороны Венеціанъ, подорвалъ могущество Турціи, которая съ начала XVIII вѣка уже является больнымъ человѣкомъ. Это, разумѣется, должно было дать новую постановку Восточному вопросу, тѣмъ болѣе что подлѣ больного человѣка явился человѣкъ здоровый.

Переворотъ, происшедшій въ восточной Европѣ въ первой четверти XVIII вѣка, отозвался немедленно въ Европѣ тѣмъ, что политическія отношенія ея должны были измѣниться, осложниться, вслѣдствіе появленія новаго сильнаго государства. Для Европы сила Россіи, разумѣется, должна была выказываться не только въ обиліи ея внутреннихъ средствъ, но и въ ея положеніи, чрезвычайно выгодномъ въ политическомъ отношеніи: на югѣ смертельно больная Турція, на западѣ смертельно больная Польша; на сѣверо-западѣ истощенная, принужденная отказаться отъ прежняго важнаго значенія Швеція; здоровый, сильный человѣкъ, окруженный больными, разслабленными. Отсюда особенная чувствительность державъ къ Восточному и Польскому вопросу, отсюда соединеніе этихъ вопросовъ, ибо Россія, за исключеніемъ немногихъ чрезвычайныхъ положеній, постоянно относится къ Европѣ посредствомъ Восточнаго и Польскаго вопросовъ. Поддерживать больныхъ людей противъ здороваго и пытаться, нельзя ли поразиť здороваго человѣка какою нибудь болѣзнію—становится цѣлію политики западныхъ державъ, преимущественно Франціи. Тотчасъ же послѣ Полтавской побѣды, съ которой начинается новое значеніе Россіи для Европы, Франція уже поднимаетъ Турцію противъ Россіи и соединяетъ вопросъ Восточный съ Польскимъ, внушаетъ турецкому правительству, что для него не такъ важно возвращеніе Азова отъ Россіи, какъ то, чтобъ царь отнюдь не вмѣшивался въ дѣла Польши.

Но если западныя державы такъ поставили Восточный вопросъ, если онѣ рѣшили прекратить извѣчную борьбу съ Азією и поддерживать господство послѣдней на европейской почвѣ, то какъ должна была Россія поставить для себя Восточный вопросъ? Россія не менѣе другихъ европейскихъ державъ имѣла побужденія поддерживать Турецкую имперію. Въ 1802 году одинъ изъ русскихъ государственныхъ людей, хорошо знавшій Турцію, на вопросъ—какъ принимать внушенія Наполеона о близкомъ распаденіи Турецкой имперіи, отвѣчалъ: „Или дѣлить Турцію съ Австрією и Францією, или отвратить столь

вредное положеніе вещей. Послѣднее предпочтительно, ибо Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи и нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ, и сохраненіе естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики“. Но это только одна сторона дѣла, потому что кромѣ интереса охраненія Турецкой имперіи, Россія имѣла еще священную обязанность охранять европейскій элементъ народонаселенія этой имперіи отъ гнета азіатскаго элемента. Всѣ европейскія державы, волею—неволею, признавали общую обязанность; но для Россіи здѣсь была еще обязанность особенная—по единовѣрью и единоплеменности; Россія немогла не исполнять этой обязанности, не отказавшись отъ своихъ преданій, отъ своей исторіи, отъ самой себя. Эта то особенная обязанность, это то необходимое вліяніе, при условіи котораго только Россія могла, вмѣстѣ съ другими державами, поддерживать турокъ въ Европѣ, представила новое затрудненіе, возбуждая постоянную ревность другихъ державъ, постоянныя опасенія, чтобъ Россія не перешла границъ необходимо уступленнаго ей вліянія. Въ этомъ трудномъ и натянутомъ положеніи, враждебныя для спокойствія Европы замыслы легко находили готовую для себя пищу, какъ ясно оказалось въ послѣдней Восточной войнѣ, которую союзники кончили своего рода Анталкидовымъ миромъ. Къ Турціи и Польшѣ не переставали обращаться люди, считавшіе своею обязанностію возбуждать вражду къ Россіи. Когда Франція, сближенная съ Россією, политикою реставраціи, оттолкнулась отъ нея революціонною политикою 1830 года, то сейчасъ же пошли составляться программы враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Въ 1831 г. Тьеръ сказалъ въ палатѣ, что существованіе Польши невозможно между Россією, Австрією и Пруссією; ему возразили въ журналѣ ¹⁾: „Есть Польша, возможная между Россією, Пруссією и Австрією; ея границы—Двина и Двѣпръ со стороны Россіи; она должна владѣть берегами Балтійскаго моря отъ устьевъ Двины до устьевъ Вислы. Независимая и сильная Польша необходима для континентальной Европы. Россія въ своемъ положеніи имѣетъ громадныя выгоды передъ всѣми континентальными державами: чего ей стоитъ порисковать 80 или 100 тысячами людей на дорогахъ Швейцаріи, Италіи или Рейна? Истребятъ ея армію, но въ ея предѣлы не войдутъ. Два, три года послѣ пораженія она будетъ въ состояніи начать снова: она вознаградитъ свои потери, лишь только позабудутъ ее на нѣкоторое время въ ея холодныхъ пустыняхъ. Ее можно побороть только революціями, когда ее раздробятъ“. Незадолго передъ тѣмъ генераль Ламаркъ начерталъ передъ палатою планъ восточной кампаніи противъ Россіи: „Какъ возстановить Польшу? Пойдемъ ли мы одни противъ сѣвернаго колосса? Если бы Англія и Франція, которыя имѣютъ общій интересъ въ этомъ великомъ спорѣ, захотѣли прямо вмѣшаться и выслали нѣсколько линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ, нѣсколько транспортовъ, ко-

¹⁾ National, 22 Сентября 1831.

торые бы вошли въ Черное море. уничтожили Севастополь и его эскадру, Одессу и ея магазины!“

Не смотря на все желаніе поддержать больного человѣка, болѣзнь очевидно смертельная; агонія можетъ быть продолжительная, но все же это агонія. Волею—неволею надобно будетъ когда-нибудь распорядиться наслѣдствомъ послѣ умершаго. И здѣсь у насъ есть свои преданія: „Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи. Это было принято ею за правило относительно Восточнаго вопроса еще во второй половинѣ прошлаго вѣка. Принявши такое правило, Россія сочла необходимымъ, при очевидномъ разложеніи Турецкой имперіи, содѣйствовать образованію изъ нея независимыхъ христіанскихъ государствъ, начиная съ ближайшихъ Дунайскихъ земель (Дакійскаго государства). Такова была мысль Екатерины II въ первую турецкую войну при ней,—мысль, не приведенная въ исполненіе вслѣдствіе соотривленія Австріи и Пруссіи; такова была мысль и знаменитаго Греческаго проекта: опять образованіе самостоятельнаго Дакійскаго государства, и въ случаѣ, еслибы больной человѣкъ скончался, то восстановление Греческой Имперіи безъ всякой возможности соединенія съ Россійскою ¹⁾).

Великія начала, вѣрнѣйшія средства при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, рано или поздно, волею или неволею, должны быть признаны. Въ 1839 г. по поводу Восточнаго вопроса Гизо говорилъ въ палатѣ: „Историческая и національная политика Франціи—поддержаніе европейскаго равновѣсія чрезъ поддержаніе Оттоманской имперіи — возможна ли? Вопросъ зависитъ отъ двухъ вещей: отъ состоянія самой Оттоманской имперіи и отъ состоянія великихъ европейскихъ державъ. Что касается Оттоманской имперіи, то ея паденіе очевидно. Но посмотримъ, какъ совершается это паденіе? Турецкая имперія много потеряла; она потеряла провинціи, изъ которыхъ можно составить хорошія государства; но какъ она ихъ потеряла? Какъ она почти потеряла Дунайскія провинціи, совершенно потеряла Грецію, на половину потеряла Египетъ? Вѣдь это камни, которые естественно отпали отъ ветхаго зданія. Думаете ли вы, господа, что безъ этой перспективы, безъ надежды, что изъ всѣхъ этихъ обломковъ Оттоманской имперіи образуются новыя государства, мы бы стали принимать такое живое участіе въ событіяхъ на Востока, въ судьбахъ Греціи?.. Поддерживать Оттоманскую имперію для поддержанія европейскаго равновѣсія; но когда силою обстоятельствъ, вслѣдствіе естественнаго теченія событій, какая нибудь провинція отдѣлилась отъ падающей имперіи, благоприятствовать образованію изъ этой провинціи новаго независимаго государства: вотъ политика, которая пригодна для Франціи“. Но историкъ забылъ, что эту политику указала Западной Европѣ Россія еще въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ См. подробности въ книгѣ автора: «Исторія паденія Польши». Греческій проектъ грѣшитъ одною своею стороною—австрійскою, ибо Австрія за союзъ требовала себѣ добычи.

И такъ у Россіи, по отношенію къ Восточному вопросу, есть своя историческая, національная политика, которой она должна остаться вѣрною. Богъ благословилъ ее тѣмъ, что при исполненіи этихъ обязанностей ее не можетъ смутить нечистая мысль, корыстное побужденіе; Россія не можетъ желать распространенія своей государственной области, и безъ того громадной. При такомъ благословеніи можетъ ли Россія въ отношеніи къ восточнымъ славянамъ вести себя такъ, какъ Польша вела себя въ отношеніи къ западнымъ? Пусть живутъ свободно и независимо родные по вѣрѣ и врови народы, пусть умножатъ запасъ новыхъ дѣателей на поприщѣ европейской цивилизаціи, которое требуетъ именно дѣателей самостоятельныхъ, своеобразныхъ. Старые дѣатели этой цивилизаціи, съ недоувѣрчивостью, свойственною ихъ возрасту, смотрятъ на новыхъ дѣателей; ихъ напуганному воображенію представляются всѣ властолюбивые замыслы, какая-то опасность, грозящая ихъ цивилизаціи, и вотъ для спасенія этой цивилизаціи они поддерживаютъ владычество турокъ, и чтобъ уменьшить число нашихъ родныхъ, стараются перевести турецкихъ христіанъ изъ константинопольскаго лазарета въ римскій, отъ султана къ папѣ. Предоставимъ времени усюкоить ихъ; не станемъ убѣждать людей, которые то вѣрятъ, что великороссійское племя—финскаго происхожденія, то вѣрятъ въ подлинность завѣщанія Петра Великаго. Наше дѣло уяснить собственное наше сознание, очищать собственныя наши чувства. Если же, по господствующему въ нашей жизни началу, мы должны желать добра и врагамъ нашимъ, то желаемъ имъ отъ души, чтобъ они впередъ не старались заключать Анталкидовыхъ мировъ.

1867 г.

II.

Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ.

Въ 1800 году, въ запискѣ, поданной графомъ Растопчинымъ Императору Павлу, говорилось: „Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣкарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности“. Вслѣдствіе такого приговора, Растопчинъ предлагалъ раздѣлъ Турціи: „я предлагаю, писалъ онъ, раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссією, Австрією и Францією. Россія возьметъ Романію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію; Пруссія, въ замѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество ганноверское и епископство падернборнское и минстерское; Франція—Египеть. Грецію со всѣми островами архипелагскими учредить, по примѣру венеціанскихъ острововъ, республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Порты Оттоманской“.

Прошелъ годъ съ чѣмъ нибудь; въ 1802 году, графъ Кочубей подалъ Императору Александру I-му совершенно другое мнѣніе. По поводу слуховъ о покушеніяхъ Бонапарта на Турцію, Кочубей спрашивалъ: „что въ такомъ случаѣ Россія дѣлать должна?“ и отвѣчалъ: „поведеніе ея не можетъ быть иное, какъ, или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отворотить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики“. Кочубей совѣтовалъ снестись по этому дѣлу съ Англіею и предостеречь Турцію.

И Растопчинъ, и Кочубей не упоминаютъ въ своихъ запискахъ, что недавно, въ царствованіе Екатерины II-й, Россія имѣла въ виду еще третій планъ: на развалинахъ Турціи, не имѣющей средствъ къ жизни, создавать независимыя христіанскія государства, имѣющія эти средства.

Графъ Кочубей справедливо вооружался противъ плана о раздѣлѣ Турціи замѣчаніемъ, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи. Но напрасно онъ такъ безусловно принималъ положеніе Монтескье, что для государства нѣтъ ничего выгоднѣе слабыхъ сосѣдей. Исторія показывала ясно, что слабое государство всегда служитъ поводомъ къ столкновенію и борьбѣ между сильными, ибо слабое государство подчиняется вліянію каждаго сильнаго, и ни одно государство не можетъ позволить другому усиливать свое вліяніе надъ слабымъ, брать его въ опеку, дѣлать исключительно своимъ орудіемъ. Графъ Кочубей смѣется надъ выраженіемъ, что турки естественные непріятели Россіи, требуя, чтобъ сохраненіе этихъ естественныхъ непріятелей стало кореннымъ правиломъ нашей политики; но надобно осторожно смѣяться надъ словами, которыя переданы намъ предками; надобно прежде рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли опустѣли слова, лишившись своего смысла, дѣйствительно ли исчезли отношенія, которыя предки выражали въ этихъ словахъ, дѣйствительно ли, напримѣръ, слабая Порта отказалась отъ старой привычки притѣснять своихъ подданныхъ, и рушилась ли связь между ними и Россіею, связь, которую предки считали основой, сущюю отношеній? Слабость не всегда безвредна; въ исторіи часто повторяется сказка о богатырѣ и его любимомъ конѣ: конь давно умеръ, отъ него остались однѣ кости, но въ костяхъ гнѣздится змѣя.

„Нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ и сохраненіе ихъ должно быть кореннымъ правиломъ нашей политики“. Положимъ, что сами турки были покойны; но обязанность охранять ихъ развѣ не влекла къ сильнымъ безпокойствамъ? Развѣ война съ Франціею на турецкой почвѣ, война для сохраненія Турціи не была бы опасна, чѣмъ война съ самими турками? Слабость не освобождаетъ отъ тяжелой обязанности борь-

бы съ другими государствами, которыя захотѣли бы усилиться на ея счетъ, или усилить въ ней свое вліяніе съ исключеніемъ русскаго вліянія,—борьбы, необходимой въ слабомъ государствѣ, открытомъ для всѣхъ вліяній. Русскій посолъ въ Парижѣ, графъ Морковъ, доносилъ своему двору, что Бонапартъ наводитъ постоянно разговоръ на близкое распаденіе Оттоманской имперіи, и 24 декабря 1802 года канцлеръ Воронцовъ отправилъ Моркову письмо, въ которомъ уполномочивалъ его каждый разъ отвѣчать ясно, что императоръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проектѣ, враждебномъ Турціи. Это заявленіе было нужно для охраненія естественныхъ непріятелей Россіи. Но можно ли было охранять этихъ покойныхъ сосѣдей, когда Порта подпала подъ вліяніе французскаго посла Себастьяни, который заставилъ ее нарушить договоры съ Россією и обнаружить явно враждебныя намѣренія, объявивъ ей, что всякое возобновленіе или продолженіе союза съ врагами Франціи, каковы Англія и Россія, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ Порты въ войнѣ, которую эти державы ведутъ съ Францією. И вотъ, не смотря на все желаніе охранять Турцію, надобно было съ нею воевать.

„Черезъ восемь лѣтъ по окончаніи этой войны, въ 1821 году, вспыхиваетъ греческое возстаніе, и турки, свободные отъ всякихъ политическихъ перестановокъ народныхъ чувствъ и отношеній, продолжая считать себя естественными врагами Россіи, а русскихъ естественными врагами Турціи, непремѣнно хотятъ видѣть въ греческомъ возстаніи дѣло Россіи, противъ нее обращаютъ всю свою злобу, ее оскорбляютъ. Опять должна начаться война съ этими слабыми, покойными сосѣдями. Но въ Европѣ не хотятъ спокойно смотрѣть на эту войну, ибо здѣсь также главнымъ правиломъ политики объявлено охраненіе Турціи, недопущеніе, чтобъ сильная Россія сокрушила Турцію, или усилила надъ нею свое вліяніе, опираясь на единовѣрное и единоплеменное народонаселеніе. Съ этихъ поръ четверть вѣка въ Европѣ готовился антикрестовый походъ на Востокъ, походъ противъ христіанской Россіи и ея единовѣрцевъ въ защиту магометанской Турціи.

3 февраля 1822 года, русскій посолъ въ Вѣнѣ (Татищевъ) получилъ отъ императора Александра многознаменательный рескриптъ: „Я не хочу войны. Я это доказалъ. Я это доказываю. Но единственное средство предупредить войну состоитъ въ томъ, чтобъ говорить туркамъ отъ имени Европы и говорить языкомъ, ея достойнымъ. Дѣло неидеть о томъ, чтобъ сдѣлать Турцію европейскимъ государствомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставить ее занять то же мѣсто, какое она занимала въ политической системѣ до марта мѣсяца прошлаго года. И для этого не нужно церемониться съ турками. Надобно насильно спасать ихъ. Попытки, безпрестанно повторяемыя и постоянно бесполезныя, кончатся тѣмъ, что лишатъ союзъ всякаго уваженія. Порта сдѣлается неисправимою, и, конечно, не такую сосѣднюю державу союзные дворы хотятъ завѣщать Россіи, чтобъ упрочить систему, на которой основано спокойствіе Европы“.

Спокойствіе Европы, по мнѣнію императора Александра, основывалось на священномъ союзѣ, на рѣшеніи важныхъ европейскихъ дѣлъ, на успокоеніи волненій сообща, на сѣздахъ, конгрессахъ государей и министровъ ихъ, причемъ Россія готова была служить Европѣ, ея спокойствію, всѣми своими средствами, какъ послужила къ освобожденію отъ Наполеона. И неужели, спрашивалъ императоръ Александръ, союзные дворы захотятъ отнять у Россіи такую благодѣтельную для Европы роль, завѣщавши ей неисправимыхъ сосѣдей, которые не будутъ давать ей покою?

Союзные дворы именно этого и хотѣли. Во первыхъ, они никакъ не хотѣли допустить Турцію почувствовать вліяніе Россіи, заставить ее подчиняться требованіямъ послѣдней, дать Россіи сдѣлать что нибудь для турецкихъ христіанъ и тѣмъ скрѣпить связь между ними и Россіею. Во вторыхъ, имъ невыносимо тяжело было значеніе Россіи въ этомъ общемъ управленіи европейскими дѣлами, это агамемноновское мѣсто русскаго императора въ собраніяхъ государей. Они воспользовались средствами Россіи для сверженія матеріальнаго ига Наполеона; но теперь имъ тяжело казалось важное значеніе Россіи, нравственное вліяніе русскаго императора.

На конгрессахъ, послѣ русскаго императора, самымъ виднымъ лицомъ являлся австрійскій канцлеръ Меттернихъ, вліянію котораго приписывался поворотъ Александра отъ либеральной политики къ охранительной; собственно переворотъ произошелъ вслѣдствіе революціонныхъ движеній, снова начавшихъ волновать Европу; но Меттернихъ воспользовался этими движеніями, чтобъ дать силу своимъ внушеніямъ и совѣтамъ, и дѣйствительно торжествовалъ уступки, сдѣланныя русскимъ императоромъ въ пользу охранительнаго начала. И Александръ, и Меттернихъ поставлены были греческимъ возстаніемъ въ самое затруднительное положеніе. По поводу революціонныхъ движеній въ разныхъ краяхъ Европы было провозглашено, что возстаніе подданныхъ противъ правительства не позволительно, что союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. И вотъ греки встаютъ противъ своего правительства, точно такъ какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ, и если союзъ объявилъ себя противъ возстанія, то и теперь долженъ былъ объявить себя противъ грековъ, на сторонѣ султана; по крайней мѣрѣ, для избѣжанія противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ. Но, съ другой стороны, возстали христіане для сверженія ига мусульманскихъ поработителей. Если и западная Европа не могла отказать отъ сочувствія этому явленію, то отказать отъ сочувствія ему для Россіи, для русскаго государя, значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею и съ однимъ изъ самыхъ живыхъ чувствъ народныхъ. Затруднительное положеніе Меттерниха обуславливалось затруднительнымъ положеніемъ императора Александра: австрійскій канцлеръ долженъ былъ трепетать при мысли, что глава охранитель-

наго союза имѣеть могущественныя побужденія измѣнить провозглашеннымъ началамъ союза, тогда какъ подобная измѣна принципу, во мнѣніи Меттерниха, была непосредственно вредна существеннымъ интересамъ австрійской монархіи. Освобожденіе грековъ должно было повести къ освобожденію и другихъ христіанскихъ подданныхъ Порты, славянъ, что усиливало вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, государственные люди Австріи тревожились еще другимъ опасеніемъ: освобожденіе славянъ турецкихъ могло отозваться среди многочисленныхъ славянскихъ подданныхъ самой Австріи.

Меттернихъ твердитъ, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями Италіи, Испаніи, и произведено по общему революціонному плану, чтобъ повредить священному союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Императоръ Александръ не спорилъ противъ этого; но озлобленные греческимъ возстаніемъ турки свирѣпствуютъ противъ христіанъ, оскорбляютъ Россію. Русскій государь предлагаетъ слѣдующую систему дѣйствія: если позволить туркамъ подавить возстаніе, то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ, и это опозоритъ союзъ, опозоритъ правительства передъ народами; необходимо слѣдующее: уладить дѣло вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію; Порта не согласится допустить это вмѣшательство; надобно принудить ее къ тому силою—и русское войско будетъ готово привести въ исполненіе приговоръ конгресса по восточнымъ дѣламъ, причемъ русскій Императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ.

Но этого предложенія испугались, какъ дара Данаевъ. Мысль впустить русское войско въ турецкія владѣнія, дать ему возможность занять Константинополь — эта мысль приводила въ трепетъ. Притомъ тутъ противорѣчіе принятой системѣ: въ Италіи войско ходило противъ возмущившихся подданныхъ для восстановленія законнаго правительства, а въ Турціи войско пойдетъ противъ правительства, чтобъ заставить его не очень строго поступать съ возмущившимися подданными.

Въ Вѣнѣ было положено дѣйствовать осторожно, не раздражать русскаго Императора, сдерживать султана, не допускать войны между Россією и Турцією, тянуть время, а между тѣмъ туркамъ удастся задавить греческое возстаніе. Австрійскій интернунцій въ Константинополь дѣйствовалъ по этому очень мягко; но англійскій посланникъ, лордъ Странфордъ, съ островитянскою безцеремонностью выражалъ свое сочувствіе къ Турціи и враждебность къ Россіи, и тѣмъ усиливалъ въ турецкомъ правительствѣ опасныя надежды, что его поступки найдутъ одобреніе и поддержку въ британскомъ кабинетѣ. Не смотря однако на видимое различіе въ способѣ дѣйствія представителей Австріи и Англій при Портѣ, обѣ державы имѣли въ виду одну цѣль, — покончить греческое возстаніе какъ можно скорѣе, но покончить одними турецкими средствами, безъ вмѣшательства Россіи, и въ то время, какъ Меттернихъ умолялъ императора Александра не сходить съ по-

литической почвы, не выдвигать религиознаго интереса, англійскій министр, лордъ Кесльри, умолялъ его продолжать систему долготерпѣнія, чтобъ дать тургамъ время успокоиться, покинуть свои заблужденія, перестать питать недовѣрчивость: вѣдь турецкія смуты нисколько не нарушаютъ внутренняго спокойствія Россіи, изъ за чего же послѣдней въ нихъ вмѣшиваться? Но прежде всего кончилось долготерпѣніе Англій, какъ скоро она увидѣла, что консервативный принципъ, провозглашаемый Меттернихомъ, становится вреденъ непосредственнымъ ея интересамъ, когда союзники рѣшили на конгрессѣ прекратить революціонное движеніе въ Испаніи и поручили исполненіе этого дѣла Франціи. Англія была страшно раздражена этимъ вмѣшательствомъ Франціи въ испанскія дѣла; кромѣ того, не въ интересахъ Англій было прекращеніе смуть въ Испаніи, ей нужно было продолжить испанскую революцію, продолжить слабость правительства испанскаго, чтобъ дать возможность испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ отдѣлиться отъ метрополи, такъ какъ этого требовали торговые интересы Англій. Отсюда перемѣна англійской политики; изъ консервативной она стала либеральной, что и обозначилось въ дѣятельности новаго министра Каннинга, который отличался поддержкою революціонныхъ движеній и ненавистью къ Россіи. Понятно, что перемѣна англійской политики должна была сильно отозваться на ходѣ восточныхъ дѣлъ: въ Лондонѣ было рѣшено принять самое дѣятельное участіе въ освобожденіи грековъ, и такъ какъ Россіи нельзя было исключить изъ этого участія, то, по крайней мѣрѣ, не дать ей здѣсь перваго мѣста, заслонивъ ее своимъ вліяніемъ, показать грекамъ и всей Европѣ, что освобожденіе Эллады есть дѣло Англій, а не Россіи.

Въ такомъ положеніи находился восточный вопросъ, когда съ началомъ второй четверти вѣка Россія увидѣла на своемъ престолѣ новаго императора. Въ Парижѣ знаменитый итальянецъ блюлъ за интересами Россіи съ горячимъ усердіемъ русскаго патріота: императоръ Николай Павловичъ потребовалъ у Поццо-ди-Борго его мнѣнія относительно главныхъ политическихъ вопросовъ.

Россія, по мнѣнію Поццо, есть такое государство, котораго сила заключается не въ случайныхъ обстоятельствахъ; Россія имѣетъ рѣдкое счастье содержать въ самой себѣ все, что нужно для выполнения ея плановъ, если только эти планы основаны на сущности ея средствъ. Приступая къ разсмотрѣнію предметовъ, занимавшихъ тогда вниманіе кабинетовъ европейскіхъ, Поццо ставитъ прежде всего охраненіе общественнаго порядка противъ революціонныхъ идей и движеній. Въ этомъ отношеніи всѣ правительства имѣютъ одинакія обязанности и одинакіе интересы; одинъ только министр, управляющій англійскимъ кабинетомъ, кажется, хочетъ предоставить себѣ гибельную свободу смотрѣть на революцію съ точки зрѣнія собственныхъ выгодъ; это великое несчастіе и великая опасность, но здѣсь континентъ европейскій отъ него отдѣляется и руководствуется однимъ общимъ интересомъ; здѣсь и мы достаточно тверды для собственнаго охраненія.

Испаніи и ея колоній нечего дѣлать: русскій кабинетъ можетъ продолжать изъявлять мадритскому свое благорасположеніе и давать ему доказательства этого, не компрометируя себя и не принимая обязательствъ, которыя нельзя выполнить. Относительно Португаліи надобно ждать, ибо неизвѣстно, что тутъ замышляютъ Англія и Австрія. Изъ Италіи, государства втораго разряда, обращаются къ Россіи за покровительствомъ: въ ихъ дѣла нужно вмѣшиваться только тогда, когда это совершенно необходимо. Въ тавомъ же положеніи находятся государства германскія: неблагоразумно вмѣшиваться въ ихъ ежедневныя дѣла, но политика и слава требуютъ поддерживать убѣжденіе, что ихъ восстановленіе есть главнымъ образомъ дѣло Россіи и что отъ нея они должны ожидать охраненія, когда чье нибудь честолюбіе подвергнетъ ихъ опасности. Данія составляетъ, такъ сказать, часть насъ самихъ; справедливость этого открывается при первомъ взглядѣ на карту: поэтому намъ слѣдуетъ блюсти за ея сохраненіемъ и оберегать ее отъ насилій, откуда бы они ни послѣдовали, особенно отъ насилій Англіи. Морское могущество Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ не можетъ имѣть столкновеній съ Россіею, часто оно можетъ быть ей благопріятно или выгодно: поэтому слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія съ американцами и заставлять ихъ смотрѣть на петербургскій дворъ, какъ единственный на континентѣ, съ которыми имъ выгодно быть въ дружбѣ. Швеція слаба, не для чего ее трогать. Съ Пруссіей нѣтъ причинъ къ раздору, всѣ причины къ союзу. Другое дѣло Австрія, которая тянетъ къ Англіи. Англія стала соперничать и завидовать Россіи, потому что Россія стала главнымъ государствомъ на континентѣ. Отъ соперничества и зависти одинъ шагъ до вражды, когда интересы столкнутся по обстоятельствамъ. Каннингъ ненавидитъ Россію. Диктаторскій тонъ Каннинга понравился англійскому народу; бравирюя весь свѣтъ, Каннингъ сталъ популяренъ у себя. Россія представляетъ ему всякія препятствія и онъ будетъ стараться отстранять ихъ, не разбирая средствъ. Сила и природа вещей притягиваютъ Францію къ Россіи. Эта связь между ними служитъ единственнымъ способомъ уединить Англію и отнять у нея возможность составлять континентные союзы. Австрія представляетъ единственное государство, къ которому она могла бы обратиться съ предложеніемъ союза; но пока Франція останется свободною въ своихъ движеніяхъ и въ употребленіи своихъ силъ, Австрія не посмѣетъ объявить Россіи войну.

Въ началѣ 1826 года пріѣхалъ въ Петербургъ герцогъ Веллингтонъ привѣтствовать новаго императора; Каннингъ надѣялся, что уваженіе, которое питали въ Петербургѣ къ ватерлооскому герою, поможетъ послѣднему отклонить императора Николая отъ войны и убѣдить его принять посредничество Англіи какъ въ русско-турецкомъ, такъ и въ греческомъ дѣлѣ. Но Веллингтонъ съ самаго начала увидѣлъ, какъ трудно ему исполнить это порученіе. „Я рѣшился, сказалъ ему императоръ, идти по стопамъ моего брата. Императоръ Александръ, передъ смертью, принялъ формальное рѣшеніе войною получить удов-

летвореніе, котораго онъ не могъ достигнуть путемъ дипломатическимъ. Россія еще не ведетъ войны съ Портою, но дружественныя сношенія прерваны между обѣими странами, и я не сдѣлаю ни шага назадъ, когда дѣло будетъ идти о чести моей короны“. Императоръ отклонилъ рѣшительно всякое вмѣшательство посторонней державы въ распрѣ между Россією и Турцією, въ то, что онъ считалъ чисто русскимъ вопросомъ. Веллингтонъ, котораго задача состояла въ томъ, чтобы удержать императора отъ войны, началъ представлять, что поводы къ войнѣ, выставляемые съ русской стороны, не имѣютъ достаточной важности, но курьеръ уже везъ въ Константинополь русскій ультиматумъ, состоявшій изъ трехъ пунктовъ: 1) полное возстановленіе того положенія, въ какомъ находились Дунайскія княжества до 1821 года, 2) немедленное освобожденіе сербскихъ уполномоченныхъ и точное исполненіе бухарестскаго договора относительно выгодъ, полученныхъ Сербією, и 3) высылка уполномоченныхъ на границу для окончанія прерванныхъ переговоровъ относительно собственно русскихъ дѣлъ. Ультиматумъ оканчивался угрозою, что если черезъ шесть недѣль требуемыя статьи не будутъ выполнены, то русское посольство оставитъ Константинополь.

Грозный ультиматумъ упалъ какъ съ неба на Порту. Занятая исключительно греческимъ вопросомъ, раздраженная перемѣною англійской политики и оскорбительными выходками англійскаго посла, Стратфорда Каннинга, Порта выпустила изъ виду Россію, тѣмъ болѣе, что извѣстіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императора Николая, подавало ей надежду на внутреннія волненія въ Россіи, которыя не дадутъ ея государю возможности думать о виѣшной войнѣ: и вдругъ громовой ударъ разразился съ той стороны, съ какой его вовсе не ожидали. Первый добрый пріятельскій совѣтъ смущенная Порта услышала изъ Вѣны. Греческое возстаніе поставило Меттерниха въ тяжкое положеніе, нарушивъ драгоцѣнный ему принципъ общаго вспоможенія правительствъ противъ возставшихъ подданныхъ: „Во всякомъ другомъ случаѣ, говорилъ онъ, государства были обязаны предъ европейскимъ миромъ и правомъ помочь султану противъ грековъ; но тутъ религія удержала ихъ отъ этого: они немогли помогать грекамъ безъ нарушенія основъ международнаго права, и не могли противъ нихъ сражаться безъ нарушенія религіозныхъ интересовъ. Страдательное положеніе было здѣсь самое цѣлесообразное. Россія первая отняла у державъ выгоду положенія. Она взяла себѣ въ голову, будто вмѣшательство во чтобы то ни стало составляетъ для нея необходимость, и такъ какъ она не могла дѣйствовать на грековъ, то устремила свою дѣятельность на Порту“. Эту дѣятельность однако удалось задержать на первое время, какъ вдругъ Англія измѣнила. Рѣшительный шагъ императора Николая понравился въ Вѣнѣ; понравилось рѣзкое разграниченіе, сдѣланное императоромъ между двумя вопросами, русско-турецкимъ и греческимъ. Въ Вѣну дали знать о словахъ императора, сказанныхъ посламя французскому, англійскому и прусскому: „Дѣло Россіи есть

дѣло исполненія договоровъ, а не поддержка возстанія, противнаго праву. Россія будетъ стараться повончить первое дѣло; если же другія государства захотятъ вмѣшаться во второе, то Россія можетъ принять участіе въ ихъ мудрыхъ совѣтахъ; но для этого ея отношенія съ Портою должны быть одинаковы съ отношеніями другихъ дворовъ. Меттерниху также дали знать изъ Петербурга, что когда одного вліятельнаго русскаго сановника и ревностнаго защитника грековъ спросили, какъ онъ думаетъ, что будетъ, если султанъ исполнитъ русскія требованія? то онъ отвѣчалъ: „Тогда все пропало!“

Въ этихъ надеждахъ „дипломатическій гений“ предписалъ австрійскому интернуацію въ Константинополь барону Оттенфельсу, сообщить рейсъ-эфенди, что императоръ Францъ считаетъ съ своей стороны обязанностью дружбы и добраго сосѣдства подать султану совѣтъ удовлетворить предложеніямъ русскаго императора, въ виду явной пользы, которая произойдетъ для Порты отъ этого удовлетворенія, и важныхъ опасностей, которыя будутъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отказа. Представители другихъ державъ сдѣлали Портѣ такіе же внушенія, и султанъ уступилъ: въ Дунайскихъ княжествахъ возстановленъ былъ прежній порядокъ, сербскіе послы освобождены, и назначены уполномоченные для переговоровъ съ русскими уполномоченными на границахъ. Европейскія посольства въ Константинополь торжествовали это событіе, думая, что всѣ затрудненія устранены; но радость была преждевременная.

Герцогъ Веллингтонъ, узнавши изъ словъ императора и изъ послышки ультиматума, что греческій вопросъ у русскаго правительства не на первомъ планѣ, занялся имъ теперь съ увѣренностію, что здѣсь Англія будетъ играть первую роль. 23 Марта (4 Апрѣля) герцогомъ Веллингтономъ съ англійской и графами Нессельроде и Ливеномъ съ русскаго стороны, былъ подписанъ протоколъ, въ которомъ обѣ державы обязывались содѣйствовать примиренію между Портою и греками. Съ англійской стороны ссылались при этомъ на просьбу грековъ, адресованную ими британскому правительству, и на то, что Англія уже объявила Портѣ о своей готовности исполнить эту просьбу; русскій же дворъ основывалъ свой поступокъ на религіи, справедливости и человѣколюбіи. Условія примиренія были постановлены слѣдующія: 1) Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціею; 2) Греція платитъ ей однажды на всегда опредѣленную дань; 3) турецкія земли въ Морей и на островахъ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; 4) Порта сохраняетъ извѣстное участіе при выборѣ правительственныхъ лицъ, которые должны всѣ состоять изъ грековъ; 5) свобода религіи и торговли; 6) отдѣльное и независимое управленіе.

Шагъ былъ сдѣланъ, надобно было подумать о слѣдствіяхъ. Если Порта не согласится на означенныя условія, надобно будетъ принудить ее къ этому силою; при фанатическомъ упорствѣ турокъ дѣло легко можетъ дойти до крайности, привести къ разрушенію Турецкой

имперіи; но и независимо отъ этого государственнѣйшій организмъ Турціи до того слабъ во всѣхъ своихъ частяхъ, что грозитъ скорымъ разрушеніемъ. Надобно, слѣдовательно, предусмотрѣть подобное событіе, исполненное затрудненіями всякаго рода: „Умреть ли Турція отъ внутренняго истощенія, или отъ внѣшняго насилія—все равно, сказалъ императоръ Николай герцогу Веллингтону,—благодаруміе потребуе не дожидаться открытія ея наслѣдства, чтобъ узнать наслѣдниковъ. Я готовъ объясниться объ этомъ съ Англіею“.—„Вопросъ легче было бы разрѣшить,—отвѣчалъ герцогъ,—еслибы въ наслѣдствѣ послѣ султана Махмуда было два Константинополя. Я согласенъ, что Турція очень больна, но эта болѣзнь продолжается уже болѣе трехъ столѣтій“.

Веллингтонъ выѣхалъ изъ Петербурга, сдѣлавши свое дѣло на бумагѣ; но едва успѣлъ онъ оставить русскую столицу, какъ въ Лондонѣ пришло извѣстіе изъ Константинополя отъ Стратфорда Каннинга, что ни греки, ни Порты не хотятъ принимать условій примиренія, предъявленныхъ Веллингтономъ въ Петербургѣ. „Дипломатическій геній“ въ письмѣ своемъ къ барону Оттенфельсу въ Константинополь не могъ удерживаться отъ рѣзкихъ выраженій и насмѣшекъ надъ протоколомъ 23 Марта: „Дѣло 4 Апрѣля, — писалъ онъ, — все состоитъ изъ ошибокъ и слабости. Герцогъ Веллингтонъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ двойнымъ заблужденіемъ: онъ думалъ, что греческое дѣло здѣсь на первомъ планѣ и что императоръ Николай ищетъ только предлоговъ къ войнѣ; разубѣдившись въ этомъ словами монарха и посланкою ультиматума, сдѣланною безъ вѣдома его, герцога, онъ захотѣлъ спасти англійское посредничество. Тутъ онъ встрѣтился съ господами Нессальродомъ и Ливеномъ; оба, испуганные тѣмъ, что ихъ новый государь покидаетъ святое дѣло грековъ, и желая спасти это дѣло, употребили всѣ усилія, чтобъ связать англійское посредничество съ русскимъ. Съ одной стороны, страхъ императора Николая, чтобъ англичане не присвоили себѣ рѣшительнаго покровительства надъ Пелопонезомъ и островами, а съ другой, его вполнѣ естественная неопытность въ дипломатическихъ дѣлахъ повліяли на совершение дѣла, исполненнаго слабости и смѣха. Императоръ допустилъ его (l'a toléré). Въ результатѣ будетъ нуль. Всѣ недовольны,—обыкновенная участь дипломатическихъ глупостей, какъ всякихъ глупостей. Оставайтесь въ отрицательномъ положеніи, но будьте благосклонны къ примиренію. Только близкое будущее можетъ намъ доказать, есть ли еще греки, которыхъ надобно спасать. Если французскій повѣренный въ дѣлахъ будетъ сильно волноваться, постарайтесь его сдержать. Что не сомнительно выходитъ изъ протокола 4 Апрѣля, такъ это совершенная свобода для насъ поступать по собственному нашему усмотрѣнію необходимостей и приличій. Мы никогда не употребимъ во зло этой свободы; напротивъ, мы заставимъ ее служить общему дѣлу и благу несокрушимаго союза, который спасъ и спасетъ еще въ будущемъ общественное и политическое тѣло. Наша роль въ Восточ-

лить, что императоръ считаетъ еще болѣе важнымъ,—это опредѣленіе собственныхъ отношеній Россіи къ Портѣ. Пока эти отношенія не будутъ неопредѣлены, всякія другія окончательныя переговоры невозможны, и если Россія будетъ принуждена оружіемъ рѣшать свою разпрію съ Портою, то императоръ желаетъ убѣдить Европу, что его требованія справедливы, основаны на общапіяхъ неоспоримыхъ и торжественныхъ договорахъ, что его предложенія представляли вѣрное средство уничтожить всякій предметъ дальнѣйшаго спора между петербургскимъ кабинетомъ и Диваномъ. Императоръ желаетъ также, чтобъ злонамѣренность не могла обвинить Россію въ требованіяхъ, могущихъ повести къ войнѣ, обвинить въ томъ, что для предъявленія этихъ требованій она воспользовалась возстаніемъ. Императоръ желаетъ, чтобъ въ тотъ день, когда его войско выступитъ въ походъ, свойство правъ, защиту которыхъ она приняла на себя, и содержаніе ноты, которую онъ приказалъ передать Портѣ, уничтожили преступную надежду, которую люди волненій и безпорядковъ могли бы возложить на это событіе“.

И такъ, если Порты удовлетворитъ русскимъ требованіямъ, то и тутъ Россія воспользуется своимъ вліяніемъ для окончанія греческаго вопроса, т. е. по меньшей мѣрѣ заставить султана дать грекамъ самостоятельное управленіе, и „дипломатическій гени“ долженъ употреблять всѣ усилія, чтобъ Турція удовлетворила русскимъ требованіямъ, ибо это меньшее зло,—война должна повести къ худшему: дипломатическая глупость Каннинга связала Англію съ Россіею, т. е. подчинила Англію Россіи, дала послѣдней такое выгодное положеніе; Франція слаба отъ внутренней неурядицы, но если и приметъ участіе въ дѣлѣ, то будетъ за Россію, а не за Австрію. Еще при восшествіи на престолъ императора Николая, Австрія сдѣлала Франціи предложеніе согласиться на счетъ средствъ заставить Россію продолжать прежнюю бездѣйственную политику относительно Греціи. Франція отвѣчала, что въ турецкихъ дѣлахъ нужно принять политику болѣе сообразную съ законными желаніями Россіи и съ истинными интересами остальной Европы. Русскій дворъ свѣдалъ и о предложеніи и объ отвѣтѣ. Когда австрійское министерство узнало, что въ Петербургѣ дѣло извѣстно, то поспѣшило во время запереться, что никогда не дѣлало никакихъ предложеній въ этомъ родѣ и желаетъ только одного: поддержанія священнаго союза во всей цѣлости.

Выставка союза была нужна, чтобъ накинуть тѣнь на протоколъ 23 марта. Россія, которая до сихъ поръ такъ стояла за союзъ, теперь согласилась съ чуждою союзу Англіею, безъ вѣдома членовъ союза, которые и прежде готовы были согласиться на статьи, занесенныя въ протоколъ. Австрійскій посланникъ, графъ Леббельтернъ, высказался передъ императоромъ Николаемъ, что протоколъ долженъ быть несправедливо удивить союзниковъ“. Герцогъ Веллингтонъ мнѣ сказалъ,—отвѣчалъ императоръ,— что существуютъ переговоры между нѣкоторыми изъ греческихъ вождей и лондонскимъ кабинетомъ и въ Лон-

днѣ существовать итѣмъ. Это князь начальствующаго турецкаго войскаго противъ греновъ Ибраима началъ состоять въ томъ, чтобы возсѣдѣть всѣмъ греновъ изъ Морен и итѣсто итѣ послать итѣ судманъ. Я ему отвѣчалъ, что если это справедливо, то никто изъ союзниковъ не потеритъ подобнаго скандала. Я у него потребовалъ доказательствъ; онъ мнѣ сказалъ, что матеріальныхъ доказательствъ дать мнѣ не можетъ, но въ Лондонѣ въ этотъ убѣжденъ и британское министерство рѣшилось предупредить такое важное событіе и итѣнаться въ дѣло примиренія, и онъ, герцогъ, итѣеть предложить мнѣ итѣкоторые основныя пункты этого примиренія. Видя, что Англія, послѣ многолѣтнихъ оплошій нашихъ желаній сама итѣеть въ намъ на встрѣчу въ этотъ дѣлѣ, сама предлагаетъ тѣ основанія, въ которыхъ союзники уже были согласны, что Англія рѣшилась одна оладѣть переговорами, я думалъ, что оказываю услугу союзу, присоединяя въ Англію тотъ самый союзъ, котораго требованія она прежде отвергала; я считалъ себя въ эту минуту представителемъ всѣхъ союзниковъ, будущимъ за ихъ интересами. Минута была дорогая, герцогъ давалъ мнѣ возможность воспользоваться ею, и я воспользовался. И предлагая даже, что относительно меня существовать недоверіе, я говорилъ самъ себѣ: будутъ себя уславивать тѣмъ, что Россія станетъ волагать претрады англійскому честолюбію, а Англія русскому. Мои намѣренія были чисты. Съ большимъ доверіемъ въ нитъ меня бы лучше полагали. Одинъ только прусскій король оцѣнилъ мое положеніе, въ которомъ я находился; онъ мнѣ это доказалъ прелестными письмомъ, которые я буду хранить какъ драгоцѣнный знакъ его дружбы¹⁾.

Въ слѣдствіе уступки Порты требованій императора Николая, увольноченные съ русской и турецкой стороны съѣхались въ Авернанъ. Первая половина вопроса улаживалась окончательно: но на очередь становилась вторая, и въ Вѣнѣ сильно основались. И, что всего досаднѣе, греки потерѣли сильное пораженіе, султана, слѣдовательно, получилъ возможность прекратить возстаніе собственными средствами, а тутъ, какъ нарочно, итѣнательство! Меттернихъ итѣшетъ австрійскому послу въ Лондонѣ, князю Эстергази: „Если Целонозель, одинъ или съ островами, представляеть, чего мы не доускаемъ, необходимыя элементы для государства политически независимаго, то существованіе такого государства достаточно, чтобы сдѣлать существованіе оттоманскаго государства въ Европѣ проблематическимъ; соединеніе же всѣхъ странъ, населенныхъ греками, въ одно цѣлое, сдѣлало бы существованіе Порты невозможнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, образованіе независимой Греціи будетъ синонимомъ изгнанія турокъ изъ Европы. Чего можетъ и чего долженъ желать нашъ дворъ? Онъ постоянно будетъ желать, чтобы первыя причины движенія, игры отвратительной и опасной, исчезли какъ можно сво-

¹⁾ Делеши 7 июля 1826 г.

ваемъ,—писалъ гр. Нессельроде Татищеву,—что средства веденія дѣла, въ которыхъ мы условились уже съ союзниками, кажутся намъ недостаточными. Мы на нихъ согласились, потому что намъ нужно исчерпать всѣ пути примиренія; но мы не вѣримъ въ ихъ дѣйствительность, ибо нашъ собственный опытъ заставляетъ насъ предвидѣть случай, когда эти средства окажутся недѣйствительными, и мы предлагаемъ Великобританіи условиться на счетъ дальнѣйшихъ средствъ. Рѣшено, въ случаѣ отказа со стороны турокъ, пригрозить имъ признаніемъ независимости Греціи. Можно ли имѣть увѣренность, что эта угроза склонитъ Порту къ уступчивости? Турки не могутъ не видѣть, что Греція, раздѣленная на партіи, управляемая эфемерными властями, не можетъ еще быть признана союзными державами какъ независимое государство. Только въ отдаленномъ будущемъ турки могутъ предусматривать возможность осуществленія сдѣланной имъ угрозы, и этотъ страхъ предъ отдаленною бѣдою заставитъ ли ихъ согласиться на пожертвованіе непосредственное? Не думаемъ. Тоже самое можно сказать и о рѣшеніи болѣе энергическомъ—отозвать посланниковъ. И это рѣшеніе не даетъ полной увѣренности въ успѣхѣ. И сначала Порты умѣла различать, съ свойственною ей проницательностью, простая дипломатическія демонстраціи отъ твердо принятыхъ рѣшеній? Издавна она привыкла быть равнодушною къ первымъ и готовою уступить вторымъ. Въ 1821 году мы прервали съ нею дипломатическія сношенія, наши союзники не пощадили угрозъ, и однако нашимъ самымъ справедливымъ требованіямъ не было удовлетворенія; но Порты по инстинкту угадала минуту, когда ея сопротивленія должны были прекратиться и въ пять мѣсяцевъ покончено было дѣло, которое не могло быть кончено въ десять лѣтъ, какъ скоро Порты признала, что ея упорство можетъ возымѣть для нея опасныя слѣдствія“.

Для приглашенія союзниковъ къ постановленію дальнѣйшихъ мѣръ въ случаѣ упорства Порты, Россія воспользовалась предложеніемъ Франціи обратить протоколъ 23 Марта въ договоръ и такимъ образомъ дать обязательствамъ болѣе торжественный характеръ. И въ протоколѣ 23 Марта, Россія и Англія отказывались отъ всякихъ исключительныхъ выгодъ; тоже самое Россія предлагала внести и въ договоръ. Порты ускорила заключеніе этого договора: на требованіи Стратфорда Каннинга рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что султанъ по закону божественному, по праву завоеванія и по торжественному признанію отъ всѣхъ державъ, есть законный государь областей, находящихся теперь въ возмущеніи, и потому никогда не признаетъ ни за какимъ иностраннымъ дворомъ права вмѣшиваться между нимъ и его возмущившимися подданными; такъ какъ Порты не вмѣшивается во внутреннія распри Англіи съ ирландскими католиками, то надѣется, что и Англія удержится отъ вмѣшательства въ греческій мятежъ. На представленія Рибоьера, что миръ и дружба, возобновленные между Россією и Портою въ Акерманѣ могутъ утвердиться окончательно только съ умиротвореніемъ Греціи, которое одно установитъ миръ въ Европѣ,—

рейсь-эффенди выразилъ удивленіе, что Россія теперь миръ и дружбу между обѣими имперіями приводитъ въ зависимость отъ греческихъ дѣлъ, тогда какъ въ Акерманѣ она высказалась, что не предъявляетъ никакихъ требованій относительно грековъ. „Вы ошибаетесь—отвѣчалъ Рибопьеръ: никогда русскіе уполномоченные этого не объявляли и не могли объявить, потому что императоръ никогда не отказывался и не откажется отъ своихъ правъ стараться объ умирненіи Греціи; если графъ Воронцовъ въ жару разговора вамъ сказалъ, что Россія не будетъ говорить въ Акерманѣ о греческихъ дѣлахъ, то эти слова имѣли такой смыслъ, что русскій дворъ не хотѣлъ усложнять еще болѣе распри между двумя правительствами; онъ хотѣлъ прежде всего покончить свою частную распри, чтобъ потомъ обратиться къ Портѣ, какъ держава дружественная, съ представленіемъ о необходимости умирить Грецію“. — „Ни угрозы, ни оружіе—возразилъ рейсь-эффенди,—не заставятъ Порту отказаться отъ рѣшенія не допускать посторонняго вмѣшательства, и если этотъ предметъ подастъ поводъ къ перерыву дружественныхъ отношеній между обѣими имперіями, то Порта и тутъ не переимѣнитъ своего рѣшенія; она знаетъ страшныя силы Россіи, знаетъ, что не можетъ бороться съ нею; но оттоманы предпочтутъ скорѣе удалиться въ Азію, чѣмъ допустить принципъ, разрушающій верховную власть и независимость, именно принципъ вмѣшательства державы между государемъ и его возмущившимися подданными!“ И Рибопьеръ и рейсь-эффенди говорили рѣшительно, но ни съ той, ни съ другой стороны не было перейдено за предѣлы дружественнаго тона; но баронъ Оттенфельсъ, передавая объ этомъ Меттерниху, въ тоже время передавалъ ему и тревожныя вѣсти: Рибопьеръ говорилъ одному изъ довѣренныхъ лицъ: „Я пріѣхалъ въ Константинополь не затѣмъ, чтобъ интриговать; я иду прямо къ цѣли, потому что я органъ силы!“

Другія извѣстія сообщилъ баронъ Оттенфельсъ Меттерниху о Стратфордѣ Каннингѣ, который, по этимъ извѣстіямъ, являлся кающимся грѣшникомъ, ищущимъ спасенія въ совѣтахъ и поддержкѣ австрійскаго интернунція. „Англія и Австрія,—говорилъ Стратфордъ Каннингъ Оттенфельсу,—Англія и Австрія два государства, которыя представляютъ настоящихъ охранителей европейскаго равновѣсія; они не могутъ желать его разрушенія и встрѣтятся наконецъ, какъ бы ни было, по наружности, различные пути, по которымъ они идутъ. Насъ несправедливо осуждаютъ за этотъ несчастный протоколъ 4 Апрѣля (23 Марта); я не перестану никогда жалѣть о томъ, что онъ появился на свѣтъ и очень бы хотѣлъ уничтожить его тѣмъ или другимъ способомъ, но есть-ли теперь какой-нибудь способъ къ этому? Чтобы судить насъ по справедливости, надобно взять во вниманіе время, когда протоколъ былъ подписанъ. Тогда мы были убѣждены во враждебныхъ замыслахъ Россіи противъ Порты, и хотя бы собственно русскіе вопросы были рѣшены удовлетворительно, что казалось тогда невѣроятнымъ, все же петербургскій дворъ нашелъ бы въ греческихъ дѣлахъ предлогъ къ войнѣ съ турками, и чтобъ именно связать ему руки,

мы и задумали эту сдѣлку. Теперь мы видимъ, куда это насъ завело; ясно, что Россія имѣла въ виду только свои интересы, свои честолюбивые виды. Осуждаютъ наше поведеніе относительно испанскихъ колоній въ Америкѣ и видятъ сходство въ нашемъ поведеніи относительно Греціи и нашимъ поведеніемъ относительно Испаніи. Но въ Америкѣ дѣло шло только о нашихъ торговыхъ выгодахъ; тутъ мы виноваты развѣ только въ томъ что скорѣе другихъ народовъ увидѣли, что американскія колоніи потеряны для Испаніи; мы первые поняли дѣло такъ, какъ оно есть; другія государства не замедлили послѣдовать нашему примѣру. Но все это неприменимо къ Греціи; наши торговныя выгоды требуютъ паденія Порту; правда, быть можетъ, мы слишкомъ уступили давленію общественнаго мнѣнія въ Англии и въ Европѣ, которое высказывается сильно въ пользу грековъ, но вы знаете наше положеніе: англійское правительство не могло пойти прямо противъ общественнаго мнѣнія. Но что сильно, то сдѣлано. Теперь только вы можете мнѣ помочь. Надобно уяснить Портѣ настоящіе виды Англии. Самъ я этого сдѣлать не могу; мнѣ никогда не повѣрять; я своимъ поведеніемъ раздражилъ Порту; рейсъ-эффенди ненавидитъ меня и мое правительство". На другой день баронъ Оттенфельсъ написалъ рейсъ-эффенди, что британскій посланникъ является *кающимся грѣшникомъ* (*se présente en pécheur pénitent*) и желаетъ помириться съ его превосходительствомъ.

Но раскаяніе было безплодно. *Что сдѣлано, то сдѣлано*, и надобно было, хотя бы и поневолѣ, додѣлывать. Отъ русскаго вопроса: что будемъ дѣлать, если Порта отвергнетъ наши представленія? нельзя было уклониться. Франція, которой очень не нравилась связь между Россією и Англією, требовала обще-европейскаго постановленія и дѣйствія. 6 Іюля (н. с.) въ Лондонѣ заключенъ былъ договоръ уполномоченными Россіи, Англии и Франціи. Договаривающіяся державы предлагаютъ Портѣ свое посредничество для примиренія между нею и греками. Предложеніе будетъ сдѣлано сообща и въ тоже время отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ потребуется перемиріе. Остальныя условія примиренія оставлены тѣже, какія были означены въ петербургскомъ протоколѣ 23 Марта 1826 г. Договаривающіяся державы обязались не искать никакого земельнаго приобрѣтенія, никакого исключительнаго вліянія, никакой особенной торговой выгоды. Если по истеченіи мѣсячнаго срока одна изъ воюющихъ сторонъ не согласится на перемиріе, то договаривающіяся державы принимаютъ мѣры для воспрепятствованія дальнѣйшимъ столкновеніямъ между воюющими сторонами, не принимая впрочемъ участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ между ними.

1876.

III.

Восточный вопросъ въ 1827, 1828 и 1829 годахъ.

6 Юля 1827 года, въ Лондонѣ, уполномоченными Россіи, Англіи и Франціи былъ заключенъ договоръ, по которому эти державы обязались сообща предложить Портѣ свое посредничество для примиренія ея съ возставшими греками, при чемъ потребовать отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ перемирія. Когда въ Вѣну пришло извѣстіе объ этомъ договорѣ, то Меттернихъ написалъ интэрнунцію въ Константинополь: „Договоръ можетъ повести къ чему угодно, только не къ тому, для чего заключенъ. Навѣрное, поведетъ онъ къ войнѣ между Россією и Портою. Англія будетъ этому содѣйствовать, но сама воевать не будетъ; Франція будетъ игрушкой своихъ союзниковъ и своихъ собственныхъ ложныхъ расчетовъ“.

16 Августа (н. с.), представители Россіи, Франціи и Англіи, (Рибопьеръ, Гильемино и Стратфордъ-Каннингъ) передали рейсъ-эффенди ноту: почти уже шесть лѣтъ великія европейскія державы стараются склонить высокую Порту Оттоманскую къ умиренію Греціи. Ихъ старанія оставались безплодными и затянулась война истребительная, результатами которой были, съ одной стороны, страшныя бѣдствія для человѣчества, а съ другой потери, ставшія нестерпимыми для торговли всѣхъ народовъ. Поэтому невозможно допустить, чтобы судьба Греціи касалась исключительно одной Порты Оттоманской. Вслѣдствіе договора, заключеннаго нами, три державы предлагаютъ Портѣ свое посредничество и перемиріе и будутъ ждать рѣшенія оттоманскаго правительства 15 дней; въ случаѣ же новаго отказа или отвѣта уклончиваго и недостаточнаго, или совершеннаго молчанія, прибѣгнуть къ средствамъ, которыя сочтутъ самыми дѣйствительными, для прекращенія положенія несовмѣстимаго съ истинными интэресами Порты, съ безопасностію торговли и спокойствіемъ Европы.

Отвѣта не было. По прошествіи срока, посланники переслали другую ноту, что союзные дворы постараются всевозможными средствами достигнуть перемирія, т. е. другими словами, постараются не допустить дальнѣйшаго столкновенія между турками и греками, при чемъ дружескія отношенія союзныхъ державъ къ Портѣ должны остаться ненарушимыми. Отвѣта не было. Рейсъ-эффенди говорилъ австрійскому драгоману: „Посмотрижъ, какъ далеко пойдутъ мѣры нашихъ враговъ. Греція, свобода, прекращеніе кровопролитія—все это одни предлоги. Намъ хотять выгнать изъ Европы“. Египетскій вице-король Мехмедъ-Али далъ знать султану, что къ нему является англійскій полковникъ Кроудокъ съ предложеніемъ отъ имени трехъ союзныхъ державъ отозвать сына, Ибрагимъ-пашу изъ Морен, и засту услугу державы предлагаютъ независимость Египта; но Мехмедъ-Али не принялъ предложенія. 8 Августа (н. с.) умеръ султанъ Махмудъ II своимъ преемникамъ тяжелое наслѣдство

ствіемъ, съ сознаниемъ, что освобожденіе Греціи вовсе не въ интересахъ Англіи и даже опасно ей, они должны были продолжать греческое дѣло, потому что бросить его, начавши съ такимъ жаромъ, выставившись на первый планъ,—до этого не могла дойти даже и безцеремонность англійской политики. Раздраженіе, происходившее отъ признанія трудности дѣла, усиливалось сильнымъ безпокойствомъ, подозрительностью относительно намѣреній Россіи. Лордъ Дадлей, принявшій управленіе иностранными дѣлами, обратился однажды, на прогулкѣ, съ такими словами къ австрійскому послу, князю Эстергази: „Что вы думаете о намѣреніяхъ Россіи въ греческомъ дѣлѣ?“ „Слѣдовало-бы мнѣ скорѣе обратиться къ вамъ съ этимъ вопросомъ, отвѣчала Эстергази,—я чувствую себя неспособнымъ отвѣчать на него; впрочемъ, я не поколеблюсь признаться въ своихъ опасеніяхъ, что Англія зашла слишкомъ далеко впередъ въ этомъ дѣлѣ противъ собственныхъ своихъ интересовъ и интересовъ Европы“.

Въ Вѣнѣ вздохнули свободнѣе, когда узнали о смерти Каннинга. Здѣсь увидѣли, что три державы и Порта находятся въ такомъ положеніи, которое отымаешь у нихъ свободу движенія, имъ трудно, пожалуй и невозможно ни двинуться впередъ, ни податься назадъ. Но Австрія совершенно свободна и потому можетъ предложить свое посредничество, при чемъ дѣло можетъ пойти по ея желанію: интересы союзниковъ различны и даже противоположны, слѣдовательно связь между тремя державами искусственная и хрупкая. Предложеніе посредничества сдѣлано Портѣ и принято ею; въ письмѣ великаго визиря Мегемета-Селима-паши къ Меттерниху говорилось, что Порта готова вступить снова въ дружескія отношенія со всѣми державами, если прекратится ихъ несправедливое вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла.

Изъ Лондона пришло новое утѣшительное извѣстіе, доказывавшее, что въ Вѣнѣ не обманулись въ томъ, что „связь между тремя державами была искусственная и хрупкая“. Лордъ Дадлей сообщилъ кн. Эстергази подъ секретомъ наказъ, отправляемый въ Константинополь, Стратфорду Каннингу: послѣдній долженъ былъ объявить Дивану, что британское правительство адресуется еще разъ единственно отъ себя въ дружескомъ тонѣ къ Портѣ: оно совѣтуетъ ей принять предложеніе трехъ державъ; британское правительство, желая положить конецъ настоящимъ ужасамъ и анархіи и спасти часть греческаго народа отъ вѣрной гибели, желаетъ, въ то же время, упрочить политическое существованіе Турціи, а средство для этого—согласіе на предложеніе трехъ державъ. Естественно, что Порта можетъ находить достаточныя основанія для своихъ безпокойствъ и подозрѣній на счетъ одной изъ трехъ державъ, подписавшихъ лондонскій договоръ; но ее должны успокоить чувства двухъ другихъ державъ—Франціи и Великобританіи. Принятіе ею предложеній будетъ имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ то, что она возстановитъ свои прежнія отношенія съ поименованными двумя державами, которыя будутъ тогда въ состояніи или удалить

отъ нея всякую опасность, могущую родиться отъ развитія честолюбивыхъ видовъ третьей державы, или обезпечить ее съ успѣхомъ, чего она не достигнетъ, если поведетъ себя иначе.

Но эти внушенія не успѣли еще достигнуть Порты, какъ она была поражена извѣстiемъ, что флотъ ея истребленъ въ Наваринской гавани соединенными эскадрами трехъ союзныхъ державъ: Россiя, Англія и Франція объявили, что прекратить военныя дѣйствія между турками и греками; для исполненія этого обѣщанія необходимо было ихъ соединеннымъ эскадрамъ не дать движенія турецко-египетскому флоту Ибрагима-паши, что и было сдѣлано въ Наваринской гавани; вопросъ состоялъ въ томъ, согласятся-ли турки на бездѣйствіе; первый выстрѣлъ послѣдовалъ съ ихъ стороны и флотъ ихъ былъ истребленъ.

И послѣ этого событія въ Константинополѣ продолжался дипломатическій турниръ, который могъ доставить удовольствіе одному только австрійскому интернунцію, желавшему, во что-бы то ни стало, протянуть время. Посланники союзныхъ державъ оставались при своихъ прежнихъ требованіяхъ: „Наваринская битва, говорили они, есть необходимое послѣдствіе лондонскаго договора и наши дворы будутъ крѣпко его держаться“. Турки требовали, чтобъ союзныя державы отказались отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла и вознаградили Турцію за истребленіе ея флота. „Если греки—говорилъ рейсъ-эффенди—получать льготы вслѣдствіе измѣны и бунта, то какъ это подѣйствуетъ на остальныхъ райевъ? Наша уступчивость заставитъ нашихъ друзей ежедневно прибѣгать къ новому вмѣшательству. Развѣ вы не можете тогда намъ сказать: „если ваши бунтовщики получили льготы, дайте такія же льготы вашимъ вѣрнымъ подданнымъ“; эти льготы, которыя измѣняютъ все положеніе райевъ, развѣ не образуютъ государства въ государствѣ?“—„Мы требуемъ льготъ не для всѣхъ грековъ, а только для жителей собственной Греціи“—представляли посланники.—„Ваши требованія не могутъ быть исполнены,—говорилъ рейсъ-эффенди,—они противны религіи и національности и никакой договоръ не даетъ державамъ права вмѣшательства. Вы говорите о собственной Греціи и упускаете изъ виду, что религія и патріархъ соединяютъ всѣхъ грековъ. Если эта связь будетъ существовать, всѣ греки будутъ требовать того, что уступлено одной ихъ части.“—„Всѣ католическія государства признаютъ одного папу, и это нисколько не мѣшаетъ ихъ независимости“,—говорили посланники.—„Такъ наши друзья желаютъ для грековъ отдѣльнаго управленія? возражалъ рейсъ-эффенди. Султанъ объявилъ послѣднія уступки, которыя онъ можетъ сдѣлать грекамъ: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ поголовной подати, которую они не заплатили, не требовать вознагражденія за понесенныя убытки, со дня покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ“. Посланники объявили, что эти уступки недостаточны. Порта замолчала. Посланники потребовали паспортовъ, но и тутъ сдѣлали послѣднее представленіе: „не

согласится-ли Порто дать грекамъ обозначенныя въ лондонскомъ договорѣ права, если греки сами будутъ съ покорностью просить о нихъ предъ престоломъ султана?" Получивъ отказъ, посланники оставили Константинополь 8 Декабря (н. с.).

Такимъ образомъ, въ 1828 году, дѣло должно было рѣшиться оружіемъ. Какъ же будетъ вестись эта война и чѣмъ она должна кончиться? Этотъ вопросъ занималъ газеты всѣхъ партій, и, по обычаю, газеты толковали о гигантскихъ проектахъ русской политики, о замыслаемыхъ ею приобретеніяхъ, о желаніи разрушить Оттоманскую имперію, овладѣть Константинополемъ. Зная, что кабинеты, преимущественно англійскій, вовсе не чужды этихъ газетныхъ мнѣній, зная, что выраженіе „союзныя державы—Россія, Англія и Франція“ заключало въ себѣ большую иронию, но желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми зависящими средствами, поддержать союзъ, вести дѣло втроемъ сообща, императоръ Николай приказалъ графу Нессельроде отправить въ Лондонъ князю Ливену откровенное изложеніе русской политики, ея интересовъ и требованій. Перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ Портою Россія поставлена въ печальное положеніе, ничьи интересы тамъ не страдаютъ отъ этого какъ ея,—страдаютъ интересы матеріальныя, торговые, страдаютъ интересы нравственные относительно Дунайскихъ княжествъ, Сербіи, отношенія которыхъ опредѣлялись было аверманскимъ договоромъ, а теперь ничто не будетъ исполнено. Съ великимъ удовольствіемъ императоръ узналъ, что князь Ливенъ (11 Декабря н. с.) подписалъ новую декларацію союзнымъ державамъ, что онѣ, по прежнему, будутъ дѣйствовать безкорыстно, къ какому бы мѣрамъ ни принудила ихъ политика Дивана. Въ этомъ случаѣ не отвлеченное правило великодушія, не пустое славолубіе руководить политикою императора, *здесь настоящій интересъ Россіи*. Для Россіи важно, чтобъ въ Греціи образовалось государство, могущее вести свободную торговлю съ Чернымъ моремъ; и этотъ интересъ тождественъ съ интересомъ другихъ торговыхъ государствъ. Для Россіи также важно пользоваться на Востокѣ вліяніемъ, принадлежащимъ ей по праву; но это вліяніе не исключаетъ вліянія другихъ дворовъ европейскихъ, и потому самому не можетъ возбудить ни основательныхъ опасеній, ни законнаго соперничества. Россія, съ другой стороны, не имѣетъ *никакого интереса* увеличивать свои владѣнія или разрушать Оттоманскую имперію, съ того дня, какъ Греція будетъ организована на основаніи договора 6 Іюля, а турецкое правительство соблюдеть условія, вытребованныя нами въ Аверманѣ, — это правительство будетъ въ нашихъ глазахъ самымъ удобнымъ сосѣдомъ и мы не можемъ желать болѣе благоприятнаго для блага Россіи. Мы не перестанемъ повторять, что ни паденіе Турціи, ни завоеваніе не входятъ въ наши виды, потому что они были бы для насъ болѣе вредны, чѣмъ полезны. Впрочемъ, еслибы, не смотря на наши намѣренія и усилія, божественное провидѣніе предназначило насъ быть свидѣтелями послѣдняго дня Оттоманской имперіи, идею его величества относительно расширенія русскихъ

предѣловъ останутся тѣ-же самыя. Императоръ не раздвинетъ границъ своихъ владѣній и потребуетъ отъ своихъ союзниковъ только такого же отсутствія честолюбія и своекорыстныхъ интересовъ, котораго онъ первый покажетъ примѣръ. Таковъ будетъ неизмѣнно нашъ единственный отвѣтъ на фразы, наполняющія газеты всѣхъ партій, относительно гигантскихъ проектовъ русской политики, относительно приобрѣтеній, о которыхъ она мечтаетъ, относительно нашего желанія разрушить Оттоманскую имперію и овладѣть Константинополемъ. Ручательствомъ нашей умѣренности служатъ для союзниковъ *наши истинные интересы и наши торжественныя обещанія*. Существуютъ ли между государствами гарантіи болѣе вѣрныя? Относительно средствъ заставить Порту подчиниться условіямъ договора 6 іюля, Россія конфиденціально предложила союзникамъ слѣдующее: русское войско перейдетъ Прутъ, займетъ Молдавію и Валахію и не остановится, пока Порты не приметъ всѣхъ условій лондонскаго договора, исполненіе котораго будетъ единственною цѣлью этихъ мѣръ. Русскія войска займутъ турецкія области во имя трехъ дворовъ—русскаго, французскаго и англійскаго. Со стороны всѣхъ означенныхъ дворовъ будетъ торжественно объявлено, что провинціи эти будутъ возвращены немедленно Портѣ, какъ скоро цѣль войны будетъ достигнута; союзники, сверхъ того, обнародуютъ свои взаимныя обязательства не искать завоеваній и исключительныхъ выгодъ. Союзныя эскадры должны содѣйствовать сухопутнымъ русскимъ войскамъ, защищая греческіе берега, или дѣйствуя наступательно, нападая на мѣста, занятыя турками въ Моревѣ, на Александрію и даже явиться предъ Константинополемъ для предписанія мира султану. По мнѣнію императора, чуждое влѣшательство въ отношенія союзниковъ къ Портѣ не должно быть допущено ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ; оно не можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ и противно достоинству трехъ дворовъ, которые должны одни достигнуть этого результата.

Послѣднія слова предложенія, разумѣется, относились прежде всего къ Австріи: императоръ Францъ объявилъ Татищеву, что онъ не только не будетъ поддерживать Порты, но прямо объявитъ ей, чтобъ не ожидала ни посредничества, ни поддержки со стороны Австріи. Это объявленіе вызвало письмо отъ императора Николая (7 Января 1828 года), въ которомъ русскій государь заявлялъ императору Францу, что союзники никогда не позволятъ себѣ удалиться отъ основнаго принципа союза, который не позволяетъ завоеваній и исключительныхъ выгодъ: такимъ образомъ, дѣйствія союзниковъ никакъ не нарушатъ интересовъ Австріи, никакое общее колебаніе не потрясетъ настоящаго положенія владѣній и равновѣсія государствъ, установленныхъ аѣтами 1814, 1815 и 1818 годовъ.

Но Поццо-ди-Борго, отъ 2 Февраля, писалъ: „невозможно объяснить противорѣчія вѣнскаго двора. 15 Декабря императоръ Францъ обѣщаетъ Татищеву уговаривать Диванъ, чтобъ тотъ принялъ предложенія союзниковъ, и объявляетъ, что, въ случаѣ упорства, Порты не

должна ждать никакой поддержки отъ Австріи, отъ 22 Января графъ Аппони (австрійскій посланникъ въ Парижѣ) сообщаетъ тюльерійскому кабинету длинную ноту, гдѣ даетъ союзникамъ совершенно другіе со- вѣты, чѣмъ какіе его кабинетъ далъ туркамъ. Французское министер- ство сообщило объ этомъ обстоятельствѣ лондонской конференціи, и лордъ Дадлей объявилъ, что самъ князь Эстергази (австрійскій по- сланникъ въ Лондонѣ), спрошенный объ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ, что ничего не знаетъ⁴.

Въ то же время, князь Ливенъ сообщилъ Поццо изъ Лондона извѣ- стіе, что Австрія хочетъ устроить Галицію подъ именемъ польскаго королевства для сына Наполеонова, герцога Рейхштадскаго. Дѣло было въ томъ, что Австрія не хотѣла ни подъ какимъ видомъ освобожденія Греціи; Англія не хотѣла, чтобъ при этомъ освобожденіи главная роль принадлежала Россіи, чтобъ Турція принуждена была согласиться на это освобожденіе походомъ русскаго войска, который могъ имѣть не- ожидаанныя послѣдствія, разрушить Турецкую имперію, по крайней мѣрѣ, нарушить ея цѣлость и, во всякомъ случаѣ, усилить вліяніе Россіи; пусть русскій императоръ даетъ торжественныя обѣщанія, что онъ не увеличитъ своихъ владѣній и не желаетъ разрушенія Оттоман- ской имперіи: дѣло не въ увеличеніи владѣній, а въ усиленіи вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ почему, въ отвѣтъ на русское предложеніе, говорилось, что „нашествіе на Оттоманскую имперію“ (*l'invasion de l'empire Ottoman*), какими бы увѣреніями оно ни сопро- вождалось, породитъ опасенія и возбудитъ страсти, несомвѣстимыя съ спокойствіемъ цивилизованнаго міра: послѣ долгой тишины, которую наслаждалась Европа, невозможно государственному человѣку спокойно смотрѣть на первое движеніе великихъ армій и первое столкновеніе великихъ государствъ. Опытъ заставляетъ бояться, что такая борьба будетъ только началомъ длинной цѣпи замѣшательствъ и бѣдствій. Сознаніе опасности нарушенія мира выражалось постоянно въ поведе- ніи союзниковъ; мирный духъ обнаруживается и въ самомъ лондон- скомъ договорѣ. Положено было принять мѣры для установленія фак- тическаго перемирія между Портою и греками, но исполненіе этихъ мѣръ не должно было вести къ настоящимъ непріятельскимъ дѣй- ствіямъ. Наваринская битва нарушила эту предосторожность; но это неожиданное событіе не переимѣнило ни природы договора, ни намѣ- ренія союзниковъ, обнаруженнаго въ новыхъ заявленіяхъ въ Констан- тинополь, не измѣнило мирныхъ отношеній между этими государ- ствами и Портою. Договоръ имѣлъ исключительно въ виду состояніе Греціи; слѣдовательно, операціи, ограниченныя Греціею, будутъ имѣть двойную выгоду содѣйствовать конечной цѣли предпріятія и не воз- будятъ опасеній на счетъ цѣлости Оттоманской имперіи, которыя непремѣнно возбудятся, если сухопутныя войска и флотъ отправятся въ ея столицѣ и будутъ заняты области, отдаленныя отъ страны, въ пользу которой условлено дѣйствовать. Война между Россіею и Пор- тою въ настоящихъ обстоятельствахъ получитъ характеръ религіозной

войны. Турки, разсвирѣпѣвши отъ нападенія, направленнаго, по ихъ мнѣнію, противъ ихъ вѣры и владѣній, не будутъ сообразоваться съ правилами, которыми обыкновенно руководятся державы въ войнахъ чисто-политическихъ. Восстанія обнаружатся повсюду въ ихъ имперіи и дѣло, начатое въ видахъ примиренія и человѣколюбія, кончится сценами убійства и опустошеній". Британское правительство предлагало ограничиться очищеніемъ Мореи отъ турокъ и занятіемъ Коринскаго перешейка, послѣ чего будетъ приступлено къ организаціи Греціи подъ покровительствомъ союзныхъ эскадръ и съ помощію торговыхъ агентовъ; морскіе разбои были бы прекращены и мирная торговля народовъ получила бы правильное теченіе. Чтобъ заставить Порту согласиться на принятіе посредничества, нужно съ точностію опредѣлить пространство страны, къ которой оно отнесется; опредѣлить дань, которую греки должны платить Портѣ; опредѣлить вознагражденіе, которое должны получить турки за свои земли въ Греціи; наконецъ, опредѣлить права надзора Турціи надъ Греціей.

Англійская нота—писалъ Поццо-ди-Борго—составлена въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы никогда не было лондонскаго договора и какъ будто бы вопросъ начался только сегодня, тогда какъ инструкціи, данныя посланникамъ и адмираламъ, устанавливали употребленіе силы, чтобъ заставить Порту согласиться на планъ примиренія; изъ этихъ инструкцій очевидно, что употребленіе принудительныхъ, т. е. враждебныхъ мѣръ было принято въ принципъ и приложено на практикѣ. Мы должны серьезно изслѣдовать положеніе, въ какое ставитъ насъ завистливая политика Англии и дѣятельная и неутомимая ненависть Австріи. По нашему мнѣнію, императорскій кабинетъ напрасно будетъ разсчитывать на успѣхъ коллективной системы, для которой его великодушіе принесло столько жертвъ. Принимая эту систему, онъ имѣлъ цѣлью, посредствомъ общаго дѣйствія, достигнуть результатовъ, получить которые, своими одиночными усиліями, ему казалось слишкомъ опаснымъ. Съ своей стороны, Великобританія, соединяясь съ Россією, хотѣла воспрепятствовать этому одиночному дѣйствію и предполагавшейся его цѣли. Франція присоединилась къ двумъ другимъ государствамъ, чтобъ не остаться одинокою и въ надеждѣ устранить столкновенія. Австрія избрала враждебную роль, съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить всѣ эти соображенія, замедляя все, способствовавшее ихъ осуществленію, и держа себя въ готовности воспользоваться обстоятельствами для внесенія смуты въ союзъ. Англійскій планъ составленъ для того, чтобъ оставить Россію и на будущее время въ тѣхъ непріятныхъ отношеніяхъ, въ какихъ она находится къ Турціи. *Разумъ намъ указываетъ, что смѣлость и мѣры правительства, враждебныхъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую они составляютъ о нашемъ могуществѣ* ¹⁾.

¹⁾ Тогда разумъ, а теперь опытъ, и какой опытъ? Вспомнишь Крымскую войну.

Положенію Австріи и Англіи мы должны противопоставить свое собственное и увѣрить ихъ на дѣлѣ, что насъ нельзя захватить въ распlockъ и что мы въ состояніи воздать съ лихвою за зло, которое захотятъ намъ сдѣлать. Если князь Меттернихъ убѣжденъ въ этой истинѣ, то не посмѣетъ компрометировать имперію, которую управляетъ, а если осмѣлится, то почувствуетъ слѣдствія. Его слабость сообщится Англіи. Для ослабленія этой державы наша рука должна быть поднята надъ Австріей; интересъ Англіи, состоящій въ томъ, чтобы не подставлять Австрію подъ удары и не давать намъ случая къ торжеству, сдѣлаетъ ее поговорчивѣе. Если эти истины не утвердятся въ головахъ герцога Веллингтона и князя Меттерниха, то мы будемъ встрѣчать во всемъ препятствія, и нѣтъ интриги или заговора, которыхъ бы противъ насъ не употребили. Франція вела себя твердо и честно“...

Порта упрощала отношенія, вызывая Россію на войну. Она разослала ко всѣмъ начальникамъ провинцій гатти-шерифъ, въ которомъ Россія была представлена, какъ непримиримый врагъ Оттоманской имперіи и мусульманства: Россія произвела возстаніе грековъ; по ея ухищреніямъ, Англія и Франція отнеслись враждебно къ Портѣ; она нарочно возбудила противъ Турціи внутреннихъ и внешнихъ враговъ, чтобы помѣшать преобразованіямъ, которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу. Тщетно австрійскій интернунцій и прусскій министръ хлопотали изо всѣхъ силъ, чтобы воспрепятствовать обнародованію этого гатти-шерифа: европейская печать овладѣла имъ и никто не смотрѣлъ на него иначе, какъ на объявленіе войны. За словомъ слѣдовало дѣло: всѣ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній; наслѣдникъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирза, сообщилъ генералу Паскевичу, что Порта приглашаетъ персіанъ продолжать войну съ Россіей, обѣщая имъ въ скоромъ времени дѣятельную помощь; наконецъ, Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять Аккерманскій договоръ. Князь Ливень долженъ былъ объявить англійскому правительству, что, если Порта объявляетъ войну Россіи, возбуждая противъ нея всѣхъ мусульманъ, то Россія должна вступить въ борьбу и даже посрѣшнить этимъ вступленіемъ, чтобы поскорѣе покончить войну, чтобы не быть принужденною сдѣлать ее слишкомъ рѣшительною и быть въ состояніи уменьшить затрудненія мира. Какое государство можетъ позволить, чтобы его торговля была остановлена, его подданные выгнаны, его честь оскорблена, его договоры затоптаны ногами? Какое государство можетъ оставить подобныя дѣйствія безнаказанными? Права Россіи, въ этомъ случаѣ, неоспоримы и независимы отъ всѣхъ соглашеній съ другими государствами. Императоръ принужденъ отвѣчать войною на войну, и его войска немедленно перейдутъ Прутъ. Публичная декларация будетъ предшествовать этой мѣрѣ. Всѣ европейскія государства найдутъ въ ней обычную умѣренность его императорскаго величества. Россія не предположить для себя ни завоеваній, ни паденія Оттоманской им-

періи. Она будетъ искать только средствъ обезпечить безопасность и свободу своей торговли, возобновить договоры, нарушенные Портою, помочь христіанскимъ народамъ, которыхъ эти самые договоры ставятъ подъ покровительство императора, наконецъ, получить вознагражденіе за убытки торговые и военные. Во всякомъ случаѣ, Россія, разъ принужденная прибѣгнуть къ оружію, считаетъ обязанностью чести привести въ исполненіе лондонскій договоръ. Англійское правительство (съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ) было въ крайне затруднительномъ положеніи: оно не могло отвергать права Россіи начать войну съ Турціею и, въ то же время, больше всего боялось этой войны и успѣховъ Россіи, которые дадутъ послѣдней главную роль и приведутъ греческій вопросъ къ иному рѣшенію, чѣмъ каково желала для него Англія. Эта затруднительность положенія и раздраженіе, отсюда происходящее, выразилось въ отвѣтѣ князю Ливену. Въ отвѣтѣ прямо высказывалось, что теперь союзъ между Россіею, Англіею и Франціею долженъ рушиться:

Франція и Англія должны идти по дорогѣ, указанной Россіею, или вовсе не дѣйствовать. Война Россіи съ Турціею величалась нашествіемъ (invasion) на Турецкую имперію и объявлялось несочувствіе его британскаго величества къ этому нашествію. Указывалось на опасность, какою это нашествіе грозитъ покою Европы. Англійскій кабинетъ долженъ былъ признаться, что принятіемъ побудительныхъ мѣръ, *Новарино*, удаляясь отъ главнаго правила, запрещающаго иностраннымъ державамъ вмѣшиваться въ распри государя съ подданными: но здѣсь позволено было только требуемое необходимою, а впрочемъ, король хотѣлъ, по возможности, держаться предписаній вароднаго права. Не даромъ ждали дѣльи шесть лѣтъ (и какъ будто хорошо дѣлали?) прежде, чѣмъ перешли за ливію дружественныхъ внушеній. Надобно было давать время на размышленіе державѣ, которую вовсе не хотѣли уничтожить или унижить, а только направить на путь спасенія и спокойствія (и послѣ еще 50 лѣтъ направляли—съ большимъ успѣхомъ!). Продолжительность бѣдствій необычайныхъ можетъ оправдать рѣшеніе необычайное; но виѣшательство не должно переходить мѣры золь, которыя предположено дѣлать; было бы несправедливо и неразумно рисковать разрушеніемъ имперіи для возможности улучшить положеніе части ея подданныхъ, и уничтоженіе пиратства на моряхъ левантскихъ обошло бы слишкомъ дорого, еслибы слѣдствіемъ была всеобщая европейская война (вотъ до какихъ мелкихъ размѣровъ былъ низведенъ восточный вопросъ!). Ограничивали угрозой: „Война между двумя великими державами не можетъ никогда быть такъ ограничена, чтобъ не оставляла за остальною Европою права наблюдать за ея ходомъ и обсуждать результаты. Россія, считая себя оскорбленною, можетъ требовать удовлетворенія; но, въ эпоху окончательнаго рѣшенія спора, интересы другихъ государствъ, не принимавшихъ участія въ борьбѣ, должны будутъ также быть приняты въ соображеніе“. Кн. Ливень отвѣчалъ выраженіемъ

удовольствія своего правительства, что англійскій кабинетъ, по своему просвѣщенію и справедливости, призналъ за русскіи императоромъ право объявить войну Турціи. Это признаніе есть актъ, который, открывая Портъ глаза относительно одиночества, въ какое она себя ставитъ, можетъ только содѣйствовать сокращенію войны. Франція и Пруссія также признали справедливость русскаго дѣла; сама Австрія не выражаетъ ни малѣйшаго намѣренія поддерживать Турцію. Такое единодушіе державъ разсѣетъ заблужденіе Порты, а если европейскія державы желаютъ, чтобы Россія не была принуждена продолжать и распространить свои военныя дѣйствія, дать имъ силу, которая подвергнетъ опасности судьбы Оттоманской имперіи, если державы желаютъ, чтобы императоръ не увеличивалъ количества вознагражденій по мѣрѣ дѣлаемыхъ имъ пожертвованій, — то это единодушіе представляетъ лучшее ручательство въ успѣхѣ ихъ усилій, лучшее средство получить счастливыя и важныя результаты. Англія говорила: пусть Россія начинаеть войну, но пусть знаетъ, что за ея дѣйствіями будутъ зорко слѣдить, не дадутъ ей распоряжаться въ Турціи, какъ ей угодно, заставятъ ее сообразоваться съ интересами тѣхъ державъ, которыя и не воевали. Россія отвѣчала: отъ европейскихъ державъ зависить, чтобы война скоро прекратилась, Турція не подверглась большой опасности и выгоды другихъ государствъ не были нарушены: пусть только будутъ спокойны и не вмѣшиваются въ войну.

Но если Россія требовала единодушія державъ относительно невмѣшательства, то въ Англии старались уничтожить это единодушіе. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ, долженъ былъ предложить англійскому кабинету присоединиться къ плану русскаго двора и дѣйствовать въ духѣ договора 6 іюля, не смотря на причины, заставившія Россію приняться за оружіе. Но Полиньякъ скоро долженъ былъ извѣстить свой дворъ, что онъ не надѣется на успѣхъ своего предложенія; Англія выходитъ изъ союза, будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, и будетъ искать союзниковъ на континентѣ. Прежде всего, она стала предлагать Франціи остаться въ союзѣ съ нею и объявить Россію вышедшею изъ союза, но встрѣтила сильный отпоръ. Король сказалъ Поццо-ди-Борго, что герцогъ Веллингтонъ заблуждается, что идея исключить Россію изъ участія въ исполненіи договора 6 іюля противна праву и политики, что, во всякомъ случаѣ, вмѣшательство императора въ восточныя дѣла есть условіе необходимое, особенно же, когда 200,000 русскаго войска стремятся въ сердце страны, о которой надобно совѣщаться; что Франція употребитъ всѣ возможныя старанія не ссориться съ Англійей, но что не скомпрометируетъ себя относительно Россіи и не разлучится съ нею никогда. „Во Франціи—писалъ Поццо—желаютъ освобожденія грековъ, усматриваютъ вдали изгнаніе турокъ изъ Европы, завидуютъ Англии и, однако, не знаютъ, какъ извлечь какую нибудь существенную для себя выгоду изъ успѣховъ Россіи. При такомъ нерѣшительномъ положеніи, господствуетъ одна идея—приготовляться и ожидать событій“.

разъ получено было отъ Англіи безкорыстное обязательство участвовать въ предпріятіи, требующемъ издержекъ и риска и не представляющемъ никакого пріобрѣтенія, никакой торговой выгоды. Я помню, что я говорилъ тогда герцогу Веллингтону:—Скажите, какъ, по вашему мнѣнію, турки взглянутъ на наши мѣры, икѣющія цѣлю воспрепятствовать намъ въ украинскія восставшихъ подданныхъ? Неужели они споконья согласятся на наши требованія?“ Герцогъ Веллингтонъ мнѣ отвѣчалъ: „О! турки не поведутъ дѣла до крайности, когда увидятъ, что наши рѣшенія серьезны. Съ помощью нѣсколькихъ фрегатовъ мы заставимъ ихъ прекратить военныя дѣйствія, напугаемъ ихъ и принудимъ слушаться разсудка; впрочемъ, мы никогда не дойдемъ до войны“. Я спросилъ опять: „Если, однако, наши фрегаты принуждены будутъ отступать, неужели турки примутъ это за мирныя вистрѣлы?“ Герцогъ отвѣчалъ преждее, что никогда дѣло не дойдетъ до таковой крайности. Лондонскій трактатъ былъ слѣдствіемъ петербургскаго протокола. Вы и Пруссія не сочли нужнымъ приступить къ этому договору, о чемъ я не перестану искренно сожалѣть, будучи вполнѣ убѣжденъ, что, еслибы всѣ пять кабинетовъ держали въ Константинополѣ одинаково грозныя рѣчи и еслибы мы всѣ согласились относительно формы усмиренія восставшихъ областей, то не было бы ничего, что теперь случилось. Я не скрываю отъ себя неудобства и важныхъ опасностей, сопряженныхъ съ предпріятіемъ, которое я начинаю, но это не заставитъ меня отступить отъ исполненія моихъ обязанностей. Я искренно буду сожалѣть, если обстоятельства, мимо человѣческихъ расчетовъ, приведутъ Порту на край гибели. Я бы желалъ, чтобъ этой печальной катастрофы не было. Я приму начальство надъ войскомъ, чтобъ каждую минуту быть въ состояніи выслушивать предложенія султана и немедленно остановить войска, когда сочту это необходимымъ. Я буду вести войну не по турецки. Впрочемъ, никакое препятствіе не заставитъ меня оставить мое предпріятіе, если бы даже послѣдовало паденіе Оттоманской имперіи. Безъ сомнѣнія, это было бы новое несчаствіе, ибо я не вижу еще никакихъ средствъ возстановить это зданіе, если оно рухнетъ. Но и это важное соображеніе не остановитъ меня. Я не могу себя убѣдить, чтобъ мы успѣли склонить Порту простыми угрозами или переговорами. Только пушкою и штыкомъ можно побѣдить сопротивленіе султана. Всѣ мои мѣры уже приняты и я не могу отступить ни передъ какимъ препятствіемъ. Убытки, причиненные настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Одессѣ, уже простираются до 20 милліоновъ рублей. По послѣднимъ извѣстіямъ, турки позволяютъ себѣ страшныя жестокости въ Сербіи, вопреки аккерманскому договору; товары лежатъ безъ движенія въ морскъ гаваняхъ, потому что константинопольскій проливъ запертъ для нашихъ кораблей. У меня въ рукахъ матеріальныя доказательства, что турки хотѣли воспрепятствовать миру моему съ Персіею въ минуту его заключенія. Я, однако, успѣлъ заключить почетный миръ съ Персіею и, если Богъ мнѣ поможетъ въ настоящемъ предпріятіи, то я заключу миръ съ Портою, и всѣ убѣ-

дятся, что я требую от нея только необходимаго для русской торговли и того, чѣмъ я владѣлъ по договорамъ. Я докажу Европѣ, что не мечтаю ни о какихъ завоеваніяхъ, будучи доволенъ своимъ положеніемъ, какъ оно есть“.

Въ концѣ Апрѣля, русскія войска перешли Прутъ. Извѣстно, что результаты кампаніи 1828 года не были такъ удовлетворительны, какъ надѣялись въ Россіи, какъ опасались въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Здѣсь, разумѣется, были очень рады, а въ Константинополѣ подняли головы. „Дипломатическій геній“ счелъ обстоятельства благоприятными для начатія своей кампаніи; онъ началъ внушать о необходимости для четырехъ важнѣйшихъ державъ вступить въ войну между Россією и Турцією, причѣмъ уговаривалъ англійскій кабинетъ дѣйствовать на Францію, оттягивая ее отъ Россіи, обѣщая, съ своей стороны, дѣйствовать въ томъ же смыслѣ на Пруссію. Поццо объявилъ Лаферронна, что никогда императоръ не допуститъ никакого вмѣшательства постороннихъ державъ въ свои дѣла съ Портою, и французскій министръ далъ рѣшительный отвѣтъ, что Франція отвергаетъ всякое подобное предложеніе. Осенью былъ въ Вѣнѣ возвращавшійся съ театра военныхъ дѣйствій герцогъ Мортемаръ. Меттернихъ спросилъ у него, какое впечатлѣніе вынесъ онъ о русскомъ войскѣ и о русскихъ генералахъ. Мортемаръ отвѣчалъ, что вынесъ о русской арміи самое выгодное мнѣніе. Меттернихъ презрительно улыбнулся и сказалъ: „Вы, французы, позволите себѣ поддаваться блеску; спросите объ этомъ дѣлѣ насъ: мы наблюдаемъ русскихъ сто лѣтъ, ихъ сила только на показъ, и въ эту минуту это вѣрно болѣе, чѣмъ когда либо; что касается потерь ихъ, то они громадны, Россія не скоро и не легко отъ нихъ оправится“.

Тоже самое было повторено въ Парижѣ. 1 Декабря австрійскій посланникъ при французскомъ дворѣ, графъ Алпони, прочелъ Лаферронна депешу Меттерниха, гдѣ говорилось, что для прекращенія восточной войны необходимо собрать конгрессъ изъ воюющихъ сторонъ и главныхъ государствъ Европы: настоящія обстоятельства представляютъ великія удобства для того, чтобы дѣйствовать на духъ русскаго императора; русская армія находится въ совершенномъ разрушеніи и разложеніи, физическомъ и нравственномъ, генералы потеряли духъ, ссорятся другъ съ другомъ, императоръ въ глубокомъ уныніи; турки увеличиваютъ свои силы и мужество, они отымутъ у русскихъ Варну зимою; великій визирь поклялся въ этомъ своею головою, у него будетъ 150.000 войска для этой операціи; въ будущую кампанію 300.000 турковъ бросятся на русскія владѣнія, опустошатъ все на своемъ пути.

Разумѣется, „дипломатическій геній“ не вѣрилъ ни одному слову изъ всего этого; но ему нужно было напугать Францію, принудить ее отстать отъ Россіи и соединиться съ Англією и Австрією, безъ чего ни той, ни другой нельзя было предпринять ничего противъ Россіи. Герцогъ Веллингтонъ также велъ атаку на Карла X. Для успѣха дѣла нужно было переимѣнить настоящее французское министерство, ибо Лаферронна былъ сильный приверженецъ русскаго союза. Вліяніе Вел-

лингтона, котораго военная слава далеко превышала дипломатическую славу Меттерниха, было сильнѣе и тѣмъ опаснѣе для Россіи. Веллингтонъ выставлялъ себя охранителемъ монархическихъ принциповъ во Франціи, съ большою умѣренностію, чѣмъ Меттернихъ, но это самое дѣлало его вліяніе еще опаснѣе. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Полиньякъ, приобрѣвшій вскорѣ потомъ такую печальную извѣстность, былъ обольщенъ Веллингтономъ и собственнымъ честолюбіемъ, и готовилъ себѣ министерское мѣсто. Полиньякъ, пріѣхавши на время въ Парижъ, попробовалъ склонить короля въ соглашенію съ Англіею и Австріею; но Карлъ X остался непреклоненъ; онъ сказалъ ему прямо: „Я хочу остаться въ союзѣ съ Россіею; если императоръ Николай нападетъ на Австрію, то я буду дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ; но если Австрія нападетъ на Россію, то я сейчасъ двину войска противъ первой. Быть можетъ, война противъ Австріи мнѣ будетъ полезна, потому что прекратить внутреннія смуты и займетъ націю въ широкихъ размѣрахъ (en grand), какъ она желаетъ“.

Но еслибы даже Франція оказала и болѣе податливости, то это не вывело бы лондонскій кабинетъ изъ того затрудненія, въ какое онъ былъ повергнутъ политикою Каннинга и тройнымъ договоромъ относительно Греціи. Благодаря этому договору, Россія, Франція и Англія продолжали считаться союзными державами и, по прежнему, продолжали совѣщаться. Постоянныя выходки Меттерниха противъ греческаго дѣла, противъ лондонскаго договора только раздражали англійское министерство, которое сочло нужнымъ, наконецъ, безцеремонно дать понять хозяину австрійской политики, что не соответствуетъ дипломатической геніальности толковать одно и то же попусту, ибо ничто на свѣтѣ не побудитъ Англію отклониться отъ лондонскаго договора, хотя бы она сама считала его досаднымъ промахомъ; что если Меттернихъ хочетъ дѣйствовать съ пользою для Австріи, то долженъ, прежде всего, употребить все свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобъ заставить турокъ принять предложеніе трехъ державъ относительно Греціи, а потомъ миръ между Россіею и Портою уже легко можетъ быть заключенъ. 26 Декабря 1828 года, отправлена была изъ англійскаго министерства иностраннымъ дѣлъ знаменитая депеша къ лорду Коулею, посланнику его британскаго величества въ Вѣнѣ. Безъ сомнѣнія, можно допустить, говорилось въ депешѣ, что русская кампанія, сравнительно съ ожиданіями императора Николая и его арміи и не смотря на взятіе Варны, совершенно не удалась. Эта неудача соединена съ значительными потерями всякаго рода, потерей лошадей, багажа, военнаго продовольствія, и — что еще чувствительнѣе — потерей, по крайней мѣрѣ, временной, репутаціи непобѣдимости, приписываемой русскому войску, можетъ быть и съ излишнею легкостью. Но остережемся выводить изъ этого ложное заключеніе! Эти потери можно вознаградить, послѣ нихъ можно оправдаться. Очевидно, что опасеніе несчастій, испытанныхъ русскою арміею, очень преувеличено. Не забудемъ, что не было ни одного генераль-

ниго сраженія и что императоръ не испыталъ никакого значительнаго пораженія. Были сдѣланы ошибки въ планѣ кампаніи и въ операціяхъ относительно перехода Балканъ; но ничто насъ не уполномочиваетъ предполагать повтореніе этихъ ошибокъ. Вѣрно также, что рядъ случайныхъ препятствій, на возвращеніе которыхъ нивагъ нельзя рассчитывать въ другую кампанію, останавливали успѣхи русскаго войска. Чрезвычайное поднятіе дунайскихъ водъ замедлило переходъ черезъ рѣку на шесть недѣль. Сухость лѣта была почти безпримѣрна, а въ странѣ между Дунаемъ и Балканами, не имѣющей рѣкъ и постоянно дурно орошаемой, армія много потеряла отъ дурнаго качества воды и недостатка ея, потому что источники пересохли. Зима отличалась такимъ же чрезвычайнымъ характеромъ. Необычайно жестокіе холода начались очень рано и сдѣлали осадныя работы невозможными. Но каковы бы ни были русскія потери и какое бы вліяніе не оказали причины естественныя и неизбежныя, мы сильно-бы ошиблись, воображая, что императоръ Николай будетъ отъ этого имѣть менѣе средствъ будущемъ весной выставить силу, превосходящую ту, съ какою онъ началъ первую кампанію. И что противопоставить ему султанъ Махмудъ? Онъ самъ несомнѣнно обладаетъ твердостью характера и силою воли, въ уровень съ труднымъ и опаснымъ положеніемъ. Народъ его одушевленъ религіознымъ энтузіазмомъ, способенъ на большія пожертванія, чтобъ противиться нападенію, по общему мнѣнію, несправедливому. Въ организмѣ Оттоманской имперіи могутъ быть скрыты или мало видны пружины, значеніе которыхъ трудно опредѣлить съ точностью; но никто не посмѣетъ рассчитывать на долгое и дѣятельное сопротивленіе государства, которое не обладаетъ никакими финансовыми средствами, котораго войска представляютъ буйную толпу безъ всякой дисциплины и котораго вся правительственная система состоитъ въ разрушеніи и анархіи. Въ депешѣ предписывалось лорду Коулею обратить вниманіе Меттерниха на неизбежныя послѣдствія завоеванія Турціи русскими, на противоположность между турецкими областями и областями всякаго другаго европейскаго государства. Въ послѣднихъ, послѣ самыхъ кровавыхъ войнъ и самыхъ широкихъ завоеваній, миръ излѣчиваетъ всѣ раны. Формы правленія измѣняются, династіи низвергаются или восстанавливаются, а состояніе общества и дѣйствіе законной власти остаются нетронутыми. Но оттоманскую власть, разь разрушивъ, восстановить невозможно. Каждая провинція находится въ состояніи смуть и возмущенія, не только противъ верховной власти султана, но и противъ всякой власти и всякой собственности. Нельзя хладнокровно смотрѣть на ужасы подобной войны; нельзя предвидѣть ея конца, вѣрно одно, что мы достигнемъ этого конца только послѣ долгихъ терзаній и смертоубійствъ. Извѣстно, какъ важно для короля поддержаніе независимости Турецкой имперіи. Но каковы бы ни были обязанности и желанія на этотъ счетъ, теперь, когда Турція еще существуетъ, вопросъ измѣняется, если Турецкая имперія будетъ разрушена и мусульмане изгнаны изъ Европы;

ибо тогда какой государь будетъ въ состояніи наложить на своихъ подданныхъ тяжесть и пожертвованія съ цѣлью возвратити турокъ въ среду христіанскихъ народовъ? Эти замѣчанія, быть можетъ, склоняютъ австрійское правительство дѣйствовать въ томъ направленіи, которое мы считали самымъ благопріятнымъ для мира, единственнымъ, которымъ, какъ намъ кажется, можно его достигнуть. До тѣхъ поръ, пока статьи лондонскаго договора не будутъ исполнены, Англія и Франція не будутъ въ состояніи съ успѣхомъ содѣйствовать ни установленію всеобщаго мира, ни сохраненію султанскаго престола. Что бы ни случилось, онѣ не могутъ разорвать своихъ обязательствъ и, предположивъ даже вражду съ Россією, онѣ не будутъ въ состояніи отстать отъ своего договора. Вѣнскій дворъ никогда не одобрялъ началъ, на которыхъ постановленъ лондонскій договоръ, и у насъ нѣтъ намѣренія входить здѣсь въ споры о достоинствахъ этого договора. Допустимъ, что заблужденія и несправедливости участвовали въ его происхожденіи. Если договоръ былъ—зло, то это зло твердо установившееся, и такое зло, котораго вредъ увеличивается по мѣрѣ его продолженія. Если австрійскій министръ думаетъ, что предвидѣнныя имъ затрудненія заставятъ насъ нарушить наши обязательства, то онъ впадаетъ въ роковую ошибку. Его величество искренно желаетъ независимости и твердости турецкой имперіи, но сохраненіе собственной чести для него дороже и, пока обязательства лондонскаго договора будутъ существовать, его величество не перестанетъ соблюдать ихъ. Поэтому, главнымъ дѣломъ австрійскаго кабинета должно быть употребленіе всего своего вліянія въ Константинополь, чтобъ достигнуть уложенія греческаго дѣла, потому что этимъ условія лондонскаго договора будутъ исполнены, Англія и Франція освободятся отъ ихъ обязательствъ. Выполненіе этого условія облегчитъ всеобщее замиреніе гораздо болѣе, чѣмъ попытка произвести прямое сношеніе Порты съ Россією. Какъ скоро лондонскій договоръ будетъ исполненъ, Франція и Англія сейчасъ же будутъ въ состояніи содѣйствовать примиренію. Миръ будетъ восстановленъ посредничествомъ, которое обезпечитъ его твердость. Императоръ Николай, позволительно надѣяться, согласится покончить распрю съ Портою на условіяхъ умѣренныхъ. Заявленія его императорскаго величества и его характеръ дадутъ полное право такъ думать; а еслибъ случилось иначе, то нетрудно будетъ указать средства, которыми Англія и Франція могутъ добиться условій мира справедливыхъ и приличныхъ. Такъ вотъ что теперь должно быть цѣлю всѣхъ усилій князя Меттерниха. Оставляя всѣ свои прежнія возраженія противъ лондонскаго договора и хлопота объ его исполненіи также усердно, какъ бы онъ былъ дѣломъ австрійскаго кабинета, князь дастъ двумъ державамъ возможность содѣйствовать великой цѣли, въ которой они одинаково заинтересованы.

Тяжело, унижительно было „дипломатическому генію“ получить такое внушеніе: безцеремонно говорилось ему, чтобъ онъ бросилъ свои широковѣщательныя возраженія противъ лондонскаго договора и ста-

рался объ его исполненіи точно такъ, какъ еслибы онъ былъ твореніемъ его рукъ; безцеремонно говорилъ ему, чтобъ онъ не разсуждалъ, а исполнялъ. Страшное униженіе для человѣка, который любилъ выставлять себя руководителемъ европейской политики, руководителемъ государей. Предписаніе велить стараться объ исполненіи ненавистнаго дѣла, какъ будто это дѣло было его собственное: оскорбительная насмѣшка! Но дѣлать нечего, надобно исполнить приказаніе. Уже и прежде Меттернихъ отчаявался въ возможности уничтожить лондонскій договоръ и придумывалъ, какъ бы изъ двухъ золъ выбрать меньшее, пришелъ къ тому заключенію, что гораздо выгоднѣе совершенно освободить Грецію изъ подъ власти турокъ, ограничивъ ея территорію Мореею и островами, ибо оставленіе Греціи подъ властью султана поведетъ къ гарантіи, къ вмѣшательству, при чемъ русское вліяніе будетъ господствующимъ. Меттернихъ приказывалъ интриганцію обращать вниманіе Порты на то, что вассальная Греція поведетъ къ такимъ же хлопотамъ, какъ и вассальныя Дунайскія княжества.

Меттернихъ долженъ виновнаться приказанію западной силы; но онъ, слабый, поставленъ въ самое затруднительное положеніе: западная сила, не смотря на соперничество, не хочетъ, не можетъ разрывать съ восточною силою. Надобно, слѣдовательно, умилостивить и другую силу. Въ Петербургъ отправляется графъ Фикельмонъ съ письмомъ императора Франца къ императору Николаю и съ словесными объясненіями. Цѣль этихъ объясненій состояла въ томъ, чтобъ оправдать поведеніе Австріи въ началѣ войны; уничтожить непріятныя впечатлѣнія, которыя часто производило это поведеніе; отречься отъ всякой попытки вмѣшательства между Россією и Портою. Средство достигнуть своей цѣли было употреблено обычное: указать на революціонное движеніе, господствующее во многихъ странахъ, что грозитъ великою опасностью въ будущемъ. Татищевъ долженъ былъ отвѣчать на это кн. Меттерниху по депешѣ гр. Нессельроде отъ 24 Февраля 1829 года: такъ какъ турецкая война продолжается и такъ какъ по *чуждымъ вліяніямъ* сопротивленіе Порты приняло характеръ упорства, то Россія должна обратить все свое вниманіе на интересы, касающіеся ея чести и благосостоянія ея подданныхъ, и потому средства, которыя она могла бы выставить противъ обнаруженій революціоннаго духа, необходимо будутъ парализованы. Австрія больше всѣхъ другихъ государствъ должна желать заключенія мира, но мира славнаго для императора и выгоднаго для имперіи, ибо если миръ не будетъ носить этого характера, значеніе и политическое вліяніе Россіи потерпитъ ущербъ, и нравственная поддержка, которую Россія должна будетъ дать государствамъ дружественнымъ или союзнымъ, будетъ непродолжительна и недѣйствительна. Но, по удивительному противорѣчію, Австрія сочла своею обязанностью вести себя совершенно иначе: она одобряетъ сопротивленіе султана; ея нейтралитетъ не всегда безпристрастенъ, ея сочувствія клонятся очевидно въ пользу Турціи; языкъ ея газетъ умаляетъ наши успѣхи и преувеличиваетъ ничтожныя не-

удачи. Пусть Австрія откажется отъ плачевной политики, каковой она слѣдовала до сихъ поръ; пусть ея агенты въ Лондонѣ поддерживаютъ русское требованіе, чтобъ новая греческая территория имѣла обширнѣйшіе предѣлы, а не ограничивалась Мореею и Цикладами.

Это желаніе Россіи увеличить греческую территорию встрѣтило, въ началѣ 1829 года, сильное препятствіе. Преданный русскому союзу, французскій министръ Лаферроннэ, опасно заболѣвъ, долженъ былъ сложить съ себя должность и уѣхать въ Ниццу. Король прочилъ на его мѣсто, любимца своего, Полиньяка, который окончательно усилилъ бы англійское вліяніе. Это не удалось; не смотря на то, Пощо писалъ: „Очевидно, что наши противники не восторжествовали; но и мы далеки отъ побѣды, особенно по отношенію къ Греціи. Герцогъ Веллингтонъ имѣетъ надъ королемъ (французскимъ) большую власть, которою онъ имѣетъ случай ежедневно пользоваться, благодаря близости двухъ столицъ. Недовольный своимъ внутреннимъ положеніемъ, этотъ государь тоскуетъ о своихъ любимцахъ и не имѣетъ никакого довѣрія и мало уваженія къ тѣмъ, которыхъ долженъ употреблять въ настоящее время. Герцогъ Веллингтонъ льститъ этому чувству и одобряетъ его; вн. Полиньякъ служитъ посредникомъ ихъ тайныхъ сношеній. Подлѣ интересовъ и мотивовъ столь личныхъ и страстныхъ, греческое дѣло становится второстепеннымъ, и люди, которые совѣтуются съ герцогомъ о томъ, какъ должно управлять Франціей, не станутъ бороться съ нимъ, когда пойдетъ дѣло объ опредѣленіи границъ Греціи. Изъ этой запутанности и изъ этого ложнаго положенія, происходятъ противорѣчія между обѣщаніями, мнѣ данными въ Парижѣ, и неопредѣленнымъ языкомъ, которымъ французскіе агенты говорятъ въ Лондонѣ. Что касается народнаго чувства, то оно никогда не высказывалось такъ громко за Россію, какъ теперь. Роялисты, называющіе себя чистыми, и конгрегация высказались противъ насъ, какъ сумасшедшіе, проповѣдуя ученія Англии и Австріи: этой непонятной глупости было достаточно, чтобъ заставить всѣхъ другихъ обратиться на нашу сторону“.

Вслѣдствіе усиленія англійскаго вліянія, Франція согласилась на возвращеніе своего посланника, вмѣстѣ съ англійскимъ, въ Константинополь, для улаженія греческаго дѣла; но союзъ по этому дѣлу былъ тройной и такъ какъ русскій посланникъ не могъ возвратиться въ Константинополь, то Россія здѣсь фактически исключалась изъ союза. Когда Пощо замѣтилъ Карлу X о неожиданности такого рѣшенія со стороны Франціи, то король отвѣчалъ, что нельзя было позволить, чтобъ одинъ англійскій посланникъ возвратился въ Константинополь, а это было дѣло рѣшенное и отговорить отъ него герцога Веллингтона не было никакой возможности. Султанъ, окруженный австрійскимъ интернунціемъ и англійскимъ посланникомъ, будетъ смотрѣть только ихъ глазами и слушать ихъ ушами, тогда какъ французскій посланникъ, графъ Гильемино, можетъ не только наблюдать за ихъ поведеніемъ и за характеромъ ихъ внушеній, но сдерживать ихъ и про-

творѣчить имъ, въ случаѣ надобности, такъ что представитель Франціи будетъ вмѣстѣ и представителемъ Россіи; императоръ будетъ уведомляемъ обо всемъ, что ни произойдетъ въ Оттоманской столицѣ. Поццо, разумѣется, не могъ быть успокоенъ этими словами и прямо высказалъ королю, что кн. Полиньякъ дѣйствовалъ слабо въ Лондонѣ; но въ Парижѣ старались, по возможности, поправить дѣло: Гиллемино, дѣйствительно, было наказано, что, если султанъ откажется смотрѣть на обоихъ посланниковъ, какъ равно уполномоченныхъ и Россіи, то онъ долженъ немедленно порвать всѣ сношенія съ Портою по греческому дѣлу и отдать отчетъ королю, не позволяя Гордону (англійскому посланнику) уговорить себя къ какой бы то ни было сдѣлкѣ; что онъ долженъ считать себя представителемъ русскихъ интересовъ болѣе, чѣмъ своего товарища, покровительствовать русскимъ подданнымъ, оказывать имъ всевозможную помощь; ему дается право дѣлать непосредственныя сообщенія въ Петербургъ, если сочтеть это своею обязанностью, и, на оборотъ, еслибы императоръ поручилъ ему что нибудь, долженъ исполнить порученіе немедленно.

Между тѣмъ, кампанія 1829 года началась. Отъ 26 Іюня (н. с.) Гордонъ писалъ своему министерству изъ Константинополя: „Кажется, очень вѣрно, что военныя дѣйствія ограничатся линією Дуная, и другой годъ пройдетъ прежде, чѣмъ русскіе получатъ надежду перенести свои операціи на эту сторону Балкановъ“. Месяце, чѣмъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ этого, русское войско уже занимало Адрианополь. Императоръ Николай велѣлъ спросить у Поццо, что дѣлать, если упорство султана заставитъ овладѣть Константинополемъ? Поццо отвѣчалъ, что „все зависитъ отъ обстоятельствъ взятія этого города: если султанъ въ порядкѣ отступить въ Азію, то съ нимъ можно договариваться, предложить ему мирныя условія и, если согласится, возстановить его въ Константинополь. Если же онъ погибнетъ и Турецкая имперія разрушится, тогда: принявши военное положеніе, самое способное заставить уважать русскую политику, императоръ можетъ пригласить главныя государства Европы, подъ его предсѣдательствомъ, распорядиться нѣкоторымъ образомъ судьбою страны, которую его величество освободилъ своимъ оружіемъ и которую желаетъ возвратить цивилизаціи и правительству благоустроенному; при этомъ Россія должна получить Константинополь, оба берега Босфора, Дарданеллы и островъ Тенедось. Константинополь можно сдѣлать вольною гаванью, городъ получить самоуправленіе; но въ немъ будетъ русскій гарнизонъ, который будетъ давать Россіи, такъ сказать, молчаливое вліяніе. Слабому государю отдать Константинополь нельзя, потому что тутъ будетъ постоянная борьба между русскимъ и англійскимъ вліяніемъ“.

Но султанъ не хотѣлъ ни уходить въ Азію, ни погибать въ Константинополь; онъ спѣшилъ мириться: 24 Августа (н. с.), двое сановниковъ Порты отправились къ главнокомандующему русскою армією съ мирными предложеніями; имъ было наказано, относительно всѣхъ

статей договора, возмущаясь не только несправедливостью императора Николая Гилленшоу высказывать своему министерству, что условия мира, предложенныя съ русской стороны, безусловно невыгодны. Французскій посланникъ прибавилъ, что раздраженіе и отчаяніе его товарища Германа выше всякой міры и что онъ желалъ ихъ по смирности.

1876.

НАБЛЮДЕНІЯ
НАДЪ
ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ
НАРОДОВЪ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

Часть первая.

Исторія первоначально есть *наука народнаго самопознанія*. Но самый лучший способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ обширнѣе и яснѣе, чѣмъ большее число народовъ становится предметомъ познанаія,—и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, и такимъ образомъ исторія становится наукою самопознанія для цѣлаго человѣчества. Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или такъ-называемой всеобщей исторіи, представляетъ одинакія общія трудности. Внѣшній, окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженныя могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море и въ нѣдра земли, посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе, посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно, завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно; мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Внимательное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиваться которою и, увлекаться опасно для науки. Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея

къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница жизни (*magistra vitae*), человѣкъ однако хлопочетъ часто изо всѣхъ силъ, чтобъ высвободиться изъ подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочеть ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только того, что ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная; но когда ему указываютъ на другую сторону дѣла, неприятную для него, онъ начинаетъ всѣми силами отвергать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять ее: здѣсь уже искаженіе истины намѣренное. Исторія — это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ самаго стремленія исказить исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого науѣ не легче.

Первый вопросъ въ исторіи каждаго народа: гдѣ живетъ народъ? Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно, но мы уже сказали, что здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то, съ постепеннымъ развитіемъ его духовныхъ силъ, замѣчается обратное дѣйствіе, измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста непроходимыя являются проходимыми, пути неудобные удобными, пространства сокращаются, иссушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются новыя растенія, животныя, прежнія исчезаютъ, климатъ измѣняется, природныя условія продолжаютъ дѣйствовать, но это уже другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ. Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усумнились бы разсматривать какъ произведеніе вліянія природныхъ условій, еслибъ имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами; но если бы мы даже предположили не одного, а нѣсколько родоначальниковъ для человѣчества, то и тогда движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ должны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое долженствовало быть и во времена отдаленныя, времена расселенія племенъ и народовъ: не извѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чув-

ствуется внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря, и море не оказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря и стремится на открытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ,—для себя. Слѣдовательно, народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ, и отношенія потому измѣняются, являются болѣе свободными.

Но откуда въ народѣ эти внутреннія условія, вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или другой мѣрѣ, ранѣе или позднѣе выходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться и преодолевать условія обитаемой имъ страны? Мы отличаемъ племена, мы говоримъ, что извѣстный народъ принадлежитъ къ племени, болѣе даровитому, болѣе способному къ развитію, другой къ менѣе способному; но откуда такое различіе въ племенахъ? Для рѣшенія этого вопроса справимся съ преданіями народовъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ бытѣ, съ преданіями, которыя, кромѣ всякаго другого авторитета, находятъ подтвержденіе въ ежедневномъ опытѣ. У патриарха Исаака двое сыновей; они близнецы, и не смотря на то съ противоположными характерами; между ними возникла борьба, вмѣстѣ они жить не могутъ, расходятся и становятся родоначальниками двухъ разныхъ народовъ. Въ еврейскомъ народѣ, въ его характерѣ, стремленіяхъ, историческомъ значеніи нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Иакова. Народъ похожъ на своего родоначальника не вслѣдствіе одного физическаго происхожденія отъ него: народъ воспитывается въ преданіяхъ, которыя идутъ отъ этого родоначальника и въ которыхъ отразилась его личная природа, его взгляды и отношенія; эти преданія составляютъ святыню, которой вѣрятъ, которую хранить считаютъ главною обязанностью. Такъ составляется народный образъ; природа страны, гдѣ народъ основываетъ свое пребываніе, и многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное участіе при этомъ составленіи; но вліяніе природы, родоначальника и преданія, отъ него идущія и отражающія эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могутъ быть указаны. Что справедливо относительно народовъ, то должно быть справедливо и относительно цѣлыхъ племенъ. При нашей миеоманіи, при нашей дурной привычкѣ заставлять народы все жить дожью, мы говоримъ, что они создаютъ образъ своего родоначальника по себѣ, приписываютъ ему тѣ качества, которыя признаютъ въ себѣ, но при этомъ забывается наслѣдственность качества, переходъ ихъ отъ предка къ потомству.

Мы сказали, что кромѣ вліянія личной природы родоначальника и природы страны, многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное вліяніе при составленіи народнаго образа. Здѣсь важное

мѣсто занимаетъ движеніе народа, начинается ли народъ свою историческую роль послѣ сильнаго движенія, или исторія застаётъ его долго сидящимъ въ извѣстной странѣ, безъ особенныхъ побужденій къ движенію. Движеніе развиваетъ силы народа, преодоленіемъ опасностей и препятствій, вселяетъ отвагу, расширяетъ его горизонтъ, производитъ именно такое же вліяніе, какое производитъ путешествіе на отдѣльнаго человѣка, развивая его умственные силы знакомствомъ съ разнообразіемъ странъ и народовъ; но, разумѣется, здѣсь надобно обращать вниманіе на причину движенія, потому что на то, какъ происходитъ оно, въ какія страны направлено, съ какими народами сталкивается извѣстный народъ, и какія слѣдствія этого столкновенія.

Причины движенія народа могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Причины внѣшнія — натискъ другаго народа, недостатокъ средствъ къ жизни въ извѣстной странѣ могутъ заставить цѣлый народъ или часть его выселиться изъ своей земли и искать другихъ жилищъ. Но иногда причины внутреннія, внутренній разладъ и борьба, вслѣдствіе его происшедшая, заставляютъ часть народа, меньшинство, покинуть родину. Въ какой формѣ происходило движеніе, переселеніе — это особенно важно для историческаго наблюденія.

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ именно отъ внимательности этихъ наблюденій, отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполне правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба не отъ того, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а отъ того, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и недогадываются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій внѣшней природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

До какой степени, при изученіи исторіи, мы не привыкли къ внимательному, многостороннему наблюденію, показываетъ всего лучше книга Бокия: „Исторія англійской цивилизаціи“. Авторъ оплакиваетъ судьбу исторической науки, жалѣетъ, что „исторію писали люди вовсе неспособные къ рѣшенію своей великой задачи, что до сихъ поръ мало собрано нужныхъ матеріаловъ. вмѣсто того, чтобы говорить намъ о предметахъ, которые одни имѣютъ значеніе, вмѣсто того, чтобы изла-

гать нашъ успѣхи знаній, и путь, на который вступаетъ человѣчество при распространеніи знаній,—вмѣсто этого, большая часть историковъ наполняютъ свои сочиненія самыми пустыми подробностями, анекдотами о государяхъ, о дворахъ, безконечными извѣстіями о томъ, что было связано однимъ министромъ, что думалъ другой и, что всего хуже, длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе бесполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію ихъ. Наши политическіе компиляторы занимаютъ слишкомъ много отдѣльными лицами и слишкомъ мало характеромъ времени, въ которое эти люди живутъ; эти писатели не понимаютъ, что исторія каждой цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое государи, государственные люди и законодатели болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ, потому что, какъ бы ни было велико ихъ могущество, все же они случайные и не полные представители духа своего времени“.

Прежде всего замѣтимъ, что іереміады автора написаны заднимъ числомъ, что исторія интеллектуальнаго развитія въ народѣ уже давно занимаетъ достойное ея мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ встать: Бокль не зналъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи. Здѣсь очень долго утверждали, что русская исторія начинается только съ Петра Великаго, потому что съ этихъ поръ только начинается исторія русскаго просвѣщенія, исторія интеллектуальнаго развитія, и что исторія до Петра не представляетъ никакого интереса. Эта крайность вызвала, какъ обыкновенно бываетъ, другую крайность; но какъ бы то ни было, вѣрно одно, что очень за долго до Бокля въ одной странѣ громко проповѣдовались его положенія.

Исторія цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое правительства болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ: вотъ основное положеніе Бокля. Но прежде, чѣмъ слѣдить за интеллектуальнымъ развитіемъ въ странѣ, надобно уяснить, что сдѣлало эту страну способною къ интеллектуальному развитію? какія условія приготовили извѣстную почву для интеллектуальнаго развитія, вслѣдствіе чего интеллектуальное развитіе приняло то или другое направленіе? Такъ, наприимѣръ, у насъ интеллектуальное развитіе начинается съ Петра Великаго; но почему оно начинается такъ поздно и именно съ этого времени? почему оно принимаетъ такіа формы при Петрѣ и его преемникахъ? почему Россія теперь находится на извѣстной степени интеллектуальнаго, государственнаго и общественнаго развитія? Все это останется для насъ тайною и поведетъ въ безчисленнымъ ошибкамъ въ теоріи и практикѣ, если мы не изучимъ подробно нашей древней, до-петровской исторіи. Но оставимъ Россію и посмотримъ, какъ Бокль обращается съ исторіею своихъ западныхъ государствъ, съ исторіею своей Англіи, въ цивилизаціи которой видитъ самое правильное развитіе. Въ исторіи Англіи онъ точно также отзывается о времени до XVI вѣка, какъ у насъ еще недавно отзывались о до-петровскомъ времени, именно какъ о времени варварства, мрака,

осподства слѣпой, безусловной вѣры, какъ о времени, въ которое еще не рождалось сомнѣнiе, а пока нѣтъ сомнѣнiя—прогрессъ невозможенъ, по мнѣнiю Бокля; слѣдовательно, что же такое была исторiя Англiи до XVI вѣка? А между тѣмъ, до XVI вѣка здѣсь положено было крѣпкое основанiе тому, что составляетъ отличительную черту англiйской исторiи, англiйскаго государственнаго и народнаго быта, тому, что условило и развитiе интеллектуальное. Самъ Бокль, желая объяснить застой Испанiи, начинаетъ сначала, съ V-го вѣка. Значить, исторiя цивилизованнаго народа имѣеть важное значенiе и тогда, когда интеллектуальное развитiе еще не начиналось, когда еще не рождалось сомнѣнiе; значить, важное значенiе имѣють извѣстныя отношенiя и безъ интеллектуальнаго развитiя; значить и послѣ появленiя интеллектуальнаго развитiя эти отношенiя не могутъ утратить своей важности; интеллектуальное развитiе приходитъ къ нимъ, какъ новая сила, съ могущественнымъ влиянiемъ на всѣ другiя отношенiя, но, какъ обыкновенно бываетъ въ исторiи, и само подчиняется влиянiю другихъ отношенiй.

Обратимся къ другому вопросу: что такое правительство? Правительство, въ той или другой формѣ своей, есть произведенiе исторической жизни извѣстнаго народа, есть самая лучшая повѣрка этой жизни. Какъ скоро извѣстная форма правительственная не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ народной жизни въ извѣстное время, она измѣняется съ болѣшимъ или меньшимъ потрясенiемъ всего организма народнаго. Въ иномъ народѣ, повидимому, возбуждено сильное неудовольствiе противъ правительства, противъ его формы; но если, не смотря на это, правительство держится, то это значить, что народъ, въ своей исторiи, выработалъ извѣстныя условiя, которыя требуютъ именно такой формы правительственной. Правительство, кака бы ни была его форма, представляетъ свой народъ, въ немъ народъ олицетворяется, и потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Исторiя имѣеть дѣло только съ тѣмъ, что движется, видно, дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому для исторiи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами, она имѣеть дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народныя массы приходятъ въ движенiе, и тогда на первомъ планѣ являются вожди, направители этого движенiя, съ которыми исторiя преимущественно и должна имѣть дѣло. Дѣйствiя этихъ лицъ, а въ спокойное время распоряженiя правительнаго правительства, его удачныя вѣры или ошибки могущественно дѣйствуютъ на народъ, содѣйствуютъ развитiю народной жизни или препятствуютъ ему, приносятъ благоденствiе большинству или меньшинству, или навлекаютъ на нихъ бѣдствiя. Вотъ почему характеры правительственныхъ лицъ такъ важны для историка, такъ внимательно имъ изучаются, будь то неограниченный монархъ, будь то любимецъ этого монарха, будь то ораторы, вожди партiй въ представительныхъ собранiяхъ, министры, поставленные во главѣ управления перевѣсомъ той или другой партiи въ народномъ представительствѣ,

будь то президентъ республики. Вотъ почему подробности, анекдоты о государяхъ, о дворахъ, извѣстія о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что думалъ другой, сохранять навсегда свою важность, потому что отъ этихъ словъ, отъ этихъ мыслей зависитъ судьба цѣлаго народа и очень часто судьба многихъ народовъ. Бокль, провозгласивши, что не должно изучать характеры правительственныхъ лицъ, посвящаетъ большіе отдѣлы своей книги дѣятельности Генриха IV французскаго и кардинала Ришелье, выставляя, какое могущественное вліяніе оказала эта дѣятельность на интеллектуальное развитіе французскаго народа. Но это не единственное противорѣчіе въ книгѣ Бокля, вторая представляетъ результатъ отшельнической, замкнутой кабинетной жизни человѣка, отказавшагося отъ всякой общественной дѣятельности, и потому такъ поражаетъ своею односторонностію.

Бокль утверждаетъ, что государи, государственные люди и законодатели суть случайные и недостаточные представители духа своего времени. Историческая наука давно уже признала ихъ недостаточными представителями духа своего времени въ томъ смыслѣ, что они не одни представляютъ этотъ духъ. Что же касается выраженія „случайные представители“, то употреблять его надобно съ большою осторожностію. Всякое явленіе въ жизни народа, какъ бы это явленіе ни было, повидимому, случайно, должно разсматриваться въ исторіи по отношенію къ внутреннимъ условіямъ народной жизни, оно объясняется ими и, въ свою очередь, объясняетъ ихъ. Такъ, на примѣръ, чего кажется случайнѣе въ исторіи извѣстнаго народа, какъ напоръ другого народа, завоеваніе, вслѣдствіе этого напора происшедшее? А между тѣмъ, историкъ пользуется этимъ явленіемъ для провѣрки внутреннихъ силъ народа завоеваннаго, степени его развитія; рѣшаются вопросы: что условило возможность завоеванія? какой отпоръ оно встрѣтило и гдѣ, въ какихъ частяхъ страны, въ какихъ частяхъ народонаселенія? быстро ли покоренъ народъ, или покореніе требовало продолжительнаго времени? въ какихъ отношеніяхъ нашлись завоеватели къ завоеваннымъ, и что произошло изъ этихъ отношеній? Какія силы народа были сломлены завоеваніемъ, какія сокровенныя силы были вызваны къ дѣятельности? Понятно, что при рѣшеніи этихъ вопросовъ провѣряется, уясняется вся предшествовавшая исторія народа.

Характеры лицъ, выдающихся впередъ, лицъ правительственныхъ, служатъ также для провѣрки внутренняго состоянія народа, степени его развитія. Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ характеръ правительственнаго лица и зависящая отъ этого характера дѣятельность его относится къ народной жизни? Мы очень хорошо знаемъ, что извѣстная дѣятельность, зависящая отъ извѣстнаго характера, обнаруживается такимъ образомъ въ одномъ народѣ, инымъ образомъ въ другомъ, бываетъ совершенно невозможна въ третьемъ; внутреннія условія народной жизни, въ извѣстное время, отливаютъ форму для дѣятельности правительственнаго лица, какъ всякаго историческаго дѣятеля вообще, во всѣхъ сферахъ: слѣдовательно, эта форма служить

самою лучшею пробѣркою народной жизни. Здѣсь уже случайность явленія исчезаетъ. Такимъ образомъ опять выходитъ, что мы должны изучать дѣятельность правительственныхъ лицъ, ибо въ ней находится самый лучший, самый богатый матеріалъ для изученія народной жизни, и правительственные лица являются представителями народа вовсе не случайными. Съ другой стороны, дѣятельность правительственныхъ лицъ, условливаясь извѣстнымъ состояніемъ общества, производитъ могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе жизни этого общества, и потому должна обращать на себя особенное вниманіе историка. Какая возможность изучить характеръ времени, не изучивъ дѣятельности лицъ, выдающихся на первый планъ, и прежде всего, лицъ правительственныхъ? Не Цезарь разрушилъ римскую республику; эта республика, во времена Цезаря, заключала въ себѣ такія условія народной жизни, при которыхъ Цезарю возможно было сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Но какъ мы изучимъ эти условія, какъ поймемъ характеръ времени, не изучивъ дѣятельности Цезаря, его отношеній къ лицамъ, учреждениямъ, различнымъ частямъ народонаселенія? Какъ мы изучимъ характеръ первыхъ временъ римской имперіи, не изучивъ характера отношеній первыхъ императоровъ къ сенату?

Бокль жалуется на историковъ также за то, что они наполняютъ свои сочиненія длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе бесполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ намъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію новыхъ истинъ. Мы думаемъ, что исторія должна открыть намъ истину о жизни одного или нѣсколькихъ народовъ. Впрочемъ, по поводу вопроса о значеніи исторіи войнъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о значеніи такъ называемой внѣшней исторіи вообще, ибо нѣкоторымъ унижаютъ это значеніе передъ значеніемъ исторіи внутренней. Въ жизни отдѣльнаго человѣка мы различаемъ жизнь домашнюю и жизнь общественную; мы знаемъ хорошо, что человѣкъ немислитъ безъ общества, что только при столкновеніи съ другими людьми, въ общей дѣятельности, опредѣляются его понятія, развиваются его умственные и нравственные силы. Тоже самое и въ жизни цѣлыхъ народовъ: они также живутъ жизнью домашнею, или внутреннею, и жизнью общественною. Извѣстно, что такое народъ, живущій внѣ общества другихъ народовъ. Застой — удѣлъ народовъ, особо живущихъ; только въ обществѣ другихъ народовъ народъ можетъ развивать свои силы, можетъ познать самого себя. Извѣстно, что европейскіе народы обязаны своимъ великимъ значеніемъ именно тому, что живутъ одною общею жизнью. Но послѣ этого какъ же можно отнимать значеніе у этой общественной жизни народа въ пользу внутренней или домашней жизни, которая подчиняется такому сильному вліянію жизни общественной? И внутренняя жизнь народа, въ свою очередь, обнаруживаетъ сильное вліяніе на степень и характеръ его участія въ общей жизни народовъ, точно такъ, какъ домашній кругъ человѣка, его домашнее воспитаніе имѣетъ важное вліяніе на харак-

теперь, съ какими онъ является въ общество, на это общественную дѣятельность: но изъ признанія тѣсной связи между внѣшней и внутренней жизнью народа и взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга не слѣдуетъ, что одной надобно отдавать преимущество передъ другою. Историкъ не можетъ не останавливаться долго на дипломатическихъ сношеніяхъ, потому что въ нихъ выражается общественная жизнь народа, въ нихъ народы являются передъ нами каждый съ своими интересами, вынесенными изъ исторіи, съ своими историческими правами, съ своими особенностями: наконецъ, отъ характера веденія ихъ зависитъ усиленіе или упадокъ значенія народа, зависитъ война или миръ. А война? Это мѣриво силъ народныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Вспомнимъ, какое значеніе въ жизни народной имѣть та или другая степень внѣшней безопасности. Толкуя о народѣ, не будемъ удаляться отъ него, но взглянемъ внимательно, что значитъ для него война или миръ. Толкуя о проведеніи, не будемъ забывать настоящаго, которое такъ богато объяснено прошедшаго, не будемъ забывать, какъ мы теперь волнуемся вопросомъ о войнѣ или мирѣ, какъ важныя внутреннія дѣла останавливаются въ ожиданіи рѣшенія этого страшнаго вопроса внѣшняго. Повторимъ, что истинный ходъ англійской исторіи зависитъ отъ остроты возмущенія страны, дающаго ей большую внѣшнюю безопасность, сравнительно съ государствами континентальными. И вождь этого мы не дадимъ важнаго значенія исторіи войны, которая или истощаетъ, или возбуждаетъ народныя силы, отнимаетъ у народа важное мѣсто, занимаемое имъ въ обществѣ другихъ народовъ, или ему даетъ еще расширить сферу его дѣятельности. *Возвращаемъ ходъ его исторіи!* Другое дѣло подробности военныхъ дѣяній: онъ не долженъ входить въ общую исторію одного или нѣсколькихъ народовъ, онъ составляетъ содержаніе специальной военной исторіи, и можетъ быть истинно полезнымъ и занимательнымъ только для специалистовъ.

Независимый развокъ народа съ государствомъ, происшедшій въ головѣхъ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ писателей и преподавателей, породилъ довольно распространенныя заблужденія. Заблужденіе, что государство есть необходимая форма для народа, которая необходима безъ государства, объявляли, что не станутъ останавливаться на какой-нибудь границѣ государственности *свободы больше того, сколько требуется* этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и величаніе, что не станутъ преклоняться предъ *бюрократіей* или, выходя изъ массъ: что эти два будутъ важны единственно, потому, что они принесли съ *собою* изъ массъ, и что *свободили* массъ ихъ дарованія: что не будетъ важны никакимъ образомъ, никакимъ учрежденіемъ или *своимъ*, а только по приложенію, ихъ въ народному быту; что не будутъ останавливаться ни на какой литературной памятникъ, если не будутъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль: въ такомъ случаѣ, гораздо важнѣе будетъ народная мысль, даже самая анахроническая въ

изложеніи ви́шняго событія; предметомъ первой важности будутъ повѣствованія лѣтописцевъ о неурожаехъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе явленіяхъ, которыя для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляютъ неважныя черты.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ видно непониманіе тѣсной связи между государствомъ и народомъ, связи формы съ содержаніемъ. Что значить, на примѣръ, разсматривать громкое государственное событіе со стороны воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе? Но почему же это событіе громко? Историкъ, при встрѣчѣ съ такимъ событіемъ, прежде всего долженъ показать, какъ оно возникло въ жизни извѣстнаго народа, разумѣя подъ жизнь народа жизнь внутреннюю и ви́шнюю. Что касается до значенія лицъ, выходящихъ изъ массы, то понятно, что всякій оцѣниваетъ ихъ по степени того добра, какое оказали они своимъ общественнымъ служеніемъ: объ этомъ никто никогда не спорилъ. Но здѣсь должно замѣтить, что историкъ не имѣетъ возможности непосредственно сноситься съ массою, онъ сносится съ нею посредствомъ ея представителей, историческихъ дѣятелей, ибо масса сама ничего о себѣ не скажетъ; и въ то время, когда она движется, волнуется,—на первомъ планѣ ея вожди, представители, они говорятъ и дѣйствуютъ, и этимъ самымъ становятся доступны для историка. Если извѣстный законъ или учрежденіе, каковы бы ни были сами по себѣ, не имѣютъ приложенія къ народному быту, то во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ вниманія: если законъ или учрежденіе дѣйствуютъ и въ то же время неприложимы къ народному быту, то они причиняютъ вредъ, затрудненія, неудобства въ управленіяхъ народной жизни; это очень важно, и историкъ обязанъ вникнуть въ причины такого явленія, ибо здѣсь повѣрка народной жизни. Историкъ обязанъ останавливаться на важныхъ литературныхъ памятникахъ, ибо такіе памятники не могутъ пройти безслѣдно для жизни общества. Историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь, ибо отдѣлять ихъ нельзя: народныя бѣдствія не могутъ быть для него неважными чертами уже и потому, что они имѣютъ рѣшительное вліяніе на государственныя управленія, затрудняютъ ихъ, бываютъ причинами разстройствъ въ государственной машинѣ, что вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на народную жизнь. Но конечно историкъ, уважающій народъ, не поставитъ на ряду съ народными бѣдствіями затмѣній и кометъ, пугавшихъ народное воображеніе, хотя и не оставитъ ихъ безъ вниманія, когда будетъ говорить, какъ народъ, въ извѣстное время, представлялъ себѣ извѣстныя явленія.

Сдѣлавши эти предварительныя замѣчанія, мы приступимъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнью народовъ, и для правильности этихъ наблюденій начнемъ съ начала, начнемъ съ того, съ чего обыкновенно начинаютъ.

I.

·ВОСТОКЪ.

I.

Китай.

Передъ нами одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ богатыхъ странъ въ мирѣ, страна чайнаго дерева и шелковаго червя, страна, которая съ незапамятныхъ поръ составляетъ одно государство, самое обильное трудолюбивымъ и промышленнымъ народонаселеніемъ, долго славившимся своими шелковыми, хлопчато-бумажными и фарфоровыми издѣліями, знавшимъ, какъ говорятъ, порохъ, компасъ и книгопечатаніе прежде европейцевъ; но это государство съ незапамятныхъ поръ не имѣетъ исторіи; Китай и неподвижность сдѣлались понятіями, неразрывно связанными другъ съ другомъ. Съ неподвижностію, страхомъ передъ новымъ соединена замкнутость, страхъ предъ чужимъ. Причины этихъ явленій находятъ, во 1-хъ, въ природныхъ условіяхъ; во 2-хъ, въ характерѣ монгольскаго племени, къ которому принадлежитъ народъ китайскій. Будемъ наблюдать надъ дѣйствіями этихъ условій.

Указываютъ, что замкнутость Китая происходитъ отъ того, что онъ окруженъ высочайшими горами и бурными, туманными, имѣющими много мелей морями; съ другой стороны, указываютъ на необыкновенное плодоносіе и роскошь страны, вполне удовлетворяющей народонаселеніе и отнимающей у него охоту къ движенію, исканію новаго, чужого. Говорятъ также, что свойства монгольскаго племени условили остановку китайцевъ въ развитіи; въ китайской цивилизаціи монгольское племя достигло высшей степени развитія, къ какой только оно могло быть способно.

Мы, разумѣется, не будемъ отвергать вліянія ни одного изъ означенныхъ условій, хотя приговоръ относительно племени намъ кажется слишкомъ рѣзокъ: если мы видимъ, что племя остановилось на известной степени развитія подъ вліяніемъ такихъ-то могущественныхъ условій, то естественно рождается вопросъ: остановилось ли бы оно на этой степени при другихъ условіяхъ? Что же касается до вліянія природы, то имѣемъ право спросить: такіе же ли оказались бы результаты, если бы Китай, бывъ рѣзко отдѣленъ съ сухого пути, представлялъ такую же плодоносную страну, и простирался небольшою узкою полоскою по берегу моря? Признавая всю законность этого вопроса, мы считаемъ себя въ правѣ выставить новое условіе, именно обширность страны, въ которой, въ продолженіе многихъ вѣковъ, народонаселеніе могло расширяться и устраиваться безъ столкновенія съ другими народами, безъ внѣшней дѣятельности, безъ подвига, съ

одной только внутренней деятельностью. Все силы народа, особенно с быстрым его увеличением при благоприятных условиях, ушли в это необычайное трудолюбие, отличающее китайцев; но одно трудолюбие при однообразной будничной жизни не разовьет народа, для развития необходим труд только, но подвиг, сильное, широкое движение, которое обуславливается внешними столкновениями. В Китае всего лучше можно видеть влияние на народ исключительно внутренней жизни, как бы она сильно развита ни была, влияние труда без подвига, необходимого для вскрытия и упражнения высших способностей человека; в китайцах мы видим людей, в высшей степени способных к труду и несколько неспособных к подвигу, трусливых, легко поддающихся внешнему натиску. Преобладание внутренней жизни ведет к тому, что государство становится похожим на муравейник или на пчелиный улей: трудолюбия очень много в муравьях и пчелах.

Как устроил китайский народ свое государство? Вопрос этот связан с вопросом: как устроивает свое государство всякий большой народ, живущий в обширной стране без внешних столкновений? Первоначальный родовой быт может держаться во всей чистоте только при малочисленности народонаселения и обширности страны, когда каждый род может жить отдельно, не сталкиваясь с другими, когда и усобицы, возникающие в отдельном роде, легко погасают через удаление недовольных, притесненных членов рода. Но когда народонаселение увеличивается, когда отдельные роды необходимо приближаются друг к другу, то естественно происходят между ними столкновения, ведущие к устройству нового порядка вещей. Или один род, благодаря личности своих членов и другим благоприятным обстоятельствам, усиливается на счет других, и старшина его дѣлается старшиною ихъ всѣхъ; или когда столкновения, войны между родами не оканчиваются такимъ образомъ и сильно наскучиваютъ осѣдлому, земледѣльческому народонаселению, то оно добровольно подчиняется одному человеку, чтобы чрезъ это подчинение избыть отъ внутреннихъ войнъ; иногда это дѣлается, чтобы получить вождя для дружнаго отбитія внешнего непріятеля. Подчинение это могло быть временное и пожизненное; пожизненное пользование властью легко могло превратиться въ наследственное. Въ Китаѣ первоначально были владѣльцы, или, какъ мы привыкли называть ихъ, богдыханы, пожизненные, а съ императора Ю (2205 до Р. Х.) наследственные (первой династіи Гиа). Власть этихъ первыхъ государей естественно неограниченная, добыта ли она силою или избраніемъ. Ея неограниченность обуславливается потребностію новаго народа получить крѣпкую связь; новый государь долженъ быть вождемъ на войнѣ противъ внутреннихъ и внешнихъ враговъ и судьей верховнымъ: въ томъ и другомъ случаѣ ограниченіе его власти неудобно для народа, создающаго у себя гражданскій порядокъ; мы знаемъ, что и въ послѣдующія времена усиленіе монархической власти является послѣ сильныхъ движеній, кото-

ры истомляютъ народъ и заставляютъ его искать успокоенія въ диктатурѣ. „Гдѣ нѣтъ царя, говорится въ одной древней поэзіи ¹⁾, тамъ нѣтъ ни у кого собственности, люди пожираютъ другъ друга какъ рыбы, не строятся дома, не воздвигаются храмы, не приносятся жертвы, никто не пляшетъ на празднествахъ, никто не слушаетъ пѣвца, земледѣлецъ и пастухъ не могутъ спать при открытыхъ дверяхъ, купцамъ нѣтъ безопасной дороги“. Образца власти нѣтъ никакого другого, кромѣ власти естественной—отца надъ дѣтьми, и потомъ власти господина надъ рабами. Обратимся къ сознанию древнихъ о господствовавшихъ у нихъ формахъ правленія: „Каждый домъ, говоритъ Аристотель, управляется старшиной: поэтому и народы управляются царями, ибо составились изъ управляемыхъ (т. е. изъ домовъ, семействъ); монархія есть домашняя форма правленія, ибо домъ управляется монархически“.

Мы не можемъ не принять объясненія Аристотеля, хотя не можемъ ограничиться имъ, тѣмъ болѣе, что знаменитый философъ, противопоставляя народъ, составившійся изъ семействъ или домовъ и потому управляемый монархически,—городу, состоящему изъ людей свободныхъ и равныхъ и управляемому политически, не объясняетъ, откуда произошла эта противоположность. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что въ народѣ многочисленномъ, на большомъ пространствѣ живущемъ и преданномъ земледѣлію, мирному труду, не можетъ возникнуть начало, способное ограничивать царскую власть. Собраніе всего многочисленнаго народа, на обширныхъ пространствахъ живущаго, для совѣщанія о дѣлахъ невозможно; посылка избранныхъ представителей дѣло тяжелое и невозможное въ первыя времена безъ другого представительства, образуемаго какой-нибудь выдающеюся частью народонаселенія, имѣющаго особенное положеніе, особыя права; происхожденіе такой части народонаселенія условливается сильнымъ и продолжительнымъ воинственнымъ движеніемъ, и то, какъ увидимъ, въ дружинной формѣ совершающимся; въ народѣ же невоинственномъ, преданномъ мирнымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ занятіямъ, этого быть не можетъ. Народонаселеніе города, гдѣ живетъ владыка народа, можетъ оказывать на него вліяніе, ограничивать его власть своими собраніями, вѣчами; но для этого нужно особенно сильное развитіе торговое въ извѣстномъ мѣстѣ, особенная подвижность народонаселенія вслѣдствіе торговой дѣятельности, развивавшей силы чело-вѣка наравнѣ съ воинскою дѣятельностію, особенно въ первобытныя времена, когда купецъ, по отсутствію безопасности путей, долженъ былъ превращаться въ воина. Если такого условія нѣтъ, если мы имѣемъ дѣло съ народомъ многочисленнымъ, занимающимъ обширное пространство въ странѣ уединенной и своими произведеніями удовлетворяющей народъ, который потому преданъ мирнымъ занятіямъ; если при умноженіи своего числа, вѣдущемъ къ уничтоженію родовой особ-

¹⁾ Въ Рамаививъ.

ности, народъ хочетъ обезпечить свои занятія установленіемъ единой и крѣпкой власти, способной защитить отъ враговъ внѣшнихъ и прекратить усобицы внутреннія,—то въ такомъ народѣ мы имѣемъ право ожидать сильной, неограниченной верховной власти. Пройдутъ вѣка и укоренится привычка, извѣстныя отношенія войдутъ въ народное умоначертаніе, получатъ освященіе свыше и лягутъ такимъ образомъ препятствіемъ къ образованію условій, могущихъ повести къ переменѣмъ.

Такія отношенія мы видимъ у китайцевъ, которыхъ природа оградила отъ внѣшнихъ вліяній и дала на любопытное и поучительное зрѣлище, какъ улей подъ стекломъ для наблюденій естествоиспытателя. Мы можемъ здѣсь понять, до чего можетъ достигнуть уединенный народъ земледѣльцевъ, работниковъ, поставленный въ выгодныя условія для работы, народъ трудолюбивый, понятливый, расчетливый, благоразумный, но съ крайне узкимъ горизонтомъ, народъ, весь преданный „злѣбъ дня“, заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, ничѣмъ не развлекаемый въ этихъ заботахъ и не терпящій быть развлекаемымъ. Всѣ отношенія, разумѣется, должны имѣть связь съ этимъ главнымъ стремленіемъ. Китайцы признаютъ надъ собою неограниченную власть своего богдыхана, потому что эта власть обезпечиваетъ имъ ихъ работу; отношеніе основывается на расчетѣ, никакой другой религіозной, нравственной, исторической связи нѣтъ. Хотя богдыханъ и называется сыномъ неба, но это только титулъ; хотя ему и воздаются божескія почести, но это церемонія, необходимая для обозначенія ранга. Богдыханъ долженъ быть хорошій правитель, добродѣтельный человекъ иначе онъ не обезпечиваетъ, для народа, спокойствія и порядка: какъ же быть въ противномъ случаѣ? Другого средства нѣтъ, кромѣ возстанія противъ дурного лица, противъ испортившейся династіи, и китайская исторія не бѣдна такими движеніями, нисколько впрочемъ не уничтожающими ея однообразія. Какъ скоро переменна лица произошла и оказалась удовлетворительною, все пошло по прежнему, улей зашумѣлъ въ обычной работѣ.

Чтобъ работа была обезпечена, нуженъ самый строгій порядокъ нужно, чтобъ все было опредѣлено съ необыкновенною точностію, чтобъ никто не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей пережѣны, чтобъ все происходило одинаково, какъ разъ заведено: китайское законодательство отличается точностію, обстоятельностью опредѣленій всего, относящагося къ поведенію человѣка, къ его нравственнымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ, къ формамъ общественныхъ приличій, къ покрою одежды и стрижкѣ волосъ. Законъ соблюдается строго, произвола нѣтъ. Демократическое начало господствуетъ; всѣ китайцы равны другъ передъ другомъ, наследственныхъ сословій нѣтъ; подняться на высшія мѣста, мѣста надзирателей за рабочими, блюстителей установленнаго порядка на этой громадной фабрикѣ, называемой Китаемъ, можно только посредствомъ испытаннаго знанія, приобретаемаго тяжелымъ трудомъ. Цѣль управленія сознана

ясно: „Хорошее управленіе должно доставить народу необходимыя для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлѣбъ; потомъ должно сдѣлать его добродѣтельнымъ и научить полезному употребленію всѣхъ этихъ вещей, должно остеречь его отъ всего того, что можетъ повредить его здоровью и жизни“.

И больше ничего не нужно для китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идетъ вѣка по разъ заведенному порядку, подъ строгимъ надзоромъ знающихъ дѣло людей. Все, что можетъ нарушить этотъ порядокъ, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено: рабочій не развлеченъ ничѣмъ; мысль его съ малолѣтства приучена вращаться въ тѣсномъ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ и направляться къ одной цѣли—исканію удовлетворенія матеріальнымъ потребностямъ; всякій выходъ отдѣльнаго лица изъ очерченнаго круга, всякое проявленіе личности, личной самостоятельности, новой мысли и взгляда не позволено, невозможно. Полицейскій порядокъ развить былъ въ Китаѣ тысячи лѣтъ назадъ; тысячи лѣтъ назадъ ни одинъ китаецъ не могъ выйти безъ паспорта за городскія ворота. Правительственная система, которая недавно проповѣдывалась въ Европѣ нѣкоторыми государственными людьми, и которая правилась многимъ, измученнымъ революціонною качкою, — система ограниченія народа заботами о насущномъ хлѣбѣ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ потребностей, съ удаленіемъ отъ него всего, что могло бы развлечь его вниманіе, возбудить мысль, нарушить спокойствіе и порядокъ обычныхъ занятій, эта система, непримѣнимая въ Европѣ, осуществлена съ незапамятныхъ поръ въ Китаѣ, не выдумана здѣсь какимъ-нибудь богдыханомъ или мандариномъ, но вытекла изъ условій жизни народа, принята и усвоена имъ; народъ воспитался, образовался по ней, она вошла въ его существо, и можетъ ли онъ когда-нибудь жить безъ нея—неизвѣстно.

Мы видѣли, что Китай испытывалъ потрясенія, нарушенія спокойствія и установленнаго порядка вслѣдствіе слабости и недостойнства богдыхановъ. Но эти потрясенія, не могшія, по характеру своему повести ни къ какимъ живительнымъ преобразованіямъ, не могшія расширить горизонтъ народной жизни, возбуждали только въ народѣ желаніе возвратиться какъ можно скорѣе къ спокойной и потому счастливой старинѣ, возстановить все какъ прежде было. Отсюда понятно, что имя человѣка, особенно потрудившагося надъ такимъ возстановленіемъ старины въ области мысли, знанія и самопознанія народа, будетъ особенно популярно. Таково знаменитое имя Конфуція (жившаго отъ 550—479 г. до Р. Х.), собравшаго и приведшаго въ порядокъ древнія народныя преданія. „Мое ученіе, говорилъ Конфуцій, есть ученіе, переданное намъ предками; я ничего не прибавилъ и не убавилъ, но передаю ихъ ученіе въ первобытной чистотѣ“. Изъ этихъ преданій старины для насъ важны религіозныя представленія по связи ихъ съ религіозными представленіями другихъ языческихъ народовъ. Въ религіозныхъ представленіяхъ языческихъ народовъ, извѣстныхъ въ исторіи, мы замѣчаемъ

слѣдующія общія основныя черты: во-первыхъ, дуализмъ, и притомъ двойной, именно, обоготвореніе двухъ началъ—мужскаго и женскаго, и потомъ, обоготвореніе двухъ началъ—добраго и злаго; во вторыхъ, поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Въ различныхъ отношеніяхъ того или другаго народа къ этимъ основнымъ представленіямъ выражается характеръ народа и его историческое значеніе. Въ китайской религіи мы находимъ первый дуализмъ, поклоненіе мужскому началу, первоначальной силѣ — небу, и женскому началу, первоначальной материн—землѣ. Подлѣ этого поклоненія существуетъ поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Но, говоря о религіозномъ поклоненіи китайцевъ, мы не должны представлять себѣ формъ поклоненія, встрѣчаемыхъ у другихъ народовъ: у китайцевъ нѣтъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни праздничныхъ дней въ недѣлѣ. Китаецъ—работникъ, погруженный весь въ заботы о матеріальномъ существованіи; онъ не чувствуетъ потребности въ освѣженіи, возстановленіи силъ праздникомъ, духовнымъ занятіемъ; праздникъ нарушаетъ порядокъ, и потому неполезенъ. Для китайца „небо не говоритъ, но заявляетъ свою волю только черезъ народъ или чрезъ людей!“ Впрочемъ въ религіозной жизни китайцевъ не обошлось безъ протеста противъ этого пренебреженія духовными потребностями. Самостоятельно, или подъ вліяніемъ ученія, занесеннаго какъ нибудь съ юга, изъ Индіи — все равно, только протестъ явился въ такъ-называемомъ ученіи Тао, основанномъ Лао-Тзе, который подчинилъ физическій дуализмъ неба и земли высшему началу Тао (разума); протестуя противъ полнаго погруженія въ заботы о матеріальномъ благосостояніи и въ чувственныя наслажденія, господствовавшаго въ Китаѣ, Лао-Тзе требовалъ освобожденія отъ страстей и духовной созерцательной жизни въ удаленіи отъ общества и его волненій, указывая на цѣль такой жизни—возвращеніе въ лоно первоначальнаго существа, изъ котораго вышелъ человѣкъ. Мы еще возвратимся къ этимъ представленіямъ, въ которыхъ выказалась реакція чувственнымъ стремленіямъ народовъ въ различныхъ странахъ востока. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Китаѣ ученіе Лао-Тзе явилось сектою и не могло сильно противоудѣйствовать господствующему направленію жизни; гораздо сильнѣе распространился искаженный буддизмъ, удовлетворявшій потребности народа во вѣшнемъ богослуженіи.

Трудолюбивѣйшій народъ не могъ предохранить себя отъ рабства. На это важное явленіе, какъ оно существовало въ древнемъ мірѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частной зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставлять значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь и, въ послѣднемъ случаѣ, побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностію побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ соудѣйствовала сильно къ распространенію рабства: для человѣка было чрезвычайно удобно

имѣть разумное орудіе, разумную животненную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но кромѣ захвата и купли число рабовъ увеличивалось и другимъ способомъ: обѣдненіе отъ голода или другаго физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, *безсемейность и безродность*, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощію первоначальнаго кровнаго союза,—всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это—работа, рабство; молодой человѣкъ, для полученія руки дѣвушки, долженъ былъ работать будущему тестю нѣсколько лѣтъ, какъ мы это видимъ въ исторіи патриарха Іакова.

Рабство продолжалось и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храма Духа св., существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности. Въ древности мы видимъ, напримѣръ, такое явленіе: жена даетъ въ наложницы мужу рабу свою, и когда раба родитъ ребенка, то госпожа въ восторгѣ принимаетъ его на колѣни, и говоритъ, что Богъ далъ ей сына. Поймемъ ли мы теперь это явленіе? Оно объясняется только такимъ представленіемъ, что рабъ не имѣетъ совершенно никакой личности, и составляетъ часть господина, имѣетъ съ нимъ совершенно одно существованіе. Знаменитый наблюдатель надъ общественными явленіями древняго міра, Аристотель приходитъ къ намъ на помощь; онъ говоритъ: „Рабъ есть одушевленная собственность и какъ бы органъ. Собственность есть какъ бы часть, ибо часть есть не только часть другаго, но имѣетъ съ нимъ одно существованіе. Подобно тому и собственность; поэтому рабъ не только есть рабъ своего господина, но и имѣетъ съ нимъ одно существованіе“. Это уясненіе представленія древности о рабѣ поможетъ намъ объяснить и нѣкоторыя другія явленія древней жизни. Если человѣкъ, сдѣлавшійся собственностью, считался частію, имѣвшею одно существованіе съ пѣлымъ, съ господиномъ, то, при отсутствіи правъ личности, дѣти, обязанныя существованіемъ родителямъ, естественно составляли ихъ собственность, часть, не могли имѣть никакихъ правъ, находились къ родителямъ совершенно въ отношеніи рабовъ. Между китайцами, какъ народомъ мирнымъ и земледѣльческимъ, сначала не было рабства, но оно явилось, когда, вслѣдствіе тяжкихъ бѣдствій, родителямъ позволено было продавать дѣтей своихъ.

II.

Египетъ.

Мы переходимъ въ Африку; здѣсь, на сѣверо-востокъ, по берегамъ большой рѣки Нила находимъ государство, подобное китайскому, такой же пчелиный улей или муравейникъ, но имѣющее нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Египетъ съ двухъ сторонъ окруженъ моремъ, и одно изъ этихъ морей—Средиземное, историческое море древности по преимуществу; не смотря на то, египтяне питаютъ отвращеніе къ морю, страна ихъ долго остается замкнутою, подобно Китаю. Народонаселеніе припало къ своей рѣкѣ Нилу, дающему своимъ разливамъ необыкновенное плодородіе странъ, припало какъ ребенокъ къ груди матери, и ожирѣло, остановилось въ своемъ развитіи. Нилъ, заботы, съ цѣлю воспользоваться богатыми слѣдствіями его разлива, поглотили все вниманіе народа. Опять, какъ въ Китаѣ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ земледѣльческимъ, рабочимъ по преимуществу, народомъ, который славился своею мудростію. Было время, когда и Китай славился въ Европѣ мудростію своихъ учреждений и ставился въ образецъ; отцамъ-иезуитамъ особенно нравился китайскій бытъ, какъ соотвѣтствующій ихъ общественному идеалу, нравилась огромная фабрика подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, толпа людей, преданныхъ въ тишинѣ матеріальной работѣ, не разсуждающихъ; нравился народъ, похожій на трупъ или на палку въ рукахъ старика, и отцы-иезуиты прославили Китай въ Европѣ. Хотя заблужденіе насчетъ превосходства китайскаго быта и не было продолжительно въ Европѣ, однако и теперь еще есть люди, которымъ нравится кое-что китайское, которые, видя въ китайскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ условіе отсутствія религіознаго принужденія, восклицаютъ: „сколько времени, сколько фазъ развитія было необходимо, чтобы народъ могъ достигнуть до такого состоянія, до такой терпимости!“ Эти господа забываютъ, что для человѣка и народа, живущаго не о единомъ хлѣбѣ, сильно принимающаго къ сердцу нравственные интересы, готоваго на всѣ пожертвованія для проведенія своихъ убѣжденій, надобно долго жить и пройти много фазъ развитія, чтобы достигнуть убѣжденія въ необходимости свободы для чужихъ убѣжденій; но человѣку, или народу, думающему только о хлѣбѣ, равнодушному къ нравственнымъ интересамъ, можно очень легко и скоро достигнуть религіозной терпимости; да ему и не для чего достигать ее, онъ съ нею родится. Развѣ вы замѣчаете въ ребенкѣ религіозную нетерпимость? но попробуйте не накормить его во время! Народъ, который остановился на этой ступени, и будетъ отличаться религіозною терпимостію.

Но если заблужденіе насчетъ китайской мудрости было непродолжительно въ новой Европѣ; если вмѣсто мудраго старца въ Китаѣ увидали едва лепечущаго ребенка; то что же удивительнаго, что въ древности сохранялось уваженіе къ египетской мудрости. Древность.

народа, древность его муравьиной или пчелиной цивилизации, громадные постройки, исчерченные какими-то таинственными, никому непонятными знаками, фокусничество жрецовъ, все это воспламеняло воображеніе, заставляло видѣть и предполагать чудеса.

Чудесъ не было; но все же Египетъ представляетъ любопытное явленіе. Прежде всего мы не видимъ здѣсь китайскаго равенства, не того равенства, котораго достигаетъ живой народъ, прошедшій строгую политическую школу, выдержавшій долгую борьбу, ознаменовавшій себя гражданскими подвигами, но равенства младенческаго, господствующаго въ первоначальномъ обществѣ, не знающемъ движенія, подвига. Въ египетской исторіи мы должны предположить движеніе, подвигъ, поведшій къ выдѣлу изъ массы лучшихъ людей, болѣе способныхъ къ подвигу, иначе мы не можемъ объяснить происхожденія кастъ; притомъ же памятники указываютъ намъ на различіе племенъ, господствующаго и подчиненныхъ. Произошло движеніе, произошло развитіе, выдѣлъ различныхъ органовъ изъ сплошной прежде массы, и вотъ уже работа для историка—узнать, въ какомъ отношеніи находились эти органы между собою. Мы упомянули слово: *касты*, подъ которымъ разумѣются части народонаселенія, живущія въ совершенной отчужденности другъ отъ друга, при невозможности перехода для членовъ ихъ изъ одной въ другую. Различіе племенъ и завоеваніе одного другимъ объяснять намъ происхожденіе высшихъ и низшихъ кастъ; но не объяснять происхожденіе высшихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, принадлежавшихъ къ одному господствующему племени. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на экономическое положеніе частей народонаселенія, являющихся намъ въ видѣ кастъ. Высшія касты, жрецовъ и воиновъ, по самому характеру своему, должны получать содержаніе, обезпечивающее ихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Въ государствѣ первоначально, земледѣльческомъ онѣ должны быть надѣлены земельными участками. И дѣйствительно, въ Египтѣ мы видимъ этотъ надѣлъ для воиновъ и жрецовъ; они были помѣщиками на этихъ участкахъ, которые такимъ образомъ были тѣсно соединены съ исполненіемъ извѣстныхъ обязанностей; переходъ изъ одной землевладѣльческой части народонаселенія въ другую произвелъ бы смуту въ землевладѣннн, и потому не могъ быть допущенъ. Этому содѣйствовало религиозное уваженіе къ разъ установившемуся, къ старинѣ, господствовавшее въ древней жизни; для древняго человѣка идеаль былъ назади, въ далекомъ прошедшемъ, которое было ближе къ царству боговъ и богоподобныхъ людей; въ Египтѣ сначала царствовали боги: отсюда нарушеніе старыхъ, установившихся отношеній было дѣломъ грѣховнымъ. Такое религиозное освященіе и неподвижность установившихся отношеній, разумѣется, болѣе всего зависѣли отъ жрецовъ, а жрецы находили въ нихъ свою выгоду, потому что въ ихъ рукахъ находилась большая часть земельной собственности, чѣмъ у воиновъ.

Когда народонаселеніе раздроблено на такіа рѣзко-отдѣленные

другъ отъ друга части или касты, то понятно, что для достиженія государственныхъ цѣлей, для общаго направленія дѣятельности оно нуждается въ объединяющей силѣ; такимъ образомъ, касты необходимо уже предполагаютъ большую власть въ рукахъ царя. Дѣйствительно, египетскій царь, или, какъ мы привыкли называть его, фараонъ (фра—солнце), имѣлъ въ рукахъ своихъ обширную власть, которая основывалась на землевладѣннн: ему принадлежала третья часть всей земли; двѣ трети ея были подѣлены въ неравной, какъ мы видѣли, мѣрѣ, между жрецами и воинами. Фараонъ не упускалъ случая усиливать свои средства насчетъ землевладѣльческой касты воиновъ. „Иосифъ собралъ все серебро, какое было въ землѣ египетской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Иосифъ серебро въ домъ фараоновъ. И серебро истощилось въ землѣ египетской, и пригоняли они къ Иосифу скотъ свой. И пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: ничего не осталось у насъ, кромѣ тѣлъ нашихъ: купи насъ и земли наши за хлѣбъ. И купилъ Иосифъ всю землю египетскую для фараона, только земли жрецовъ не купилъ. И сказалъ Иосифъ народу: Я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена, и засѣвайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону“. Вліяніе касты воиновъ сдерживалось вліяніемъ другой, высшей касты, жреческой; пользуясь соперничествомъ этихъ землевладѣльческихъ кастъ, фараону легко было усиливать свою власть. Жрецы, представители нравственной силы, желая охранить себя и взять перевѣсъ надъ представителями силы матеріальной, воинами, должны были соединить свои интересы съ интересами фараона, давши его власти религіозное значеніе; какъ намѣстникъ боговъ, фараонъ, естественно, сдѣлался охранителемъ интересовъ служителей религіи; изъ ихъ касты назначались правители и судьи. Съ торжествомъ жреческой касты и съ упадкомъ касты воиновъ соединенъ упадокъ внѣшняго блеска и могущества Египта; встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о фараонѣ Сетосѣ изъ касты жрецовъ, который обнаружилъ свою вражду къ воинамъ тѣмъ, что отнял у нихъ земельные участки, и когда ассирійскій царь Санхерибъ приблизился къ границамъ Египта съ завоевательными намѣреніями, то воины отказались выступить въ походъ противъ непріятеля, и Сетосъ долженъ былъ набирать войско изъ людей низшихъ кастъ. Встрѣчаемъ также извѣстіе о покореніи Египта эіопскими царями, по изгнаніи которыхъ Египетъ является раздѣленнымъ на 12 отдѣльныхъ владѣній. Одинъ изъ 12 государей, Псамметихъ, покоряетъ остальныхъ и восстанавливаетъ единовластіе, но онъ это дѣлаетъ посредствомъ иностранныхъ наемныхъ войскъ (іонійскихъ и карійскихъ) и возбуждаетъ неудовольствіе въ кастѣ воиновъ, которые въ огромномъ числѣ удаляются въ Эіопію. Правнукъ Псамметиха, Гофра лишился престола и жизни вслѣдствіе возстанія воиновъ, заподозрившихъ его въ недоброжелательствѣ къ своей кастѣ и провозгласившихъ царемъ Амазиса. Но и Амазисъ былъ вѣрнѣ системѣ своихъ предшественниковъ, которая состояла въ недоверіи и враждѣ

къ войнамъ: онъ образовалъ себѣ гвардію изъ іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ. При сынѣ Амазиса, Псамменитѣ, Египетъ былъ покоренъ персами.

Такимъ образомъ, не смотря на скудость и мутность источниковъ египетской исторіи, нельзя не усмотрѣть въ ней этого внутренняго движенія, бывшаго слѣдствіемъ столкновенія интересовъ фараона и двухъ высшихъ земледѣльческихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, при чемъ именно земельное владѣніе, имѣвшее такое важное значеніе въ Египтѣ, играло главную роль. Египетъ, по физическимъ условіямъ, былъ государствомъ земледѣльческимъ по преимуществу; все вниманіе народа было обращено внутрь страны, на своего добраго кормильца, плодоносный Нилъ, къ которому необходимо явилось религиозное отношеніе; обращать вниманіе за предѣлы священной земли Нила было непростительно, грѣховно; отсюда торговля и городская промышленность не могли развиваться и не могла подняться часть народонаселенія, которая основывала бы свое значеніе на богатствѣ движимомъ, не говоря уже о томъ, что по характеру племени, къ которому принадлежатъ низшія касты Египта, они и не могли быть способны къ широкой торговой предпримчивости. Благодаря этимъ условіямъ, произошла замкнутость Египта и ожирѣніе его народонаселенія, привыкшаго хорошо ѣсть и пить и получавшаго возможность къ этому внутри страны. Возможность движенія, подвига, столкновенія съ другими народами лежала въ кастѣ воиновъ, и дѣйствительно, эта каста давала средства фараонамъ предпринимать походы, дѣлать завоеванія; но это явленіе было какою-то случайностію въ исторіи Египта, случайностію, остававшеюся безъ послѣдствій: продолжительные и отдаленные походы фараоновъ въ Азію не доставляли имъ болѣе или менѣе прочныхъ завоеваній, такъ что воинственное движеніе государей осѣдлаго и цивилизованнаго народа совершенно сходно съ опустошительными и бесплодными движеніями номадовъ. Можно подумать, что фараоны, охотники занимать и утомлять излишекъ народонаселенія огромными постройками, *египетскими работами*, придумавшіе умерщвлять новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола, въ случаѣ опаснаго размноженія подданныхъ—можно подумать, что фараоны предпринимали походы съ единственною цѣлію занять и утомить касту воиновъ, уменьшить ея опасное число. Но воинственные фараоны—рѣдкое явленіе въ египетской исторіи; кастѣ воиновъ рѣдко дается возможность развить свои силы, приобрести важное значеніе посредствомъ движенія, подвига. Жреческая каста сдерживаетъ силы опасныхъ воиновъ. Наконецъ, Египетъ, благодаря Псамметиху и послѣдующимъ фараонамъ, выходитъ изъ прежней замкнутости, сблизается съ иностранцами; но здѣсь не происходитъ никакого важнаго переворота въ египетской жизни; прежній порядокъ вещей остается ненарушимымъ, вся новизна направлена противъ воиновъ, которые принуждены выселяться, и это обстоятельство было болѣе всего содѣйствовать паденію Египта.

Жреческая каста явно беретъ преимущество передъ кастою воиновъ: войны въ презрѣніи, у воиновъ отнимають земли, войны должны выселиться изъ Египта; относительно жрецовъ не встрѣчается подобныхъ извѣстій, жрецы до конца сохраняють свое важное значеніе. Жрецы славились своею мудростію, своими обширными познаніями, но свою мудрость они берегли для себя, своихъ познаній они не распространяли въ народъ, и не спасли государства отъ паденія. Но какими же божествамъ служили жрецы египетскіе! Въ Египтѣ мы встрѣчаемъ множество именъ божествъ; это множество происходитъ отъ того, что одно и то же божество въ разныхъ мѣстностяхъ чествовалось подъ разными именами. Изъ египетскихъ мифовъ, наиболѣе извѣстныхъ, оказывается, что и здѣсь было поклоненіе началамъ мужескому и женскому въ Озирисъ и Изидъ, и началамъ доброму и злему въ Озирисъ и Тифонъ. Мы имѣемъ полное право успокоиться на извѣстіи Геродота, что изъ всѣхъ божествъ только Изиды и Озирисы пользовались одинакимъ поклоненіемъ во всемъ Египтѣ, тогда какъ о другихъ божествахъ сказать этого нельзя. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что существуетъ великое несогласіе въ именахъ египетскихъ божествъ: одно и то же божество называется Изидою, Церерою, Тесмофорою, Луною, Юною, а нѣкоторые величаютъ ее всѣми этими именами вмѣстѣ. Озирисъ одно и то же, что Сераписъ, Вакхъ, Плутонъ, Аммонъ, Юпитеръ, Панъ. Но изъ словъ самого же Діодора оказывается, что великое несогласіе разрѣшается въ согласіе, когда подъ разными именами является одно и то же божество. Для насъ важно извѣстіе Геродота, что женское божество, Изиды, почиталось въ Египтѣ болѣе всѣхъ другихъ божествъ. Въ связи съ этимъ находится извѣстіе, что женщины пользовались въ Египтѣ особенно выгоднымъ положеніемъ, даже преимуществомъ передъ мужчинами.

Не смотря на успѣхи, какіе, повидимому, сдѣланы въ изученіи древняго Египта, мы знаемъ объ немъ немного болѣе прежняго; разногласіе, противоположность во мнѣніяхъ ученыхъ о Египтѣ, о его историческомъ значеніи, всего лучше показываютъ, на какой шаткой почвѣ находимся мы здѣсь. Великіе историческіе народы не проживаютъ молча, тайкомъ отъ другихъ, не оставляютъ въ своихъ памятникахъ загадокъ для потомства и предмета для ученыхъ споровъ. Не смотря на наше убѣжденіе, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, громадность всегда сохраняетъ способность поражать воображеніе; такъ поражаютъ воображеніе рукотворныя горы Египта, пирамиды, переживающія тысячелѣтія, и вселяютъ невольное уваженіе къ цивилизаціи, высказавшейся въ такихъ памятникахъ. Но Египетъ внушалъ уваженіе не одними своими громадными, безсмертными могилами; греки, которые такъ хвастались обыкновенно своею цивилизаціею, преклонялись предъ мудростію жрецовъ египетскихъ. Посмотримъ же, что такое египетскіе жрецы, скрывавшіе свои знанія отъ своего народа, сообщали изъ нихъ чужимъ, грекамъ. Мы не будемъ отвергать преданія о египетскихъ колоніяхъ въ Греціи и о томъ, что эти колонисты сообщили

свѣдѣнія о разныхъ полезныхъ вещахъ дикому еще тогда народонаселенію Греціи. Но дѣло идетъ о другого рода заимствованіяхъ, именно о заимствованіяхъ въ области религіи и философіи. Мы не отвергнемъ и этихъ заимствованій, только позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ на счетъ осторожности, какую историкъ долженъ соблюдать въ вопросахъ о заимствованіи. Мы привыкли разсматривать племена и народы въ ихъ отдѣльности, и дѣйствительно мы должны обращать особенное вниманіе на ихъ особенности, различія другъ отъ друга; но при этомъ мы не должны упускать изъ виду общечеловѣческаго, не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который повсюду, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, смотритъ на извѣстныя явленія и дѣйствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинаково, выражаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одинаковыя нравственныя требованія. Отъ этого мы необходимо должны встрѣчать у различныхъ народовъ одинаковыя представленія; должны встрѣчать одинаковыя рассказы въ произведеніяхъ фантазіи, одинаковыя извѣстія въ памятникахъ историческихъ. На какомъ же основаніи мы, встрѣтивъ у двухъ различныхъ народовъ два одинаковые рассказа, извѣстія, воззрѣнія, предполагаемъ сейчасъ же заимствованіе, предполагаемъ, слѣдовательно, что самое простое, естественное отношеніе могло разъ произойти только у извѣстнаго народа, и никакъ не могло произойти у другого: если же встрѣчаемъ извѣстіе о немъ у другого, то это будетъ непременно заимствованіе? Но этого мало; если мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ и въ разные времена извѣстія объ одинаковомъ явленіи, то вмѣсто того, чтобъ увѣриться въ возможности этого явленія, мы немедленно отвергаемъ эту возможность, изъ дѣйствительности переносимъ явленіе въ область вымысловъ, и здѣсь заставляемъ одинъ народъ непременно списывать у другого; такимъ образомъ, выходитъ, что если одинъ только свидѣтель говорить намъ о явленіи, то мы признаемъ возможность этого явленія; но стоимъ только явиться нѣсколькимъ свидѣтелямъ, которые скажутъ намъ, что явленіе повторилось въ разные времена, у разныхъ народовъ, какъ мы сейчасъ же начнемъ отрицать возможность явленія и передадимъ его въ область вымысловъ.

Хотятъ, чтобъ греки заимствовали у египтянъ вѣрованіе въ безсмертіе души, потому только, что греческій міеъ о Миноѣ, судѣ мертвыхъ, сходенъ съ египетскимъ міеомъ объ Озирисѣ, исправляющемъ ту же должность! Отнять у грековъ вѣрованіе въ безсмертіе души было бы слишкомъ странно; но какъ скоро допускается вѣрованіе въ безсмертіе души, то естественно рождается представленіе объ отчетѣ, который должны отдать души по разлученіи съ тѣломъ, о судѣ; отъ суда необходимъ переходъ къ судьямъ: почему же такое движеніе мысли, возможное у одного народа, было невозможно у другого? Хотятъ, чтобъ и перевозчикъ душъ, Харонъ, съ его лодкой были заимствованы греками у египтянъ, потому что міеъ носить отпечатокъ мѣстности Египта, изрѣзанной каналами: но извѣстно, что представленіе о рѣкѣ, какъ пути для душъ въ нѣдра земли и обратно,

есть представленіе общее, встрѣчающееся у народовъ, не имѣвшихъ никакаго соприкосновенія съ египтянами. Геродотъ пустилъ въ ходъ мысль, что все заимствовано у египтянъ. Громадность египетскихъ памятниковъ произвела на воспримчиваго грека самое сильное впечатлѣніе: „Ни одна страна не заключаетъ въ себѣ столько чудесъ! ни въ одной другой странѣ нельзя найти такихъ удивительныхъ памятниковъ!“ Всматриваясь внимательно, онъ находитъ сходное съ своимъ: не можетъ же это сходство быть случайнымъ—разсуждалъ онъ—и такъ какъ египетское государство древнѣе всѣхъ государствъ, слѣдовательно, все заимствовано изъ Египта. Жрецы ловко берутся за дѣло: „Все, все занято у насъ, всѣ ваши поэты и мудрецы были у насъ и у насъ выучились всему“. Жрецы ни передъ чѣмъ не останавливались въ развитіи своего основнаго положенія: упомянуть имъ грекъ о древнемъ аѳинскомъ устройствѣ: „Да это все взято у насъ, говорятъ они: эвпатриды—да это наша каста жрецовъ!“¹⁾ Геродотъ не уступаетъ жрецамъ и серьезно утверждаетъ, что египтяне первые установили праздники, религиозныя процессіи и всѣ богослужбные приемы, и греки все это заимствовали у нихъ. Утверждаютъ, что ученіе о переселеніи душъ Пиеагоръ и Платонъ заимствовали у египетскихъ жрецовъ; но этого предмета мы еще коснемся въ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію грековъ.

III.

Ассирія и Вавилонъ.

Въ Китаѣ мы видѣли народъ, тихо, незамѣтно въ продолженіе вѣковъ наполнившій огромное пространство земли, удаленный отъ сообщенія съ другими народами; въ Египтѣ мы видѣли завоеваніе съ поселеніемъ побѣдителей среди побѣжденныхъ, отчего произошло раздѣленіе на касты; но физическія условія страны препятствовали дальнѣйшему воинственному движенію египтянъ: съ одной стороны, все вниманіе народонаселенія было обращено внутрь страны къ кормильцу—Нилу; потомъ съ сѣвера море, съ востока и запада пустыня защищали Египетъ и давали его жителямъ возможность сосредоточивать свое вниманіе внутри страны. Исторія Китая и Египта похожи тѣмъ другъ на друга, что обѣ страны, имѣющія въ сосѣдствѣ пустыни, подвергаются иногда нашествію и даже игу дивихъ жителей пустыни; но это нашествіе, это иго не измѣняетъ ничего въ бытѣ обѣихъ странъ. Теперь съ береговъ Нила перейдемъ на берега Евфрата и Тигра, и здѣсь уже встрѣтимъ другое явленіе. Здѣсь на относительно небольшихъ пространствахъ сталкиваются два сильные народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, развившіеся, благодаря выгоднымъ

¹⁾ Объ этомъ любопытномъ сближеніи, сдѣланномъ жрецами, говоритъ Діодоръ Сицилійскій.

физическимъ условіямъ, ибо плодородная область двухъ великихъ рѣкъ рано пригласила народонаселеніе къ дѣятельности. Но жители береговъ Евфрата и Тигра не могли, подобно жителямъ Нильской области, ограничиться одною внутреннею дѣятельностью, ибо, какъ уже было сказано, здѣсь одинъ подлѣ другого жили два сильные народа, не могшіе не вступить въ борьбу другъ съ другомъ. Борьба требовала сосредоточенія силъ народныхъ, требовала вождя, царя съ большою, неограниченною властію, храбраго человѣка, который бы умѣлъ защищаться отъ непріятеля, дать побѣду, и есть извѣстіе, что первый вождь вавилонянъ былъ богатырь-ловецъ Немвродъ. Борьба у ассирянъ и вавилонянъ шла съ переменнымъ счастіемъ: сперва одно государство брало верхъ, благодаря преимущественно личности своего царя, и подчиняло себѣ другое. Здѣсь было покореніе не народа народомъ, при чемъ побѣдители, оставившіе почему либо свою сторону, селились между побѣжденными; здѣсь было покореніе одного государства другимъ, завоеванное государство превращалось въ провинцію государства покорившаго. Царь направлялъ движеніе, набиралъ войско изъ цѣлаго народа и распускалъ его по минованіи нужды, здѣсь слѣдовательно не могло образоваться касты воиновъ. Покореніе одного государства другимъ, разумѣется, увеличивало силы царя-покорителя: онъ располагалъ теперь средствами двухъ государствъ, что давало ему возможность покорять другія государства, присоединять ихъ въ видѣ провинцій къ своему.

Но то самое обстоятельство, что покорялся не дикій народъ цивилизованному, а покорялось одно цивилизованное государство другимъ цивилизованнымъ, это самое обстоятельство вело къ тому, что покореніе не могло быть прочно: при первомъ удобномъ случаѣ покоренное государство возвращало себѣ независимость и, усилившись, въ свою очередь подчиняло себѣ государство прежде господствовавшее. Сначала поднимается Ассирія; ея цари подчиняютъ себѣ Вавилонъ и широко распространяютъ свои завоеванія вокругъ, присоединяя къ своимъ владѣніямъ въ видѣ провинцій болѣе или менѣе цивилизованныя государства. По истеченіи извѣстнаго времени, Вавилонъ возвращаетъ себѣ независимость, и снова теряетъ ее; потомъ опять возстаетъ вмѣстѣ съ мидянами и снова принужденъ покориться; наконецъ Вавилонъ возстаетъ въ третій разъ: Мидія, Вавилонъ и Киликія вступаютъ въ союзъ противъ Ассиріи, это государство падаетъ, великолѣпная столица его Ниневія разрушена. Чередъ усиливаться пришелъ Вавилону, Навуходоносоръ своими завоеваніями основываетъ обширную монархію.

Такимъ образомъ изъ области Евфрата и Тигра произошло движеніе, произведшее сильную историческую жизнь и во всѣхъ окрестныхъ областяхъ къ сѣверу, востоку и западу. Здѣсь нѣсколько государствъ начинаютъ жить общею жизнью, хотя эта жизнь и обнаруживается преимущественно въ борьбѣ; не смотря на покореніе одного государства другимъ, не смотря на образованіе обширныхъ монархій,

народности не исчезаютъ, но стремятся, тельствахъ, возвратитъ себѣ независимость. чаются союзы между народами, какъ напр. лонянъ и киликійцевъ противъ ассирянъ; кой жизни Египетъ въ послѣднее время въ жизнь народовъ: противъ союза мидянъ, въ ассирійскій царь Сарданапаль ищетъ союза но тотъ, задержанный борьбою съ народами рога, не поспѣлъ во время на защиту Нине

Свидѣтельства о цивилизаціи Ассиріи и Вавилона живы и человѣчны, чѣмъ цивилизація вавилонахъ громадныхъ и великолѣпныхъ памятниковъ религіи, то и здѣсь мы видимъ поклоненіе мученику, которое обоготворялось въ Белѣ, господину, женскому, воспринимающему и рождающему, какъ въ Милиттѣ. Извѣстно, что въ Вавилонѣ была каждая женщина, разъ въ жизни, должна была посвятить Милитты, чтобъ тамъ отдать себя иностранцу, деньги, призывая имя Милитты. Въ этомъ обычай средства религіозной пропаганды: вавилонянка, вступая въ связь съ иностранцемъ, этимъ самымъ дѣломъ своей богини, заставляла его приносить ей жертву. Иностранца не прежде, какъ онъ призоветъ имя Милитты, стремленіемъ приносить въ жертву богинѣ любви и благо—цѣломудріе, объяснить явленіе нельзя, потому что былъ иностранецъ. Что религіозная пропаганда женщинъ, это ясно видно изъ исторіи евреевъ. „И (моавитяни) народъ (израильскій) къ жертвамъ боговъ, являлся народъ богамъ ихъ. И вотъ, нѣкто изъ сыновъ израиля пришелъ и привелъ къ братьямъ своимъ мадианитянамъ, сынъ Елеазара, пронзилъ обѣихъ ихъ... Имя убито Хазава... И сказалъ Господь Моисею: Враждайте съ мадианитями и поражайте ихъ. Ибо они враждебно поступали съ вами, прельстивъ васъ Фегоромъ (божествомъ) и Хамомъ, начальникомъ мадиамскаго“.

IV.

Финнія.

До сихъ поръ мы видѣли двѣ формы жизни у разныхъ народовъ: или народы живутъ замкнутою жизнью, но, или преимущественно жизнью внутренней, избѣгая контактовъ съ другими народами, таковы китайцы и египтяне; или нѣсколькимъ сильнымъ по физическимъ и нравственнымъ средствамъ народамъ, вступаютъ въ борьбу, то одинъ изъ нихъ

безъ подвига, не видимъ движенія, совершающагося по высшимъ побужденіямъ и совершающагося совокупными силами народа или его представителей, лучшихъ людей. Исключительная торговая и промышленная дѣятельность дробна и мелка, а потому не можетъ вести къ высокой степени человѣческаго развитія. Финикія—это Голландія древняго міра.

Религія финикіянъ представляетъ тоже поклоненіе началамъ: во первыхъ, мужескому и женскому (Ваальъ и Апера); во вторыхъ, доброду и злуду: Ваалу, божеству производящему, зиждительному противопологалось божество злое, разрушительное, Молохъ, имѣвшій соотвѣтствующее ему женское божество, Астарту. Служеніе мужскому и женскому началамъ и здѣсь, какъ вездѣ, по самой сущности своей, отличалось чувственностію, и финикіянки заставляли иностранцевъ служить своей богинѣ тѣми же средствами какъ и вавилонянки. Служеніе противоположному божеству, Астартѣ, божеству разрушительному, должно было, разумѣется, сопровождаться противоположными дѣйствіями: если служеніе одному божеству требовало усиленія жизни, усиленія производительности, то служеніе другому, разрушительному, уничтожающему жизнь, требовало именно уничтоженія средствъ производительности, и Астартѣ служили оскопленіемъ, Молоху человѣческими жертвами. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ чистымъ, полнымъ дуализмомъ: начало или божество злое, разрушительное стоитъ рядомъ съ божествомъ добрымъ, зиждительнымъ, на совершенно равныхъ правахъ; человѣкъ одинаково 'служить имъ обоимъ, и нисколько еще не сознаетъ своей обязанности служить исключительно доброду началу и, подъ его знаменемъ, ратовать противъ злаго, какъ мы это увидимъ въ религіозномъ ученіи арійскаго племени, въ наблюденіямъ надъ историческою жизнію котораго мы теперь и переходимъ.

V.

Арійцы въ Азіи.

а) Индійцы.

Мы теперь начинаемъ имѣть дѣло съ знаменитымъ племенемъ, которое можно назвать любимцемъ исторіи. При какихъ бы то ни было мѣстныхъ условіяхъ, всюду это высоко-даровитое племя оставило по себѣ замѣтный слѣдъ, всюду заявило свое существованіе чѣмъ-нибудь такимъ, что навсегда останется предметомъ изученія для историка. Мы не станемъ вдаваться въ изслѣдованія о первоначальномъ мѣстѣ жительства арійцевъ; для насъ важно одно, что богатая явленіями историческая жизнь въ Азіи начинается движеніемъ арійскаго племени съ сѣвера на югъ, точно такъ, какъ исторія новой Европы начинается движеніемъ съ сѣвера новыхъ народовъ того же племени,

которые обновили одряхлѣвшій греко-римскій міръ. До сихъ поръ мы произвели наблюденія надъ историческою жизнью нѣсколькихъ народовъ подъ различными мѣстными условіями. Мы видѣли страны богатыя, призвавшія свое народонаселеніе къ ранней цивилизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обособившія это народонаселеніе, удовлетворившія его вполне, не давшія ему побужденій къ вышней дѣятельности, къ подвигу, заставившія его поэтому заснуть и остановиться въ развитіи: таковы Китай и Египетъ. Потомъ мы наблюдали за жизнью народовъ, столкнувшихся съ разными средствами на небольшихъ пространствахъ, и видѣли, что слѣдствіемъ была сильная борьба между ними, сильная вышняя дѣятельность, обхватившая цѣлый рядъ народовъ въ одной общей жизни. Мы видѣли наконецъ народъ, неуспѣвшій образоваться въ одно значительное цѣлое, въ одно государство, и увлеченный близостью моря къ широкой, но разсыпной торговой и колониальной дѣятельности. Теперь передъ нами новое племя, которое явится во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами условіяхъ, и въ странахъ подобныхъ Китаю и Египту, и въ передней Азіи, тамъ гдѣ совершали свои подвиги ассиріане и вавилоняне, и въ странѣ приморской и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствующей образованію большаго государственнаго тѣла, приглашающей къ разсыпной дѣятельности. Посмотримъ же, какъ это племя заявитъ свои особенности при всѣхъ этихъ условіяхъ, чѣмъ отличится отъ другихъ племенъ, намъ уже знакомыхъ.

Одно изъ арійскихъ племенъ проникло въ Индію, которая, подобно Китаю, составляетъ особый, отдаленный, обширный и богатый міръ. Но разница съ Китаемъ состояла въ томъ, что арійцы нашли Индію уже занятою другимъ, чернымъ племенемъ, съ которымъ пришельцы должны были вести продолжительную борьбу и наконецъ подчинили себя. Здѣсь сходство Индіи съ Египтомъ, и потому въ обѣихъ странахъ замѣчаемъ одинакое явленіе: раздѣленіе на касты, различіе между покорителями и покоренными, при чемъ послѣдніе принадлежали къ иному племени, различіе по цвѣту кожи (varna—краска и каста) легли въ основаніе дѣленія; „черные судрасы“, низшее народонаселеніе, противопоставляются высшему—„мужественнымъ“ аріямъ. Между аріями и судра находился особый отдѣлъ народонаселенія, войсія, занимавшійся промыслами: по всѣмъ вѣроятностямъ, войсія первоначально происходили отъ браковъ аріевъ съ женщинами судра, браковъ, которые не считались законными. Съ теченіемъ времени, благодаря болѣе рѣзкому разграниченію кастъ вслѣдствіе религіозныхъ представленій, люди, происшедшіе отъ родителей, принадлежавшихъ къ разнымъ кастамъ, считались нечистыми, отверженниками, и вели самую печальную жизнь.

Но и между господствующимъ племенемъ, между аріями, образовались двѣ касты воиновъ (кшатрія) и жрецовъ (браминовъ). Первоначально, въ эпоху движенія и завоеванія это раздѣленіе аріевъ на воиновъ и жрецовъ если и существовало, то не могло быть рѣзко: въ древнихъ поэтическихъ памятникахъ встрѣчаемъ извѣстія о жрецахъ,

которые вмѣстѣ были и воинами. Когда воинственное движеніе успокоилось и началъ устанавливаться порядокъ, гражданскія отношенія, скрѣпляющіяся обычнымъ религіознымъ цементомъ, когда началъ развиваться и общественное богослуженіе, то жреческое сословіе должно было выдвинуться и обособиться. Усиленію его значенія и уменьшенію значенія воиновъ благопріятствовало стремленіе общества успокоиться послѣ смутъ и движенія, завоеванія и усобицъ, происходившихъ непосредственно послѣ завоеванія, громадность, отдаленность, замкнутость и богатство страны, что все отнимало побужденіе къ новымъ движеніямъ и подвигамъ, отодвигало слѣдовательно подвижниковъ, воиновъ, на второй планъ. Но, какъ видно изъ намековъ древнихъ памятниковъ, воины не безъ боя уступили жрецамъ первое мѣсто.

Такимъ образомъ, арійское племя въ Индіи, попавши въ обширную, отдаленную и богатую страну, подпало вліянію мѣстности, вслѣдствіе чего Индія, относительно политическаго развитія своего, представляетъ одинаковыя явленія съ Египтомъ. Но особенности арійскаго племени не дали изгладить себя и тутъ мѣстнымъ условіямъ; они высказались не въ громадныхъ только и нѣмыхъ или полу-нѣмыхъ памятникахъ; они высказались въ богатой литературѣ, высказались въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи и въ религіозныхъ движеніяхъ; арійцы въ Индіи не молча прожили свой героическій періодъ, періодъ движенія, подвиговъ; они рассказали объ нихъ въ Магабгаратъ и Рамаянъ, дающихъ знать, что это то же самое племя, которое рассказало намъ про свой героическій періодъ въ Илиадѣ и Одиссеѣ; когда прекратились движенія политическія, когда государство и общество остановились въ своемъ развитіи, мысль не переставала работать, и слѣдствіемъ этой работы, было сильное религіозное движеніе, обхватившее не одну Индію, и не ограничившееся одною религіозною сферой.

Арійцы принесли съ собою въ Индію представленіе о добрыхъ и злыхъ божествахъ, и, что всего важнѣе, принесли представленіе о непрестанной борьбѣ ихъ между собою, представленіе объ Индрѣ, небесномъ воителѣ, поражающемъ злаго Вритру, который покрываетъ небо черными облаками. На индійской почвѣ съ теченіемъ времени выработалось представленіе о двухъ началахъ, благодѣтельномъ, зиждительномъ и хранительномъ—Вишну, и зломъ, разрушительномъ—Шива и оба начала, какъ у другихъ народовъ, стали другъ подлѣ друга въ равносильномъ положеніи. Но индійскіе арійцы на этомъ не остановились; они не успокоились на дуализмѣ, и начали стремиться подчинить оба противоположныя начала третьему, высшему, и явились представленія о Брамѣ, „изъ котораго всѣ существа происходятъ, которымъ живутъ по рожденіи, къ которому стремятся, въ котораго снова возвращаются“.—„Какъ искры изъ пламени, исходятъ всѣ существа изъ неизмѣняемаго, возвращаются въ него“. Это представленіе, разумѣется, не могло быть достояніемъ большинства, относившагося равнодушно къ божеству, которому не приносили жертвы, не строили

храмовъ, и продолжавшаго поклоняться божествамъ добрымъ и злымъ мужскаго и женскаго пола. Но жрецы (брамины) воспользовались этимъ представлениемъ, чтобъ освятить существующій политическій порядокъ вещей, какъ происшедшій изъ Брамъ, освятить преимущества своей касты; они воспользовались представлениемъ о Брамѣ, чтобъ утвердить и нравственный порядокъ: только чистая душа человѣка могла возвратиться къ своему чистому источнику; душа же, оскверненная преступными дѣянiями, должна была пройти прежде чрезъ рядъ низшихъ существъ, что повело къ вѣрованiю въ переселенiе душъ. Но мысль не могла остановиться и на этомъ. Явились неизбежные вопросы: какъ и зачѣмъ? Какъ и зачѣмъ изъ единого, сверхъчувственного и неизмѣнимаго произошло этотъ многообразный, чувственный и измѣняемый мiръ, котораго цѣлью все же осталось возвращенiе въ единое и неизмѣняемое? Придумано было такое объясненiе, что первоначальное, единое истинное существо, душа вселенной, актомъ самообольщенiя развилось въ мiръ многообразiя, который потомъ сохранилъ какъ существенное качество свое—обманъ; мiръ не имѣетъ истиннаго существованiя, никакого права на него. Такое, уже слишкомъ смѣлое, объясненiе происхожденiя чувственного мiра не могло быть принято многими; явилось другое ученiе, ученiе Капилы, гдѣ утверждалось, что матерiя вѣчна и чувственный мiръ заключаетъ въ самомъ себѣ жизненное начало, подлѣ этого самостоятельнаго матерiальнаго мiра существуетъ самостоятельный мiръ духовный, котораго безконечныя частицы, безкачественныя, бездѣятельныя и неразличимыя вращаются въ мiровыхъ пространствахъ и только посредствомъ соединенiя съ матерiальнымъ мiромъ получаютъ сознание, силу воли и другiя качества; но разъ сознавши самого себя, свое превосходство надъ матерiею и свою особенность отъ нея, духъ стремится къ освобожденiю себя отъ матерiи.

Уже въ ученiи Капилы мы видимъ прямое отступленiе отъ браминскаго ученiя о происхожденiи или истеченiи всего существующаго изъ Брамъ, какъ души вселенной: въ ученiи Капилы мiръ духовный и матерiальный существуютъ самостоятельно одинъ подлѣ другаго, и вопросъ о божествѣ обходится. Но это ученiе, достоянiе немногихъ людей мысли, не имѣло влiянiя на политическую сферу, на тотъ мiръ отношенiй, который если не былъ созданъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ освященъ брамаизмомъ. Но вотъ явилось ученiе, которое не ограничилось сферою мысли, но вооружилось противъ существующаго порядка, освященнаго господствующею религiею: то было знаменитое ученiе Будды.

Особенность движенiя религiозной мысли арийцевъ въ Индiи состояла въ томъ, что она не могла успокоиться на дѣлежѣ окружающихъ явленiй между двумя началами, двумя божествами, добрымъ и злымъ, на этомъ узаконенномъ, освященномъ раздвоенiи мiра и человѣка, обязаннаго поклоняться одинаково обоимъ противоположнымъ началамъ. Для освобожденiя отъ этого двойства, которое было тяжело

и для нравственного чувства человѣка, начали искать третье, высшее начало, высшее божество: но гдѣ было его найти внѣ природы, какъ его опредѣлить, какія дать ему качества? До представленія о творцѣ, отдѣльномъ отъ творенія, человѣкъ самъ собою достигнуть не могъ; такъ-называемыя языческія религіи именно и состоятъ въ поклоненіи божеству въ извѣстномъ образѣ, *идолъ* (*εἶδωλον*), въ извѣстномъ явленіи физическомъ или нравственномъ; внѣ этихъ явленій или образовъ язычники бога не искали и найти не могли, и потому, поднимаясь къ единому и наивысшему божеству, они не могли иначе представить его себѣ, какъ изображающимся, воплощающимся въ цѣлой вселенной, находящимся къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ душа къ тѣлу. Явился пантеизмъ. Но Брама не могъ успокоить возбужденную мысль арійца, ибо страшный вопросъ поднимался съ новою силою, вопросъ, какъ вѣчное, истинное, доброе могло выразиться въ измѣняемомъ, погибающемъ, ложномъ, зломъ? Неотвязный вопросъ о происхожденіи зла, страданія, смерти, не давалъ покоя, и вотъ является ученіе о томъ, что міръ не имѣетъ истиннаго существованія, что онъ произошелъ вслѣдствіе обмана, отъ котораго надобно какъ можно скорѣе избавиться. Другое ученіе, ученіе Канилы, опять пришло къ двойству, сопоставивъ міръ матеріальный съ міромъ духовнымъ, обойдя вопросъ о божествѣ и закончивъ необходимостію для душъ освободиться отъ оковъ матеріальнаго міра. Оба ученія одинаково подрывали браминскій взглядъ на освященіе и неприкосновенность извѣстнаго политическаго порядка, какъ истекшаго непосредственно изъ Браны. Отсюда понятно, почему третье ученіе, ученіе Будды, могло отвергнуть религіозное освященіе кастнаго состоянія и провозгласить равенство правъ для всѣхъ, относительно средствъ освобожденія отъ зла. Молодой царевичъ Будда, проваждавшій жизнь въ наслажденіяхъ, встрѣтилъ однажды на прогулкѣ старика, больного, трупъ и жреца. Эти четыре явленія, какъ говоритъ преданіе, возбудили въ молодомъ человѣкѣ неусыпавшую между арійцами Индіи мысль о происхожденіи зла, о средствахъ избавленія отъ него. Эта мысль овладѣла Буддой, и онъ посвятилъ себя всецѣло рѣшенію великаго вопроса. Все въ здѣшнемъ мірѣ суета, все преходяще, и сознание этого есть начало премудрости. Міръ не имѣетъ никакого основанія, никакого права существовать; онъ есть произведеніе мрачной силы и есть зло. Четыре главныхъ источника зла въ мірѣ: рожденіе, старость, болѣзнь и смерть; сюда для человѣка присоединяются еще тревоженія бытія, исполненнаго стремленій и плановъ, обмановъ и потерь. Всѣ бѣды происходятъ для человѣка отъ внѣшняго міра, отъ чувствъ, отъ тѣла: отсюда необходимое стремленіе освободиться отъ нихъ, освободиться отъ всѣхъ связей, склонностей, привязанностей къ міру и вкушать счастье и радости покоя. Задача жизни состоитъ въ отрѣшеніи души отъ вещей внѣшняго міра чрезъ созерцаніе ихъ ничтожества и преходчивости; потомъ, въ уничтоженіи личности, въ уничтоженіи самосознанія, чтобъ душа погружалась въ абсолютную пустоту (нирва-

на), гдѣ нѣтъ никакихъ элементовъ существованія, гдѣ нѣтъ формы, чувства, мысли, сознанія, и отсюда нѣтъ возможности возвращенія.

Здѣсь въ основаніи ученія нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ ученіями предшествовавшими, которыя хотѣли объяснить происхожденіе зла, указать на невозможность мириться съ нимъ и опредѣлить отношенія духа и матеріи. Но важная новизна ученія Будды состояла въ томъ, что онъ призналъ равенство всѣхъ людей относительно средствъ освобожденія отъ бѣдствій и тревоженій міра, для всѣхъ людей было возможно погашеніе личности въ нирванѣ: такимъ образомъ, религіозная основа кастъ, установленная въ брамаизмѣ, исчезала; Будда обратился съ своимъ ученіемъ ко всѣмъ кастамъ, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія. Другія ученія были для немногихъ, не для массы; ученіе Будды было для всѣхъ, и потому подрывало религіозное и тѣсно связанное съ нимъ политическое зданіе, возведенное брамаизмомъ. Это, разумѣется, произвело столкновеніе; старый брамаизмъ вооружился противъ опаснаго соперника, и началось гоненіе на буддистовъ, которые должны были оставить отечество и нести свое ученіе къ чуждымъ народамъ. Въ передней Индіи, или западномъ полуостровѣ, буддизмъ былъ истребленъ кровавыми средствами, но за то распространился въ сосѣднихъ странахъ, по островамъ, начиная съ Цейлона, по восточно-индійскому полуострову, въ Китаѣ, въ Японіи, Тибетѣ, Монголіи, при чемъ это ученіе подверглось сильному искаженію.

Китаѣ, Египетѣ, Индіи представляютъ намъ одну, особую группу странъ. Обширность, богатство и отдаленность дѣлаютъ ихъ особыми замкнутыми мірами, съ богатою, но окаменѣвшею цивилизаціею вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ другими народами, вслѣдствіе отсутствія постоянного подвига, исторической жизни. Это три очарованные замки спящей красавицы. Но при всемъ сходствѣ этихъ трехъ странъ, одна между ними, Индія, представляетъ особенность, которою она обязана арійскому племени. Это даровитое племя, племя подвижниковъ, вошедши на очарованную почву Индіи, въ усиленный волшебницею замокъ, также подверглось чарамъ; несмотря однако на силу этихъ чаръ, оно не утратило своего характера, и выказало необыкновенную энергію въ области мысли. Оно схватывается съ основными представленіями естественной религіи о божествахъ добрыхъ и злыхъ, на одинакихъ правахъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ; оно не переноситъ этого дуализма, этого страдательнаго, безразличнаго поклоненія добру и злу вмѣстѣ, и снова бросается на рѣшеніе вопроса о происхожденіи добра и зла, при чемъ рѣзко ставитъ вопросъ объ отношеніи духовнаго и матеріальнаго міра. Мало этого: благодаря движенію мысли, смѣнѣ космогоническихъ представленій, происходитъ сильный переворотъ въ обществѣ, вслѣдствіе котораго часть народонаселенія принуждена выселиться и нести свое ученіе въ ближнія, и дальнія страны; такимъ образомъ, движеніе не ограничивается однимъ народомъ, одною страной, но обхватываетъ многіе народы и страны: явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся здѣсь впервые въ исторіи.

в) Мидяне и персы.

Отъ далекихъ странъ Китая, Египта, Индіи, составившихъ, по самому положенію своему особые замкнутые міры, мы переходимъ въ переднюю Азію, гдѣ на небольшомъ относительно пространствѣ сталкиваются нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, и гдѣ, вслѣдствіе этого столкновенія, происходитъ сильное воинственное движеніе. Мы видѣли, что это движеніе исходило изъ области Евфрата и Тигра и принадлежало народамъ симетическаго племени, ассиріянамъ и вавилонянамъ. Но и на эту сцену скоро являються народы арійскаго племени: какаѣ же будетъ здѣсь ихъ роль? Говоря о борьбѣ между ассиріянами и вавилонянами, мы уже упомянули о мидянахъ, народѣ арійскаго племени. Сначала мидяне, явившіеся, какъ видно, недавно въ странѣ, обхватываемой Тавромъ и Антитавромъ, не успѣвшие сомкнуться въ одно сильное государственное тѣло, не выдержали воинственнаго натиска семитовъ, и подчинились ассирійскимъ царямъ. Но мидяне, по словамъ Геродота, первые стали подниматься противъ ассиріянь, и сражаясь такимъ образомъ за свободу, сдѣлались добрыми мужами и свергли иго; за ними и другіе народы сдѣлали тоже самое. Такимъ образомъ, аріянамъ принадлежитъ здѣсь починъ освобожденія. Освободившись, добрые мужи, въ свою очередь, становятся завоевателями при царяхъ своихъ, Фраортъ и Киаксаръ; но при сынѣ послѣдняго, Астиагъ, происходитъ переворотъ между арійскими племенами: племя персовъ, прежде подчиненное мидянамъ, приобрѣтаетъ независимость при царѣ своемъ Кирѣ и подчиняетъ себѣ мидійское государство. Но мы уже замѣтили, что государства передней Азіи составляютъ систему государствъ, живутъ общею политическою жизнію, блюдутъ другъ за другомъ, при опасности отъ чрезмѣрнаго усиленія одного, другія составляютъ союзы, скрѣпляемые брачными союзами государей. Опасность начала грозить теперь отъ Кира персидскаго, и вотъ противъ него возстаетъ самый могущественный изъ владѣльцевъ Малой Азіи, Крезъ, царь лидійскій, котораго сестра была замужемъ за Астиагомъ мидійскимъ; но при этомъ Крезъ заключилъ союзы съ Набонетомъ, царемъ вавилонскимъ и Амазисомъ египетскимъ, даже съ спартамцами. Успѣхъ союза, разумѣется, прежде всего долженъ былъ зависѣть отъ личности союзниковъ. Крезъ не дождался ни Набонета, ни Амазиса, хотя, какъ видно, поджидаль ихъ движеній къ Каппадокіи. Союзники не двигались; но Киръ воспользовался временемъ и приготовился къ походу одинъ-на-одинъ. Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ, Лидія и вся Малая Азія покорена была персами; потомъ, точно также въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, пало передъ Киромъ и вавилонское государство; Финикія перешла въ такое же подчиненное отношеніе къ персамъ, въ какомъ прежде находилась къ вавилонянамъ. Такимъ образомъ, семитическое племя, которому до сихъ поръ принадлежало господство въ передней Азіи, должно было уступить это господство арій-

царь; при сынѣ Кировомъ, Камбизѣ, и Египетъ былъ присоединенъ къ персидскимъ владѣніямъ.

Итакъ, обративши вниманіе на движенія и столкновенія племенъ въ древней Азіи и отчасти въ Африкѣ, мы скоро усматриваемъ, что одно племя, именно арійское, получаетъ господство надъ другими. Оно господствуетъ въ отдаленной и замкнутой Индіи; но и отсюда распространяетъ свое духовное вліяніе, духовное завоеваніе на окрестныя и отдаленныя страны, посредствомъ сильнаго религіознаго движенія: вся юговосточная и средняя степная Азія составляютъ область, подчиненную вліянію арійскаго племени или западнаго полуострова Индіи. Въ передней или собственно исторической Азіи тоже племя, явившись на сцену, подчиняетъ себѣ всѣ другія и образуетъ небывалое по своей громадности государство. Внутренняя и внѣшняя жизнь этого государства намъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ жизнь другихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, и потому на Персіи мы можемъ изучить это древнее восточное государство, представляющее такое различіе отъ государства западнаго, европейскаго.

Персы завоевываютъ многія обширныя и цивилизованныя государства; но при этомъ не должно забывать, что эти завоеванія совершаются царемъ персидскимъ, но его начинанію, направленію, волѣ. Персы, какъ завоеватели, становятся народомъ привилегированнымъ, не платящимъ податей, но они остаются у себя, въ своей странѣ, въ прежнемъ положеніи, они не переселяются въ страны покоренныя, не получаютъ здѣсь богатаго земельнаго надѣла, не становятся чрезъ это самостоятельнымъ высшимъ сословіемъ, не составляютъ исключительной военной силы, съ которою царь долженъ считаться. Царя окружаютъ вельможи изъ знатныхъ персидскихъ родовъ: но эти люди не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ цѣлой монархіи, которая подчинена царю персидскому, а не народу персидскому. Царь разсылаетъ этихъ вельможъ сатрапами, правителями областей, съ богатѣйшимъ кормленіемъ; но это только кормленіе, постоянныхъ, наследственныхъ владѣній они не имѣютъ, слѣдовательно не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе акта завоеванія, изъ завоевателей персовъ не могла образоваться аристократія въ нашемъ европейскомъ смыслѣ; персъ считался выше вавилонянина и лидійца, онъ не платилъ податей, ему слѣдовательно было лучше жить; но относительно царя онъ былъ такой же рабъ, какъ лидіецъ или вавилонянинъ. Послѣ прекращенія Кировой династіи безпотомственною смертію сына его Камбиза, мы видимъ аристократическое движеніе, стремленіе представителей знатнѣйшихъ персидскихъ родовъ, пріобрѣсти особыя права относительно царя; это движеніе не могло имѣть послѣдствій потому, что персидское могущество подверглось въ это время страшной опасности, покоренные народы возставали со всѣхъ сторонъ, и персамъ для удержанія своего значенія, для единства въ движеніяхъ и успѣха въ борьбѣ, необходимо было отдать власть въ однѣ руки; и во все время существованія персидскаго государства опасность отъ возстанія

покоренныхъ народовъ была постоянною; сюда присоединилась еще опасная борьба съ греками, а государство, основанное на завоеваніи или окруженное опасностями, принуждаемое къ постоянной борьбѣ, требуетъ постоянной диктатуры.

Что касается жреческаго класса, то, сколько можно замѣтить изъ источниковъ, въ Персіи жрецы не имѣли важнаго значенія; жрецы или маги имѣютъ важное значеніе въ Мидіи и съ самаго начала ведутъ себя враждебно относительно персовъ; ихъ попытка возвести на престолъ одного изъ своихъ подъ именемъ сына Кирова не удалась; противъ нихъ направилось національное персидское движеніе, кончившееся истребленіемъ маговъ и царя ихъ самозванца; это событіе, истребленіе маговъ торжествовалось потомъ персами ежегодно, и конечно такой національный праздникъ не могъ содѣйствовать поднятію значенія жреческаго класса; во время этого праздника ни одинъ магъ не могъ показываться на улицѣ. Съ представленіемъ о древнихъ персахъ тѣсно связано представленіе о такъ-называемой зороастровой религіи или ученія. Мы видѣли, что арійское племя, поклоняясь божеству въ проявленіяхъ физическихъ силъ, не могло не признать, подобно другимъ племенамъ, различія между полезными и вредными дѣйствіями этихъ силъ и борьбы между благотѣльными и вредными силами: отсюда дуализмъ въ религіи, или поклоненіе двумъ началамъ, доброму и злomu. Мы видѣли, что другія племена, несмотря на то, что замѣтили борьбу между обонми началами, отнеслись одинаково къ обонмъ; арійское племя въ Индіи массою признало два начала и отнеслось къ нимъ одинаково; но нѣкоторыя изъ племенъ не могли на этомъ успокоиться, и мы видимъ рядъ попытокъ объяснить этотъ дуализмъ, при чемъ одинаковость отношенія чловѣка къ обонмъ началамъ исчезла, законность существованія зла была отвергнута и предложено средство избавленія отъ него; это средство есть бѣгство отъ зла, бѣгство изъ чувственнаго міра, пропитаннаго зломъ. Но куда бѣжать? Въ противоположность существующему; эта противоположность иначе не могла опредѣлиться, какъ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ условій существованія. Арійцы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ передней Азіи, также пришли къ признанію двухъ противоположныхъ началъ, добраго и злого, но также не успокоились на безразличномъ отношеніи чловѣка къ нимъ. Признавши незаконность существованія зла, они отправились отъ борьбы между добромъ и зломъ, признали, что борьба должна кончиться необходимо торжествомъ добра надъ зломъ, и признали за чловѣкомъ обязанность не оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ, но становиться на сторону добраго начала и воспользоваться плодами его побѣды. Такова сущность такъ-называемаго зороастрова ученія. Когда сложилось это ученіе, какую долю участія имѣлъ здѣсь Зороастръ, когда жилъ онъ, какииъ чуждыиъ вліяніямъ подверглось это ученіе въ своихъ подробностяхъ—этого наука, по настоящимъ своимъ средствамъ, рѣшить не можетъ. Какъ видно, ученіе Зороастра было протестомъ противъ тѣхъ чуждыхъ вліаній, которымъ первоначальная арійская религія подверг-

лась вслѣдствіе столкновенія арійскаго племени съ другими племенами при извѣстномъ движеніи мидянъ и персовъ. О степени распространенія Зороастрова ученія въ персидскихъ владѣніяхъ и даже въ собственной Персіи судить трудно; любопытно, что Геродотъ, говоря о религіи персовъ, описывая поклоненіе ихъ физическимъ божествамъ, небу, солнцу, лунѣ, землѣ, огню, вѣтрамъ, указывая на ту особенность, что персы не воздвигаютъ своимъ божествамъ статуй, храмовъ, алтарей, не упоминаетъ о Зороастрѣ и его ученіи. Какъ бы то ни было, у западной азиатской отрасли арійскаго племени мы видимъ стремленіе выйти изъ дуализма, встрѣчаемъ вѣрованіе, что борьба между добромъ и зломъ должна кончиться торжествомъ нерваго, исчезновеніемъ послѣдняго. Аріецъ Индіи бѣжитъ отъ чувственнаго міра, въ которомъ видитъ зло; аріецъ Персіи не бѣжитъ отъ врага, но хочетъ бороться съ нимъ: здѣсь высказалось различіе въ характерѣ двухъ отраслей племени, различіе ихъ исторической дѣятельности, при чемъ мѣстныя условія и характеръ народовъ, съ которыми сталкивалось племя, разумѣется, играютъ важную роль.

Мы видѣли, что случилось съ арійскимъ племенемъ въ отдаленной, обширной и богатой Индіи: несмотря на усыпленіе, отъ этихъ условій происходившее, характеръ племени высказался въ силѣ религіозно-философской мысли и въ силѣ религіознаго движенія. Въ западной Азій, вступивши въ общество народовъ, издавна мѣрившихъ свои силы въ борьбѣ за самостоятельность и первенство, арійцы, въ лицѣ персовъ, принимаютъ участіе въ этой борьбѣ и побѣждаютъ всѣхъ, становятся господствующимъ народомъ и теряютъ это господство въ борьбѣ съ отраслю своего же племени, получившею высшее воспитаніе при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, съ арійцами европейскими, къ исторіи которыхъ теперь и обращаемся.

II.

ЗАПАДЪ.

I.

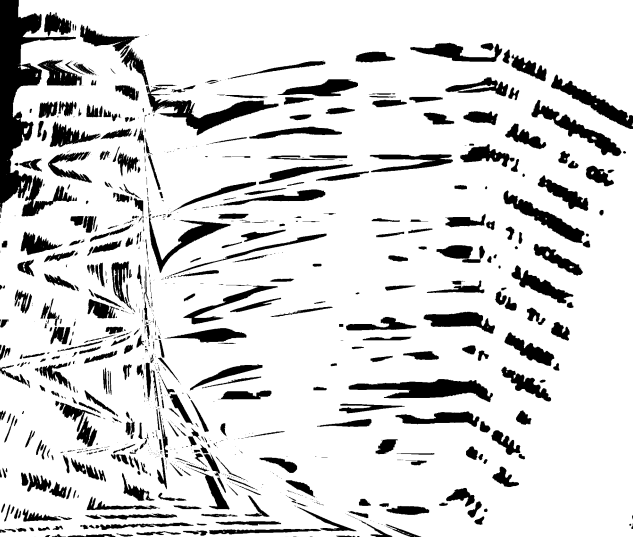
Арійцы древняго міра.

а) Греки.

На востокъ, въ Азій и Африкѣ, мы встрѣтили три формы исторической жизни народовъ: мы встрѣчали здѣсь народы, замкнувшіеся въ отдаленныхъ, обширныхъ и богатыхъ странахъ; потомъ встрѣчались съ народами, жившими на относительно небольшихъ пространствахъ и находившимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ,

покоренных народов была постоянно; сюда опасная борьба съ грѣсами, а государство, основанное или окруженное опасностями, принуждаемое къ требовать постоянной диктатуры.

Что касается жреческаго класса, то, сколько источниковъ, въ Персіи жрецы не имѣли важнаго или маги имѣютъ важное значеніе въ Мидіи и дуть себя враждебно относительно персовъ; ихъ престолъ одного изъ своихъ подъ именемъ сына противъ нихъ направилось національное персидское шееся истребленіемъ маговъ и царя ихъ самозваннаго истребленіемъ маговъ торжествовалось потомъ персами такой національный праздникъ не могъ содѣйствовать членію жреческаго класса; во время этого праздника могъ показываться на улицѣ. Съ представленіемъ тѣсно связано представленіе о такъ-называемомъ или ученія. Мы видѣли, что арійское племя, проявленіяхъ физическихъ силъ, не могло гинь племенамъ, различія между полезными этихъ силъ и борьбы между благодѣтельными сюда дуализмъ въ религіи, или поклоненіе и злему. Мы видѣли, что другія племена, тили борьбу между обоими началами, отнес арійское племя въ Индіи массою признало нимъ одинаково; но нѣкоторыя изъ племенъ коится, и мы видимъ рядъ попытокъ чемъ одинаковость отношенія человека законность существованія зла была отвергнута избавленія отъ него; это средство есть чувственнаго міра, пропитаннаго зломъ. положенность существующему; эта противоположность дѣлится, какъ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ. Арійцы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ къ признанію двухъ противоположныхъ началъ не успокоились на безразличномъ отношеніи незаконность существованія зла, они добромъ и зломъ, признали, что борьба торжествомъ добра надъ зломъ, и признали оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ добраго начала и воспользоваться плодами побѣды. Какую долю участія имѣли здѣсь чуждымъ вліяніямъ подвергнутыхъ—этого наука, по настоящему, не можетъ. Какъ видно, ученіе Зороастра, какъ чуждыхъ вліяній, которымъ первоначально

чемъ на одномъ мѣстѣ, вдали
 ой и богатой, при жирномъ
 димо представить намъ ва-
 роты взгляда, отсутствіе выс-
 гу, и далеко въ своемъ раз-
 тывается въ хорошей школѣ:
 одной страны въ другую, что
 нныя силы, расширяетъ его го-
 леннымъ, бывалымъ, заставляетъ
 и бороться съ другими народами,
 : крѣпость душевная и тѣлесная,
 развитію являются естественными
 10 прибрѣтенныя силы сохраняются
 ажненія: поэтому важно, народъ, хо-
 одвига, поселяется ли въ таковой странѣ
 ны приглашаютъ его усвоиться, пре-
 такомъ случаѣ и народъ хорошо воспи-
 нѣмъ времени вліанію покоя, жирѣетъ и
 ступеней развитія. Слѣдовательно, для на-
 оршее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще
 поселеніе въ извѣстной странѣ народъ не
 ль и не засыпалъ, надобно, чтобъ подвигъ,
 1 прибрѣтенныя силы получали постоянное

племени, извѣстная подъ именемъ грековъ, прежде
 зрощѣ, на южной оконечности Балканскаго полу-
 да совершить далекое странствованіе, гдѣ бы мы
 начальное жилище племени, и какое бы ни пред-
 лженіе движенія (по всей вѣроятности, оно шло по
 у Чернаго моря). Это продолжительное странствованіе
 120 развить силы народа; сюда присоединилось еще то,
 жились въ странѣ, представляющей чрезвычайно выгод-
 для народнаго воспитанія: страна небольшая, изрѣзанная
 , полуостровами и островами, съ благопріятнейшимъ возду-
 шная только при усиленной дѣятельности человѣка; море не
 з, усѣянное островами, тянуло на подвигъ войны и торговли,
 ду тѣмъ, защищало отъ напора сильныхъ народовъ. Но кромѣ
 были еще другія благопріятныя условія для развитія греческой
 ни. Мы знаемъ два слоя греческаго народонаселенія: слой первич-
 ный, пелазгическій, и слой позднѣйшій или эллинскій. Отвергать раз-
 личіе, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нѣтъ возмож-
 ности, по слишкомъ ясному свидѣтельству древнихъ греческихъ писа-
 телей; но въ тоже самое время есть прочное основаніе считать ихъ
 обоихъ принадлежавшими къ арійскому племени; если мы предполо-
 жимъ, что между ними было такое же различіе, какое существуетъ
 между кельтами, и славянами, то намъ понятно будетъ

что вело къ образованію большихъ государствъ и въ ихъ распаденію; наконецъ, мы встрѣтились съ народомъ, который жилъ на морскомъ побережьи, на небольшомъ пространствѣ, вслѣдствіе чего представилъ намъ особенныя формы исторической жизни. Наблюдая за арійскими племенемъ въ Азіи, мы видѣли его только въ двухъ первыхъ формахъ, видѣли его въ замкнутой Индіи, и потомъ въ передней Азіи, въ побѣдоносной борьбѣ съ другими племенами, видѣли его здѣсь основателемъ огромнаго, нестраго по своему составу государства. Но мы не видали еще его въ третьей формѣ, въ формѣ морского народа. Въ этой формѣ оно явилось не въ Азіи, но въ Европѣ, подъ именемъ грековъ.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что для уясненія себѣ результатовъ греческой жизни, намъ очень важно сравнить условія исторической жизни грековъ съ условіями исторической жизни финикійцевъ, народа, наиболѣе къ нимъ подходящаго. Съ перваго раза сходство большое: оба народа живутъ на морскихъ берегахъ, и знамениты своимъ мореплаваніемъ, торговлею, выводомъ колоній: относительно политическихъ формъ, оба народа на небольшомъ пространствѣ земли представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ городовъ или республикъ со всѣми волненіями свободы, съ борьбою партій. Но вмѣстѣ съ сходствомъ видимъ огромную разницу въ результатахъ исторической жизни. Вникая въ причины этой разницы, мы останавливаемся на различіяхъ мѣстныхъ, племенныхъ и собственно историческихъ. Финикійцы занимали узкую полосу по берегу моря, а сзади ихъ происходила страшная борьба между могущественными народами, отъ напора которыхъ финикійцы не были ничѣмъ ограждены, и по своимъ ничтожнымъ военнымъ средствамъ, разужьется, никогда не могли защитить себя отъ завоеванія; построеніе новаго Тира на островѣ всего лучше показываетъ намъ, какъ важно было финикійцамъ отдалиться отъ континентальной Азіи, показываетъ также, что судьба финикійцевъ была бы другая, если бы они были отдѣлены моремъ отъ Азіи; судьбу финикійцевъ всего лучше объясняетъ намъ судьба мало-азиатскихъ грековъ, которые находились точно въ такомъ же отношеніи къ Азіи, какъ и финикійцы, и подверглись такой же участи, подпали сначала подъ власть лидійцевъ, а потомъ персовъ; независимость же европейскихъ грековъ была ограждена моремъ, кораблями, деревянными стѣнами оракула. И такъ, чрезвычайно важное значеніе въ исторіи грековъ имѣетъ положеніе ихъ страны, отдѣленіе моремъ отъ Азіи, огражденіе имъ отъ напора сильныхъ азиатскихъ монархій.

Второе условіе, останавливающее наше вниманіе, есть условіе племенное. Греки принадлежали къ арійскому племени; мы видѣли это племя въ Азіи въ различныхъ условіяхъ, и видѣли, какъ вездѣ оно выказало свою силу, свое превосходство надъ другими племенами. Въ Европѣ оно получило наиболѣе благоприятныя условія для развитія своихъ силъ: какія же были эти условія?

Обращая вниманіе на воспитаніе племени или народа, мы должны

различать, воспитывается ли народъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ народовъ, въ странѣ обширной и богатой, при жирномъ питаніи? Въ этомъ случаѣ народъ необходимо представить намъ вялость, отсутствіе энергіи, отсутствіе широты взгляда, отсутствіе высшихъ побужденій, побужденій въ подвигу, и далеко въ своемъ развитіи не пойдетъ. Другой народъ воспитывается въ хорошей школѣ: нужда заставляетъ его двигаться изъ одной страны въ другую, что развиваетъ его физическія и нравственныя силы, расширяетъ его горизонтъ, дѣлаетъ его народомъ смѣлѣннымъ, бывалымъ, заставляетъ преодолевать препятствія природныя и бороться съ другими народами, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути: крѣпость душевная и тѣлесная, энергія, способность въ сильному развитіи являются естественными слѣдствіями такого воспитанія. Но прибрѣтенныя силы сохраняются и развиваются посредствомъ упражненія: поэтому важно, народъ, хорошо воспитанный въ школѣ подвига, поселяется ли въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ, которыя приглашаютъ его успокоиться, прекратить движеніе, борьбу? Въ такомъ случаѣ и народъ хорошо воспитанный подвергается съ теченіемъ времени вліянію покоя, жирѣетъ и нейдетъ далѣе извѣстныхъ ступеней развитія. Слѣдовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще чтобъ при окончательномъ поселеніи въ извѣстной странѣ народъ не успокоивался, не жирѣлъ и не заспалъ, надобно, чтобъ подвигъ, борьба продолжались и прибрѣтенныя силы получали постоянное упражненіе.

Часть арійскаго племени, извѣстная подъ именемъ грековъ, прежде чѣмъ явиться въ Европѣ, на южной оконечности Балканскаго полуострова, должна была совершить далекое странствованіе, гдѣ бы мы ни полагали первоначальное жилище племени, и какое бы ни предположили направленіе движенія (по всей вѣроятности, оно шло по сѣверному берегу Чернаго моря). Это продолжительное странствованіе уже должно было развить силы народа; сюда присоединилось еще то, что греки поселились въ странѣ, представляющей чрезвычайно выгодныя условія для народнаго воспитанія: страна небольшая, изрѣзанная моремъ, съ полуостровами и островами, съ благодатвореннымъ воздухомъ, богатая только при усиленной дѣятельности человѣка; море не широкое, усѣянное островами, тянуло на подвигъ войны и торговли, и между тѣмъ, защищало отъ напора сильныхъ народовъ. Но кромѣ этого были еще другія благопріятныя условія для развитія греческой жизни. Мы знаемъ два слоя греческаго народонаселенія: слой первичный, пелазгическій, и слой позднѣйшій или эллинскій. Отвергать различіе, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нѣтъ возможности, по слѣдующему ясному свидѣтельству древнихъ греческихъ писателей; но въ то же самое время есть прочное основаніе считать ихъ обитъ принадлежащими къ арійскому племени; если мы предположимъ, что между ними было такое-то различіе, какое существуетъ между кельтами, германцами и славянами, то намъ позитивно будетъ

указаніе древнихъ писателей на ихъ различіе, при чемъ нисколько не нужно будетъ отвергать племенного единства. Но кромѣ этого соединенія пелазговъ съ эллинами, послѣ перваго движенія эллиновъ мы видимъ еще другое движеніе, дорическое. Такимъ образомъ, въ Греціи мы видимъ тройной слой народонаселенія. Этотъ постепенный наплывъ одной части народонаселенія на другую, разумѣется, служилъ къ возбужденію исторической жизни въ странѣ, а съ другой стороны чрезъ постоянную подбавку свѣжихъ силъ вывывалось крѣпкое народонаселеніе, тѣмъ болѣе, что матеріалъ былъ постоянно хорошій, одно даровитое, энергическое племя. Начало греческой исторіи въ маломъ видѣ представляетъ намъ тоже, что послѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, повторилось въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи: какъ здѣсь, такъ и тамъ, государства образовались изъ столкновенія и смѣшенія разныхъ народовъ, но принадлежавшихъ къ одному высоко-даровитому арійскому племени—кельтовъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ.

Изъ извѣстій о пелазгахъ мы легко признаемъ въ нихъ первоначальное арійское племя, которое поклоняется физическимъ божествамъ на возвышенностяхъ и въ лѣсахъ, безъ храмовъ и изображеній. Къ этому пелазгическому періоду относится столкновеніе греческаго народонаселенія съ финикіянами и подчиненіе его какъ матеріальное, такъ и духовное, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, приморскихъ, наиболѣе доступныхъ, мореплавательному народу. Но финикіяне не могли долго держаться на греческой почвѣ, гдѣ арійское племя постоянно усиливалось матеріально и нравственно. Началось эллинское движеніе. Въ этомъ движеніи мы различаемъ два направленія, которыя проходятъ потомъ черезъ всю греческую жизнь: одно сухопутное, представляемое подвигами Геркулеса, съ которымъ въ тѣсной связи находится послѣдующее дорическое движеніе, или такъ называемое возвращеніе потомковъ Геркулеса, гераклидовъ, а съ этимъ возвращеніемъ въ непосредственной связи находится основаніе Спарты, сильнѣйшей сухопутной республики греческой. Но какъ бы ни старались возвеличить значеніе дорическаго племени, всякій однако невольно видитъ преимущественное развитіе греческой жизни въ Аѣнахъ, морской республикѣ. Это направленіе къ морю представляется въ дѣятельности Тезея, героя іоническаго племени. Тезей знаменитъ морскими подвигами, въ которыхъ нельзя не видѣть борьбы съ финикіянами, очищенія отъ нихъ греческой почвы и перваго наступательнаго движенія грековъ на востокъ. Какъ Спарта тѣсно связана съ Геркулесомъ, такъ Аѣины тѣсно связаны съ Тезеемъ, который является устройтеlemъ Аѣинскаго государства. Но какъ образовалось это маленькое государство? оно образовалось изъ слиянія двухъ мѣстечекъ: Элевгиса и Аѣинъ; первое было пелазгическое, второе—эллинское. Пелазгическій слой аѣинскаго народонаселенія былъ такъ силенъ, что Геродотъ прямо называетъ аѣинянъ и вообще іонянъ пелазгами въ противоположность спартанцамъ, которые были эллины. Аѣиняне,

по словам Геродота, будучи пелазгами по происхождению, позабыли свой язык и стали эллинами. Что одинъ народъ, подчиняясь матеріальной или нравственной силѣ другого, принимаетъ языкъ и вообще національность послѣдняго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, исторія представляетъ тому много примѣровъ; но для насъ важно узнать, не осталось ли у эллиновъ чего нибудь пелазгическаго, кромѣ камней?

Пелазги поклонялись физическимъ божествамъ безъ изображеній, храмовъ и алтарей; финикійне способствовали развитію этого поклоненія; явилось поклоненіе двумъ началамъ—мужескому и женскому, Діонису и Матери-землѣ, Геметерѣ или Деметерѣ; послѣднимъ поклоненіемъ былъ знаменитъ пелазгическій Эллизисъ, тогда какъ въ другой, эллинской половинѣ покровительствующимъ божествомъ была воинственная дѣва, Палласъ-Афина, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, и которая принадлежала къ совершенно другому разряду божествъ, къ эллинскому Олиंपу; а съ нимъ Деметера и Діонисъ не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ, въ пелазго-эллинскихъ Афинахъ рядомъ существовали двѣ различныя религіи, старая и новая, и мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ эта старая пелазгическая, элевзинская религія, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, получить силу. Но теперь мы должны заняться эллинскою религіею, которая имѣла такое могущественное вліяніе на греческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всемъ томъ, что оставлено греками намъ въ наслѣдство. Отличительный характеръ эллинской религіи составляетъ очеловѣченіе божества или антропоморфизмъ. Появленіе религіи съ такимъ характеромъ, разумѣется, предполагаетъ сильное развитіе человѣческой личности, чрезвычайные подвиги человѣка, посредствомъ которыхъ онъ поднялся высоко въ собственныхъ глазахъ. Сначала человѣка поражаютъ физическія явленія, и онъ преклоняется предъ ними, какъ предъ божественными; но потомъ человѣкъ, посредствомъ подвига, развиваетъ свои физическія и нравственныя силы, борется съ природою, побѣждаетъ ее, и эта новая сила поражаетъ воображеніе, становится божественною. Подвизникъ, герой поднимаетъ человѣка на небо, и какъ скоро это совершилось, то человѣкъ становится исключительно образомъ божества уже по той легкости, по тому удобству, какія чувствуетъ человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ челоѣкообразному божеству. Пренія божества физическія принимаютъ челоѣкообразный образъ, между ними начинаютъ господствовать челоѣкообразныя отношенія, вслѣдствіе чего боги родятся съ людьми, лучшіе изъ которыхъ, герои, являются смѣшаннаго происхожденія. Такимъ образомъ, чрезвычайное подвижничество, которымъ отличаются греки при своемъ вступленіи въ исторію, естественно вело къ сознанію превосходства челоѣка надъ всѣмъ окружающимъ, и вело, слѣдовательно, къ антропоморфизму въ религіи; но при этомъ еще не должно упускать изъ виду, что у народовъ арійскихъ было сильно развито поклоненіе душамъ умершихъ, которые становились божествами-покров-

вителями своего потомства, рода: здесь мы видимъ высокое понятие о личности человеческой, которая не гибнетъ, но получаетъ важнѣйшее значеніе по смерти; но для того, чтобы это вѣрованіе повело къ антропоморфизму и къ тому развитію личности, какое мы замѣчаемъ у грековъ, нужно было сильное подвиганничество, ибо и китайцы поклоняются душамъ умершихъ, но у нихъ изъ этого поклоненія ничего не вышло. Какъ скоро явился антропоморфизмъ, то сопоставленіе двухъ началъ; двухъ отдѣльныхъ божествъ, добраго и злого, естественно должно было исчезнуть, ибо въ природѣ человѣка оба начала находятся въ смѣшаніи.

Очеловѣчивъ боговъ своихъ, грекъ долженъ былъ установить между ними тѣ же отношенія, какия господствовали въ человеческомъ обществѣ. Какія же это были отношенія?

Мы видимъ, что Аристотель противопоставилъ восточную монархію греческому городу или республикѣ, и объяснялъ происхождение первой тѣмъ, что она составлялась изъ семей или родовъ, управляемыхъ отцовскою или родоначальническою властію монархически, и потому эта форма правленія перенеслась на дѣльный народъ, составившійся изъ этихъ семей или родовъ. Но какъ же произошло греческое общество въ противоположность восточному? Разумѣется, не изъ семействъ, не изъ родовъ, или, во крайней мѣрѣ, съ привнесеміемъ къ семейному или родовому началу другого, которое оказало могущественное вліяніе на общественный строй, условило его дальнѣйшее развитіе. Родовой бытъ требуетъ спокойствія, мирныхъ занятій, и когда это спокойствіе нарушено, то является стремленіе возстановить его учрежденіемъ крѣпкаго, общаго правительства по данной формѣ семейнаго или родового управленія. Это стремленіе благоприятствуетъ появленію одного сильнаго человѣка, который и становится на верху; но неблагоприятно появленію многихъ сильъ. Вообще родовой бытъ не благоприятствуетъ развитію личности, здѣсь господствуетъ спокойствіе, обычай отцовъ, естественныя беспорочныя отношенія старшаго къ младшему, здѣсь господствуетъ охранительное начало. Явится человѣкъ сильный физически или нравственно, ему тѣсно въ обществѣ, и, волею-неволею, онъ долженъ выйти изъ него. Но человѣкъ, какъ животное общественное, не можетъ жить одинъ, и бѣглецъ изъ родового общества стремится къ соединенію съ подобными себѣ людьми; чрезъ это соединеніе образуется новое общество, которое, въ противоположность родовому, или изъ родовъ составившемуся, назовется дружиннымъ, основаннымъ не на кровной связи, но на товариществѣ. Какъ родовое общество есть охранительное по преимуществу, такъ дружина требуетъ движенія, подвига. Прежде всего она составляется изъ людей, нетерпящихъ покоя, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ, и по природѣ своей стремящихся добывать съ бою средства къ жизни; съ самаго начала между этимъ новымъ обществомъ и старымъ завязываются уже непріязненныя отношенія, съ самаго начала новое общество стремится жить на счетъ стараго; сперва борьба происходитъ въ мелкихъ размѣрахъ,

пока дружина еще слаба; она разбойничает на сухожъ пути или на морѣ, нападаетъ въ одиночку на слабыхъ; но съ теченіемъ времени, усилившись, она можетъ предпринять сильное наступательное движеніе, предпринять завоеваніе извѣстной страны, извѣстнаго народа.

Дружина требуетъ вождя. Около знаменитаго своими подвигами богатыря, героя, собирается толпа людей, ему подобныхъ, и провозглашаетъ его своимъ вождемъ. Но большое различіе существуетъ между царемъ народа, составившагося изъ *уравленимъ*, по выраженію Аристотеля, изъ родовъ, и между вождемъ дружины, избраннымъ товарищами въ подвигахъ. Многочисленное и мирное народонаселеніе избираетъ правителя и спѣшитъ дать ему какъ можно болѣе власти, чтобъ не тревожиться заботами правленія, избѣжать смуты внутренней, отъ враговъ внѣшнихъ имѣть защитника, обладающаго всѣми средствами къ успѣшной защитѣ. Дружина храбрецовъ выбираетъ вождя не для успокоенія, не для возвращенія къ мирнымъ занятіямъ, не для отдыха, а для подвига; тутъ силы напряжены, каждый чувствуетъ въ себѣ силу, каждый сознаетъ свое достоинство; эту силу каждого, это достоинство каждого хорошо сознаетъ и вождь, и потому отношенія его къ другимъ членамъ дружины — отношенія старшаго товарища. Тацитъ, описывая народъ, двигавшійся, подобно элинамъ, съ сѣвера на югъ и постоянно выдѣлявшій изъ себя дружины, дѣлаетъ вѣрное различіе между царями, издавна начальствовавшими въ племенныхъ массахъ, и между вождями дружинъ: цари имѣютъ свое значеніе по благородству, вожди по храбрости (*reges ex nobilitate, duces ex virtute*). Такими вождями по храбрости были и тѣ начальствующія лица между элинами, которыхъ мы привыкли называть царями. И послѣ утвержденія въ Греціи, они не могли принять того значенія, какое имѣли цари восточные. Во первыхъ, въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, среди немногочисленнаго народонаселенія, царей было много, и это одно обстоятельство уже не позволяло имъ получить того значенія, какое имѣли цари Востока, единовластители обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ, окруженные необыкновеннымъ блескомъ, удаленные отъ взоровъ большинства подданныхъ, сокрытые и отъ ближайшаго къ нимъ народонаселенія въ великолѣпныхъ чертогахъ, менѣе доступныхъ, чѣмъ храмы божествъ; простота жизни греческихъ царей приближала ихъ къ подданнымъ, приравнивала къ нимъ. Съ другой стороны, движенія, подвиги не прекратились: Греція была не такая страна-волшебница, которая своими чарами скоро бы истощала нравственныя силы человѣка; напротивъ, своими природными условіями, умѣренностію въ плодородіи, небольшимъ пространствомъ и близостію моря не останавливала развитія силъ поселившихся въ ней богатырей, а приглашала ихъ къ новой дѣятельности, къ новымъ подвигамъ. Отсюда постоянное движеніе, постоянное выдѣленіе изъ народа богатырей, героевъ, которые становятся естественными представителями народа, становятся на верху, и цари должны съ ними счѣтаться; чтобъ не потерять своего

значенія, цари сами должны быть героями, начальниками геройскихъ предприятий, а для успѣха въ этихъ предприятияхъ они опять нуждались въ храброй дружинѣ; предприятия эти совершались соединенными силами, многими царями вмѣстѣ, что уже необходимо приучало ихъ и дружинниковъ ихъ къ равенству, тѣмъ болѣе, что тутъ личныя достоинства, личная храбрость и искусство постоянно на первомъ планѣ, даютъ право на видное, высокое мѣсто, на самостоятельность, и личность развивается, человѣкъ сознаетъ свое достоинство, зависящее отъ его личныхъ качествъ, а не отъ какихъ-либо другихъ отношеній. Въ подвигахъ геройскаго періода образовался и окрѣлъ греческій духъ, образовались и окрѣпли греческія общественныя отношенія; знаменитое *слово* (эпосъ) о самомъ знаменитомъ изъ этихъ подвиговъ, Илиада, выразивъ вполне этотъ духъ и эти отношенія, и ставши главнымъ воспитательнымъ средствомъ для греческаго народа, въ свою очередь могущественно содѣйствовала развитію того же духа и тѣхъ же отношеній; здѣсь же въ Илиадѣ съ отношеній между людьми сняты были и отношенія между богами и отношенія боговъ къ людямъ. Такимъ образомъ, Илиада есть источникъ греческой исторіи, но не въ обыкновенномъ смыслѣ слова: она есть источникъ греческой жизни. Чтобы познакомиться съ греческою жизнію въ этомъ источникѣ, не нужно изучать подробно всю поѣму; можно остановиться на первыхъ стихахъ, въ которыхъ излагается завязка дѣла: жрецъ Аполлона проситъ о возвращеніи изъ плѣна дочери; съ этою просьбою онъ обращается ко всѣмъ ахейцамъ, и только преимущественно къ атридамъ. Ахейское войско соглашается возвратить жрецу дочь; но главный предводитель, Агамемнонъ, не соглашается и грозитъ жрецу; но Агамемнонъ не одинъ; подлѣ него есть другая сила, есть человѣкъ, выдавшійся впередъ личными достоинствами, богатырь, герой, Ахиллъ; жрецъ прибѣгаетъ подъ защиту этой силы; но подлѣ Агамемнона и Ахилла есть еще третья сила, выработанная дружинною жизнію эллиновъ: Ахиллъ созываетъ кругъ (агору). Происходитъ столкновеніе между Агамемнономъ и Ахилломъ; герой, оскорбленный главнымъ предводителемъ, отказывается дѣйствовать, и отъ этого бездѣйствія предприятие останавливается, греки терпятъ неудачи, и дѣло поправляется только тогда, когда герой снова начинаетъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, главный смыслъ эпоса, имѣвшаго такое громадное значеніе въ греческой жизни, вполне ее отражавшаго, главный смыслъ эпоса есть борьба человѣка, богатаго личными средствами, съ человекомъ, могущественнымъ по своему положенію, и побѣда остается на сторонѣ перваго, Ахиллъ оказывается важнѣе Агамемнона.

Подвиги, предприятия, совершаемые *товариществомъ* героевъ, а не однимъ лицомъ, двигающимъ народъ свой на другіе народы, и совершаемые морскимъ путемъ суть главныя событія начальной греческой исторіи; они ясно показываютъ намъ, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло, и каково должно быть развитіе этого народа. Мы не будемъ отвергать вліянія дробныхъ формъ греческой страны, какъ способую-

щихъ дробности политической, образованію многихъ мелкихъ государствъ; но, допустивъ это содѣйствіе, мы укажемъ на главную причину политической дробности въ первоначальной формѣ появленія эллиновъ въ исторіи: не одинъ народъ съ однимъ главою является на историческую сцену, но нѣсколько дружинъ съ своими вождями; съ самаго начала видимъ множество дѣйствующихъ силъ, много людей на виду, на первомъ планѣ. Но мы не должны успокоиваться на указаніи этой главной причины: ни природа страны съ дробностію своихъ формъ, ни политическая дробность, зависящая отъ дружинной формы, развитія личности и геройства или богатства, не могутъ помѣшать политическому единству народа, какъ бы продолжительна и упорна ни была борьба при установленіи этого единства, борьба, отъ вышеозначенныхъ условій происходящая; стоитъ только одной единицѣ усилиться вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, и она естественно начинаетъ стремиться къ подчиненію себѣ всѣхъ другихъ единицъ, что и прокладываетъ путь къ единству; препятствіемъ къ достиженію этого единства можетъ служить то только, что не будетъ единицы достаточно сильной, что одновременно образуются двѣ или нѣсколько одинаково сильныхъ единицъ, которыя вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу; и эта борьба будетъ продолжаться до паденія самостоятельной жизни народа, способствуя этому паденію истощеніемъ силъ его въ усобицѣ. Такъ въ Греціи препятствіемъ къ объединенію страны служило то, что подлѣ Спарты, стремившейся подчинить себѣ всѣ другія области, существовала другая сильная республика, Аѣины. Это были два глаза Греціи, по выраженію оракула, и дѣйствительно Греція представляется намъ не иначе, какъ въ этомъ двойственномъ образѣ—Спарты и Аѣинъ; борьба ихъ кончилась истощеніемъ силъ обѣихъ, что и содѣйствовало паденію самостоятельной Греціи.

Троянская война истощила силы Греціи, но скоро онѣ прилили снова съ сѣвера, гдѣ произошло движеніе одного народа на другой, поведшее необходимо къ образованію дружинъ, ибо всѣ, нехотѣвшіе подчиняться игу завоевателей, т. е., всѣ храбрѣйшіе, *лучшіе* люди оставляли прежнее мѣсто жительства. Это сильное движеніе, поведшее къ окончательному опредѣленію греческихъ отношеній, извѣстно подъ именемъ Дорійскаго движенія. Доряне (копейщики) путемъ завоеванія основали въ Пелопонезѣ сильное государство спартанское, которое съ первыхъ же поръ начало стремиться къ первенству въ Греціи. Но въ какихъ же формахъ основалось это государство? Этому опредѣленію формъ предшествовала смута, именно усобица въ царскомъ родѣ. На Востокѣ подобная усобица не могла повести ни къ какой перемѣнѣ, потому что на Востокѣ народъ составлялся изъ управляемыхъ, изъ родовъ; но въ Спартѣ подлѣ вождей, царей, была дружина, развившая свои силы подвигомъ завоеваній, первенствующая среди покореннаго народонаселенія, иривыкшая считать вождя только старшимъ товарищемъ; здѣсь, слѣдовательно, ослабленіе значенія царей вслѣдствіе усобицы необходимо ведетъ къ усиленію значенія дружины, и это выра-

зилось въ Спартѣ тѣмъ, что явились постоянно два царя, что, разумеется, сильно ослабляло ихъ значеніе. Какъ во всѣхъ государствахъ, основанныхъ при посредствѣ не однихъ родовъ, но дружины, мы видимъ и въ Спартѣ совѣтъ старшинъ, стариковъ буквально, и вѣче, или общую, черную раду изъ всего войска; здѣсь мы говоримъ: войско, потому что государство было основано на завоеваніи, и завоеватели, доряне, считали себя однихъ въ правѣ управлять страной, не давая покоренному народонаселенію никакого участія въ управленіи, рѣзко отдѣляясь отъ него, и строго наблюдая, чтобы цари не позволяли себѣ попытокъ усиливать свою власть посредствомъ этого покореннаго народонаселенія. Благодаря этому строгому наблюденію, Спартѣ и удалось сохранить характеръ чисто аристократическаго государства. Военное народонаселеніе, потомки завоевателей управляли и владѣли землею, потомки покоренныхъ обрабатывали на нихъ эту землю. Все это устройство приписывается Ликургу. Разумеется, Ликургъ не придумалъ самъ основныхъ элементовъ спартанскаго устройства и не взял ихъ изъ Крита; эти элементы присущи вездѣ, гдѣ является дружина съ вождемъ, старшими и младшими товарищами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Ликургъ не существовалъ и не имѣлъ того значенія, съ какимъ является въ спартанской исторіи. Была смута; кромѣ междоусобія князей, какъ видно, было сильное неудовольствіе на неравное распредѣленіе земель; послѣ завоеванія уже успѣло явиться различіе между богатыми и бѣдными въ самой дружинѣ завоевателей; благопріятныя обстоятельства сосредоточили большія земли въ рукахъ однихъ, неблагопріятныя уменьшили земельную собственность другихъ, или совсѣмъ лишили ея ихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно или усиливается власть царя, если онъ умѣетъ воспользоваться раздѣленіемъ и представить сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, какъ единственное средство для установленія порядка, или богатый всякаго рода средствами честолюбецъ станетъ вождемъ недовольныхъ и тѣмъ проложитъ себѣ путь къ верховной власти. Но Греція, благодаря сильному развитію своего народа путемъ подвига, представила въ своей исторіи и другой способъ выхода изъ смуты. Здѣсь на небольшихъ пространствахъ сосредоточена дѣятельность энергическаго народонаселенія, получившаго, путемъ подвига, сознаніе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, народонаселенія, не расплывающагося, не спѣшащаго разъѣзжаться по отдаленнымъ домамъ для мирныхъ занятій, но всегда пребывающаго на лицо съ привычкою къ общему дѣйствію, къ товариществу. При такихъ условіяхъ является возможнымъ требованіе, чтобы прежнія свободныя отношенія сохранились, но чтобы прекратилась смута уничиженіемъ произвола сильныхъ лицъ, подчиненіемъ воли каждаго закону. Требованіе вызываетъ предложеніе, является человѣкъ, богатый нравственными средствами, которому поручаютъ написать законы. Но эта новая сила, сила законодателя, такъ велика, что не можетъ быть достигнута одними человѣческими средствами, однимъ че-

ловѣческимъ авторитетомъ, какъ бы онъ силенъ ни былъ. Съ закономъ челоувѣкъ соединяетъ понятіе о чемъ-то твердомъ, вѣчномъ, божественномъ. Челоувѣкъ подчиняется обычаямъ, ибо онъ ведетъ свое происхожденіе изъ глубины вѣковъ, и преданъ людьми, имѣвшими непосредственно сообщеніе съ богами. Дружина подвижниковъ оставила прежнее отечество, прошла много странъ, находилась въ разныхъ новыхъ условіяхъ, что болѣе или менѣе должно было заставить позабыть многое изъ стараго, отвыкнуть отъ него, и вотъ такая дружина находитъ себѣ, наконецъ, новое удобное жилище, утверждается въ немъ; но здѣсь встрѣчается она съ новыми условіями, новыми отношеніями; нужно создать новый порядокъ вещей. Челоувѣкъ не создастъ, а если создастъ, повиноваться ему не будутъ. Въ эти-то времена обыкновенно и являются на сцену жрецы и приобрѣтаютъ важное значеніе законодателей, какъ провозвѣстники воли боговъ. Но жрецы могутъ приобрѣсти важное значеніе политическихъ законодателей только при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда движеніе уже остановилось, подвижники разбросались на обширныхъ пространствахъ, силы ихъ ослабѣли, когда на виду одна сила, необходимая для сосредоточенія всѣхъ другихъ силъ въ обширной странѣ, сила царя, и съ нею одною жрецы считаются, заключаютъ съ нею обыкновенно тѣсный союзъ для взаимнаго охраненія выгодъ. Но когда общество находится въ движеніи, когда на лицо много силъ и всѣ онѣ соединены въ общемъ дѣлѣ, тогда жреческая власть не можетъ получить большаго развитія, ибо всякая сила развивается вслѣдствіе незначительности другихъ силъ. Такъ въ Греціи воинственное, геройское движеніе вначалѣ, потомъ сильныя внутреннія движенія въ небольшихъ областяхъ, городахъ, причеиъ силы не разбрасывались, но были всѣ на лицо въ общей дѣятельности, произвели то, что вліяніе жрецовъ не могло усилиться какъ на Востокѣ; притомъ же свойственное арійскому племени поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, которые становились богами-покровителями потомковъ своихъ, сообщало каждому домовладыкѣ жреческій характеръ, при непосредственномъ отношеніи къ божеству. И относительно общихъ, высшихъ божествъ греки не допускали посредничества жрецовъ, но требовали заявленія божественной воли черезъ оракуловъ; познаніе же объ этихъ божествахъ греки получили не изъ устъ жрецовъ, но изъ поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ въ Греціи мы видимъ отсутствіе греческаго вліянія, и если предположить, что оно выражалось въ оракулахъ, то и тутъ мы увидимъ, что жречество должно было уклоняться отъ непосредственнаго вліянія на политическія дѣла, стоять поодаль, дожидаясь, когда къ нему обратятся за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ, и загоразивая себя пиіеіемъ, приведенномъ въ непосредственное сообщеніе съ божествомъ. Но отсутствіе могущественнаго жреческаго вліянія не исключало религіозности народа и стремленій его дать своимъ новымъ учрежденіямъ божественное освященіе, которое должно сообщить имъ авторитетъ и прочность: отсюда происходитъ то явленіе, что гре-

ческие законодатели обращаются къ оракулу за освященіемъ своихъ постановленій ¹⁾.

Спартанское или такъ-называемое ликургово законодательство дѣйствительно получило, по крайней мѣрѣ, относительную прочность, которой такъ завидовали въ другихъ государствахъ Греціи. Эта прочность условливалась чисто аристократическимъ устройствомъ: небольшое число потомковъ завоевателей совершенно выдѣлилось изъ массы покореннаго народонаселенія, которое, при болѣе или менѣе тяжкихъ условіяхъ зависимости, потеряло всякое участіе въ управленіи страной. Главною цѣлю выдѣлившись завоевателей было сохраненіе своего положенія среди покореннаго народонаселенія, принадлежавшаго къ тому же сильному народу эллинскому, и потому вовсе неохотно сносившаго свое подчиненное положеніе, готоваго возстать при первомъ удобномъ случаѣ. Для завоевателей, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ поддержанія своего положенія было сохраненіе своего первоначальнаго военнаго, дружиннаго устройства во всей его чистотѣ и строгости; Спарта представляла военное поселеніе, казачью сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ по палатамъ, по нашему буквально *сотовариществу* (ибо товаръ въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ палатка); женщина была допущена въ эту сѣчь, но употреблены всѣ старанія, чтобъ приспособить ее къ лагерной жизни, отнять у нея какъ можно болѣе женственности. Прочность спартанскаго устройства была, какъ уже сказано, относительная; въ государственной жизни Спарты мы видимъ перемены, которыя изобличаютъ борьбу, именно стремленіе царей, несмотря на невыгодное условіе двойственности, усилить свою власть, противъ чего аристократія спѣшила принять свои мѣры. Первоначально цари назначали себѣ пять наместниковъ или посадниковъ, такъ-называемыхъ эфоровъ или надзирателей для суда и полиціи; но какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ городахъ посадники, назначавшіеся первоначально княземъ, потомъ стали сановниками народными, отъ вѣча избираемыми, и стали подлѣ князя въ качествѣ блюстителей народныхъ интересовъ противъ него, такъ и въ Спартѣ эфоры перестали назначаться царями, стали избираться на вѣчѣ или въ народномъ собраніи и получили обязанность надзирать надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и царей; эфоры имѣли право требовать у царей отчета въ ихъ поведеніи, ежемѣсячно брать съ нихъ присягу, что они будутъ управлять согласно съ законами, доносить на нихъ собранію стариковъ, сажать

¹⁾ Первоначально глава рода есть жрецъ; жречество происходитъ, когда божество извѣстнаго рода, кумирь, храмъ случайнымъ образомъ получаетъ особенное значеніе, и члены рода, среди котораго онъ находится получаютъ исключительно жреческое значеніе. Образованіе дружины изъ членовъ различныхъ родовъ, разумѣется, способствуетъ болѣе всего появленію общихъ божествъ, общаго богослуженія, при чемъ вождь естественно является жертвоприносителемъ, жрецомъ: отсюда царь, когда онъ образуется изъ вождя, всегда полководецъ и жрецъ.

ихъ подъ арестъ; двое изъ эфоровъ сопровождали войско въ походѣ для надзора за поведеніемъ царя и полководцевъ.

Такими средствами спартанская аристократія охраняла себя и свое устройство отъ тѣхъ волненій и перемѣнъ, которыя происходили въ другихъ греческихъ государствахъ, особенно въ Аѣнахъ. Здѣсь мы уже на другой почвѣ. Здѣсь, послѣ перваго наплыва эллиновъ и смѣшенія ихъ съ пелазгами, мы не видимъ завоеванія; дорическое нашествіе тѣмъ или другимъ способомъ было отбито; было сильное движеніе, сильный приливъ пришельцевъ въ Аттику, подавшій поводъ, съ одной стороны, къ выводу колоній, а съ другой ко внутреннимъ движеніямъ; но эти пришельцы были изгнанники, искавшіе убѣжища въ Атикѣ отъ ига завоевателей въ другихъ странахъ Греціи. Такимъ образомъ въ Атикѣ изначала мы не видимъ разныхъ отношеній завоевателей къ покореннымъ, видимъ многочисленное свободное народонаселеніе, дѣлящееся по мѣсту жительства, по занятіямъ, по знатности происхожденія, по богатству. Родовая связь еще крѣпка; но въ такой небольшой странѣ, какъ Атика, роды не могли особиться и сохранить равенство, и въ этомъ обособленіи и равенствѣ полагать препятствіе дальнѣйшему общественному движенію. Эллинская жизнь уже оставила слѣды: подлѣ царя были потомки героевъ, гордые своимъ происхожденіемъ и богатствомъ. Неравенство состоянія скоро оказало обычныя послѣдствія. Въ обществахъ первоначальныхъ, гдѣ государственная связь еще слаба, преобладаютъ частные союзы, и прежде всего, разумѣется, родовой: члены рода находятъ другъ у друга поддержку, покровительство, обезпечиваются священной обязанностію родовой мести; безродность, безсемеиность, лишеніе рода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, сиротство—было величайшимъ бѣдствіемъ для древняго человѣка. Но это бѣдствіе постигало людей, и вело къ особаго рода отношеніямъ. Человѣкъ безродный долженъ былъ вступать подъ защиту чужого рода, применить къ нему; но, разумѣется, онъ не могъ этого сдѣлать на равныхъ правахъ съ остальными членами рода, и отсюда различныя степени зависимости. Чужой человѣкъ *закладывался* за другого сильнаго, имѣвшаго средства человѣка (закладчикъ), становился подъ защиту сильнаго человѣка, за *хребтомъ* его (захребетникъ). Степени зависимости, какъ сказано, были разныя: человѣкъ, имѣвшій семейство и даже развитое, родъ, имѣвшій и средства къ жизни, нуждался, однако, въ покровительствѣ сильнѣйшаго, и входилъ къ нему въ извѣстную степень зависимости, которая въ древнемъ русскомъ обществѣ выражалась словомъ: *сосѣдь*, которому, въ греческомъ обществѣ соотвѣтствуютъ буквально слова: *періойкъ*, *метойкъ*; съ усиленіемъ государства, послѣднее стремится повсюду перевести этихъ сосѣдей и вообще закладчиковъ изъ частной зависимости въ свою. Самая сильная степень зависимости есть рабство: человѣкъ, не имѣя никакихъ средствъ, идетъ въ рабы къ другому, кабалить себя; повсюду средствомъ перевести вольнаго человека въ рабство служить ссуда денегъ богатымъ бѣдному: невозможна

тить имѣть слѣдствіемъ насильственные мѣры со стороны заимодавца и, наконецъ, рабство должника. Это явленіе въ обществахъ небольшихъ, какъ въ Греціи или Римѣ, въ странахъ, гдѣ природа не даетъ слишкомъ роскошныхъ средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, и гдѣ народонаселеніе, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, по привычкѣ къ подвигу и по развитію личности, отсюда происходящему, дорого цѣнитъ независимость и свободу,—это явленіе въ такихъ странахъ ведетъ къ сильной борьбѣ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ образованіемъ неравенства въ состояніяхъ, при движеніи къ увеличенію своего благосостоянія посредствомъ различныхъ предприятий, и при слабомъ обезпеченіи успѣха этихъ предприятий въ новорожденномъ обществѣ, является много людей, которые лишаются средствъ къ жизни, лишаются возможности исполнять общественныя обязанности (война особенно разоряетъ ихъ, ибо кромѣ издержекъ на нее, она отрываетъ человѣка отъ занятій, губитъ его хозяйство); они занимаютъ деньги у богатыхъ, и, не имѣя возможности заплатить долга, видятъ предъ собою истязаніе и рабство. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются покинуть отечество: дѣйствительно, мы видимъ въ Аѳинахъ сильное стремленіе къ колонизаціи; но не всѣ могутъ рѣшиться на это, и такимъ образомъ выводъ колоній не избавляетъ государство отъ внутреннихъ движеній, порождаемыхъ указанными отношеніями. Царь естественный посредникъ въ этомъ случаѣ; его значеніе, его власть необходимо усиливаются, и тѣмъ самымъ возбуждаютъ опасенія въ людяхъ знатныхъ и богатыхъ, которые стремятся поэтому ограничить царскую власть или совершенно отъ нея освободиться; это тѣмъ легче имъ сдѣлать, что свободныя отношенія къ царской власти и важное значеніе царскихъ приближенныхъ, дружинниковъ, значеніе самостоятельное, независящее отъ царской воли, суть преданія, въ которыхъ воспиталось эллинское общество. Преданіе говоритъ, что во время нашествія дорянъ на Аттику, аѳинскій царь, Кодръ, погибъ для спасенія отечества, и аѳиняне воспользовались этимъ для уничтоженія царскаго достоинства, провозгласивъ, что никто не достоинъ занять мѣсто спасителя отечества; сынъ Кодра, Медонъ, былъ избранъ въ пожизненные правители или архонты и, какъ видно, по характеру своему не былъ способенъ возбуждать опасенія въ аристократіи, тогда какъ двое другихъ, болѣе энергичныхъ сыновей Кодра, Нелей и Андроклъ, съ толпою переселенцевъ отправились за море для основанія колоній. Это удаленіе ихъ показываетъ, что аристократія одержала верхъ; впоследствии упоминается о борьбѣ, когда около 754 года, одинъ изъ потомковъ Медона, Алкмеонъ, потерялъ званіе архонта, и на его мѣсто былъ возведенъ младшій братъ его, но только уже на 10 лѣтъ и съ обязанностью отдавать въ своемъ управленіи отчетъ аристократіи или эвпатридамъ; впоследствии потомство Кодра потеряло исключительное право на архонтство, верховная власть, подѣленная между девятью сановниками, ежегодно избираемыми, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ эвпатридовъ. Въ другихъ государствахъ Греціи произошла подобная

же переѣна; но эта переѣна нисколько не уничтожила борьбы, которая происходила вслѣдствіе стремленій сильныхъ матеріальными средствами лицъ къ верховной власти; нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ своей цѣли, являются царями, хотя греки и дѣлали различіе между законными царями и этими похитителями власти, называя послѣднихъ тираннами. Спартанцы охранили себя отъ этого явленія именно тѣмъ, что удержали царей, подвергнувъ только ихъ власть сильному ограниченію; это ограниченіе, впрочемъ, состояло не столько въ учрежденіи строгаго надзора за поведеніемъ царей посредствомъ эфоровъ, сколько въ сущности самого спартанскаго устройства, въ равномъ выдѣленіи полноправнаго, равно обезпеченнаго имуществомъ правительствующаго класса изъ массы остальнаго народонаселенія, безправнаго, враждебнаго, чуждаго; тогда какъ въ Аѣнахъ отсутствіе рѣзкаго раздѣленія между потомками завоевателей и потомками завоеванныхъ, подлѣ знатныхъ и богатыхъ людей условливало существованіе относительно многочисленнаго класса людей недостаточныхъ, низко поставленныхъ, стремившихся къ улучшенію своего положенія при сознаніи одинаковости своихъ правъ съ эвпатридами; при этомъ стремленіи они нуждались въ вождяхъ, и эти-то вожди пользовались своимъ значеніемъ для достиженія верховной власти или тиранніи.

Для предотвращенія подобныхъ покушеній, которыя уже увѣнчались успѣхомъ во многихъ городахъ Греціи, единственнымъ средствомъ было установленіе прочнаго порядка посредствомъ закона; въ Спартѣ господствуетъ законъ, Спарта сильна и спокойна: а въ другихъ городахъ тираннія: выборъ былъ легокъ, и аѣняне начали требовать закона, законодателя. Но въ Аѣнахъ задача законодателя была не такъ легка, какъ въ Спартѣ: въ Спартѣ было легко выдѣлить небольшую дружину завоевателей, уравнять ихъ права, уравнять ихъ матеріальныя средства, возстановить или освятить дружинное устройство, которое, по самому существу своему, выдвигая на первый планъ товарищескую жизнь, отодвигаетъ на задній планъ семейство и собственность. Привыкшіе къ этой жизни доряне легко приняли ея освященіе закономъ, были довольны, а до неудовольствія другихъ законодателью не было дѣла; для сдержанія этого неудовольствія у побѣдителей было оружіе въ рукахъ, и горе—всегдашняя участь побѣжденныхъ. Другое дѣло въ Аѣнахъ, гдѣ могущественные интересы сталкивались въ народѣ, части котораго не признавали себя побѣдителями и побѣжденными, гдѣ путемъ естественнаго развитія подлѣ аристократическаго элемента образовался демократическій, съ которымъ надобно было считаться, гдѣ съ незапамятныхъ поръ, со временъ Тезея, свободный, равноправный народъ былъ раздѣленъ на эвпатридовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, причемъ „эвпатриды отличались славой, земледѣльцы пользою, ремесленники многочисленностію, и этимъ устанавливалось между ними равенство“ (Плутархъ). Въ Спартѣ законодателью нужно было удовлетворить только одной части народонаселенія; въ Аѣнахъ двумъ, аристократической и демократической, лучшимъ и

меньшихъ людей. Попытка установить порядокъ, прекратить разне-
 ния, дать силу существующему порядку, существующему правитель-
 ству терроромъ, эта попытка не удалась, и виновникъ этой попытки,
 Драконъ, перешелъ въ исторію съ кровавою намятью, а между тѣмъ
 попытки къ тиранніи оказывались ясны; медлить было нельзя для ари-
 стократіи, надобно было приступить къ соглашенію интересовъ двухъ
 сторонъ, къ сдѣлать, и за дѣло принялся Солоонъ. Первымъ дѣломъ
 его законодательства было удовлетвореніе меньшихъ, снятіе съ нихъ
 тяжестей, освобожденіе должниковъ изъ кабалы; всѣ нововведенія въ
 рабство за долги были освобождены, проданные за границу выкуплены
 на счетъ казны, и на будущее время законодатель лишилъ права
 обращать неплатящаго должника и его семейство въ рабство; при
 платежѣ долга должникъ выигрывалъ 27 процентовъ вслѣдствіе измѣ-
 ненія монеты. Спартанское уравненіе земельныхъ участковъ было не-
 возможно; можно было только постановить, что ни одинъ землевла-
 дѣлецъ не имѣетъ права распространять свою землю далѣе положе-
 наго предѣла, чтобъ такимъ образомъ остановить исчезновеніе мел-
 кихъ земельныхъ участковъ и обезземеленіе меньшихъ людей. Но мень-
 шие люди бѣдѣли и должны были вслѣдствіе служебныхъ военныхъ обя-
 занностей, нести которыя у нихъ не доставало средствъ: Солоонъ от-
 странилъ это неудобство, раздѣливъ всѣхъ гражданъ на четыре класса
 по средствамъ, по доходамъ, и военныя обязанности и подати были
 разложены соотвѣтственно этимъ средствамъ; но кто имѣлъ больше
 обязанностей, тотъ долженъ былъ имѣть и больше правъ: такъ, до-
 стоинство архонтовъ и мѣста членовъ въ верховномъ совѣтѣ (ареонагѣ)
 могли получать только члены перваго класса; въ большой правитель-
 ствующій совѣтъ четырехъ-сотъ избирались граждане только трехъ
 первыхъ классовъ; но правительствующій совѣтъ не могъ издавать но-
 ваго закона, не могъ объявлять войну и заключать миръ: это при-
 надлежало народному собранію, а въ члены высшей судебной инстан-
 ціи, въ такъ называемые гелиасты избирали по жребію изъ всѣхъ
 гражданъ безъ различія классовъ; гелиастамъ же принадлежало право
 повѣрять, способно ли извѣстное лицо къ отправленію правительствен-
 ной должности. Такимъ образомъ, цѣлію солонова законодательства
 было установить равновѣсіе между аристократическимъ и демократи-
 ческимъ элементомъ, „чтобъ ни одинъ не одержалъ надъ другимъ
 неправильной побѣды, ибо народъ только тогда повинуется вождямъ,
 когда онъ ни слишкомъ разнузданъ, ни слишкомъ порабощенъ“.

Распаденіе афинскаго народонаселенія на двѣ части, противопо-
 ложныя въ своихъ интересахъ и потому долженствующія бороться, за-
 ставило законодателя признаться, что „въ важныхъ дѣлахъ всѣмъ
 угодить трудно“. Всѣмъ угодить было трудно; легко было угодить
 одной сторонѣ, и, разумѣется, должны были найтись люди, которые
 принялись за легкое и выгодное дѣло. Угодить было легче сторонѣ мень-
 шихъ людей, которые были только облегчены и желанія которыхъ были
 возбуждены сопоставленіемъ съ людьми, болѣе удовлетворенными, воз-

буждены уступкою имъ извѣстной доли государственной дѣятельности, возбуждены самымъ переворотомъ, который мы называемъ солоновымъ законодательствомъ; слѣдствіемъ этихъ возбужденій всегда и вездѣ бываетъ демократическое движеніе, стремленіе къ равенству, стремленіе, которое въ Спартѣ было уничтожено уравненіемъ всѣхъ спартанцевъ, всѣхъ завоевателей и отнятіемъ правъ у побѣжденныхъ. Въ Спартѣ вслѣдствіе постоянного общенія, постоянного сожитія немногочисленныхъ членовъ правительствующей части народонаселенія было равномерное развитіе пониманія государственныхъ дѣлъ и интересовъ, вслѣдствіе чего для каждаго возможно было являться въ народное собраніе съ опредѣленнымъ мнѣніемъ и отвѣчать прямо согласіемъ или несогласіемъ на извѣстное предложеніе, что, въ свою очередь, развивало въ каждомъ самостоятельность взгляда и мнѣнія; въ Афинахъ сравнительно слишкомъ большая масса народонаселенія была призвана къ участию въ государственной дѣятельности, масса не сосредоточенная, разбитая по извѣстнымъ мѣстностямъ, развлекаемая различными занятіями и потому неразвитая, неприготовленная, нуждавшаяся въ разъясненіи дѣла: отсюда необходимость въ народныхъ ораторахъ, внушителяхъ и руководителяхъ; это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало сильно развитію ораторскаго искусства, выдѣленію изъ массы даровитыхъ людей; но, съ другой стороны, содѣйствовало и появленію демагоговъ или такъ называемыхъ тиранновъ, въ болѣе или менѣе утонченной формѣ. Еще при жизни Солона одинъ изъ самыхъ знатныхъ людей, Пизистратъ, началъ стремиться къ власти и средствомъ къ тому употребилъ слово, какъ свидѣтельствуеетъ самъ Солонъ, остерегавшій согражданъ отъ льстивыхъ рѣчей говоруна, отъ темнаго смысла, скрывавшагося подъ блестящими словами. Предостереженія были напрасны; „тиранство выросло и укрѣпилось“, благодаря постоянному войску, которое завелъ у себя Пизистратъ, и захвату денежныхъ средствъ, на которыя содержалось это войско.

Но то обстоятельство, что Пизистратъ не могъ принять названіе царя, что прежнее государственное устройство оставалось ненарушимымъ, показывало ясно, какъ трудно было теперь въ греческихъ государствахъ дать торжество монархическому началу. Мы говоримъ: трудно, и этимъ ограничиваемся; слово: „невозможно“ употребить не рѣшимся, ибо знаемъ, что тираннія въ Афинахъ была сокрушена не внутренними средствами, а помощію, пришедшею извнѣ. Пизистратъ успѣлъ передать свои средства и съ ними свое значеніе сыновьямъ; такимъ образомъ уже начиналась наслѣдственность; одинъ изъ сыновей его, Гиппархъ, погибъ вслѣдствіе личной вражды, и это обстоятельство дало другому брату, Гиппю, возможность сосредоточить всѣ средства въ однихъ своихъ рукахъ и вмѣстѣ дало предлогъ усилить свою власть преслѣдованіемъ всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Произошло явленіе, съ которымъ мы часто встрѣчаемся въ исторіи Греціи и въ исторіи другихъ европейскихъ государствъ: въ обширныхъ государствахъ Азіи людямъ, преслѣдуемымъ верховною властію, трудно скрыться отъ нея,

притомъ здѣсь нѣтъ политическихъ партій и борьбы ихъ, власть одного признается всѣмъ законною, и человекъ, столкнувшійся съ этою властію, гибнетъ одиноко. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи образовались стороны въ народонаселеніи, стороны лучшихъ и меньшихъ людей, или аристократическая и демократическая, и вступили въ борьбу; люди побѣжденной, притѣсненной стороны бѣгутъ изъ отечества, иногда составляютъ значительныя толпы и начинаютъ дѣйствовать противъ стороны побѣдившей, обыкновенно съ чужою помощію; помощь эту легко добыть точно также, какъ легко и убѣждать, потому что подлѣ другія государства, родственныя; бѣгутъ за чужою помощію обыкновенно лучшіе и богатые люди, потому что они имѣютъ средства жить внѣ отечества, средства дѣйствовать въ свою пользу, имѣютъ извѣстность, знаменитость, тогда какъ темному и бѣдному человеку трудно рѣшиться покинуть отечество и найти гостепримство и помощь; если онъ убѣжитъ, то примкнетъ къ дружинѣ людей, живущихъ на чужой счетъ, разбоею сухопутнымъ или морскимъ. Люди знатные, спасшіеся отъ преслѣдованій Гиппія, обратились за помощію къ Спартѣ. Спарта приняла ихъ сторону, и не должно непременно полагать, что это дѣлалось изъ сочувствія спартанской аристократіи къ аѳинской, ибо спартанское устройство стояло такимъ особнякомъ, такъ разнилось отъ аѳинскаго и другихъ, что трудно сопоставлять спартанскую и аѳинскую аристократію, даже трудно говорить объ аристократіи тамъ, гдѣ нѣтъ демократическаго элемента, а въ Спартѣ его не было. Дѣло объясняется проще: Спарта вмѣшивалась во внутреннія дѣла греческихъ государствъ, пользовалась ихъ усобицами для усиленія своего вліянія: теперь она заступилась за аристократическую партію противъ тиранна; потому она заступится за того же самаго тиранна, потребуетъ его возстановленія. Гиппій былъ прогнанъ изъ Аѳинъ, благодаря помощи Спарты и случайности: семейство тиранна попало въ руки къ врагамъ его, и Гиппій, для освобожденія семейства, принужденъ былъ обязаться оставить Аѳины. Послѣ этого надобно было бы ожидать усиленія аристократіи; но видимъ на оборотъ, усиливается демократія посредствомъ новаго раздѣленія, при которомъ знатные и богатые роды должны были утратить свое вліяніе; посредствомъ свободныхъ выборовъ въ члены правительствующаго совѣта безъ обращенія вниманія на состояніе, причемъ число членовъ увеличено до 500; посредствомъ выбора судей по жребію; посредствомъ увеличенія числа годовыхъ народныхъ собраній до 10, вмѣсто прежнихъ четырехъ. И это усиленіе демократіи было результатомъ дѣятельности одного лица, Клизеена, опять человекъ знатнаго и богатаго. О личныхъ цѣляхъ Клизеена при этомъ мы должны остерегаться сказать что-нибудь; мы никакъ не скажемъ, что ему, если бы онъ хотѣлъ, легко было бы сыграть роль Пизистрата и Гиппія; это было очень трудно именно потому, что тираннія только-что была уничтожена; аристократія была сильна и въ союзѣ со спартанцами; не забудемъ, что Пизистратъ началъ съ того, что успѣлъ убѣдить городъ позволить ему завести стражу,

постоянное войско около себя, тоже самое, что рассказывали о Дейоки мидійскомъ, и мы не будемъ отвергать этихъ рассказовъ потому только, что въ нихъ рассказывается одно и тоже относительно двухъ разныхъ лицъ; напротивъ, мы должны ихъ принять, потому что въ нихъ указывается на естественный и необходимый ходъ дѣла гдѣ бы то ни было. Завести себѣ постоянное войско и ограничиться одними льстивыми словами, не приводя обѣщаній въ исполненіе, какъ сдѣлалъ Пизистратъ, было теперь очень трудно, и теперь съ Клисеена уже начинается другого рода тираннія, демагогія, причеиъ челоѱкъ, желающій стоять на верху, долженъ усиливать демократическое начало, чтобъ держаться посредствомъ него. Клисеену приписывается также установленіе остракизма, посредствомъ котораго челоѱкъ, становившійся очень виднымъ и потому опаснымъ для свободы согражданъ, удалялся на извѣстное число лѣтъ изъ Аѳинъ, что, однако, не приносило никакого вреда его чести и имуществу; разумѣется, съ перваго раза кажется, что это средство было направлено противъ тиранніи; но, съ другой стороны, челоѱку, получившему сильное вліяніе на толпу, успѣвшему увѣрить ее, что его бояться нечего, легко наустить народъ на людей, ему собственно опасныхъ и враждебныхъ и избавляться отъ нихъ посредствомъ остракизма, не прибѣгая къ насилію, особенно когда для насилія нѣтъ еще силы. Аристократической партіи не понравилось Клисееново устройство и остракизмъ, который, разумѣется, грозилъ ея членамъ; она обратилась опять къ Спартѣ; Клисеенъ долженъ былъ оставить Аѳины; но дѣло было сдѣлано, демократическое начало усилено, что сдѣлалось скоро въ маленькомъ государствѣ, и когда произошла аристократическая реакція, когда лучшие люди захотѣли уничтожить новое устройство и стали гнать главныхъ его приверженцевъ, то произошло сильное движеніе съ противоположной стороны, причеиъ аристократы проигрывали свое дѣло тѣмъ, что опирались на чужихъ, на спартанцевъ. Спартанцы были выгнаны, аристократы подверглись преслѣдованію, Клисеенъ съ своими возвратился изъ изгнанія; но теперь, если бы даже и хотѣлъ, онъ никакъ не могъ сыграть роли Пизистрата и Гиппія; тираннство отыграло свою роль и было возможно только въ смягченной формѣ демагогіи, т. е. сильное лицо не могло непосредственно распоряжаться, но только посредствомъ народной массы, посредствомъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, аѳинская демократія была воспитана аристократами, которые, вслѣдствіе уничтоженія царскаго достоинства, не могли сосредоточиться въ одно сословіе, въ которомъ преобладало бы равенство и общій интересъ господствовалъ надъ личнымъ. Праздное царское мѣсто манило изъ нихъ тѣхъ, которые были сильнѣе другихъ средствами; для собственнаго возвышенія, которое могло быть достигнуто только съ помощію враждебнаго элемента, они выходили изъ аристократическихъ рядовъ и служили, въ видѣ тиранновъ и демагоговъ, къ возбужденію и развитію демократическаго элемента.

Но для развитія силъ извѣстнаго народа или извѣстнаго элемента

въ народонаселеніи, получившаго преобладаніе, какъ элементъ демократическій въ Аѣинахъ, необходимъ подвигъ, сильная внѣшняя дѣятельность, сильная борьба. Въ этомъ отношеніи развитію и укрѣпленію аѣинской демократіи способствовали двѣ такія борьбы, одна съ спартанцами, другая съ персами, непосредственно слѣдовавшая за первую. Спарта, раздраженная неудачею, не оставила намѣренія снова утвердить свое вліяніе въ Аѣинахъ посредствомъ поднятія аристократической партіи; но у Спарты не было достаточно силъ для успѣшной борьбы; въ Греціи, подѣленной на множество мелкихъ государствъ, одному изъ нихъ, какъ бы оно относительно сильно ни было, трудно было непосредственно подчинять себѣ, покорять другія, даже и ближайшія; здѣсь дѣлалось такъ, что слабѣйшіе, волею-неволею, втягивались въ союзъ, въ которомъ сильнѣйшее государство получало первое мѣсто, предводительство; это предводительство не было господствомъ, и союзники иногда позволяли себѣ дѣйствовать самостоятельно относительно главнаго члена союза; такъ во время нападенія спартанцевъ на Аѣины съ цѣлію возстановить здѣсь аристократическую партію, союзники ихъ, коринѣяне, ушли и тѣмъ помѣшали успѣху, который и перешелъ на сторону аѣинянъ, т. е. тамошней демократической стороны. Видя силу послѣдней и слабость стороны аристократической, помощь которой оказывалась бесполезною, спартанцы попытались подойти съ другой стороны, призвали къ себѣ Гицію и хотѣли съ его помощію войти въ Аѣины; но союзники Спарты и тутъ отказались слѣдовать за нею для возстановленія тиранна. Борьба между Спартою и Аѣинами должна была на время остановиться, и этимъ перемиріемъ обѣ республики воспользовались, чтобъ усилиться: Спарта бросилась на Аргосъ; Аѣины, какъ держава морская, устремили свое вниманіе на море и далѣе на востокъ; тутъ онѣ вмѣшались въ борьбу малоазіатскихъ греческихъ колоній съ персами и этимъ наджикали бурю на себя и на всю Грецію.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ знаменитою борьбою между Европою и Азіею, борьбою, которая продолжается тысячелѣтія съ перемѣннымъ счастьемъ, смотря потому, на какой сторонѣ оказывается болѣе нравственныхъ силъ. Мы уже видѣли, что въ Греціи борьба съ Востокомъ была необходима по самому положенію ея; въ глубокой древности эта борьба происходила между народами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ племенамъ—семитами—финикіянами, и арійцами—греками. Послѣднимъ удалось сбить съ своихъ береговъ финикіянъ. Потомъ, вслѣдствіе приплыва новыхъ силъ къ эллинамъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія народной жизни среди нихъ, они выходятъ изъ своихъ границъ и перебрасываютъ свои колоніи въ Азію; но послѣдняя не снесла этого наступательнаго движенія со стороны Европы. Греческія малоазіатскія колоніи, раздѣленные моремъ отъ метрополіи, растянутыя по берегу подобно Финикіи, не могли защититься отъ сильныхъ напоровъ могущественныхъ азіатскихъ государствъ, и подпали власти сперва Лидіи, а потомъ Персіи. Эллинскій духъ, эллин-

ская энергія могли выразиться только въ томъ, что малоазіатскіе греки не могли спокойно сносить ига, и возставали, приче́мъ получали помощь отъ европейскихъ собратьи́й. Персидскіе цари не могли не обратить вниманія на это обстоятельство: пока за моремъ существовала свободная Греція, до тѣхъ поръ малоазіатскіе берега не могли быть въ спокойномъ владѣніи у персовъ, и царь отправилъ большое войско въ Грецію противъ аѳинянь. Но здѣсь были другія условія. Конечно, для объясненія неудачи персовъ мы должны обратить вниманіе на составъ ихъ громаднхъ ополченій: собственные персы могли сдерживать натискъ своихъ соплеменниковъ грековъ и мѣряться съ ними силами, хотя и не въ равной степени; но персовъ было немного, остальные же части ополченія великаго царя представляли стадо людей, согнанное изъ разныхъ частей громаднаго царства, не могшее выдерживать натиска грековъ, развитыхъ въ высшей степени физически и нравственно, противопоставлявшихъ качество количеству. Но кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Греція была за моремъ, а персы не были морскимъ народомъ, море для нихъ было чуждою, непріятною и страшною стихіею; завезенные въ невѣдомую страну, отрѣзанные отъ отечества страшнымъ моремъ, они находились не въ своей сферѣ, и естественно теряли духъ, ибо вспомнимъ суевѣрный страхъ древнихъ передъ моремъ, границею, которую безбожно было для человѣка переступать. Мы теперь говоримъ, что моря соединяютъ народы, горы и степи раздѣляютъ ихъ; мы имѣемъ право говорить это, но съ ограниченіемъ. Когда извѣстный народъ вынужденъ преодолѣть свое отвращеніе къ морю, тогда, разумѣется, оно становится посредникомъ между народами, соединителемъ ихъ; если же необходимости нѣтъ, то народъ и живущій на морскихъ берегахъ, не займется мореплаваніемъ, будетъ питать отвращеніе къ морю, и море раздѣляетъ народы точно также, какъ и степи раздѣляютъ ихъ. При одномъ и томъ же царѣ персы напали на Европу: въ Скиѳіи остановили ихъ степи, отъ Греціи отбило море.

Мараѳонская побѣда, несмотря на все ея значеніе, какъ первой побѣды европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ, несмотря на все одушевленіе, какое она внесла въ побѣдоносный городъ, не спасала Аѳинъ и Грецію въ сознаніи лучшихъ ея людей; ибо надобно было ждать, что великій царь не замедлитъ наводнить маленькую страну своими полчищами, приче́мъ никакая храбрость и никакое искусство не помогутъ, какъ и доказали Термопилы. Великій человѣкъ указываетъ аѳинянамъ на море, требуетъ усиленія флота; оракулъ указываетъ на деревянныя стѣны, которыя должны спасти Аѳины, и Фемистоклъ толкуетъ, что эти деревянныя стѣны означаютъ корабли. Море начало свое дѣло, начало крушеніями персидскихъ кораблей уравнивать силы враговъ, по словамъ Геродота; аѳиняне покинули свой городъ, перебрались на корабли, и Саламинъ оправдалъ ихъ надежды на деревянныя стѣны; великій царь оставилъ злую страну, покинувъ свое войско на жертву разсудку и чувству тяжести своего поло-

женія въ далекой, потому что заморской странѣ, среди народа, страшнаго своимъ качествомъ, и качество во второй разъ восторжествовало надъ количествомъ, лишеннымъ нравственныхъ силъ, искусства, лишившимся и вождя въ началѣ битвы.

Аѳиняне, жители города, дважды истребленнаго врагомъ, дѣлаются главнымъ народомъ Греціи, благодаря морю, которое дало имъ такое важное значеніе, помогло такъ скоро возстановить и увеличить свои силы. Подобно Спартѣ, Аѳины, по условіямъ, господствовавшимъ въ Греціи, пролагаютъ путь къ своему могуществу посредствомъ союза, во главѣ котораго становятся, матеріальными силами котораго пользуются для своего блестящаго развитія. Но Спарта тутъ въ челѣ своего пелопонезскаго союза; столкновеніе между ними было неизбежно. Борьбу между Аѳинами и Спартою можно раздѣлить на двѣ половины: до персидскихъ войнъ и послѣ нихъ, или такъ называемую пелопонезскую войну. Въ первую половину спартанцы чувствовали свою силу и цари ихъ отважно вводили войско въ Аттику, тѣмъ болѣе, что въ Аѳинахъ были преданные имъ люди; но послѣ персидскихъ войнъ обстоятельства перемѣнились: Аѳины стали сильнѣе, и въ Спартѣ медлятъ начатіемъ войны; Спарту торопятъ союзники, которымъ страшно могущество Аѳинъ, стремленіе ихъ къ преобладанію и захвату; коринѳяне играютъ тутъ главную роль: по своему положенію между Пелопонезомъ и Атикою, между двумя самыми сильными республиками, они хотятъ поддержать свою самостоятельность и благосостояніе, не допуская до преобладанія ни Аѳинъ, ни Спарты. Мы видимъ, что въ первую половину борьбы коринѳяне не допускаютъ спартанцевъ до торжества надъ Аѳинами; теперь же, когда могущество Аѳинъ стало страшно, тѣже коринѳяне побуждаютъ спартанцевъ вооружиться противъ Аѳинъ.

Послѣ долгой борьбы Спарта восторжествовала; оракулъ воспротивилъ побѣдителямъ воспользоваться своею побѣдою, разрушить падшій городъ: „не должно выкалывать у Греціи одного изъ двухъ глазъ“, говорилъ оракулъ. Но у Греціи были повреждены уже оба глаза; и побѣдители и побѣжденные были одинаково истощены страшною борьбою, и это истощеніе ихъ вело Грецію къ паденію. Безсиліе побѣдительницы Спарты высказалось въ ея неудачной борьбѣ съ Фивами, которые сами обязаны были своимъ возвышеніемъ только личнымъ достоинствамъ Пелопида и Эпаминонда, послѣ которыхъ они возвращаются къ прежней незначительности. Мы видѣли, что послѣ троянской войны истощеніе силъ въ Греціи было восполнено приливомъ эллинскаго воинственнаго народонаселенія съ сѣвера, движеніе возобновилось и усилилось дорическимъ нашествіемъ. И теперь послѣ истощенія Греціи отъ пелопонезской и другихъ междоусобныхъ войнъ происходитъ движеніе съ сѣвера, македонское движеніе, которое, по видимому, дало новое значеніе греческой жизни, собравши ея силы для наступательнаго движенія на Востокъ, имѣвшаго слѣдствіемъ разрушеніе персидской монархіи и господство европейскихъ аріевъ въ

Азіи и Африкѣ: но это македонское движеніе было не чисто-греческое и происходило въ такихъ формахъ, отъ которыхъ давно отчуждилась Греція, оно происходило вслѣдствіе только личныхъ стремленій двухъ варварскихъ царей, усыновленныхъ греческой цивилизаціей; наконецъ, послѣ кратковременнаго македонскаго вліянія Греція явилась съ прежней слабостью. Мы въ другомъ мѣстѣ взглянемъ на подвигъ Александра Македонскаго и его слѣдствія; а теперь обратимся къ движенію греческой мысли и вліянію его на общество.

Мы видѣли, что греческое общество основалось на другихъ началахъ, чѣмъ общество восточное: въ основу общества восточнаго легло начало семейное или родовое, въ основу общества греческаго начало дружинное, товарищество. Въ огромныхъ монархіяхъ Востока цѣлое слишкомъ сильно давило на части, вслѣдствіе чего личность не могла развиваться; цѣлое, единство преобладало, и превозмогалъ одинъ человекъ, представитель этого цѣлаго, этого единства; государство — это былъ онъ, одинъ человекъ, всѣ другіе были части цѣлаго, живою собственностію одного, рабами, частію, и даже не только частію, но и полною принадлежностію, имѣвшею одно съ нимъ существованіе, по приведенному выше выраженію Аристотеля. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи, основанныхъ богатырскими дружинами, этого давленія цѣлаго на части быть не могло; вмѣсто впечатлѣнія единой силы, поднимавшейся надъ всѣми и предъ которою все равно исчезали въ своемъ ничтожествѣ, являлось впечатлѣніе равенства многихъ силъ вслѣдствіе равенства многихъ вождей, собиравшихся для общаго предпріятія; подлѣ вождей толпа храбрыхъ товарищей, которыми силенъ и славенъ вождь, съ которыми онъ долженъ считаться. Идетъ движеніе непрерывное, подвигъ совершается постоянно, въ ограниченной мѣстности, на виду у всѣхъ; человекъ личными достоинствами можетъ подняться высоко, герои включаются въ число боговъ; кромѣ борьбы настоящей, человекъ можетъ выказать свои достоинства на играхъ, куда собирается народъ изъ цѣлой Греціи, побѣдитель превозносится похвалами, получаетъ важное значеніе, побѣды на играхъ прокладываютъ дорогу къ побѣдамъ на другомъ поприщѣ; наконецъ, цари исчезаютъ, аристократія уступаетъ демократіи, и это даетъ новое побужденіе къ развитію личности указаніемъ каждому сильному личными средствами человеку высшей цѣли, достиженія перваго мѣста въ государствѣ съ какимъ бы то ни было значеніемъ и именемъ или и безъ имени. Искусство, служа выраженіемъ народной жизни, является для того, чтобъ дать новую силу началамъ, уже обнаружившимся въ жизни. Мы говоримъ о значеніи Илиады для греческой жизни, поэмы, на которой воспитывались греки и содержаніемъ которой служило описаніе бѣдствій, происшедшихъ отъ бѣдствія оскорбленнаго героя, не хотѣвшаго признать право сильнаго. Впослѣдствіи драматическія произведенія, къ которымъ были такъ страстны греки, воспитывали въ нихъ тоже чувство личной независимости. Эсхиль выставилъ это чувство въ Про-

метеѣ, который не хотѣлъ преклониться предъ Юпитеромъ; Софокль пошелъ еще дальше: онъ оставилъ сферу боговъ, титановъ и героев, и выставилъ чувство независимости, непреклонность предъ силою въ слабой дѣвушкѣ, которая, не взирая ни на какія прещенія, исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ. Илиада, Прометей и Антигона представляютъ самыя сильныя проявленія греческаго духа въ мѣрѣ искусства. Наконецъ, персидскія войны, эта знаменитая борьба развитой личности, борьба качества съ подавляющимъ количествомъ опять могущественно содѣйствовала развитію личности, особенно у тѣхъ изъ грековъ, которые купили торжество съ наибольшими пожертвованіями, которые два раза видѣли истребленіе своего города, и потому могли такъ прометеевски отвѣчать персидскому вождю на его предложеніе отдѣльнаго мира.

Такимъ образомъ, въ Греціи, и преимущественно въ Аѣнахъ, все соединилось для того, чтобы дать личности самое сильное развитіе. Но извѣстное начало, пользуясь благоприятными условіями, стремится развиться до крайности, такъ и въ Греціи мы видимъ крайнее развитіе личности. Зло было понятно, и греческая мысль выставила противодѣйствіе, но безуспѣшно: откуда же простекла эта безуспѣшность?

Личность, при благоприятныхъ условіяхъ въ обществѣ для своего развитія, сдерживается въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ нравственнымъ началомъ, которое тогда только сильно, когда находится въ связи съ началомъ религіознымъ. Но греческая религія не могла дать нравственно-крѣпкаго основанія. Грекъ, благодаря развитію своей жизни, освободился отъ азіатскаго представленія о божествѣ, какъ о гнетущей силѣ природы, которая дѣйствуетъ деспотически, предъ которою человѣкъ ничто, въ угоду которой женщина считаетъ обязанностью жертвовать своимъ стыдомъ, а мужчина—поломъ. Греческій антропоморфизмъ вноситъ на Олимпъ человѣческія отношенія, сдружаетъ человѣка съ божествомъ, приравниваетъ ихъ другъ къ другу; человѣкъ, благодаря героизму, поднимается до божества, но за то божество понижается; грекъ живетъ съ своими божествами слишкомъ по-товарищески, за панибрата; греческія божества—изящные люди, но не безгрѣшные, не внушающіе уваженія своею высокою нравственностію, и не требующіе въ этомъ отношеніи подражанія себѣ; у греческихъ боговъ дѣти на землѣ, слѣдовательно у нихъ здѣсь свои личныя интересы, борьба за эти интересы, а подобныя отношенія, разумѣется, уничтожаютъ божественное, независимое положеніе. Восточные боги, какъ восточные деспоты, жили въ отдаленіи отъ простыхъ смертныхъ, окруженные обаяніемъ таинственности; даже египетское божество—животное сохраняло это обаяніе, ибо человѣкъ не могъ проникнуть во внутренній мѣръ таинственнаго существа. Грекъ нарушилъ обаяніе таинственности, вывелъ наружу всѣ олимпійскія проказы. Униженіе божества чрезъ приданіе ему человѣчности не въ высшихъ нравственныхъ, духовныхъ проявленіяхъ, естественно вело къ отрицанію такого божества, давало выходъ

разлагающей силѣ мысли; а греки принадлежали къ тому племени, которое и въ отдаленной Азiи, въ замкнутой и богатой Индiи, дающей духъ громадностью и роскошью природныхъ формъ, умѣло обнаружить дѣятельность мысли, не ограничиваясь переданными религіозными воззрѣніями. Тѣмъ болѣе эта дѣятельность должна была обнаружиться у грековъ при особыхъ условіяхъ ихъ исторической жизни, и прежде всего при условіи движенія, переменѣ политическихъ формъ. Греческій религіозный процессъ закончился гомеровскимъ временемъ; но греческая политическая жизнь продолжала развиваться; тѣ земныя отношенія, по которымъ образовались отношенія олимпійскія, измѣнились и естественно не могло быть сочувствія къ тому, что представляло уже прошедшее, отвергнутое, а между тѣмъ разлагающая сила мысли получала все большее и большее развитіе. Прежде всего греки, по своему положенію въ небольшой приморской странѣ, находящейся въ близкомъ разстояніи отъ Азiи и Африки, и волнуемой внутренними движеніями и столкновеніями народовъ, должны были выселяться, заводить колоніи, знакомиться со многими чуждыми народами. Это обстоятельство, расширявшее горизонтъ, сильно дѣйствовало на даровитое, живое, пытливое и впечатлительное племя, представителями котораго были поморцы іоняне, аеиняне. Грекъ на Востоку встрѣчается съ богатой цивилизаціею, производящею сильное впечатлѣніе громадностію и особенно древностію своихъ памятниковъ; его вниманіе останавливается на религіи; язычникъ легко подчинялся чуждому вѣрованію, легко поклонялся чуждому богу, потому что убѣжденіе въ единствѣ бога ему не препятствовало. Грекъ также съ уваженіемъ относился къ религіи чуждыхъ народовъ, но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ сильно развитъ вслѣдствіе движенія своей жизни, онъ привыкъ думать, привыкъ критически относиться къ такимъ явленіямъ, къ какимъ на Востоку критически не относились, какъ напримѣръ, къ политическимъ формамъ; разнообразіе этихъ формъ на маломъ пространствѣ Греціи дало ея жителямъ возможность сравнивать и разсуждать о достоинствѣ или недостоинствѣ той или другой формы, что, разумѣется, сильно развивало мыслительную способность и приготовило то философское настроеніе, которымъ отличаются греки: „Эллины премудрости ищутъ“. Съ этимъ-то исканіемъ премудрости, съ этою-то развитою мыслительною способностію, съ привычкою критически относиться къ явленію, допросить, какъ, что и почему, является грекъ на Востоку. Путешествующій грекъ мыслитель, мудрецъ представляетъ намъ въ высшей степени любопытное явленіе. Привычка видѣть разнообразіе формъ народной жизни у себя тянетъ грека съ возбужденною мыслию дальше, посмотрѣть другіе народы, познакомиться съ другими формами жизни, посравнить, найти сходство и отличіе, тогда какъ для восточнаго человѣка однообразіе политическихъ формъ необходимо уничтожало подобное стремленіе. Съ исканіемъ премудрости грекъ отнесся и къ религіямъ Востока, началъ сравнивать, ища общіе черты съ своими, греческими вѣрованіями, искать одного принципа; здѣсь, какъ

обыкновенно бывает, мысль останавливается прежде всего на заимствовании; при видѣ двухъ одинакихъ явленій у разныхъ народовъ, первое, легчайшее объясненіе состоитъ въ томъ, что одинъ народъ заимствовалъ извѣстное вѣрованіе, обычай у другого; возвыситься до предположенія общихъ законовъ, производящихъ одинаковыя явленія всегда и повсюду, человѣкъ сначала не можетъ. Такимъ образомъ грекъ при объясненіи одинакихъ религіозныхъ воззрѣній, одинакихъ мифовъ у разныхъ народовъ остановился на заимствованіи однимъ народомъ у другого. Младшій по происхожденію и по цивилизаціи народъ долженъ былъ заимствовать у старшаго, греки должны были заимствовать у восточныхъ народовъ, у послѣднихъ надобно доискаться источника. Уже одно убѣжденіе, что вѣрованія, въ которыхъ воспитался человѣкъ, заимствованы, чужія, ослабляетъ эти вѣрованія, дѣлая ихъ предметомъ изслѣдованія, заставляя слѣдить какъ съ теченіемъ времени они измѣнялись, какъ древнѣйшимъ, заимствованнымъ присоздавались новыя. Мысль беретъ верхъ, чувство ослабляется. А тутъ еще новый ударъ. Пылливость влечетъ въ страну чудесныхъ памятниковъ древнѣйшей цивилизаціи, въ Египетъ, а здѣсь жрецы внушаютъ, что все заимствовано отъ нихъ, но чему вѣруетъ народъ, это только символы, что суть всего дѣла извѣстна имъ однимъ, жрецамъ, что пожалуй они скажутъ на ухо умному человѣку, который уже и безъ того подозрительно посматриваетъ на разные религіозныя обычаи и обряды, но объявлять объ этихъ вещахъ всѣмъ бесполезно и опасно, народъ должно держать въ невѣдѣніи, оставляя мудрость для посвященныхъ. Геродотъ представляетъ намъ образецъ грека, который, благодаря знакомству съ чужими религіями и внушеніямъ египетскихъ жрецовъ, относится скептически къ народнымъ вѣрованіямъ грековъ, древнѣйшія вѣрованія пелазговъ считаетъ заимствованными изъ Египта и въ эллинскомъ Олимпѣ видитъ созданіе поэтовъ; онъ объясняетъ мифы, говоритъ, что черные голуби додонскіе были двѣ иностранныя женщины, которыхъ чуждый языкъ могъ показаться языкомъ птичьимъ, ибо какъ въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобы голубь издавалъ членораздѣльные звуки? и такъ какъ говорится, что голубь былъ черный, то это значитъ, что женщина была египтянка. Проговариваясь подобнымъ образомъ въ разныхъ случаяхъ, высказывая свое свободное отношеніе къ религіознымъ преданіямъ, Геродотъ простодушно оговаривается, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ распространяться: „Еслибы я захотѣлъ сказать, почему египтяне воздаютъ животнымъ божескія почести, то я бы коснулся религіи и вещей божественныхъ; но я особенно избѣгаю такихъ разговоровъ, и если я кое-что такого сказалъ, то долженъ былъ сдѣлать это по необходимости“.

Такимъ образомъ, сближеніе съ Востокомъ и его религіями нанесло ударъ греческой религіи, эллинскому антропоморфизму, разлагало его. Но греческая мысль не могла остановиться на этомъ отрицаніи, на этомъ разложеніи, и вотъ среди азіатскихъ грековъ, на которыхъ

восточныя воззрѣнія прежде всего подѣйствовали и у которыхъ, по ихъ страдательному политическому положенію, было болѣе возможности отрѣшиться отъ практической жизни, начинается такая же умственная работа, какую мы уже видѣли у арійцевъ въ Индіи, работа надъ объясненіемъ происхожденія міра. Народныя религіозныя воззрѣнія не стѣсняють этихъ мыслителей, онѣ не вѣрятъ въ олимпійцевъ, знаютъ, что эти народныя греческія вѣрованія суть искаженія первоначальной религіи, въ большей чистотѣ сохранившейся на Востоку, и состоявшей въ поклоненіи силамъ природы; но что такое природа и ея силы, какъ произошли онѣ? Одни объявили, что все существующее произошло изъ влаги; что божества, въ которыя вѣритъ народъ, суть басни; божество есть душа вселенной, движущая сила вещей, отдѣльно отъ нихъ не существующая. Такимъ образомъ мы опять встречаемся съ знакомымъ намъ браманзмомъ или пантеизмомъ. По другимъ, это управляющее, божественное начало міра, противоположное матеріи, былъ воздухъ, какъ духъ; по инымъ, огонь, творческая, всепроникающая и всепоглощающая сила, которая преимущественно проявляется въ душѣ человѣческой; нѣкоторые указывали на происхожденіе міра изъ атомовъ; простыхъ, надѣльныхъ первоначальныхъ тѣлъ, все существующее проникается тонкими огненными атомами, которыхъ всего болѣе находится въ человѣкѣ; по инымъ, первое движеніе атомамъ дано было высшею разумною силою, существующею отдѣльно отъ матеріи; иные принимали четыре основные элемента: огонь, воздухъ, землю и воду, которые приводятся въ движеніе двумя силами — любовью и ненавистію или борьбою: изъ соединенія и раздѣленія произошло все существующее.

Всѣ эти мнѣнія или ученія исходили отъ мудрецовъ или философовъ, которые провозглашали ихъ какъ произведенія свободной мысли лица, не давая имъ никакого религіознаго освященія, противопоставляя ихъ народной религіи, прямо вооружаясь противъ нихъ, провозглашая Гомера и Гезіода искажителями религіи, которые въ своихъ поэмѣхъ приписали богамъ то, что считается постыднымъ между людьми. Были попытки въ Южной Италиі или такъ-называемой Великой Греціи, дать одному изъ философскихъ ученій, именно Пифагорову, религіозное освященіе, составить орденъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ людей, посвященныхъ въ тайны ученія, которые бы управляли непосвященною и потому презираемою толпою; но эта попытка не увѣчалась успѣхомъ. Вообще же всѣ эти философскія ученія или мнѣнія были слѣдствіемъ сильнаго развитія личности въ Греціи и, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь содѣйствовали сильнѣйшему ея развитію. Разрушеніе народныхъ религіозныхъ вѣрованій, произведенное философіею, которая на ихъ мѣсто не могла поставить ничего прочнаго, освященнаго, имѣвшаго всеобщій авторитетъ, дававшего правило жизни, но породила множество разнородныхъ, спорныхъ мнѣній о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, должно было естественно навести многихъ на мысль, что всеобщихъ истинъ нѣтъ, нѣтъ и общихъ

нравственныхъ правилъ, сдерживающихъ каждаго человѣка и опредѣляющихъ его дѣятельность; слѣдовательно, каждый человѣкъ составляетъ отдѣльный, вполне независимый міръ, имѣетъ свой собственный взглядъ на все и свои исключительныя личныя цѣли, достиженіе которыхъ есть главная его задача; объективной истины нѣтъ; истинно то, что отдѣльный человѣкъ въ извѣстное время считаетъ истиннымъ; средства отдѣльнаго человѣка составляютъ мѣрило всего; если средства отдѣльнаго человѣка велики въ сравненіи съ средствами другихъ людей, то онъ имѣетъ полное право стремиться къ господству надъ ними, къ тиранинн. Таковъ былъ необходимый результатъ, къ которому должно было придти крайнее развитіе личности въ Греціи, и преимущественно въ Аѣинахъ. Разумѣется, подобныя мнѣнія, какъ всякія мнѣнія, должны были распространиться между людьми мыслящими или такъ-называемыми образованными, способными останавливать свое вниманіе на высшихъ вопросахъ жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставленію, обученію другихъ, преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, которое такъ надобилось въ Греціи, и особенно въ Аѣинахъ. Такіе люди назывались софистами, отъ которыхъ изложенное ученіе и получило свое названіе. Но разрушительное вліяніе на общество такъ называемаго софистическаго ученія вызвало противоѣдствіе, которое явилось изъ среды тѣхъ же софистовъ, т. е. людей, занимавшихся наставленіемъ другихъ. Сократъ, въ школѣ котораго обнаружилось это противоѣдствіе, являлся для современниковъ такимъ же софистомъ, какой выведенъ былъ и на сцену Аристофаномъ, несмотря на все стараніе его выдѣлиться изъ среды софистовъ ученіемъ и поведеніемъ: наиримѣръ, онъ не бралъ денегъ за свое ученіе и не странствовалъ изъ города въ городъ, подобно другимъ знаменитымъ софистамъ. Противоѣдствуя господствующему между софистами ученію, Сократъ долженъ былъ вооружиться противъ доведеннаго до крайности развитія личности, т. е. долженъ былъ утверждать, что есть общія, непреложныя истины, есть нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ, правила, безъ признанія и соблюденія которыхъ общество не можетъ существовать; онъ полагалъ различіе между „благочестіемъ и безбожіемъ, благородствомъ и неблагородствомъ, справедливостію и несправедливостію, храбростію и трусостію“ и т. д., разсматривалъ все это независимо, признавая въ каждомъ человѣкѣ врожденную способность дойти до правильнаго различенія всего этого, при хорошемъ руководствѣ, тогда какъ въ господствующемъ между софистами ученіи все это смѣшивалось, могло переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ, и въ человѣкѣ не признавалась способность различенія хорошаго отъ дурного независимо отъ его непосредственнаго чувства. Послѣдователь такъ называемаго ученія софистовъ говорилъ: „Въ большинствѣ вещей природа и законъ находятся въ противоположномъ отношеніи другъ къ другу; но природѣ хуже всего претерпѣть несправедливость, а по закону хуже всего сдѣлать несправедливость. Претерпѣть несправедливость отъ другого не-

достоинъ свободаго челоѣва; несправедливость можетъ свести только рабъ, которому лучше умереть, чѣмъ жить, ибо, претерпѣвая несправедливости и оскорбленія, онъ не въ состояніи защитить себя и тѣхъ, кого любитъ. Законы—произведеніе людей слабыхъ личными средствами, но многочисленнѣйшихъ; постановляя законы, они думали только о себѣ, о своихъ интересахъ; чтобъ напугать людей сильныхъ личными средствами, которые могли бы пріобрѣсти власть надъ другими, они говорятъ, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая, и что челоѣвъ, стремящійся къ могуществу, поступаетъ несправедливо; по своей слабости они стремятся къ равенству. Такимъ образомъ, по закону несправедливо пріобрѣтать власть надъ другими; но по природѣ справедливо, чтобъ лучшій и сильнѣйшій имѣлъ болѣе, чѣмъ худшій и слабѣйшій. Мы беремъ съ дѣтства лучшихъ и сильнѣйшихъ между нами, образуемъ ихъ и укрощаемъ, какъ лвятъ, внушаемъ имъ, что надобно чтить равенство, и что въ этомъ заключается прекрасное и справедливое. Но какъ скоро явится челоѣвъ съ могущественною природою, разобьетъ онъ всѣ эти оковы, потопчетъ ногами наши писанія, наши законы, противные природѣ, и возвысится надъ всѣми какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ, — тогда-то возсіяетъ справедливость по закону природы. Для счастья жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать ихъ, и посредствомъ своего мужества и ловкости, быть въ состояніи удовлетворять имъ. Большинство людей не въ состояніи этого сдѣлать, и поэтому-то они осуждаютъ тѣхъ, которые этого достигнуть могутъ. Они говорятъ, что неумѣренность есть вещь дурная, сковываютъ людей, имѣющихъ лучшую природу, и, не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ страстямъ, воспѣваютъ умѣренность и справедливость. А для тѣхъ, которые имѣли счастье родиться въ семействахъ царскихъ, или которые отъ природы получили способность сдѣлаться вождами, тираннами или царями,—для такихъ что можетъ быть постыднѣе и вреднѣе умѣренности? Тогда какъ они могутъ безпрепятственно наслаждаться всѣми благами жизни, неужели сами свяжутъ себя законами, сужденіями и порицаніями толпы?"

Сократъ и его ученики именно хотѣли овладѣть львенкомъ, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушеніемъ обществу. Софисты поставили вопросъ о противоположности между природою и закономъ, т. е. между стремленіями отдѣльнаго лица и стремленіями общества, вопросъ, который вызоветъ знаменитый отвѣтъ, что челоѣвъ есть животное общественное, что общество условливается природою челоѣва, и потому природа не можетъ находиться въ противоположности съ закономъ. Вслѣдствіе крайняго развитія личности и ея неумѣренныхъ требованій, высказанныхъ софистами, поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, великій вопросъ, который находится на первомъ планѣ въ исторіи челоѣчества. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія его мы не можемъ ждать на землѣ при сознаніи несовершенства всякаго дѣла

человѣческаго, сознаниіа, горечь котораго подслащиваютъ указаніемъ на безконечность развитія, хотя и не всѣ могутъ удовлетвориться этимъ подслащиваніемъ. Мы можемъ только наблюдать, какъ и гдѣ вопросъ рѣшался болѣе или менѣе удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса, причемъ они сейчасъ же и принялись за его рѣшеніе; но скольконибудь удовлетворительнаго рѣшенія его мы ожидать не въ правѣ, потому что мы присутствуемъ здѣсь при борьбѣ ивѣній и направленій, причемъ одно направленіе, доведенное до крайности, вызывало реакцію. Реакція крайнему развитію личности, выразившемуся въ ученіи софистовъ, высказалась въ ученіи сократовой школы. Въ политическомъ устройствѣ, предложенномъ этою школою, дуга была перегнута въ противоположную сторону; желая противодействовать крайнему развитію личности, перенесли должныя границы и не признали правъ личности, слишкомъ стѣснили ее въ пользу общества; на человѣка взглянули, какъ на несовершеннолѣтняго, неспособнаго ивѣть семейство и собственность, и устроили общество, какъ школу съ учителемъ, философомъ въ члѣгъ управленія. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитымъ ученикомъ Сократа, должно было остаться въ числѣ утопій; но мысль о подобномъ устройствѣ не умираетъ, а заявляетъ себя всякій разъ, когда умъ человѣческій, истомленный трудностію задачи опредѣлнить скольконибудь правильно отношенія отдѣльнаго лица къ обществу, прибѣгаетъ къ отчаяннымъ средствамъ ивѣти изъ затрудненія. Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ жить въ обществѣ, но вступая въ связь съ другими людьми, онъ необходимо долженъ поступиться частію своей свободы, частію своихъ правъ въ пользу другихъ, въ пользу общества. Но сколько онъ долженъ уступить и сколько оставить за собою для сохраненія равновѣсія между личностію и обществомъ—въ этомъ весь вопросъ. Софисты говорили, что человѣкъ не долженъ ничего уступать обществу; если онъ родился львомъ въ сравненіи съ другими, то и долженъ брать львиную часть, не дѣлясь съ другими, слабѣйшими; Сократъ и его ученики, вооружаясь противъ этого ученія, заставили человѣка уступить слишкомъ много, заставили его идти въ кабалу къ обществу за обезпеченное содержаніе. Эта обезпеченность содержанія такъ привлекательна, что въ обществахъ неразвитыхъ заставляла свободнаго человѣка продаваться въ рабство, идти въ кабалу, въ обществахъ же развитыхъ, гдѣ рабство человѣка другому человѣку уже немислимо, заставляла мечтать о рабствѣ, болѣе благовидномъ, рабствѣ обществу. При опредѣленіи отношеній отдѣльнаго лица къ обществу не должно упускать изъ виду, что для благосостоянія этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобъ отдѣльное лицо, ведя общественную жизнь, служа обществу, сохраняло при этомъ свою самостоятельность, свой отдѣльный, независимый міръ. Для этого три средства, три, такъ сказать, замка или крѣпости, которыя защищаютъ свободу и самостоятельность отдѣльнаго лица: это религія, семейство и соб-

ственность. Религія поддерживаетъ въ человѣкѣ сознание своего нравственнаго достоинства, не позволяя ему уступать несправедливымъ требованіямъ общества, ставя передъ нимъ высшій міръ, высшій судъ, къ которому онъ апеллируетъ, будучи недоволенъ землею неправдою; вѣра въ духовное начало, въ личное безсмертіе даетъ человѣку свободный, самостоятельный, царственный взглядъ на общественныя отношенія, заставляетъ его требовать только такого опредѣленія ихъ, какое согласно съ человѣческими достоинствомъ, не позволяетъ рабствовать предъ землею силою. Семейство есть самостоятельное общество въ обществѣ, необходимое для поддержанія въ человѣкѣ его самостоятельности: въ это убѣжище стремится онъ отъ порабощенія и поглощенія, которымъ грозитъ ему общество, если онъ постоянно пребываетъ въ немъ; здѣсь онъ дышетъ свободно, чувствуя себя не частью огромнаго дѣлага, въ которомъ онъ исчезаетъ, не колесомъ, не винтомъ въ машинѣ, но существомъ самостоятельнымъ, центромъ особаго міра, здѣсь онъ *самъ*, по русскому народному выраженію. Въ обществахъ неразвитыхъ семейство имѣетъ уже слишкомъ большое значеніе; здѣсь оно слишкомъ обширно, развиваясь въ родъ, который заслоняетъ для человѣка общество, суживаетъ сферу его дѣятельности, его отношеній и сдерживаетъ развитіе его силъ. Общество, развиваясь, тѣснитъ родъ, обрываетъ его, переводитъ обязанности человѣка къ роду на обязанности къ себѣ; все это очень хорошо; но есть предѣлъ развитію общества въ этомъ отношеніи; горе ему, если оно захочетъ перейти законную грань, и нарушить святую семью. Что касается отдѣльной собственности, то она неразрывно связана съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаетъ самостоятельность человѣка, давая ему сильное побужденіе къ дѣятельности въ возможности располагать результатами этой дѣятельности. Семейство и собственность будутъ всегда отличіемъ совершеннолѣтняго человѣка, и стремленіе отнять семейство и собственность будетъ всегда противно человѣку, какъ стремленіе низвести его изъ совершеннолѣтія въ положеніе недоросля, школьника. Сократова школа въ своемъ политическомъ ученіи перешла законную грань: стремясь сдержать безграничное развитіе личности, въ пылу спора съ поборниками этого развитія, она не замѣтила, какъ вмѣсто сдержки провозгласила порабощеніе личности: въ республикѣ Платона нѣтъ ни семейства, ни собственности. Но Платонъ имѣетъ дѣло съ одними воинами, и тѣмъ даетъ знать, что при построеніи своей республики онъ имѣлъ въ виду военное братство, лагерь или казацкій копь, называвшійся Спартою. Философъ предполагалъ и уравниеніе половъ, указывая на собакъ, у которыхъ и самцы и самки одинаково пригодны на охотѣ и для охраненія стада. Философъ забылъ, что человѣкъ не собака, что онъ подчиняется закону развитія, по которому различіе половъ необходимо предполагаетъ раздѣленіе занятій.

Въ исторіи Греціи и преимущественно Аѳинъ, Сократова школа имѣетъ то значеніе, что въ ней высказалась реакція національному

направленію, которое состояло именно въ развитіи личности. Въ этомъ отношеніи греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной: на Востоку человекъ не созналъ своей личности относительно божества, и при всѣхъ усиліяхъ мысли рѣшить вопросы о происхожденіи сущаго, о происхожденіи добра и зла, кончилъ тѣмъ, что отрелся отъ личнаго существованія какъ ложнаго, и поставилъ цѣлю жизни—прекращеніе его, сліяніе частицы съ цѣлымъ. Это восточное представленіе о человекѣ, какъ о части цѣлаго, о собственности, о рабѣ (мы видѣли связь этихъ представленій у Аристотеля), господствовавшее въ религіи, господствовало и въ мирѣ политическомъ: и здѣсь человекъ является частию цѣлаго, собственностію, рабомъ, а это цѣлое; государство, было олицетворено, воплощено въ одномъ человекѣ; то стремленіе, которое высказывалось въ знаменитыхъ словахъ: „государство—это я“, было на Востоку осуществлено. Анархизмъ соотвѣтствуетъ пантеизму—и оба убиваютъ личность; поэтому Гоббесъ, проводившій всюду анархическій взглядъ, совершенно послѣдовательно говорилъ, что государь не есть глава государственнаго тѣла, а душа его; точно такъ и въ пантеизмѣ божество есть душа вселенной, неразрывно съ нею связанная; начало свободныхъ отношеній въ отдѣленіи. Слабость движенія, подвига, родовой бытъ (соединеніе управляемыхъ по Аристотелю) и обширность государствъ, недопускающая народонаселеніе до общей дѣятельности, требующая внѣшней силы для соединенія разбросаннаго на обширныхъ пространствахъ народонаселенія для общихъ цѣлей—суть главные условія утвержденія такого порядка вещей на Востоку. Въ Греціи сильное и продолжительное движеніе, развившее личныя силы, дружинная форма, въ какой это движеніе совершалось и размельченность небольшой приморской страны высвободили отрасль сильнаго, даровитаго племени изъ азіатскихъ формъ жизни, представили благоприятныя условія для развитія личности, и вотъ греческая исторія представляетъ намъ это постепенное развитіе, представляетъ и то обычное въ человѣческой дѣятельности явленіе, что начало, долго сдерживаемое, разнуздавшись, перешло должныя предѣлы и вызвало реакцію. Реакція высказывалась съ одной стороны въ аристократическомъ стремленіи, тѣсно связанномъ съ спартанофильствомъ, ибо въ спартанскомъ устройствѣ личность была сдержана строгимъ подчиненіемъ, рабствовала государству, тогда какъ развитіе личности въ Афинахъ было тѣсно связано съ демократическимъ движеніемъ. Съ другой стороны, реакція явилась въ области мысли, высказалась именно въ Сократовомъ ученіи. Это ученіе не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ греческой жизни, во первыхъ уже потому, что оно не было прямо политическимъ ученіемъ, не было достояніемъ сильной политической партіи. Основатель ученія погибъ, какъ врагъ господствовавшаго въ Афинахъ демократическаго направленія, которое взяло снова силу послѣ сверженія аристократическаго правительства, поддерживавшагося Спартою; онъ погибъ какъ врагъ народной религіи. Ученіе Сократа, именно какъ

философское учение, не могло удержать Аѳины и вообще Грецію от паденія. Философское учение не может пересоздать общество, вдохнуть въ него новыя нравственныя силы: оно есть достояніе немногихъ; оно получаетъ свой авторитетъ отъ силы личнаго ума, а сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ народная пословица (отъ этого же возрѣнія отъправились и софисты); здѣсь различіе мнѣній и споры ведутъ естественно къ знаменитому вопросу Пилата: „что есть истина?“, а при существованіи такого вопроса нѣтъ условія для общества, нѣтъ горячихъ убѣжденныхъ, въ горнилахъ которыхъ выносятся крѣпкія формы и отношенія; для этого нужно было древнему міру ученіе съ высшимъ авторитетомъ, для всѣхъ одинаково обязательное, ученіе религіозное, для этого нужно горячее чувство, чувство религіозное. Греки, для которыхъ прежнія религіозныя вѣрованія были развиты философіею, но которые не нашли необходимаго для человѣка рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ въ философской разногласіи, не нашли условія, обратились къ мистеріямъ, основаніемъ которыхъ служила древняя пеллагическая религія, уцѣлѣвшая подлѣ новой эллинской; послѣдняя теперь разрушалась въ свою очередь, и тѣмъ давала силу и значеніе старой; одряхлявшее общество обращалось къ вѣрованіямъ своего дѣтства, думая, что они въ состояніи вдохнуть въ него свѣжія силы; искало этого возстановленія силъ и прѣмого соединенія съ божествомъ посредствомъ религіозныхъ восторговъ, экстазовъ; но ничто не помогало: старикъ не молодѣлъ. Греція пала въ послѣдствіи истощенія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Б) Римъ.

Мы видѣли арійцевъ въ Евронѣ, на ближайшемъ къ Азіи полуостровѣ; видѣли здѣсь мелкія владѣнія, общины, которыя греческій смыслъ устами Аристотеля противоположало народамъ, какъ народы представлялись въ древности; видѣли, что эта противоположность происходила отъ противоположности началъ — родового, господствовавшего при образованіи государствъ на Востоку (потому что образовалось оно изъ управляемыхъ, по Аристотелю), и дружиннаго, господствовавшего при образованіи греческихъ государствъ или общинъ. Теперь, идя съ Востока на Западъ, переходимъ на второй полуостровъ южной Европы, въ Италію, и здѣсь опять видимъ арійское племя, опять видимъ страну, раздробленную на мелкія владѣнія, видимъ господство города. Сходство итальянской или римской исторіи съ греческою поразительно; различіе состоитъ въ томъ, что въ Греціи помѣхою объединенію страны служило одновременное существованіе двухъ равносильныхъ городовъ, которые не позволяли другъ другу усиливаться на счетъ другихъ, истощали свои силы въ борьбѣ другъ съ другомъ, и такъ какъ притока новыхъ силъ не было болѣе, не было

между греческими городами пресыщенность Ассирии и Смерть, то Греция, истощенная материально и нравственно, не могла оказывать дальнейшего сопротивления напору витальной силы и должна была признать господство соседнего цивилизованного государя. В Италии, наоборот, среди множества независимых владений для городов усиливается один город и, не находя себя соперника на своем пространстве Италия, подчиняет себя всю страну; потому в Сицилии начинается столкновение Рима, владыки Италии, с могущественным Карфагеном, владыкою финикийском, которой на африканской почве, среди слабых по своему варварству народов, удалось образовать сильное государство. Когда Карфаген был уничтожен, Рим стал сильнее всякого государства известного тогда света: на Запад он не мог встретить сильного сопротивления от народов, стоявших на низкой ступени развития, не соединившихся в кривизнах государства; на Восток от старческой драхности: отжившая Греция и мертворожденная государства, образовавшиеся из распада Адрескандриной монархии, были легкой добычей римских легионов, и таким образом одно из арийских племен, поселившееся в Европу, в Италию заключившая историю древнего мира образованием всемирного государства.

Относительно внешней истории Рима можно и ограничиться этими краткими очерками; но внутренняя его история представляет любопытные стороны, на которых должно остановиться. Съ наводнения привычки мы представлять себя Римъ двойственнымъ городомъ, въ которомъ жили двѣ, постоянно враждовавшія между собою, части народонаселенія, патриции и плебеи. Но откуда-же эта двойственность и эта борьба? Мы не считаемъ себя вправе усвоивать легкіе приемы воздвигнутой исторической критики относительно древней римской истории: послѣ разрушительной оргіи, начавшейся съ легкой руки Нибура, уставши рубить направо и налево, растерявшись въ мелочахъ, превративши все въ хаосъ разнорѣчныхъ мнѣній и толкованій, нѣкоторые историки приняли легкій способъ раздѣлаться съ этою путаницею, и зачеркнули древнѣйшую историю, какъ баснословную. Мы не осмѣлимся отнять смыслъ и историческую основу у представленій великаго народа о своемъ прошедшемъ, несмотря на разнорѣчія и вымыслы, отъ которыхъ впрочемъ не свободны бывають и извѣстія о событіяхъ вчерашняго дня; мы дерзнемъ обратиться къ извѣстіямъ о римскихъ парахъ, даже къ извѣстіямъ о Ромулѣ!

Извѣстія о древнѣйшемъ періодѣ римской истории, о царскомъ періодѣ, драгоценны для насъ потому, что нигдѣ нагляднѣе не представляется борьба между началомъ родовымъ и дружиннымъ. Какъ въ Греціи, въ преддверіи ея истории, мы видимъ сильное движеніе народовъ съ сѣвера на югъ, движеніе, всегда благоприятствующее выходу изъ родового общества людей, наиболѣе способныхъ къ движенію, подвигу и образованію изъ нихъ дружинъ: такъ и въ Италиі,

въ предверіи римской исторіи, мы видимъ такое же сильное движеніе съ его послѣдствіемъ, образованіемъ дружинъ. По обычаю такъ-называемой „Священной Весны“ (Verg sacrum), часть молодыхъ людей высылалась за границы извѣстнаго владѣнія и должна была сама отыскать новое отечество и овладѣть имъ. Эти изгнанники, долженствовавшіе необходимо образовать изъ себя завоевательную дружину, были посвящены подземнымъ богамъ, преимущественно Марсу. Преданіе указываетъ въ Италіи народъ бруттіевъ, составившійся изъ сбродной дружины, изъ бѣглецовъ всякаго рода, и герой, давшій свое имя этому народу, былъ Врутъ, сынъ Марса; указывается еще другой подобный же народъ, мамертинцы, также ведшій свое происхожденіе и имя отъ Мамерса или Марса. Но понятно, въ какой противоположности и враждебности должны были находиться эти сбродныя дружины къ родовому обществу. Члены рода, кромѣ кровной связи, были соединены общимъ служеніемъ однимъ и тѣмъ же домашнимъ богамъ, т. е. душамъ предковъ. Гдѣ предки-боги преданы землѣ, тамъ устраивается неподвижный очагъ, огнище, жертвенникъ для этихъ божествъ; около этого жертвенника живетъ семья, развивающаяся въ родъ, всѣ члены котораго находятся подъ покровительствомъ родныхъ своихъ боговъ, душъ умершихъ предковъ, сожительствующихъ съ ними; но за это покровительство домашніе боги требуютъ отъ своихъ потомковъ постоянного покорства, поминокъ. Человѣкъ, удалившійся изъ рода, тѣмъ самымъ лишается покровительства родовыхъ боговъ, являлся не только сирымъ, беспомощнымъ относительно людей, но и относительно боговъ, человѣкомъ безъ предковъ, оторваннымъ отъ всѣхъ самыхъ священныхъ связей, онъ былъ чужой для всѣхъ. Понятно, что такое беспомощное положеніе заставляло человѣка искать помощи въ самомъ себѣ, развивало его силы, заставляло его искать связи съ людьми себѣ подобными и устраивать общество на другихъ началахъ; но понятно также, съ какимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ должны были смотрѣть на такого безроднаго и вмѣстѣ *безбожнаго* человѣка *отцы* (patres) и *отцкие дѣти* (patricii). Они могли принять еще такого человѣка, приобщить къ семейству, т. е. допустить до семейнаго богослуженія, если онъ соглашался принять подчиненное положеніе или раба, или работника, кліента; но никакъ не могли спойкой допустить, чтобы такой чужой, безродный и *безбожный* человѣкъ помышлялъ о равенствѣ съ ними, отцкиими дѣтьми.

Первоначальная исторія Рима указываетъ намъ живущими вмѣстѣ, въ одномъ только-что основанномъ городѣ, эти два рода людей, столь противоположныхъ другъ другу; съ одной стороны указываетъ общество, основанное на строгихъ родовыхъ началахъ, общество патриціанское; съ другой подлѣ него толпу людей пришлыхъ, безродныхъ, всякій сбродъ, плеба. И эти два рода людей не вступаютъ въ явную борьбу между собою; связью между ними служить одна общая власть, царь. Первый царь—Ромулъ, которому приписывается основаніе города; въ какомъ же отношеніи находится онъ къ обоимъ началамъ: родово-

му—патриціанскому, и дружинному—плебейскому? Преданія выставляют его явно враждебнымъ первому, явно доброжелательнымъ второму. Прежде всего кто онъ, этотъ Ромулъ съ братомъ своимъ Ремомъ? Они безродные, не могутъ уважать отца, не отецкіе дѣти; они дѣти преступленія, дѣти весталки, нарушившей обѣтъ дѣвства, и хотя преданіе даетъ имъ въ отцы Марса, но мы уже знаемъ, что это значить, и въ глазахъ патриціевъ они остаются рожденными отъ блуда (ἐκ πορνείας γενόμενοι). Такимъ образомъ, въ Ромулѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ дружиннаго начала, съ вождемъ дружины. Онъ въ своемъ городѣ отерывааетъ убѣжище для всѣхъ безродныхъ и бездомныхъ, для всѣхъ добровольныхъ и недобровольныхъ изгнанниковъ, убѣжище, которое въ глазахъ патриціевъ является не иначе какъ поганнымъ (infame asylum). Разумѣется, отецкіе дѣти не могутъ выдавать своихъ дочерей за такую голытьбу, за такихъ безродныхъ и безбожныхъ людей, и плебеи похищаютъ себѣ женитицъ, отъ чего у нихъ происходитъ борьба, а потомъ сдѣла съ сабинцами, отличавшимися строгимъ родовымъ бытомъ. Но борьба не прекратилась: „Ромулъ былъ пріятнѣе толгѣ, чѣмъ отцамъ, и болѣе всего былъ пріятель воинамъ“. Отцы убили неприятнаго имъ повровителя толпы и вождя дружины. Отцы возводятъ въ царя своего—Нуму Помпилиа, „мужа благочестивѣйшаго и боголюбивѣйшаго“, первымъ дѣломъ котораго было уничтоженіе целеровъ, избранной дружины Ромула. Но борьба между родовымъ и дружиннымъ началомъ только-что начинается, и смѣна царей соотвѣтствуетъ торжеству того или другого: послѣ Нумы видимъ Тулла Гостилія—потомка товарища Ромулова; послѣ Тулла Гостилія видимъ Анка Марціа, внука Нумы. Но Анкъ принужденъ принять дружину, вождемъ которой былъ этрусскій изгнанникъ Тарквиній (Присель); Тарквиній становится начальникомъ, трибуномъ целеровъ, и по смерти Анка становится царемъ, тогда какъ сыновья Анка принуждены бѣжать. Тарквиній убитъ; но царемъ является *трибунъ целеровъ*, Сервій Туллій. Происхожденіе этого знаменитаго царя также таинственно, какъ и происхожденіе Ромула; одна сторона приписываетъ ему божественное происхожденіе, другая незаконное: онъ сынъ рабы, плодъ любодѣнія; но сохранилось преданіе, что онъ былъ товарищъ целера Вибенны, трибуна целеровъ при Ромулѣ, принужденнаго удалиться изъ Рима; Сервій Туллій, съ остатками целеровою дружины, пришелъ снова изъ Этруріи въ Римъ. Сервій Туллій гибнетъ отъ внука Тарквинія. Этотъ внукъ, Тарквиній Второй или Гордый, становится царемъ; при немъ дружина, и при дружинѣ необходимъ трибунъ целеровъ, Юній Брутъ, который уже ссорится съ царевичами за наслѣдство престола; но дѣло оканчивается тѣмъ, что Брутъ почему-то отказывается отъ этого наслѣдства и соединяется съ патриціями для изгнанія Тарквинія и для уничтоженія царскаго достоинства.

Какимъ бы ни были побужденія, заставившія трибуна целеровъ и родственника Тарквиніевъ, Юнія Брута, войти въ сдѣлку съ патри-

ціями и вмѣсто царскаго достоинства удовольствоваться временнымъ преторствомъ или консульствомъ, сознание ли невозможности бороться съ Тарквиніемъ, не соединивши тѣсно своихъ интересовъ съ интересами патриціевъ,—только, благодаря этому соединенію интересовъ, царскій періодъ римской исторіи прекращается, Римъ является республикою, аристократическою, потому что у патриціевъ всѣ права, почести и выгоды, а плебей лишались въ царѣ чловѣка, который, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ отцами и отецкими дѣтьми, естественно старался дать имъ значеніе и силу. Такое поведеніе царей относительно плебеевъ необходимо развило въ послѣднихъ сознание своего гражданскаго значенія, заставляло тѣмъ болѣе оскорбляться неравенствомъ своего положенія съ патриціями и стремиться къ уравниенію. Эти стремленія и борьба за права, съ цѣлью уравниенія правъ представляютъ явленіе западное, европейское, которое въ древнемъ мірѣ особенно выпукло выказывается въ римской исторіи, что и даетъ ей важное значеніе. На Востокѣ—или касты, которыя вѣчно остаются въ разрозненности, низшія вѣчно довольствуются своими правами или терпѣливо сносятъ отсутствіе всякихъ правъ: здѣсь религія, имѣвшая преобладающее вліяніе при опредѣленіи общественныхъ отношеній, дала имъ характеръ неподвижности; или тамъ, гдѣ не образовались касты, все народонаселеніе было уравнено общимъ безправіемъ предъ однимъ чловѣкомъ, который, по произволу, могъ возвышать и понижать, рабу, даже иностранцу давать первенствующее значеніе и потомъ, въ минуту гнѣва, казнить, терзать его какъ послѣдняго раба. Только въ поморскихъ государствахъ Азіи и Африки (Финикіи и Картагенѣ), и особенно на европейской почвѣ, въ Греціи и Римѣ личное движеніе чловѣка, а слѣдовательно и движеніе общественное такъ сильны, что ни жрецъ во имя божества, ни властитель свѣтскій не могутъ остановить ихъ, отъ чего происходятъ столкновенія правъ, борьбы, стремленія къ уравниенію и усиленная жизнь общественная. Въ Римѣ мы видимъ людей полноправныхъ и безправныхъ однихъ подлѣ другихъ, при чемъ послѣдніе не рабы, потерявшіе сознание о правѣ и чловѣческомъ достоинствѣ, а свободные, развившіе свои силы движеніемъ, подвигомъ. Полноправные, для сохраненія своего положенія, хотятъ стать на религіозной почвѣ, какъ члены освященныхъ родовъ: почва дѣйствительно твердая, преимущество громадное; но нѣтъ твердыни, которая бы устояла противъ постояннаго прибоа волнъ европейской жизни. Подлѣ сбродная толпа пришельцевъ, безродныхъ, а потому безбожныхъ; они стучатся въ святилище; не пустать волею, не пойдуть на сдѣлку—войдутъ и силою. Древнѣйшія преданія Рима указываютъ намъ прямо на сдѣлки, обличающія практическій смыслъ народа, и, въ свою очередь, развивающія практическій смыслъ. Самъ царь, по его отношеніямъ къ патриціямъ и плебеймъ, былъ результатомъ сдѣлки. Патриціи естественно охранители существующаго порядка, враги движенія, друзья покоя, мира; но царь хочетъ силы, которая дается военными подвигами, завоеваніями; для этого онъ нуждается въ

дружинѣ, войскѣ, плебейхъ; ему легко относиться къ нимъ: это люди безправные, не самостоятельные, они смотрятъ только изъ рукъ царя, своего покровителя; плебен для царя свои люди. Царю важно дать большое значеніе плебеймъ, прорвать ими сплоченные ряды патриціевъ, ввести ихъ въ совѣтъ стариковъ, отцовъ, въ сенатъ. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ интересы войска прямо противопологаются интересамъ отцовъ, сената. Всегда и вездѣ при общественныхъ движеніяхъ, при борьбѣ полноправныхъ гражданъ съ неполноправными, послѣдніе стремятся къ уравниенію съ первыми посредствомъ подвига (причины и слѣдствія развитія личности), посредствомъ собственности (опять часто причины и слѣдствія развитія личности), наконецъ посредствомъ могущественныхъ по своимъ личнымъ средствамъ и по своему общественному положенію людей, которымъ выгодно или измѣнять существующій порядокъ поднятіемъ новыхъ общественныхъ элементовъ или, по крайней мѣрѣ, выгодно этимъ поднятіемъ уравновѣшивать, ослаблять значеніе людей, издавна пользующихся извѣстными правами. На Востоку, при одинакой безправности, при рабствѣ всѣхъ передъ однимъ, этотъ одинъ не имѣетъ побужденій производить общественныя движенія, перемѣны, существующій порядокъ вполнѣ его удовлетворяетъ, и ему нужно одно—упрочить, освятить его религіознымъ освященіемъ, при чемъ необходима сдѣла съ жрецами, уступка имъ извѣстной доли власти, вліянія, выгоды. На Западѣ, предъ челоуѣкомъ, поставленнымъ на верху, нѣсколько различныхъ элементовъ, неровныхъ, находящихся въ столкновеніи другъ съ другомъ и находящихся въ различныхъ отношеніяхъ къ нему: отсюда и невозможность безразличія отношеній его къ нимъ, онъ необходимо принимаетъ участіе въ общественномъ движеніи.

Важнѣйшій вопросъ въ жизни государства, на какой бы степени развитія оно ни находилось, вопросъ, который поднимаетъ такъ много другихъ важныхъ вопросовъ и способствуетъ тому или другому рѣшенію ихъ, есть вопросъ о внѣшней безопасности. Первой обязанностью гражданина есть обязанность защищать свою землю, свое государство отъ непріятельскаго нападенія. Но всѣ ли равно должны нести эту обязанность? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ государственнаго устройства и, какъ обыкновенно бываетъ, въ свою очередь можетъ дѣйствовать на формы этого устройства, на ихъ измѣненіе. Въ первоначальномъ обществѣ, состоявшемъ изъ свободныхъ и рабовъ, поднимался первый вопросъ—можно ли допустить раба къ защитѣ земли, раба, у котораго нѣтъ правъ, который не имѣетъ никакихъ побужденій охранять тяжкій для него порядокъ вещей, который ничего не потеряетъ отъ перемѣны господъ, которому опасно, наконецъ, дать оружіе въ руки. Отсюда исключеніе раба отъ обязанности военной службы, которая, такимъ образомъ, дѣлается уже правомъ свободного; рабъ вооружается только въ крайнемъ случаѣ, и тутъ необходимое условіе этого вооруженія—свобода. Но вопросъ объ обязанности или правѣ военной службы тѣсно соединенъ съ финансовымъ вопросомъ: война тре-

буеть издержекъ. Положимъ, что въ случаѣ успѣшной войны ратникъ кормится на счетъ непріятелей и получаетъ добычу; но все же онъ долженъ выходить въ извѣстномъ вооруженіи, имѣть коня. Такимъ образомъ, право военной службы необходимо соединяется съ правомъ имѣть средства для нея; имѣть болѣе или менѣе значительную ответственность. Мы уже сказали, что уравниеніе неполноправныхъ гражданъ съ полноправными происходитъ посредствомъ собственности, т. е. человѣкъ богатый, но худородный и потому неполноправный, стремится стать въ ряды родовитыхъ, знатныхъ и полноправныхъ. Это стремленіе достигается своей цѣли именно потому, что человѣкъ худородный, но богатый равняется, а иногда и превосходитъ родовитаго человѣка своими средствами нести военныя тягости, защищать землю. Такъ, во имя этой-то способности, произошло въ Римѣ поднятіе богатыхъ плебеевъ въ высшіе классы, характеризующее такъ-называемое устройство Сервія Туллія. Въ древнѣйшій, слѣдовательно, періодъ римской исторіи, въ періодъ царей, уже произошло это движеніе лучшихъ, т. е. богатѣйшихъ плебеевъ въ верхніе ряды, произошло уравниеніе. Это уравниеніе относится къ царствованію предпоследняго царя, и потому понятно, почему сверженіе послѣдняго царя, Тарквинія Гордаго, совершилось такъ легко, не встрѣтило сопротивленія въ плебеяхъ, которые были лишены своихъ представителей, лучшихъ, богатѣйшихъ людей, довольныхъ своимъ положеніемъ, не нуждавшихся въ дальнѣйшемъ движеніи, имѣвшихъ совершаться съ помощію царя. Кромѣ того, согласіе плебеевъ на переворотъ было обезпечено тѣмъ, что при изгнаніи Тарквинія, лучшие, т. е. богатѣйшіе изъ нихъ были приняты въ число сенаторовъ, хотя бы и съ названіемъ *притиски* (*conscripti*), но это нисколько не умаляло ихъ значенія. Такимъ образомъ, знатность и богатство сосредоточивались теперь у патриціевъ, которые представили настоящую аристократію, лучшихъ людей; понятно, почему теперь попытки къ восстановленію царской власти не удались, и Брутъ долженъ былъ удовольствоваться консульствомъ и казнить собственныхъ сыновей. Наконецъ, не должно забывать приплыва новой силы къ патриціямъ: въ Римъ переселился могущественный сабинскій родоначальникъ съ цѣлымъ родомъ своимъ, Аппій Клавдій; но такъ какъ въ обществахъ, объ одномъ изъ которыхъ идетъ рѣчь, сильный родъ обыкновенно обростаетъ такъ сказать людьми, не связанными кровными узами, но вошедшими извнѣ къ членамъ рода въ болѣе или менѣе подчиненныя отношенія, закладниками, захребетниками или, какъ они назывались въ Италіи, клиентами, то Аппій Клавдій привелъ около 5,000 людей, способныхъ носить оружіе.

Такимъ образомъ, Римъ въ началѣ республики представляетъ намъ на верху патриціевъ, т. е. знатныхъ и богатыхъ людей, внизу плебеевъ, т. е. худородныхъ и бѣдныхъ людей, и борьба, знаменитая борьба между патриціями и плебеями, начинается вовсе не стремленіемъ плебеевъ къ уравниенію въ правахъ съ патриціями, но столкновеніями богатыхъ съ бѣдными, займодавцевъ съ должниками: бѣдня-

намъ не до уравненія правъ, имъ нужно только обезпечить себя отъ рабства. Плебеи были совершенно свободные люди и землевладѣльцы; но относительно землевладѣнія различіе между ними или, по крайней мѣрѣ, многими изъ нихъ въ началѣ республики, и патриціями, состояло въ томъ, что плебеи, какъ бѣднѣйшіе, не имѣли средствъ ни увеличивать своей земельной собственности, ни обрабатывать землю посредствомъ рабовъ, что могли дѣлать богатые люди, а богатство въ описываемое время было сосредоточено въ рукахъ патриціевъ, которые могли занимать и часть публичной или государственной земли (ager publicus), ибо имѣли средства ее воздѣлывать: одного права, которое они себѣ присвоили, права занимать государственныя земли, было бы недостаточно безъ средствъ пользоваться этимъ правомъ; плебеи, еслибы даже и имѣли это право, то имъ не для чего было брать государственныя земли, ибо они не имѣли средствъ къ ихъ обработкѣ. А тутъ военная служба: плебеи со взрослыми сыновьями самъ обрабатываютъ свою землю, и должны покинуть земледѣльческія занятія при объявленіи войны, должны выступить въ походъ со взрослыми сыновьями, вооруженный, и содержать себя во время похода; земля остается необработанною; чѣмъ же кормиться и платить подать? необходимо входить въ долги. Деньги можно занять только у людей богатыхъ, т.-е. у патриціевъ, которые не бѣднѣли отъ войны, ибо земли ихъ обрабатывались рабами и за пользованіе государственными землями они не платятъ податей. Патрицій дастъ денегъ въ займы плебею, но возьметъ 8½ процентовъ; не будетъ должникъ въ состояніи выплатить денегъ, обращается въ рабство. Скоро положеніе плебеевъ, изъ которыхъ многихъ, если не большинству, рано или поздно грозило рабство, сдѣлалось невыносимо; которые оставались на свободѣ, имѣли средства содержать себя и платить долги, у тѣхъ родственники томилась въ рабствѣ; отъ заимодавцевъ нечего ждать пощады: это не только богатые люди, это люди знатные, стремящіеся замкнуться въ заколоченный кругъ, куда никто съ низу не долженъ прорываться, которые захватили себѣ всѣ права, которые считаютъ всѣхъ не своихъ другими людьми или даже не людьми, и потому не могутъ имѣть къ нимъ сочувствія, состраданія; люди, которые недавно попали въ патриціи, разумѣется, должны были относиться къ плебеямъ хуже старыхъ патриціевъ, чтобъ заставить забыть о своемъ присожденіи, тѣмъ болѣе, что они-то, вышедшіе въ знать по богатству, и должны были составлять наибольшее число заимодавцевъ; наконецъ состраданіе, нежеланіе пользоваться своимъ правомъ во всей строгости было опасно для патриціи: оно возбуждало подозрѣніе, что патрицій желаетъ снискать расположеніе бѣдныхъ, толпы, для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, для восстановленія царскаго достоинства. Итакъ, бѣднымъ плебеямъ нѣтъ выхода спокойнаго, естественнаго; въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ или къ возстанію, или къ бѣгству; плебеи выбираютъ послѣднее, и цѣлою массою, въ 18,000 человекъ, выходятъ изъ города. Патриціи должны идти на сдѣлку и согласиться на установленіе пле-

бейскихъ защитниковъ или трибуновъ, которые однимъ словомъ: „запрещая“ (veto), могли останавливать сенатское рѣшеніе или консульскій приговоръ, враждебные плебейскимъ интересамъ, и, еслибы патриціи не обратили вниманія на ихъ запретъ, отказывать, со стороны плебеевъ, въ платежѣ податей и въ военной службѣ.

При этомъ установленіи плебейскихъ трибуновъ мы не видимъ стремленія плебеевъ къ уравниенію правъ, не видимъ стремленія установить новый порядокъ вещей, новые заветы, которые были бы благоприятны для бѣдныхъ плебеевъ, для должниковъ; мы видимъ только поднятіе изъ среды плебеевъ нѣсколькихъ лицъ—пяти, десяти, которымъ поручается охрана плебейскихъ интересовъ, при чемъ они должны дѣйствовать, руководясь своимъ крайнимъ разумѣніемъ, не имѣя никакого правила, никакого закона, никакого наказа. Этотъ личный, такъ-сказать, характеръ трибунства ведетъ необходимо къ мысли, что все дѣло сдѣлалось подъ вліяніемъ извѣстныхъ лицъ. Общія выраженія: борьба патриціевъ съ плебеями, угнетеніе плебеевъ, бѣдныхъ, должниковъ патриціями, богатыми, работодателями, эти общія выраженія не должны отвлекать наше вниманіе отъ подробностей, необходимыхъ по естественному закону явленій. Какъ не всѣ патриціи были богаты, такъ не всѣ плебеи были бѣдняки, задолжавшіе патриціямъ. У патриціевъ неравенство личное и имущественное сглаживалось равенствомъ правъ, общими интересами, участіемъ въ правленіи, широкою горизонтъ, какъ необходимымъ слѣдствіемъ этого участія: отсюда извѣстное сходство между членами патриціанскаго круга, сходство, присущее обыкновенно аристократіи, сплоченность между ея членами, возможная уже по самой немногочисленности ихъ, равенство и стремленіе поддержать это равенство противъ стремленія отдѣльныхъ лицъ къ первенству, къ господству. Въ многочисленнѣйшихъ низшихъ рядахъ, среди плебеевъ, другое: здѣсь изъ толпы людей бѣдныхъ, иртышенныхъ, заботящихся только объ удовлетвореніи первыхъ потребностей, о хлѣбѣ насущномъ, выдѣляются люди достаточные, обеспеченные относительно первыхъ потребностей и естественно стремящіеся къ удовлетворенію другихъ, новыхъ потребностей, стремящіеся къ большому значенію, къ болѣе широкой дѣятельности. Это стремленіе усиливается междуумочностью ихъ положенія; равенство между ними и обратіями ихъ исчезло вслѣдствіе неравенства имущественнаго, а плебейское равенство безправія, конечно, не могло успокоить богатыхъ плебеевъ; они естественно должны были стремиться къ уравниенію правъ, къ возможности войти въ высшіе ряды, получить большее значеніе; самое простое средство для этого—сдѣлаться официальными представителями плебеевъ, охранителями ихъ интересовъ, ихъ вождями. Такое значеніе имѣли трибуны, въ которые естественно выбирались самые представительные люди, самые богатые и самые способные. Патриціи очень хорошо поняли характеръ явленія, поняли, что Римъ нашолъ себѣ пять, десять демагоговъ, изъ среды которыхъ легко могли явиться тираны, и дѣйствительно трибунатъ заключалъ въ зародышѣ имперію: отсюда вѣчное

безпокойство и волненіе патриціевъ, ненависть ихъ къ учрежденію плебейскаго трибуната, стремленіе уничтожить его. Разумѣется, значительное количество плебейскихъ трибуновъ (пять, десять) было выгодно для патриціевъ, давая возможность улаживаться съ одними противъ другихъ; не говоря уже о подкупѣ матеріальными средствами, между трибунами естественны были соперничество, зависть и вражда за вліяніе; притомъ плебею бываетъ всегда такъ пріятно, когда знатные люди за нимъ ухаживаютъ; наконецъ, не имѣемъ никакого права предполагать, чтобъ всѣ тѣ трибуны, которые не поддерживали своихъ собратій въ борьбѣ съ патриціями, были непремѣнно такъ или иначе подкуплены, и вообще дѣйствовали по дурнымъ побужденіямъ: они могли дѣйствовать по личному характеру своему и по убѣжденію, что такой товарищъ, или такіе товарищи ихъ безъ нужды волнуютъ народъ. Если патриціи видѣли въ томъ или другомъ безпокойномъ трибуна демагога, будущаго тирана, то и нѣкоторые плебеи, трибуны, равностные прежде всего къ свободѣ, могли смотрѣть точно также. Но что могло быть всего хуже для патриціевъ, такъ это то, что это новое могущество, это соблазнительное указаніе на возможность волновать толпу и достигать извѣстныхъ цѣлей могли поддѣйствовать на самихъ патриціевъ и выставить изъ ихъ собственной среды демагоговъ, которые найдутъ такіа средства для пріобрѣтенія популярности, какія не могли придти въ голову плебеямъ, воспитаннымъ въ узкости взглядовъ. Человѣкъ, наполненный патриціанскимъ духомъ, отъявленный врагъ трибуновъ и всѣхъ плебейскихъ притязаній, Коріоланъ испыталъ на себѣ силу плебеевъ: какъ бы дѣло ни было, онъ умеръ въ изгнаніи. Этотъ примѣръ Коріолана показывалъ явно патриціямъ, что и для достиженія консульства надобно пріобрѣтать расположеніе плебеевъ, и чѣмъ большее расположеніе плебеевъ пріобрѣтетъ какой-нибудь патрицій, тѣмъ большаго значенія могъ достигнуть, и вотъ патрицій Спурій Бассій, придумываетъ самое сильное средство пріобрѣсти расположеніе плебеевъ и нанести страшный ударъ патриціямъ.

Патриціи понимали очень хорошо, что одною своею родовитостью, хотя и при религіозномъ освященіи, нельзя было долго поддерживать своего значенія, своихъ правъ, что для этого необходимы были матеріальныя средства, богатство: отсюда стремленіе захватить въ свои руки какъ можно болѣе земельной собственности. Патриціи отчасти достигали своей цѣли, отбирая у плебеевъ земли за долги; но этому помѣшало возстаніе плебеевъ и учрежденіе трибуновъ. У патриціевъ оставалось, впрочемъ, средство сосредоточивать въ своихъ рукахъ земли: это—право владѣть государственными землями, которыя постоянно увеличивались посредствомъ завоеваній. Понятно, что теперь, когда съ установленіемъ трибуната такъ уяснились отношенія между двумя частями римскаго населенія, когда патриціи должны были уже вести оборонительную войну противъ плебеевъ, имъ нельзя было нанести болѣе чувствительнаго удара, какъ посягновеніемъ на это право ихъ исключительнаго владѣнія государственными полями (*ager publicus*)

съ возможностью избывать платежа податей, ибо контроль былъ въ ихъ же рукахъ. И вотъ этотъ ударъ намѣревался нанести имъ ихъ же собрать, Спурий Кассій, предложеніемъ закона объ уступкѣ части государственнаго поля плебеямъ. Спурий Кассій былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ стремленіи захватить верховную власть, и казнень; *по ядамъ полевому закону (lex agraria) уже заразмысь трибуны.*

Трибуны стали требовать принятія кассіева закона; но патриціи выстѣмили сильное, непреодолимое сопротивленіе, и указали на обычное средство для бѣдныхъ и безземельныхъ приобретать земли—выводъ колоній, что было также и средствомъ для удаленія изъ общества самыхъ безпозволенныхъ людей, лучшаго матеріала для трибуническихъ поджоговъ. Но здѣсь, разумеется, мы не должны упускать изъ вниманія этого любопытнаго явленія, что полевой законъ не прошелъ; положимъ, что патриціи отчаянно сопротивлялись; но мы знаемъ, что плебеи умѣли побуждать сопротивленіе патриціевъ не только, когда имъ становилось нестерпимо, какъ въ двухъ случаяхъ удаленія изъ Рима, но и въ проведеніи всѣхъ другихъ законовъ, уравнивавшихъ положеніе обѣихъ частей народонаселенія. Изъ этого имѣемъ полное право заключать, что полевой законъ не былъ очень нуженъ плебеямъ, т. е. другими словами, ихъ матеріальное положеніе не было дурно. Гораздо сильнѣе, какъ видно, была потребность въ писанномъ законѣ, и эта потребность была удовлетворена. Мы знакомы съ обычаями древнихъ обществъ, соблюдавшихся въ подобныхъ случаяхъ: въ Спартѣ, въ Афинахъ поручалось написаніе законовъ одному; въ Римѣ поручили десяти, давши имъ неограниченную власть, съ упраздненіемъ всѣхъ другихъ властей. Но и это раздѣленіе властей между десятью не спасло отъ преобладанія одного и злоупотребленій съ его стороны, что повело къ сильному волненію, ко второму удаленію плебеевъ изъ Рима и къ восстановленію прежняго государственнаго устройства съ консулами и трибунами; изъ этой смуты впрочемъ Римъ вынесъ законы XII таблицъ. Потомъ мы видимъ проведеніе Канулеева закона, по которому браки между патриціями и плебеями становились законными; рушилась слѣдовательно кастовая преграда между двумя частями народонаселенія, основанная на религій, плебеи перестали считаться погаными, безродными и потому безбожными. Возможность проведенія этого закона показываетъ намъ образованіе многочисленной и богатой плебейской аристократіи, съ которою выгодно было родниться; кромѣ того, родовое и религіозное основаніе могло имѣть большую силу въ началѣ, когда безродность плебея была въ свѣжей памяти, но должно было ослабѣвать съ теченіемъ времени, когда и плебей набывалъ время поселенія своего предка въ Римѣ: такъ оно было отдаленно, и культъ общихъ божествъ необходимо ослаблялъ культъ божествъ родовыхъ; родовое и религіозное основаніе, если и не исчезало, то съ теченіемъ времени должно было уступить въ силѣ основаніямъ политическимъ, а послѣднія доступны для сдѣлокъ. Кто могъ настоять на проведеніи Канулеева закона? Самая богатая и потому знатная часть

плебейскаго народонаселенія съ трибунами, избранными, разумѣется, изъ нея же; но она не настояла бы, еслибъ сопротивленіе патриціевъ было дружно, еслибъ въ ихъ рядахъ не было людей, благопріятствующихъ закону; испугать же патриціевъ третьимъ удаленіемъ плебеевъ изъ города было нельзя; масса плебеевъ не удалилась бы изъ за Канулеева закона, который до нея не касался, ибо и не для нея было право равнаго брака съ патриціями, а только для людей, находящихся на верху, подлѣ патриціевъ. Получивъ право брака, этому верхнему слою плебеевъ послѣдовательно было требовать консульства, и непосредственно было со стороны патриціевъ выставить препятствія этому требованію; но тутъ дѣло шло не о родовомъ и религіозномъ основаніи, а о привилегіи, которую пользовалось ограниченное число семействъ, и которую нужно было раздѣлить съ другими семействами. Дѣлать было однако нечего; надобно было идти на уступки, на сдѣлки; въ высшихъ рядахъ плебеевъ были такіе богачи, которые могли кормить цѣлый городъ во время голода; лучше было допустить такихъ людей къ правленію, чѣмъ дожидаться, когда они станутъ кормить народъ, и имѣть съ ними тогда дѣло на площади. Замаскировали лишеніе привилегій отиѣною консуловъ и установленіемъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, потомъ установили цензоровъ, которые могли избираться только изъ патриціевъ. Впрочемъ, сначала напрасно много беспокоились; плебеи выбирали въ военные трибуны патриціевъ, а не плебеевъ. Выставляютъ скромность плебеевъ въ этомъ случаѣ; но взглянемъ проще на дѣло: нѣтъ никакого основанія предполагать между массою плебеевъ и людьми, выскочившими изъ нихъ на верхъ той сословной сплоченности, того единства интересовъ, какое обыкновенно существуетъ въ высшемъ сословіи, въ аристократіи; здѣсь это возможно благодаря малочисленности членовъ и относительному равенству между ними, тамъ невозможно по самой многочисленности членовъ; люди, выдѣлившіеся изъ массы плебеевъ по богатству и стремившіеся войти въ правительственные ряды, были также чужды остальнымъ плебеямъ, какъ и патриціи; въ послѣднихъ уважали наслѣдственную правительственную опытность и выбирали ихъ, плебеи обходили свои же, по нерасположенію къ выскочкѣ, по неуваженію къ человѣку, отличающемуся преимущественно только своимъ богатствомъ. Положеніе большинства плебеевъ объясняется также слѣдующимъ происшествіемъ: въ 439 году, во время страшнаго голода, богатый плебей Спурий Малій скупалъ хлѣбъ, продавалъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ раздавалъ и даромъ. Явилось обвиненіе, что Малій стремится къ захвату верховной власти, что въ его домѣ происходятъ тайныя собранія, что приготовлено оружіе, наняты воины и подкупленные трибуны будутъ дѣйствовать противъ свободы; сенатъ послѣшно назначаетъ диктатора (знаменитаго Цинцинната), и главный исполнитель диктаторскихъ распоряженій, начальникъ конницы, нападаетъ на Малія на площади и убиваетъ его. Плебеямъ раздается безденежно хлѣбъ изъ житницъ убитаго, и они остаются спокойными.

Теперь изъ известныхъ намъ главныхъ событій такъ-называемой борьбы плебеевъ съ патриціями мы имѣемъ возможность вывести заключеніе, когда именно затрогивались существенные интересы цѣлаго плебейства; это было только два раза: предъ установленіемъ трибуновъ и предъ уничтоженіемъ децемвирата, когда всѣ плебеи вставали какъ одинъ человекъ и рѣшались оставить Римъ; въ остальномъ же мы должны разумѣть борьбу верхняго слоя плебеевъ, богатѣйшихъ и виднѣйшихъ изъ нихъ, которые хотѣли получить одинакія права съ патриціями. Дважды правительство, т. е. патриціи, раздѣливается энергически съ людьми, обвиненными въ исканіи популярности, съ Спуріемъ Кассіемъ и Малиемъ, и плебеи остаются спокойными, даже во второмъ случаѣ, когда умертвили ихъ кормильца. Эта странность должна вести также къ заключенію, что на обвиненіе, выставленное сенатомъ противъ обоихъ названныхъ лицъ, едвали мы имѣемъ право смотрѣть какъ на клевету, изобрѣтенную патриціями для ихъ погубленія.

Послѣ галльскаго разоренья, опять жалобы должниковъ на жестокость заимодавцевъ; но третьяго ухода плебеевъ изъ Рима не видимъ, изъ чего заключаемъ, что бѣда не была такъ велика какъ прежде. И при этомъ случаѣ встрѣчаемся съ знакомымъ явленіемъ: одинъ изъ патриціевъ, знаменитый своими заслугами Манлій становится чрезвычайно популярнымъ, выкупая собственными средствами должниковъ, вляная, что пока у него есть пядь земли, до тѣхъ поръ не позволить, чтобъ римлянина взяли въ кабалу за долги. Манлій погибъ, подобно Кассію и Малию, обвиненный въ государственной измѣнѣ. И опять не было ухода плебеевъ изъ Рима: или масса была равнодушна, или вожаки не считали Манліева дѣла своимъ. Другое дѣло, когда два трибуна, Лициній Столонъ и Люцій Секстій потребовали, чтобы восстановлено было консульство, и одинъ изъ консуловъ долженъ быть изъ плебеевъ; къ этому требованію, важному для немногихъ, было присоединено другое: ограничивалось количество земли, какое можно было занимать изъ общественнаго поля, остальная часть котораго долженствовала быть раздѣленною на небольшіе участки и розданною плебеймъ въ собственность; наконецъ трибуны требовали смягченія долговыхъ обязательствъ. Два послѣднія требованія были такъ важны для большинства, что трибуны могли смѣло надѣяться на его поддержку, и дѣйствительно были поддержаны; но при этомъ они сумѣли настоять, чтобы всѣ требованія были нераздѣльны, и такимъ образомъ одержали полную побѣду. Естественно было вождямъ побѣдителей первымъ воспользоваться плодами побѣды, и Люцій Секстій избранъ былъ въ консулы; что же касается товарища его, Лицинія Столона, то онъ былъ осужденъ за нарушеніе собственнаго закона, т. е. за занятіе лишней казенной земли.

Послѣ допущенія плебеевъ въ консульству допущеніе ихъ ко всѣмъ другимъ должностямъ послѣдовало скоро; послѣдовало уравненіе въ правахъ, исчезли патриціи и плебеи въ Римѣ. Дѣло произошло такимъ образомъ: существовали одна подлѣ другой двѣ части народонаселенія:

привилегированная, имѣвшая исключительное право на занятіе правительственныхъ должностей, и не привилегированная. Въ старія времена пополненію, поддержанію силъ первой содѣйствовали, противъ ея воли, цари, вводившіе въ сенатъ новыхъ членовъ изъ плебеевъ; тотчасъ послѣ изгнанія царей нужда заставила сдѣлать это и самихъ патриціевъ; плебей, разъ сдѣлавшись однимъ изъ *отцевъ*, т. е. сенаторомъ (*pater*), тѣмъ самымъ необходимо становился родоначальникомъ *отцекъ дѣтей*, патриціевъ. Но потомъ патриціи, по естественной неохотѣ, увѣрляемой религіозно-родовыми представленіями, перестали употреблять это средство, снимать сливки плебейскаго общества къ себѣ въ сенатъ, и этимъ заставили верхній слой плебейскаго общества стремиться туда силою. Это стремленіе увеличивалось постепенно вмѣстѣ съ увеличеніемъ средствъ плебеевъ, т. е. вмѣстѣ съ умноженіемъ среди ихъ числа богатыхъ и наиболѣе готовыхъ къ правительственной дѣятельности людей, которые не могли оставаться покойны, видя себя осужденными на бездѣйствіе, на роль избирателей и никогда избираемыхъ. Побѣда этого верхняго слоя плебеевъ показываетъ намъ, что на ихъ сторонѣ были большія средства, средства, постоянно увеличивавшіяся, а на сторонѣ патриціевъ средствъ было меньше, и если даже они увеличивались, то не въ одинаковой пропорціи съ средствами противниковъ. Мы уже показали, что подъ этими средствами не должно разумѣть одного численнаго большинства плебеевъ.

Съ уравниеніемъ правъ обѣихъ частей римскаго народонаселенія правительство римское получило возможность черпать силы изъ двухъ источниковъ; потому неудивительно, что мы видимъ такое блестящее проявленіе этихъ силъ. Но подъ этимъ блескомъ, при этомъ распространеніи римскаго владычества на весь извѣстный тогда свѣтъ мы уже замѣчаемъ признаки ослабленія, упадка нравственныхъ силъ и вмѣстѣ древнихъ формъ жизни. Какія же были причины этого явленія?

Мы видѣли, что борьба между патриціями и плебеями была искони борьба между началами родовымъ и дружиннымъ или личнымъ. Родовое начало съ своимъ религіознымъ цементомъ держалось крѣпко и долго; самая борьба съ плебеями, это постоянное пребываніе подлѣ враждебнаго лагеря, условливала крѣпость патриціанской общины, сомкнутость, единодушіе ея членовъ, вѣрность своему началу: отсюда строгость этого начала, строгость отцовской власти, проявлявшаяся такъ рѣзко въ извѣстныхъ случаяхъ, отсюда та строгая дисциплина, которою была проникнута жизнь римлянъ и вторая дала имъ господство надъ народами. Эта дисциплина необходимо условливала нравственную силу, нравственное вліяніе: въ частыхъ столкновеніяхъ, волненіяхъ, борьбѣ, самое сильное возстаніе плебеевъ противъ патриціевъ ограничивалось рѣшеніемъ уйти изъ города; патриціи казнятъ людей, дѣйствовавшихъ въ пользу плебеевъ, и послѣдніе остаются покойны. Но съ теченіемъ времени плебеи все болѣе и болѣе берутъ геръ въ борьбѣ, получаютъ право брака съ патриціанскими семей-

ствами, получают уравнение правъ относительно занятія правительственныхъ должностей и поэтому самому мѣсто въ сенатѣ. Не забудемъ, что торжество плебеевъ было торжествомъ личнаго начала надъ родовымъ и вело необходимо къ сильнѣйшему развитію личности. Мы видѣли, что плебеи, стоявшіе на верху и толкавшіея первыми въ двери заветнаго святилища, не могли имѣть такого отношенія въ своей общинѣ, каково патриціи имѣли къ своей, по многочисленности и неравенству плебеевъ, слѣдовательно въ стремленіяхъ этихъ передовыхъ плебеевъ необходимо преслѣдовались преимущественно личныя цѣли. Съ привычкою къ этимъ личнымъ стремленіямъ, къ плебейской широтѣ и безсвязности явились знатные плебеи на верху, на правительственныхъ мѣстахъ и въ сенатѣ; при этомъ не забудемъ также одного чрезвычайно важнаго обстоятельства: вмѣстѣ съ ударомъ родовому началу подкапывалось и начало религиозное, служившее ему основаніемъ; особенное значеніе здѣсь имѣло право брака между патриціями и плебеями. Отсюда уже будетъ понятно если не появленіе, то усиленіе демагогическихъ стремленій, кончившихся явленіемъ цезарей. Но должно обратить вниманіе и на другія обстоятельства. Послѣ торжества надъ карфагенянами Римъ сталъ всемогущъ: народы извѣстной тогда Европы, Азіи и Африки одинъ за другимъ подчинились ему; сфера римлянина чрезвычайно расширилась, и онъ долженъ былъ выдержать натискъ множества чуждыхъ явленій и понятій; борьба съ ними была не такъ легка, какъ матеріальная борьба съ Аннибалами, Митридатами и Антиохами, особенно когда пришлось вести дѣло съ народомъ, представителемъ тогдашней европейской цивилизации, съ греками. Несмотря на отчаянную борьбу охранителей съ греческимъ вліяніемъ, послѣднее восторжествовало, и завоеванная Греція подчинила себѣ завоевательный Римъ. Знакомство съ разными толками греческой философіи подорвало вѣру во все то, чему прежде вѣрилось, чтó считалось священнымъ и потому неприкосновеннымъ. Сомнѣніе начало свою разрушительную работу, а для созданія новаго, лучшаго порядка вещей не было матеріала. Прежде равенство между членами правительственныхъ, патриціанскихъ фамилій поддерживалось узкою сферой, малочисленностью отношеній, отсутствіемъ образованія; теперь, съ расширеніемъ сферы дѣятельности въ трехъ частяхъ свѣта, съ усложненіемъ отношеній открылось гораздо болѣе простора для развитія личныя способности, особенно когда это самое расширеніе сферы и усложненіе отношеній потребовали научнаго приготовленія, развивавшаго мысль, даващаго ей силу, смѣлость и дерзость. Человѣкъ, приготовленный такимъ образомъ, легко выдѣлялся изъ среды своихъ собратій, не сдерживался уваженіемъ къ существующему, которое въ его глазахъ было результатомъ варварскаго прошедшаго, не сдерживался никакимъ уваженіемъ къ людямъ, которые въ его глазахъ проповѣдовали бессмысленное поддержаніе старины. Такъ могъ относиться къ существующему порядку и человѣкъ, который не руководился своекорыстными цѣлями; тѣмъ болѣе

относился такъ человѣкъ, который имѣлъ въ виду получить господство или, по крайней мѣрѣ, видное и выгодное участіе въ правительствѣ. Наконецъ, должно всегда обращать вниманіе на взаимодѣйствіе внутренней и внѣшней жизни народа, государства. Когда римляне жили въ постоянной борьбѣ съ чужими народами, въ постоянномъ опасеніи отъ нихъ, то это возбуждало ихъ энергію, развивало ихъ силы и обнаруживало влияніе и на внутреннюю борьбу, углубляя ея крайности, принуждая къ сдѣлкамъ. Но потомъ, съ прекращеніемъ внутренняго движенія, борьбы между патриціями и плебеями, прекращается и трудная, по крайней мѣрѣ близкая борьба внѣшняя; Римъ не имѣетъ болѣе соперниковъ, силы его вслѣдствіе того не натягиваются болѣе какъ прежде; нѣтъ болѣе тѣхъ важныхъ вопросовъ, тѣхъ трудныхъ положеній, которые необходимо у народовъ выставляютъ общее дѣло на первый планъ и такимъ образомъ сдерживаютъ частные интересы. Римъ сталъ празденъ, ему нечего было больше дѣлать; ставши владыкою тогдашней вселенной, онъ очутился въ одиночествѣ и праздности, а праздность есть мать всѣхъ пороковъ, т.-е., относительно дѣльных народовъ, съ исчезновеніемъ важныхъ общихъ вопросовъ, частные интересы начинаютъ господствовать, нарушается необходимое для народной жизни равновѣсіе между частными и общими интересами: отсюда застой, развратъ, паденіе. Крѣпость и долгоденствіе новыхъ европейскихъ народовъ зависятъ отъ ихъ жизни въ обществѣ равносильныхъ народовъ, при чемъ вопросы о силѣ, значеніи и безопасности государственной постоянно возбуждаются и сдерживаютъ стремленіе частныхъ интересовъ къ господству; отсюда страхъ предъ всемірною монархією, прекращающею жизнь народовъ въ обществѣ и потому превращающею и внутреннее развитіе народной жизни; отсюда стремленіе къ поддержанію такъ-называемаго политическаго равновѣсія, которое было неизвѣстно древнему міру. Римъ, ставши всемірнымъ государствомъ, естественно подвергался застою, гніенію: отсюда недовольство и требованіе съ одной стороны строгаго охраненія славной и здоровой старины, съ другой требованіе преобразования для возстановленія большого организма, и наконецъ, съ третьей стороны — стремленіе къ захвату верховной власти.

Борьба между патриціями и плебеями кончилась, послѣдовало уравненіе правъ, каждый гражданинъ получилъ возможность достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ и сенаторства. Могли быть жалобы на злоупотребленія тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, на составъ сената; но противъ злоупотребленія правительственныхъ лицъ и сената были средства въ самой конституціи — цензура правовъ, а главное, правительственные лица избирались народомъ, слѣдовательно вся отвѣтственность падала на эти выборы: недостойнство избираемыхъ могло обличать только недостойнство избирателей. Указываютъ на это недостойнство, указываютъ, что количество гражданъ, владѣвшихъ небольшими участками земли, чрезвычайно уменьшилось; которые оставались, тѣ не присутствовали на выборахъ по

отдаленности и будучи заняты сельскими работами; выборы зависѣли, слѣдовательно, отъ римскаго городского населенія, состоявшаго теперь изъ обѣднѣвшихъ безземельныхъ гражданъ, лишенныхъ бѣдностію независимаго положенія, изъ кліентовъ, вольноотпущенныхъ и пришельцевъ, людей зависящихъ и доступныхъ подкупу. Такъ какъ теперь правительственныя мѣста, кромѣ чести и обязанности, стали еще очень выгодны, то для достиженія ихъ люди со средствами не щадили издержекъ, въ надеждѣ вознаградить ихъ съ барышемъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе подкупа, выборы могъ пасть на людей не достойныхъ. Итакъ, весь вопросъ заключался въ исправленіи системы выборовъ, и здѣсь прежде всего представлялась необходимость увеличить число независимыхъ избирателей. Таковыми могли быть владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ, которые исчезали. Жалуются на богатыхъ землевладѣльцевъ, что они захватывали мелкіе участки бѣдныхъ землевладѣльцевъ; но любопытно, что ни одинъ примѣръ подобнаго захвата не вызвалъ народнаго волненія, никто не заступался за несчастнаго, лишеннаго своей земли, ни человекъ, руководящійся чувствомъ справедливости, ни агитаторъ, который искалъ удобнаго случая волновать народъ. Дѣло объясняется легче: во-первыхъ, Аннибалова война сильно опустошила Италію; потомъ мы видимъ, что число гражданъ увеличивается, но при этомъ мы не знаемъ отношенія римскаго городского населенія къ сельскому, и имѣемъ право предполагать, что увеличеніе произошло въ городскомъ населеніи, ибо въ Римѣ, вслѣдствіе его положенія, какъ столицы міра, ставались удобства и украшенія жизни, удобство всякаго рода промысла. Послѣдующее же уменьшеніе числа гражданъ, съ 600-го года должно приписать вліянію жизни въ большомъ городѣ, ослабленію сельской жизни. Вслѣдствіе распространенія римскихъ владѣній, вслѣдствіе присоединенія Сициліи, громаднйй привозъ хлѣба такъ удешевилъ этотъ товаръ, что заниматься хлѣбопашествомъ въ Италіи въ малыхъ размѣрахъ и вольнымъ трудомъ стало невыгодно, и мелкіе землевладѣльцы продавали свои участки богатымъ, вѣроятно даже за дешевую цѣну, и переселялись въ Римъ, чтобъ сдѣлать изъ своихъ денегъ болѣе выгодное употребленіе. Вслѣдствіе того, что Римъ дѣлался столицей міра, денежные обороты въ немъ чрезвычайно усилились, и образовался классъ богачей, занимавшихся этими оборотами, такъ-называемые всадники, денежная аристократія, которая стояла подлѣ землевладѣльческой аристократіи и часто вступала съ нею въ состязаніе относительно извѣстныхъ государственныхъ отправленій. *Воздѣлываніе* денегъ стало на первомъ планѣ, отстраняя воздѣлываніе земли. Римляне съ страстію предались этому новому воздѣлыванію; знаменитый республиканецъ Брутъ былъ страшный ростовщикъ.

Но такъ какъ настоящее представляло печальныя явленія, то естественно являлся страхъ за будущее и сожалѣніе о прошедшемъ. Кидалась въ глаза эта революція, вслѣдствіе которой движимое, деньги взяли верхъ, и древній землевладѣльческій характеръ Рима измѣнился.

Естественно было родиться убѣжденію, что такъ какъ прежде республика была крѣпче, нравы чище, то это было тѣсно связано съ господствомъ земледѣлія, а настоящая порча нравовъ и неправильность государственныхъ отправленій находятся въ тѣсной связи съ упадкомъ земледѣлія, съ уменьшеніемъ числа свободныхъ земледѣльцевъ, съ увеличеніемъ городского населенія, съ господствомъ денегъ; слѣдовательно, чтобъ укрѣпить республику, очистить нравы, необходимо возвратиться къ старинѣ, поднять земледѣліе, увеличить число свободныхъ земледѣльцевъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Было узаконено, что землевладѣлецъ обязанъ употреблять извѣстное число свободныхъ работниковъ, пропорціонально числу рабовъ. По порученію правительства переведено было на латинскій языкъ карагенское сочиненіе о земледѣліи. Наконецъ, для увеличенія числа мелкихъ землевладѣльцевъ вспомнили объ аграрномъ законѣ. Но при такомъ порядкѣ вещей, когда мелкое землевладѣніе было невыгодно, въ какихъ результатахъ могла повести попытка искусственнымъ образомъ создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ посредствомъ стараго „трибунскаго яда“—аграрнаго закона? Въ старину аграрный законъ имѣлъ смыслъ уже и потому, что вполне соответствовалъ общему стремленію къ уравниванію правъ патрицевъ и плебеевъ: затѣмъ одни патриціи имѣли право пользоваться государственною землею, а плебеи не имѣли? Но теперь, когда уравниваніе правъ послѣдовало и когда являлось только различіе между богатыми и бѣдными, когда давность пользованія изгладила границы между частною и государственною собственностью, то аграрный законъ являлся грабежомъ для однихъ, но удовлетворялъ ли другихъ, если, по извѣстнымъ условіямъ, мелкое землевладѣніе было невыгодно? Зло было велико: Римъ наполнился людьми, которые были заражены пороками, господствующими между населеніемъ большихъ городовъ, людьми зависящими, а между тѣмъ эти люди были избирателями; понятно, что людямъ благонамѣреннымъ хотѣлось возвратиться къ старинѣ, усилить число избирателей независимыхъ, отличавшихся большею простотою и чистотою нравовъ; но противъ болѣзни было ли выбрано лѣкарство дѣйствительное? Это другой вопросъ. Аграрный законъ былъ потребованъ знаменитымъ трибуномъ Тиберіемъ Гракхомъ, котораго мы не будемъ обвинять въ демагогическія стремленія; онъ могъ желать уничтоженія пролетаріата между римскими гражданами, хотѣлъ дать земельную собственность людямъ, ея лишившимся, и вмѣстѣ средство завести хозяйство, ибо вмѣстѣ съ нѣдѣльемъ земли требовалъ раздѣленія между бѣдными наследства вергальскаго вѣра Атталы; какъ видно, онъ предвидѣлъ, что у мелкаго землевладѣльца будетъ сильное побужденіе продать свой участокъ крупному, и потому требовалъ раздѣленія государственныхъ земель не въ собственность, а только въ пользованіе безъ права отчужденія, хотя при этомъ является еще неотвѣachable вопросъ: гдѣ же было обезпеченіе въ случаѣ раздѣленія мелкимъ участкомъ? Что же касается выводовъ и вообще рѣшенія дѣла болѣе чистыми и независимыми людьми,

то въ дѣлѣ Тиберія Гракка есть любопытное указаніе; говорятъ, что сельское народонаселеніе было за него, а городское не было очень расположено ни къ его лицу, ни къ его планамъ, что и было причиной его гибели, ибо въ рѣшительную минуту сельское народонаселеніе не явилось въ Римъ, будучи задержано земледѣльческими работами: слѣдовательно, не было выгоды увеличивать количество мелкихъ землевладельцевъ въ видахъ болѣе правильнаго рѣшенія дѣла и болѣе правильныхъ, независимыхъ выборовъ; во время земледѣльческихъ работъ они бы не явились въ Римъ, какъ бы ни важно было рѣшаемое тамъ дѣло. Каковы бы ни были цѣли Тиберія Гракка, но онъ, чтобъ сломить противодѣйствіе, повелъ дѣло такъ насильственно, съ такимъ презрѣніемъ закона, что могъ возбудить сильное подозрѣніе въ намѣреніи измѣнить существующій порядокъ, захватить верховную власть и дать противникамъ благовидный предлогъ дѣйствовать противъ него, какъ противъ врага республики. Тиберій Граккъ имѣлъ участіе перваго изобрѣтателя полеваго закона Спурия Кассія. Народъ и теперь не защитилъ своего трибуна, какъ прежде не защитилъ ни одного изъ тѣхъ людей, которые хотѣли дѣйствовать въ его пользу. Любопытно, что смерть Тиберія Гракка не остановила дѣла о раздѣлѣ государственныхъ земель, за которые стояли другіе сильные люди, не могшіе быть заподозрѣнными въ стремленіи къ верховной власти. Мы уже говорили, что многіе, смотрѣвшіе съ безпокойствомъ на настоящее и будущее Рима и имѣвшіе свои идеалы назади, въ прошедшемъ, считали аграрный законъ якоремъ спасенія, ибо онъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ возстановить прежнія отношенія, возвратитъ прежнюю простоту и чистоту нравовъ, воссоздать прежній земледѣльческій Римъ. Въ описываемое время аграрный законъ былъ знаменемъ для людей, недовольныхъ настоящимъ и тосковавшихъ по старинѣ: пастухи-рабы, которыми богачи населяли свои обширныя имѣнія, были имъ ненавистны; прогнать этихъ пастуховъ и поселить вмѣсто нихъ земледѣльцевъ—значило возвратитъ золотое старое время. Тиберій Граккъ принадлежалъ именно къ этому кружку, къ этой шволѣ, для которой аграрный законъ былъ знаменемъ; аграрный законъ не исчезъ вмѣстѣ съ Тиберіемъ Граккомъ, ибо не былъ его личнымъ дѣломъ; онъ исчезъ вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ имъ въ условіяхъ своего настоящаго. При этомъ мы должны съ большою осторожностью употреблять выраженія: аристократическая и демократическая партія, интересы народа—въ противоположность интересамъ правительства, интересамъ богатыхъ собственниковъ: мы видимъ, что въ дѣлѣ аграрнаго закона движеніе идетъ изъ сферы правительственной, аристократической, если уже хотимъ употреблять это слово; съ другой стороны, мы видимъ равнодушіе къ вопросу въ низшихъ слояхъ народонаселенія, въ такъ-называемомъ народѣ; наконецъ, сильный протестъ противъ приведенія въ исполненіе закона встрѣчаемъ не со стороны богатыхъ собственниковъ въ Римѣ, а со стороны латинскихъ общинъ, которымъ были уступлены значительныя части земли особыми договорами.

Въ исторіи республиканскаго Рима мы видимъ такимъ образомъ двѣ половины: въ первой половинѣ происходитъ борьба между патриціями и плебеями за уравненіе правъ; послѣ прекращенія этой борьбы, послѣ уравненія правъ обѣихъ частей народонаселенія, патриціи и плебеи исчезаютъ, передъ нами правительство, въ ряды котораго имѣютъ доступъ всѣ граждане, правительство, въ постоянной своей части представляемое преимущественно сенатомъ, правительство, которое охраняетъ существующій порядокъ, т.-е. республику, и противъ него людей, которые хотятъ нарушить этотъ порядокъ, вызывая себѣ на помощь ту или другую силу, поднимая то или другое знамя. Мы присутствуемъ при ожесточенной борьбѣ правительства съ этими людьми, которые, найдя самое дѣйствительное средство побѣды, наконецъ торжествуютъ, вслѣдствіе чего республика превращается въ имперію. Таковъ смыслъ явленія второй половины исторіи республиканскаго Рима отъ Тиберія Гракха до Октавія Августа.

Правительство боролось и низложило Тиберія Гракха не за поднате аграрнаго закона, ибо другихъ приверженцевъ этого закона оно не тронуло, а за насильственные дѣйствія противъ существующаго порядка. Также погибъ въ борьбѣ и братъ Тиберія, Кай Гракхъ, который, будучи наученъ братнимъ опытомъ, что городское население нейдетъ на приманку аграрнаго закона, придумалъ другое средство подѣйствительнѣе, чтобъ приманить его на свою сторону, именно предложилъ законъ, чтобъ каждому горожанину ежемѣсячно выдавалось извѣстное количество хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ за самую ничтожную цѣну. Цѣль была достигнута; толпа пролетаріевъ постоянно окружала своего трибуна-кормильца, составляя его гвардію. Но онъ зналъ по опыту всѣхъ предшествовавшихъ агитаторовъ, что эта гвардія не выдержитъ дружнаго натиска высшихъ слоевъ, и потому онъ порознилъ всадниковъ и сенаторовъ, проведя законъ, по которому судъ отнимался отъ сенаторовъ, и присяжные должны были избираться народомъ изъ сословія всадниковъ. Этимъ закономъ, какъ выражался самъ Гракхъ, онъ бросилъ въ среду лучшихъ гражданъ мечи и кинжалы, пусть рѣжутся! Но этой рѣзни и поддержки всадниковъ и низшихъ слоевъ римскаго народонаселенія было мало для Гракха: онъ сталъ домогаться, чтобъ латины получили полное римское гражданство, а прочіе италійскіе союзники получили бы тѣ права, которыми до сихъ поръ пользовались латины. Это домогательство возбудило негодованіе во всѣхъ слояхъ римскаго народонаселенія: дать латинамъ полное римское гражданство значило допустить ихъ быть избирателями и избираемыми въ правительственныя должности, значило римлянамъ надобно было отказаться отъ значенія господствующаго народа, исчезнуть въ массѣ покореннаго народонаселенія, ибо за латинами не преминули бы послѣдовать и другіе италіанцы, а за италіанцами и жители провинцій, какъ и случилось во времена имперіи при общемъ равенствѣ безправія предъ однимъ, имѣвшимъ всѣ права; подчиниться требованію Гракха значило добровольно допустить покореніе Рима по-

коренными сосѣдями, допустить распоряжаться въ Римѣ тѣхъ, судьбою которыхъ распоряжались до сихъ поръ римляне; наконецъ, ближе всего, это значило дать войско честолюбцу, который явно стремился къ первенствующей роли, не скрывая своей ненависти противъ правительства, выставляя себя мстителемъ за смерть брата. Законъ не прошелъ; другой трибунъ, Ливій Друзъ, произнесъ противъ него свое veto. Для окончательнаго низложенія Гракха правительство сочло необходимымъ сражаться съ нимъ его собственнымъ оружіемъ, заискивая расположеніе низшихъ слоевъ народонаселенія, надавая имъ выгоды противъ Гракха: аграрный законъ былъ предложенъ на новомъ, не гракховскомъ основаніи: бѣдняки должны были получить земельные участки въ полную неотъемлемую собственность, безъ платежа подати; вмѣсто вывода заморскихъ колоній, предложеннаго Гракхомъ, обѣщаны были болѣе удобныя поселенія въ Италіи. Вмѣсто того, чтобъ латинамъ давать право римскаго гражданства, положено было взять у нихъ общественныя земли, и раздѣлить ихъ на 36,000 участковъ для раздачи бѣднымъ римскимъ семействамъ. Первая мѣра была привлекательна въ томъ отношеніи, — что давала возможность хотѣвшему заниматься земледѣліемъ — получить болѣе выгоды чрезъ освобожденіе отъ всякой подати; человеку же, который не находилъ выгоднымъ и пріятнымъ для себя заниматься земледѣліемъ, давала возможность продать свой земельный участокъ, а богатому землевладѣльцу давала возможность пріобрѣсти его; наконецъ, этою мѣрою прокладывался путь къ тому, чтобъ покончить съ вопросомъ о раздѣлѣ государственныхъ земель, именно прокладывался путь къ объявленію, что всѣ, владѣвшіе государственными землями, должны владѣть ими впередъ на правѣ полной частной собственности, что и было, наконецъ, постановлено: послѣдняя же мѣра относительно латинскихъ земель кидала ножъ между римскимъ и латинскимъ народонаселеніемъ, и еще болѣе отвращала римлянъ отъ мѣръ Гракха, а слѣдовательно отъ него самого. Онъ не былъ избранъ въ другой разъ въ трибуны и погибъ, при чемъ число людей, защищавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ, простиралось только до 250 человекъ.

Судьба Гракховъ показывала, что не было возможности сломить республику съ помощію низшихъ слоевъ римскаго народонаселенія. Погибъ Сатурнинъ, погибъ Катилина — республика выдерживала всѣ удары; но люди, стремившіеся къ власти, нашли, наконецъ, средство достигнуть своей цѣли, сломить республику: это средство было войско. Римъ былъ покоренъ собственнымъ войскомъ, собственными полководцами.

В) Разложеніе древняго міра и начало новаго.

Въ концѣ предшествовавшей главы мы сказали, что послѣднее государство древняго міра было завоевано собственнымъ войскомъ

ственными полководцами, и мы видѣли причины, почему ослабѣвшій Римъ позволилъ покорить себя. Мы видѣли, что процессъ внутренняго развитія Рима кончился съ прекращеніемъ борьбы между патриціями и плебеями, кончился уравненіемъ этихъ двухъ частей народонаселенія. Другой задачи бытія, другого высokaго и общаго интереса не было болѣе, возбудиться новымъ задачамъ, новымъ интересамъ было неоткуда: Римъ сталъ владыкою извѣстнаго міра и потому сталъ одинокъ. Отсутствіе общаго интереса необходимо ведетъ къ преобладанію частныхъ интересовъ; исчезъ патриціанскій интересъ, исчезъ плебейскій интересъ, слѣдовательно исчезла самая брѣввая связь между патриціями съ одной стороны, и между плебеями съ другой. Прежде если Титъ Спурій Лонгинъ былъ патриціей, то первая мысль его была о томъ, что онъ патриціей, долженъ охранять патриціанскій интересъ, долженъ приноравливать всѣ свои дѣйствія къ этой цѣли; въ каждомъ патриціѣ онъ видѣлъ товарища, брата, съ которыми долженъ дѣйствовать дружно, неразрывно по единству интересовъ, съ которыми слѣдовательно долженъ сближаться, ладить, равняться. Но когда борьба прекратилась, когда нечего было больше защищать сообща, исчезъ общій интересъ, то Титъ Спурій Лонгинъ естественно переставалъ себя чувствовать частию цѣлаго, онъ становился совершенно самостоятельнымъ, и начиналъ жить особнякомъ, сосредоточивши все свое вниманіе на однихъ частныхъ интересахъ. Республиканскій Римъ палъ не отъ того, что уменьшились способности наверху, между людьми, находившимися въ челѣ управленія; напротивъ, способности увеличивались, ибо способнымъ людямъ была возможность снизу достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ; но дѣло въ томъ, что способности раздѣлились, перестали преслѣдовать одни общія цѣли, и часто люди наиболѣе способные шли противъ конституціи для достиженія частныхъ цѣлей. Вотъ почему такъ странно, и болѣе тѣмъ странно читать въ нѣкоторыхъ авторитетныхъ сочиненіяхъ возгласы противъ римской аристократіи послѣднихъ временъ республики, аристократіи, забравшей въ свои руки правительство и между тѣмъ оскудѣвшей правительственною мудростію, неспособной поддержать государство. Люди, позволяющіе себѣ эти возгласы, забываютъ, что Катилины и Цезари были аристократы, и что аристократы, изъ страха предъ Катилинами и Цезарями, прижимались къ человѣку худородному, новому, провинціалу Цицерону, величали его отцомъ отечества, что эта аристократія, которую не перемонятъ называть и олигархією, позволяла новому человѣку Цицерону играть главную роль при защитѣ древней свободы, древней конституціи, противъ посягновеній аристократовъ—Катилинъ и Цезарей. Какимъ же образомъ явился такой странный взглядъ на послѣднія времена республиканскаго Рима, откуда явились толки объ аристократіи и даже олигархіи и вредныхъ ея дѣйствіяхъ, о борьбѣ между аристократическою и демократическою партіями, причемъ не берутъ на себя труда изложить программы этихъ партій? Все это произошло отъ безнравственнаго поклоненія успѣху. Въ стремленіи къ достиженію част-

комедіи, бѣжитъ изъ Рима на уединенный островъ, третій, не будучи въ состояніи обойтись безъ площади и народа, хочетъ быть музыкантомъ, актеромъ, четвертый является философомъ, пятый занимается огородничествомъ.

И всѣ эти люди—люди строгой нравственности и чудовища разврата, безумцы и философы, музыканты и садовники, смѣняя другъ друга поодиночкѣ или цѣлыми рядами, истрачиваютъ послѣднія силы вѣчнаго города, проживаютъ послѣднія средства древней цивилизаціи; прибавить къ этимъ силамъ и средствамъ лучшіе изъ нихъ ничего не могутъ. Римъ одрахлаблѣ окончательно, одрахлаблѣ и древній міръ, одрахлаблѣ древняя цивилизація. Припомнимъ, какое, вслѣдствіе нашихъ наблюденій, мы получили понятіе объ этомъ древнемъ мірѣ.

Мы видѣли, что этотъ міръ распался на двѣ половины, восточную, азіатско-африканскую, и западную, европейскую, и обѣ половины представили намъ противоположность, хотя и не безъ переходныхъ формъ (въ Финикіи). Въ восточной половинѣ мы видимъ болѣе или менѣе обширныя народныя тѣла, очень слабо развитыя, не расчлененныя, не выдѣлившія многихъ органовъ, плотныя массы, представляющія одно туловище и голову. Мы замѣтили, что въ происхожденіи такихъ народныхъ массъ преимущественно участвовала родовая форма; эти монархіи произошли изъ соединенія многихъ развѣтвленныхъ родовъ, которые, сближаясь вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ и сталкиваясь при исчезновеніи прежняго простора, стремились прекратить свои столкновенія созданіемъ внѣшней связи посредствомъ одной общей главы, верховнаго родоначальника, ибо другой формы для связующаго начала, другой формы правительственной они не знали; при этомъ, разумѣется, усиленіе одного рода на счетъ всѣхъ другихъ и насиліе этого сильнѣйшаго очень часто должно было содѣйствовать образованію такихъ народныхъ тѣлъ, такихъ монархій. Особность родовъ и враждебность ихъ другъ къ другу условливали неспособность къ общему дѣйствию, слѣдовательно условливали необходимость сильной власти, все сосредоточивающей и все направляющей. Подлѣ этой власти мы не видимъ сословія самостоятельныхъ по своимъ средствамъ, по землевладѣнію или по богатству движимому, которыя бы стремленіемъ опредѣлили свои отношенія другъ къ другу и къ верховной власти могли сообщить движеніе народной жизни. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Востока мы видимъ раздѣленіе народа на касты; но это раздѣленіе слишкомъ рѣзко; тутъ нѣтъ ничего органическаго, это раздробленіе на совершенно отдѣльныя части, и понятно, что такое раздробленіе производило самую сильную надобность въ связующемъ началѣ; если сильная власть условливается раздѣленіемъ подвластныхъ, то и кастность необходимо ведетъ къ деспотизму. Указываютъ на Востокъ могущественныя жреческія сословія; но это могущество далеко не таково, какъ съ перваго раза кажется. Значеніе служителя религіи есть значеніе нравственное въ противоположность матеріальному значенію сильныхъ земли. Служитель религіи тогда силенъ, когда непо-

средственно обращается къ нравственному чувству народа, возбуждаетъ, поддерживаетъ его, когда онъ не только жрецъ, но и пророкъ, т.-е. проповѣдникъ нравственности. Но извѣстно, что языческія религіи не имѣли тѣсной, необходимой связи съ народною нравственностью, обязанности жреца ограничивались священнодѣйствіемъ, жертвоприношеніемъ, гаданіемъ, волхвованіемъ. Жрецы имѣли еще другое преимущество предъ толпою,—преимущество знанія. Но всѣ эти преимущества, безъ пророчества или проповѣдничества, не могли дать жрецамъ независимости, и мы уже замѣтили прежде, что они пользовались этими преимуществами, чтобъ пріобрѣсть какъ можно болѣе матеріальныхъ выгодъ, причѣмъ вошли въ сдѣлки съ людьми, сосредоточившими въ своихъ рукахъ матеріальныя средства, стали также орудіями для усиленія и утвержденія власти этихъ людей.

Допуская могущество вліянія географическаго и этнографическаго, вліянія природы и племени на судьбу народовъ, мы допустили и могущество вліянія еще другихъ, собственно историческихъ условий, вліянія воспитанія народнаго. Здѣсь мы указали могущественное вліяніе движенія, странствованія народнаго, соединеннаго съ подвигомъ, съ выдѣленіемъ дружинъ, дѣятельность которыхъ создаетъ геройскій или богатырскій періодъ въ исторіи народовъ. Этими явленіями характеризуется исторія европейскихъ народовъ древности, исторія городовъ или гражданства въ противоположность исторіи народовъ на Востокаѣ. Но и здѣсь мы видимъ односторонность въ развитіи, видимъ города безъ народа, безъ страны. Еще въ Греціи мы замѣчаемъ нѣкоторое единство, существуетъ представленіе общности страны и общности народнои; это происходитъ оттого, что здѣсь изначала были города равносильные, которые или боролись другъ съ другомъ или соединялись для извѣстной общей дѣятельности, и потому необходимо должны были признавать высшее единство; общая дѣятельность равноправныхъ царей вначалѣ, потомъ равноправныхъ городовъ, общая борьба ихъ съ Востокомъ укрѣпила сознаніе высшаго единства, сознаніе эллинизма въ противоположность варварамъ. Но Римъ, не признавая для себя въ Италіи равныхъ городовъ, не соединяясь съ ними для общихъ дѣйствій въ Италіи или для Италіи, стремясь къ владычеству надъ всѣми другими городами и племенами Италіи, не признавалъ надъ собою высшаго, Италіи; для римлянина существуетъ только Римъ, римскій народъ, все остальное въ Италіи было чужое. Въ Римѣ городовая особность древняго европейскаго міра достигла высшаго выраженія. Попытка поставить Италію выше Рима—союзническая война—не удалась. Городъ явился владыкою міра; но именно тутъ-то, достигнувъ высшей степени матеріальнаго величія, вѣчный городъ и теряетъ то значеніе, какое городъ получилъ на Западѣ въ древности, значеніе свободной, самоуправляющейся общины, республики: онъ подчиняется цезарю; форма остается западная, городская, а сущность дѣла восточная—безправіе всѣхъ передъ однимъ и механическое сопоставленіе народностей посред-

тлось при переходѣ въ другой возрастъ. Мы уже указали на значеніе періода чувства въ народной жизни, періода сильныхъ и страстныхъ движеній, періода водннговъ, когда народъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства, стоитъ твердо привоанный къ известнымъ предметамъ своихъ сильныхъ привязанностей, онъ сильно любитъ и сильно ненавидитъ, не давая себѣ отчета о причинахъ своей привязанности и вражды; стоитъ только сказать ему, что предметъ его привязанности въ опасности, стоитъ подняться священному для него знамени, и онъ собирается, несмотря на всѣ препятствія, онъ жертвуетъ всѣмъ; чувство даетъ силу, способность совершать громадныя работы, водвнгать зданія не матеріальныя только, но и политическія; сильныя государства, крѣпкія народности, твердыя конституціи выковываются въ періодъ чувства. Но этотъ же періодъ знаменуется явленіями вовсе непривлекательными, довольно указать на обычный упрекъ, дѣлаемый этому періоду и дѣлаемый совершенно справедливо, на упрекъ въ суевѣрїи, фанатизмѣ, двухъ естественныхъ и необходимыхъ результатахъ господства чувства, неуиѣраемаго мысли. Но точно также односторонне признавать за вторыиъ періодомъ безусловное превосходство надъ первымъ.

Періодъ господства мысли, который красится процвѣтаніемъ науки, просвѣщенія, имѣетъ свои темныя стороны. Усиленная умственная дѣятельность обнаруживаетъ скоро свое разлагающее дѣйствіе и свою слабость въ дѣлѣ созиданія. Чувство считаетъ известные предметы священными, неприкосновенными, оно разъ опредѣлило къ нимъ отношенія человека, общества, народа, и требуетъ постоянного сохранения этихъ отношеній. Мысль считаетъ такія постоянныя отношенія суевѣрїемъ, предразсудкомъ, она свободно относится ко всѣмъ предметамъ, одинаково всѣ подчиняетъ себѣ, дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, допрашиваетъ каждое явленіе о причинѣ и правѣ его бытія. Чувство, напримеръ, опредѣляетъ отношенія къ своему и чужому такимъ образомъ, что свое имѣетъ право на постоянное предпочтеніе предъ чужимъ; народы, живущіе въ періодъ чувства, остаются вѣрны этому опредѣленію; но постоянная вѣрность ему ведетъ къ неподвижности. Если народъ способенъ къ развитію, способенъ вступить во второй періодъ или второй возрастъ своей жизни, то движеніе обыкновенно начинается знакомствомъ съ чужимъ, мысль начинаетъ свободно относиться къ своему и чужому, отдавать преимущество жизни народовъ чужихъ, опередившихъ въ развитіи, находящихся уже во второмъ періодѣ. Чувство старается сохранить установленныя имъ отношенія, и происходитъ борьба, болѣе или менѣе сильная, съ болѣе или менѣе сильными реакціями вслѣдствіе односторонняго, крайняго развитія борющихся началъ. Мысль, выведши народъ въ широкую сферу наблюденій надъ множествомъ явленій въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, въ широкую сферу сравненій, соображеній и выводовъ, покинувъ вопросъ о своемъ и чужомъ, стремится переставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленія от-

ношеній не имѣютъ прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очередь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены, а въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многоразличныя, борющіеся другъ съ другомъ, противорѣчивыя толки и системы вѣрить нельзя. Раздаются вопли отчаянія: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Народъ дѣлаетъ послѣднюю попытку найти твердую почву: онъ бросаетъ различныя философскія системы, не приведшія его къ истинѣ, и начинаетъ преимущественно заниматься тѣмъ, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ человѣка: что я вижу, осязаю—то вѣрно, внѣ этого вѣрнаго ничего знать не хочу, ибо внѣ этого нѣтъ ничего вѣрнаго, все фантазія, бредни. Сначала это направленіе удовлетворяетъ, сфера знанія расширяется, результатъ добывается блестящій, точныя науки процвѣтаютъ, ихъ приложенія производятъ обширный рядъ житейскихъ удобствъ. Но это удовлетвореніе скоропреходящее. Причины явленій, по прежнему, остаются тайными; при изслѣдованіяхъ, неизбѣжныя, безпрестанныя ошибки; повидимому, добыты богатые результаты, но, въ сущности, добыта песчинка. А между тѣмъ матеріализмъ и неизбѣжная при томъ односторонность, узкость, мелкость взгляда наводнили общество, удовлетвореніе физическихъ потребностей становится на первомъ планѣ, человѣкъ перестаетъ вѣрить въ свое духовное начало, въ его вѣчность, перестаетъ вѣрить въ свое собственное достоинство, въ святость и неприкосновенность того, что лежитъ въ основѣ его человѣчности, его человѣческой, т.-е. общественной жизни, является стремленіе сблизить человѣка съ животнымъ, породниться съ нимъ; печной горшокъ становится дороже бельведерскаго кумира, удобство, нѣжащее тѣло, предпочтительнѣе красоты, возвышающей духъ; при такомъ направленіи живое искусство исчезаетъ, замѣняется мертвою археологіею; вмѣсто стремленія поднять меньшую братію является стремленіе унижить всѣхъ до меньшей братіи, уравнивать всѣхъ, поставивъ на низшую ступень человѣческаго развитія; а между тѣмъ стремленіе выйти изъ тяжкаго положенія, выйти изъ міра, источеннаго до тла червемъ сомнѣнія и потому рассыпающагося прахомъ, стремленіе найти что-нибудь твердое, къ чему бы можно было прикрѣпитися, т.-е. потребность вѣры не исчезаетъ, и подлѣ невѣрія видимъ опять суевѣріе, но не поэтическое суевѣріе народной юности, а печальное, сухое старческое суевѣріе.

Но если таковы законы развитія человѣческаго общества, то понятно, какъ должны относиться къ нимъ историкъ и гражданинъ. Историкъ нечего плакать надъ тѣмъ, что народъ живетъ высшею жизнью, развивается, что народъ перешелъ изъ одного возраста въ другой, изъ періода чувства въ періодъ мысли, точно также какъ историкъ нечего и восторгаться при этомъ переходѣ, привѣтствуя сомнѣніе, какъ начало абсолютно высшаго порядка: обязанность ис-

торива спокойно, съ возможною многосторонностію слѣдить за условіями жизни народа во всѣхъ ея возрастахъ, представляя каждое дѣло и cadaго дѣятеля по отношенію къ тому возрасту народной жизни, въ которомъ они совершались и дѣйствовали. Что же касается обязанностей гражданина къ своему народу и государству, то они одинаковы съ обязанностями челоуѣка къ своему собственному тѣлу, къ своему здоровью. Каждый челоуѣкъ знаетъ, что онъ долженъ расти, мужать, старѣть и наконецъ умереть, но это знаніе нисколько не уменьшаетъ его заботъ о томъ, чтобы прожить какъ можно долѣе и какъ можно долѣе наслаждаться хорошимъ здоровьемъ. Несмотря на то, что нашъ вѣкъ опредѣленъ, челоуѣкъ, находясь и въ старости, зная слѣдовательно, что конецъ близокъ, все же хлопочетъ о сохраненіи своего здоровья, о томъ, чтобы эта старость была крѣпкая и свѣжая. Такъ и гражданинъ просвѣщенный, зная, по вѣрнымъ признакамъ, что народъ его находится далеко не въ юношескомъ возрастѣ, долженъ всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы народъ жилъ какъ можно долѣе, чтобъ самая старость его какъ можно долѣе была крѣпкая и свѣжа, тѣмъ болѣе, что предѣлы жизни народовъ не ограничены такъ, какъ предѣлы жизни частныхъ людей. Зная, что въ извѣстные возрасты народной жизни господствуютъ извѣстныя начала, и что отъ односторонности, исключительности ихъ происходитъ вся бѣда, слабость и паденіе, просвѣщенный гражданинъ долженъ противодѣйствовать прежде всего этой исключительности, односторонности, умѣрять одно начало другимъ, ибо отъ этого, главнѣйшимъ образомъ, зависить правильность отправленій народной жизни, здоровье народа, его долговѣчность.

Мы не имѣемъ права придумывать особые законы развитія народовъ, кромѣ извѣстныхъ законовъ развитія отдѣльнаго челоуѣка и всего органическаго. Какъ не у всѣхъ людей развитіе совершается правильно, не у всѣхъ духовное развитіе совершается соотвѣтственно физическому, нѣкоторые останавливаются на той или другой ступени, нѣкоторые умираютъ преждевременно, или родясь слабыми или встрѣчая сильныя препятствія окрѣпленію своего организма: тѣ же самыя явленія мы замѣчаемъ и въ жизни народовъ. Китайцевъ обыкновенно называютъ народомъ, остановившимся на извѣстной ступени развитія; но на какой? Вглядѣвшись внимательно, мы заключаемъ, что этотъ народъ, несмотря на свою замкнутость, пережилъ оба возраста или періода, и періодъ чувства и періодъ мысли, и теперь живетъ въ старческомъ безсиліи, подъ господствомъ матеріализма, съ полнымъ равнодушіемъ къ духовнымъ вопросамъ, къ вопросу религіозному; религія для него есть нѣчто принятое, требуемое съ одной стороны какъ полицейское правило, съ другой какъ общественное приличіе; нельзя не исповѣдовать какой нибудь вѣры, какъ нельзя ходить безъ платья по городу, платье не принимается здѣсь по отношенію къ удобству, къ теплотѣ или холоду; отъ религіи китайцамъ ни тепло, ни холодно, они никакъ не понимаютъ, какъ можно заниматься рели-

гіозными вопросами, тѣмъ болѣе ссориться изъ-за нихъ, разумъ выше всего, религіи много, а разумъ одинъ. „Турѣмы, говорятъ они, заперты днемъ и ночью, и между тѣмъ всегда полны народу; храмы постоянно отворены, и однако никого въ нихъ нѣтъ“.

Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ среди жрецовъ, мысль, сомнѣніе подточили древнія вѣрованія, и египетскій скептицизмъ былъ переданъ Греціи, какъ мы видимъ у Геродота; египетскіе жрецы находились въ такомъ же положеніи, какъ итальянскіе прелаты эпохи Возрожденія: учитываясь новооткрытыми диковинами древней философіи, прелаты не вѣрили въ христіанскіе догматы, но требовали, чтобы народъ оставался при прежней вѣрѣ и при прежнемъ суевѣріи, потому что это давало доходъ перешедшимъ въ другой возрастъ прелатамъ. То, что дошло до насъ изъ религіозныхъ и космогоническихъ системъ Индіи, есть результатъ философской работы, заканчивающейся буддизмомъ. У другой отрасли арійскаго племени, такъ-называемое Заороастрово ученіе носитъ также философскій характеръ и имѣетъ значеніе реформы относительно старой религіи. Въ греческой жизни, исторію развитія которой мы имѣемъ большую возможность изучить, два возраста или періода обозначаются ясно, причѣмъ персидскія войны можно положить границею между ними, хотя историкъ вообще долженъ остерегаться настаивать на точности границъ между двумя направленіями. Мы видѣли, что сильное внутреннее движеніе и раннее столкновеніе съ чужими народами, съ образованными народами Азіи и Африки содѣйствовали скорому развитію грековъ, переходу изъ періода чувства въ періодъ мысли. Мысль, разумѣется, прежде всего остановилась на народныхъ вѣрованіяхъ, отнеслась къ нимъ критически и заявила о ихъ несостоятельности, причѣмъ движеніе шло не изъ собственной Греціи, а изъ азіатскихъ колоній, а это свидѣтельствуетъ, что причина явленія заключалась въ знакомствѣ съ чужими религіозными и космогоническими воззрѣніями. Разнорѣчивыя философскія системы привели къ результату, выраженному Анаксагоромъ: „Ничто не можетъ быть познано; ничто не можетъ быть изучено; ничто не можетъ быть вѣрно; чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка“. Такой взглядъ, въ соединеніи съ сильнымъ развитіемъ личности въ Греціи, повелъ къ ученію такъ-называемыхъ софистовъ. Это ученіе обличаетъ уже собственно греческое движеніе, европейскую почву, ибо прямо относится къ жизни, къ способу дѣйствія челоуѣка, къ его нравственности. Съ такимъ же характеромъ явилось противодѣйствіе ученію софистовъ въ школѣ Сократа, старавшейся установить поколебленную нравственную почву. Но это безспорно самое высокое выраженіе греческой мысли не достигло своей цѣли, и новое философское движеніе окончилось скептицизмомъ, какъ старыя школы повели къ ученію софистовъ. Ища твердой почвы, греческая мысль обращается къ видимой природѣ, наблюдаетъ частности и отъ нихъ восходитъ къ общимъ выводамъ. Геній Аристотеля освѣщаетъ новый путь, оружіе ученика его, Александра Македонскаго,

открываетъ для греческой науки доступъ въ новыя страны. Эта наука утверждаетъ свое главное мѣстопробываніе въ древнемъ Египтѣ, но въ городѣ, построенномъ македонскимъ завоевателемъ, въ столицѣ потомковъ одного изъ его полководцевъ. Наука, въ своемъ новомъ направленіи, процвѣтаетъ при огромныхъ средствахъ, данныхъ ей Птоломееми; но это уже послѣдняя вспышка угасающаго пламени. Греческій міръ отживаетъ; вѣрный признакъ разложенія—страшная безнравственность рядомъ съ умственнымъ развитіемъ, съ научными успѣхами. Птоломеи, которыхъ за ихъ покровительство наукъ нѣкоторые писатели хотятъ считать самыми знаменитыми изъ древнихъ государей, эти покровители науки и литературы и сами литераторы—одинъ убиваетъ своего отца и производитъ страшныя неистовства въ Александріи, другой обрубаютъ голову, руки и ноги у своего сына и отсылаетъ ихъ своей женѣ и т. п.

Въ Римѣ пуническія войны можно отгѣтить какъ время перехода изъ періода чувства въ періодъ мысли. Греки помогли римлянамъ совершить этотъ переходъ; духовныя силы римлянъ развились немедленно подъ вліяніемъ великихъ образцовъ; но это развитіе, представляя уже осенній цвѣтъ, было современно со старческимъ одряхленіемъ. Въ лучшихъ и самыхъ характеристичныхъ произведеніяхъ римской литературы—въ сатирѣ и въ страшныхъ сказаніяхъ Тацита—слышатся похоронныя напѣвы. Новый періодъ народнаго развитія совпадалъ съ переходомъ отъ однихъ государственныхъ формъ къ другимъ. Греческая наука, помогшая римлянину освободиться отъ старыхъ вѣрованій и привязанностей, не указала ему новыхъ крѣпкихъ основаній, на которыхъ бы онъ могъ прочно перестроить свое старое государственное зданіе, греческая политическая жизнь, уже окончившаяся, не представила ему въ этомъ отношеніи образцовъ.

Народы древняго міра, способные къ развитію, закончили это развитіе, отжили; всемірная имперія Рима разлагалась; надъ трупами вились орлы; новые народы дѣлили области имперіи; въ этихъ областяхъ нашли они новую религію.

При нашихъ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію древнихъ народовъ мы не останавливались еще на одномъ, который стоялъ нравственно совершенно одиноко среди другихъ народовъ, хотя внѣшнимъ образомъ находился въ безпрестанномъ столкновеніи съ ними, стоя на дорогѣ ихъ движеній; то былъ народъ еврейскій. Причина его нравственной одинокости заключалась въ рѣзкомъ религиозномъ различіи отъ всѣхъ другихъ народовъ. Среди всеобщаго политеизма, еврейскій народъ сохранялъ вѣру въ единаго Бога, свободно сотворившаго все существующее и свободно имъ управляющаго; отъ дуализма, отъ признанія двухъ началъ, добраго и злаго, отъ мучительной работы мысли надъ объясненіемъ происхожденія зла, еврейскій народъ былъ освобожденъ священнымъ преданіемъ, что зло явилось вслѣдствіе свободной воли человѣка, могшаго противопоставить свою волю, свою самостоятельность исполненію воли божіей, совершен-

ному преданію себя въ руководство божіе. Непослушаніе, слѣдствіе сомнѣнія, недовѣрія къ словамъ Божиимъ есть паденіе человѣка, слѣдовательно, невѣріе есть паденіе, есть источникъ грѣха, зла, смерти. Богъ обѣщаль падшему человѣку Избавителя отъ грѣха и зла, отъ смерти въ его собственномъ потомствѣ; народъ, изъ котораго долженъ явиться Избавитель, есть народъ еврейскій. Человѣкъ, отъ котораго этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе, Авраамъ, покидаетъ свою страну, свой родъ, потому что онъ хранитъ вѣру въ единого Бога, тогда какъ все вокругъ него, собственный его родъ заражены многобожіемъ. Адамъ палъ отъ невѣрія; никакія искушенія не могутъ поколебать вѣры Авраама; Адамъ палъ отъ непослушанія; Авраамъ готовъ изъ послушанія принести въ жертву единственного сына. У каждаго народа свой богъ, свои боги; Авраамъ хранитель вѣры въ единого Бога, единого для всего человѣчества, и потому онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ; онъ относится ко всѣмъ народамъ, о сѣмени его благословятся всѣ народы, и это отношеніе Авраама высказывается въ горячемъ сочувствіи его къ чужимъ народамъ, въ знаменитой молитвѣ его, чтобъ Богъ пощадилъ виновные города.

Авраамъ движется съ востока на западъ, въ тѣ страны, гдѣ пришельцу и съ небольшимъ родомъ, окруженному небольшимъ числомъ зависимыхъ людей, можно было найти безопасное существованіе, именно въ тѣ страны, гдѣ обиталища уже усѣвшихъ народцевъ граничатъ съ пустынею, убѣжищемъ кочевниковъ. Авраамъ, его сынъ и люди ведутъ полукочевую, полусѣдлую жизнь, находятъ пріютъ въ чужихъ городахъ, ибо родъ не размножается: напротивъ, Авраамъ расходится съ племянникомъ Лотомъ вслѣдствіе размноженія стадъ и ссоръ между пастухами; Исаакъ расходится съ братомъ Измаиломъ, Иаковъ съ братомъ Исавомъ—примѣры, что родовыя столкновенія и распри уничтожались расходомъ членовъ рода вслѣдствіе простора, возможности разойтись. Съ Иакова начинается размноженіе рода; у него двѣнадцать сыновей; но голодъ и судьба одного изъ сыновей Иакова побуждаютъ старика, со всѣми своими, переселиться въ Египетъ. Здѣсь потомство Иакова чрезвычайно размножается; это размноженіе становится подозрительно владѣльцамъ Египта, которые начинаютъ истощать евреевъ тяжкими работами, принимаютъ мѣры, чтобъ остановить ихъ размноженіе, приказываютъ повивальнымъ бабкамъ умерщвлять младенцевъ мужескаго пола. Такія страшныя притѣсненія должны были возбудить въ евреяхъ чувство національности и личности, основанной на религіи отцовъ, вѣрѣ въ единого Бога, столь противоположной безконечному многобожію египетскому, и въ это время евреи получаютъ боговдохновеннаго вождя, который выводитъ ихъ изъ Египта. Этотъ вождь-избавитель, Моисей, не похожъ на другихъ вождей народныхъ: онъ вовсе не герой, могучій физическою силою, самый храбрый изъ храбрыхъ. Сила Моисея чисто нравственная; первое дѣло его—дѣло патріота, слѣдствіе безсознательнаго порыва, дѣло тайное, не признанное; услыхавъ призваніе Божіе, Моисей прежде всего сомнѣ-

вается въ своихъ способностяхъ къ великому дѣлу, на которое призывается, выставляетъ свой важный физическій недостатокъ какъ сильное препятствіе къ налагаемому на него посланничеству; Моисей силенъ только нравственно, силенъ силою божіею. Моисей не герой, не царь и не первосвященникъ, онъ первый пророкъ, первообразъ цѣлаго ряда пророковъ, выставленныхъ еврейскимъ народомъ и составляющихъ отличительное явленіе его народной жизни. Кольно, изъ котораго происходилъ Моисей, получаетъ для себя потомственное священство: но независимо отъ этого священства изъ среды народа появляются вдохновенные проповѣдники, ученіе которыхъ имѣеть цѣлью поддержать чистоту религіи и нравственности. Такимъ образомъ, высшее, такъ сказать, званіе въ народѣ сохраняется свободнымъ отъ сословій и учрежденій, и теократія еврейская держится не левитствомъ, а пророчествомъ; колено Левито не сосредоточиваетъ въ себѣ ни политической силы, ни знанія священнаго и мірскаго. За вождемъ, выведшимъ евреевъ изъ Египта, давшимъ писанный законъ и богослуженіе, слѣдовалъ вождь-завоеватель, Исусъ-Навинъ, покорившій для евреевъ землю обѣтованную. За вождемъ-завоевателемъ слѣдовалъ рядъ вождей-защитниковъ, ибо евреи были окружены врагами, которыхъ не могли съ успѣхомъ сопротивляться вслѣдствіе вѣшняго политическаго разединенія, отсутствія общей власти, а силы нравственныя, духовныя, ослабли, ослабла вѣра въ единого Бога и въ Его непосредственное руководство, зараза идолопоклонства распространилась; въ злой усобицѣ цѣлое колено Вениаминово было истреблено. „Въ это время, говоритъ гѣтописецъ, не было царя у израильтянъ, и всякій дѣлалъ все, что хотѣлъ“. Духовныя силы ослабли, но не исчезли; пророчество, не ограничивавшееся мужескимъ поломъ, спасало народъ въ самыя тяжкія времена. Двадцать гѣтъ сѣверныя воюва колено находились подъ игомъ хананеевъ, когда пророчица Дебора, имѣвшая и значеніе судьи, призвала къ оружію Варака, который побѣдами своими и свергнулъ его. Изъ этихъ вождей-защитниковъ всего легче было явиться царю; одному изъ нихъ, Гедеону, уже предлагали царство; но онъ отказался по нравственнымъ, религіознымъ побужденіямъ. И сказали израильтяне Гедеону: „владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего, ибо ты спасъ насъ изъ руки мадіанитянъ“. Гедеонъ сказалъ имъ: „Ни я не буду владѣть вами, ни мои сыны не будутъ владѣть вами; Иегова нусть владѣть вами“. Сынъ Гедеона, Авимелехъ составилъ себѣ дружину изъ всякаго сброда, перебилъ почти всѣхъ своихъ братьевъ и образовалъ себѣ маленькое царство въ Сихемѣ; но онъ былъ убитъ при осадѣ одного города. Въ другомъ вождѣ-защитникѣ, Левфаѣ, „Книга Судей“ указываетъ намъ также вождя сборной дружины. Эти извѣстія, сохранившіяся въ историческихъ книгахъ евреевъ, драгоценны для насъ: они объясняютъ бытъ древнихъ народовъ, находившихся, подобно евреямъ описываемаго времени, въ переходномъ состояніи, указываютъ на извѣстный повсюду способ образованія дружинъ, вожди которыхъ своими подвигами, защитою мирныхъ жителей отъ вра-

говъ, приобрѣтали власть. Іевфай былъ сынъ наложницы, братья, родившіеся отъ законной жены отца его, прогнали Іевфая, сказавши ему: „ты не наследникъ въ домъ отца нашего, потому что ты сынъ другой женщины“. Іевфай убѣжалъ отъ братьевъ своихъ, и жилъ въ землѣ Товъ; и собрались къ Іевфаю правдые люди и ходили съ нимъ. Спустя нѣсколько времени, аммонитяне пошли войною на Израиля. Пришли старѣйшины галаадскіе къ Іевфаю и сказали: „Для того мы теперь собрались къ тебѣ, чтобы ты пошелъ съ нами, и сразился съ аммонитянами, и былъ у насъ начальникомъ. И сказалъ Іевфай старѣйшинамъ галаадскимъ: если вы опять возьмете меня, чтобы сразиться съ аммонитянами, и Господь предастъ мнѣ ихъ, то останусь ли я у васъ начальникомъ? Старѣйшины галаадскіе сказали Іевфаю: Господь да будетъ свидѣтелемъ между нами, что мы сдѣлаемъ по слову твоему! Іевфай пошелъ съ старѣйшинами галаадскими, и народъ поставилъ его надъ собою начальникомъ и вождемъ“.

Ни одинъ изъ этихъ вождей-защитниковъ, пользовавшихся въ мирное время значеніемъ начальниковъ народныхъ или судей (суфетовъ), не достигъ царскаго достоинства, не передалъ своего значенія дѣтямъ. Передъ концомъ этого переходнаго времени въ исторіи евреевъ мы видимъ любопытное явленіе, какое видѣли въ началѣ: какъ прежде женщина, пророчица Дебора была судьей, такъ теперь судьей становится человекъ божій или пророкъ Самуилъ, успѣвшій одними нравственными средствами поднять народъ послѣ тяжелыхъ пораженій отъ внѣшнихъ враговъ: „И была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила. И былъ Самуилъ судьей Израиля во всѣ дни жизни своей. Изъ года въ годъ онъ ходилъ и обходилъ Веель, и Галгалъ, и Масау; и судилъ Израиля во всѣхъ сихъ мѣстахъ; потому возвращался въ Раму; ибо тамъ былъ домъ его, и тамъ судилъ онъ Израиля“. Уже приготовлялась наследственность судейскаго званія: состарѣвшись, Самуилъ поставилъ сыновей своихъ судьями надъ народомъ. Но Самуилъ создалъ свое значеніе единственно нравственными средствами; сыновья его могли удержать это значеніе въ своемъ домѣ только нравственными же средствами; наоборотъ, „сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть, брали подарки и судили превратно. И собрались всѣ старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу въ Раму и сказали ему: вотъ ты состарѣлся, а сыновья твои не ходятъ путями твоими; и такъ, поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ, и мы будемъ какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить передъ нами, и вести войны наши“.

Евреи получили царя; цари ходили предъ ними и вели ихъ войны; но успѣхъ этихъ войнъ зависѣлъ отъ внутреннихъ нравственныхъ причинъ, смотря потому, царь былъ ли приверженъ къ отрезвляющей религіи предковъ, или зараженъ разслабляющею религіею окрестныхъ народовъ, пропаганда которой по прежнему велась старѣйшинами путемъ, черезъ женщинъ. И по прежнему и въ Израилѣ, и въ финикійскому идолослуженію, ратуютъ пре...

Самымъ блестящимъ временемъ въ исторіи евреевъ было царство-ваніе второго царя, Давида, вначалѣ знаменитаго героя, вождя дружины, изгнанника и предводителя изгнанниковъ и недозволенныхъ, дѣйствительнаго царства съ бою. Всегда вѣрный Іеговѣ и въ этомъ отноше-ніи не нуждавшійся въ увѣщаніяхъ пророковъ, Давидъ никогда не поддавался искушеніямъ власти и тогда пророкъ являлся передъ нимъ съ напоминаніемъ о преступленіи и наказаніи. Сынъ Давида, преем-ный Соломонъ, не можетъ противустоять женской пропагандѣ и строитъ храмы чуждымъ божествамъ. Послѣ его смерти политическое един-ство еврейскаго народа рушится; среди него является два царства и одно изъ нихъ, Израильское, подвергается, преимущественно, заразѣ идолопоклонства, почему въ немъ и видимъ самую сильную борьбу между царями-отступниками и пророками. Борьба кончилась не по-бѣдою пророковъ, и оба еврейскія царства были поглощены тигро-евфратскими монархіями. Плѣтъ на чужой сторонѣ, плѣтъ вавилон-скій, какъ прежде тяжелое положеніе въ Египтѣ, подняли еврейскую народность и ея основу, религію Единого; по возвращеніи изъ плѣна евреи не служатъ чуждымъ богамъ, пророковъ нѣтъ; но евреи ждутъ съ нетерпѣніемъ исполненія старыхъ пророчествъ, ждутъ Избавителя. Избавитель явился: Онъ былъ потомокъ Авраама; но Аврааму было обѣщано, что о сѣмени его благословятся всѣ народы земные; и учения Іисуса Назорейскаго несутъ въ себѣ избавленія ко всѣмъ народамъ. Исторія евреевъ становится священной исторіею народовъ.

Много было говорено о причинахъ успѣха христіанской проповѣди, причинахъ сверхъестественныхъ и естественныхъ. Говорить о первыхъ не входитъ въ кругъ нашей специальности; а много распространяться о вторыхъ не считаемъ нужнымъ. Для правильности и точности нашихъ наблюденій мы должны смотрѣть на христіанство, какъ на религію, и наблюдать во сколько оно удовлетворяетъ рели-гіозному чувству. Доказывать превосходство христіанскаго нравствен-наго ученія нѣтъ надобности: оно очевидно. Возраженія противъ хри-стіанства имѣли вовсе не здѣсь свой источникъ. Если бы христіанство было только нравственное философское ученіе, то оно не встрѣтило бы никакихъ возраженій со стороны такъ-называемыхъ философовъ, лю-дей, пишущихъ философію исторіи. Но христіанство есть религія, и борьба противъ христіанства есть борьба противъ религіи вообще. Ре-лигія обнимаетъ отношенія человѣка въ Богу, отношеніе двухъ міровъ видимаго и невидимаго, слѣдовательно, необходимо условливаетъ та-кую сторону, которая не прилагивается къ обычнымъ человѣческимъ отношеніямъ, человѣческимъ средствамъ, по различію природы двухъ міровъ, двухъ существъ, которые приходятъ здѣсь въ соотношеніе. Религіозный человѣкъ требуетъ непосредственнаго вліянія Высшаго Существа на опредѣленіе отношеній между нимъ и собою, и потому необходимо подчиняться условію принимать такія явленія, которыя для него непостижимы или исходятъ совершенно изъ другого міра, изъ существа другой природы; и мало того, что религіозный человѣкъ

подчиняется этому условію, онъ его требуетъ, какъ доказательство правильности и прочности своихъ отношеній къ Божеству, какъ доказательство, что дѣйствительно само Высшее Существо опредѣлило эти отношенія: отсюда необходимость положительной религіи. Религіозное чувство утверждается на невѣріи,—на невѣріи въ средства человѣка, въ средства его разума, невѣріи, основанномъ на ежедневномъ и вѣковомъ, вѣчномъ опытѣ; религіозный человѣкъ есть человѣкъ положительный, который не можетъ стоять на колеблющейся, измѣняющейся почвѣ, который не можетъ успокоиться на вѣрѣ въ безконечный прогрессъ, т.-е. на вѣрѣ въ безконечное несовершенство, безконечныя ошибки, необходимо предполагаемыя безконечнымъ прогрессомъ, не можетъ успокоиться на этой вѣрѣ, уже и потому, что въ основаніи ея видятъ одно предположеніе постоянно выгодныхъ условій для явленія, предположеніе произвольное, не утвержденное на точныхъ наблюденіяхъ. Человѣкъ не религіозный не вѣритъ въ такъ называемыя сверхъестественныя явленія, необходимыя для положительной религіи, требующей непосредственнаго участія Божества въ ея установленіи; онъ вѣритъ въ средства человѣка, въ его разумъ; человѣкъ религіозный принимаетъ сверхъестественныя явленія, требуетъ ихъ именно потому, что не вѣритъ въ человѣческія средства, въ средства разума человѣческаго. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ двумя вѣрами и съ двумя невѣріями.

Христіанство при своемъ появленіи подѣйствовало быстро на религіозныхъ людей: они стали обращаться къ нему толпами, покидая старыя положительныя религіи, подготовленные скептицизмомъ какъ относительно существующихъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и относительно человѣческихъ средствъ достигнуть религіозной истины. Христіанство обратилось къ самымъ чистымъ, самымъ высокимъ побужденіямъ человѣческой природы, къ самому могущественному чувству, связующему людей, къ чувству любви. вмѣсто божества физическаго, совершенно чуждаго, природою своею не могущаго внушить сочувствія, вмѣсто божества человѣвообразнаго, униженнаго до всѣхъ слабостей человѣческихъ и потому оскорблявшаго нравственное чувство, христіанство проповѣдывало существо совершеннѣйшее и требовавшее нравственнаго усовершенствованія отъ человѣка, существо отдѣльное и независимое отъ творенія, но близкое къ человѣку, связанное съ нимъ любовью, опредѣляемое, какъ любовь; но это опредѣленіе не есть простое слово: установленіе религіознаго отношенія есть актъ любви, въ которомъ высказалось существо Бога. Религіозное отношеніе устанавливается, высокое ученіе проповѣдуется не посредствомъ простаго человѣка: Слово Божіе, посредство религіознаго союза не въ книгѣ, не въ устахъ простаго человѣка, это Сынъ Божій, воплотившійся, пострадавшій, умершій для спасенія людей. Люди религіозные находятъ наконецъ себѣ настоящаго Бога, котораго могутъ любить „всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслию“, ибо этотъ Богъ есть любовь, высказавшій свое существо въ дѣлѣ искупленія. Чело-

вѣкъ сознаеть различіе между добромъ и зломъ: „язычники являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ“; дѣло религіи очистить, направить, заставить сознание принести плодъ, родить дѣло, заставить человѣка принести жертву Богу; а жертва безъ огня не приносится, и доброе дѣло безъ побужденія не дѣлается; побужденіе же должно быть чистое и святое, такое побужденіе есть любовь. Отличительная черта религіознаго человѣка есть сознание своей слабости, грѣховности, паденія, невозможности нравственнаго очищенія собственными средствами, и христіанство вполне удовлетворяеть ему ученіемъ объ искупленіи. Христіанство вполне успокоиваетъ религіознаго человѣка, потому что ставитъ наивысшее основаніе нравственности—любовь, основаніе незыблемое, вѣчное при всевозможныхъ измѣненіяхъ отношеній между людьми, при всевозможныхъ измѣненіяхъ политическихъ формъ, на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи; христіанство ставитъ общество, члены котораго любятъ другъ друга, какъ каждый изъ нихъ любитъ самъ себя. Религія можетъ измѣниться, когда человѣчество переростеть этотъ идеаль, потребуетъ идеала высшаго, но такъ какъ это немыслимо, то для религіознаго человѣка христіанство есть религія вѣчная; обращаясь же къ его началу, онъ успокоивается тѣмъ, что оно находится въ самой тѣсной связи съ религіей народа, который одинъ изъ всѣхъ народовъ исповѣдовалъ единобожіе, главное явленіе въ исторіи котораго есть борьба внутренняя и внѣшняя за поддержаніе единобожія противъ господствующаго во всемъ мірѣ многобожія; этому-то народу, котораго исторія есть необходимо исторія религіозная, священная, была общацаъ Тотъ, котораго христіане признають своимъ Богомъ искупителемъ, и такимъ образомъ оба откровенія, оба завѣта находятъ въ необходимой связи.

Для объясненія успѣховъ христіанства говорятъ о приготовленіи къ нему человѣчества посредствомъ философіи, которая подвела многобожіе, проповѣдала единобожіе и нѣкоторыя другія истины, вошедшія въ кругъ христіанскаго ученія. Но историкъ обязанъ прежде всего различать эти двѣ сферы—философскую и религіозную; истина философская достигается холоднымъ умственнымъ процессомъ; истина религіозная усваивается горячею воспріимлемостью чувства. Философское ученіе, по природѣ своей, есть достояніе немногихъ. Если нѣкоторые изъ этихъ немногихъ приняли христіанство и защищали его своими средствами, то другіе ихъ собраты явились злыми врагами христіанства. Явленіе обращенія философовъ въ христіанство показывало только, что умственная развитость, соединенная съ обширными познаніями не исключаетъ религіознаго чувства; тогда какъ люди нерелигіозные, безусловные поклонники разума человѣческаго, вѣровавшіе единственно въ его средства, относились презрительно и враждебно ко всякой религіи, отнеслись точно также и къ христіанству. Такимъ образомъ, еслибы философія и могла приготовить къ христіанству, то—ничтожное число людей религіозныхъ и вмѣстѣ знако-

ныхъ съ философскими ученіями; но мы знаемъ, что христіанство явилось среди народа, знаменитаго своею религіозностію, но нисколько не знаменитаго развитіемъ философіи, науки вообще, народа, который „знаменія просилъ, а не премудрости искалъ“, и въ этомъ-то народѣ христіанство проповѣдывалось и принималось среди людей самыхъ простыхъ, у которыхъ уже никакъ нельзя предположить философскаго приготовленія. По выходѣ христіанства изъ еврейскаго народа во всѣ концы вселенной мы видимъ то же самое явленіе: къ нему обращаются толпами люди простые, въ которыхъ также нельзя заподозрить философскаго приготовленія; наконецъ, къ нему обращались цѣлыя народы грубые, варварскіе, и это обращеніе всего лучше показываетъ, что для успѣховъ христіанства вовсе не нужно было философскаго приготовленія. Сами проповѣдники христіанства вполне сознавали, что проповѣдуемое ими ученіе не можетъ ничѣмъ польстить эгоизму, ищущаго премудрости, что ихъ ученіе есть для него безуміе; они знали, что и среди евреевъ, просящихъ знаменія, для многихъ распятый Христосъ будетъ соблазномъ; но они знали, что ученіе о Богѣ, страдающемъ и умирающемъ за человѣчество, потрясетъ религіозныя души среди того и другого народа и явится для нихъ ученіемъ о Божіей силѣ и Божіей премудрости. Сила ученія высказывалась въ его проповѣдникахъ: пророки съ пламенными, жгучими рѣчами, нѣкогда являвшіеся среди одного народа израильскаго, теперь являются всюду и мученичествомъ запечатлѣваютъ свою любовь къ Богу и людямъ, свои убѣжденія въ истинѣ проповѣдуемаго ученія.

Странно толковать о томъ, какія нравственныя явленія произвело христіанство, какія безнравственныя явленія заставило исчезнуть: по своей сущности, любви, христіанство облегчало, вызвышало и очищало всякое человѣческое отношеніе безъ исключенія; давало нравственную подготовку къ уничтоженію всякаго безнравственнаго явленія, и во время его существованія ослабляло его дѣйствія. Писатели, недостаточно внимательные къ послѣдовательности христіанскихъ отношеній, вытекающихъ изъ сущности христіанства, обыкновенно распространяются о томъ, что христіанство, отвлекая вниманіе своихъ послѣдователей отъ интересовъ здѣшней, земной жизни къ интересамъ жизни загробной, ослабляло въ нихъ патріотизмъ, сознание обязанности защищать отечество, сражаться за него; религія мира и любви, говорить, должна была отвращать отъ войны и не очень уважительно смотрѣть на воинскую доблесть. Но что предписываетъ христіанство своимъ послѣдователямъ? любовь къ ближнему не на словахъ, а на дѣлѣ, увѣнчаніе этой любви пожертвованіемъ жизнію своею. На ближняго нападаютъ — обязанность христіанства защищать его до послѣдней капли крови; другое требованіе христіанства — исполнять свято всякую порученную обязанность, служить вѣрно и усердно предрежащей власти: совокупность этихъ требованій необходимо дѣлать изъ христіанина самаго доблестнаго воина. Доказательство на лицо: народы, начавшіе новую, *христіанскую*

исторію Европы, развѣ отличались недостаткомъ воинской доблести? Скажутъ: это качество лежало въ ихъ природѣ; но въ такомъ случаѣ нечего говорить о вліяніи христіанства, если оно не могло противо-дѣйствовать этой природѣ. Доказательство на лицо, когда въ числѣ святыхъ, особенно чтимыхъ нами, монаховъ, священниковъ и людей, исполнявшихъ разныя гражданскія должности, находятся воины (Георгій, два Теодора, Іоаннъ, Димитрій и др.). Доказательство на лицо, когда у христіанскихъ народовъ вкоренено вѣрованіе, что воины, падшіе на полѣ битвы, вѣнчались вѣнцами мученическими. Уклоняясь отъ выдающагося въ глаза доказательства отъ воинской доблести новыхъ христіанскихъ народовъ, обращаются ко временамъ паденія римской имперіи, указываютъ здѣсь на отсутствіе патриотизма, воинской доблести и приписываютъ эти явленія вліянію христіанства, которое будто бы влекло своихъ послѣдователей въ пустыню, къ жизни отшельнической. Но слово: патриотизмъ, когда говорится о временахъ паденія Рима, вызываетъ улыбку: какой патриотизмъ могъ быть среди этой кучи народовъ, насильственно подчиненныхъ одному городу? Какое чувство преданности могло питать народонаселеніе отдаленныхъ провинцій къ этому городу, отъ котораго, кромѣ угнетеній, нечего было ждать провинціаламъ? Какимъ римскимъ патриотизмомъ могли быть наполнены разноплеменные жители провинцій, когда этого патриотизма давно уже не было въ самомъ Римѣ, ибо давно не было болѣе тѣхъ отношеній, которыя заставляли древнихъ, истыхъ римлянъ такъ храбро защищать свое орлиное гнѣздо, хотя уходъ плебеевъ на священную гору показываетъ, что всему бываетъ своя мѣра и предѣлъ, даже и хваленому римскому патриотизму.

Причины паденія римской имперіи были всѣ на лицо при самомъ ея началѣ, когда Римъ утратилъ свои прежнія правительственныя формы, слѣдовательно задолго до объявленія христіанства господствующею религіею въ имперіи. Но почему же, скажутъ, христіанство, распространившись, не возбудило новаго гражданскаго духа, патриотизма въ народонаселеніи имперіи? Повторяемъ, что нечего было возбуждать, ибо римскаго патриотизма не могло быть у разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ составъ имперіи, Римъ не былъ отечествомъ для галла, испанца, нумидійца, грека, пафлагонянина и т. д. Страны и народы приготавливались жить своею особою, слѣдовательно, независимою жизнью, каждый народъ готовился приобрѣсть отечество и питать къ нему извѣстное чувство, которое мы называемъ патриотизмомъ, и которое христіанство готово было освятить; желѣзо же римской власти, вызавшее народы, давно перержавѣло. Съ другой стороны, кто же предполагаетъ, что съ того времени, какъ христіанство было объявлено господствующею религіею имперіи, всѣ подданные имперіи сдѣлались вдругъ истинными христіанами? Люди, согнившіе отъ нравственныхъ язвъ имперіи, продолжали оставаться въ этомъ печальномъ состояніи, не могли вдругъ подвергнуться благотворному вліянію христіанства, ибо приняли его чисто внѣшнимъ образомъ; людей же, при-

нявшихъ его по убѣжденію и готовыхъ приводить въ исполненіе его правила, было немного, и хотя бы они всё стали воинами, не могли удержать отъ паденія гнилого, разваливающагося подъ тяжелыми ударами свѣжихъ, сильныхъ народовъ зданія имперіи.

Вотъ то немногое, что мы должны сказать вообще о христіанствѣ; но такъ какъ мы теперь приступаемъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію христіанскихъ народовъ, то понятно, что мы постоянно должны будемъ обращаться къ подробностямъ вліянія христіанства на эту жизнь.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

Часть вторая.

НОВЫЙ МІРЪ.

I.

Варвары.

При изученіи исторіи Греціи мы замѣчаемъ, что важнѣйшія явленія, измѣнявшія этнографическій и политическій видъ страны, происходили вслѣдствіе движенія народонаселенія съ сѣвера на югъ; Греція теряетъ свою независимость вслѣдствіе усиленія на сѣверѣ полуварварскаго, полугреческаго государства Македонскаго; Римъ, уже сильный среди городовъ и народовъ Италиі, едва не погибъ вслѣдствіе движенія варваровъ съ сѣвера, галловъ; римская имперія распалась вслѣдствіе болѣе сильнаго и постояннаго движенія другихъ сѣверныхъ варваровъ—германцевъ. Римъ, въ періодъ своего роста, усиленія, велъ двѣ самыя крупныя и опасныя борьбы, съ карфагенянами на югѣ и галлами на сѣверѣ; обѣ борьбы имѣли одинакій ходъ: сначала страшная опасность грозила Риму (который, по выраженію Саллюстія, боролся съ галлами не для славы, а за существованіе), но послѣ онъ оправлялся и поворялъ своихъ враговъ. Мы должны обратить вниманіе на этихъ галловъ, которые своими нашествіями навели ужасъ не на одинъ Римъ, но и на Грецію, и на Азію; это было племя, сплошною массою раскинувшееся на огромныхъ пространствахъ древней Европы, племя, которое послужило основою для народовъ и теперь имѣющихъ важное значеніе; наконецъ, это племя и въ древнія времена, въ своемъ языческомъ и варварскомъ бытѣ представляетъ черты, любопытныя для наблюдателя исторической жизни народовъ.

Галлы или кельты принадлежали, подобно пелазго-эллинамъ и италійцамъ, къ арійскому племени: но когда и какъ явились они въ

Европу? Принимая въ соображеніе естественное, необходимое стремленіе переселяющихся народовъ занимать лучшія по природнымъ условіямъ страны; наконецъ, принимая въ соображеніе постоянное движеніе европейскихъ народовъ съ сѣвера на югъ, совершавшееся на памяти исторіи, мы должны принять, что при движеніи арійскихъ племенъ въ Европу были прежде всего заселены три южныхъ полуострова, Балканскій, Аппенинскій и Пиренейскій, съ посредствующими между ними приморскими частями, какъ, напримѣръ, южная Галлія. За этимъ первымъ движеніемъ арійскихъ племенъ, которому Греція, Италія и Испанія, обязаны были своимъ населеніемъ, слѣдовало второе, движеніе кельтовъ, которые, найдя южную Европу уже занятою, должны были остановиться въ западныхъ частяхъ средней Европы, хотя не остались здѣсь въ покоѣ, но дѣлали сильныя и безуспѣшныя попытки пробиться и на завѣтные полуострова южной Европы: такъ, они пробились въ Испанію, и послѣ долгой борьбы съ ея первоначальными насельниками, иберами, смѣшались съ ними; они пробились и въ Италію и заняли значительную ея часть.

Третьимъ движеніемъ арійскихъ племенъ въ Европу было движеніе славянъ, которые, найдя южную Европу и западныя части средней занятыми, должны были поселиться въ лучшей изъ остальныхъ частей, въ области Дуная и окрестныхъ земляхъ. Четвертымъ движеніемъ арійскихъ племенъ надобно отмѣтить движеніе литовское, и пятымъ—движеніе германцевъ, которые, не имѣя возможности въ первое время потѣснить племена, прежде пришедшія, и пробиваться чрезъ нихъ, должны были чрезъ области нынѣшней Россіи, рѣдко населенныя финнами, двигаться на сѣверо-западъ, преимущественно, разумѣется, великими водяными путями, Днѣпромъ и также водами озернаго пространства, въ Балтійское море, населять Скандинавскій, и оттуда, побуждаемая увеличившимся народонаселеніемъ, двигаться далѣе на югъ. Мы употребляемъ здѣсь эти извѣстныя названія—кельты, славяне, литовцы, германцы условно, обозначая ими извѣстныя части европейско-арійскаго населенія, явившіяся однѣ за другими въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; но мы не можемъ опредѣлить, когда началось между ними то различіе, съ какими мы теперь представляемъ себѣ племена—кельтическое, славянское, литовское, германское. Хотя, разумѣется, обособленіе этихъ частей арійскаго племени въ различныхъ мѣстностяхъ Европы должно было съ самаго начала повести къ образованію племенныхъ особенностей, отразившихся на языкѣ; но мы не можемъ опредѣлить, съ какого времени эти особенности становятся рѣзки; съ какого, напримѣръ, времени кельты, славяне, литва, германцы, т. е. арійцы съ береговъ Луары и арійцы съ береговъ Дуная, арійцы изъ Ютландіи и арійцы съ береговъ Виліи перестали понимать другъ-друга. Надобно положить, что это явленіе произошло очень не скоро, принимая въ расчетъ продолжительное пребываніе ихъ въ самыхъ простыхъ формахъ быта. Когда они, на памяти исторіи, начали сталкиваться, то понимали ли они при этомъ другъ-друга—мы

этого не знаемъ. Сами они ничего о себѣ не сказали, это были народы-дѣти, еще неговорящія (infantes); народы возрастные, имѣвшіе съ ними дѣло, плохо различали ихъ по племенамъ, отсюда и для насъ мало возможности достигнуть этого различенія; отсюда скудные результаты многочисленныхъ изслѣдованій о племенныхъ границахъ подъ руководствомъ языка, названій мѣстныхъ и личныхъ; пойдеть изслѣдователь искать кельтовъ—и вездѣ ихъ найдетъ; то же случится и съ тѣмъ, кто пойдеть искать славянъ, и съ тѣмъ, кто пойдеть искать германцевъ, уже не говоря о необходимыхъ при такомъ исканіи натяжкахъ. Слово звучитъ прямо изъ извѣстнаго языка, напримѣръ, славянскаго,—повидимому, можно успокоиться; но какъ узнать, въ какое время это слово исчезло изъ языковъ кельтическихъ и германскихъ и стало исключительно собственностью славянскихъ? а безъ этого знанія, какое ручательство для изслѣдователя, что онъ дѣйствительно попалъ на слѣды славянскаго племени? Наконецъ, смуту увеличиваетъ заимствованіе словъ, особенно собственныхъ именъ однимъ народомъ или племенемъ у другого, что могъ легко замѣчать Юрнандъ въ VI-мъ вѣкѣ. Само собою разумѣется, что мы должны забыть ненаучныя побужденія, которыя иногда заставляли изслѣдователя стараться доказать древность пребыванія извѣстнаго племени въ Европѣ, какъ будто бы такое доисторическое или неисторическое существованіе могло что-нибудь прибавить къ исторіи народа, какъ будто бы европейская почва сама по себѣ давала какое-то благородство народамъ. Но если между арійскими племенами, позднѣе прибывшими въ Европу и населившими ея среднія и сѣверныя части, трудно провести рѣзкую границу (въ чемъ, разумѣется, виноваты народы образованные, оставившіе намъ извѣстія объ нихъ, греки и римляне, не отличавшіяся точностію своихъ показаній относительно главнаго племенного отличія, языка),—то рѣзко отличались эти арійскія племена средней и сѣверной Европы отъ своихъ собратій, прежде нихъ пришедшихъ въ Европу и занявшихъ южныя ея оконечности: это различіе, кромѣ языка, заключалось во внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни. Обитатели трехъ южныхъ полуострововъ отличались сухощавостію, смуглостію, черными волосами и небольшимъ ростомъ; племена, жившія къ сѣверу отъ нихъ, отличались бѣлизною кожи, бѣлокурыми волосами, высокимъ ростомъ и вообще массивностію тѣла.

Что касается быта племенъ, то, относительно галловъ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ, который не успѣлъ основать сколько-нибудь крѣпкаго государственнаго тѣла ни въ границахъ пѣлаго племени, ни въ границахъ извѣстныхъ частей его, несмотря на долговременное пребываніе галловъ въ однихъ и тѣхъ же странахъ. Хотя Цезарь, главный источникъ нашъ относительно быта галловъ, дѣлитъ всю независимую Галлію на три части, изъ которыхъ одну населяютъ белги, другую аквитаны, третью по-туземному кельты, а по-латыни галлы, и всѣ эти три части народонаселенія Галліи отличаются языкомъ, учрежденіями, законами; но, къ сожалѣнію, не говорятъ ни слова, въ

чемъ именно состоитъ различіе; а тамъ, гдѣ говоритъ объ учрежденіяхъ (*instituta*), употребляетъ выраженія: *ex Gallia, ex omni Gallia*; это ведетъ къ заключенію, что въ главныхъ чертахъ быта не было различія между белгами, аквитанами и собственно галлами, различіе заключалось въ нѣкоторыхъ второстепенностяхъ, о которыхъ Цезарь не нашелъ случая говорить.

Мы получаемъ первыя извѣстія о галлахъ, какъ о народѣ воинственномъ, толпы котораго выходятъ изъ своей страны для занятія или опустошенія другихъ странъ. Потому извѣстія объ этихъ движеніяхъ галльскихъ на значительное время прекращаются, и начинается движеніе противъ галловъ съ двухъ сторонъ, со стороны цивилизованнаго Рима и со стороны варваровъ германцевъ, вслѣдствіе чего бытъ галловъ вскрывается: что же мы видимъ? Мы видимъ страну, населенную множествомъ народцевъ, изъ которыхъ сильнѣйшіе стремятся подчинить себѣ слабѣйшіе. Еще нѣсколько времени свободнаго, безпретязательнаго внутренняго движенія, и, бытъ можетъ, одинъ народъ подчинилъ бы себѣ всѣ другіе и создано бы сильное, сплоченное государство, залогъ незаписимаго существованія; но движеніе сильныхъ враговъ съ двухъ сторонъ застало въ Галліи дѣло объединенія только въ зародышѣ; слабая своимъ разъединеніемъ и внутреннею борьбою, происходившею вслѣдствіе начавшагося стремленія къ объединенію, Галлія не могла противиться и скоро полегла передъ сильнѣйшимъ изъ двухъ враговъ, какими были римляне.

Если мы въ исторіи галловъ встрѣчаемъ сильныя воинственныя движенія въ началѣ и потомъ смѣнившія ихъ внутреннія войны, усобицы, то уже заключаемъ, что изъ народной массы выдавались люди, болѣе способные къ воинскимъ подвигамъ, и народонаселеніе раздѣлилось на двѣ части—вооруженную и невооруженную, причемъ первая должна была получить господство надъ второй, кормиться на ея счетъ. Храбрѣйшіе, военные вожди получаютъ все значеніе, ибо, при условіяхъ общественной неразвитости или варварства, власть принадлежитъ матеріальной силѣ, пріобрѣтается насиліемъ. Храбрый вождь окружается толпою подобныхъ ему храбрецовъ, которые подъ его знаменемъ ищутъ добычи и власти; этотъ союзъ между вождями и дружиною основанъ на взаимной помощи и защитѣ; вожди, въ челѣ дружинъ своихъ, начинаютъ усобицы съ цѣлю пріобрѣтенія большей силы и богатства; сильные борются другъ съ другомъ—горе слабымъ! они спѣшатъ пріобрѣсти безопасность, отдаваясь въ покровительство сильныхъ, и закладничество или кліентство развивается въ чрезвычайной степени. Сказанное нами представляетъ явленіе общее въ жизни народовъ. Для провѣрки приложимъ его къ галламъ, къ ихъ быту, какъ онъ описанъ у современниковъ. По Цезарю, во всей Галліи имѣли значеніе только два класса людей — жрецы (друиды) и благородные или всадники (*nobiles, equites*); что же касается до остальнаго, низшаго народонаселенія, то оно было на рабскомъ положеніи (*raene servorum habetur loco*), не смѣя ничего предпринять сами по себѣ, не

участвуя ни въ какомъ совѣщаніи. Многіе, удрученные долгами и тяжестью податей или притѣсняемые сильнѣйшими, отдавались въ рабство благороднымъ, которые получали надъ ними всѣ тѣ права, какія господа имѣли надъ рабами. — Чѣмъ знатнѣе и богаче кто изъ всадниковъ, тѣмъ большимъ числомъ *амбактовъ* и *кlientовъ* окруженъ онъ,—говоритъ Цезарь. Амбактами или солдурами назывались дружинники, преданные вождю до такой степени, что не соглашались переживать его; подъ клиентами надобно разумѣть такихъ закладчиковъ, которые хотя были сами изъ всадниковъ, имѣли собственность, свое хозяйство, но для приобрѣтенія безопасности, защиты, закладывались за сильнѣйшихъ, и наконецъ третій родъ зависимыхъ людей представляли указанные выше люди изъ черни, которые, по отсутствію средствъ къ самостоятельной жизни, шли въ услуженіе, въ рабство къ богатѣйшимъ. Это явленіе объясняется совершенно нашимъ древне-русскимъ холопствомъ, а клиентство закладничествомъ.

Такимъ образомъ, въ члѣхъ каждого галльскаго народа стояла шляхта (*nobiles, equites*), окруженная большимъ или меньшимъ числомъ амбактовъ и клиентовъ, имѣвшая болѣе или менѣе холоповъ и рабовъ, ибо войны вѣншія и внутреннія, также и кушля доставляли не добровольныхъ рабовъ, которыхъ мы отличаемъ отъ холопей, какъ отдавшихся сами собою въ рабство, по свидѣтельству источниковъ. Между шляхтою было нѣсколько людей, нѣсколько семей богаче, сильнѣе, чѣмъ другіе, наибольшіе, главные, князья, *principes*, какъ ихъ называетъ Цезарь. Низшая, невооруженная часть народонаселенія, *plebs*, не допускалась ни до какого совѣщанія (*nullo adhibetur consilio*), слѣдовательно сеймы составлялись изъ одной шляхты; кромѣ сеймовъ или совѣщаній, гдѣ присутствовала вся шляхта, былъ постоянный совѣтъ, который Цезарь по-своему называетъ сенатомъ, а членовъ его сенаторами. Избирались ли эти сенаторы и какъ избирались—ничего неизвѣстно. Можно только видѣть отношеніе числа такъ-называемыхъ сенаторовъ къ остальному народонаселенію: галльскій народецъ, *verri*, потерпѣвши отъ римлянъ страшное пораженіе, прислалъ къ Цезарю съ покорностію, и послы, описывая несчастное положеніе своего народа, говорили, что изъ 600 сенаторовъ осталось только трое, и изъ 60,000 способныхъ носить оружіе, осталось только 500 человекъ. У венетовъ Цезарь перебилъ всѣхъ сенаторовъ, а остальныхъ продалъ въ рабство; изъ этого видно, что Цезарь смотрѣлъ на сенаторовъ, какъ на вождей народныхъ, отъ которыхъ исходило сопротивленіе; видно, что между сенаторами были люди самыя значительныя и по матеріальнымъ средствамъ, и по личнымъ способностямъ. Во время той же войны Цезаря въ Галліи случилось, что нѣкоторые народцы истребили своихъ сенаторовъ, за то, что тѣ не хотѣли возстанія противъ римлянъ. Наконецъ, приводится обычай, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ галльскихъ народцевъ, по которому не позволялось засѣдать въ сенатѣ двоимъ членамъ одной и той же фамиліи.

Кромѣ сенаторства, была высшая власть, которою обладался одинъ

человѣкъ; эта власть не совсѣмъ ясно, какъ видно, представлялась Цезарю, и потому онъ употребляетъ для нея неопредѣленные выраженія: верховная власть (*summa imperii*), главное начальство (*principatus, magistratus, summus magistratus*). За эту-то верховную власть, которою извѣстное лицо облакалось только на одинъ годъ, шла обыкновенно борьба между сильнѣйшими людьми въ народѣ, образовывались партіи. Сильнѣйшій клиентствомъ и связями съ другими сильными людьми побуждалъ, становился главнымъ лицомъ въ народѣ и, не довольствуясь такимъ короткимъ срокомъ власти, однимъ годомъ, стремился къ власти болѣе продолжительной и крѣпкой, къ власти царской. Цезарь, указывая у нѣкоторыхъ народцевъ высшихъ начальниковъ и обозначая ихъ власть приведенными выше именами, у другихъ прямо указываетъ царей (*reges*), и приводитъ также случаи, когда люди, достигшіе принципата, стремились стать царями, но были умерщвлены. „У варнутовъ былъ знатнѣйшій человекъ Таскетій, котораго предки были царями у этого народа (*regnum obtinuerant*). Этому Таскетію Цезарь, за его храбрость и доброе расположеніе къ себѣ, ибо во всѣхъ войнахъ пользовался особеннымъ его содѣйствіемъ, возвратилъ достоинство предковъ. Онъ уже царствовалъ третій годъ, какъ былъ убитъ врагами“. У сеноновъ Цезарь далъ царское достоинство (*regem constituit*) Коварину, котораго братъ и предки были царями; но Коваринъ, узнавши, что его хотятъ убить, бѣжалъ. Целтилій, изъ народа арверновъ, достигъ принципата всей Галліи, по выраженію Цезаря, но былъ убитъ своимъ народомъ за то, что стремился къ царской власти. Какимъ образомъ Целтилій могъ приобрести принципатъ всей Галліи—неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятностямъ это выраженіе преувеличенное. Въ разсказѣ Цезаря о переселеніи гельветовъ упоминается о зачинщикѣ дѣла, Ораторіксѣ, у котораго было до 10,000 людей, находившихся отъ него въ разныхъ степеняхъ зависимости, и которыхъ Цезарь, по римскимъ понятіямъ, называетъ его *фамиліею* (*familia, famuli, servi*). Могущественный Ораторіксъ стремится къ верховной власти и побуждаетъ къ тому же сильныхъ людей и у другихъ народовъ галльскихъ: у сеноновъ Кастива, котораго отецъ много лѣтъ владѣлъ царствомъ (*regnum obtinuerat*); у гедуевъ Думнорига, который тогда держалъ принципатъ у своего народа и былъ любимъ низшею частію народонаселенія (*plebi acceptus erat*). Это послѣднее извѣстіе показываетъ намъ общее явленіе, что люди, домогающіеся верховной власти, опираются на низшій слой народа.

Несмотря на краткость, недосказанность, неточность извѣстій о галлахъ, мы, соблюдая крайнюю осторожность, можемъ вывести заключение, что имѣемъ дѣло со множествомъ народцевъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ никакою политическою связью. При общей опасности, починкомъ одного или нѣсколькихъ энергическихъ лицъ, могли образовываться союзы, могла поручаться военная власть одному вождю, но эти союзы заключались на международныхъ началахъ; заключавшіе эти союзы народцы давали другъ-другу заложниковъ или амана.

нось, по общему господствующему у варварских народов. Внутри каждого народа видны господство вооруженной части народонаселения над невооруженной, которая находится въ ничтожномъ и безъ-степенномъ вѣдѣніи: сильнѣйшіе изъ вооруженнаго ослѣпая идутъ другъ съ другомъ борьбу за верховную власть, безопасности для слабѣйшихъ вѣтъ; и потому господствуютъ закладничество слабѣйшихъ за сильнѣйшихъ, закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента; но закладничество вело къ возникъ столкновеніямъ, къ новой борьбѣ, ибо никогда и часть народа требовала не выдавать своего кліента ни въ какомъ случаѣ. Отрешеніе сильнѣйшихъ, добившихся до принципа, сдѣлаться каренъ обыкновенно не увѣчивалось успѣхомъ, обыкновенно требовали платили за него жизнью. Отношенія, господствовавшія между племенъ въ отдѣльныхъ народахъ, повторались и въ отношеніяхъ послѣднихъ другъ къ другу. При борьбѣ народовъ другъ съ другомъ за власть, за услаженіе, слабѣйшій народъ входилъ въ клиентскія отношенія къ сильнѣйшему.

При такомъ хаотическомъ состояніи галльскихъ народовъ, при постоянной борьбѣ ихъ другъ съ другомъ и при борьбѣ внутри каждаго народа между сильнѣйшими изъ племенъ, тогда при всякомъ столкновеніи интересовъ дѣло рѣшалось силой, тогда обиженныхъ негдѣ было искать суда, общества, но естественному и необходимому стремленію къ выходу изъ такого положенія, вызываетъ силу особаго рода, силу нравственную, нужную для установленія нѣкотораго порядка и единства, для суда, для рѣшенія дѣлъ человѣческими, а не животными, насильственными средствами, однимъ словомъ, общество, для выхода изъ хаотическаго состоянія вызывало жреческую власть. Галльскіе кудесники или волхвы, люди, славившіеся знаніемъ вещей, которыми не обладали остальные, воспользовались благоприятными обстоятельствами для пріобрѣтенія жреческаго значенія, значенія истолкователей воли божьей, способныхъ произнести правый приговоръ и принести умилостивительную, удобную богамъ жертву. Во всѣхъ странахъ, гдѣ послѣ героическаго періода между народонаселеніемъ, живущимъ на большихъ пространствахъ, дѣло идетъ о выработкѣ какой нибудь государственной формы, гдѣ начинается внутренняя борьба, производящая тотъ хаосъ, который мы встрѣчаемъ въ Галліи; во всѣхъ такихъ странахъ значеніе жрецовъ чрезвычайно усиливается, какъ это мы и видимъ въ большихъ государствахъ Азии и Африки; тогда какъ въ Греціи и Италіи, гдѣ въ небольшихъ городахъ, установленіе извѣстнаго общественнаго строя пошло очень быстро, мы не видимъ сильнаго жреческаго класса. Въ Галліи, по словамъ Цезаря, только два класса жителей имѣли значеніе—друиды и всадники. Друиды занимаются вещами божественными, приносятъ жертвы публичныя и частныя, истолковываютъ религіозныя вещи; къ нимъ стекается большое число юношества для обученія; они пользуются большимъ почетомъ, ибо произносятъ приговоры почти по всѣмъ спорнымъ дѣламъ, пуб-

личнымъ и частнымъ: случится ли какое нибудь преступленіе, убійство, идетъ ли споръ о наслѣдствѣ, о межахъ—друиды рѣшаютъ дѣла, опредѣляютъ награды и наказанія, если частный человѣкъ или народъ не приметъ ихъ рѣшенія, такого отлучаютъ отъ жертвоприношеній. Это наказаніе у нихъ самое тяжелое. Отлученные считаются нечестивыми и незаконными, ихъ всѣ чуждаются, избѣгаютъ ихъ присутствія и разговора, чтобы не заразиться отъ нихъ, ихъ жалобы на судъ остаются безъ вниманія, они не удостоиваются никакого почета. Всѣ друиды подчинены одному начальнику; по смерти начальника ему наслѣдуетъ самый видный по достоинству, а если есть нѣсколько равныхъ, то избирается голосами друидовъ, иногда споръ рѣшается оружіемъ. Друиды въ назначенное время года собираются въ мѣсто, которое считается серединою всей Галліи: сюда сходятся всѣ, имѣющіе тяжбы и подчиняются ихъ суду и рѣшеніямъ. Начало ученія друидовъ ведутъ изъ Британіи, и желающіе обстоятельнѣе ознакомиться съ нимъ, по большей части отправляются для этого туда. Друиды не участвуютъ въ войнахъ и не платятъ податей; вслѣдствіе такихъ выгодъ многіе и добровольно идутъ въ друиды, и посылаются родителями и родственниками. Основнымъ ученіемъ друидовъ было ученіе о переселеніи душъ, которое отнимало у галловъ страхъ смерти; кромѣ того они много толковали и передавали молодежи о звѣздахъ и движеніи ихъ, о величинѣ міра и земли, о натурѣ вещей, о могуществахъ боговъ. Но нельзя очень высоко ставить друидскую мудрость, ибо тотъ же Цезарь говоритъ намъ, что желавшіе основательнѣе изучить друидизмъ ѣздили для этого въ Британію, а извѣстно, что изъ всѣхъ галловъ жители Британіи отличались особенною дикостію; противорѣчіе уничтожается тѣмъ, что у дикихъ народовъ особенно процвѣтаетъ волшебство и кудесничество: затѣмъ-то континентальные галлы и отправлялись къ своимъ дикимъ британскимъ соплеменникамъ. При томъ надобно замѣтить, что какъ ни высоко ставитъ Цезарь значеніе друидовъ, однако въ его рассказѣ о галльской войнѣ дѣятельности ихъ вовсе незамѣтно.

Друиды могли получить важное значеніе именно вслѣдствіе безпорядочнаго, хаотическаго состоянія галльскихъ народцевъ, а потому у нихъ не могло быть побужденій къ прекращенію этого безпорядка, побужденій содѣйствовать установленію единства и крѣпкаго правильного правительства въ какой бы то ни было формѣ; установленію такого правительства препятствовало положеніе низшаго сословія, которое не принимало ни въ чемъ участія, находилось почти въ рабскомъ состояніи; высшее сословіе, не чувствуя никакого давленія со стороны низшаго, не имѣло потому самому побужденій сосредоточиваться, соединять свои силы, забывать частные интересы для общаго дѣла, и потому видимъ безконечную усобицу между его членами, усобицу вредную, разрушительную, вовсе не похожую на борьбу политическихъ партій, на борьбу патриціевъ съ плебеями, которая держала въ сосредоточеніи силы обѣихъ сторонъ; только внѣшній толчокъ, внѣш-

няя опасность заставляли прибѣгать къ соединенію силъ, къ общему дѣйствию, къ общей власти; но опасность проходила, и все принимало прежній видъ.

Въ такомъ положеніи находились галлы, когда страшные враги съ двухъ сторонъ явились въ ихъ предѣлахъ—римляне и германцы. Галлы не только не могли съ успѣхомъ сопротивляться ни тѣмъ, ни другимъ, но еще сами пригласили ихъ къ вѣщательству въ свои внутреннія дѣла, какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми внутренно народами, какъ бы ни была различна степень ихъ цивилизаціи. Мы уже видѣли, что въ Галліи народы, стремясь къ усиленію, вели борьбу другъ съ другомъ, причемъ слабѣйшіе, чтобы избавиться отъ насилій, закладывались за сильнѣйшіе, и такимъ образомъ нѣкоторые болѣе сильныя народы являлись окруженныя народцами-кліентами. Съ помощію римлянъ сильно поднялся народъ гэдун; но другіе два народа—арверны и секваны не хотѣли дать гэдунамъ усилиться, и, не имѣя возможности сладить съ ними одни, призвали на помощь германцевъ. Послѣдніе, ждавшіе перваго случая промѣнять суровыя зарейнскія страны на Галлію, явились на зовъ; гэдун были сокрушены, но секваны не долго радовались своей побѣдѣ: призванный ими на помощь король свевовъ, Аріовистъ, утвердился у нихъ, отобралъ у нихъ третью часть земель, но и этого было ему мало. Галлы увидѣли, что имъ придется мало по малу уступить всю свою землю зарейнскимъ выходцамъ, а потому бросились къ римскому проконсулу Юлію Цезарю съ просьбою о помощи. Цезарь отогналъ германцевъ отъ границъ Галліи; но галлы испугались, что призвали къ себѣ другого господина, и вооружились противъ римлянъ, слѣдствіемъ чего было завоеваніе Цезаремъ всей Галліи, совершенное въ семь лѣтъ.

Мы не будемъ отнимать важнаго значенія у этого событія; мы займѣтимъ одно, что завоеваніе Галліи римлянами относится къ разряду войнъ народовъ, стоящихъ на высокой степени цивилизаціи, выражающейся и въ искусствѣ военномъ, съ народами варварскими, къ разряду завоеванія пруссовъ нѣмецкими рыцарями, народовъ Новаго Свѣта испанцами, завоеванія Индіи португальцами, англичанами, Сибири и странъ средней Азіи русскими, войнъ послѣднихъ съ турками и персіянами,—войнъ, гдѣ качество беретъ постоянно верхъ надъ количествомъ. Мы знаемъ, какъ толпы дикарей, вовсе не робкихъ, разбѣгались при видѣ лошадей, при ружейныхъ выстрѣлахъ: подобное тому видимъ и въ войнѣ Цезаря съ галлами. При осадѣ одного галльскаго города римляне устроили крытыя галлеры, подъ ихъ защитою терассу, построили деревянную башню, которую должно было двинуть противъ городской стѣны. Галлы, презиравшіе римлянъ за ихъ малый ростъ, смѣялись надъ строителями такихъ хитростей, которыя, находясь въ далекомъ разстояніи отъ города, не могли, по ихъ мнѣнію, сдѣлать ему никакого вреда. И вдругъ они видятъ, что башня двигается и приближается къ стѣнамъ города: въ ужасѣ они уже не думаютъ болѣе о защитѣ и посылаютъ просить мира.

Различны искусства, которыми ривляне дооконечно превосходили варваров, давало им возможность такъ скоро покорить Галлию, какъ бы им были варвары храбры и многочисленны; но им небыло необходимо ограничить и эти два условия. Но слова въ Цезаря, было время, когда галлы примыкали германскихъ храбрости, нахлынули на другіе народы, захватили свои владения за Рейна; но въ это время галлы были уже не тѣ: близость римской провинціи, знакомство съ предметами роскоши, испортила имъ, ослабила имъ искусство храбрости, такъ что они сами не могли развиться къ ней съ германцами. Цивилизація подействовала на галловъ разслабляющимъ, развращающимъ образомъ, но не дала имъ новыхъ средствъ, способовъ которыми они могли бы стать въ уровень съ цивилизованными народами; они познакомившись съ некоторыми предметами роскоши, примыслили къ нимъ чуждые качества, но не получили отъ самихъ цивилизованныхъ людей ничего искусства, не развили промышленности и торговли, не умели достигнуть сдѣлать галльскіе города въ силу замеченія Галли римлянами. Но слова въ Цезаря, не было ничего подобна галльскіе. Действительно, какъ у вѣтъ первобытныхъ народовъ, города у галловъ назывались либо или жребіе обширными открытыми пространствами, назначенныя для защиты окрестнаго народонаселенія на случай неприятельскаго нападкн, а эти города, какъ мы знаемъ, были очень часты въ Галліи. Городъ была тѣмъ вѣще, чѣмъ во снмѣтъ обыкновенно представляли либо средства къ защитѣ. Навѣтъ, при нападкн сильного врага, вѣднй народъ не выдалъ всѣ свои города и заперся въ одинъ городъ, очевидно укрѣпленнаго природою. Навѣтъ о галльскіхъ городахъ важнымъ для насъ въ томъ отношеніи, что знаютъ ключъ къ укрѣпленію, подобныя же вѣбствія о городахъ у другихъ народовъ, стоявшихъ на одинаковой бытовой ступени съ галлами. Желать, къ какому галлы возжили, жгли свои города, улаивались на значимѣ послѣднихъ; галлы не жгли всѣ свои города, вытѣривались покинуть страну и выжили въ другихъ вѣбствѣ; если въ городѣ обнаружилось еще возможность галльскіхъ поселеній, то вѣднй принимать ихъ города въ вѣднй смыслѣ.

Народонаселеніе вѣднй Галліи выдвигаетъ гадательно снмѣе свои изліянія, основываясь на цифрахъ континентальнаго распространенія отдельныхъ народонаселенія во время войны съ римлянами. Но здѣсь прежде всего является вопросъ: можно ли возмѣтаться на эти цифры? Можно ли предположить вѣднй статистики среди галльскіхъ народонаселенія, предположить, что они съ точностію знали количество народонаселенія у себя и могли съ точностію определить, что выставитъ именно такое число вѣднй, а кто у нихъ имѣлъ силу выставитъ вѣднй въ вѣднй число? Достаточно было, что галлы представлялись (или были) три раза всѣ единично стаетъ вѣднй, способность вѣднй вѣднй въ числѣ вѣднй вѣднй вѣднй у галловъ; у римлянъ же не было вѣднй указывать цифры вѣднй в тѣмъ отношеніи вѣднй вѣднй вѣднй. Но основными вѣднй съ Армию, Цезаря указалъ,

что народцы белгійскіе вооружаются противъ него, составили союзъ, дали другъ другу заложниковъ. Онъ послѣдшилъ предупредить ихъ и внезапно явился въ землѣ ремовъ, ближайшаго къ собственной Галліи белгійскаго народца. Застыгнутые врасплохъ, ремы отправляютъ къ нему знатныхъ людей съ увѣреніями, что они нисколько не участвуютъ въ союзѣ съ остальными белгами и готовы сдѣлать все, что имъ прикажетъ римскій полководецъ. Цезарь спрашиваетъ у этихъ ремскихъ посланныхъ, каковы могутъ быть силы белговъ, и они ему начинаютъ рассказывать, что вотъ чрезвычайно сильный народъ белловаки, и по храбрости и по многочисленности своей могутъ выставить 100,000 вооруженныхъ людей и обѣщали они прислать противъ римлянъ 60,000, другіе народы обѣщали по 50,000 и т. д., такъ что выходило всего белгійскаго войска 296,000. Это-то показаніе ремовъ о белгійскихъ контингентахъ и берутъ, между прочимъ, въ основаніе выкладокъ, изъ которыхъ выходитъ, что во всей Галліи было болѣе 7.000,000 жителей. Понятно, что ремскіе посланцы, кромѣ національной страсти, должны были имѣть сильное побужденіе преувеличивать могущество белгійскаго союза, чтобы напугать римлянъ и заставить ихъ уйти; но они ошиблись въ своемъ расчетѣ. Цезарь не ушелъ; белги явились, побились съ римлянами и вдругъ побѣжали по домамъ, и первые побѣжали знаменитые своею храбростію и многочисленностію белловаки, ибо узнали, что союзные римлянамъ гедии отправлены Цезаремъ для вторженія въ ихъ землю. Цезарь пошелъ по слѣдамъ бѣгущихъ и поворялъ каждый народецъ отдѣльно; когда онъ пришелъ къ белловакамъ, то этотъ знаменитый народъ собрался со всѣми пожитками въ одинъ городъ, и когда Цезарь приблизился къ нему, то изъ воротъ вышелъ старикъ съ мольбою принять ихъ въ римское подданство.

Таеъ было вначалѣ. Обратимся къ концу, когда галлы, вида послѣдствія утвержденія у себя римлянъ, рѣшились воспользоваться смутю въ Римѣ, и соединенными силами выжить поработителей, когда они приобрѣли и вождя, способнаго стать во главѣ народнаго дѣла. Въ лѣсахъ, въ глухихъ мѣстахъ идутъ совѣщанія, бьютъ римскихъ купцовъ, людей, заготовляющихъ припасы для цезарева войска. Является вождь возстанія; но любопытно, какъ онъ является, какими средствами начинаетъ дѣло. Въ народѣ арверновъ былъ молодой человекъ Верцингеториксъ, сынъ упомянутого выше Целтилла, который какъ-то достигъ принципата всей Галліи, но былъ убитъ за то, что стремился къ царской власти. Сынъ хотѣлъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы достигнуть отцовскаго значенія съ большею безопасностію. Верцингеториксъ начинаетъ дѣло какъ знатный галльскій шляхтичъ, въ челѣ своихъ кліентовъ, но остальные вельможи арвернскіе и вмѣстѣ съ ними родной дядя Верцингеторикса, не хотятъ, чтобы сынъ шелъ по отцовскимъ слѣдамъ и мѣшаютъ ему; его выгоняютъ изъ города Герговіи. Тогда Верцингеториксъ становится вождемъ сбродной дружины, набираетъ себѣ *юмутьбу* по бук-

нигъ величайшую энергію; но къ этой энергіи, по его словамъ, Верцингеториксъ присоединилъ величайшую строгость: жестокими казнями принуждалъ онъ нерѣшительныхъ въ дѣятельности; за важное преступленіе умерщвлялъ огнемъ и всякаго рода муками, за легкую вину обрѣзывать уши или выкалывалъ по одному глазу и изувѣченныхъ такимъ образомъ отсылалъ на мѣста жительства для устрашенія оставшихся. Началась борьба съ римлянами,—борьба послѣдняя, тяжелая для завоевателей. До сихъ поръ гэдун были постоянными союзниками римлянъ; въ ихъ городъ Новіодунъ Цезарь переслалъ галльскихъ заложниковъ, съѣстные припасы, казну, обозъ, множество лошадей, закупленныхъ для войны въ Италіи и Испаніи; теперь гэдун перешли на сторону возставшихъ, подѣлили между собою римскія деньги и лошадей, хлѣбъ, чего не могли увести—сожгли и потопили; повсюду рассылаютъ посольства возбуждать къ возстанію, въ чемъ легко успѣваютъ, потому что въ ихъ рукахъ заложники, взятые Цезаремъ. Гэдун входятъ въ сношеніе съ Верцингеториксомъ и стараются получить гегемонію среди возставшихъ народовъ. Но это дѣло поручается сейму, на который сходятся депутаты всѣхъ галльскихъ народцевъ, исключая троиыхъ. Сеймъ рѣшаетъ, что главное начальство надъ союзнымъ войскомъ должно быть передано Верцингеториксу. Гэдун очень оскорблены и главные изъ ихъ вельможъ, молодые люди Эпоредориксъ и Варидомаръ, неохотно повинуются Верцингеториксу. Послѣдній приказываетъ набрать немедленно 15,000 конницы: „пѣхоты же, — говорилъ онъ, — у меня довольно, я не дамъ сраженія, но, имѣя многочисленную конницу, очень легко будетъ перехватывать у римлянъ продовольствіе, только уничтожайте собственные запасы и жгите зданія, и въ вознагражденіе за эти потери получите постоянное владѣтельство и свободу“. Но когда заказанная конница (мы видѣли, что онъ заказалъ 15,000) явилась, когда Верцингеториксъ увидѣлъ у себя большое войско и узналъ, что Цезарь двигается быстро къ границамъ римской провинціи (Прованса) для ея защиты, то галль позабылъ свою осторожность, и созвавши начальниковъ конницы объявилъ имъ, что необходимо напасть на удаляющихся римлянъ, иначе они возвратятся съ большими силами и не будетъ конца войнѣ. Галлы восторженными криками отвѣчаютъ на предложеніе своего вождя, вступаютъ въ битву съ римлянами и терпятъ страшное пораженіе. Верцингеториксъ запирается въ городъ Алезію (деревня Alise—Sainte-Reigne), Цезарь осаждаетъ его; происходитъ другое конное сраженіе, въ которомъ Цезарь одерживаетъ побѣду, благодаря германцамъ, бывшимъ въ его войскѣ. Послѣ этого пораженія Верцингеториксъ тайно, ночью, отослалъ конницу по домамъ, наказавши уходившимъ всадникамъ, чтобъ каждый старался поднять свой народецъ, уговорить къ поголовному вооруженію, чтобъ спасти его, человѣка, оказавшаго такъ много заслугъ, и вмѣстѣ съ нимъ спасти 80,000 избраннаго галльскаго войска. Изъ этихъ словъ узнаемъ, что съ Верцингеториксомъ въ Алезіи было 80 т. галловъ; силы осаждающихъ считаютъ около 75,000. Всадники,

распущенные по домамъ, исполнили порученіе: галльскіе вельможи собрались и опредѣлили не поголовное вооруженіе, но чтобъ каждый народъ выставилъ извѣстное количество войска: всего составилось 240,000 пѣхоты и 8,000 конницы, которые и явились, подъ начальствомъ четырехъ вождей, къ Алезіи, на выручку Верцингеторикса. Такимъ образомъ, если примемъ эти цифры за достовѣрныя, Цезарѣ долженъ былъ имѣть дѣло съ 320,000 слишкомъ непріятелей. Галлы шли къ Алезіи съ надеждою, что римляне побѣгутъ при первомъ появленіи такой громады; но римляне не ушли, и въ первой же битвѣ галльская громада потерпѣла пораженіе, опять благодаря германцамъ, служившимъ Цезарю. Послѣ второго пораженія пришедшіе на помощь галлы разсѣялись, и Верцингеториксъ принужденъ былъ сдаться. Послѣ этой неудачи общаго возстанія, Цезарь встрѣчалъ только частныя сопротивленія, которыя были сломлены одно за другимъ, и вся Галлія была присоединена къ римскимъ владѣніямъ.

Страна варварская была завоевана цивилизованнымъ народомъ, присоединена, какъ часть, къ огромному цѣлому. Римская цивилизація была перенесена въ Галлію; римское управленіе не хотѣло знать прежняго быта галловъ по народцамъ, прежнихъ отношеній одного народа къ другимъ, самостоятельныхъ народовъ къ народамъ-вѣнцамъ; оно располосовало всю страну по-своему, какъ ему было удобнѣе, устроило правительственные центры въ нѣкоторыхъ старыхъ галльскихъ городахъ, давъ имъ новыя названія, или построивъ для этого новые города; римское управленіе сгладило особенности, существовавшія между частями народонаселенія, прикрыло его одною форменною одеждою. Галльская шляхта заговорила по-латыни, завела у себя школы, нѣкоторые изъ знатной шляхты попали въ римскій сенатъ. Но при этомъ для насъ важно знать, какія перемѣны римское господство произвело въ экономическомъ бытѣ страны, перемѣны въ распредѣленіи богатствъ, отчего зависѣли отношенія между членами народнаго тѣла и отношеніе ихъ къ государству. Получая съ отдаленнаго Востока дорогія произведенія природы, служащія роскоши нашей пищи и одежды, нашей бытовой обстановки, мы составили себѣ понятіе о богатствѣ Востока; но внимательное изученіе Востока заставляетъ видѣть здѣсь предрасудокъ, заставляетъ замѣнить выраженіе: „богатство Востока“—выраженіемъ „бѣдность Востока“. То же самое надобно допустить и относительно благосостоянія, богатства древнихъ, остатки быта которыхъ поражаютъ насъ своею художественностію и величіемъ; но освободимся отъ перваго впечатлѣнія, изучимъ подробности, и откроется другая сторона быта, откроется бѣдность его. Римъ и въ варварскія страны, ему подчинившіяся, перенесъ потребности своего государственнаго быта, своей цивилизаціи. Города, служившіе правительственными центрами, были видѣе прежнихъ галльскихъ городовъ, явились цирки, храмы, водопроводы, дороги. Но эта великолѣпная обстановка скрывала за собою большую бѣдность, сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ,

тяжесть податей, отъ которыхъ бѣгутъ горожане, правители городскіе, и стремленіе правительства закрѣпить ихъ, мечзновеніе свободнаго сельскаго населенія, усиленіе закладничества, холопства, рабства въ громаднѣхъ размѣрахъ. Всѣ эти явленія намъ очень знакомы: мы ихъ встрѣчаемъ въ древней до-петровской Руси и по нимъ, какъ самымъ вѣрнымъ признакамъ, заключаемъ о крайней бѣдности страны, о крайней экономической неразвитости; встрѣчая ихъ въ римской имперіи, дѣлаемъ тотъ же выводъ: видны одинакія явленія въ молодомъ, неокрѣпшемъ тѣлѣ, но имѣющемъ развиваться и крѣпнуть, и въ тѣлѣ дряхлаго человѣка, имѣющемъ разложиться, выдѣлать изъ себя новыя тѣла, которыя начнутъ жить при той же обстановкѣ экономического быта, но при новыхъ условіяхъ развитія, которыя мало-по-малу поведутъ къ измѣненіямъ въ экономическомъ бытѣ. Римская имперія составилаcя путемъ завоеванія, и здѣсь уже одна изъ главныхъ причинъ ея дряхлости, бѣдности, ибо завоеваніе предполагало опустошеніе, порабощеніе, изсякновеніе источниковъ богатства, остановку правильнаго обращенія послѣдняго, приливъ его къ нѣкоторымъ только частямъ тѣла, отсюда болѣзнь и параличъ. Вспомнимъ, что сдѣлали завоевательные римскіе легіоны въ Греціи, Азій, Африкѣ, Галліи, повсюду, гдѣ проходили; вспомнимъ, какъ была опустошена, вслѣдствіе усобицъ, сама Италия, и мы узнаемъ, какую бѣдность получила римская имперія въ наслѣдство отъ уничтоженной ею республики. И въ этомъ-то бѣдномъ, малонаселенномъ государствѣ главная и нудящая потребность состояла въ содержаніи большого войска для защиты границъ, растянутыхъ на обширнѣйшихъ пространствахъ и для внутренней защиты правительства; трудно было содержать войско, трудно было набирать его: въ высшемъ слѣдствіи отвращеніе отъ опасной и тяжелой службы, развратъ, и отсюда слабость физическая и нравственная, безплодіе браковъ и отвращеніе къ нимъ; въ низшихъ—рабство, и среди свободныхъ — то же расслабленіе и холодность къ гражданскимъ интересамъ.

Въ составъ такой-то имперіи должна была войти Галлія, послѣдующая судьба которой особенно важна для насъ, ибо состояніе ея во время завоеванія намъ болѣе извѣстно, чѣмъ состояніе какой либо другой римской провинціи. Народонаселеніе Галліи, если бы и было значительно до завоеванія, то сильно поубавилось отъ истребительной войны. Не говоря уже о потеряхъ во время битвъ, когда изъ 60,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, оставалось только 500 человѣкъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что какой нибудь народъ истребилъ самъ всѣхъ своихъ сенаторовъ, или раздраженный сопротивленіемъ побѣдитель продалъ въ рабство 53,000 человѣкъ; венецы потеряли на войнѣ всю свою молодежь, всѣхъ главныхъ гражданъ, остальные сдались побѣдителю, но Цезарь предалъ смерти сенаторовъ, а остальныхъ жителей продалъ въ рабство. По увѣщанію Верцингеторикса галлы сами истребляли свои городки. Такимъ образомъ, Галлія досталась Риму въ видѣ страны опустошенной, для восстановленія и преуспѣянія которой надобны были

продолжительныя благопріятныя обстоятельства. Но объ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя было мечтать при римскомъ управленіи. Напрасно галлы жаловались императору Августу на неслыханные грабежи его прокуратора Лицинія, который былъ самъ галль родомъ. Нѣкоторымъ галльскимъ народцамъ позволено было остаться независимыми въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, т. е. при томъ извѣстномъ намъ бытѣ, который не представлялъ условій благосостоянія или движенія къ нему. При Тиберіѣ дѣла пошли еще хуже чѣмъ при Августѣ, ибо подати увеличились, мытари (publicani) свирѣпствовали. Галлы не вытерпѣли и возстали; но возстаніе не имѣло успѣха; оба предводителя возстанія, галлы, но уже съ латинскими именами, лишили сами себя жизни. Скоро въ Ліонѣ увидали Калигулу, занимавшагося казнію лучшихъ галловъ и конфискаціею ихъ имущества; оставшіеся въ живыхъ должны были покупать огромною цѣною конфискованныя имущества; такимъ образомъ, Римская имперія принесла новое средство собиранія громадной земельной собственности въ однихъ рукахъ. Деньги шли на публичныя зрѣлища въ Ліонѣ и на раздачу войску. Однажды Калигула игралъ въ кости съ своими, проигралъ и потребовалъ списокъ богатѣйшихъ галловъ; отмѣтивъ извѣстное число ихъ на смертную казнь, онъ возвратился къ играющимъ съ словами: „Вы съ большимъ трудомъ выигрываете по нѣсколько драхмъ, а я вдругъ выигралъ 150 милліоновъ!“ Подвиги Калигулы окончились аукціономъ, на которомъ онъ продавалъ собственныя вещи, и нѣкоторые галлы должны были разораться, если хотѣли избѣжать смерти; а послѣ аукціона было состязаніе литераторовъ латинскихъ и греческихъ, причемъ авторы дурныхъ сочиненій должны были въ наказаніе вылизывать ихъ языкомъ, если не хотѣли быть высѣченными. Галльскіе вельможи, оставшіеся въ живыхъ послѣ Калигулы, были польщены при императорѣ Клавдіѣ правомъ достигать сенаторскаго достоинства и другихъ главныхъ сановъ въ Римѣ; но за то въ Галліи императорскіе прокураторы, занимавшіеся прежде только сборомъ податей и бывшіе обыкновенно изъ вольноотпущенныхъ, получили значеніе судей. Имперія отъ старости впадала въ младенчество, и вмѣсто раздѣленія должностей стремилась къ соединенію.

Изъ двухъ классовъ народонаселенія, господствовавшихъ въ Галліи до завоеванія, шляхты и друидовъ, первый, хотя значительно истребленный войною и казнями императорскими, остался однако на верху, и даже сильнѣйшіе, богатѣйшіе его члены приобрѣли новый почетъ и могли еще болѣе увеличить свою земельную собственность. Но друиды подверглись сильному гоненію, потому что Римъ охотно бралъ чужіе божества въ свой Пантеонъ, но не позволялъ подвластнымъ народамъ имѣть исключительно принадлежащую ему религію, что служило основаніемъ его отдѣльной народности. Во время римской смуты, когда одинъ императоръ смѣнялъ другого, Галлія подыалась съ одной стороны подъ друидскимъ, съ другой—подъ ~~христіанскимъ~~ знаменемъ. Галльскіе депутаты собрались въ Реймсѣ (R) и раздѣлились на двѣ

партію—партію римскихъ приверженцевъ и партію приверженцевъ независимости. Галлы въ немногихъ строкахъ вводятъ насъ въ это сообщеніе галловъ и обнаруживаетъ предъ нами всю невозможность для Галліи независимаго существованія. Начинаетъ рѣчь добрый за свое краснорѣчіе депутатъ тренировъ, злой заводчикъ войны. Въ обдуманной рѣчи онъ клянется все, что обыкновенно говорится противъ быта большаго государства, клянется на римскій народъ клеветы и ненависти: и этотъ ненавистникъ римскаго народа носилъ римское имя Туллія Валентинъ. Ему отвѣчалъ знатный галлъ изъ народа ремовъ—Юлій Аусевсъ, представилъ силу римскую и благодѣянія ира: „война начинается людьми худыми, а ведется съ опасностію для лучшихъ; римскіе легіоны уже надъ головою“. Аусевсъ сдержалъ благородныхъ уваженіемъ и вѣрностію, младшихъ опасностію и страхомъ. Хвалили силъ Валентина, но слѣдовали совѣтамъ Аусевса. Большую часть отклонило отъ войны соперничество провинцій: кто будетъ управлять военными дѣйствіями? Если дѣло удастся, гдѣ будетъ пребываніе правительства? Еще не было побѣды, а уже былъ раздоръ. Каждый предъявлялъ свои права и никто не хотѣлъ уступить другому. Затруднительность будущаго заставляла предпочесть настоящее. Только нѣсколько белгійскихъ народцевъ рѣшились на борьбу и дорого заплатили за свою отвагу; это было послѣднее галльское возстаніе.

Всѣ люди разумные, говорили Цицеронъ, смотрѣли на Галлію какъ на самаго страннаго врага для Рима. Теперь этого врага не было болѣе; странная Галлія сповоино подчинилась римскому владычеству. романизуясь все болѣе и болѣе. Но опасность для Рима не прошла, а усилилась; у воротъ имперіи, на Рейнѣ и Дунаѣ стояли толпы другихъ варваровъ, дожидаясь своего времени; на Рейнѣ и Дунаѣ стояли варвары, которымъ суждено было произвести вторичное завоеваніе Рима посредствомъ его же войска, его же полководцевъ. Мы уже говорили о первомъ завоеваніи Рима его войскомъ, его полководцемъ: это произошло во времена Цезаря и Октавія Августа, послѣ кровопролитныхъ усобицъ между нѣсколькими полководцами-соперниками. Болѣе счастливый изъ нихъ сдѣлался повелителемъ Рима, оставивъ всѣ прежнія формы республиканскаго быта. Мы уже видѣли, что императорская власть въ Римѣ не была похожа на монархію старыхъ и новыхъ народовъ, монархію народную; римское императорство было тираниею, военнымъ деспотизмомъ. Въ императорскомъ Римѣ мы не видимъ династическаго начала. Республиканское начало избранія не теряло своей силы; но кто же могъ избирать императора? Разумѣется та сила, которая была на лицо, которая заслонила собою всѣ другія силы, именно войско, которому необходимъ былъ вождь, императоръ, верховная власть была завоевана войскомъ для своего вождя, войско и должно было располагать своею добычею; въ очень рѣдкихъ только случаяхъ возможность подать свой голосъ при избраніи императора получалъ сенатъ, но сенатскій избранникъ обыкновенно не долго сохранялъ свою власть и свою жизнь. Но какъ могло войско, располо-

женное по отдаленнымъ краямъ имперіи, избирать императора? Разумѣется избирала, провозглашала новаго императора та часть войска, которая была ближе къ пребыванію верховной власти, такъ называемые преторіанцы; но другіе легіоны не хотѣли уступить этой чести и выгоды преторіанцамъ, провозглашали своего вождя императоромъ; легіоны, расположенные въ противоположномъ краю, провозглашали своего, являлось нѣсколько императоровъ, начиналась усобица; побѣда рѣшалась, кому изъ вождей-соперниковъ владѣть Римомъ, и это было совершенно послѣдовательно, ибо то же самое мы видимъ въ началѣ имперіи: какимъ путемъ достигали верховной власти, Цезарь и Октавій-Августъ, такимъ же должны были достигать ее и преемники ихъ; гражданскаго, народнаго, историческаго корня у этой власти не было, она постоянно являлась слѣдствіемъ завоеванія.

Войско давно уже потеряло гражданскій характеръ; народнаго, по самой натурѣ римскаго государства, оно никогда не имѣло; давно уже оно превратилось въ дружину, знавшую только своего вождя и своихъ орловъ. Извѣстный поступокъ преторіанцевъ, когда они продавали императорство съ аукціона и отдали его тому, кто далъ имъ денегъ больше другихъ, всего лучше характеризуетъ римское войско времени имперіи: такое явленіе немислимо тамъ, гдѣ войско сохраняетъ хотя какія нибудь связи съ народомъ и государствомъ, и очень понятно тамъ, гдѣ оно составляло совершенно отдѣльную отъ общей жизни массу; вдвинувшуюся посредствомъ насилій, завоеванія. Сначала войско составлялось изъ народонаселенія, ближайшаго къ Риму, итальянскаго; потомъ, съ оскуднѣніемъ Италиі свободными жителями, набиралось изъ другихъ народовъ, болѣе или менѣе ороманившихся; наконецъ, съ постепеннымъ оскуднѣніемъ жителями областей имперіи, стало набираться изъ варваровъ, сперва въ смѣшеніи, а потомъ сплошными массами, принадлежащими къ одному народу или къ разнымъ. Чтобъ понять явленія, происходившія въ Европѣ предъ такъ-называемымъ паденіемъ Рима, не надобно забывать, что Римъ палъ, бывъ завоеванъ Силлами, Цезарями, Октавіями, бывъ завоеванъ ихъ легіонами, ихъ войскомъ, которое и располагало судьбами имперіи; не надобно забывать, что варвары, входившіе постепенно въ области имперіи, входили какъ войско имперіи, провозглашали и свергали императоровъ, какъ то дѣлало и прежде войско, вели усобицы, опустошали страны, наконецъ, отнимали часть земель, но все это дѣлалось и прежде, съ тяжелой руки Силлы. Намъ нужно только указать постепенное движеніе варварскаго народонаселенія въ видѣ войска. Но войско въ западной части имперіи преимущественно составлялось изъ германцевъ, и потому мы должны дѣлать наблюденія надъ этимъ племенемъ.

Мы уже говорили, что принявъ въ соображеніе естественные законы въ народныхъ движеніяхъ, стремленіе занять лучшія страны, должно признать германцевъ самыми поздними насельниками Европы изъ арійцевъ. Найдя южные полуострова, западъ Европы и страны придунайскія уже занятые другими арійцами, германцы должны были

принять движеніе къ сѣверо-западу и занять Скандинавію, откуда, вытѣсняемые нуждою, должны были перейти на южный берегъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, занять нынѣшнюю сѣверную Германію. Кромѣ естественнаго желанія народа, приведеннаго въ движеніе, народа съ возбужденными силами, продолжать движеніе, искать новыхъ лучшихъ странъ, Скандинавія не могла перестать высылать лишекъ своего народонаселенія, новые выходы тѣснили прежде поселившихся въ нынѣшней сѣверной Германіи и заставляли ихъ двигаться къ югу и юго-западу на поиски новыхъ земель. У германскихъ племенъ, какъ видно изъ словъ Юрнанда, сохранялось преданіе о Скандинавіи, какъ о фабрикѣ народовъ (*officina gentium*). Авангардъ германцевъ, кимвры и тевтоны, наведшіе такой ужасъ на Римъ, прямо объявляли, что ищутъ земель для поселенія. Марій жестоко насмѣялся надъ ними, сказавши, что далъ имъ земли — для погребенія ихъ мервыхъ тѣлъ. Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Германцы не переставали требовать земель и захватывать ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Цезарь долженъ былъ биться съ ними изъ за Галліи. Онъ отбилъ ее у нихъ, но только до времени; побѣдитель долженъ былъ сдѣлать печальное признаніе о необыкновенной храбрости этихъ варваровъ; въ его же извѣстіяхъ о галльской войнѣ читаемъ, что въ рѣшительныя минуты онъ былъ обязанъ побѣдою надъ галлами мужеству германцевъ, находившихся въ его войскѣ. Изъ наблюденій надъ историческою жизнію народовъ мы вывели, что три главныя условія опредѣляютъ судьбу народовъ: природа страны, гдѣ живетъ народъ, происхожденіе или племя и воспитаніе или первоначальная исторія народа. Всѣ эти три условія были благоприятны для германскаго племени; поздній приходъ его въ Европу и необходимость занять суровыя и скудныя страны ея сѣвера, содѣйствовали развитію въ этомъ племени силы и энергіи; развитіе означенныхъ качествъ пошло еще быстрѣе, когда значительная часть племени должна была искать новыхъ жилищъ, должна была предпринять долгое и опасное странствованіе, долгій и трудный подвигъ. Германцы не могли, подобно галламъ, скоро и легко занять обширную и богатую страну; первыя движенія ихъ кончились несчастно; кимвры и тевтоны потерпѣли истребительныя пораженія отъ Марія; попытки Аріовиста захватить земли въ Галліи были уничтожены Цезаремъ; германцы встрѣтили въ римлянахъ страшныхъ враговъ, которые превосходили ихъ воинскимъ искусствомъ, которые сначала не давали имъ покоя въ ихъ собственной странѣ; нужно было обороняться; при наступившемъ движеніи нужно было сначала двигаться чрезвычайно медленно, каждый шагъ впередъ дѣлать съ большимъ усиленіемъ, покупать успѣхъ дорогою цѣною. Такимъ образомъ, германцы должны были пройти долгую и трудную школу, благодаря которой они воспитали въ себѣ выдержливость и приобрѣли всѣ качества отличнаго войска, въ видѣ котораго они сначала и вошли въ составъ оскудѣвшей войскомъ римской имперіи; легкость успѣха портить человѣка и народъ, только трудность его развиваетъ

силы и даетъ хорошее воспитаніе человѣку и народу. „Пусть нападутъ на меня,—отвѣчалъ Аріовистъ Цезарю на его угрозы: пусть нападутъ, и тогда узнаютъ храбрость народа, который въ продолженіе четырнадцати лѣтъ ни разу не входилъ подъ крышу дома“. Здѣсь выразилось сознаніе подвига, ибо германцы не были кочевниками, непонимавшими пріятности имѣть домъ; они очень хорошо понимали эту пріятность, и достиженіе ея, полученіе хорошей земли для оскѣдлости, поставили цѣлью своего труднаго подвига. Тацитъ такъ отзывался о Германіи: „Кто, оставивъ Азію, Африку или Италію, захочетъ пойти въ Германію, безобразную почвою, суровую климатомъ, печальную обработкою и видомъ, развѣ кому она будетъ отечествомъ?“ Но дѣло въ томъ, что для германцевъ эта страна не была отечествомъ, а только перепутьемъ; чѣмъ суровѣе и печальнѣе была страна, тѣмъ сильнѣе было въ ея жителяхъ стремленіе, какъ можно скорѣе покинуть ее, а препятствія, при этомъ встрѣчаемыя, еще болѣе усиливали стремленіе. Надобно съ большою осторожностью дѣлать выводы о характеристическихъ чертахъ племени и народовъ, ибо часто то, что считается прирожденнымъ отличіемъ, является случайностію, происходящею отъ извѣстнаго положенія народа или племени. Такъ, на примѣръ, разсуждаютъ, что галльскіе народы отличали другъ друга именами, заимствованными отъ видимой природы: это или горцы, или жители равнины или поморы; тогда какъ германскіе народы заимствовали свои названія отъ отвлеченныхъ раздѣловъ неба и назывались людьми Востока, Запада, Сѣвера, Юга. Но не надобно забывать, что галлы давно уже жили въ извѣстной странѣ, не хотѣли ее покидать и потому они усвоивали себѣ названія по мѣстностямъ, тогда какъ германцевъ исторія застаётъ въ движеніи, на поискъ земель, гдѣ бы поселиться; стоить только вспомнить, на примѣръ, судьбу остъ-и вестъ-готовъ: спрашивается, отъ какой мѣстности они могли назвать себя, когда они постоянно двигались, перемѣняли мѣсто жительства? Нельзя народу называться поморянами, когда онъ то уйдетъ въ горы, то выйдетъ на равнину, далекую отъ моря.

Что касается частностей быта, то бытъ германцевъ сходенъ съ бытомъ родственныхъ имъ арійскихъ племенъ въ Европѣ, которыхъ исторія знала еще въ варварствѣ, какъ племени кельтическаго, такъ и славянскаго; но здѣсь не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что германцы были относительно недавніе пришельцы въ своей странѣ и въ постоянно воинственномъ движеніи стремились покинуть ее, что бытъ ихъ, какъ онъ намъ извѣстенъ по римскимъ описаніямъ, болѣе сходенъ съ бытомъ галловъ, когда послѣдніе, по словамъ Цезаря, были также храбры, какъ германцы, т.-е., пока они еще не успокоились въ странѣ, устремлялись изъ нея воинственными массами и наводили ужасъ на сосѣдей. Галлы временъ Цезаря имѣли уже города, хотя и въ значеніи только укрѣпленныхъ мѣстностей на случай непріятельскаго нападенія; но присутствіе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ знакъ желанія защищать извѣстную страну, какъ *свою* страну,

удержаться въ ней, равно какъ появленіе отдѣльной земельной собственности свидѣтельствуетъ, что народъ обжился въ извѣстной странѣ, сросся съ нею, не хочетъ съ нею разстаться. Германцы не жили въ городахъ, и не терпѣли жить вмѣстѣ, жили разбросанно и розно, гдѣ поврвится источникъ, поле, роща. Обрабатываемая земля находилась въ общемъ владѣніи, и Тацитъ замѣтилъ, что этому благоприятствовала обширность пространства; земли было много, она не имѣла цѣны, на ея обработку, находившуюся въ грубомъ состояніи, не тратилось много труда и капитала, и потому земля не многимъ въ этомъ отношеніи отличалась отъ лѣса и луга, ибо недвижимая отдѣльная собственность начинается съ дома и земли, находящейся около него, что французскіе крестьяне до сихъ поръ называютъ *наследствомъ* по преимуществу (*l'héritage*), затѣмъ слѣдуетъ пашенная земля, далѣе лугъ и лѣсъ.

Политическое устройство германцевъ представлялось Тациту также не вполне ясно, какъ политическое устройство галловъ представлялось Цезарю. „Царей берутъ себѣ германцы по благородству происхожденія, вождей — по храбрости (*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*). Цари не самовластны и вожди сильны болѣе примѣромъ, чѣмъ властію, если дѣятельны, видны, сражаются впереди всѣхъ“. Но въ другихъ мѣстахъ разсказа авторъ подлѣ слова: царь (*rex*) употребляетъ другое слово: начальнйй человѣкъ (*princeps*): „О дѣлахъ меньшей важности совѣщаются начальныя люди (*principes*), о важнѣйшихъ всѣ. На общемъ совѣщаніи выслушивается царь, или начальнйй человѣкъ, или кто-нибудь другой, видный своею маститостію, благородствомъ, воинскими доблестями, краснорѣчіемъ; дѣйствуетъ болѣе сила убѣжденія, чѣмъ власти. Въ тѣхъ же собраніяхъ избираются начальныя люди (*principes*) для суда, каждаго изъ такихъ судей сопровождаютъ сто человѣкъ изъ народа“. Можно было бы успокоиться на этомъ указаніи значенія начальныхъ людей (*principes*), еслибы въ слѣдующей же главѣ не встрѣчалось слово: „И отроки могутъ получить значеніе начальныхъ людей по особенному благородству или великимъ заслугамъ предковъ“. Затѣмъ слѣдуетъ знаменитое мѣсто о дружинѣ (*comites, comitatus*), какъ воинственная толпа сосредоточивается около богатыря, знаменитаго своими подвигами, и этотъ глава дружины называется начальнымъ человѣкомъ (*princeps*).

Изъ свода этихъ извѣстій оказывается, что воинственное движеніе у германцевъ, какъ и у галловъ, выдвинуло и продолжало выдвигать изъ народной массы людей храбрѣйшихъ, богатырей (*robustiores*), около которыхъ сосредоточивались воинственныя толпы, дружины. Быть въ дружинѣ богатыря не считалось постыднымъ; мѣсто, какое занималъ членъ дружины, опредѣлялось по волѣ вождя дружины, и между дружинниками было сильное соревнованіе, кому занимать первое мѣсто у своего начальника, а между начальными людьми (*principes*) сильное соперничество, у кого многочисленнѣе и храбрѣе дружина. Постоянное окруженіе большою толпою избранныхъ юношей давало достоинство и

силу, въ мирѣ составляло украшеніе, на войнѣ охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносились дары. Во время битвы постыдно вождю (*principi*) уступить дружинѣ въ храбрости, постыдно дружинѣ не сравняться въ храбрости съ вождемъ. Безчестно на всю жизнь остаться послѣ битвы живымъ, когда вождь polegъ на мѣстѣ. Вожди бьются изъ-за побѣды, дружинники за вождя. Если народъ воспѣетъ въ долгомъ мирѣ и праздности, то многіе изъ благородныхъ юношей уходятъ къ тѣмъ народамъ, которые ведутъ войну, ибо спокойствіе невыгодно: возможность содержать дружину доставляется войною, грабежомъ.

Эти-то храбрецы, собирающіе около себя дружины подобныхъ себѣ храбрецовъ, и являются начальными людьми (*principes*), они-то и вожди частныхъ предпріятій; храбрѣйшій изъ нихъ избирается вождемъ и для общаго предпріятія, задуманнаго цѣлымъ народомъ (*duces ex vertute*). Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь, значеніе счастливаго вождя, окруженнаго многочисленною и храброю дружиною, давало ему возможность усилить свою власть, сдѣлаться царемъ (*rex*). Счастіе давало ему значеніе, несчастіе лишало его царскаго достоинства: Марободъ, царь маркомановъ, послѣ пораженія отъ Арминна былъ изгнанъ своимъ народомъ. Арминнъ, побѣдитель римлянъ и Маробода, былъ убитъ своими за то, что хотѣлъ сдѣлаться царемъ. Но нѣкоторымъ удалось удержать за собою царское достоинство и поднимать своихъ дѣтей, свое потомство такъ высоко, что народы продолжали брать изъ него себѣ царей (*reges ex nobilitate sumunt*). Такимъ образомъ, между германскими народами у однихъ былъ царь, человекъ, поднимавшійся выше всѣхъ своею властію, хотя и ограниченою народнымъ собраніемъ; у другихъ не было царя, но было нѣсколько выдававшихся своею храбростію и знаменитыми предками людей, окруженныхъ болѣе или менѣе многочисленными дружинами, — то были начальные люди (*principes*). Тацитъ ясно различаетъ въ этомъ отношеніи германскіе народы и даетъ знать, что сила царской власти выказывалась довольно замѣтно въ одномъ случаѣ; говоря о вольноотпущенныхъ (*libertini*), Тацитъ замѣчаетъ: вольноотпущенные стоятъ немного выше рабовъ; рѣдко имѣютъ значеніе въ домѣ, никогда въ обществѣ, исключая только тѣ народы, которые управляются царями: тутъ они возвышаются и надъ свободными и надъ благородными; у остальныхъ народовъ ничтожность значенія вольноотпущенныхъ служитъ доказательствомъ свободы. Изъ этихъ словъ Тацита видно, что хотя власть германскихъ царей и была ограничена, однако была довольно значительна, когда ихъ вольноотпущенники могли подниматься даже выше благородныхъ.

Когда не было войны, германцы проводили время въ охотѣ, но болѣе въ праздности, ѣдѣ и снѣ. Самый храбрый и воинственный ничего не дѣлалъ, возложивши хозяйственныя заботы на женщинъ, ста-

риковъ и самаго безсильнаго въ семействѣ. У народа обычай приносить начальнымъ людямъ подарки, которыми тѣ и живутъ, особенно пользуются дарами сосѣднихъ народовъ: посылаются отборныя лошади, оружіе, деньги. Кромѣ этихъ даровъ продовольствіе доставлялось рабскимъ трудомъ. Простота быта условливала различіе въ бытѣ германскихъ рабовъ отъ быта рабовъ римскихъ. Для домашнихъ работъ, при ихъ немногосложности, рабъ былъ не нуженъ германцу; эти работы исполнялись женами и дѣтьми; германскій рабъ жилъ своимъ домою, имѣлъ свою семью и обязанъ былъ только доставить господину известное количество необходимыхъ для послѣдняго вещей, хлѣба, скота, платья. Поэтому германцы рѣдко употребляли противъ своихъ рабовъ бичи и оковы; случалось господину убивать раба въ сердцахъ, какъ врага, а не въ наказаніе за проступокъ и не изъ жестокости; убійство это оставалось безнаказаннымъ. Другое положеніе рабовъ было у цивилизованныхъ римлянъ; здѣсь рабъ не имѣлъ ни семейства, ни собственности, былъ рабочею силою, отъ которой господинъ хотѣлъ получить какъ можно больше выгоды; надъ стадомъ рабовъ былъ представленъ надсмотрщикъ, котораго безопасность и выгода состояли въ томъ, чтобъ представить господину наибольшіе результаты рабскаго труда; не имѣя ни малѣйшей выгоды для себя отъ труда, рабъ могъ быть принуждаемъ къ нему только страхомъ наказанія, физическихъ страданій и лишеній, а потому принудительныя средства въ работѣ были въ страшныхъ размѣрахъ, а страхъ предъ бѣгствомъ и возстаніемъ рабовъ увеличивалъ жестокость обращенія съ ними. Кромѣ простоты быта, уничтожающей разстояніе между господиномъ и рабомъ, уничтожающей презрѣніе перваго къ послѣднему, какъ существу низшаго разряда, на судьбу раба имѣлъ вліяніе способъ его приобрѣтенія: варвары, каковыми были германцы, не могли приобрѣтать рабовъ куплею, по причинѣ бѣдности своей; покупка необходимо унижала купленнаго раба до значенія вещи; господинъ, потратившій деньги на приобрѣтеніе раба, естественно имѣлъ въ виду одно, чтобы получить хорошій процентъ съ употребленнаго капитала, тогда какъ варваръ приобрѣталъ раба преимущественно на войнѣ: это былъ непріятель, захваченный въ плѣнъ хитростію или одолѣніемъ, часто послѣ долгой борьбы; храбрый, хотя и побѣжденный, не могъ возбуждать презрѣнія въ храбромъ, а корыстнаго разсчета не было; кромѣ того нельзя отвергать, чтобы у германцевъ, какъ у галловъ, не было добровольныхъ холопей.

Говорятъ о родовомъ бытѣ у германцевъ и приводятъ указанія на него, встрѣчающіяся у Цезаря и Тацита. Цезарь говоритъ о ежегодномъ дѣленіи земель по родамъ (*gentibus*); онъ же говоритъ, что во время боя германцы становились по родамъ (*generatim*); Тацитъ подтверждаетъ это показаніе. Этихъ указаній отвергнуть нельзя, какъ никогда и нигдѣ нельзя отвергать силу кровной связи, стремленія родичей жить и дѣйствовать вмѣстѣ; но для насъ важно то, какое значеніе имѣлъ этотъ союзъ въ общей жизни народной, имѣлъ ли

Отдѣльное самоуправленіе, какъ оно устроивалось и какое значеніе имѣли родоначальники. Другое дѣло, когда говорится, что въ извѣстномъ племени каждый жилъ отдѣльно съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ и владѣлъ родомъ своимъ; другое дѣло, когда по простествіи многихъ вѣковъ по основаніи государства мы должны встрѣтиться съ родовыми отношеніями и между владѣльцами страны, и между знатью, и между простыми людьми, гдѣ никто не былъ мыслимъ безъ рода, безъ братьевъ и племянниковъ; другое дѣло, если государство основано въ IX-мъ вѣкѣ, а въ XVIII-мъ совершеннолѣтній членъ рода находится еще въ зависимости отъ старшихъ, долженъ принять то или другое мѣсто въ государственной службѣ по ихъ рѣшенію: въ исторіи такой страны мы, разумѣется, должны обращать большое вниманіе на родовой бытъ, изучать обстоятельства, которыя условили такое долгое существованіе его въ разныхъ сферахъ. Но у германцевъ въ описываемое время находимъ ли мы такія явленія, которыя дали бы намъ право дѣлать рѣшительные выводы на счетъ родового быта? Мы не можемъ не предположить значенія кровной связи между германцами, значенія ея какъ обязанности и средства взаимной защиты какъ на войнѣ внѣшней, такъ и во всѣхъ столкновеніяхъ внутреннихъ; не можемъ не предположить, если бы даже и не имѣли ясныхъ свидѣтельствъ; но на дальнѣйшія предположенія мы не имѣемъ права, ибо извѣстія объ избраніи царей, о происхожденіи вождей и начальныхъ людей, о происхожденіи ихъ окруженія или дружины, объ избраніи судей, о характерѣ вѣча, — всѣ эти извѣстія не содержатъ въ себѣ и полунамекъ на вліяніе родовыхъ отношеній. Тацитъ, указывая на крѣпость родственной связи, спѣшитъ однако замѣтить, что наследниками каждаго были его собственные дѣти, а при отсутствіи дѣтей, ближайшіе родственники. Изъ всего извѣстнаго намъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, среди котораго происходитъ сильное движеніе физическое, съ народомъ, который остановился на перепутьи, причѣмъ происходитъ сильная выработка дружиннаго начала; дружина даетъ движенію воинственный характеръ, воспитываетъ цѣлые народы воиновъ, снабжаетъ имперію войскомъ, даетъ ея истощеннымъ областямъ воинственное, сильное народонаселеніе, въ которомъ онѣ именно нуждались, и тѣмъ восстанавливаетъ потухавшую подъ властію Рима жизнь западной Европы.

Такимъ образомъ, развитіе дружиннаго начала среди германскихъ народовъ на первомъ планѣ для историка. Всякій пойметъ, что это явленіе не есть принадлежность германской народности. Галлы, когда были также храбры какъ германцы, по выраженію Цезаря, т.-е., когда были въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ исторія застала германцевъ, точно также выставили дружину, т.-е., выдѣлили изъ народной массы богатырей, окруженныхъ толпою подобныхъ храбрецовъ. Эти богатыри и потомство ихъ точно также образовали начальныхъ людей (*principes*); менѣе выдававшіеся подвигами, благородствомъ и богатствомъ воины носятъ у Цезаря, какъ мы видѣли, названіе всадниковъ (*equites*), и

наконецъ толпа, неизмѣющая политическаго значенія, которое все въ рукахъ всадниковъ и жрецовъ (друидовъ); въ Тацитовомъ описаніи Германіи мы не находили указанія на эту толпу, не имѣющую никакого вліянія на общественныя дѣла; воинственное движеніе, обхватившее въ это время все племя или, по крайней мѣрѣ, тѣ части его, которыя были ближе къ римскимъ границамъ и особенно выдавались въ борьбѣ, это воинственное движеніе уравнивало всѣхъ способныхъ носить оружіе, тѣмъ болѣе что простота быта, отсутствіе отдѣльной поземельной собственности также благопріятствовали этому уравниванію. Но въ послѣдствіи и между германцами явилось тройное раздѣленіе на благородныхъ, свободныхъ и меньшихъ людей (аделинговъ, фрилинговъ и литовъ—*minoregsona*), что соотвѣтствуетъ галльскимъ начальнымъ людямъ, всадникамъ и меньшимъ людямъ, безучастной въ дѣлахъ толпѣ. Намъ важно это тождество явленій, ибо оно указываетъ намъ на необходимость извѣстнаго хода развитія при извѣстныхъ условіяхъ; намъ важно наблюдать и отмѣтить эти явленія и условія, при которыхъ онѣ послѣдовали, чтобы слѣдить за дальнѣйшими явленіями жизни европейскихъ народовъ. Тождественность явленій у варваровъ различныхъ племенъ заставляетъ насъ осторожно относиться къ племеннымъ и народнымъ различіямъ, тѣмъ болѣе, что въ младенцѣ трудно уловить черты, которыя будутъ характеризовать взрослого человѣка, выражающаго въ своемъ нравственномъ образѣ все многообразіе условій, имѣвшихъ вліяніе на окончательное опредѣленіе этого образа. Пока достаточно того, что имѣемъ дѣло съ племенами, способными къ развитію, получившими сначала хорошее воспитаніе, развившими свои силы въ продолжительномъ и многотрудномъ подвигѣ, и потому представившими уже въ колыбели, въ варварскомъ бытѣ развитіе, расчлененіе, которое при дальнѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ поведетъ къ сильному развитію народной жизни. Это развитіе, расчлененіе произошло именно благодаря силѣ дружиннаго начала, благодаря этому сильному упражненію юнаго народнаго тѣла, сильной гимнастикѣ, вызвавшей изъ народа лучшихъ людей, самостоятельныхъ въ сознаніи своей силы и доблести, могущественныхъ вслѣдствіе того, что около нихъ сосредоточены другія силы, притянутыя къ нимъ ихъ личными достоинствами, личными подвигами. Такихъ силъ много и каждая сила обязана считаться съ другими силами: такого рода отношенія могущественно содѣйствовали развитію тѣхъ формъ народной жизни, которыя характеризуютъ новую европейскую исторію.

Истощенныя области имперіи получаютъ свѣжее варварское народонаселеніе. Императоры, послѣ побѣдъ своихъ надъ варварами, селятъ побѣжденныхъ на пустыяхъ пространствахъ въ имперіи, въ видѣ земледѣльцевъ, крѣпкихъ землѣ (колоновъ); императоры хвалятся, что варвары засѣваютъ и обрабатываютъ земли для римлянъ, германскіе быки возятъ плугъ по галльскимъ землямъ и римскія житницы наполняются хлѣбомъ варваровъ. Но варвары могли кормить римлянъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ римляне составляли вооруженную силу, а

варвары представляли мирный безоружный народъ. Выходило наоборотъ. У римлянъ некъмъ было пополнять легионовъ, и они обратились къ варварамъ. Мы видимъ, что Цезарь побѣждалъ галловъ съ помощію германцевъ; германцы участвовали и въ Фарсальской битвѣ, отнявшей у Рима свободу. Надобность въ войскѣ заставила приглашать свободныхъ варваровъ и давать имъ земли съ обязанностію нести военную службу; такіе варвары назывались лѣтами. Но въ то же время римское войско наполняется варварскими богатырями, вожди которыхъ начинаютъ выдаваться впередъ, получаютъ важнѣйшія мѣста подлѣ императоровъ, являются консулами Рима; это служитъ знакомъ, что число варваровъ все болѣе и болѣе увеличивается въ римскихъ войскахъ, и наконецъ они составляютъ всю силу Рима. Но, при болѣе сильномъ напорѣ варваровъ на римскія границы, служащихъ подлѣ римскими знаменами варваровъ стало недостаточно для защиты этихъ границъ; ихъ одноплеменники огромными толпами прорвались въ области имперіи, гдѣ они не могли встрѣтить никакого сопротивленія со стороны жителей, истощенныхъ физически и нравственно: „Никто (говоритъ современникъ) не хотѣлъ погибать, и никто не искалъ средствъ, какъ-бы спастись отъ гибели; повсюду царствуетъ непомянутое нерадѣніе, бездѣйствіе, трусость; только и заботятся о томъ, какъ-бы поѣсть, попить и выспаться“. Но жители областей имперіи, какъ-бы ни заботились, не могли найти средствъ для утоленія голода, жажды и для спокойнаго сна: не имѣя чѣмъ заплатить податей, они покидали дома, чтобы не подвергнуться пыткамъ, покидали родную страну для избѣжанія казни. „Врагъ имъ не такъ страшенъ, какъ сборщикъ податей; они убѣгаютъ къ варварамъ, чтобы спастись отъ этихъ сборщиковъ“.

Римскій императоръ, для безопасности, не живетъ уже болѣе въ Римѣ, а въ Равеннѣ; но его именовъ владычествуетъ варваръ, начальникъ варварскаго ополченія, защищающаго Римъ и его императоровъ, свергающаго и возводящаго послѣднихъ по своимъ расчетамъ; какую роль потомъ играли вожди турокъ при калифахъ, палатные меры при Меровингахъ, такую же роль играютъ вожди варваровъ при послѣднихъ римскихъ императорахъ изъ римлянъ. Наконецъ, одному изъ варварскихъ вождей наскучило мѣнять римскихъ или равеннскихъ императоровъ; онъ объявилъ, что такихъ больше не будетъ, а будетъ признавать онъ власть императора, живущаго въ Константинополѣ, его именовъ будетъ самъ управлять Италіею. Это провозглашеніе называютъ паденіемъ западной римской имперіи.

II *).

Новые народы и государства.

1) Италия и Галлія до Каролинговъ.

Западная римская имперія пала, но она и послѣ того сохраняется по имени; даже то, что обыкновенно называютъ паденіемъ западной римской имперіи, есть, повидимому, возстановленіе единства имперіи. Но все это только по имени, повидимому. Въ отдѣльныхъ областяхъ западной имперіи усѣлись варвары разныхъ наименованій съ первенствующимъ значеніемъ, и князья ихъ самостоятельно управляютъ этими странами. Наше дѣло теперь наблюдать отношенія варваровъ другъ къ другу при новыхъ условіяхъ, отношенія ихъ къ римскому, то-есть болѣе или менѣе олатыненному народонаселенію областей разваливавшейся имперіи, наблюдать результаты этихъ отношеній, результаты соединенія различныхъ элементовъ и наблюдать дѣйствіе этихъ результатовъ на варварскіе народы, оставшіеся за предѣлами римской имперіи. Здѣсь мы прежде всего замѣчаемъ, что три страны находятся съ самаго начала въ тѣсной связи: это—Италія, Галлія и Германія; Испанія и Британскіе острова, по разнымъ условіямъ, историческимъ и географическимъ, извѣстное время живутъ особо; также особо живутъ скандинавы, византійская имперія и славянскіе народы, преимущественно восточные, составившіе русское государство. Такимъ образомъ опредѣляется порядокъ нашихъ наблюденій.

Изъ трехъ странъ, которыя прежде всего обращаютъ наше вниманіе по тѣсной связи между ними съ самаго начала, въ Италіи преимущественно сохраняется древній римскій элементъ. Это была страна въ политическомъ и нравственномъ отношеніи покрытая древними громадными зданіями, стоявшими непоколебимо и не допускавшими измѣненія, вторженія новыхъ, чуждыхъ формъ; если которыя изъ нихъ и рухнули, то развалины плотно покрывали почву, и побѣги новаго только иногда находили путь среди развалинъ. Главное священное зданіе, къ которому новое питало суевѣрный страхъ, куда оно не смѣло проникнуть—это былъ Римъ, городъ владыка міра, и потому не могшій сдѣлаться главнымъ городомъ какой-нибудь страны, столицею какого-нибудь варварскаго князька. Римъ давалъ званіе и права наивысшей власти человѣку, живущему въ Равеннѣ или Константинополѣ и называвшемуся, однако, римскимъ императоромъ; варварскіе князья, владѣльцы обширныхъ странъ, величались титулами римскихъ должностныхъ лицъ. Черезъ цѣлый рядъ вѣковъ Римъ будетъ

*) Статья эта напечатана въ «Вѣстникъ Европы» за 1874 годъ, въ Апрельской книгѣ; въ Августъ того же года появилась статья Куланжа (*Revue des deux mondes*), гдѣ повторяются тѣ же положенія.

оставаться главнымъ городомъ не Италиі, но цѣлой западной Европы; чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ титулъ римскаго императора будетъ почетнѣйшимъ титуломъ для государя западной Европы, будетъ означать главнаго между ними. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ, владѣлецъ государства, основаннаго на дѣвственной почвѣ восточной Европы, свободной отъ античныхъ преданій, русскій Петръ Великій рѣшился соединить титулъ императора не съ именемъ Рима, а съ именемъ своей страны, назвался императоромъ не восточной *римской* имперіи, какъ ожидали въ Европѣ, но императоромъ всероссійскимъ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ, такое же явленіе произошло въ западной Европѣ, гдѣ вмѣсто римскаго императора явились французскій, австрійскій и германскій императоры; только тутъ произошло окончательное паденіе западной римской имперіи, только тутъ Римъ потерялъ значеніе главнаго города всей западной Европы, и могъ сдѣлаться главнымъ городомъ страны, Италиі. Тринадцать вѣковъ нужно было для того, чтобы исключительное значеніе Рима износилось: какъ же сильно было это значеніе во время образованія новыхъ государствъ въ западной Европѣ! Этотъ самый крѣпкій остатокъ античнаго міра, самый видный представитель его, представитель односторонняго господства города предъ страню и народомъ, былъ такъ силенъ, что долго, очень долго мѣшала въ окружающую его странѣ образованію единаго государства, единаго народа, мѣшала тому явленію, которое характеризуетъ новый европейско-христіанскій міръ, то есть образованію странъ и народностей въ противоположность одностороннему развитію города въ греко-римскомъ мірѣ и первобытному, простому образованію народныхъ тѣлъ на Востокѣ, тѣхъ народовъ, которыхъ Аристотель противопоставляетъ своему городу, тѣхъ простѣйшихъ народныхъ тѣлъ, у которыхъ была только голова да туловище безъ дальнѣйшаго расчлененія, развитія. Новый европейскій міръ долженъ былъ представить высшіе государственные организмы, съ сильнымъ развитіемъ, расчлененіемъ, съ живымъ осложненіемъ отношеній между частями народонаселенія, безъ односторонностей востока и греко-римскаго міра. Но представитель послѣдняго, Римъ сталъ крѣпко въ Италиі и прѣпятствовалъ здѣсь развитію новыхъ началъ. Мѣшала этому Римъ съ своимъ древнимъ значеніемъ, а не папа, значеніе котораго было само результатомъ значенія Рима.

Варвары вошли въ область имперіи сырымъ, чистымъ, безформеннымъ матеріаломъ. Народы, находящіеся въ такомъ положеніи и способные къ развитію, при встрѣчѣ съ извѣстными формами цивилизаціи, не имѣя ничего противопоставить имъ, стремятся принять ихъ. Нѣкоторымъ варварскимъ вождямъ естественно приходило въ голову мысль: „мы сильнѣе этой дряхлой римской имперіи, разрушимъ ее и создадимъ свое новое государство вмѣсто нея“. Но когда они обращали болѣе внимательный взоръ на свой народъ, то понимали, что съ нимъ новаго государства образовать нельзя, нѣтъ формы, не съ чего начать; или овладѣвала скромность, сознание своей несостоятель-

ности, они принимали рѣшеніе служить имперіи и ея цивилизація, и этою ревностною службою удовлетворить своему честолюбію, оставивъ по себѣ память. Извѣстна исповѣдь Атаульфа вестготскаго: „Я хотѣлъ истребить имя Рима и на его развалинахъ основать господство готвъ и приобрѣсти славу основателя новаго государства, подобно Цезарю Августу. Но опытъ убѣдилъ меня, что для сохраненія государства въ добромъ порядкѣ нужны законы, а дикій и упрямый характеръ готвъ дѣлаетъ ихъ неспособными сносить арно законовъ, гражданскаго порядка и управленія; теперь я желаю, чтобы въ будущіе вѣка съ благодарностью вспоминали о заслугахъ чужестранца, который употребилъ мечъ готвъ не для разрушенія римской имперіи, но для возстановленія и охраненія ея благосостоянія“. Вождь сбродной варварской дружины, находившійся на римской службѣ, Одоакръ, которому обыкновенно приписывали разрушеніе западной римской имперіи, господствовалъ въ Италіи съ титуломъ патриція, тогда какъ римскій сенатъ передалъ императорскій титулъ восточному византійскому императору. Именемъ этого единственнаго теперь римскаго императора, остготскій князь Теодорикъ отнялъ Италію у Одоакра и его дружины; борьба кончилась, когда Одоакръ сдалъ Теодорикъ Равенну. За Римъ не было борьбы. Новый владѣлецъ Италіи признавалъ римскаго императора, жившаго въ Константинополѣ, своимъ отцомъ и главою, на монетахъ по прежнему видѣли изображеніе этого императора, и на общественныхъ памятникахъ начертывалось его же имя. Скоро послѣ Теодорика рушится владычество готвъ, номинальное владычество въ Италіи римскаго императора, живущаго въ Константинополѣ, становится опять дѣйствительнымъ при Юстиніанѣ,—явленіе, которое условливалось для Италіи близостью ея къ Новому Риму, Византіи. Являются лангобарды; завязывается борьба между ними и римской имперіей,—войны, какія бывали и прежде между имперією и варварами, какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ Италіи. Когда средства имперіи оказались недостаточными въ борьбѣ, Римъ обращается съ просьбою о помощи къ могущественному варварскому вождю, утвердившемуся въ Галліи, вождю франковъ; помощь подается, и чрезъ нѣсколько времени, когда сынъ этого франкскаго вождя чрезвычайно усиливается, въ Римѣ находятъ выгоднымъ, необходимымъ провозгласить его римскимъ императоромъ. При всѣхъ этихъ движеніяхъ и сдѣлкахъ въ Римѣ на первомъ планѣ мы видимъ его *епископа*, и потому должны обратить вниманіе на это явленіе.

Варвары, вступивши въ область Рима, легко уничтожили матеріальныя силы одряхлѣвшей имперіи, но они встрѣтили также силы нравственныя, которыми, въ свою очередь, были побѣждены. Если прежде Римъ, по словамъ его поэта, былъ побѣжденъ побѣжденною Грецією, ея цивилизацією, то, по историческому закону, то же самое должно было совершиться теперь: матеріально побѣдоносные варвары должны были покориться побѣжденнымъ римлянамъ. Изъ нравственныхъ силъ, которыя условливали это покореніе, на первомъ мѣстѣ

была религія, не древняя, національная религія Рима, матеріально распространённая, болѣзненно ожирѣвшая отъ собранія въ себѣ другихъ религій побѣжденныхъ народовъ, не могшая внести никакого нравственнаго вклада въ жизнь варваровъ, но религія новая, не національная римская, а общечеловѣческая, которая съ самаго появленія своего объявила, что для нея нѣтъ разницы между „эллиномъ и варваромъ“. Христіанская церковь первая встрѣтила варвара на новой, чужой ему почвѣ, первая дала ему нравственное убѣжище, отдыхъ, первая приласкала его, назвала своимъ, роднымъ, и указала ему въ прежнихъ жителяхъ римскихъ областей не чужихъ, не враговъ, а своихъ же братьевъ, свела, ознакомила старое и новое народонаселеніе, завязала между ними тѣсную, неразрывную связь. Варвары-германцы тѣмъ охотнѣе пошли на призывъ христіанства, церкви, что во время продолжительнаго движенія своего изъ дальнихъ странъ сѣвера, отрываясь все болѣе и болѣе отъ той почвы, гдѣ развились и окрѣпли ихъ національныя вѣрованія, сталкиваясь безпрестанно съ другими народами, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отрывались отъ этихъ вѣрованій, которыя постепенно тускнѣли, блѣднѣли для нихъ. Варвары, вступившіе на римскую почву, принимали христіанство съ изумительною легкостью и быстротою, такъ что нельзя опредѣлить времени, когда какіе-нибудь вандалы, свевы, лонгобарды приняли христіанство, тогда какъ чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ большее сопротивленіе встрѣчало оно, и самыя большія затрудненія встрѣтило въ Скандинавіи, въ этой фабрикѣ народовъ (*officina gentium*), прародинѣ германцевъ, гдѣ ихъ національная религія пустила глубокіе корни, гдѣ развилось общественное богослуженіе, и гдѣ образовалось жречество. Германцы, входившіе часто сбродными дружинами въ римскія области, не могли имѣть храмовъ, и храмы ихъ, если и упоминаются то мелькомъ, имѣютъ ничтожное значеніе, точно такъ какъ у эллиновъ, которые являются передъ глазами исторіи въ такомъ же положеніи, какъ и германцы, откуда у эллиновъ и такое свободное своеобразное развитіе религіи исключительно въ рукахъ поэтовъ и художниковъ. Народъ движущійся, странствующій, на поискахъ новыхъ земель для поселенія, тогда только сохраняетъ и укрѣпляетъ свою религію, когда выселеніе его изъ извѣстной страны совершилось подъ религіознымъ знаменемъ, какъ у евреевъ; но вспомнимъ, какая борьба шла и у нихъ за сохраненіе въ чистотѣ религіи отцовъ при столкновеніи съ другими народами и съ другими религіями, и вспомнимъ, что, съ другой стороны, странствованіе освобождало ихъ отъ тѣхъ возрѣній и привычекъ, которыя они приобрѣли въ Египтѣ. Движеніе, странствованіе германцевъ, ихъ исканіе новой земли для поселенія, странствованіе, предпринятое вовсе не на религіозныхъ основаніяхъ, не подъ религіознымъ знаменемъ, заставило ихъ порастерять очень многое изъ тѣхъ религіозныхъ возрѣній, изъ того религіознаго быта, который господствовали въ ихъ прежнемъ отечествѣ, и при такой потерѣ они вдругъ встрѣчаются съ могущественнѣйшей изъ религій, противъ

которой, разумѣется, не могли устоять религіозныя развалины, ключи вѣрованій и обрядовъ, принесенныя германцами изъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Но главная причина быстрого торжества христіанства среди варваровъ заключалась въ наступательномъ движеніи. Пророческая сила, ведшая у евреевъ борьбу оборонительную для защиты, сохраненія въ чистотѣ религіозныхъ и нравственныхъ началъ у одного своего народа,— въ христіанствѣ стала вести борьбу наступательную: христіанинъ сознавалъ обязанность быть пророкомъ, проповѣдникомъ принесеннаго Богочеловѣкомъ ученія, обращаться къ нему всѣхъ людей, всѣ народы міра, слѣдовательно, дѣйствовать наступательно, разрушительно на всѣ другія религіи, подвергаясь при этомъ всевозможнымъ лишеніямъ, мукамъ, смерти. Греко-Римское общество не устояло противъ этого наступательнаго движенія пророковъ, эллинская „премудрость“ пала предъ „безуміемъ“ проповѣдника распятаго Бога. Но пророки этимъ неудовольствовались: они предприняли наступательное движеніе противъ варваровъ, матеріально раздѣлявавшихъ римское государство, перешли границы имперіи, углубились въ самыя жилища варваровъ, куда уже давно перестали проникать римскіе легіоны. Варвары жили въ богатырскомъ бытѣ, когда, вслѣдствіе движенія и борьбы, изъ народной массы выдѣлялись физически сильнѣйшіе, храбрѣйшіе люди, и становились на первыя мѣста, въ вожди народовъ, когда подвигъ физической силы былъ подвигомъ по преимуществу, а цѣлю подвига былъ прибытокъ власти и богатства. Противъ такихъ-то богатырей выступали новые пророки, проповѣдники христіанства, нравственные богатыри. Легко понять, за кѣмъ осталась побѣда. Такимъ образомъ, при началѣ новыхъ государствъ мы видимъ два движенія, двѣ борьбы: движеніе варваровъ, борьбу ихъ съ матеріальными силами Рима и другъ съ другомъ; эти движенія кончились побѣдою варваровъ; съ другой стороны, видимъ нравственное движеніе, борьбу, поднявшуюся изнутри римскаго міра подъ знаменемъ религіи, и здѣсь побѣдилъ римскій міръ; подъ покровомъ церкви сохранилось и прошло въ новую жизнь и греко-римское просвѣщеніе, особенно посредствомъ языка, удержаннаго церковью.

Въ новомъ мірѣ явилось начало, котораго не могъ представить ни древній греко-римскій міръ, ни варвары,—начало, которое явилось въ новомъ христіанскомъ греко-римскомъ мірѣ, и отсюда перешло къ варварамъ, это—духовенство съ могущественнымъ значеніемъ, могущественнымъ вліяніемъ во всѣхъ сферахъ жизни, благодаря его учительному, пророческому характеру. При началѣ новыхъ государствъ мы уже видимъ двойственность въ духовенствѣ. Въ первые вѣка христіанства, когда церковь была относительно не многочисленна и особенно воинственна, не одно духовенство, но болѣе или менѣе и другіе вѣрующіе имѣли этотъ возбужденный, пророческій характеръ, были борцами противъ неправды и несовершенствъ міра сего за высшяго начала. Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ христіанства и господствомъ

его, возбужденіе въ массѣ духовенства и мірянъ уже потому самому, что это была масса, должно было ослабѣвать; но борьба новыхъ началъ со старыми прекратиться не могла, и борцы, пророки являются. Отъ человѣка, проповѣдующаго воздержаніе отъ земныхъ пристрастій и большее вниманіе къ исполненію нравственныхъ обязанностей, отъ такого человѣка естественное требованіе, чтобы онъ самъ подалъ примѣръ отреченія отъ этихъ пристрастій. Примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе всего, и слово получаетъ могущество отъ дѣла. Повидимому, внѣ общества, въ бѣгствѣ отъ него, въ недоступныхъ пустыняхъ явились новые пророки; но это самое бѣгство и укрывательство отъ общества и производило на него самое могущественное впечатлѣніе, и голосъ вопиющихъ изъ пустыни былъ самымъ громкимъ голосомъ. Новые пророки, монахи, стали поэтому на первомъ планѣ въ христіанскомъ обществѣ; не будучи сначала священниками, они стали образцами для священниковъ, общество потребовало отъ нихъ, чтобы они были священниками и первосвященниками,—требованіе, повидимому, находившееся въ противорѣчій съ значеніемъ монаха, но совершенно согласное съ потребностями общества, обновлявшагося подъ вліяніемъ новой религіи. Такимъ образомъ, монашество, приближаясь наиболѣе къ идеалу, поставленному для общества религіею, завоевало для себя привилегію высшей степени духовной іерархіи; оно же преимущественно приняло на себя и продолженіе апостольской дѣятельности, проповѣдываніе христіанства иновѣрнымъ народамъ и тѣмъ еще болѣе возвысило свое значеніе. На востокѣ, подчинившись нравственно силѣ монашества, уступили ему право на архіерейство; но священство осталось и за немонахами: но сочли благоразумнымъ и возможнымъ требовать, чтобы все духовенство носило этотъ чрезвычайный пророческій характеръ, состояло изъ людей, отречшихся отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей; ограничиваться же одною формальностью не сочли дѣломъ нравственнымъ. Но на западѣ, какъ увидимъ, взглянули на дѣло иначе, потребовавъ, чтобы все духовенство носило монашескій характеръ; а монашескій образъ, по тѣмъ представленіямъ, которыя составились вслѣдствіе жизни первыхъ монаховъ, былъ образъ ангельскій. Такимъ образомъ, употреблено было страшное насиліе природѣ человѣческой, и печальныя слѣдствія насилія на замедлили обнаружиться.

Съ самаго начала христіанства, главные пастыри церкви, епископы, являются уже съ важнымъ значеніемъ. Кромѣ каноническаго объясненія явленія, его легко понять и посредствомъ однихъ историческихъ наблюденій. Самое вѣрное опредѣленіе характера первоначальной церкви, это—церковь воинствующая; для борьбы нужны вожди, которыхъ и рождаетъ борьба; для успѣха борьбы вожди должны имѣть обширную, вѣрную власть. Римская имперія, разрушаясь вслѣдствіе исчезновенія матеріальныхъ силъ, успѣшила прибѣгнуть подъ покровъ нравственной силы, имѣющей жить и создать новое общество, успѣшила прибѣгнуть подъ покровъ христіанства, объявивъ его господствующею религіею: человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, видя, что въ мате-

ріальнихъ, земныхъ средствахъ нѣтъ болѣе спасенія, прибѣгаетъ къ силамъ духовнымъ, отказываетъ свое имѣніе церкви. При этомъ значеніе епископовъ могло только еще болѣе усилиться. Городское население, напуганное бѣдами, нависшими со всѣхъ сторонъ надъ имперією, ограбленное казною, сплочивалось около своихъ епископовъ, людей сильныхъ средствами нравственными и матеріальными. Съ самаго начала, на востокъ и западъ одинаково раздаются слова, что власть духовная выше свѣтской, какъ духъ выше тѣла, что нѣтъ выше этой власти, которая если свяжетъ на землѣ, то вмѣстѣ съ этимъ свяжетъ и на небеси. Епископское званіе становится высшею цѣлю честолюбія для людей, выдающихся изъ толпы по своимъ талантамъ, положенію, матеріальнымъ средствамъ; но это званіе достигалось избраніемъ паствы; общественная жизнь, которая въ цвѣтущее время властительныхъ родовъ такъ сильно выражалась въ избраніи правительственныхъ лицъ, оцѣпенѣвшая въ послѣднее время, вдругъ заволновалась снова выборами главнаго пастыря церкви, не главнаго жреца, исполнителя религіозныхъ обрядовъ, но человѣка, имѣющаго власть вязать и рѣшать; религіозный интересъ, обхватившій такъ всецѣло общество, далъ этимъ выборамъ самое важное значеніе. Легко понять, на какой общественной высотѣ чувствовалъ себя избранный; легко понять, какое значеніе имѣло собраніе епископовъ для рѣшенія вопросовъ, ставшихъ на первомъ планѣ для общества, какое значеніе имѣлъ вселенскій соборъ, этотъ невиданный языческою древностію всемірный форумъ.

Такимъ образомъ, варвары, войдя въ области имперіи, легко одолѣли ея войска, ея воеводъ, ея свѣтскаго правителя; но встрѣтили неодолимую силу въ церкви и въ ея главныхъ пастыряхъ, епископахъ; съ этою силою они должны были входить въ соглашенія и не только дѣлиться съ нею властію, но и нерѣдко преклоняться предъ нею. Она служитъ посредницею между прошедшимъ и будущимъ Европы, между греко-римскимъ и варварскимъ міромъ, ея преимущественно поддерживается обаяніе Рима, испытываемое варварами. Это посредствующее значеніе и сила церкви, сила ея епископовъ, рѣзко обнаружилась въ судьбѣ самаго виднаго изъ варварскихъ племенъ, въ судьбѣ франковъ и въ ихъ отношеніяхъ къ римскому міру.

Въ исторіи образованія важнѣйшихъ континентальныхъ европейскихъ государствъ заключается общее любопытное явленіе: вездѣ въ нихъ сѣверная половина получаетъ преимущество передъ южною: съ сѣвера идетъ сила, подчиняющая себѣ всѣ части государственной области, собирающая землю, вслѣдствіе чего сосредоточивающіе пункты или столицы находятся въ сѣверныхъ частяхъ государства, не смотря на то, что на югѣ, повидимому, больше благоприятныхъ условій для народнаго развитія. Такое явленіе мы видимъ во Франціи, въ Испаніи, въ Россіи; потомъ сѣверная Германія начинаетъ брать замѣтный перевѣсъ надъ южною, и въ наше время этотъ перевѣсъ очевиденъ; въ наше же время Италія обязана своимъ объединеніемъ движенію изъ сѣверныхъ своихъ частей.

Въ Галліи, въ то время, когда она стала отламываться отъ римской имперіи, въ южныхъ ея частяхъ помѣстились два сильныхъ варварскихъ народа, бургунды и весть-готы, но чрезъ нѣсколько времени они должны были признать власть варваровъ, пришедшихъ съ сѣвера, франковъ, которые объединили страну и дали ей имя. При этомъ не должно забывать, что въ Галліи чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ менѣе было романизациі, которая особенно выражалась въ изнѣженности нравовъ; этой изнѣженности не остались чужды и бургунды и весть-готы. Франки, какъ извѣстно, не были многочисленны, и потому сила ихъ вождей, послѣ утвержденія въ сѣверной Галліи, должна была естественно основываться на прежнемъ ея народонаселеніи, отличавшемся отъ южнаго болѣею крѣпостію. Не должно забывать также явленія, которое было указано нами въ Галліи еще во времена ея самостоятельности, явленія, которое было слѣдствіемъ неудовлетворительнаго состоянія политическаго и экономическаго быта; это явленіе— большія шайки голутьбы, бѣглецовъ, изгнанниковъ изъ разныхъ народовъ; мы видѣли, что эта голутьба (*egentes ac perditii*) давала готовое войско честолюбцамъ, стремившимся къ верховной власти. Владычество римлянъ не могло уничтожить причины образованія этихъ шайекъ; мы имѣемъ свидѣтельства о людяхъ, покидавшихъ свои дома и родину, чтобы снастись отъ сборщиковъ податей; часть ихъ бѣжала къ варварамъ; часть составляла независимыя шайки, извѣстныя подъ именемъ *бандовъ*. Движеніе этихъ бѣглецовъ должно было преимущественно направляться съ юга на сѣверъ, гдѣ и образовалось воинственное народонаселеніе, стремящееся опрочинуться на мѣста прежняго жительства. Мы знакомы съ этимъ *возвращеніемъ* гераклидовъ. Очень правдоподобно объясненіе, что сами франки составились изъ бѣглецовъ, изгнанниковъ,—объясненіе, которое оправдывается на ихъ имени (*warg, fies, fians*; наше — варягъ, изгнанникъ, разбойникъ, волкъ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, во франкахъ и вождѣ ихъ Хлодовисѣ или Хлодовикѣ галльскіе епископы увидали могущественное средство низложить бургундовъ и готовъ, преданныхъ аrianству. „Твоя шоббада есть наша побѣда“, прямо говорили они Хлодовику. Варвару было пріятно подѣ предлогомъ наказанія еретиковъ пріобрѣсти хорошія земли, и онъ наивно говорилъ дружинѣ: „Мнѣ не нравится, что ариане-готы владѣютъ лучшими землями въ Галліи; пойдемъ и прогонимъ ихъ съ божіею помощію; овладѣемъ ихъ землею; мы сдѣлаемъ хорошее дѣло, потому что земля эта очень хорошая“. Галлія была покорена франками.

Галлія была *покорена* франками! — выраженіе, которое принимало различный смыслъ, провозглашалось какъ непреложная истина, защища-

¹⁾ У насъ свѣялись надъ производствомъ названія козака отъ козы; но корень одинъ въ обоихъ словахъ и означаетъ *бѣгунъ*. Слово: багавды, имѣетъ то же самое значеніе *бѣгунъ*: кельт. *bag*, санскрит. *bhag*, наше *бѣгать*.

лось или упорно отвергалось по причинамъ вовсе не научнымъ; но въ сожалѣннѣю, въ историческихъ изслѣдованнѣяхъ ненаучныя побужденнѣя имѣютъ большую силу, и если иногда приносятъ пользу, заставляя уяснить нѣкоторыя явленнѣя, то польза эта не вполне вознаграждаетъ за вредъ, причиняемый продолжительностнѣю споровъ вовсе ненужныхъ, натяжками, тратою силъ и времени. По вовсе не научнымъ побужденнѣямъ, безъ справки съ наукою, въ концѣ XVIII вѣка во Францнѣ придумано было историческое объясненнѣе и оправданнѣе революцнѣи, что борьба низшихъ слоевъ народонаселеннѣя съ высшими есть борьба покоренныхъ галло-римлянъ съ потомствомъ покорителей франковъ; что такое революцнѣя? — сверженнѣе ига, наложеннаго покорителями на покоренныхъ. Просто, успокоительно и вмѣстѣ эффектно! Легкое и эффектное объясненнѣе принялось; начали исторнѣю западной Европы объяснять завоеваннѣемъ, отношеннѣями побѣдителей къ побѣжденнымъ, у насъ начали противополлагать русскую исторнѣю западноевропейской: въ западной Европѣ завоеваннѣя, насилнѣя и потому жестокость отношеннѣй; у насъ завоеваннѣй нѣтъ, варяги призваны; и потому мягкость отношеннѣй! Поляки придумали сдѣлать изъ своей шляхты особый народъ завоевателей! Теперь французы сильно перессорились съ нѣмцами; во Францнѣ пишутся многотомныя сочиненнѣя объ исторнѣи Германнѣи, гдѣ каждое явленнѣе стараются выставить въ непривлекательномъ видѣ: можно ли же допустить, какъ начальное, исходное явленнѣе въ исторнѣи Францнѣи — нѣмецкое, франкское завоеваннѣе? Разумѣется, нельзя, и вотъ провозглашается, что никакого франкскаго завоеваннѣя не было! Какнѣя же приводятся доказательства? Нѣтъ указаннѣй, говорятъ, чтобы галло-римляне лишились своихъ земель; они не были порабощены, даже нельзя думать, чтобы они были политически подчинены. Въ совѣтахъ королевскихъ, въ войскахъ, въ должностяхъ публичныхъ, въ судахъ, въ народныхъ собраннѣяхъ даже, объ части народонаселеннѣя смѣшиваются. Лѣтописцы безпрестанно указываютъ челоувѣка франкскаго происхожденнѣя подлѣ челоувѣка галльскаго происхожденнѣя, не обозначая никогда, чтобы первый имѣлъ высшнѣя политическнѣя права, ни чтобы его франкское происхожденнѣе доставляло ему большее уваженнѣе. Галлы подчинялись франкскимъ королямъ, но мы не видимъ признаковь, чтобы они подчинились франкскому племени. Что касается вопроса о землевладѣннѣи, то его нельзя рѣшать такъ легко въ томъ или другомъ смыслѣ. Прежде всего нельзя противопоставлять франковъ галло-римлянамъ относительно всей страны, которую мы теперь называемъ Францнѣю. Франкское занятнѣе страны не было первымъ; прежде она была занята въ извѣстныхъ частяхъ своихъ бургундами и весть-готами, которые подѣлили землю съ прежними владѣльцами, подѣлили и рабовъ, необходимыхъ для ея обработки; то же самое произошло и въ Италнѣ при поселеннѣи въ ней варваровъ. Тутъ была еще занята земля съ согласнѣя римскаго правительства; но франки, подлѣ предводительствомъ Хлодовика, заняли позднѣе ту часть Галлнѣи, гдѣ еще держались римляне подлѣ начальствомъ Сиагрия, заняли ее, разбивши

войска Сиагрия, уничтоживши въ лицѣ этого начальника послѣдній остатокъ римской власти въ Галліи. Мы совершенно спутаемся въ понятіяхъ, если за такимъ явленіемъ не станемъ признавать характеръ завоеванія, покоренія, и если станемъ отрицать необходимыя слѣдствія тогдашняго завоеванія, покоренія. Намъ извѣстно, что побѣдители-франки опустошили страну побѣжденныхъ, не щадя и церквей, и собранную добычу дѣлили, причеиъ всѣ должны были получить извѣстную долю, отъ вождя до послѣдняго воина, какъ то ясно изъ знаменитаго разсказа о церковномъ сосудѣ, котораго простой франкъ не хотѣлъ уступить Хлодовіеу. Если приобретаеься и дѣлилась добыча движимаго, то на какомъ основаніи мы будемъ утверждать, что завоеватели не смотрѣли на землю, какъ на добычу, и не подѣлили ее между собою? Мы не станемъ утверждать, что всѣ галло-римляне лишились своихъ земель; не считаемъ только себя вправѣ дѣлать предположеніе, что франки удовольствовались только казенною землею или никому не принадлежащею. Потому поворены были бургундская и вестготская части Галліи: что же, и здѣсь не было покоренія? Дѣйствительно, мы видимъ людей галло-римскаго происхожденія въ приближеніи у королей франкскихъ, въ важныхъ должностяхъ, но, во первыхъ, есть ли средства опредѣлить отношенія этихъ случаевъ къ общему правилу; во-вторыхъ, и въ турецкой имперіи, гдѣ подчиненность покореннаго христіанскаго народонаселенія завоевателямъ магометанамъ не подлежитъ сомнѣнію, мы видимъ людей изъ этого подчиненнаго народонаселенія, занимающихъ важныя должности, обнаруживающихъ сильное вліяніе. Намъ говорятъ, что галло-римляне подчинились франкскимъ королямъ, но не франкскому племени; но и въ Турціи христіанское народонаселеніе подчинено султану, а не туркамъ; здѣсь дѣло идетъ не о подчиненіи въ собственномъ смыслѣ, а о первенствующемъ положеніи. Франки составляли войско своихъ королей — это неоспоримо; какое значеніе имѣло войско, вооруженная сила въ тѣ времена? — значеніе первенствующее — это также неоспоримо. Въ какихъ отношеніяхъ находились тогда воины къ своему вождю или королю? — въ самыхъ свободныхъ вождь зависѣлъ отъ нихъ: покоривъ съ ними извѣстную страну, онъ долженъ былъ дѣлиться съ ними выгодами, происходившими отъ этого покоренія. Каково было римлянамъ отъ этихъ *равноправныхъ согражданъ*, видно изъ письма Сидонія Аполлинарія къ другу, требовавшему отъ него стиховъ: „Могу ли я пѣть, окруженный толпами космачей, принужденный слышать нѣмецкій языкъ, восхищаться пѣснью пьянаго бургундца? Счастливы ваши глаза, счастливы ваши уши, которые не видятъ и не слышатъ варваровъ! Счастливъ вашъ носъ, который не обоняетъ по десяти разъ въ утро вони лукомъ и чеснокомъ“. И въ такомъ принужденномъ положеніи римлянинъ долженъ былъ находиться относительно бургундовъ, варваровъ, отличавшихся самымъ вроткимъ характеромъ: что же было отъ франковъ, которые вовсе не отличались такимъ характеромъ? Если франки не имѣли никакого преимущества, то зачѣмъ же галло-римляне старались подражать имъ

даже во вѣншности, отращивали длинныя волосы, назывались варварскими именами? Но у насъ есть свидѣтельство о преимуществѣ варвара надъ римляниномъ, свидѣтельство, съ которымъ никакъ не сладятъ защитники ихъ равноправства: по салитскому закону вира (штрафныя деньги) за варвара была вдвое больше, чѣмъ за римлянина.

Отрицать завоеваніе и преимущество завоевателя предъ завоеванными нельзя; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы, говоря о завоеваніи, повсюду, гдѣ оно было, предполагали одинакія послѣдствія. Одно и то же явленіе въ разное время, въ разныхъ странахъ, при разныхъ этнографическихъ, географическихъ, экономическихъ, религиозныхъ и другихъ условіяхъ, разнится чрезвычайно въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ, и завоеваніе галло-франковъ разнится и отъ завоеванія турками греческихъ и славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, и отъ завоеванія Англій норманнами, и отъ завоеванія Россіи татарами, не переставая однако быть завоеваніемъ. Прежде всего завоеватели, ихъ вождь, принимаютъ вѣру завоеванныхъ, и это, разумѣется, даетъ совершенно особый характеръ отношеніямъ между ними,—прежде всего уничтожаетъ сближеніе завоеванія Галліи франками и завоеванія турками Греческой имперіи, гдѣ религиозная рознь и вражда сдѣлали смѣшеніе завоевателей съ завоеванными невозможнымъ. По извѣстію лѣтописца, епископъ, крестившій Хлодовика, говорилъ ему при совершеніи таинства: „Преклони смиренно голову, Сикамбръ; поклоняйся тому, что ты жегъ, жги то, чему ты поклонялся“. Говорилъ ли епископъ эти слова, или нѣтъ—намъ все равно; для насъ важно видѣть въ лѣтописи выраженіе современнаго взгляда на событія; выраженіе восторга галло-римскаго народонаселенія, когда дикій завоеватель, истреблявшій, жегшій прежде храмы христіанскіе, сталъ единовѣрцемъ съ завоеванными, преклонился предъ ихъ епископомъ, въ лицѣ котораго поднималась и вся царства, имъ представляемая. Во-вторыхъ, завоеванные стояли на высокой ступени цивилизаціи сравнительно съ завоевателями-варварами. Завоеватель нуждался въ искусствѣ, знаніи завоеванныхъ; нѣкоторымъ изъ людей галло-римскаго происхожденія, даже свѣтскимъ, открывалась возможность приблизиться къ королю, получить важное мѣсто и вліяніе, тѣмъ болѣе, что религія нисколько этому не препятствовала, а варварская національность сама по себѣ не ревнива и уклончива передъ цивилизаціею.

Галлія подчинилась франкскимъ князьямъ. Кромѣ прежняго, болѣе или менѣе олатыннаго галльскаго народонаселенія, они вобрали въ себя теперь населеніе германскаго племени, бургундовъ, готовъ, наконецъ франковъ, какъ послѣдній слой. Мы замѣтили въ предыдущей главѣ, какою бѣдностью, неразвитіемъ экономическаго быта отличалась римская имперія, сравнительно съ экономическимъ бытомъ новыхъ европейскихъ государствъ. Римская имперія была государство первобытное, земледѣльческое, съ малымъ сравнительно развитіемъ промышленнымъ и торговымъ, отсюда все значеніе у имущества недвижимаго, земли, тогда какъ могущественное значеніе подвижнаго,

денегъ, есть особенность нашей новой исторіи, слѣдствіе сильнаго развитія экономическаго быта новой Европы. Мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось городское и сельское народонаселеніе въ областяхъ имперіи; новыя государства, основавшіяся на развалинахъ имперіи, начинаютъ съ того, на чемъ кончилась имперія древній міръ, должны имѣть дѣло съ тою же экономическою неразвитостью, носить также земледѣльческій характеръ. Все значеніе—у земли, и потому первое явленіе здѣсь, подлежащее наблюденію историка, это—опредѣленіе поземельныхъ отношеній. Какъ бы ни овладѣли варвары землею, мы видимъ ихъ въ самомъ началѣ полными, неограниченными собственниками своихъ земельныхъ участковъ; подлѣ нихъ видимъ такими же полными, неограниченными владѣльцами земельной собственности и галло-римлянъ, какимъ бы образомъ они не удержали свои земли. Эти земельные участки, на которые владѣльцы имѣютъ полное, неограниченное право собственности, носятъ разныя названія, латинскія, германскія и такія, происхожденіе которыхъ трудно опредѣлять; они называются *proprietas*, *dominatio*, *sors*, салическая земля, алодь, *haereditas*; есть и такое латинское названіе, которое всего ближе подходитъ къ нашей *вотчинѣ*, это: *terra aviatica* буквально: *дѣдина*. Но мы уже видѣли, что при экономическомъ бытѣ, каковой существовалъ въ Европѣ въ описываемое время, и при томъ хаосѣ, каковой господствовалъ при рожденіи новыхъ государствъ, при слабости общей государственной власти, общество, для своего поддержанія, прибѣгаетъ къ частнымъ союзамъ, слабый становится подъ покровъ сильнаго, бѣдный подъ покровъ богатаго, закладывается за него, дѣлается его захребетникомъ; неимущій идетъ въ услуженіе, въ добровольное холопство, естественно, очень быстро переходящее въ рабство; бѣдный землевладѣлецъ отдаетъ свою землю, свою вотчину богатому и сильному землевладѣльцу, чтобы только получить отъ него защиту. Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому нибудь одному времени, но общее народамъ въ разныя времена, когда дѣйствуютъ указанныя выше условія. Мы видимъ закладничество и холопство у галловъ; въ римской имперіи слабый, чтобы найти покровительство сильнаго, отдавалъ ему свою вотчину въ собственность, а самъ пользовался ею пожизненно. „Чтобъ отцу получить защитника“,—говоритъ современный писатель,—„сынъ теряетъ наследство; отецъ пользуется землею временно, сынъ теряетъ ее навсегда, потому что отецъ пересталъ быть собственникомъ“. Изъ этихъ то закладчиковъ, потерявшихъ свои вотчины, образовался классъ *колоновъ*, прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. При утвржденіи варваровъ закладничество продолжалось, вотчины переходили въ помѣстья. Этими словомъ: *помѣстье*, мы вполне вѣрно можемъ передавать слова: *beneficium* или *precarium*; при бѣдности государства, при недостаткѣ движимаго, денегъ, князья вмѣсто жалованья давали служащимъ у нихъ людямъ земельные участки въ пожизненное или вообще срочное пользованіе, и такія земли назывались *beneficium* или

precarium, — вполне соответствовавши нашим русскимъ помѣстьямъ. Иногда и на западѣ точно также, какъ и у насъ въ древней Россіи, князья за важныя услуги жаловали земли и въ вотчину, т. е. въ вѣчное потомственное владѣніе. Но когда мелкій вотчинникъ закладывался за сильнаго, то онъ отдавалъ послѣднему свою вотчину, и бралъ ее назадъ въ видѣ помѣстья, въ пользованіе только; въ договорахъ прямо выражалось, что онъ принимаетъ землю какъ бенефіцій. Мы знаемъ изъ лѣтописей, какимъ иногда способомъ сильные землевладѣльцы заставляли менѣе сильныхъ отдавать себѣ ихъ вотчины. Григорій Турскій рассказываетъ, что одному священнику королева Клотильда подарила землю въ вотчину. Епископъ сталъ просить ее у него; священникъ не соглашался отдать; тогда епископъ началъ грозить; когда и угрозы не подѣйствовали, то епископъ велѣлъ священника живого положить въ мраморную гробницу и накрыть крышкою; священнику удалось однако уйти и принести жалобу королю; но не видно, чтобы епископъ потерпѣлъ что нибудь за свой поступокъ. Что не удалось означенному епископу, то удавалось другимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. Какъ на западѣ въ описываемое время крупныя землевладѣльцы заводили за себя земли мелкихъ вотчинниковъ, объ этомъ, по сравненію, мы можемъ получить ясное понятіе изъ исторіи Малороссіи XVII и XVIII вѣка: здѣсь крупныя землевладѣльцы точно также отнимали земли у козаковъ и дѣлали ихъ самихъ своими крестьянами; а иногда сами козаки отдавали свои земли и переходили въ крестьянство къ сильнымъ землевладѣльцамъ, чтобы отбыть отъ военной повинности.

Но если таково было главное экономическое явленіе въ новорожденномъ государствѣ, то что же дѣлала новая верховная власть, въ какихъ отношеніяхъ находилась она къ различнымъ частямъ народонаселенія и къ различнымъ органамъ, уже обозначившимся въ юномъ государственномъ тѣлѣ, съ самаго начала превосходившемъ своимъ развитіемъ или разчлененіемъ прежнія государственныя тѣла? Мы видѣли быть германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ, видѣли, какъ подвиги, богатство, доставляли благородство, высшую, королевскую власть. У франковъ мы видѣли такихъ королей, и подъ начальствомъ одного изъ нихъ, Хлодовика, они покоряютъ Галлію. Король франковъ становится начальнымъ человѣкомъ въ странѣ, главнымъ правителемъ ея. Галло-римское народонаселеніе, интеллигенція его, т. е. преимущественно духовенство, епископы, понимаютъ это явленіе такъ, что варвары-франки, это—войско, служащее римской имперіи, и предводитель этого войска, расположеннаго въ Галліи, управляетъ странюю во имя римской имперіи, римскаго императора. Варварскій король вель себя согласно съ этимъ пониманіемъ: Хлодовикъ съ восторгомъ облачается въ консульскую одежду, присланную ему императоромъ Анастасіемъ, и хотя требуетъ, чтобы къ консульскому титулу прибавлялся и титулъ Августа, однако не бьетъ монету съ своимъ изображеніемъ, а съ изображеніемъ императора Анастасія. Сикамбръ пре-

клоняетъ голову предъ обаяніемъ цивилизаціи точно также, какъ преклоняетъ голову предъ крестившимъ его архіееремъ; варвары представляли матеріалъ, неимѣющій политической формы, неуспѣвшій приобрѣсть ее въ своихъ лѣсахъ, въ своихъ странствованіяхъ; Римъ предлагалъ имъ готовую форму, и они стремятся принять ее и чрезъ это политически воплотиться. Такое исканіе формы, опредѣленія, и производитъ стремленіе варварскихъ народовъ приобрѣсти цивилизацію у народовъ, ею обладающихъ. Въ лѣтописяхъ варварскихъ народовъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы, мы встрѣчаемъ навѣстія о благоговѣйномъ отношеніи варваровъ къ цивилизаціи. Заимствованіе, оформленіе естественно начинается сверху и посредствомъ видимыхъ знаковъ. Хлодовикъ франкскій величается въ консульскомъ платьѣ, присланномъ изъ Византіи; въ Москвѣ хранится шапка Мономаха, присланная оттуда же.

Готскій король Атаульфъ жаловался, что готы неспособны къ повиненію, по причинѣ ихъ необузданнаго варварства. Такъ должны были смотрѣть на своихъ и всѣ короли, которые начали носить консульское платье и діадемы, присланныя изъ Константинополя. Мы видѣли, что въ лѣсахъ германскихъ о дѣлахъ меньшей важности совѣщались начальныя люди, о важнѣйшихъ — всѣ. Король на римской почвѣ явился въ члѣ войска, привыкшаго къ этимъ всеобщимъ совѣщаніямъ, ибо движеніе войска, рѣшеніе на счетъ похода есть важнѣйшее дѣло, и тутъ-то варвары особенно отличались своимъ неповиновеніемъ. Франкскіе короли — Клотарь и Хильдебертъ идутъ на бургундовъ, братъ ихъ Теодорикъ отказывается идти съ ними вмѣстѣ; тогда его войско говоритъ ему: „Если не хочешь идти въ Бургундію съ братьями, то мы покинемъ тебя и пойдемъ за ними“. Теодорикъ уговариваетъ ихъ: „Ступайте за мною въ Овернь, я васъ приведу въ страну, гдѣ вы наберете золота и серебра, сколько душа желаетъ, наберете скота, рабовъ и платья множество; только не ходите съ братьями моими“. Король Клотарь идетъ на саксонцевъ; саксонцы просятъ мира; Клотарь хочетъ мириться, но воины говорятъ ему: „Мы знаемъ, что саксонцы лгуны, обѣщаній своихъ не сдержатъ“. Саксонцы опять съ мирными предложеніями; Клотарь опять проситъ франковъ не нападать на нихъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва божія; франки не хотятъ слышать о мирѣ. Король говоритъ имъ: „Если вы непременно хотите драться, то я не пойду съ вами“. Тогда воины бросаются на короля, рвутъ его палатку, ругаютъ его и тащутъ насильно въ битву, грозятъ убить, если не пойдетъ. Варвары, франки, это — войско; война — главный ихъ интересъ; они собираются весною, въ мартѣ мѣсяцѣ передъ началомъ похода, на *сеймъ*, на *малъ*, буквально — *отче, рада* (*шал* — слово, *гад* — испускать звукъ, *вѣче* — слово). Кромѣ войны, на „малѣ“ (которому по характеру своему вполне соответствуетъ черная рада у малороссійскихъ козаковъ) рѣшались и другія дѣла особенной важности, выборъ вождей, выборъ дядьки или воспитателя въ случаѣ малолѣтства короля, земельныя раздѣлы и раздѣлы казны между ко-

ролевскими дѣтьми, судъ надъ важными преступниками, дѣла церковныя, ибо на нихъ присутствовали епископы. Всевозможные беспорядки, какіе только можно себѣ представить въ громадномъ сборищѣ грубой вооруженной массы, не хотащей знать никакой дисциплины, беспорядки, которыми отличались воевація рады и польскіе сеймы, бывали и на этихъ франкскихъ мартовскихъ сеймахъ. Съ теченіемъ времени они собирались все рѣже и рѣже: они не могли нравиться ни королямъ, ни знати, ни епископамъ; съ постепеннымъ выходомъ изъ другой стороны, постепенное ослабленіе послѣдней отнимало значеніе у мартовскихъ сеймовъ, которые являются только военными смотрами. При такихъ точно условіяхъ военнаго занятія страны, въ Малороссіи гетманы, начиная съ Богдана Хмѣльницкаго, избѣгаютъ собранія Черной рады, и дѣла рѣшаются на сѣздахъ старшинъ и полковниковъ къ гетману.

Мы видѣли, что у варваровъ богатырь, начальныи челоѡкъ, окруженъ былъ воинственною толпою, дружиною, которая въ мирѣ составляетъ украшеніе, на войнѣ—охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносились дары. Эти слова Тацита о дружинѣ переводитъ русскій князь Владиміръ, говоря: „Золотомъ и серебромъ не приобрѣту дружины, а съ дружиною приобрѣту серебро и золото“. Понятно, что у франкскихъ королей, послѣ того, какъ они стали владѣльцами Галліи, дружина была очень многочисленна; она носитъ названіе *трукты* (*truste*), члены ея — *антрукстіоны* (по всѣмъ вѣроятностямъ, это слово однокоренное съ санскритскимъ *тра*, защищать, покровительствовать, кормить; древнеславянское *трукты* — кормить, наше *трава* — кормъ). Антрукстіоны, дружинники, клянутся быть вѣрными королю, быть его людьми (*leudes*); а король держитъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ (*mundium*): кто убьетъ антрукстіона, тотъ платитъ виру въ три раза большую, чѣмъ вира за убійство простого франка. Но кромѣ такой сильной охраны, антрукстіоны имѣли еще другія выгоды: они получали отъ короля хорошія помѣстья (*beneficia*), изъ ихъ среды король назначалъ правителей въ города и области съ титулами герцоговъ и графовъ, судей и сборщиковъ податей. По новому положенію своему на римской почвѣ, не какъ только вождь, но и какъ государь обширной страны, король принимаетъ въ антрукстіоны не однихъ храбрецовъ, онъ беретъ людей и галло-римскаго происхожденія, надобныхъ ему по своему искусству и образованію для исполненія разныхъ порученій, на примѣръ, для веденія дипломатическихъ сношеній, для составленія грамотъ; но высшія должности правительственныя, соединенныя съ охраною страны, должности герцоговъ, войсковыхъ начальниковъ областей, поручались преимущественно франкамъ, что видно изъ именъ герцоговъ, попадающихся въ лѣтописи, а это ясно показываетъ также отношенія франковъ къ галло-римлянамъ.

Король располагалъ обширною земельною собственностью, прежнею казенною собственностью имперіи, если и не предположимъ, что онъ, какъ вождь, взялъ себѣ хорошую, большую долю; обширная земля давала ему большія средства раздавать помѣстья или бенефиціи, награждать заслуги своихъ людей вотчинами; доходы съ земель, оставшихся за королемъ, подати съ галлоримскаго народонаселенія, подарки, подносимые по старому обычаю франками (которые упорно отказывались платить подати наравнѣ съ покореннымъ народонаселеніемъ),— всѣ эти доходы давали королямъ возможность имѣть обширное хозяйство. Антрустіоны находили для себя почетнымъ и выгоднымъ завѣдывать отдѣльными частями этого хозяйства; но понятно, какъ почетно и выгодно было положеніе человѣка, который стоялъ выше всѣхъ этихъ управителей отдѣльными частями, который имѣлъ высшій надзоръ надъ всѣмъ хозяйствомъ, надъ всѣмъ домомъ королевскимъ, былъ старшимъ въ его управленіи, *major domus*, палатнымъ мѣромъ.

Антрустіоны, приближенные къ королю люди, начиная съ самаго приближеннаго, палатнаго мѣра, составляли знать въ глазахъ остальнаго народонаселенія, *illustres, optimates*. Съ ними король держалъ совѣтъ, думу, и чѣмъ болѣе теряли значеніе общія войсковыя рады или мартовскіе сеймы, тѣмъ болѣе приобретали значенія эти совѣты короля съ знатью, съ антрустіонами; но въ этихъ совѣтахъ участвовала не одна свѣтская знать, въ нихъ участвовала и знать церковная, епископы.

Съ этими двумя элементами, знатью свѣтскою и церковною, королевская власть и должна имѣть преимущественно дѣло. Три силы на лицо: какъ же опредѣлить отношенія между ними? Тутъ прежде всего вниманіе наблюдателя обращаютъ на себя естественныя общія условія жизни человѣка и народа, тѣ представленія о законѣ отношеній, о правѣ, которыми люди и народы руководствуются въ первобытныя времена, пока опытъ долгой, политической жизни не убѣдитъ ихъ въ необходимости измѣнить эти представленія. При этомъ разныя случайныя обстоятельства играютъ важную роль, ибо они подкладываютъ тяжести на ту или другую чашку вѣсовъ. Само собою разумѣется, что изъ этихъ случайностей личность, способности, умѣнье пользоваться своими средствами, играютъ главную роль въ наклоненіи вѣсовъ въ ту или другую сторону; затѣмъ болѣе или менѣе продолжительная преобладанность способныхъ людей на той или другой сторонѣ; наконецъ, совершенно виѣшнія явленія, столкновенія народа съ другими народами и т. д.

Представленіемъ, господствующимъ у варваровъ, является представленіе о томъ, что страна есть частная собственность короля, по смерти котораго всѣ его сыновья имѣютъ одинаковое участіе въ отцовскомъ владѣніи. Сыновья Хлодовика раздѣлили Галлію между собою на четыре части, вовсе не соблюдая точности границъ; владѣнія ихъ были череполосныя: иногда одинъ городъ принадлежалъ двоимъ

и тронъ королямъ; Мецъ, Суассонъ, Парижъ и Орлеанъ были главными городами этихъ четырехъ волостей; но югозападная часть Галліи, прилегающая къ Атлантическому океану, такъ-называемая Аквитанія, поделена была опять на четыре части между братьями. Нужно ли говорить, какое явленіе напоминаетъ намъ это дѣленіе Галліи между потомками Хлодовика или, такъ-называемыми, Меровингами? Тотже также русскія владѣнія дѣлились между сыновьями Ярослава: Новгородъ отчислялся къ Киеву, Ростовъ къ Переяславлю Южному, Муромъ къ Чернигову! Какія же были отношенія между сыновьями Хлодовика? Государственной подчиненности младшихъ братьевъ старшимъ мы не видимъ никакой; о родовомъ подчиненіи, о томъ, чтобы старшій былъ вмѣсто отца, владѣлъ старшимъ столомъ, также нѣтъ помину. Мы видѣли, что германцы не могли сохранить или выработать крѣпкого родового союза, а на римской почвѣ, въ народонаселеніи римскихъ провинцій, и подавно не было условій, которыя бы благоприятствовали этому сохраненію или выработкѣ; но такъ какъ и государственныя отношенія еще не начинали выработываться, то между людьми, стоящими на верху, между владѣльцами, естественно выставляются развалины, обломки, воспоминанія родового союза, если онъ былъ когда-нибудь выработанъ, или первоначальныя черты его, задержанныя въ своемъ развитіи отсутствіемъ благоприятныхъ условій. Меровинги признають родственную связь между собою, признають землю, добытую предками, свою родовую собственность, считаютъ себя въ правѣ наследовать другъ послѣ друга; но при этомъ отсутствіи выработки родовыхъ отношеній, которыя у другихъ племенъ сдерживали хищничество, открывая властолюбію и честолюбію другіе виды, виды на старшинство въ родѣ,—отсутствіе выработки родовыхъ отношеній, у германцевъ давало полный просторъ хищничеству, стремленію увеличить свои надѣлы, свое богатство на счетъ родственниковъ, истреблять послѣднихъ. Нельзя было отнять землю у взрослыхъ родственниковъ, у братьевъ, истребить ихъ, нельзя было сладить съ племянникомъ взрослымъ, сильнымъ привязанностію дружины: бросались на малолѣтнихъ осиротѣлыхъ племянниковъ, ихъ истребляли и дѣлили земли отца ихъ между собою. Извѣстно, какъ у насъ, въ Россіи, при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, несчастные князья-сироты были мало обезпечены отъ властолюбія своихъ старшихъ родственниковъ. Любопытно видѣть, какъ и у Меровинговъ вкоренено было понятіе, что племянники при дядьяхъ не наследники: внукъ Хлодовика, знаменитый своимъ геройствомъ Теодебергъ, едва успѣлъ удержать за собою свою отчину, которую хотѣли поделить между собою дядья его; да и тутъ онъ должемъ былъ дать имъ долю изъ отцовскаго движимаго имущества.

Одинъ изъ сыновей Хлодовика, Клотарь, по смерти братьевъ, сталъ единовластцемъ всѣхъ отцовскихъ земель; но по смерти его онъ снова раздѣлились между сыновьями его, и это новое раздѣленіе было еще неправильнѣе прежняго: на примѣръ, король, который владѣлъ зем-

лями по теченію Сены, владѣлъ также Марселью. Нантъ принадлежалъ королю, царствовавшему въ Суассонѣ, а этотъ городъ только рѣкою отдѣлялся отъ владѣній другого брата. Дѣлили земли, завоеванныя Хлодвигомъ и его сыновьями: вмѣсто одного короля является нѣсколько равноправныхъ королей: въ какомъ же отношеніи находились къ нимъ франкское народонаселеніе, войско, также дружина или антрустіоны, ибо все это землевладѣльцы, вотчинники и помѣщики? При раздѣлахъ между королями, земельныя владѣнія знатнаго чело-вѣка могли очутиться въ волостяхъ разныхъ королей, и короли договариваются, что такой чело-вѣкъ, считаясь самъ лично подъ властію одного изъ нихъ, безпрепятственно пользуется имуществомъ, которое находится во владѣніяхъ другого. Такъ какъ въ подобномъ положеніи находилось и духовенство, имѣнія котораго были разбросаны въ волостяхъ разныхъ королей, то оно соединяетъ свои интересы съ интересами свѣтскихъ землевладѣльцевъ, и епископы требуютъ у короля, чтобъ духовныя и свѣтскія лица, живущія въ волостяхъ его дядей, но владѣющія землями въ его королевствѣ, не считались иностранцами, но пользовались бы свободно своими имѣніями. Наконецъ, короли договариваются не покидать другъ у друга дружинниковъ и не принимать такихъ, которые покинули службу своего короля. Эти два условія тѣсно связаны другъ съ другомъ: не существуй перваго, дружинникъ будетъ переходить въ службу того короля, во владѣніяхъ котораго находится большая или лучшая часть его земель; не будь втораго условія при первомъ, дружинники, переманиваемые какими нибудь выгодами, будутъ переходить въ службу другого короля, сохраняя свои земли въ волости прежняго, въ ущербъ послѣднему и въ усиленіе первому.

При первомъ поколѣніи, при сыновьяхъ Хлодовика, большихъ пере-мѣнъ въ отношеніяхъ дружины къ королямъ произойти не могло, потому что сыновья Хлодовика отличались тою же энергіею, тою же воинственною дѣятельностью, какъ и отецъ ихъ. Но со втораго поколѣнія начинается упадокъ между Меровингами. Виѣшнія завоевательныя войны смѣняются внутренними усобицами между королями. Нѣкоторые изъ этихъ королей представляются чудовищами разврата, въ который они бросились со всею варварскою необузданностію и пыломъ страсти, получивши большія средства къ ея удовлетворенію. Развратъ принесъ очень скоро свои плоды: явилось новое поколѣніе дряхлое физически и умственно, недолговѣчное; жизнь другихъ укорачивается ножами убійцъ, подсылаемыхъ родственниками. Являются случаи продолжительнаго малолѣтства королей, женскаго управленія, управленія вельможъ. У насъ съ дѣтства остаются въ памяти имена двухъ женщинъ изъ меровингской исторіи, знаменитыхъ Фредегонды и Брунегильды, которыхъ дѣятельность является на первомъ планѣ; явленіе естественное: съ паденіемъ мужчинъ у Меровинговъ, но при сохраненіи еще значенія, матеріальныхъ средствъ фамиліи, дѣятельность переходитъ къ женщинамъ, и потомъ уже все съ большимъ и боль-

шимъ паденіемъ фамиліи, на верхъ поднимается другая фамилія; эпоха Фредегонды и Брунегильды естественно посредствуетъ между самостоятельными Меровингами и правленіемъ палатныхъ мэровъ.

Но дѣятельность Фредегонды и Брунегильды необходимо останавливаетъ насъ и заставляетъ наблюдать надъ характеромъ и положеніемъ женщины въ новомъ обществѣ. Нѣмецкіе ученые, въ припадкахъ своего германофильства, стали проповѣдывать, что германская женщина міръ спасла, что только германская женщина явила въ себѣ настоящій женскій характеръ и установила настоящее положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, а въ семьѣ и обществѣ другихъ народовъ женщина имѣла низкое, недостойное положеніе. Съ легкой руки нѣмецкихъ наставниковъ и у насъ начали было толковать о созданіи славянской, русской женщины, которая также долженствовала міръ спасти. Нѣмецкіе ученые основали свои выводы о высокомъ характерѣ и положеніи женщины въ германскихъ лѣсахъ по скуднымъ извѣстіямъ о какихъ-то пророчицахъ Веледахъ, имѣвшихъ важное религіозно-политическое значеніе у своихъ народовъ, и о томъ, что германскія женщины очень храбро вели себя во время побоищъ, какъ будто у другихъ народовъ мы не видали женщинъ, облеченныхъ точно такимъ же характеромъ, какъ будто и другіе народы въ періодъ своей богатырской жизни не выставляютъ богатырей женскаго пола. Съ малолѣтства каждый грамотный человѣкъ вбираетъ въ свою память прекрасные, высокіе образы женщинъ и въ частной, и въ общественной жизни, героинь, совершающихъ подвиги для спасенія отечества, пророчицъ-вождей, судей своего народа, и это—въ народѣ восточномъ, не арійскаго племени. Но оставимъ отдаленный востокъ и перейдемъ поближе, въ Европу, на римскую почву, посмотримъ, въ какомъ значеніи встрѣтили варвары женщину въ римско-христіанскомъ обществѣ.

Также съ малолѣтства привывали мы къ преданіямъ о геройствѣ римскихъ женщинъ въ первыя времена знаменитаго города, о томъ уваженіи, какимъ была окружена римская женщина, какъ мать и жена; юридическія положенія объ отношеніи женщины къ мужу и сыну не должны смущать насъ, ибо при извѣстныхъ условіяхъ быта, слабѣйшему существу прежде всего должна быть обезпечена защита сильнѣйшаго, а защита и власть въ такомъ быту не отдѣляются. Впослѣдствіи измѣненіе условій быта отразилось въ сопоставленіи новыхъ брачныхъ формъ и условій съ прежними, архаическими, такъ сказать, формами и условіями. Высокое значеніе женщины въ Римѣ свидѣлствуется тѣмъ, что она здѣсь могла быть жрицею, свидѣлствуется и необыкновенными нравами весталокъ. Съ распространеніемъ образованности, римская женщина, овладѣвъ ея средствами, является въ обществѣ съ могущественнымъ вліяніемъ; распространеніе образованности въ Римѣ совпадало съ порчею нравовъ, и многія женщины пользовались своимъ положеніемъ не для поддержанія нравственныхъ началъ. Но для поддержанія послѣднихъ является христіанство, и римская женщина не уступаетъ мужчинѣ въ тяжелой

борьбѣ за распространеніе и утвержденіе новыхъ вѣрованій. Примѣровъ приводить не нужно, они всѣмъ извѣстны; но важное значеніе женщины, какое было приобрѣтено ею въ языческомъ Римѣ, и освященіе, какое дано было этому значенію христіанствомъ, нигдѣ не высказываются съ такою поразительностію, какъ въ исторіи Иеронима и Златоуста. Германская женщина при встрѣчѣ съ римскою, не могла ничего прибавить къ значенію послѣдней.

Извѣстно, что Тацитъ хвалитъ нравственную чистоту германскихъ женщинъ, и мы нисколько не станемъ заподозривать справедливости его извѣстій; мы укажемъ только на то, что Тацитъ причинами этой чистоты выставляетъ отсутствіе общительности при разрозненной жизни германцевъ, отсутствіе цивилизаціи, отсутствіе науки и литературы,—и прибавимъ, что женщины, знаменитыя въ лѣтописяхъ христіанскаго Рима и Византіи, отличались нравственною чистотою, принадлежа къ цивилизованному обществу, занимаясь наукою и литературою. Тацитъ хвалитъ германцевъ за однобрачіе, соблюдаемое большинствомъ; но говорить, что меньшинство, люди знатные живутъ въ многоженствѣ изъ благородства, а не по сладострастію (*non libidine, sed ob nobilitatem*). Намъ, разумѣется, трудно понять такое „noblesse oblige“, и мы не знаемъ, какъ свѣдалъ Тацитъ о такой обязанности, налагаемой благородствомъ только. Но какъ бы то ни было, когда Меровинги овладѣли Галліею, они вспомнили объ этой обязанности и начали исполнять ее съ чрезвычайнымъ усердіемъ, женились и разженивались безпрестанно и держали цѣлые гаремы изъ казенныхъ работницъ. Церковь вооружилась противъ этого разрушительнаго для новаго общества явленія всѣми своими средствами; но увѣщанія и отлученіе мало помогали при господствѣ двоевѣрія у варваровъ, изъ которыхъ многіе принимали христіанство только съ внѣшней стороны, служа внутри прежнимъ вѣрованіямъ и привычкамъ. Со стороны женщины дѣло не могло обойтись безъ протеста; въ германскихъ лѣсахъ она могла успокоиваться на законности этого явленія; на римской почвѣ, при требованіяхъ новой религіи, это успокоеніе было у нея отнято. Отсюда неодолимое стремленіе энергической женщины изъ наложницы стать законною и единственною женою, отсюда эта борьба съ соперницами, доходящая до крайности, когда всѣ средства считаются позволенными. Такимъ образомъ, дѣятельность Фредегонды, состоящая изъ цѣпи преступленій, есть не иное что, какъ печальное слѣдствіе обычая, принесеннаго Меровингами изъ лѣсу, обычая, который пришелся вовсе не по условіямъ новаго общества.

Но не одно стремленіе выйти изъ незаконнаго, непризнаваемаго новымъ обществомъ, унижительнаго положенія заставляло энергическую женщину волноваться, совершать преступленія и побуждать другихъ къ ихъ совершенію. Ее побуждало къ тому другое, болѣе могущественное чувство, чувство матери. Мы видѣли, что отношенія между Меровингами указываютъ на переходное, междоумочное время: государственныя опредѣленія не соблюдались, а члены господствующей фамиліи руководились

остатками родового обычая; имъ представлялось единство рода, нераздѣльность родового владѣнія, причемъ только старшіе могутъ быть представителями рода, совладѣльцами, племянники исключаются изъ владѣнія, дядья преслѣдуютъ ихъ, истребляютъ. Не одно властолюбіе руководило и королями, когда они стремились къ единовластію, къ изгнанію, истребленію братьевъ: ими руководило опасеніе за участь своихъ дѣтей, которыхъ дядья не оставятъ спокойно владѣть отцовскою волостью. То же самое видимъ на востокѣ, гдѣ господствуетъ та же невыработанная постановленій о престолонаслѣдствѣ, такіе же родовые обычаи, тотъ же сеніоратъ, по которому старшій въ родѣ, дядя, имѣетъ право предъ племянникомъ: мы видимъ, что султанъ, чтобъ упрочить престолъ за своимъ сыномъ, умерщвляетъ братьевъ. Но теперь легко представить себѣ положеніе матери-королевы, которая хорошо знала, что умри ея мужъ, дѣтямъ ея предстоитъ истребленіе или въ крайнемъ несчастливомъ случаѣ изгнаніе отъ дядей! видя въ братьяхъ мужа своего гонителей, истребителей ея собственныхъ дѣтей, она побуждаетъ мужа предупредить враговъ, напасть на братьевъ, изгнать, истребить ихъ. У туринговъ царствовали три брата—Бадерикъ, Герменфридъ и Бертеръ; у Герменфрида была жена Амалаберга, которая непремѣнно требовала отъ мужа, чтобъ онъ отдѣлился отъ братьевъ и владѣлъ одинъ; Герменфридъ уступилъ настояніямъ жены, напалъ на Бертера и убилъ его. Но оставался Бадерикъ, на котораго Герменфридъ боялся напасть. Однажды, когда онъ пришелъ въ столовую обѣдать, то увидалъ, что столъ накрытъ только на половину. „Что это значитъ?“ спросилъ онъ съ удивленіемъ у жены. „А то значитъ“, отвѣчала Амалаберга, „что кто довольствуется половиною королевства, долженъ видѣть половину своего стола пустою“. Тогда Герменфридъ отправилъ пословъ къ французскому королю Теодорикъ съ такимъ предложеніемъ: „Если ты погубишь Бадерика, то Герменфридъ раздѣлитъ его волость пополамъ съ тобою.“ Теодорикъ согласился, и Бадерикъ погибъ. Жена польскаго князя Владислава II-го, нѣмецкая принцесса Агнесса, до тѣхъ поръ не могла успокоиться, пока не заставила мужа напасть на братьевъ.

Множество варварскихъ королей вносило страшный раздоръ въ семьи; жены ненавидѣли другъ друга и передавали эту ненависть дѣтямъ; отсюда материнское чувство, желаніе предохранить собственныхъ дѣтей отъ гибели, заставляло женщину преслѣдовать своихъ пасынковъ, доводить ихъ до гибели, чѣмъ особенно славна была страшная Фредегонда. Послѣ этого такъ понятны для насъ слова нашего Ярослава, сказанныя сыновьямъ передъ смертію: „Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, имѣйте въ себѣ любовь, понеже вы есте братье единого отца и матери“. Передъ глазами Ярослава былъ печальный опытъ прежнихъ усобицъ, когда истребляли другъ друга князья, рожденные отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей.

Еще одно чувство, чувство религіознаго характера заставляло варварскую женщину выдаваться впередъ и побуждать мужчинъ къ ис-

полненію священной обязанности,—а эта обязанность заключалась въ смертоубійствѣ. Родственникъ былъ обязанъ отомстить смертью убійцѣ близкаго человѣка. Тѣмъ убитаго не могла быть покойна, пока кровавая месть не была совершена, и тѣмъ замѣтнѣе была женщина своимъ религіознымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе отличалась строгимъ исполненіемъ этой обязанности, по нашему — неумолимостью, жестокостью въ мести. Клотильда, жена Хлодовика, благодаря настояніямъ которой этотъ свирѣпый Сивамбръ принялъ христіанство,—Клотильда, которая, по смерти мужа удалилась отъ свѣта, проводила все свое время въ молитвахъ,—эта самая Клотильда заставила сыновей своихъ идти войною на бургундскаго короля, чтобъ отомстить ему за смерть отца своего. Поведеніе западной Клотильды такъ уснаетъ поведеніе восточной, русской Ольги, жестоко отомстившей древлянамъ за смерть мужа.

2) Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ.

Почти во всѣхъ государствахъ Европы сѣверныя части получаютъ преобладающее значеніе надъ южными: относительно всюду болѣе скупая природа сѣвера сохраняетъ въ человѣкѣ большую крѣпость, энергію, устойчивость, трезвость мысли и чувства—качества, необходимыя для успѣха въ государственномъ значительствѣ, и отказываетъ ему въ другихъ качествахъ, которыя въ южномъ народонаселеніи производятъ большую быстроту и роскошь развитія. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ странахъ имѣютъ важное значеніе тѣ ихъ части, тѣ окраины, которыя подвергаются наибольшей опасности отъ вѣдшихъ враговъ, должны первыя принимать на себя ихъ удары: здѣсь народонаселеніе крѣпнеть въ борьбѣ, принимаетъ воинственный, предпримчивый характеръ, способность къ защитѣ, переходящую въ способность къ наступленію. Правителями такихъ частей могутъ быть только люди сильные духомъ, способные къ постоянной борьбѣ. Въ римской имперіи такою частью была Галлія, изначала подверженная нападенію германцевъ, изначала спорная между ними и Римомъ: отсюда важное значеніе Галліи, важное значеніе ея правителей и войска, въ ней расположеннаго. Галлія была украиною римскаго цивилизованнаго міра не по отношенію только къ варварамъ арійскаго племени, германцамъ, но и по отношенію къ азіатскимъ степнымъ кочевымъ варварамъ, которыхъ нельзя было усюновить цивилизаціи, которые кромя опустошенія не приносили ничего. Граница Европы съ Азією, которая теперь, во второй половинѣ XIX-го вѣка, на берегахъ Аму и Сыръ-Дарьи, въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, была на берегахъ Рейна; гунскія кибитки раскидывались въ Галліи, на поляхъ каталонскихъ и были отброшены отсюда страшными усиліями римско-германскаго ополченія. Когда Галлія стала владѣніемъ германцевъ-франковъ, то значеніе ея не измѣнилось, значеніе украины цивилизованнаго міра, возрожденнаго христіанствомъ. Вожди франковъ, ставши

христианами и римскими сановниками, начинают въ отношеніи къ своимъ одноплеменникамъ, за-рейнскимъ германцамъ, ту же дѣятельность, какъ знаменитые римскіе полководцы, начиная съ Цезаря. Они начинаютъ наступательное движеніе на собственную Германію, а по ихъ слѣдамъ идутъ другіе завоеватели, проповѣдники христианства, которые привязывали германцевъ духовною связью къ Риму и его цивилизаци. Такая перемѣна въ движеніи, то-есть, когда, вмѣсто движенія германцевъ въ области имперіи и преимущественно въ Галлію, послѣдовало движеніе изъ Галліи въ Германію, условливалась прежде всего истощеніемъ Германіи. Никто, разумѣется, не предположить, что Германія во время перваго столкновенія своего съ Римомъ, дикая, покрытая дремучими лѣсами Германіи, могла содержать большое народонаселеніе, особенно когда знаемъ, что германцы жили разбросанно, не сгущаясь въ городахъ, которыхъ не было. Конечно, мы не должны упускать изъ вниманія большой плодущности арійскихъ племенъ, слѣдовательно и германцевъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что это разбросанное въ дремучихъ лѣсахъ народонаселеніе ожесточенно дралось другъ съ другомъ, и кромѣ того въ продолженіе вѣковъ постоянно выдѣляло изъ себя толпы переселенцевъ, которыя подъ разными видами проходили въ области имперіи, и наконецъ перешли туда цѣлыми народами. Это послѣднее переселеніе, закончившееся утвержденіемъ франковъ въ Галліи, въ связи съ гунскимъ нашествіемъ, и обезсилило Германію, прекратило движеніе ея народовъ, привело ихъ въ состояніе покоя, которое заставило ихъ припасть къ землѣ, сродниться съ нею. Тутъ-то собственно и положено было начало Германіи, ибо до сихъ поръ страна, получившая это имя, была только перепутьемъ для своего народонаселенія. Германія истощилась, а Галлія усилилась утвержденіемъ въ ней франковъ: это было самое сильное владѣніе въ цѣлой Европѣ, которое потому и начинаетъ наступательное движеніе на Германію, не могущую выставить ей сильнаго сопротивленія; одинъ германскій народъ за другимъ подчинился франкскимъ вождямъ, которые самымъ фактомъ подчиненія прикрѣпляютъ германскіи племена къ ихъ мѣсту жительства, вводятъ ихъ въ опредѣленныя границы, а идущее по слѣдамъ ихъ христианство прикрѣпляетъ ихъ окончательно къ странѣ созданіемъ религиозныхъ церковныхъ центровъ, епископствъ, монастырей.

Но если мы знаемъ, что франкскія владѣнія въ Галліи раздѣлялись между потомками Кловиса, то имѣемъ право ожидать, что самою значительною, самою сильною частью между ними должна быть сѣверо-восточная часть, германская украйна, вожди и воины которой находились постоянно на самомъ опасномъ мѣстѣ, требующемъ особеннаго мужества, энергіи и искусства. И дѣйствительно, мы видимъ, что сѣверо-восточная часть франкскихъ владѣній, такъ называемая Австразія беретъ явно перевѣсъ надъ юго-западною или такъ называемою Нейстриею. Послѣ первыхъ Меровинговъ исторія франковъ въ Галліи представляетъ картину смуты, усобицъ, оканчивающихся перемѣною

владѣльческаго дома, и во все это время за-рейнскіе германцы оставляютъ франковъ спокойно устроить свои дѣла въ Галліи, не пользуются удобнымъ случаемъ взять надъ ними верхъ, не трогаютъ ихъ въ богатой завидной Галліи: опять доказательство истощенія за-рейнской или собственной Германіи.

Какая же была причина смуть и усобиць между франками въ Галліи? Обнаруживается бесміе, неспособность къ правительственной дѣятельности между членами меровингскаго королевскаго дома, являются такъ называемые *миниме, ничего не дѣлающіе короли*. Это явленіе объясняется легко, если вспомнимъ, съ какою варварскою алчностью меровинги бросились на чувственныя наслажденія, благодаря средствамъ, которыя доставило къ тому ихъ верховное положеніе въ Галліи. Понятно, что такой образъ жизни долженъ былъ скоро повести къ физическому и нравственному ослабленію, одряхленію рода. Прежде всего оказалось, что Меровинги больше не воины, а потому и не вожди, могутъ заниматься только мирными дѣлами, судомъ; впоследствии оказалось, что они и ни къ чему негодны. Если короли не могутъ быть вождями, то на ихъ мѣсто должны быть другіе вожди. Меровинговъ вдругъ отстранить нельзя: это давній, знатнѣйшій владѣльческій родъ. Къ ихъ верховному значенію привыкли; но главное, у этого рода большія матеріальныя средства; у меровинговъ много земель, у нихъ большая *трусста*, большое количество людей, связанныхъ съ ними земельными отношеніями, кормящимися отъ нихъ; главный между членами *труссты*, антрустіонами—это управляющій домоу, хозяйствомъ королевскимъ, *major domus*, палатный мэръ; послѣ короля онъ виднѣе всѣхъ въ его домоу; во время малолѣтства короля онъ его опекунъ, а если король постоянно будетъ недорослемъ, нравственно несовершеннолѣтнимъ, то палатный мэръ будетъ постоянно занимать его мѣсто, и если король будетъ постоянно недорослемъ, а должность палатнаго мэра будетъ оставаться въ одномъ родѣ, станетъ наследственной, то рано или поздно родъ, дѣйствительно владѣющій, станетъ владѣющимъ и номинально, отнявъ у старой династіи и номинальное владычество.

Палатные мэры франковъ имѣютъ важное значеніе въ исторіи западной Европы, въ исторіи этихъ трехъ странъ — Галліи, Италіи и Германіи, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, потому что эта тѣсная связь явилась вслѣдствіе дѣятельности палатныхъ мэровъ. Организмъ въ новорожденныхъ государствахъ былъ крайне слабъ, внутренняго равновѣсія между органами быть не могло, вслѣдствіе чего сильнѣйшій стремился подчинить себѣ слабѣйшаго; при неразвитіи народной дѣятельности богатство, сила основаны исключительно на землевладѣніи, и сильнѣйшій землевладѣлецъ стремится подчинить себѣ слабѣйшаго; это подчиненіе происходитъ извѣстнымъ образомъ чрезъ обращеніе вотчинъ въ помѣстья: слабѣйшій отдастъ свою вотчину сильнѣйшему и беретъ ее назадъ въ видѣ помѣстья и съ извѣстными обязанностями подчиненія, зависимости, ибо при господствѣ зе-

мельной собственности, получение земли въ бенефиціи или помѣстьи, было самымъ яснымъ выраженіемъ зависимости, подчиненія, а владѣніе своею землею, вотчиною, служило вѣрнѣйшимъ выраженіемъ независимости. При такомъ положеніи дѣль, при такихъ стремленіяхъ, бѣдный, слабый землевладѣлецъ могъ сохранить свою независимость, сохраняя свою вотчину, свой жребій или аллодъ только при помощи верховной власти, но это возможно было только въ томъ случаѣ, когда верховная власть была сильна, а при тогдашнемъ государственномъ бытѣ это могло быть только при условіяхъ личныхъ средствъ правителя, способности его бороться съ сильными, давать имъ чувствовать свою силу и защищать слабыхъ. Когда между меровингами перестали являться такіе сильные правители, то сильные люди начали стремиться, съ одной стороны, въ независимости отъ короля: такъ какъ эта зависимость выражалась въ полученіи отъ короля помѣстій или бенефиціи и въ полученіи отъ него въ управленіе городовъ и областей, то освобожденіе отъ зависимости естественно состояло въ обращеніи помѣстій въ вотчины и въ обращеніи временныхъ правительственныхъ должностей въ наследственныя; съ другой стороны, произошло стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ подчинить себѣ слабыхъ чрезъ обратное измѣненіе вотчинъ ихъ въ помѣстья; слабые, не находя себѣ защиты въ верховной власти, естественно должны были закладываться за сильныхъ, отдавая имъ свои вотчины и принимая ихъ обратно въ видѣ помѣстій. При долгомъ рядѣ королей-недорослей, т.-е. при продолжительной слабости верховной власти, оба эти стремленія должны были увѣичаться вѣрнымъ успѣхомъ; Галлія должна была явиться подѣленною между извѣстнымъ количествомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, за которыми слабѣйшіе были бы въ закладникахъ, захребетникахъ, однимъ словомъ, гораздо ранѣе должно было бы произойти то же самое, что произошло позднѣе при паденіи карловингской династіи, именно при крайнемъ ослабленіи государственной власти, господство частнаго союза по землѣ, господство закладничества, или, по западному выраженію, феодализма. Разумѣется, столкновение между этими сильными землевладѣльцами, незнающими надъ собою никакой власти, повело бы къ войнамъ между ними; могла бы открыться возможность сильнѣйшимъ, способнѣйшимъ между ними подчинять себѣ другихъ; но все это потребовало бы времени, и Галлія или франки, ею владѣвшіе, не могли бы имѣть того вліянія на Италію и Германію, сыграть той посредствующей роли между ними, какую они сыграли при карловингахъ.

Палатные мѣры, перенеся на себя значеніе и средства меровинговъ, сдержали на нѣкоторое время стремленіе, долженствовавшее необходимо привести къ феодализму, удержали, слѣдовательно, на нѣкоторое время франкское государство отъ феодализма и дали начало новой династіи, которая при Карлѣ Великомъ соединила съ Галліей, Италію и всю Германію. Какимъ же образомъ палатные мѣры могли противодѣйствовать развитію закладничества или феодализма? Если

антрусіоны, пользуясь слабостію меровинговъ, стремились оставить за собой навѣки земли, полученныя отъ короля, обратить помѣстья въ вотчины, и должности сдѣлать наследственными, то палатные мѣры должны были ослаблять ихъ отнятіемъ у нихъ земель и должностей; этимъ отнятіемъ земель и должностей у слишкомъ богатыхъ и сильныхъ вельможъ они приобрѣли средство набирать для себя болѣе покорныхъ слугъ, раздавая новымъ, бѣднымъ людямъ конфискованныя земли и должности, набирать новыхъ, болѣе вѣрныхъ антрусіоновъ. Такъ поступалъ палатный мѣръ Гримоальдъ, сынъ Пепина Ланденскаго, такъ поступалъ палатный мѣръ Эброинъ, знаменитый своею ожесточенною борьбою съ старыми вельможами, замѣнявшій ихъ людьми новыми, покорными, Эброинъ, который, по свидѣтельству одного источника, наказавши людей несправедливыхъ и гордыхъ, водворилъ совершенное спокойствіе, а по свидѣтельству другого источника: чловѣкъ худородный, Эброинъ заключилъ въ темницу всѣхъ франковъ знатнаго происхожденія; онъ замѣнилъ ихъ людьми худородными, которые не смѣли противиться его нечестивымъ приказаніямъ. Такъ поступалъ палатный мѣръ Карлъ Мартелль, который, нуждаясь въ земляхъ для раздачи въ помѣстья своимъ антрусіонамъ, отбиралъ земли у епископовъ. Понятно, что борьба палатныхъ мѣровъ съ старыми вельможами была тяжелая, что не всѣ они могли выходить изъ нея побѣдителями. Вельможи составляютъ заговоръ убить Пепина Ланденскаго, и онъ спасается отъ смерти только чудомъ; Гримоальдъ и Эброинъ гибнутъ въ борьбѣ. Вельможи стараются не допускать наследственности въ должности палатнаго мѣра, не хотятъ даже допускать пожизненнаго занятія этой должности однимъ лицомъ. Но, несмотря на все стараніе враговъ подавить эту силу, палатные мѣры торжествуютъ, и опять повторяется то же явленіе, торжествуютъ палатные мѣры изъ германской украины, изъ Австразіи. Они даютъ франкамъ и новую династію. Попытка замѣнить династію королей-недорослей новою крѣпкою династіею изъ австразійскихъ палатныхъ мѣровъ была сдѣлана давно, но, какъ обыкновенно бываетъ, первая попытка не удалась, ибо силы противниковъ были еще велики. Въ половинѣ VII вѣка извѣстный Гримоальдъ, палатный мѣръ при австразійскомъ королѣ Сигибертѣ II, ведетъ сильную борьбу съ знатью, въ пользу короля отбираетъ у ней земли, которыя были ей получены до совершеннолѣтія короля, не падить и духовенства; но когда Сигибертъ II умираетъ, Гримоальдъ постригаетъ его сына, отсылаетъ его въ монастырь въ Ирландію и провозглашаетъ королемъ своего сына, выставляя, что послѣдній былъ усыновленъ покойнымъ королемъ. Но попытка, какъ сказано, была преждевременная: меровинги не превратились еще совершенно въ недорослей, и царствовавшій въ Нейстріи Меровингъ (Хлодовикъ II) не хотѣлъ спокойно перенести потери для своего рода Австразіи; враждебные Гримоальду австразійскіе вельможи соединились съ Меровингомъ, и Гримоальдъ умеръ въ темницѣ.

Первая попытка не удалась и долго не повторилась. Не поднимая

опаснаго вопроса о перемѣнѣ династіи, оставляя меровингскихъ королей-недорослей владѣть по имени, довольствуясь скромнымъ, но многозначительнымъ титуломъ вождей франковъ, палатные мэры усиливались на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе; при чемъ, какъ легко было предвидѣть, палатные мэры германской украины, Австразіи, низлагають палатныхъ мэровъ Нейстріи. Чтобъ вторая попытка замѣнить совершенно старую династію новою удалась, палатнымъ мэрамъ необходимо было сломить всякое сопротивленіе со стороны вельможества, со стороны свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, ибо со стороны меровинговъ сопротивленія быть не могло. Это было сдѣлано окончательно палатнымъ мэромъ Карломъ, носившемъ знаменательное прозвище молота (Мартелль). Мы уже упоминали, что Карлъ для достиженія своей цѣли употребилъ тѣ же средства, которыя употреблялись его предшественниками палатными мэрами, которыя употреблялись и въ другія времена, въ другихъ, далекихъ странахъ, но при одинакихъ обстоятельствахъ, когда государства носятъ земледѣльческій характеръ, когда земля составляетъ главное богатство, главную силу. Онъ раздастъ приближеннымъ, вѣрнымъ людямъ епископства и монастыри; у епископовъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ, онъ отнимаетъ часть земель, чтобъ раздать ихъ въ помѣстья своимъ людямъ. Мартелль покончилъ дѣло своихъ предшественниковъ, и сынъ его Пепинъ спокойно свелъ съ престола Меровинга и самъ сѣлъ на его мѣсто. Разумѣется, религиозное освященіе, данное новой династіи церковью, старшимъ римскимъ архіереємъ или папою, имѣло свое значеніе; но нельзя думать, чтобъ дѣло не обошлось и безъ этого освященія: все было приготовлено къ событію; Пепинъ получилъ новое значеніе, новый титулъ, благодаря преимущественно отцовской дѣятельности, уничтожившей всякое сопротивленіе окончательному возвышенію карловингской фамиліи.

Приготовленные Карломъ Мартелломъ средства Пепинъ передалъ сыну своему, Карлу Великому, котораго важное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ соединилъ судьбу трехъ главныхъ западно-европейскихъ континентальныхъ странъ, судьбу Италіи, Галліи и Германіи. Мы видимъ, что сѣверо-восточная часть Галліи представляла украину римско-христіанскаго міра, хранившаго остатки древней языческой цивилизаціи и начатки новой, христіанской; далѣе, на востокѣ, былъ міръ варваровъ, варваровъ способныхъ по своей природѣ къ принятію цивилизаціи, германцевъ, и варваровъ, если не совершенно неспособныхъ, то крайне тугихъ къ ея принятію, степныхъ варваровъ, обыкновенно знаменующихъ свою дѣятельность въ исторіи отрицательно, чрезъ опустошеніе, разрушеніе: такими были въ описанное время авары. Слѣдовательно, здѣсь, на границѣ двухъ міровъ, мы должны ожидать тѣхъ явленій, какія обыкновенно происходятъ на окраинахъ между цивилизованными и варварскими народами: постоянную борьбу между ними. Если цивилизованный народъ слабѣетъ въ силу какихъ-нибудь внутреннихъ причинъ, то варвары берутъ верхъ, усиливаютъ свои напа-

денія, даже покоряють цивилизованный народъ и, смотря по своей способности, или основываютъ новое государство и новое общество, или довольствуются только внѣшнимъ подчиненіемъ, данью. Если же усиливается цивилизованное государство, то оно тѣснить варваровъ, съ которыми мирное сожителство невозможно, покоряетъ ихъ и подчиняетъ цивилизаціи съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по способности варваровъ въ принятіи цивилизаціи. Таково было отношеніе Рима къ галламъ. Когда Римъ, пользуясь послѣдними своими силами, покорилъ Галлію и романизовалъ ее, то эта провинція явилась украиною римскаго цивилизованнаго міра относительно варварскаго міра германцевъ. Борьба между этими мірами началась немедленно, и такъ какъ римская имперія постоянно ослабѣвала, то варвары взяли верхъ, наводнили Галлію и утвердились въ ней. Образование въ этой богатой странѣ новаго владѣнія воинственными вождями варваровъ, и, съ другой стороны, указанное выше истощеніе Германіи, даетъ Галліи перевѣсъ надъ послѣднею, ближайшіе народы ея должны признавать свою зависимость отъ франкскихъ вождей, владѣтелей Галліи. Разумѣется, тутъ не могло быть прочности отношеній: при первомъ удобномъ случаѣ, при первой усобицѣ между франками германскіе князья свергали съ себя зависимость и начинали дѣйствовать враждебно противъ франковъ. Среди этихъ германскихъ народовъ мы встрѣчаемъ уже знакомое намъ явленіе: какъ въ Галліи время Цезаря тѣ народцы были суровѣе, энергичнѣе и крѣпче, которые были подалше отъ римскихъ владѣній, меньше были тронуты цивилизаціею; такъ и въ Германіи описываемаго времени: самыми суровыми изъ племенъ были тѣ, которыя были подалше отъ галло-франкской границы, самыми суровыми, энергичными и крѣпкими между германцами были саксонцы.

Среди саксонцевъ франки должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе, и время страшной, окончательной борьбы приближалось: силы франковъ сосредоточились, благодаря австразійскимъ вождямъ, преимущественно Карлу Мартеллу; средства постоянного, упорнаго наступленія на Германію, варварскую, раздѣленную и потому слабую, приготовились, но нападеніе на Германію шло съ двухъ сторонъ; кромѣ франкскихъ вождей, постоянно упорное наступательное движеніе на Германію видимъ со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Заодно съ Карломъ Мартелломъ дѣйствуетъ знаменитый проповѣдникъ Винфридъ или Бонифацій, но идетъ далѣе вождя франковъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, въ заповѣдныхъ языческихъ святилищахъ является безоружный богатырь, и свирѣпые варвары боязливо сторонятся передъ нимъ; въ его словахъ страшная сила, онъ проповѣдуетъ Бога, который сильнѣе ихъ боговъ, по его мановенію подсѣкаются, падаютъ священныя деревья, и ни одинъ богъ не приходитъ отмстить за свою обиду. Въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ жили только дикіе звѣри, слышится звукъ колокола: тамъ стоитъ деревянная церковь, оволо которой живутъ монахи; скоро къ этимъ

мѣстамъ пролагается дорога отовсюду, а куда идетъ много народа, тамъ и начинается постоянно жить много народа, и подъ сѣнью монастыря растетъ городъ. Но завоеванія христіанскихъ проповѣдниковъ подвергались иногда горькой участи: варвары, оскорбленные вторженіемъ чужихъ людей, чужой вѣры, собираются, истребляютъ церкви, монастыри, убиваютъ, выгоняютъ проповѣдниковъ. На мѣсто убитыхъ и прогнанныхъ являются другіе, но, желая обезопасить начатки христіанства, дать ему пустить корни, они ищутъ покровительства свѣтской силы, и вождь франковъ ихъ надежный покровитель, вѣрный союзникъ, ибо у нихъ одно общее дѣло. „Еслибы не страхъ предъ герцогомъ австразійскимъ“, говорили миссіонеры, „то намъ нельзя было бы ни устанавливать городъ, ни защищать духовенство“. Помощь была взаимная, и тотъ же Бонифацій помазываетъ на царство, провозглашаетъ королемъ Пепина, сына своего союзника и покровителя Карла Мартелла.

Пепинъ получилъ вѣнецъ королевскій; Бонифацій жадалъ и получилъ вѣнецъ мученическій: семидесятилѣтній старикъ оставилъ свою майнцкую епископію, пошелъ проповѣдовать христіанство между фризами и былъ убитъ ими. Пепинъ опустошилъ за это земли фризовъ, но сынъ его Карлъ поставилъ задачею своей дѣятельности чтобъ впередъ въ Германіи не убивали проповѣдниковъ христіанства. Въ исполненіи этой задачи и состоитъ историческое значеніе Карла Великаго. Онъ уничтожилъ черту, которая до него отдѣляла Германію отъ римско-христіанскихъ странъ — Италіи и Галліи, сдѣлалъ Германію также христіанскою и доступною къ принятію начатковъ цивилизаціи, далъ Германіи единство, во сколько она была способна къ нему, ввелъ ее въ общую жизнь съ Италіею и Галліею, расширилъ историческую европейскую сцену, перенесши мѣсто борьбы съ варварскимъ міромъ изъ Галліи (изъ сѣверо-восточной ея части преимущественно) въ Германію, сдѣлалъ послѣднюю украиною европейскаго христіанскаго міра. То, что Цезарь сдѣлалъ съ Галліею, то Карлъ Великій сдѣлалъ съ Германіею, и понятно, что приемы Карла въ войнѣ съ германцами очень сходны съ приемами Цезаря въ войнѣ съ галлами. Состояніе германцевъ при Карлѣ было одинаково съ состояніемъ галловъ при Цезарѣ, какъ вообще съ состояніемъ всѣхъ варварскихъ племенъ, раздѣленныхъ и потому слабыхъ въ борьбѣ съ народомъ, обладающимъ извѣстною степенью цивилизаціи. Цивилизація даетъ широту и ясность взгляда, умѣнне сосредоточивать силы; у варваровъ достаетъ силы нѣсколько разъ подниматься противъ завоевателей, благодаря случайнымъ воинскимъ обстоятельствамъ, особенно благодаря личности какого нибудь отдѣльнаго человѣка, вождя; но эти возстанія не возвращаютъ свободы, ибо внутренней органической народной и государственной связи нѣтъ; такія же черты представляетъ намъ и послѣдующая борьба западныхъ славянъ съ Карломъ и его германскими преемниками, и борьба пруссовъ съ тевтонскими рыцарями.

Но если борьба германцевъ (преимущественно саксонцевъ) съ Кар-

ломъ Великимъ представляетъ поразительное сходство съ борьбою галловъ противъ Юлія Цезаря; если, повидимому, она и кончилась одинакимъ образомъ, если Карлъ завоевалъ Германію и подчинилъ ее господствовавшему въ Галліи порядку, какъ Цезарь завоевалъ Галлію и подчинилъ ее римскимъ началамъ; то въ послѣдствіяхъ обоихъ явленій обнаруживается большое различіе. При завоеваніи Галліи Цезаремъ движеніе шло еще изъ крѣпкаго государственнаго тѣла, изъ страны, легко заданнаго богатствомъ своей цивилизаціи варварскую Галлію, не дававшей развиться въ ней самостоятельности политической и нравственной; но другое было въ отношеніяхъ между Галліею и Германіею во времена Карла Великаго. Во первыхъ, движеніе шло изъ страны внутренно далеко не сильной, изъ государства далеко еще не сложившагося, изъ государства, которое само переживало болѣзненное состояніе рожденія; во вторыхъ, цивилизація въ Галліи была слаба, нисколько еще не сложилась, не опредѣлилась. Остатки римской цивилизаціи боролись съ германскимъ варварствомъ и заглушались ими, еще не образовавъ языкъ. Въ дѣлѣ подчиненія Германіи сильнымъ, могущественнымъ средствомъ въ рукахъ галло-франкокихъ вождей было христіанство; но христіанство по своему существу, по всеобщности своей, не заключало въ себѣ условій подчиненія, поглощенія одной національности другою; церковныя же отношенія, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, связывали Германію съ Италіею, а не съ Галліею. Но если Галлія была слаба въ политическомъ и духовномъ отношеніяхъ, не имѣла средствъ держать Германію въ подчиненіи себѣ, то Германія въ то же время приобрѣтала силу: она приобрѣтала христіанство и начатки цивилизаціи, приобрѣтала единство религіозное и сознаніе о единствѣ политическомъ, выражавшееся въ стремленіи имѣть одного короля; благодаря этимъ обстоятельствамъ, Германіи не только легко было приобрѣсти самостоятельность, но и важное значеніе, значеніе украинна христіанскаго цивилизованнаго міра, перенявъ роль, которая до сихъ поръ принадлежала Галліи, роль, какъ извѣстно, благодарную, ибо она поддерживаетъ народныя силы постоянною борьбою и опасностію. Если эта роль дала въ Галліи первенство ея сѣверовосточной части, Австразіи, то она же давала теперь преимущество Германіи передъ Галліею, и была причиною, что германскій король удержалъ за собою первенство по титулу, удержалъ за собою императорское достоинство. Но, съ другой стороны, и Германія, ставши настолько сильною, чтобы удержать самостоятельность и приобрѣсти первенство положенія, была однако, какъ государство новорожденное, неустановившееся, заключающее въ себѣ много борющихся другъ съ другомъ элементовъ,— такъ слаба, что не могла подчинить себѣ Галліи, и та спокойно могла переживать внутренніе процессы своего государственнаго образованія, ставши Франціею.

Такимъ образомъ, въ началѣ западно-европейской исторіи мы видимъ на континентѣ двѣ главныя страны, которыя обѣ настолько сильны, чтобы сохранить свою самостоятельность, и настолько слабы,

чтобъ посягнуть на самостоятельность другъ друга, и это равенство положенія двухъ главныхъ странъ западной Европы, не исключая ихъ постояннаго и сильнаго соперничества и борьбы, носило однако въ зародышѣ будущую политическую систему Европы, ея политическое равновѣсіе. Политическая связь Галліи и Германіи могла продержаться только при Карлѣ Великомъ, благодаря личнымъ качествамъ этого государя и тому, что Карлъ дѣйствительно воспользовался преимуществомъ положенія франкскаго владѣнія въ Галліи, чтобъ подчинить Германію христіанству и цивилизаціи; но какъ скоро это дѣло было совершено, то Германія получила такія силы, которыя уравнивали ея положеніе съ положеніемъ Галліи, что дѣлало подчиненіе этихъ странъ другъ другу невозможнымъ, условливая ихъ раздѣльную, самостоятельную жизнь, тѣмъ болѣе, что знаменитый историческій дѣятель съ своею династіею, принадлежа Галліи какъ владѣтель, не принадлежалъ ея національности, которая еще не выработалась, — онъ принадлежалъ собственно германской національности, хотя несовершенно, принадлежа также міру римско-христіанскому и цивилизованному. Эта принадлежность двумъ мірамъ, двумъ странамъ, и дѣлала Карла способнымъ сыграть ту посредствующую между ними роль, которою онъ знаменитъ въ исторіи; но при этомъ для каждаго ясно, что Карлъ Великій есть собственно дѣятель германской исторіи и начальный ея дѣятель; онъ былъ то же для Германіи, что Кловисъ для Франко-Галліи или послѣдующей Франціи. Франко-Галлія отъ дѣятельности Карла не получила ничего; она потеряла только вслѣдствіе ея значеніе украины цивилизованнаго міра, ибо это значеніе, благодаря Карлу, перешло къ Германіи; но Германія получила отъ дѣятельности Карла все.

Кромѣ Галліи и Германіи, дѣятельность Карла Великаго обняла также и Италію; но здѣсь эта дѣятельность должна была подчиниться условіямъ, въ которыхъ жила Италія, которыя она вынесла изъ прежней своей исторіи. Здѣсь римская старина была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; здѣсь былъ вѣчный городъ съ своимъ притязаніемъ на всемірное главенство, съ своимъ соперничествомъ относительно Византіи, которая предъявляла то же притязаніе, съ своею извѣчною борьбою противъ варварскихъ вождей, хотѣвшихъ владѣть Римомъ такъ, какъ владѣли другими городами Италіи; съ своею формою быта, какъ она образовалась во время религіознаго переворота, когда епископъ города получилъ первенствующее значеніе, а епископъ Рима былъ вѣренъ притязаніемъ своего города, и потому считалъ себя главою всѣхъ другихъ епископовъ. Карлъ явился въ Италію какъ вѣрный слуга Рима: онъ освободилъ его и отъ лонгобардовъ, и отъ византійскаго императора, и за это былъ выкрикнутъ въ Римѣ императоромъ. При подчиненіи варваровъ римской цивилизаціи, при господствѣ римскихъ представленій и формъ, могущественный обладатель Галліи, Германіи и Италіи получилъ и высшій титулъ императора, тогда какъ предки его назывались только римскими патриціями. Разъ этотъ

высшій титулъ былъ переданъ сильнѣйшему изъ владѣтелей западной Европы, то онъ и остался между ними. Италия и Римъ оставались при этомъ въ томъ положеніи, какое началось для нихъ въ послѣднее время имперіи, когда императоры покинули Римъ для Равенны; теперь императоры жили еще дальше Равенны, за Альпами, и потому Римъ имѣлъ еще болѣе свободы опредѣлять свои отношенія по новымъ историческимъ условіямъ. При этомъ главное явленіе прежнее— борьба за независимость противъ слишкомъ сильныхъ владѣльцевъ, стремившихся подчинить Италію, Римъ, своему вліянію, своей власти. Борьба происходила и теперь подъ знаменемъ Рима, но знамя, по условіямъ времени, имѣло другой видъ: Римъ развилъ особенную власть, власть палскую, имѣвшую притязанія на всемірное владычество; но тотъ же Римъ сохранилъ изъ своей старины другую власть, тѣсно, необходимо съ нимъ связанную въ мысли народовъ, власть римскаго императора, и двѣ эти власти должны были вступить въ борьбу, имѣвшую важное значеніе для жизни всей западной Европы.

Поэтому, возстановленіе титула римскаго императора для одного изъ государей новыхъ западно-европейскихъ владѣній имѣло важное значеніе для послѣдующей исторіи; но въ началѣ этого возстановленія, при Карлѣ Великомъ, разумѣется, никто не могъ предугадать всѣхъ послѣдствій. Римъ призналъ императоромъ сильнаго владѣльца, жившаго въ Ахенѣ, какъ признавалъ императорами государей, жившихъ въ Равеннѣ или Константинополѣ. На очереди было явленіе, къ которому уже давно привыкли: послѣ сильнаго человѣка, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ большое количество земель, владѣнія его распадались, ибо между ними не выработалась крѣпкая внутренняя органическая связь, которая бы поддержала единство и порядокъ и при отсутствіи силы въ правителѣ. Династическое начало, вмѣсто помощи единству, дѣйствовало противъ него разрушительно, ибо родовое начало не знало никакихъ сдѣлокъ съ государственнымъ. За всѣми сыновьями признавалось право наследовать въ отцовскихъ владѣніяхъ, и только силѣ, жестокости и властолюбію предоставлялось возобновлять нарушенное единство, когда сильнѣйшіе владѣльцы отдѣлялись отъ младшихъ братьевъ и племянниковъ, убивая ихъ, ослѣпляя, заключая въ монастыри. Все зависѣло отъ случайности: будь преемникъ Карла похожъ на него, то единство сохранилось бы въ его царствованіи; но такъ какъ сынъ Карла вовсе не былъ похожъ на отца, то единство Карловыхъ владѣній рушилось; но дѣла Карла остались — основаніе новой Германіи и приведеніе ея въ связь съ Италією; послѣ него на лицо было три страны, отъ взаимодѣйствія которыхъ зависѣла послѣдующая судьба западной Европы: Галлія, превращавшаяся во Францію, и Германія, одна подлѣ другой, съ равными силами, третья—Италія, замѣняющая недостатокъ политическаго вліянія нравственнымъ вліаніемъ, приносящая въ это народное взаимодѣйствіе особую силу.

Теперь посмотримъ, что было сдѣлано при Карлѣ Великомъ и на-

дѣтеляхъ изъ его рода относительно внутренняго строя. Дѣятельность Карла носить тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность наиболѣе энергичныхъ его предшественниковъ: онъ старался задержать установленіе того порядка вещей, который былъ необходимъ по тогдашнимъ условіямъ новорожденныхъ государствъ западной Европы, именно закладничества, или такъ-называемаго феодализма. Мы видѣли, что варвары наслѣдовали отъ имперіи самое жалкое состояніе экономическаго быта; городъ упалъ, жители его, не могшіе удовлетворить требованіямъ казны, бѣжали, малкіе землевладѣльцы закладывались за богатыхъ, отдавали имъ свои земли, на которыхъ оставались уже въ видѣ временныхъ владѣльцевъ, что, по выраженію современниковъ, было первымъ шагомъ къ рабству. Подданные имперіи желали, говорятъ современники, владѣчества варваровъ; ихъ желаніе исполнилось, но могли ли они выиграть что-нибудь чрезъ эту перемѣну? Основныя отношенія остались прежнія. Новые варварскіе короли роздали своимъ сподвижникамъ земли въ помѣстья и вотчины, разослали своихъ сподвижниковъ правителями областей; по прежнему слабые и бѣдные явились беспомощными предъ сильными и богатыми, по прежнему, для полученія защиты отъ нихъ, они должны были за нихъ закладываться. Единственное, временное облегченіе происходило, когда сильный правитель, какое бы названіе онъ ни носилъ, начиналъ преслѣдовать другихъ сильныхъ, преслѣдовать людей, которые хотѣли усилиться около себя, набрать себѣ всякими средствами побольше земель, полученныхъ отъ короля помѣстья превратить въ вотчины, управление областями сдѣлать наслѣдственнымъ для себя. Истребленіе такихъ *тиранновъ*, какъ они называются въ источникахъ, разумѣется, должно было давать временное облегченіе угнетеннымъ, но только временное, ибо сильный правитель, истребившій опасныхъ для его власти тиранновъ, раздавалъ ихъ земли и должности преданнымъ себѣ людямъ, своимъ антрустіонамъ, которые опять пользовались своею силою и властію, чтобы обогащаться, усиливаться на счетъ слабыхъ, приводить послѣднихъ въ зависимость отъ себя. Внутрь Мартелла, Карлъ Великій, императоръ римскій, имѣлъ много побужденій водворить правду въ своихъ владѣніяхъ, защитить слабыхъ отъ сильныхъ, воспрепятствовать исчезновенію свободныхъ землевладѣльцевъ, переходу ихъ въ закладники или захребетники за частныхъ людей. Но какія были у него для этого средства, соотвѣтствующія собственному его представленію о своемъ характерѣ и представленію подчиненнаго населенія?

Представитель верховной власти былъ прежде всего для народа судья праведный, защитникъ отъ насилій. Епископъ говорилъ новому королю: „мы просили у Бога государя, который бы управлялъ нами по правдѣ, управлялъ каждымъ по его мѣсту и званію, государя, который былъ бы намъ покровомъ и защитою“. Въ своихъ просьбахъ народъ говорилъ королю: „если хочешь, чтобъ мы были тебѣ вѣрны, дай силу законамъ“. „Я буду судить по правдѣ,—говорилъ король,—если вы будете мнѣ воздавать честь и будете послушны“. Мы хорошо

знакомы съ этимъ общимъ для народовъ представлѣніемъ: „пойдемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. Какъ же могла доходить къ народу королевская правда, и прежде всего какъ могли доходить до ушей королевскихъ извѣстій о неправдахъ, жалобы на нихъ? Чѣмъ обширнѣе было новорожденное государство, тѣмъ, разумѣется, было больше препятствій этому. Извѣстная часть народонаселенія, именно: военная, свободные землевладѣльцы-вотчинники должны были собираться весной (сначала собирались въ мартѣ, а потомъ въ маѣ мѣсяцѣ) на военный сборъ или смотръ; но, какъ обыкновенно бываетъ въ государствахъ новорожденныхъ, неразвитыхъ, одинъ и тотъ же органъ служитъ для разныхъ отправленій, одно учрежденіе должно удовлетворять разнымъ потребностямъ, и потому майскіе военные сборы или смотръ являлись сеймомъ, на которомъ король совѣщался съ вельможами и знатнымъ духовенствомъ о стрѣхъ земскомъ и церковномъ, составлялись постановленія, которыя тутъ же объявлялись и утверждались одобрителными криками собранія; на сеймѣ рѣшались и важнѣйшія дѣла судныя. Пока каждый свободный человѣкъ могъ являться на сеймъ, до тѣхъ поръ онъ могъ на немъ представлять свои интересы и сдерживать сильныхъ. Но свободные люди, мелкіе землевладѣльцы-собственники не долго сохраняли возможность являться на сеймы. Обширность франкскихъ владѣній дѣлала эти путешествія затруднительными и тяжкими; поселеніе воиновъ на земельныхъ участкахъ необходимо производило перемѣну въ ихъ характерѣ, ослабляло воинственность, охоту къ движенію, выдвигало на первый планъ другіе интересы, хозяйственные: отсюда естественное стремленіе отбывать отъ походовъ и сеймовъ; отдаленные походы Карла Великаго не могли не имѣть вреднаго вліянія на мелкихъ, свободныхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, они должны были истреблять значительное ихъ число, вслѣдствіе чего въ вотчинахъ оставались вдовы и сироты, которыхъ легче было притѣснять насильникамъ; во-вторыхъ, отдаленность похода ужасала опасностями и разореніями вслѣдствіе покинутія хозяйствъ; по первой же причинѣ уменьшилось и число свободныхъ людей на сеймахъ; интересы ихъ оставались безъ защиты, а между тѣмъ стремленіе ихъ отбывать отъ военной службы, отговорки давали возможность областнымъ правителямъ обвинять ихъ въ непослушаніи, говорить, что съ ними нельзя ничего сдѣлать иначе, какъ силою, захватомъ ихъ домовъ. Чтобъ избѣжать военной службы, мелкіе землевладѣльцы стали закладываться за монастыри и за богатыхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ; но у правителей областныхъ были еще средства заставлять мелкихъ землевладѣльцевъ закладываться за себя; свободные люди несли тяжкія повинности: у нихъ останавливались королевскіе гонцы, кормились на ихъ счетъ и брали подводы даромъ; кромѣ того, свободные же люди должны были содержать въ исправности дороги и мосты; областные правители заставляли ихъ работать на себя, и для избѣжанія всѣхъ этихъ тягостей свободные закладывались, тѣмъ болѣе, что управы

противъ насильниковъ получить было трудно. Сначала свободное население небольшихъ округовъ или сотенъ должно было являться въ назначенные сроки, черезъ недѣлю или двѣ на мѣсто, назначенное для суда; но во время частыхъ и далекихъ походовъ, во время отсутствія областныхъ правителей, которые были вмѣстѣ и судьями, во время отсутствія свободныхъ людей, способныхъ носить оружіе, такое соблюденіе сроковъ и полноты суда было невозможно, особенно когда число свободныхъ людей становилось все меньше и меньше, вслѣдствіе закладничества. Послѣ, при Карлѣ Великомъ, надобно было ограничить число свободныхъ людей, собиравшихся на судъ; вмѣсто всѣхъ, должны были являться, такъ-называемые *scabini*, соотвѣтствующіе нашимъ „лучшимъ модямъ“, ибо одинъ указъ или капитулярій говорить о нихъ, какъ о „лучшихъ людяхъ, вакихъ только можно найти, такихъ, которые Бога боятся, справедливы, кротки и добры“. Скабины избирались государевыми посланцами, при содѣйствіи областныхъ правителей и народа, изъ среды свободныхъ людей.

Но подобныя мѣры только указывали на уменьшеніе числа свободныхъ людей, и никакъ не могли усилить ихъ благосостояніе и дать имъ средства удерживаться отъ закладничества. Карлъ очень хорошо понималъ, какъ важно было для его значенія и власти сохраненіе свободныхъ людей, которые давали ему независимыя средства вести внѣшнія войны и внутри держать въ повиновеніи сильныхъ людей; очень хорошо понималъ, что съ переходомъ вольныхъ людей въ захребетники къ богатымъ землевладѣльцамъ онъ или, по крайней мѣрѣ, его преемники очутятся въ рукахъ послѣднихъ. Карлъ давалъ предписаніе за предписаніемъ въ пользу свободныхъ людей; но предписанія мало помогали въ новорожденномъ обществѣ, которое по своей слабости, по своему хаотическому состоянію, не могло помогать власти, и дѣйствіе власти ослаблялось самимъ Карломъ, который, расширивъ предѣлы своихъ владѣній и своей дѣятельности, тѣмъ самымъ отнималъ у себя средства прямо и сильно дѣйствовать въ предѣлахъ прежнихъ своихъ владѣній. У Карла оставалось одно средство—личное посредственное дѣйствіе, посылка довѣренныхъ людей для наблюденія за исполненіемъ предписаній, и Карлъ схватился за это средство, какъ наиболѣе дѣйствительное, и употреблялъ его въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что ему приписывается учрежденіе „государевыхъ посланцевъ“ (*missi dominici*), хотя оно употреблялось и прежде него; при Карлѣ же это учрежденіе получило постоянство и правильное опредѣленіе; установлено было десять округовъ (*missatica*), изъ которыхъ каждый объѣзжали два лица—свѣтское и духовное; каждый округъ заключалъ въ себѣ шесть графетвъ и четыре епископства. Разъѣзды государевыхъ посланцевъ увеличивали еще тягости, лежавшія на областныхъ жителяхъ, которые должны были содержать ихъ на своей счетъ и давать подводы; содержаніе доставлялось натурою: 40 хлѣбовъ, два поросенка, барашекъ, четыре цыпленка, двадцать яицъ и т. д. Брать деньги было строго запрещено. Прибывши въ назначенный округъ,

посланецъ собиралъ всѣхъ свободныхъ франковъ и объявлялъ имъ о цѣли своего прїѣзда; не будучи въ состояніи обозрѣть лично всѣ мѣстности округа, *missus* избиралъ лучшихъ, самыхъ вѣрныхъ людей и разсылалъ ихъ повсюду для наблюдений. Предметъ надзора посланцевъ были—правосудіе, общее управление, взиманіе податей, взиманіе штрафа, который назывался *heriban*, платимый тѣми, которые не являлись на воинскій сборъ (*были съ тѣмъ*, по старому русскому выраженію). Посланецъ освѣдомлялся, кто изъ людей, приставленныхъ къ разнымъ дѣламъ, хорошо исполнялъ свою должность, чтобъ донести объ нихъ государю; самъ смѣнялъ дурныхъ, но главнаго областного правителя или графа смѣнить не могъ, а доносилъ только государю. Когда какой-нибудь сильный человѣкъ, свѣтскій или духовный, отказывался исполнять приказаніе посланца, то послѣдній оставался со всею свитою жить въ его владѣніяхъ, т.-е. кормился на его счетъ, до тѣхъ поръ, пока непокорный смирялся. Этотъ обычай замѣчательнъ, во-первыхъ, потому, что показываетъ, какъ тяжело было содержать посланца; во-вторыхъ, что было общаго у средневѣковыхъ народовъ, и считалось самымъ естественнымъ наказаніемъ для ослушниковъ; въ русской лѣтописи, въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ, говорится: „въ это время пришелъ отъ князя Святослава Ягъ, сынъ Вышатины, вошедши въ городъ къ бѣлозерцамъ, Ягъ сказалъ имъ: „если не перехватаете этихъ волхвовъ, то цѣлое лѣто не уйду отъ васъ. Бѣлозерцы привели къ нему волхвовъ“.

И знаменитое установленіе государевыхъ посланцевъ не могло остановить усиленія закладничества. Чтобъ эта мѣра была успѣшна, надобно было, чтобы всѣ *missi dominici* были достойны королевскаго довѣрія, чтобы, кромѣ честности, имѣли много ума, проницательности, ловкости для усмотрѣнія злоупотребленій и ихъ прекращенія; но этимъ условіямъ удовлетворить было не легко. Впрочемъ, оставя въ странѣ злоупотребленія правителей, всякаго рода отягощенія, которыми сильныя заставляли слабыхъ закладываться за себя, мы должны остановиться на одномъ побужденіи къ закладничеству, которое одно имѣло большую силу и противъ котораго *missi dominici*, при всей добросовѣстности, не могли ничего сдѣлать: это побужденіе было избываніе военной службы, дальнихъ походовъ. Какъ только воинъ, дружинникъ, дѣлался землевладѣльцемъ, хозяиномъ, то онъ терялъ военный характеръ; походъ, особенно отдаленный, былъ ему въ страшную, нестерпимую тягость, и чтобы избавиться отъ него, онъ закладывался за ближайшаго крупнаго землевладѣльца, выговаривая себѣ большія льготы, именно относительно военной повинности. „Эти люди были свободны, но такъ какъ они не могли выносить воинской повинности, то отдали свои земли (заложились)“, говорятъ источники. Такимъ образомъ, закладничество, или феодализмъ знаменуетъ время усаживанія народовъ въ извѣстныхъ странахъ, прекращеніе воинственныхъ движеній, которыми знаменуется предшествующее время, время движенія дружинъ, переселенія народовъ. Воины, получившіе земли, при-

падаютъ къ нимъ, не хотятъ съ ними разлучаться, вступаютъ въ частный союзъ, въ зависимость, лишь бы не отлучаться отъ своихъ земель, по крайней мѣрѣ на долго. Здѣсь обнаружилась необходимая реакція предшествовавшему направленію наступательному, здѣсь обнаружилось стремленіе стать крѣпко, удержаться, сохранить приобрѣтенное. Страна покрылась замками и всѣ землевладѣльцы уцѣпились, такъ сказать, другъ за друга, для защиты. Карлъ Великій былъ послѣдній завоеватель. Германское движеніе кончилось его походами, и кончилось обратнымъ путемъ: вождь франковъ, сначала называвшійся римскимъ патриціемъ, потомъ императоромъ, двигался съ запада на востокъ и подчинилъ себѣ Германію изъ Галліи. Морскія движенія норманновъ, начавшіяся съ этого времени, уже показываютъ, что на сухомъ пути движеніе германскаго племени закончилось, что на сухомъ пути ему нѣтъ больше мѣста, что здѣсь великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло; излишку сѣвернаго народонаселенія, бесповоиннымъ силамъ, богатырству оставалась одна морская дорога, завоеваніе острововъ и кое какихъ оконечностей западной части континента.

Великое переселеніе народовъ завершилось, сдѣлавъ свое дѣло, давши западной Европѣ новыя, свѣжія силы въ новомъ, свѣжемъ слобѣ народонаселенія, принадлежавшаго также къ любимому исторією племени арійскому, способному перенять древнюю греко-римскую цивилизацію и, при ея помощи, создать новую. При ея помощи? Давно уже историческая наука трудится надъ опредѣленіемъ степени этой помощи и встрѣчаетъ, какъ обыкновенно случается, препятствія въ своемъ дѣлѣ отъ ложнаго пониманія патриотизма, вслѣдствіе котораго, съ одной стороны, преувеличивается доля участія новыхъ народовъ въ построеніи новаго общества, съ другой преувеличивается дѣло участія римскаго, т. е. олатыннаго народонаселенія; выставляютъ въ новыхъ народахъ ихъ варварство, страсть къ разрушенію, бѣдствія, которыя они причинили цивилизаціи. Но дѣло въ томъ, что еслибы цивилизація римскаго міра была сильна, еслибы она давала обладающему ея народу нравственныя и матеріальныя средства, то отношенія были бы инныя: не варвары покорили бы римскія области, а Римъ покорилъ бы себѣ германцевъ, какъ покорилъ галловъ, и заставилъ бы ихъ совершенно подчиниться своей національности, олатынилъ бы ихъ. Таковы бывають всегда слѣдствія столкновенія сильныхъ цивилизованныхъ народовъ съ варварами; если же встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. что варвары покоряють цивилизованный народъ, то это значитъ, что послѣдній одряхлѣлъ, вслѣдствіе чего пала и его цивилизація; таковой упадокъ цивилизаціи и представляетъ намъ описываемое время, время разложенія римской имперіи; одряхлѣвшій римскій элементъ и его цивилизація были слишкомъ слабы, и потому не могли подчинить себѣ варваровъ, олатынить ихъ, и этимъ самымъ варварамъ была дана возможность начать жить своею жизнію, хотя и при новыхъ условіяхъ; ихъ національность не была задавлена чужою, римскою цивилизаціею,

но отчасти только подчинилась ея вліянію, и подчиненіе это имѣло свои степени, что обнаружилось на языкѣ, этомъ показателѣ народности: и въ прежнихъ римскихъ областяхъ варвары не приняли вполне латинскаго языка, но измѣнили его, образовали особые языки изъ смѣшенія латинскаго съ германскимъ; а за Рейномъ, внѣ прежнихъ областей римскихъ, германскій языкъ сохранился свободнымъ отъ латинскаго вліянія. При столкновеніи съ Римомъ новые народы встрѣтили одну дѣйствительную силу и безусловно покорились ей: эта сила была сила новой религіи, христіанства; остатокъ нравственныхъ силъ древняго общества весь ушелъ сюда, новые народы также выставили на служеніе новой религіи лучшія свои силы, и началась новая сильная жизнь, преимущественно подъ вліяніемъ новаго начала; подъ покровомъ этого сильнаго начала нашла себѣ убѣжище и слабая цивилизація древняго міра.

Древнее государственное устройство и древній экономическій бытъ оказались несостоятельными, не могли служить непосредственному образованію прочныхъ государственныхъ тѣлъ. Самыми сильными внутренними и внѣшними средствами историческіе дѣятели не могли тутъ ничего сдѣлать, и государство Карла Великаго, знаменитаго возстановителя римской имперіи, представляло внутри хаосъ, разложеніе общества, безнаказанность силы за насиліе: „власть лежала тяжелымъ гнетомъ на слабыхъ; разбойники безнаказанно совершали свои грабительства; мстители беззаконій являлись сообщниками преступленій“ (Алкуинъ).

Если такъ было при Карлѣ Великомъ, то легко понять, что стало послѣ него, когда личное ничтожество и междоусобныя войны еще болѣе ослабили власть его преемниковъ. Частный союзъ, частныя сдѣлки между слабыми и сильными явились единственнымъ средствомъ спасенія. Государство должно было отказаться отъ борьбы противъ частнаго союза, должно было отказаться отъ своихъ претензій, и мерзенскій эдиктъ 847 года провозглашаетъ: „всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина“.

3) Франція и Германія до тѣснѣйшаго соединенія послѣдней съ Италіею.

Мы остановились на мерзенскомъ постановленіи 847 года, которое провозгласило, „что всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина“. Этимъ постановленіемъ правительство торжественно заявило свою несостоятельность и тщету борьбы своей противъ частнаго союза, который одинъ могъ поддержать новорожденное общество. Общество начинается кровнымъ или родовымъ союзомъ, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ развиваться и долго быть крѣпкимъ, можетъ существовать въ видѣ крѣпкаго частнаго союза и тогда, когда изъ отдѣльныхъ родовъ образовался народъ, выработавшій себѣ общее правительство, государство. Сильныя препятствія для своего

вьями и Бернгардомъ, какъ старшимъ между двоюродными братьями. и Людовикъ точно также коронуеть императоромъ старшаго сына своего Лотара. Такимъ образомъ торжествуетъ первоначальное представленіе, по которому князь, осиротѣвшій при жизни дѣда, лишился права на мѣсто и значеніе, котораго отецъ лишенъ былъ смертью. У насъ, въ древней Россіи, при*большой силѣ и развитіи родовыхъ отношеній, существовали уже извѣстныя опредѣленія подобныхъ явленій, и князь-сирота, лишенный смертью отца движенія къ старшинству, какъ будто передъ нимъ выпадала ступень на родовой лѣстницѣ, причислялся къ *изгоямъ*, людямъ, лишившимся средствъ оставаться въ прежнемъ положеніи, продолжать наслѣдственное занятіе, какъ, напр., сынъ священника, неумѣющій грамотѣ и потому лишенный способности оставаться въ духовномъ званіи и т. п. Такое представленіе еще имѣло силу, какъ видимъ, и во франкскомъ государствѣ, и Бернгардъ являлся именно изгоемъ. Но подлѣ этого представленія существовало уже и другое, бьющее на разрушеніе родового единства, на постоянное выдѣленіе и возвышеніе старшей линіи посредствомъ майората, и Бернгардъ не хочетъ быть изгоемъ, хочетъ силою защищать свои права, тѣмъ болѣе, что у него партія между вельможами. Но его предпріятіе не удалось: онъ былъ приманенъ ложными обѣщаніями, схваченъ и судомъ императорскихъ вассаловъ осужденъ на смерть, какъ виновный въ измѣнѣ. Здѣсь мы видимъ уже вліяніе другихъ, государственныхъ началъ, которыя, разумѣется, не могли позволять родовымъ отношеніямъ существовать въ ихъ чистотѣ и силѣ, какъ они могли существовать гораздо долѣе у насъ, на востокѣ Европы. Императоръ Людовикъ смягчилъ приговоръ суда, перемѣнилъ смертную казнь на ослѣпленіе. Здѣсь видимъ уступку христіанскому вліянію. Магометанскіе владѣльцы, при господствѣ первоначальнаго представленія о сеніоратѣ и единствѣ рода, хладнокровно умерщвляютъ всѣхъ соперниковъ себѣ и своимъ дѣтямъ, всѣхъ младшихъ братьевъ и племянниковъ; въ мірѣ христіанскомъ, вмѣсто смерти, является ослѣпленіе, лишеніе способности быть соперникомъ, и это явленіе общее въ подобныхъ случаяхъ: вспомнимъ, что во время окончательной борьбы между московскими князьями за старый и новый порядокъ престолонаслѣдія, мы встрѣчаемся съ ослѣпленіемъ двухъ князей.

Вдовство императора Людовика и вторичный бракъ его повелъ къ обычнымъ въ древней семьѣ волненіямъ. Братья теперь стали не одной матери; энергическая мачиха Юдиобъ (урожденная Вольффъ, графиня баварская) изъ опасенія, что пасынки обездолятъ ея сына, всѣми силами старается дать послѣднему преимущество предъ братьями; понятно, что сыновья Людовика отъ перваго брака не могли сносить этого равнодушно, и начинаются усобицы, которыхъ слабый характеромъ императоръ сдержать не въ состояніи. Усобицы продолжались и по смерти Людовика между троиою его сыновьями. Въ 843 году былъ знаменитый уговоръ между братьями въ Верденѣ на счетъ раз-

дѣла отчины и дѣдины своей. Родовыя владѣнія франкскихъ князей разломались по этнографическимъ, географическимъ и историческимъ порѣзамъ на три части: Галлію, Италію и Германію. Старшій, Лотарь, взялъ Италію, которая удерживала за собою первенство по историческимъ преданіямъ, по Риму, по имперіи. Новая исторія однако началась; началась она тѣмъ, что тѣ части Европы, которыя до сихъ поръ были за границею исторіи, выступили на историческую сцену съ важнымъ значеніемъ; но поддержать это значеніе и развиваться онѣ могли только при условіи поддержанія тѣсной связи съ прежними историческими странами, въ которыхъ жила древняя цивилизація; старое не имѣло силы безъ новаго, новое не имѣло средствъ къ развитію безъ стараго. Старое жило въ преданіи о Римѣ, объ имперіи, что давало въ средніе вѣка основаніе и дѣйствительныя силы папству, первенству римскаго архіерея; новое выражалось въ дѣйствительной матеріальной силѣ. Сознаніе необходимости соединить старое съ новымъ, старую Европу съ новою, должно было высказываться наглядно, и оно высказалось въ томъ, что императоръ Лотарь въ своимъ итальянскимъ владѣніямъ присоединяетъ полосу земли отъ Роны до устьевъ Рейна, ту полосу земли, гдѣ было первоначальное гнѣздо австрійскаго дома, гдѣ романскія и германскія народности соприкасались другъ съ другомъ. Это распоряженіе, разумѣется, не можетъ не напомнить намъ того распоряженія нашихъ русскихъ князей, по которому Новгородъ, сѣверный конецъ великаго варяжскаго пути, постоянно находился въ зависимости отъ старшаго князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ, и такимъ образомъ необходимость соединенія сѣверной и южной Руси высказывалась наглядно.

Не выработался въ княжеской семьѣ майоратъ съ государственнымъ подчиненіемъ младшихъ братьевъ старшему, не выработались и феодальныя отношенія, связь между братьями должна была быть только родовая. Относительно владѣній эта связь между сыновьями Людовика Благочестиваго выразилась тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ часть въ своей *отчинѣ*, во франкскомъ гнѣздѣ, въ Австрازیи, точно такъ, какъ московскіе князья, дѣля между собою города и волости и отдавая городъ Москву старшему брату, удерживали, однако, каждый извѣстную часть въ этой самой Москвѣ.

При связи только родовой, при отсутствіи государственной подчиненности императору, Карлъ Лысый былъ совершенно независимъ въ управленіи доставшеюся ему странюю, будущую Францію. Обязанность правителя этой страны въ описываемое время была тяжка. Галлія во время сухопутнаго движенія народовъ подверглась варварскимъ нашествіямъ, какъ украина Римской имперіи; теперь, съ прекращеніемъ сухопутнаго движенія народовъ и съ усиленіемъ морскаго движенія запоздавшихъ сѣверныхъ дружинъ, она подвергается норманскимъ опустошеніямъ, какъ приморская страна. Города, начавшіе-было подниматься вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія на водяныхъ путяхъ, были разорены въ конецъ, являлись въ видѣ жалкихъ дереву-

шекъ. Эта остановка торговаго и промышленнаго движенія вслѣдствіе норманскихъ опустошеній продолжила и утвердила господство недвижимой, земельной собственности, дала окончательное развитіе закладничеству по землѣ или феодализму. Независимые мелкіе собственники исчезали совершенно; король, для отраженія враговъ, не могъ собрать войска, непосредственно относившагося къ нему и странѣ; онъ сталъ зависѣть отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые являлись окруженные толпами своихъ закладчиковъ или вассаловъ; заставить этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ защищать страну король могъ только уступкою имъ должностей и помѣстій въ наследственное владѣніе, уступкою имъ независимости; а между тѣмъ голодъ истреблялъ низшее народонаселеніе; ѣли землю, умятчивъ ее нѣсколько медомъ; волки стаями бродили по опустошенной странѣ. Стремленія сильнѣйшихъ землевладѣльцевъ къ полной независимости вели къ войнамъ ихъ противъ короля, который, при недостаткѣ военныхъ силъ, не могъ выходить изъ нихъ побѣдителемъ. При усобицахъ между королемъ и вельможами, которые искали всюду помощи, даже у арабовъ, трудно было братьямъ Лотарю, Людовику и Карлу жить въ дружбѣ; но ихъ столкновенія прерывались явленіемъ, съ которыми мы знакомы по древне-русской исторіи. Между братьями происходили сѣзды; каждый являлся съ своею дружиною или вельможами, и начинались мудрыя рѣчи о томъ, сколько злого и вреднаго правителямъ и народу произошло отъ братскаго несогласія и недобѣрія; что братья хотять забыть все прежнее и жить впредь по любви; ни одинъ не станеть желать земель и слугъ другого, не станеть слушать клеветниковъ, смущающихъ братію своими навѣтами, но будутъ всѣ трое помогать другъ другу въ нуждѣ, и проч. Не знаешь, съ западными ли источниками имѣешь дѣло, или читаешь перифразъ русской лѣтописи: такъ тождественны явленія!

Замѣтивъ сходство, замѣтимъ и несходство. Родовыя отношенія если и прорывались при благоприятныхъ обстоятельствахъ, то вовсе не съ тѣмъ господствующимъ характеромъ, какъ у насъ, на Востокѣ. На Западѣ господство земельныхъ отношеній налагало крайнюю преграду ихъ развитію, именно уничтожая общее родовое владѣніе. По смерти Лотаря (855 г.) императорскій титулъ и владѣнія его не переходятъ къ старшему по немъ брату; императорскій титулъ переходитъ къ старшему сыну Лотаря, Людовику II, и владѣнія дѣлятся также между его сыновьями, какъ опричина, удѣлъ. Быстрое вымираніе этой лотаровской линіи потомства Карла Великаго вело между оставшимися Каролингами Галліи и Германіи къ столкновеніямъ и сдѣлкамъ по поводу наследства; здѣсь впервые обнаруживается борьба между государями Галліи и Германіи за Италію, которая не можетъ образоватъ независимаго цѣлаго, благодаря Риму; Римъ, пользуясь борьбою, выбираетъ между соперниками, волнуется партіями по этому случаю; главное лицо въ немъ епископъ; главный епископъ на всемъ Западѣ пользуется больше всѣхъ соперничествомъ государей изъ за

титула императорскаго; уступкою новыхъ выгодъ они должны платить ему за вѣнчаніе въ Римѣ императорскимъ вѣнцомъ. Въ 876 году, Карлъ Лысый успѣлъ предупредить своего брата, Людовика Германскаго, и получить въ Римѣ императорскій вѣнецъ при содѣйствіи особенно папы Іоанна VIII, который получилъ за это хорошую благодарность, какъ увидимъ послѣ въ своемъ мѣстѣ. Вообще, въ послѣднее время царствованія Карла Лысаго Галлія, повидимому, переселивала Германію. Но это видимое преимущество кончилось со смертію Карла Лысаго. Дѣло разъединенія государственныхъ силъ шло быстрымъ шагомъ впередъ, благодаря усиленію подчиненныхъ землевладѣльцевъ путемъ частнаго союза, закладничества или феодализма, благодаря тому, что при междоусобныхъ войнахъ и норманскихъ нашествіяхъ король, не имѣя войска при исчезновеніи мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, долженъ былъ покупать помощь крупныхъ землевладѣльцевъ новыми уступками въ пользу ихъ силы и независимости. Закладничество или феодализмъ достигалъ господства; раздробляя страну на множество почти независимыхъ владѣній, онъ въ то же время связывалъ всѣхъ владѣльцевъ цѣпью собственно однихъ только нравственныхъ отношеній, довольно сильныхъ, однако, для того, чтобы сохранить сознаніе единства страны, пока при новыхъ благоприятныхъ условіяхъ явилась возможность установить въ ней единство политическое. При неострашимомъ стремленіи феодализма къ господству, землевладѣлецъ, стоявшій на верхней ступени феодальной лѣстницы, человѣкъ, имѣвшій захребетниковъ или вассаловъ, но самъ не бывшій ничѣмъ захребетникомъ, естественно становился главнымъ человѣкомъ въ странѣ, представителемъ ея единства и бралъ на себя старинное, освященное употребленіемъ имя верховной власти. Положеніе на верху феодальной лѣстницы и королевскій титулъ могли остаться за Каролингами или перейти въ другую фамилію—это было явленіе уже чисто случайное, зависѣвшее отъ того, оставались ли Каролинги достаточно матеріально сильны для того, чтобы имѣть первенство между другими землевладѣльцами и имѣли ли достаточно личныхъ средствъ, способностей для охраненія своихъ историческихъ правъ. Историки, нерѣдко преклоняющіеся передъ успѣхомъ, не очень сочувственно и справедливо относятся къ Каролингамъ, тогда какъ при внимательномъ изученіи ихъ дѣятельности оказывается, что у многихъ изъ нихъ не было недостатка въ способностяхъ, съ помощію которыхъ они изворачивались въ иныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но нельзя не замѣтить, что судьба не была къ нимъ благосклонна. Карлъ Лысый, несмотря на ослабленіе правительственныхъ средствъ, въ чемъ не онъ былъ виноватъ, окончилъ свое царствованіе съ большимъ почетомъ внутри и внѣ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Людовикъ, но не прожилъ и двухъ лѣтъ. Сынъ его, Людовикъ III, процарствовалъ около четырехъ лѣтъ, успѣвъ, однако, въ это короткое время прославиться знаменитою побѣдою надъ норманнами при Сольбурѣ. Братъ его, восемнадцатилѣтній Карломанъ, процарствовалъ

съ небольшимъ два года. У него остался малолѣтній братъ Карлъ; но при тогдашней неопредѣленности правъ наслѣдства и при тогдашнемъ состояніи страны, когда король не долженъ былъ выпускать изъ рукъ оружіе для отраженія норманновъ—малолѣтній король былъ невозможенъ, и потому призвали Карла Толстаго, единственнаго представителя восточной, германской линіи Каролинговъ, который такимъ образомъ сталъ владѣть всѣми частями имперіи Карла Великаго. Но имперія Карла Толстаго не была похожа на имперію Карла Великаго: то, что начиналось при послѣднемъ, и чему онъ не могъ противопоставить крѣпкихъ и долговѣчныхъ преградъ, то совершилось во времени Карла Толстаго: феодализмъ господствовалъ, децентрализація была полная. Карлъ Великій пріобрѣлъ себѣ славу знаменитаго историческаго дѣятеля тѣмъ, что умѣлъ направить пока еще сплоченныя силы новой Галліи для подчиненія христіанству и цивилизаціи раздробленной, варварской Германіи; но для потомка его выпадала задача гораздо труднѣе — *безъ средствъ* сохранить подъ своею властью Галлію, Италію и Германію, привыкшихъ уже къ самостоятельности, *безъ средствъ* защитить всѣ эти три страны отъ норманнскихъ и арабскихъ опустошеній. Задача была не по человѣческимъ силамъ, и вопросъ о личныхъ средствахъ какаго нибудь Карла Толстаго—вопросъ лишній. Черезъ три года послѣ своего провозглашенія императоромъ всѣхъ владѣній Карла Великаго, умеръ Карлъ Толстый, увидѣвъ еще при жизни своей отдѣленіе Германіи. Въ Галліи, по смерти Карла Толстаго, королемъ провозглашенъ былъ самый видный изъ землевладѣльцевъ, Одонъ, графъ парижскій, но изъ Каролинговъ оставался еще Карлъ, сынъ Людовика II, и въ пользу его образовалась сильная партія, провозгласившая его также королемъ. Смерть Одона примирила на время партіи, и Карлъ, извѣстный подъ прозвищемъ Простого, былъ единогласно признанъ королемъ; но этотъ король, несмотря на свои стремленія подняться съ помощью духовенства и усилить свою власть, безъ обладанія собственными средствами, землями и войскомъ, могъ быть только игрушкою въ рукахъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что преемники Одона, герцоги Франціи, не могли забыть о королевскомъ титулѣ. Во время усобицы королевскій титулъ перешелъ къ герцогу бургундскому; Карлъ Простой умеръ въ темницѣ, сынъ его, Людовикъ, нашелъ убѣжище за моремъ, въ Англии, почему и называется „заморскимъ“. Гуго французскій или парижскій призвалъ Людовика изъ за моря и далъ ему королевскій титулъ, но съ тѣмъ, чтобъ имѣть короля въ полной зависимости отъ себя, и когда этотъ Каролингъ не захотѣлъ быть похожимъ на послѣднихъ Меровинговъ, то страшная и долгая усобица была слѣдствіемъ. Людовикъ и сынъ его Лотарь не позволяли забывать въ себѣ королей, хотя владѣнія ихъ ограничивались почти однимъ городомъ Ланомъ съ окрестностями, и только когда сынъ Лотаря, Людовикъ V, умеръ бездѣтнымъ, Гуго Капетъ французскій могъ спокойно принять королевскій титулъ и короноваться въ Реймсѣ (987).

Мы не можем останавливаться на истории четырех первых Капетинговъ, потому что она не представляет ничего важнаго для наблюдателя общихъ явленій въ жизни народовъ и разныхъ особенностей, обнаруживаемыхъ тою или другою народною личностью. Можемъ упомянуть объ одномъ, что эти Капетинги, для утвержденія королевскаго титула въ своей фамилии, объявляютъ при жизни своей старшихъ сыновей соправителями и коронуютъ ихъ; явленіе, какъ уже замѣчено, общее для государей разныхъ странъ на западъ и востокъ Европы.

Обратимся къ начальной исторіи другой части имперіи Карла Великаго, къ исторіи германской. Мы уже видѣли, что значеніе дѣятельности Карла В. состояло въ расширеніи европейской исторической сцены: онъ ввелъ Германію въ область исторіи, давши ей христіанство, начатки цивилизаціи и начатки государственности. Вслѣдствіе такого расширенія исторической сцены, Германія получаетъ значеніе крайней западнаго римско-христіанскаго міра, значеніе, которое имѣла прежде Галлія. Германцы, утвердившіеся въ Галліи, франки, принявши христіанство и усыновившись Риму, переняли на себя обязанность бороться съ своими зарейскими соплеменниками, которые, особенно какъ язычники, являлись для нихъ варварами; теперь восточные германцы, принявши христіанство, относятся точно также къ народамъ, жившимъ на востокъ отъ нихъ, относятся къ нимъ, какъ къ варварамъ, считая своею обязанностью распространять между ними христіанство и подчинять ихъ римской имперіи, т. е. дѣлать съ ними то же самое, что сдѣлалъ Карлъ Великій съ самими восточными германцами. Эти варвары, восточные народы, относительно которыхъ Германія становилась крайней западнаго римско-христіанскаго міра, сильно разнились между собою; одни были народы туранскаго происхожденія, не перестававшіе, по слѣдамъ гунновъ, дѣлать опустошительныя вторженія въ Европу, до самой Галліи. Германія, какъ крайняя, должна была подвергнуться сильнымъ ударамъ этихъ народовъ, ограничиваясь борьбою оборонительною. Но, кромѣ этихъ кочевыхъ пришельцевъ изъ Азіи, восточными сосѣдями германцевъ были давніе осѣдлые жильцы Европы, народы арійскаго племени, славяне. Столкновенія ихъ съ германцами, разумѣется, должны были начаться очень рано; но съ Карла Великаго начинается это, можно сказать, систематическое движеніе германскихъ королей на славянъ, съ цѣлью распространенія между ними христіанства и подчиненія ихъ своей власти. Относительно нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ это стремленіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: разрозненные, и потому слабые, славяне не могли успѣшно противиться германцамъ, теперь объединеннымъ, и потому сильнымъ, должны были принимать христіанство и вмѣстѣ отказываться не только отъ своей независимости, но и отъ народности, нѣмечиться, утрачивая основу народности—языкъ; слитіе понятій—нѣмца и христіанина съ одной стороны, и славянина и язычника—съ другой, естественно вело къ этому онѣмеченію славянъ: сла-

вянинъ, принявши христіанство, слишкомъ рѣзко отдѣлялся отъ своихъ соплеменниковъ, становился къ нимъ поэтому во враждебное отношеніе, и потому стремился вполне прировняться къ своимъ собратьямъ по вѣрѣ.

Но такой успѣхъ германцы могли получить только относительно нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. Другія племена выставили сильный отпоръ; въ нихъ обнаружилось движеніе, свидѣтельствовавшее ихъ жизненность, способность къ исторіи; обнаружилось стремленіе къ соединенію силъ, къ образованію государствъ, что, разумѣется, должно было служить самымъ могущественнымъ средствомъ къ охраненію самостоятельности; явилось стремленіе къ образованію независимой церкви, съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, чего можно достигнуть съ помощію восточной имперіи, съ помощію восточной, греческой церкви. Борьба съ славянами стала трудна для нѣмцевъ. Разумѣется, главною цѣлію ихъ государей стало—не допускать образованія большихъ славянскихъ государствъ. Имъ удалось, съ помощію туранцевъ, разрушить государство моравское, разорвать связь западныхъ славянъ съ южными и съ Византіею; имъ удалось остановить усиленіе чеховъ и крѣпко вцѣпиться въ ихъ страну, не выпустить ее изъ зависимости отъ римско-германскихъ императоровъ; но они не успѣли удержать въ этой зависимости болѣе отдаленную Польшу; кромѣ того, славянское племя раскинулось далеко по восточной Европѣ и здѣсь успѣло образовать христіанское государство, которое, по этому характеру своему, стало европейскою украиною въ отношеніи къ варварскому міру, къ языческой и магометанской Азіи, со всѣми условіями этого положенія и съ особенностями, какихъ не имѣли ни Галлія, ни Германія, когда были крайнами европейскаго міра. Мы рассмотримъ отдѣльно, въ своемъ мѣстѣ, эти условія и особенности, а теперь будемъ продолжать наблюденія надъ историческою жизнью германскаго племени, поставленнаго въ новыя отношенія.

Германія и теперь представляла еще, относительно, страну дѣвственную, покрытую обширными густыми лѣсами, и, слѣдовательно, съ народонаселеніемъ рѣдкимъ. Немногіе города по Рейну и Дунаю были остатками отъ римскихъ временъ, созданіемъ римской администраціи. Во Франконіи, Турингіи и Саксоніи видѣлись только большія села, прислонившіяся къ замку или монастырю. Въ такой странѣ все надобно было начинать сначала. Народонаселеніе представляло сплошную одноплеменную массу, что, повидимому, условливало быстрое объединеніе страны; но это была только видимость. Въ Галліи, по видимому, было болѣе различія въ элементахъ народонаселенія, но эти элементы находились въ политическомъ смѣшеніи, въ сопрікосновеніи другъ съ другомъ, и потому быстро содѣйствовали образованію единой новой національности, тогда какъ народонаселеніе Германіи состояло изъ нѣсколькихъ большихъ племенъ, изъ которыхъ каждое съ незапамятныхъ поръ привыкло смотрѣть на себя, какъ на отдѣльный, самостоятельный народъ и враждебно относиться къ другимъ племе-

намъ. Германскія племена были сопоставлены другъ съ другомъ вслѣдствіе дѣятельности Карла Великаго; сознание единства было у нихъ крайне слабо, и усиленію этого сознанія препятствовало рѣзкое различіе въ племенномъ говорѣ, при отсутствіи образованности, при отсутствіи общаго литературнаго языка.

Господство частнаго союза въ формѣ закладничества или феодализма было на очереди и въ Германіи, какъ въ Галліи и другихъ странахъ, вслѣдствіе одинакихъ причинъ, вслѣдствіе тягостныхъ для бѣднаго народонаселенія требованій верховной власти и вслѣдствіе несостоятельности той же власти въ защитѣ слабого отъ притѣсненій сильнаго. Но понятно, что въ Германіи, и именно въ той ея части, которая болѣе сохранила первоначальный бытъ, которая еще недавно выставила такое упорное сопротивленіе франкскому завоеванію и введенію христіанства, въ Саксоніи установленіе феодальныхъ отношеній не могло произойти безъ сильнаго сопротивленія свободныхъ людей, хотѣвшихъ остаться свободными. Мы видѣли, что установленію феодальныхъ отношеній очень много способствовало стремленіе уцѣлѣть, припасть къ землѣ, избѣжать безпокойства далекихъ походовъ, стремленіе, въ которомъ высказалась естественная и необходимая реакція сильному движенію, сопровождавшему переселеніе народовъ и разложенію западной римской имперіи; мелкій землевладѣлецъ закладывался за ближайшаго крупнаго, чтобы избѣжать государственныхъ позывовъ къ дальнимъ походамъ; отсюда такое ограниченіе военной обязанности въ феодализмѣ, отсюда мелкость феодальныхъ войнъ; у насъ, въ Россіи, то же явленіе въ московскомъ государствѣ, то же стремленіе служилыхъ людей не разставаться съ своими землями, отбывать отъ военной службы, стремленіе, послѣдовавшее также за періодомъ сильнаго движенія дружинъ, безпрестанно перебѣгавшихъ съ своими князьями изъ области въ область. Но въ Саксоніи, въ этой украинѣ *восточнаго царства* (regnum orientale, какъ называютъ лѣтописцы Германію), вольные люди, не получившіе привычки къ военнымъ движеніямъ, неохотно входили въ феодальную зависимость отъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были чужіе люди, явившіеся въ ихъ страну вслѣдствіе франкскаго завоеванія; въ Саксоніи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было принудить свободныхъ людей отказаться отъ своей независимости, и они вспомнили о ней при первомъ удобномъ случаѣ. Во время усобицы между внуками Карла Великаго, старшій изъ нихъ, Лотарь, зная неудовольствіе саксонцевъ, принужденныхъ отказаться отъ своей независимости, и желая отвлечь ихъ отъ своего брата, Людвигъ германскаго, общалъ имъ возстановленіе прежняго быта. Недовольные образовали союзъ, подъ необъясненнымъ еще именемъ „стеллинга“ (stellinga), истребили или выгнали знатныхъ людей изъ страны. Но Лотарь оставилъ безъ помощи своихъ союзниковъ, и Людвигъ германскій нанесъ имъ страшное пораженіе. Пѣнные не получили милости: сто-сорокъ два изъ нихъ были обезглавлены, двѣнадцать повѣшаны; это различіе въ способѣ казни указываетъ, что первые были старе

свободные люди (фрилинги), принужденные къ закладничеству, ~~по-~~ слѣдніе же были прежніе закладники, меньшіе люди (*lassi*), низведенные потомъ до полной зависимости или рабства, и вошедшіе ~~кнѣзь~~ съ фрилингами въ стеллингу.

Попытка соединить всѣ владѣнія Карла Великаго подъ одною властью, попытка матеріальнаго соединенія въ то время, когда, по возрасту народовъ, было на очереди полное матеріальное разединеніе, и связь могла оставаться только въ области идей и въ области нравственной,—эта попытка, необходимо неудачная, также отозвалась на судьбѣхъ болѣзненнаго Карла Толстаго, бывшаго орудіемъ попытки. Германія, какъ восточное царство, украинна западнаго міра, не могла спокойно дожидаться кончины больного императора, обязаннаго проводить столько же времени на берегахъ Сены, какъ и на берегахъ Майна. Противъ Карла Толстаго поднялся герцогъ Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, сына Людвига германскаго. Германія стала за Арнульфа, и Карлъ долженъ былъ отказаться отъ верховной власти въ восточномъ царствѣ. Германія стала за Арнульфа, ибо незаконное происхожденіе въ глазахъ тогдашнихъ народовъ, еще не вполне христіанскихъ, не могло имѣть того значенія, какое получило впоследствии. (И у насъ, на Руси, кромѣ княжны Рогнѣды, никто не вспоминалъ о происхожденіи Владиміра Великаго отъ наложницы-рабы). Притомъ же, германцамъ предстоялъ выборъ между Арнульфомъ и побочнымъ же сыномъ Карла Толстаго, которому отецъ хотѣлъ доставить престолъ. Они должны были предпочесть Арнульфа, который, по личнымъ достоинствамъ, былъ способенъ управлять восточнымъ царствомъ, т. е. защищать Украину отъ враждебныхъ сосѣдей.

Въ этомъ восточномъ царствѣ, въ этой украинѣ уже обозначилось явленіе, замѣченное нами и въ Галліи, когда она была украиню: большая сила видна на востокѣ, на самомъ порубежѣ, гдѣ происходитъ постоянная борьба съ чуждымъ народомъ. Въ этой борьбѣ отличился и Арнульфъ, владѣлецъ порубежной страны на юго-востокѣ, Каринтіи. Франкская Галлія имѣла свою Австразію, гдѣ была ея главная сила; Германія будетъ имѣть свою восточную область, свою Австрію, которая будетъ долго сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Германіи, пока не усилится *северо-восточное* порубежье, марка бранденбургская. Постоянная борьба съ опасными сосѣдами необходимо возбуждала энергію въ народѣ германскомъ и ея правителяхъ; и не мудрено, потому что въ Германіи въ описываемое время мы видимъ больше крупной дѣятельности, больше подвиговъ, чѣмъ въ новорожденной Франціи и ветхой Италиі; въ челѣ германскаго народа мы видимъ людей болѣе крупныхъ, и не удивительно, что они, перенявши роль старыхъ знаменитыхъ украинцевъ, Карловинговъ австразійскихъ, одни въ состояніи удержать за собою власть надъ Римомъ и титулъ императорскій. Франція не мѣшаетъ имъ въ этомъ; у ней нѣтъ еще средствъ для крупной внѣшней дѣятельности; она довольствуется тѣмъ, что можетъ сохранить свою независимость отъ германскаго вла-

дѣльца, носящаго титулъ римскаго императора; Франція, освободившись отъ опаснаго украинскаго положенія, перенятаго Германією, имѣетъ возможность предаться процессу внутренняго развитія, что окажется для нея прочтѣе, выгоднѣе; тогда какъ Германія, выигрывая во внѣшнемъ, теряетъ во внутреннемъ.

При Арнульфѣ Германія освободилась отъ опасности со стороны славянъ, пытавшихся въ Моравіи образовать сильное самостоятельное государство, самостоятельное не въ одномъ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи, образовать среди западныхъ славянъ то, что послѣ могло образоваться только среди самыхъ отдаленныхъ, сѣверо-восточныхъ славянъ. И если Германія освободилась отъ опасности со стороны моравскихъ славянъ, и освободилась съ помощію венгровъ, то явилась новая опасность со стороны этой дикой орды, которая несоро усѣлась и успокоилась въ дунайской долигѣ. Особенно стали опасны венгры Германіи по смерти Арнульфа, при малолѣтнемъ сыгѣ его Людвигѣ, когда каждый годъ та или другая нѣмецкая область подвергалась ихъ опустошительнымъ набѣгамъ, однимъ словомъ, Германія испытывала теперь то, что послѣ перенявшая на себя значеніе европейской украины, Русь испытывала отъ печенѣговъ, половцевъ и татаръ. При такихъ значительно усиленныхъ ударахъ со стороны *позамалъ*, украинское народонаселеніе, истощивши всѣ средства борьбы, прибѣгаетъ обыкновенно къ покупкѣ отдыха. И король Людвигъ долженъ былъ платить ежегодную дань венграмъ. Этотъ Людвигъ, по прозванію Дитя, былъ послѣдній Каролингъ въ Германіи. Послѣ него и здѣсь, какъ во Франціи по прекращеніи Каролингской династіи, королевскій титулъ долженъ былъ перейти къ одному изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ областей; въ Германіи эти люди имѣли еще другое значеніе: здѣсь, каково бы ни было ихъ происхожденіе, они были начальниками, герцогами племенъ.

Выбранъ былъ Конрадъ франконскій, — и долженъ былъ вступить въ борьбу съ герцогомъ Генрихомъ саксонскимъ. Потомъ поднялся противъ короля герцогъ Арнульфъ баварскій; изгнанный Конрадомъ, онъ возвратился съ венграми, какъ изгнанные русскіе князья возвращались съ половцами. Царствованіе Конрада прошло во внутренней борьбѣ, и лѣтописцы говорятъ, что на смертномъ одрѣ онъ совѣтовалъ брату своему Эбергарду уступить престолъ Генриху саксонскому. Пусть это извѣстіе выдуманно лѣтописцами, писавшими при саксонской династіи; но современники не могли не признавать особенной силы, особенныхъ средствъ за этимъ сѣвернымъ порубежнымъ племенемъ и за его вождемъ, уже извѣстнымъ своею отвагою и вѣстѣ ловкостью, осторожностью. „Генрихъ непремѣнно добьется королевства, — говорилъ умирающій Конрадъ своему брату: — такъ лучше уступи ему его добровольно и приобрѣти его дружбу; а то будетъ бѣда франкскому народу и тебѣ съ нимъ“.

Преданіе говоритъ, что Генрихъ ловилъ птицъ въ то время, когда явился къ нему Эбергардъ франконскій съ предложеніемъ Конрадова

наслѣдства: отсюда и прозваніе Генриху „Птицеловъ“. Царствованіе этого Птицелова особенно для насъ замѣчательно, потому что, несмотря на сухость, краткость источниковъ, въ дѣятельности Генриха выукло обозначаются черты украинскаго владѣльца. Толпы венгровъ напали на Германію и прорвались въ предѣлы самой Саксоніи. Генрихъ засѣлъ съ своею дружиною въ одномъ замкѣ, у подножія Гарда, и не думалъ вступать въ битву съ врагами. Наконецъ, по счастливому случаю, одинъ изъ венгерскихъ вождей попался въ плѣнъ къ нѣмцамъ, которые привели его въ замокъ къ своему королю. Венгры предложили выкупъ за плѣнника, Генрихъ не соглашался; потомъ переговоры кончились тѣмъ, что Генрихъ согласился выпустить плѣнника и обязался платить ежегодную дань венграмъ, которые за это обязались девять лѣтъ не опустошать Саксоніи и Турингіи — только; остальные же части Германіи оставались открытыми для ихъ опустошеній. Нѣмецкіе историки, которые не находятъ словъ какъ бы сильнѣе заклеймить поведеніе западныхъ Каролинговъ, покупавшихъ золотомъ миръ у норманновъ, разумѣется съ трудомъ перевариваютъ это извѣстіе лѣтописца: для нихъ Генрихъ Птицеловъ герой, носившій въ головѣ цѣлую систему государственнаго строя; но для насъ Генрихъ просто умный, ловкій и энергическій украинскій владѣлецъ, воспользовавшійся счастливымъ случаемъ для заключенія девятилѣтняго перемирія и воспользовавшійся этимъ перемиріемъ для приобрѣтенія большихъ средствъ къ борьбѣ.

Однимъ изъ средствъ усиленія является у Генриха постройка городовъ. Страна обширная, дѣвственная, народонаселеніе живетъ разбросанно, особнякомъ, привыкло, любить жить такъ, жить просторно, свободно, у себя, не скучиваясь на небольшихъ пространствахъ, огороженныхъ стѣнами, на виду у чужихъ, въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ чужими. Но страна порубежная окружена врагами. Нападутъ враги, разрозненное народонаселеніе бросится въ разныя стороны, ища спасенія въ горахъ и лѣсахъ; но множество его захватывается врасплохъ въ жилищахъ или нагоняется во время бѣгства и становится добычею враговъ. Надобны средства, которыя бы избавляли отъ такой бѣды. И вотъ, какъ только являются начатки центральной власти въ странѣ, представители этой власти начинаютъ строить города, т. е. окружаютъ извѣстныя удобныя мѣста стѣнами, валами, рвами и, волею и неволею, сводятъ туда жителей; разумѣется, имъ выгоднѣе всего населять эти города людьми отважными, воинственными, *лучшими* людьми — по тогдашнему. Городъ, населенный такими людьми, удержать и отобѣть врага; кромѣ того, при слухѣ о неприятелѣ, окрестное народонаселеніе найдетъ въ стѣнахъ города безопасное убѣжище. Но при постройкѣ городовъ достигались не однѣ военныя цѣли: города въ мирное время стягивали къ себѣ окрестное народонаселеніе, становились правительственными центрами для власти свѣтской и церковной, и въ то же время центрами промышленными и торговыми. Въ Россіи, въ этой европейской украинѣ, первый князь, Рюрикъ, уже

начинаеть рубить города, ему подражаютъ почти всѣ его преемники, переселившіеся на югъ, гдѣ со стороны степей рубка городовъ была дѣло необходимое; новосрубленные города населяются лучшими людьми, за недостаткомъ своихъ — населяются плѣнниками. Переходить князь съ юго-запада на пустынный сѣверо-востокъ—первое его дѣло строеніе городовъ и сводъ въ нихъ народа отовсюду, и потомъ та же дѣятельность продолжается постоянно: русскіе города вырастаютъ незамѣтно въ пустыняхъ и по берегамъ нижней Волги и ея притоковъ, и за уральскими горами, вплоть до Восточнаго Океана. Зная хорошо значеніе этой дѣятельности правительствъ украинскихъ странъ, мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ извѣстія нѣмецкаго лѣтописца о дѣятельности Генриха Птицелова, какъ знаменитаго строителя городовъ, съ цѣлю безопасности государственной (*urbes ad salutem regni fabricavit*).

Для снабженія новыхъ городовъ жителями, Генрихъ употреблялъ и такой способъ: онъ бралъ изъ сельскаго народонаселенія девятаго человѣка въ новый городъ; этотъ девятый долженъ былъ держать въ городѣ наготовѣ дворъ, въ которомъ восемь человѣкъ, остававшихся для земледѣльческихъ работъ въ селѣ, могли найти убѣжище на случай непріятельскаго нашествія. Въ Россіи, гдѣ и въ XVII-мъ вѣкѣ, даже въ центральныхъ областяхъ, городъ удерживалъ это значеніе, какое онъ имѣлъ въ Германіи при Генрихѣ Птицеловѣ, т.-е. значеніе убѣжища для окрестнаго народонаселенія на случай непріятельскаго нашествія, въ Россіи такіе дворы въ городахъ имѣли особое названіе, сохранившееся въ памятникахъ: они назывались *осадными дворами*; помѣщикъ жилъ постоянно въ деревнѣ, но въ ближайшемъ городѣ имѣлъ *осадный* дворъ, куда переѣзжалъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Чтобы заставить разбрѣдшихся саксонцевъ тянуть къ городамъ, какъ правительственнымъ центрамъ, Генрихъ велѣлъ держать суды и устраивать всякаго рода собранія и торжества въ городахъ.

Любопытно извѣстіе о томъ, какъ Генрихъ населилъ городъ Мерзебургъ: онъ призвалъ вольныхъ, гулящихъ людей, разбойниковъ, далъ имъ землю и оружіе и запретилъ беспокоить своихъ нѣмцевъ, но позволилъ разбойничать на счетъ славянъ сколько угодно. Такъ образовался знаменитый мерзебургскій легіонъ, надѣлавшій много зла славянамъ. Здѣсь мы видимъ опять украинское явленіе. Пустынные порубежья всегда и вездѣ служатъ притономъ для людей сомнительной репутаціи, для людей, поссорившихся съ обществомъ и принужденныхъ оставить его; на пустынномъ порубежьѣ эти люди разминаютъ свое плечо богатырское, не щадя ни своихъ, ни чужихъ, пока, съ усиленіемъ мирной колонизаціи, государство мало-по-малу не прибереть степнаго рыцарства въ свои руки и не принудитъ его къ правильной службѣ себѣ. Извѣстно продолжительное и важное значеніе казачества на русскомъ порубежьѣ. Благодаря обилію источниковъ, это явленіе достаточно объяснено; но историкъ бываетъ особенно радъ, когда можетъ прошедшее явленіе объяснить настоящимъ, что даетъ яркое

освѣщеніе и наглядность дѣлу. Въ Сѣверной Америкѣ, между Соединенными Штатами, изъ которыхъ постоянно движется колонизація на западъ, и красновожими индійцами, находится пустыня, и въ этой пустынѣ, по общему закону, являются рыцари пустыни, люди, неужившіеся въ Европѣ, неужившіеся и въ Соединенныхъ Штатахъ, удалившіеся въ пустыню на западъ, и наводящіе ужасъ на пограничныхъ жителей, путешественниковъ и торговцевъ; но между рыцарями пустыни попадаютъ люди и не съ такою печальною славою, попадаютъ люди, бѣжавшіе въ пустыню по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, отъ преслѣдованія займодавцевъ; наконецъ, очень многіе между ними, принадлежатъ къ числу молодыхъ, горячихъ головъ, которымъ тѣсно въ цивилизованномъ обществѣ, и привольная, дикая жизнь въ пустынѣ пришлась больше по сердцу, именно люди, подобные нашимъ казакамъ-богатырямъ, которые шли въ дикое поле разминать свое плечо богатырское, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, по выраженію старыхъ пѣсенъ ¹⁾).

Такихъ-то „рыцарей пустыни“, водившихся въ порубежьѣ между германскимъ и славянскимъ міромъ, Генрихъ Птицеловъ употребилъ на службу первому противъ второго. Время отъ смерти Карла Великаго до Генриха Птицелова было для славянъ, относительно, временемъ отдыха. При Генрихѣ происходитъ усиленный напоръ нѣмцевъ на славянъ. Въ 928 году онъ ходилъ за Эльбу и примучилъ славянскія племена по рѣкамъ Гавелю и Шпре; потомъ обратился къ юго-востоку, основалъ здѣсь городъ Мейсенъ; въ то же время подчиненные Генриху саксонскіе графы примучивали сѣверныхъ славянъ между Эльбою и Одеромъ. Мы употребляемъ слово изъ древней русской лѣтописи: *примучивали*, потому что оно совершенно идетъ къ дѣлу; нѣмцы употребляли таковой способъ покоренія: взрослое мужское народонаселеніе истребляли, а женщинъ и дѣтей уводили въ плѣнъ. Нѣмцы въ этихъ войнахъ обязаны были своимъ успѣхомъ конницѣ, которой не было у славянъ. Генрихъ Птицеловъ усилилъ у себя конницу, видя, что безъ нея нельзя бороться съ венграми, которыхъ войско все состояло изъ конницы. Испытавъ счастье въ войнѣ съ славянами, онъ рѣшился, по прошествіи девятилѣтняго перемирія, вступить въ борьбу съ венграми. Но этотъ врагъ былъ такъ страшенъ, что, по свидѣтельству лѣтописца, Птицеловъ старался возбудить въ нѣмцахъ религиозное одушевленіе, чтобъ принудить ихъ къ борьбѣ съ венграми. „Мы все отдали венграмъ,—говорилъ онъ на сеймѣ: только церковныя сокровища остались нетронутыми. Долженъ ли я теперь коснуться и этого сокровища и отдать его врагамъ?“ Религиозное одушевленіе было возбуждено. Венгерскіе послы, пріѣхавшіе за деньгами, были отпущены съ пустыми руками. Вслѣдъ затѣмъ толпы венгровъ вторглись въ Турингію и положили ее пуста, поступаая точно также съ нѣмцами,

¹⁾ См. Курбскій, «Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора», гл. VII.

какъ тѣ поступали съ славянами: мужчинъ выше десятилѣтняго возраста всѣхъ убивали, женщинъ и дѣтей забирали въ плѣнъ. Но Генрихъ ждалъ венгровъ съ большимъ войскомъ, и заставилъ бѣжать. Нѣмцы перестали платить дань венграмъ.

1868—1876 г.

К О Н Е Ц Ъ .

The system is
and may be
the end of
many things
of the
can be
in the
and in

С П И С О К Ъ

СОЧИНЕНІЙ С. М. СОЛОВЬЕВА (1842—1879 гг.).

А. Книги:

1) *Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ*. 1 изданіе; Москва, Унив. тип., 1845 (202 стр. in 8°), 2 изд. исправленное, съ приложеніемъ статьи «О новгородскихъ грамотахъ»; сперва въ «Чтеніяхъ» Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, годъ второй: 1846—1847, книга I, потомъ отдѣльной книгой (162 стр. in-4).

2) *Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома*. Москва Унив. тип., 1847.

3) *Русская летопись для первоначальнаго чтенія*. Изданіе 1-е, Общества распространенія полезныхъ книгъ; Москва, 1866 (193 стр. in 8). Изданіе 2-е; Москва, 1872 (226 с. in-12). Сперва это сочиненіе было напечатано въ «Новой Библиотекѣ для воспитанія», изд. П. Г. Рѣдкимъ, за 1847 г., книга II, IV, V и VIII.

4) *Общедоступныя чтенія о Русской Исторіи*, съ картою Европы и рисункомъ памятника тысячелѣтія Россіи. Изданіе Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Москва, тип. Унив., 1874 года (341 стр. in 8). Изданіе 2-е (въ тип. Каткова)—1882 г.

5) *Учебная книга Русской Исторіи*. Изданіе 1-е Солдатенкова и Щепкина. Москва, тип. Грачева, 1859. Изданіе 2-е тамъ же, 1860. Изданіе 3 тамъ же, 1861. Изданіе 4 тамъ же, 1863. Изданіе 5 тамъ же, 1864. Изданіе 6 Глазунова, въ его же типографіи; СПб., 1866. Изданіе 7 тамъ же, 1877 (стр., in—8). Изданіе 8-е (въ тип. Каткова)—1880 г. Эта книга переведена на французскій языкъ подъ заглавіемъ: Solowieff, Histoire de Russie, traduite par la princesse Souvoroff. Paris, 1879; Dentu, 694 pag. in-8.

6) *Курсъ новой Исторіи*. Часть 1. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ; Москва 1869, (320 стр. in 12). Часть 2; Москва, 1869, (178 стр. in 8).

7) *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. 29 томовъ, по 1775 годъ). Томы 1—4 въ пяти изданіяхъ; томы 5—7 въ четырехъ изданіяхъ; томы 8—15 въ трехъ изданіяхъ; томы 16—23, 25 въ двухъ изданіяхъ; остальные въ одномъ. Москва и Спб., типографіи Универс., Готье, Грачева, Глазунова и Каткова, 1851—1882.

8) *Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ*. Москва, 1872 (стр. 134 in 4).

9) *Исторія паденія Польши*. Москва, 1863 года (369 стр. in 8). Переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Falles von Polen, von S. Solowjoff, ubersetzt von Spörer; Gotha, 1865».

10) *Императоръ Александръ Первой*. Политика — дипломатія. Спб. 1877, (560 стр. in 8).

Б. Статьи по методологии и философии истории:

- 1) *О преподавании истории* (въ газетѣ «Москва», передовая статья въ №№ 71 и 72 за 1868 годъ).
- 2) *Историческія письма*. 1—3, (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1853 годъ, т. XIV, № 5, стр. 5—28, т. XV, № 10, стр. 215—235; за 1859 г., т. XX, № 5, стр. 1—22).
- 3) *Прогрессъ и религія* (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1868 г., ч. СXXXIX, № 9, стр. 699—719).
- 4) *Древняя Россія*, (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 г., т. I, № 1, стр. 11—31).
- 5) *Начала Русской земли* (въ «Сборникѣ Государственныхъ знаній», т. IV въ 1877 г., стр. 1—18 и т. VII въ 1879 г., стр. 1—18).
- 6) *Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ* (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 г., т. VI, № 12, стр. 676—707; за 1869 г., т. VI, № 12, стр. 493—541; за 1871 г., т. I, № 1, стр. 76—99 и т. VI, № 12, стр. 738—760; за 1873 г., т. I, № 2, стр. 675—705; за 1874 г., т. II, № 4, стр. 457—482; за 1875 г., т. II, № 4, стр. 593—612; за 1876 г., т. III, № 5, стр. 153—171).

В. Статьи по историографии:

- 1) *Парижскій Университетъ*. Письмо изъ Праги отъ 23 июня 1843 г. (въ «Москвитянинѣ» за 1843 г., ч. IV, № 8, стр. 474—494).
- 2) *О продолженіи истории Татищева* (въ «Москвитянинѣ» за 1845 годъ, ч. V, № 10, стр. 164—176).
- 3) *Писатели Русской Истории XVIII вѣка*: Манкіевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Щербатовъ, Болтинъ, Эминъ, Елагинъ, митр. Платонъ. (Въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» изд. Н. В. Калачовымъ, книга II въ 1855 г., половина 1, отд. 3, стр. 3—82).
- 4) *Герардъ Фридрихъ Миллеръ* (Федоръ Ивановичъ Миллеръ). (Въ «Современникѣ» за 1854 г., т. XLVII, отд. 2, стр. 115—150).
- 5) *Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ* въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета», ч. II, стр. 543—551).
- 6) *Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій* тамъ же, (ч. I, стр. 383—403).
- 7) *Николай Михайловичъ Карамзинъ и его литературная дѣятельность*: «Исторія Государства Россійскаго» (въ «Отечественныхъ запискахъ» за 1853 г., т. XC, № 9, стр. 31—50; за 1854 г., т. XCII, № 2, стр. 125—140, т. XCIV, № 5, стр. 33—46; за 1855 г., т. XCIX, № 4, стр. 101—142, т. C, № 5, стр. 35—60; за 1856 г., т. CV, № 4, стр. 405—450).
- 8) *Августъ Людвигъ Шлецеръ* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 г., т. II, № 8, стр. 489—533).
- 9) *Шлецеръ и анти-историческое направленіе* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 г., т. VIII, № 8, стр. 341—480).

Г. Рѣчи:

- 1) *Благодарное воспоминаніе о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ* (въ книгѣ: «Историческая записка, рѣчи и отчетъ Императорскаго Московскаго Университета въ 1855 году 12 января» и въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за тотъ же годъ, ч. LXXXV, отд. 2, стр. 161—177).
- 2) *Тимогей Николаевичъ Грановскій*. Некрологъ: (въ книгѣ: «Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета въ 1856 году 12 января» и въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за тотъ же годъ, ч. LXXXIX, отд. 7, стр. 57—61).
- 3) *Рѣчь надъ гробомъ Петра Николаевича Кудрявцева* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 г., т. XIII, № 2, Совр. Лѣт., стр. 112—113).

4) *Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова*. Рѣчь въ день юбилея. (Въ брошюрѣ: «Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1766—1866 годовъ». М., 1866, стр. 5—18, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за тотъ же годъ, № 78).

5) *Историческія поминки по историкъ*. Рѣчь на юбилей Николая Михайловича Карамзина. (Въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1866—1867 годъ, № 3, отд. 2, стр. 173—184; въ «Московскихъ Вѣдом.» за 1866 г., № 254, и въ брошюрѣ: «Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ и любителей Россійской Словесности, 1 декабря 1866 года, въ день Карамзинскаго юбилея». М., 1867 г., стр. 1—12).

6) *Объ историческомъ движеніи русскаго населенія*. Публичное чтеніе по поводу Этнографической выставки въ Москвѣ въ 1867 году. (Въ «Русскомъ Инвалидѣ» за тотъ же годъ, № 103, и отдѣльною брошюрою изъ него, стр. 28 in-16, а также въ «Сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ», т. I, составляющемъ «Труды Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей Естествознанія въ Москвѣ», кн. 1, стр. 111—117).

7) *Рѣчь о дѣятельности Петра Великаго*, читанная на Университетскомъ актѣ 30 мая 1872 года (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ №№ 139—140 и при книгѣ: «Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ» стр. 119—134; переведена на сербскій языкъ въ томъ же году въ Бѣлградѣ подъ заглавіемъ: «Беседа говорела приликом двестагодишнѣ светковине Петру Великом у Москви»).

8) *Рѣчь при открытіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ* 1 ноября 1872 года, (въ брошюрѣ: «Положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ и рѣчи, произнесенныя при открытіи ихъ»; М. 1872 г., стр. 10—17, и въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1873 г., № 2).

9) *Воспоминаніе о Ломоносовѣ*. Рѣчь въ торжественномъ Собраніи Импер. Моск. Унив. 12 января 1877 года, произнесенная по случаю открытія памятника Ломоносову. (Въ «Отчетѣ» Моск. Унив. читанномъ въ тотъ же день).

Д. Статьи по русской Исторіи, писанныя въ связъ съ главнымъ трудомъ автора и отчасти вошедшія въ оный:

1) *Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно Восточныхъ, во времена языческія* (въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Н. В. Калачевымъ за 1850 г., кн. 1, стр. 1—54).

2) *О вліяніи природы русской государственной области на ея исторію* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1850 годъ, т. LXIX, отд. 2, стр. 2, 229—244).

3) *Географическія извѣстія о древней Россіи* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1853 г., т. LXXXVI, отд. 2, 87—126, т. LXXXVIII, отд. 2, стр. 39—54; за 1854 г., т. XCVI, отд. 2, стр. 1—22).

4) *О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси* (въ «Московскомъ учебномъ и литературномъ сборникѣ», т. I, за 1846 г., стр. 203—215).

5) *О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ* (въ учено-литературномъ сборникѣ «Комета», изд. въ 1851 г., Н. М. Щепкинымъ, стр. 233—255).

6) *Обзоръ событийъ русской исторіи при внукахъ Ярослава 1093—1125*. (Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1851 г., т. LXXIX, отд. 2, стр. 1—52).

7) *Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый* (въ «Библіотекѣ для воспитанія», изд. Д. А. Валуевымъ и П. Г. Рѣдеинымъ, за 1846 г., ч. VI, стр. 89—102).

8) *Даниилъ Романовичъ князь Галицкій* (въ «Современникѣ» за 1846 г., т. I, отд. 2, стр. 109—124).

9) *О правахъ и обычаяхъ государственнѣхъ въ древней Руси отъ времени Ярослава I до нашествія Мотилова* (въ «Чтеніяхъ» Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Унив., годъ I, 1841, № 2, отд. I, стр. 46—60).

10) *Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половини XIII вѣка* (тамъ же, годъ II; 1846—1847, № 6, отд. 1, стр. 1—18).

11) *Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго*, (въ сборникѣ: «Публичныя чтенія профессоръ Гейнмана, Руде, Соловьева, Грановскаго и Шевырева, читанныя въ 1861 году», и отдѣльною брошюрою въ 70 стр. in-8).

12) *Крестовоси и Литва* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1852 годъ, т. LXXXII, отд. 2, стр. 43 сл.).

13) *Псковъ и Ливонія* (въ «Московскомъ ученоемъ и литературномъ сборникѣ», т. III за 1852 г., стр. 247—315).

14) *Обзоръ дипломатическихъ сношеній Московскаго двора съ Литовскими во второй половинѣ XV вѣка* (въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1854 г., ч. LXXXII, № 4, отд. 2, стр. 43—77, и отдѣльною брошюрою въ 35 стр. in 8).

15) *О мстимичествѣ* (въ «Московскомъ ученоемъ и литературномъ сборникѣ», т. II за 1847 г., стр. 265—316).

16) *Братчины* (въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 годъ, кн. IV, отд. 5, стр. 108—117).

17) *Русская промышленность и торговля въ XVI вѣкѣ* (въ «Современникѣ» за 1857 г., т. LXI, № 1, стр. 1—12).

18) *Избраніе на польскій престолъ наследнаго принца Шведскаго Сигизмунда Ваза* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1852 г., т. V, № 17, стр. 5—35).

19) *Обзоръ событий русской исторіи отъ кончины царя Теодора Иоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ* (въ «Современникѣ» за 1848 г., т. VII, стр. 1—40, 59—88; т. VIII, стр. 1—26, 45—80; за 1849 г., т. XIII, стр. 1—36, 67—106; т. XIV, стр. 1—36; т. XVIII, стр. 31—57, 85—106; за 1851 г., т. XXIX, стр. 1—48).

20) *Обзоръ царствованія Михаила Теодоровича Романова* (въ «Современникѣ» за 1852 г., т. XXXI, отд. 2, стр. 1—70, 79—122).

21) *Острожковскіе и подмосковные переговоры, 1615—1617 годовъ* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1857 г., т. CXV, № 11; отд. 1 стр. 59—80).

22) *Русскіе исповѣдники просвѣщенія въ XVII вѣкѣ* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 г., т. XI, № 17, стр. 65—76).

23) *Русскій городъ въ XVII вѣкѣ* (въ «Современникѣ» за 1853 годъ, т. XXV, № 1, стр. 1—20).

24) *Московскіе купцы въ XVII вѣкѣ* (въ «Современникѣ» за 1858 годъ, т. LXXI, № 10, отд. 1, стр. 427—440, перепечатано въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1859 г., №№ 21—22 и въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ, №№ 46—47).

25) *Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1848 г., т. LXI, № 11, отд. 2, стр. 1—34, № 12, отд. 2, стр. 147—166; за 1849 годъ, т. LXII, № 2, отд. 2, стр. 215—270).

26) *Малороссійское козачество до Хмельницкаго* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1859 г., т. XXIII, № 18, стр. 177—196).

27) *Гетманъ Иванъ Выговскій* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1859 г., т. CXXXVII, № 11, стр. 43—64).

28) *Лазарь Барановичъ. Изъ исторіи южно-русской митрополіи* (въ «Православномъ Обзорѣннѣ» за 1862 г., т. VII, № 2, стр. 171—181).

29) *Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: а) Сто свадебъ въ Астрахани; б) Булавинъ и его возстаніе на Дону; в) Мазепа.* (Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1860 г., т. XXVIII, № 15, стр. 369—402; перепечатано въ «Журналѣ»

для Чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» за тотъ же годъ СЛ, № 599, стр. 217—275).

30) *Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ* (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1861 г. № 3, стр. 163—202).

31) *Письма Петра Великаго* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1861 г. XXXI, № 4, стр. 93—126; т. XXXII, № 5, стр. 1—53).

32) *Александръ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ* (въ «Русской Рѣчи» за 1861 г. № 4, 77 и 78).

33) *Политика Россіи во время войны за Австрійскую наслѣдство* (въ «Извѣстіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1867 г., ч. CXXXV, № 1, стр. 563—606, и отдѣльною брошюрой въ 45 стр. in 8).

34) *Семьдесятъ летъ началъ царствованія Екатерины II* (въ «Древней и Новой Россіи» за 1875 г., т. I, стр. 22—31).

35) *Рассказъ изъ русской исторіи XVIII вѣка: 1767 годъ*. (Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1861 г., т. XXXV, № 10, стр. 303—340).

36) *Москва въ 1770 и 1771 годахъ* (въ «Русской Старинѣ» за 1876 годъ т. XVII, № 10, стр. 189—204).

Е. Статьи по Русской и Всеобщей Исторіи, писанныя въ связи съ сочиненіями „Курсъ новой Исторіи“ — „Исторія паденія Польши“ и „Императоръ Александръ Первый“ или слухація продолженіемъ ихъ.

1) *Время Людовика XIV на западѣ, время Петра Великаго на Востокѣ Европы* (въ «Бесѣдѣ» за 1872 г., № 1, стр. 107—132, № 2, стр. 46—85, № 3, стр. 13—60, № 4, стр. 108—128, № 11, стр. 327—340, № 12, стр. 50—78). Срв. 2-ю часть «Курса Новой Исторіи».

2) *Французская политика въ Польшу 1768 и 1769 годовъ* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 г., т. XLVI, стр. 207—228).

3) *Сношенія Россіи съ Франціею въ 1789—1791 годахъ* (въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1865—1866 г., отд. 2, стр. 483—486).

4) *Европа въ концѣ XVIII вѣка* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 годъ, т. XXXIII, № 4, стр. 481—499, т. XXXIX, № 5, стр. 5—41, № 6, стр. 425—448, т. XLII, № 11, стр. 7—29; за 1863 годъ, т. XLIII, № 2, стр. 645—673, т. XLIV, № 3, стр. 5—30).

5) *Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I* (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1877 г., № 5, стр. 236—257, № 8, стр. 708—739, № 9, стр. 107—146, № 10, стр. 686—747 и № 11, стр. 268—313).

6) *Вильнскій конгрессъ* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1865 годъ, т. LV, № 1, стр. 375—438).

7) *Эпоха конгрессовъ* (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г., т. III, стр. 232—284, т. IV, стр. 210—254; за 1867 г. т. I, стр. 331—366, т. II, стр. 300—344, т. III, стр. 336—384, т. IV, стр. 111—117).

8) *Помо-ди-Борно и Франція* (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1879 г., т. II, № 3, стр. 82—102, т. III, № 5, стр. 252—273).

9) *Восточный вопросъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ* (въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 г., т. I, стр. 129—144).

10) *Восточный вопросъ въ 1827—1829 и.* (тамъ-же, т. III, стр. 105—119).

11) *Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 годовъ* (въ «Русской Старинѣ» за 1877 г., т. III, № 11, стр. 407—426).

Ж. Статьи критическаго и библиографическаго содержанія:

1) Рецензія на книгу *Юрія Венелина: «Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о Варяговъ»*. М. 1842 (въ «Москвитяинѣ» за 1842 г., ч. IV, № 8, стр. 396—399).

2) О сборникѣ *М. Максимовича*: «*Кіевлянинъ*» в. 1, на 1840 на 1841 г. (въ «*Москвитянинъ*» за 1844 г., ч. VI, № 12, стр. 51).

3) О «*Чтеніяхъ*» въ Императорскомъ Обществѣ исторіи і сійскихъ 1847 г., №№ 4 и 5 (въ «*Московскомъ Городскомъ*» № 10, 11 и 25).

4) *Обзоръ важнѣйшихъ изданій и сочиненій по Русіи въ 1846 году* (въ «*Московскомъ Городскомъ Листкѣ*» 31, 37, 38, 42, 59, 61 и 62).

5) *) Рецензія на сочиненіе еп. *Филарета* періодъ *Патріаршескій*: 1588—1720. Рига, 181 за 1847 г. т. XI, отд. 5, стр. 59—72).

6) Критическая статья *объ изданіяхъ Архива* пополненія къ Актамъ историческимъ, т. III; 6) Акты западной Россіи, т. II и III; в) Дополненія къ Актамъ кахъ; г) Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» 1849 г., т. XVI, отд. 5, стр. 1—32).

7) Рецензія на сочиненіе *М. П. Погодина*: «*Изслѣдованія лекціи о Русской Исторіи*. Т. IV: Періодъ удѣльный. М., 1850» въ «*Русскихъ Запискахъ*», за 1849 г., т. LXXV, отд. 5, стр. 1—32).

8) Нѣсколько словъ по поводу статьи *А. Н. Аванасьева*, «*Вѣдунья*» (въ *Московскихъ Вѣдом.* на 1851 г., № 60, стр. 529—530).

9) Рецензія на книгу: «*Дворцовые разряды*, т. I и II (1612—1645)». («*Московскія Вѣдомости*» за 1851 г., № 81, стр. 735—736).

10) Рецензія на изданіе: *Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами*. Томъ 2». («*Московскія Вѣдомости*» за 1852 г., № 72).

11) *О рецензіи Москвитянина* на книгу: «*Исторія Россіи*, соч. *Сергія Соловьева*, т. 1» (въ «*Москов. Вѣдомостяхъ*» за 1851 г. №№ 146 и 152; за 1852 г., №№ 13 и 17; безъ подписи автора).

12) Рецензія на книгу: «*Дворцовые разряды*. Т. III (съ 1645—1676 г.) Спб. 1853». (Тамъ же за 1853 г., № 111 стр. 1139—1141).

13) *Споръ о сельской общинѣ* (въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*», за 1856 г., т. VI, № 22, с. 285—304).

14) *Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ статьѣ: «Споръ о сельской общинѣ»* (тамъ же, за 1856 г., т. VI, № 24, *Соврем. лѣт.*, стр. 192—196).

15) *Восточная Европа въ XVII вѣкѣ*. По поводу изданій *Археографической Коммиссіи* и сочиненій еп. *Макарія*, *А. Н. Попова* и *С. Смирнова* (въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» за 1856 г., т. CIV, № 2, стр. 33—50, т. CIX, № 11, стр. 1—14).

16) Рецензія на: *Сказаніе о странствіи и путешествіи, по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Земли инока Парфенія*, постриженника святой горы *Афонскія* ч. I—IV. («*Русскій Вѣстникъ*», за 1856 г., т. III, № 9, *Соврем. лѣт.*, стр. 17—28).

17) *Нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу древнѣйшаго мѣстнаго дѣла* (въ «*Московскихъ Вѣдомостяхъ*» за 1857 г., № 53, стр. 239). По поводу брошюры *Коркунова*.

18) *Англія въ XVII вѣкѣ*. По поводу книги *Дж. А. Фруда*, (въ «*Атеней*» за 1858 г., ч. I, № 6, стр. 341—351, № 7, стр. 405—415).

19) Рецензія на книгу *Н. Устрялова*: «*Исторія царствованія Петра Великаго*». (Тамъ же, за 1858 г., т. IV, № 27, стр. 3—29, № 28, стр. 63—82).

*) Въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» за 1847—1851 годы *С. М. Соловьевъ* помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей о книгахъ, выходящихъ въ то время по русской исторіи, но безъ подписи своего имени. Намъ извѣстны, какъ принадлежащія ему, только упоминаемыя здѣсь подъ №№ 5, 6 и 7, хотя ихъ было гораздо болѣе.

- 20) *Рассужденіе*
 стомарова и др.
- 21) *Рассужденіе*
 «Русскомъ Вѣстникѣ».
- 22) *Исторія*
 Н. Костомарова . . .
 50, 57 и 76).
- 23) Рецензія въ «Вѣстникѣ» за 1864 г., № 1.
- 24) Забѣтка по поводу
 реи» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ»).
- 25) *Императорскіе ордена*
 данія: «Архивъ Государственнаго
 т. II, № 11, стр. 463—468».
- 26) *Византія въ Х вѣкѣ*
 Вѣстникѣ» за 1873 г., т. III.
- 27) Забѣчаніе на «Исторію
 ней и Новой Россіи» за 1876 г., т. I.
- 28) О книгѣ *Феликса Рокка*
 тическомъ Обзорѣніи» за 1879 г., т. I.

3. Сообщенія, замѣтки . . .

- 1) *О значеніи слова черный въ древности*
 о Черномъ борѣ Новгородскомъ. (Оборникъ
 свѣдѣній о Россіи и народахъ ей сдѣланныхъ
 Д. Валуевымъ.) М. 1845. Т. I, ч. I, стр. 281—282.
- 2) *Забѣчаніе о словѣ «Дума»* («Архивъ
 о Россіи» Калачева. М. 1855, кн. II, половина
 на 1854 г., № 32).
- 4) *Восточный вопросъ* (въ газетѣ «Москва» за 1855 г., № 10).
- 5) *Два хронологическіе вопроса изъ XVI в.* («Вѣстникъ
 Древностей Россійскихъ», М. 1855, кн. 21, отд. 1, стр. 1—2).
- 6) *О некоторыхъ рукописяхъ и рѣдкихъ печатныхъ
 еткозъ, относящихся къ исторіи Малороссіи*, (въ «Вѣстникѣ
 свяхъ» за 1858 г., т. I, № 9, стр. 272—279).
- 7) *Возмражденіе за ученый трудъ въ XVII в.* («Лѣтопись
 ратуры и Древности», изд. Н. С. Тихонравовымъ на 1859 г.,
 159—160).
- 8) *Письмо самозванца Тимошки Акиндинова къ дворянину*
 своему, пріѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ царя къ гетману
 ницкому въ 1650 г. (тамъ же, стр. 160—161).
- 9) *Самозванецъ Ивашко Клеопикъ (1671 г.)* («Архивъ историческ
 тическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» 1860 г., кн. 1, стр. 5—6).
- 10) *Монахъ Самуилъ. Страница изъ исторіи раскола* (въ «Православ
 Обзорѣніи» за 1860 г., т. II, № 7, стр. 332—338).
- 11) *Школа Посошкова* (въ «Библиографическихъ Запискахъ» т. III, за 1860 г.,
 № 5, ст. 129—131).
- 12) *Дѣло о профессорѣ Мельманнѣ* (въ «Чтеніяхъ» Общества Исторіи и Дре
 ностей за 1861 г., кн. IV, Смѣсь, стр. 199—200).
- 13) *Книги, приобритеніе которыхъ считалось нужнымъ въ Москвѣ XVII в.*
 (въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древностей», т. III, за 1861 г.: замѣтки
 о старинѣ и народности, стр. 34).
- 14) *Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Мацневичѣ* (въ газетѣ
 «День» за 1862 г., № 16, стр. 2—3).

- 15) *Письмо Ив. Ив. Шувалова къ кн. Гр. Гр. Орлоу* («Чтенія» Общества Исторіи и Древностей за 1862 г., кн. I; Спбсь, стр. 169—170).
- 16) *Репортъ гр. Миниха о Кадетскомъ корпусѣ 1733 г.* (тамъ же, Спбсь, стр. 172).
- 17) *Сказка о Петрѣ Великомъ* (тамъ же, кн. IV, Спбсь, стр. 2).
- 18) *Письма А. П. Волынскаго къ царицѣ Екатеринѣ Алексеевнѣ* (тамъ же, стр. 8—10).
- 19) *Еще замѣтка о Наполеонѣ I и Полминѣ* (въ «Моск. Вѣдомостяхъ» за 1863 г., № 39).
- 20) *Общинное дѣло въ XVII столѣтіи* (въ «Петербургск. Вѣдом.» за 1843 г., № 5, стр. 23—24).
- 21) *Для біографіи герцога Бирона*. Письма его къ кн. А. А. Черкасскому и гр. А. П. Бестужеву-Рюмину (въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 г., стр. 469—673).
- 22) *Замѣтки о самозванствѣ въ Россіи и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII вѣка* (въ «Русскомъ Архивѣ» за 1868 г., стр. 265—281).
- 23) *Письма Г. П. Теплова (1777 г.)* (въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г., № 2, стр. 216—260).
- 24) *Изъ донесенія кн. Прозоровскаго Императрицѣ Екатеринѣ II о масонахъ* (въ сборникѣ, изд. П. И. Бартевемъ: «Осьмнадцатый вѣкъ», кн. II, стр. 376).
- 25) *Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія*: 1) Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.; 2) Записка Бестужева объ его ссорѣ съ Тепловымъ. (Тамъ же, кн. IV, стр. 87—94).
- 26) *Замѣтки о дѣятельности Митрополита Гавріила (Петрова) по вопросу о расколѣ* (въ «Православномъ Обзорѣніи» за 1875 г., № 11, стр. 430—434).
- 27) *Распоряженіе Сената относительно писемъ и бумагъ Петра Великаго 1 іюля 1751 г., по донесенію Крещина* («Русскій Архивъ» 1873 г., № 2, стр. 776—779).
- 28) *Заботы Сената о чистотѣ Русскаго языка въ XVIII столѣтіи (1750—1756)* (въ «Русской Старинѣ» за 1873 г., № 6, стр. 859—860).
- 29) *Два письма Д. В. Волкову къ Гр. Гр. Орлоу* (въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г., кн. II, стр. 336—346).
- 30) *Диспутъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1769 году* (тамъ же за 1875 г., кн. III, № 11, стр. 312—313).
- 31) *У страха глаза велики* (въ сборникѣ «Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины», стр. 181—182). †
- 32) *Къ біографіи Кирилла Флоринскаго епископа Спскаго*. Донесеніе гр. Чернышева изъ Парижа, отъ 31 августа 1760 года (въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. I, № 3, стр. 675).
- 33) *Изъ письма гр. Нессельроде къ барону Тюлю въ Римѣ (1816) касательно соединенія церквей* (въ «Русскомъ Архивѣ» за 1879 г., № 2, стр. 255).

100658

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. Начала русской земли	5
2. Древняя Россія	35
3. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Рос- сїи до Петра Великаго (публичныя чтенія)	51
4. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ	88
5. Историческія письма	226
6. Прогрессъ и религія	276
7. Восточный вопросъ (3 статьи)	294
8. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ:	
а) Часть первая	339
б) Часть вторая	448
9. Факсимиле	
10. Списокъ сочиненій (1842—1879 гг.)	529

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. О. ВОЛЬФА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Слободный дворъ № 18.

(22)

Stack = 49
5
.S6

DK 5 .S6
Sochineniia.

C.1

Stanford University Libraries

3 6105 037 063 968

DATE DUE

--	--

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA

94305

